

РУССКОЕ СЛОВО.

V.

2909.
РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ—БЕЗБОРОДКО.

1861.

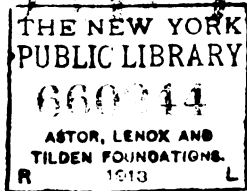

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 мая 1861 года.

Цензоры: *Е. Волковъ.*
Ө. Веселаяю.

Редакція Русскаго Слова покорнѣйше просить Гг. подписавшихся по разсрочкѣ озаботиться своевременнымъ доставленіемъ слѣдующихъ за треть денегъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

- Неожиданное богатство. А. П. КОБЯКОВОЙ.
Два неизданные стихотворенія А. С. ПУШКИНА.
Характеръ и политическое состоянiе германской на-
родности. Э. РЕКЛЮ.
** (стихотворенiе) ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО.
Воспоминанiя о Шевченкѣ. А. С. ЧУЖБИНСКАГО.
Афинской дѣвушкѣ (стихотв.) изъ Байрона. Л. А. МЕЯ.
Подъячій Докучинъ. Г. В. ЕСИПОВА.
Степная охота (разказы) П. Б—ЦА.
** (стихотворенiе) Я. П. ПОЛОНСКАГО.

ОТДѢЛЪ II.

- ПОЛИТИКА.** Обзоръ современныхъ событiй. Г. Б. . . . 4
(Идея прогресса; значенiе и примѣненiе ея къ современному состоянiю Евро-
пы; стремленiе къ уравнинiю общественныхъ силъ и дѣятельности; Австрія
и Венгрія; смерть Телеки и послѣдняя мысль его о судьбѣ мадьярской земли;
сирійскій вопросъ по отношенiю къ Турціи и англо-французской политикѣ).
Письмо изъ Парижа. ЖАКА ЛЕФРЕНЬ 18
Брошюра герцога д'Омальскаго; событiя въ Италіи и въ Америкѣ; Пальмер-
стонъ и Джонъ Россель передъ общественнымъ мнѣнiемъ Европы.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. 1) Пѣсни, собранныя П. Н.
Рыбниковымъ, Москва. 1861. 2) Сборникъ русскихъ
народныхъ пѣсень и пословицъ для юношества.
С.-Петербургъ, 1861. В. К—АГО. 4

Схоластика XIX вѣка. Д. И. ПИСАРЕВА	44
Старый порядокъ и революція. А. Токвиля. Пер. И. Кондырева. С.—Петербургъ. 1861. Г. Б.	

Иностранная литература. Документы и подлинныя бумаги, оставленныя Даниломъ Манини, съ примѣчаніями Планъ-де-ла-Фей (окончаніе). В. П. ПОПОВА. 1	
Ремесленница (L'ouvrière, par Jules Simon, Paris. 1861.) Э. РЕКЛЮ.	28

ОТДѢЛЪ III.

Современная лѣтонисъ. А. Т—РОВА	1
Смѣсь. Одно изъ средствъ австрійской политики. С. Н. ПАЛАУЗОВА	

Фѣльетонъ (дневникъ темнаго человѣка).

(Элегантные публицисты съ молчалинской закваской.—Услужливые друзья Кн. Вяземскаго.—Слово М. П. Погодина и тризна Бѣлинскому.—Русская женщина предъ лицомъ московскаго Олимпа и обличительная литература предъ лицомъ петербургскихъ публицистовъ.—Аскоченскій—жаждущій протестовъ для своей популярности.—Неудачный дебютъ «юнаго топтателя» въ дѣлѣ обличенія и печатное самоотреченіе Кн. Оболенскаго.—Общество, отлучающее дворянина отъ дворянскаго сословія и шефъ, бунтующій на выборахъ.—Что такое казенныя тяжести?—Весна и весеннія пѣсни.—Еще новый поэтъ.—Разныя новости.

Шахматный листокъ (за апрѣль) В. М. МИХАЙЛОВА.

✓ Въ приложеніи: Монте-Бени, романъ Натаніеля Готорна (пер. съ англійскаго.)

НЕОЖИДАННОЕ БОГАТСТВО.

I.

Въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней, по одной изъ столбовыхъ дорогъ, верстахъ въ десяти отъ города, шелъ невзрачный старичишка, тяжело опираясь на палку; длинная нанковая его сибирка отъ долговременнаго употребленія изъ темнозеленой превратилась въ желтобурую; на шерстяномъ кушакѣ, опоясанномъ поверхъ сибирки, съ одного бока висѣли сапоги, между тѣмъ какъ ноги пѣшехода обуты были въ лапти. Черезъ плечо на спинѣ висѣлъ холщевой мѣшечекъ. Лице старика съ слѣповатыми и слезящимися глазами, было дряблѣе, сморщенное и потертое точно такъ же, какъ и его сибирка, и оканчивалось сѣдой рѣдкою клинообразною бородою. Изъ подъ суконнаго замасленнаго картуза, выползалъ на спину сѣдой тощій пучекъ, претендующій на названіе косы, который и изобличалъ въ путникѣ дьячка.

Несмотря на то, что по обѣимъ сторонамъ дороги густолиственныя березы давали тѣнь и прохладу, покачивая своими кудрявыми верхушками, крупный потъ обливалъ пѣшехода. Онъ безпрестанно останавливался, то утирая себѣ лицо, какою-то грязною тряпкою, которую держалъ въ рукавѣ, то поправляя висѣвшіе сапоги, или подтягивая мѣшокъ. Словомъ, во всѣхъ движеніяхъ старика замѣтна была большая усталость и, казалось, онъ останавливался скорѣй для

того, чтобъ перевести духъ, чѣмъ поправить чтонибудь. Порою онъ спотыкался, съ досадою отбрасывалъ палкою хворостину или вѣтку, преграждавшую ему дорогу и дребезжащимъ голосомъ проговаривалъ бранное слово.

Наконецъ старикъ остановился, стукнулъ сердито палкою о землю и смотря на свои ноги сказалъ:

Нейдете, окаянные, нейдете! а много ли отошли-то... А? Не за что вамъ и отдыха-то дать. При этомъ онъ сдѣлалъ еще шаговъ десять, но далѣе идти не могъ и остановился.

Да,—продолжалъ онъ спокойнѣе, бранись—не бранись, а дѣлать нечего, отдохнуть надобно. Постой-ка попробую, разуюсь, ишь лаптищи то тяжелы, авось босому-то легче идти,—и тяжело опустившись на землю, старикъ досталъ изъ-за пазухи берестяную тавлинку, съ наслажденіемъ втянулъ въ себя за-разъ два приѣма, крикнулъ и, спрятавъ опять табакерку, не торопясь принялся разуваться.

Эка, Господи! подумаешь, вотъ она и старость-не-радость пришла, охо-хо! говорилъ онъ самъ съ собою, прилаживая лапти къ кушаку по сосѣдству съ сапогами — да, а было времечко, по семидесяти верстъ въ сутки улепетывалъ, бывало, какъ на *вакацію* отпустить, идешь себѣ да пѣсни по нотамъ распѣваешь... да, было времечко, да прошло.... Эхъ, ты доля моя горемычная! старость да скудость послѣднія силы отняли... хотя и учать скудость почитать матерію, однако... да что это въ самомъ дѣлѣ, хоть бы подѣхалъ ктонибудь, и подвезъ до города мое грѣшное тѣло, примолвилъ бѣднякъ, тяжело вздохнувъ, и сталъ посматривать то въ ту, то въ другую сторону вдоль дороги. Но никого не было видно, кромѣ старухи нищей, идущей по другой окраинѣ дороги, съ кузовкомъ за плечами, да пастуха появившагося на небольшой полянѣ, виднѣвшейся сквозь деревья, который, хлопнувъ рѣзко своей плетью, опять скрылся въ кустарникѣ.

Во-на, пастухъ стадо собираетъ и солнышко садится на покой — заговорилъ опять нашъ путникъ, смотря изъ подъ руки на солнце опускающееся за лѣсъ — и тебѣ, Майскій, пора въ дорогу, отдохнулъ, шабашъ! Съ послѣднимъ словомъ старикъ опять понюхалъ табаку, крикнулъ, всталъ и побрелъ

медленно, опираясь на палку. Вскорѣ онъ услышалъ позади себя лошадиный топотъ, остановился и ждалъ, стараясь разсмотрѣть, кто ѣхалъ. Телѣга, запряженная парюю, въ облакѣ пыли поровнялась съ нимъ; пѣшеходъ нашъ хотѣлъ уже Христомъ-Богомъ умолять проѣзжаго, чтобъ его посадилъ, какъ вдругъ проѣзжій самъ, сдерживая лошадей, вскричалъ звонкимъ теноромъ:

— Миръ дорогою!

— Спасибо на добромъ словѣ — отвѣчалъ старый дьячекъ, кланяясь и подходя поспѣшно.

Куда тебя Господь несетъ, Васьянъ Яковличъ? Поди чай въ городъ, къ дѣтямъ!

— Да, въ городъ къ дѣтямъ — отвѣчалъ Васьянъ Яковличъ, смотря изъ подъ руки на проѣзжаго.

— Что глядишь, небось не узналъ? спросилъ послѣдній.

— Не узналъ, добрый человекъ, глаза плохи стали.

— Поди поближе, авось узнаешь, — да садись-ка со мною, я тебя подвезу въ городъ.

— А! Сократъ Прохорычъ! Совсѣмъ я тебя, братъ, не узналъ, вскричалъ Яковличъ, а тебя куда святые несутъ?

— Тоже въ городъ, — отвѣчалъ Сократъ Прохорычъ. — Садись ка, садись, Богъ съ тобою.

— Спасибо, благодѣтель! А ужъ я... хоть на *карачкахъ* ползи, нейдутъ ноги, да и шабашъ, говорилъ Майскій, каракаясь на телѣгу, ну вотъ и слава Богу, и спасибо, посадилъ старика, добрый человекъ, — прибавилъ онъ, радостно потирая руки, когда лошади тронулись и побѣжали легкою рысью.

Сократъ Прохоровичъ, посадившій стараго дьячка, былъ не кто иной, какъ тоже дьячекъ, когда-то служившій вмѣстѣ съ Яковlichemъ въ одномъ селѣ; но уже давно перешедшій въ другое. Прохорычъ былъ еще не старъ, высокій и рыжій, съ густою косою, связанною на затылкѣ, и съ выбритою бородою, говорившій всегда самымъ высокимъ теноромъ, и старавшійся изъ всѣхъ силъ пѣть на клиросѣ басомъ. Теперь на Прохорычѣ поверхъ рубашки былъ надѣтъ какой-то очень мудреный костюмъ, — что то среднее между камзолемъ и бабьей тѣлогрѣей, пуховая высокая шляпа съ помятыми полями довершала его нарядъ.

*

Лошади бѣжали бойко. Дѣячки нѣсколько минутъ молчали.

— Что у васъ новаго въ Захарьинѣ? спросилъ Сократъ, первый прервавъ молчаніе.

— Ничего покуда, старое по старому.

— Сторожишь?

— Да, путаемся съ Дѣмкою помаленьку, парень ловкій, хоть и нѣмой, только одна съ нимъ бѣда, одинъ въ сторожкѣ ни за что не ночуетъ, и церкви одинъ ночью не обойдетъ, на погостъ вечеромъ носу не покажетъ, до-смерти покойниковъ боится... Я, какъ пошелъ въ путь, такъ Аванасья лысаго просилъ, чтобъ ходилъ ночевать къ Дѣмкѣ въ сторожку, а то и—и, бѣда, парень съ ума рехнется.

— Какъ ужъ это вы съ нѣмымъ то толкуете, удивляюсь я, право, замѣтилъ Прохорычъ.

Э, ничего, вѣдь онъ все слышитъ; онъ, Сократъ Прохорычъ, на десятомъ году языка лишился отъ испугу, а слухъ то Богъ сохранилъ.

— Такъ.

Опять помолчали. Майскій досталъ свою тавлинку и поподчивалъ товарища.

— Не нюхаю, отвѣчалъ Прохорычъ.

— А я употребляю, отъ глазъ, проговорилъ старый дѣчекъ, протирая глаза отъ заслѣпившей ихъ пыли. Ну, вы то какъ поживаете? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Потихонечку, ничего. Вотъ, думаю, въ городѣ эту сивую то продать, — отвѣчалъ соименникъ древняго мудреца, показывая кнутомъ на пристяжную, — лошадь-то хорошая, и жалко бы разстаться, да что дѣлать — нуждишка есть, — новую избу хочется осенью снарядить.

— Доброе дѣло, помогай Богъ.

— Да ужъ и ребятъ кстати взять, — продолжалъ Прохорычъ.

— Такъ, такъ, вотъ ужъ и *вакація* подоспѣла. Охъ, бывало, ждешь не дождешься... А сколько ихъ у тебя, ребятъ-то.

— Ну ихъ, много! отвѣтилъ махнувъ рукою Прохорычъ, три сынишка въ училищѣ да мальчишка съ двумя дѣвчен-

ками дома, да къ Успенью седьмаго ожидаю, Богъ дастъ! Какъ гдѣ они, Васьянъ Яковличъ, поведутся, такъ словно грибы въ дождливое лѣто.

— Благословеніе Божіе надъ твоимъ домомъ, Сократъ Прохорычъ; сказано: «раститесь и множитесь, и наслѣдите землю.»

Много ужъ лишнихъ... Вѣдь ты самъ знаешь, каково при нашихъ средствахъ воспитать такую араву. Покуда учатся, сыновья отцу не помощники, кончатъ курсъ мѣсть нѣтъ, года два, три шляются—а тутъ смотришь, пожалуй, и съ ними бѣда нежданная на твою голову придетъ: набалууетъ который что нибудь, аль ученья Богъ не откроетъ, вотъ и на шейникъ отцу.... исключать,—и вой съ нимъ волкомъ. Дѣвки тоже, я тебѣ скажу, обуза, подростутъ, приданое готовь, деньги нужны. А гдѣ ихъ накопить, коли прихожане печенымъ хлѣбомъ да пирогами отдѣлываются. Возлагай все унованіе на урожай, а урожай—то весь своя семья съѣстъ, ну и сдавай зятю свое мѣсто; иногда нашъ братъ и плачетъ, да за мужика дочь выдаетъ, по-крайности мужикъ денегъ не спрашиваетъ, ему нужна работница. А тутъ, смотришь, старость придетъ, силы ослабѣютъ, нужда... Да что я толкую съ тобою объ эвтомъ, самъ ты лучше меня долженъ понимать; не такъ ли, старинушка, а?—Отецъ многочисленнаго семейства хлопнулъ спутника по плечу и, не дожидаясь отвѣта, нахлобучилъ шляпу на глаза, описалъ нѣскольکو круговъ кнотомъ въ воздухѣ и пустилъ лошадей вскачь, какъ будто желая быстрою ѣздой разсѣять грустныя мысли внезапно его посѣтившія.

— Охъ, что и говорить,—какъ мнѣ нужды не знать—проговорилъ Майскій, когда уже лошади пошли ровнѣе, и тряска сдѣлалась менѣе. Но видя, что спутникъ молчитъ, онъ принялся внимательно глядѣть на пристяжную.

— Однако ничего, лошадка хорошая... ишь какъ бѣжить—замѣтилъ онъ.

— Я тебѣ безъ хвастовства говорю, что лошадь свояская, безпюрочвая, заговорилъ хозяинъ оживленно,—кто купить, не на вѣтеръ деньги бросить, будетъ доволенъ.

— А что ты просишь за нее?

— Скажу безобидно, Васьянь Яковличъ, сотнягу (асигнаціями) съ хвостикомъ надобно взять.

— Хмъ! дорогонько!

— За-то золото—не лошадь, пятьдесятъ верстъ не корма бѣжить.

— Еслибъ подешевле, я бы пожалуй покупателя тебѣ на нее нашель.

— Ищи ты только покупателя, а тамъ посмотримъ,—можно и уступить.

— Покупатель у меня недалеко, можетъ мой Иванко купить.

— А! вотъ и вправду! воскликнулъ Прохорычъ; ну, что? извозничаетъ твой Иванъ Вассіянычъ?

— Ничего, извозничаетъ... теперъ пару завель, работни-ка держить.

— Женатъ?

— Какъ же, ужъ четверо ребятъ.

— Ну, скажи ты мнѣ по душѣ, Васьянь Яковличъ, дѣло прошлое,—за что у тебя Ванюшу—то изъ семинаріи выгнали?

— Да какъ тебѣ сказать—то, Сократъ Прохорычъ, конечно дѣло прошлое, хоть онъ сынъ мой, а умъ у него свой; лѣнивъ больно что ли былъ, али таланта Богъ не далъ къ ученью, кто его знаетъ, дурно учился, ну, и исключили.. Было—таки, у меня съ нимъ хлопотъ какъ и въ мѣщане—то его приписывалъ.

— Ну, а теперъ помогаетъ—ли онъ тебѣ хоть сколько нибудь? любопытствовалъ Прохорычъ.

— И! Богъ съ нимъ, какая помощь, отвѣчалъ старикъ со вздохомъ, хоть Васютку—та кормить, и то спасибо ему.

— Ну, а Вася хорошо идетъ?

— Ничего, слава Богу. Въ философіи уже.

— Дай Богъ! Ты слышалъ, Васьянь Яковличъ, въ Горкахъ дьячекъ—то Филистимскій померъ. Ты чай зналъ его?

— Ахти, неужели! зналъ, зналъ, какъ не знать, какой дородный былъ. Ухъ ты, Господи! какое дерево свалилось! Да онъ никакъ съ мѣсяцъ у нашего отца Тихона былъ, святя быди вѣдь межъ собою—то.

— Померь, да вѣдь вдругъ въ одночасье, вотъ дѣло то какое, да! вчера три недѣли минуло, какъ померь, троихъ дѣтей оставилъ.

— Господи ты Боже мой, правда что дума за горами, а смерть за плечами.

— Старшая дочь невѣста... продолжалъ Сократъ, — дьячиха хочетъ къ ней жениха просить, на мѣсто покойника.

Такъ! — произнесъ Яковличъ и замолчалъ, приложивъ палець ко лбу, словно внезапная мысль мелькнула въ его головѣ.

Помолчавъ нѣсколько минутъ и прокашлявшись нѣсколько разъ, старикъ обратился къ товарищу.

— А не слышно эдакъ, еще дьячиха ни за кого не подала дочь-та?

— Не слыхать... Говорятъ что уже три жениха приходили, только слышь голоса плохи, выбираютъ, приходъ богатый, князь Ермошкинъ прихожь, а нынче онъ въ деревнѣ живетъ.

— Конечно богатый приходъ, женихъ хорошій пойдетъ къ этой невѣстѣ... А послушай ка, другъ любезный, какъ ты мнѣ посоветуешь, не сунуться-ли мнѣ туда съ своимъ Васюткою, а?—Яковличъ пристально глядѣлъ въ лице Прохорыча и ждалъ отвѣта.

— Хмъ! произнесъ послѣдній.

— Посвататься, переговорить съ дьячихою, можетъ Васютку то моего и приняли бы, голосъ у него, ничего, чистый теноръ и современемъ еще выправится. Что ты на это скажешь, Сократъ Прохоровичъ?

— Что сказать то, попробуй, коль желаніе есть, только что это тебѣ вздумалось? говоришь самъ, что Вася учится хорошо, можетъ способности имѣть, кончитъ курсъ и священническое мѣсто найдетъ... сказалъ, помахивая кнутомъ Прохорычъ.

● — Оно бы такъ по настоящему, заговорилъ Майскій, почесавъ за ухомъ, — да самъ ты посуди, еще три года тянуть осталось, легко сказать, онъ на братниномъ хлѣбѣ живетъ, можетъ братъ иной разъ и серчаетъ, говорятъ *одинъ и у кашки не споря*, у Ивана теперь своя семья,

а отъ меня Васюткѣ то взять все равно, что отъ козла молока. А Горки знаемъ мы, — въ Горкахъ дьяческое мѣсто лучше другаго-поповскаго.

— Правда твоя, Васьянъ Яковличъ. Однако дьячекъ все-таки какъ есть дьячекъ.

— Что дѣлать то... не такъ живи какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велить! былъ бы только хлѣбъ *не ожурѣной*, мало-ли что, батинька, я самъ не хуже Васютки былъ, въ попы тоже мѣтилъ, а какъ бывало разнымъ мечтамъ предашься, и чего, чего въ голову не лѣзетъ, протопопство даже грезилося, да вотъ привела судьба дьячкомъ быть, да въ добавокъ еще и отставнымъ, безъ голоса никуда не годенъ сталъ... Эхъ-ма!.. Яковличъ махнулъ рукою и принялся нюхать табакъ.

Прислушавшись къ его послѣднимъ словамъ, Сократъ улыбнулся. Онъ очень хорошо зналъ, что Майскаго оставили не за потерю голоса, какъ онъ самъ всѣмъ говорилъ, а за какія-то кляузы и частію за чарочку.

— Можетъ сынъ-то не согласенъ въ дьячки — замѣтилъ Прохорычъ.

— Легкое дѣло! не согласенъ! Не тѣ времена нонича, Сократъ Прохоровичъ, чтобъ много разбирать, надобно по-пробовать, авось Богъ дастъ, послѣ Успенья можно и свадьбу сыграть, Василью годы выйдутъ....

— Попробуй, сказалъ Прохорычъ, въѣзжая на пригорокъ, съ котораго путники наши увидѣли городъ какъ на блюдечкѣ. Во-на, показался; теперь въ этой хламидѣ не ладно въ городъ ѣхать.... гдѣ тутъ приличное-то мое одѣяніе, прибавилъ онъ, остановивъ лошадей и отыскивая мѣшокъ на днѣ телѣги. Изъ мѣшка Сократъ Прохорычъ вынулъ суконную жилетку и длинный сѣрый нанковый сюртукъ, и черезъ минуту замѣнилъ ими свою тѣлогрѣю, отеръ пыль съ лица и пригладилъ волосы. Между тѣмъ Яковличъ обулся.

Черезъ нѣсколько минутъ пріятели наши были уже въ городѣ на одной изъ многолюдныхъ улицъ. Сократъ остановилъ своихъ коней у одного небольшого каменнаго дома самой грязной наружности, возлѣ воротъ котораго сидѣло

нѣсколько человѣкъ ямщиковъ, а подъ навѣсомъ крытаго двора стояло нѣсколько распряженныхъ троекъ.

— Ну вотъ и спасибо, ну вотъ и покорно благодарю, — говорилъ Майскій, слѣзая съ телѣги, — одолжилъ Сократъ Прохоровичъ, спасибо!...

— Ну, полно, Васьянъ Яковличъ.... Что-жь такое, вѣдь по дорогѣ.... Да напомни Ивану-то Васьянычу про мою лошадку, — сказалъ Прохорычъ, отвѣчая на поклонъ старика.

— Безпремѣнно.... Прощенья просимъ:

Яковличъ пошелъ на дворъ, а его спутникъ, подхлестнувъ коренную, поѣхалъ на квартиру своихъ ребятъ.

II.

Въ домѣ, возлѣ котораго разстался съ своимъ пріятелемъ старикъ Майскій, находилась квартира его сына. Это была просторная изба въ нижнемъ этажѣ, какую можно встрѣтить на каждомъ постояломъ дворѣ, для ночлега мужиковъ. Та же огромная русская печь съ палатами, тѣ же широкія лавки кругомъ стѣнъ, и такой же большой чисто выскобленный столъ въ переднемъ углу. На одномъ изъ оконъ торчалъ горшокъ съ давно засохшей геранью, на другомъ стояла четвертная бутылъ съ квасомъ и корзина съ печенымъ хлѣбомъ; третье окно, выходившее на дворъ и смотрѣвшее въ стѣну сарая, было завалено какими-то невзрачными книжками и исписанными тетрадами. Вдоль избы шла досчатая перегородка, заклѣнная на щеляхъ полосками изъ синей сахарной бумаги; кромѣ того, на ней красовались изображенія Оомы и Еремы сказочныхъ геросвъ, образецъ русскаго упрямства, и голландскаго лекаря, чуднаго аптекаря, въ колпакѣ и башмакахъ съ раздувательными мѣхами, печами и котлами, и со всѣми препаратами волшебнаго искусства, возвращающаго старухамъ молодость и красоту — и

еще нѣсколько другихъ въ этомъ родѣ образчиковъ русскаго народнаго юмора.

На другой день своего прїѣзда, часу въ двѣнадцатомъ утра, Васьянъ Яковлевичъ въ полосатой жилеткѣ, сидѣлъ на лавкѣ и вдѣвъ на носъ очки съ круглыми стеклами, усердно починивалъ свою желто-бурую сибирку, которая вчера при слѣзаніи съ телѣги дала подъ мышками порядочныя трещины. У боковаго окна бѣлокурый молодой человѣкъ что-то усердно писалъ, не обращая вниманія на то, что вокругъ него происходило. На немъ былъ съ продранными локтями полосатый халатъ, изъ той безъимянной матеріи, которую и теперь еще можно встрѣтить въ уѣздныхъ городкахъ на ученикахъ духовныхъ училищъ.

Жена Ивана, баба бойкая, въ холстинковомъ платьѣ, накрывала на столъ, держа на одной рукѣ ребенка; она то и знай покрикивала на тройку другихъ дѣтей, возившихся съ визгомъ на полу.

— Ванька! Мишка, щенята поганые! перестанете ли вы сестру-то душить?... вотъ я васъ!... кричала она, хотя ребята вовсе и не думали слушаться матери и отнимали у дѣвочки доскутокъ бумаги,—Ваня, отступись отъ Дуни, ты умникъ.... Миша, уступи сестрѣ, не слушаешься.... вотъ я тебя прутомъ.... Смотрите: вонъ отецъ идетъ.... вотъ онъ васъ кнутомъ.... Эта послѣдняя угроза подѣйствовала нѣсколько на шалуновъ.... Ребята, испытавшіе не разъ ея дѣйствительность, на минуту притихли. Но видя, что отецъ нейдетъ, что мать ихъ обманываетъ — зашумѣли пуще прежняго.

— Ну вотъ и все готово.... сказала наконецъ хозяйка, ставя на столъ чашку со щами.—Ребята, по мѣстамъ!—крикнула она, батюшка садись, брось портняжество-то свое.

— Сейчасъ, Дарья Сергѣевна — сказалъ вставая старый дядечекъ, и принялся усаживать внучатъ за столъ.

— Вася, оставь ты писанье-то свое — обратилась Сергѣевна къ молодому человѣку.—Экой ты парень какой, гдѣ бы самому встать, да хоть хлѣба *нарушатъ*; такъ вѣдь нѣтъ же, не догадается — словно не видитъ, что я совсѣмъ за-вертѣлась.

Василій поднялъ голову и посмотрѣлъ на всѣхъ такими глазами, какими смотритъ на васъ только что проснувшійся человѣкъ. Потомъ онъ потянулся, зѣвнулъ, поправилъ волосы, тщательно уложилъ тетрадь, которую писалъ, и не торопясь всталъ и сталъ молиться.

— Ишь торопишься за столъ-то, вѣрно я не тебѣ говорю: *нарушай* хлѣба-то — крикнула опять хозяйка.

Молодой человѣкъ досталъ молча ковригу хлѣба изъ корзины и принялся рѣзать.

— Что-жъ это мы Ивана-то не подождали сегодня? — спросилъ между тѣмъ старикъ, — сердиться будетъ на насъ.

— Какъ ему не сердиться, велика важность — не послѣлъ такъ и одинъ отобѣдаетъ — отвѣчала Сергѣевна, — куда ты этакіе-то ломти рѣжешь? Господь съ тобою! Смори-ка какая толщина! — вскричала она вдругъ обратясь къ Василью. — Ай, ай! Вѣдь здѣсь не деревня, Василій Васьянычъ, здѣсь все съ копѣечки.... Аль братнина-то кармана не жалко.... Василій положилъ хлѣбъ и ножикъ и, облокотясь на столъ, подперъ руками голову.

— Ну вотъ и осердился, и губу надулъ — продолжала невѣстка — нечего губу-то дуть, я правду сказала.

— На васъ никогда никакимъ образомъ не потрафишь, проговорилъ молодой человѣкъ.

— Да никогда и не стараешься угодить-то. Ты не поѣришь, батюшка! — Сергѣевна обратилась къ свекру — ты представить себѣ не можешь, какой упрямый парень.... Напримѣръ: говоришь сдѣлай то-то, или, сбѣгай туда-то—такъ вѣдь не скоро поворотится, сидитъ себѣ, уткнетъ носъ въ книгу и хоть бы читалъ—не читаетъ, губами не шевелитъ, только такъ для *близеру*, будто молъ читаю.

— Слышишь, Васютка, что про тебя Дарья-то Сергѣевна говорить? — молвилъ отецъ. Это, братъ, нехорошо! должно слушаться.

Василій пожалъ плечами.

— Господи ты Боже мой! сказалъ онъ съ горечью, ужъ я право не знаю, что и дѣлать мнѣ.... Я ли не служу, напримѣръ: изъ за урока тебя двадцать разъ поднимутъ, и за водой бѣги, и въ лавку бѣги, и дровъ накопи, и ребенка

качай, и картофель чисти, и въ печь смотри, чтобъ молоко не ушло... Да ужъ и корову-то заставили бы доить, если бы умѣлъ.... Право, кажется окончательно меня запрягутъ какъ лошадь, и будутъ ѣздить на биржу....

— Вонъ куда поѣхалъ, сердечный — вскричала Сергѣевна въ азартѣ, перекладывая свою ложку съ мѣста на мѣсто, хотя перекладывать ее не было никакой надобности. — Однако сказать по правдѣ, такъ стыдно бы и жаловаться-то, братнинь хлѣбъ кушаешь, такъ иной разъ не грѣхъ и снохѣ помочь.... Ты видишь, у меня четверка, малъ-мала меньше....

— Такъ что-жъ, я не помогаю вамъ? Скажите, не помогаю? сказалъ Василій поднявъ на сноху свои сѣрые выразительные глаза.—Я всегда готовъ работать какъ волъ, готовъ исполнять ваши приказанія — лишь бы не слышать попрековъ хлѣбомъ, каждый обѣдъ и ужинъ. Но несмотря на то, я слышу ихъ и какъ безчувственная свинья сажусь за столъ, пью и ѣмъ! Когда я дождусь исхода изъ этого горькаго положенія! — договорилъ молодой человекъ, грустно покачивая головою. Онъ пересѣлъ опять къ окну и занялся своей тетрадью.

— Ишь какой словесникъ! нечего, умѣеть отвѣтить — молвила Сергѣевна.

Старикъ Майокій покачалъ головою, но что выражало это качанье? упрекъ ли сыну, за его дерзость или бессильное сожалѣнiе къ его незавидному положенiю?—неизвѣстно.

— Нечего сердиться... поди обѣдай, сказала черезъ минуту сноха, уже болѣе смягченнымъ голосомъ.

— Благодарствую, отвѣтилъ Василій, подавляя вздохъ и остался на мѣстѣ.

— Чтожъ ты въ самомъ дѣлѣ нейдешь, Васютка, на хлѣбъ—на соль сердиться не должно, грѣшно! замѣтилъ отецъ.

Сынъ не отвѣчалъ.

— Губа толще, брюхо тоньше, сытаго гостя и подчивать нечего,—проговорила Сергѣевна, нарѣзала сама хлѣба и вскорѣ семья принялась за обѣдъ, исключая Василья, который все-таки не сѣлъ за столъ.

За обѣдомъ ребятишки на славу было схватились за

волосы, отнимая другъ у друга единственную красную ложку, но вскорѣ матерью и дѣдомъ разсажены были врознь, и успокоились.

Вотъ кончился и обѣдъ, Сергѣевна, прибравшись, вытолкала старшихъ дѣтей на дворъ, а сама съ младшими скрылась за перегородку.

Коморка за перегородкой служила для семьи спальней, дѣтской и гостиной, а иногда и неприступной крѣпостью, куда запиралась Сергѣевна, во время воинскаго нашествія своего супруга, когда онъ алкалъ потаскать ее за косы. Здѣсь стояла кровать подъ одѣяломъ изъ разныхъ лоскутковъ, здѣсь висѣла скрипучая зыбка, а также стоялъ шкафчикъ съ посудой, и комодъ, окрашенный подъ корельскую березу, и въ уголку на лежанкѣ самоваръ, который чистился ровно три раза въ годъ. Здѣсь же висѣли рядкомъ вѣдь стѣны и платья Дарьи Сергѣевны, и длиннополая сибирка ея мужа, и новый праздничный армякъ его.

Уложивъ ребенка въ зыбку, Сергѣевна въ полголоса начала его прилюлюкивать и подъ этотъ монотонный напѣвъ ея старшая трехлѣтняя дѣвочка также уснула на постели матери.

Между тѣмъ Василій не переставалъ писать, перо поскрипывало, листы то и знай перевертывались. Васьянъ Яковичъ уже съ полчаса лежалъ на лавкѣ, подсунувъ подъ головы свою желто-бурую сибирку, ворочался съ боку на бокъ, ворчалъ на докучливыхъ мухъ, и взглядывая на сына вздыхалъ. Наконецъ онъ всталъ и подошелъ къ Василю.

— Васютка!—сказалъ онъ почти шопотомъ, что ты носъ то уткнулъ, брось ка, я хочу съ тобою поговорить.

— А?—протянулъ сынъ не поднимая головы.

— Знаешь ли что?—продолжалъ старикъ, въ Горкахъ, слышь, дьячекъ Филистимскій померъ.

— М... м... промычалъ Василій.

— Слышишь, дочь невѣсту оставилъ.

Василій молчалъ и писалъ прилежно.

— Не слышишь чтоль, что тебѣ говорятъ?—Филистимскій дочь оставилъ невѣсту... повторилъ родитель съ досадой.

— Слышу, слышу, отвѣчалъ отрывисто молодой человекъ. И сказать по правдѣ ровно ничего не слыхалъ.

— Ну такъ вотъ я и мѣкаю, не толкнуться ли намъ съ тобою туда. А? Понимаешь?...

— Понимаю, произнесъ машинально сынъ.

— Можетъ тебя и примутъ... голосъ у тебя ничего, чистый теноръ, еще выравниется... Ну мѣсяца три можно и на половинномъ доходѣ пожить, а тамъ передъ заговѣньемъ тебѣ годы выйдутъ и вѣнчаться можно. Васьянъ Яковличъ погладилъ свой пучечикъ.

— Что такое, кого хотятъ вѣнчать?.. спросилъ вдругъ Василій, поднявъ глаза на отца.

— Что буркалы то оставилъ! Аль въ толкъ не можешь взять, о чемъ тебѣ говорили? молвилъ отецъ, начиная сердиться.

— Ей-Богу, ничего не понялъ.

— Слышишь, въ Горкахъ дьячекъ померъ.

— Ну такъ чтожь? Царство небесное, хоть я и не зналъ его, сказалъ сынъ, обмакивая перо въ чернилицу.

— Этакой дуралей! Толкуй поди съ нимъ!—и Васьянъ Яковличъ долженъ былъ опять пояснить сыну о своемъ предположеніи посвататься съ нимъ къ дочери покойника,—ужь я и съ Сократомъ говорил о томъ вчера—заклучилъ онъ.

Василій улыбнулся какой то снисходительной улыбкою, какъ улыбаются взрослые на дѣтскія затѣи.

— Нечего зубы то скалить. Отецъ тебѣ добра желаетъ, приходъ богатый, не станешь безъ хлѣба сидѣть... Надобно подумать да съ Иваномъ посоветоваться,—сказалъ Яковличъ.

— Пожалуйста, не хлопчите напрасно, отвѣтилъ равнодушно Василій и принялся опять за работу.

— Отчего напрасно по твоему? Авось, Богъ и устроитъ, безъ хлопотъ ни что не дѣлается.

— По той причинѣ не беспокойтесь напрасно, что я ни жениться, ни дьячкомъ быть не желаю...

— Значитъ, ты дуралей, коли добра себѣ не желаешь... А спроси-ка брата, и онъ тебѣ посоветуетъ.

— Я даже увѣренъ въ томъ, что онъ посоветуетъ.

— Значить совѣтъ старшихъ и слѣдуетъ уважать, замѣтилъ нравоучительно родитель.

— Ну, не всегда, проговорилъ лаконически сынъ и такъ упорно замолчалъ, что ни увѣщанія, ни соболѣзнованія отца не могли его заставить отвѣчать.

— Упрямъ какъ осель, молчитъ какъ убитый, такой дуралей, гдѣбъ подумать да потрактовать, а онъ... Что не говоришь, отсохъ чтоль языкъ то у тебя, а?—вскричалъ старикъ, входя въ лапоть родительскаго гнѣва. Но и на этотъ возгласъ Василій не отвѣтилъ.

Въ снѣгахъ послышались шаги, дверь шумно растворилась, вошелъ старшій сынъ старика.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, средняго роста, съ довольно большою рыжеватою бородою, съ подбритымъ затылкомъ и косымъ проборомъ, какъ слѣдуетъ городской извощикъ. Лице имѣлъ не совсѣмъ красивое и не совсѣмъ дурное, но какое то плутовское выраженіе въ его физиономіи, выраженіе ласкающей кошки и въ ту-жъ минуту готовой броситься вамъ въ глаза, невольно отталкивало отъ Ивана Васьяныча.

Войдя въ избу, онъ бросилъ на лавку картузь, перекрестился и, взглянувъ на отца, взмахнулъ головою. Былъ ли то поклонъ, или онъ этимъ взмахомъ хотѣлъ только поправить набѣжавшіе на глаза волосы, рѣшить было трудно.

Наконецъ, распоясавшись послѣшно и снявъ съ себя армякъ, онъ сѣлъ, или лучше, бросился на лавку и переведа духъ произнесъ удушливо:

— Ну, жара!

— Да-таки жарко, подговорилъ отецъ.

— Эй, баба, квасу! крикнулъ хозяинъ.

Сергѣевна мгновенно появилась въ дверцахъ перегородки.

— Что ты гордо то дерешь! ребятъ переполошишь, словно не видитъ гдѣ квасъ то стоитъ... Вонъ возьми его! проговорила она, показывая рукою на окно, гдѣ стояла бутылъ.

— Ты хочешь меня теплымъ щелокомъ поить, чтоль? сказалъ Иванъ, утирая пестрымъ платкомъ раскраснѣвшееся лице и не слишкомъ дружелюбно поглядывая на супругу,—сейчасъ маршь на погребъ! живо!

— Какъ же, вотъ сейчасъ и брошусь со всёхъ ногъ...
Вонъ Василій сходитъ,—отвѣчала жена, спокойно садясь на лавку.

Василій, не говоря ни слова, взялъ бутылъ и отправился на ледникъ.

— Мы, Иванъ, тебя и обѣдать—то сегодня не подождали, замѣтилъ какъ то робко отецъ.

— Разумѣется, къ обѣду не къ дѣлу, всё скоро готовы, только ты Иванъ Васьянычъ успѣвай припасать, сказалъ сынъ очень грубо.

Старикъ вздохнулъ.

— Такъ чтожъ ворчать то, коль хочешь обѣдать, я накрою молвила Сергѣевна.

— Не нужно, я въ харчевнѣ обѣдалъ.

— Значить ты хочешь въ ѣзду?—спросилъ отецъ.

— И не въ ѣзду, сегодня и Петрушкѣ нечего дѣлать на биржѣ, а вотъ подай ка мнѣ поскорѣй мою сибирку,—обратился Иванъ къ женѣ.

— Куда это въ сибиркѣ идти хочешь?—спросила она, а у самой глаза такъ и запрыгали отъ любопытства.

— Къ тещѣ иду.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ ни на есть, тебѣ дѣла нѣтъ.

— Отчего мнѣ дѣла нѣтъ? Слышите, что онъ говоритъ? вскричала Сергѣевна, обращаясь къ свекру—мнѣ дѣла нѣтъ, да что я ему чужая, съ боку припѣка что-ли?

Яковличъ махнулъ рукой.

— Ишь затрепала... А тебѣ сказано: подай сибирку, такъ и подай; а разсуждать не смѣй, замѣтилъ мужъ.

— А вотъ же и не подамъ, и не подамъ; а ей—Богу не подамъ, до тѣхъ поръ, покуда не скажешь: зачѣмъ идешь къ матушкѣ?

— Врешь, шалишь! подашь!

— Самъ возьмешь свою сибирку, а я не встану.

— А я хочу, чтобъ ты подала.

— До тѣхъ поръ съ мѣста не сойду, покуда не скажешь зачѣмъ къ матушкѣ идешь?

Васьянычъ, какъ говорится, оцетинился и, сжавъ кулаки, пошелъ къ женѣ.

Василій въ эту минуту принесъ квась.

— Опять споръ и содомъ? безъ крику минуты прожить не могутъ... замѣтилъ онъ про себя, прислушиваясь къ недружелюбному разговору брата съ невѣсткой.

— Такъ не подашь?.. спросилъ Иванъ, приступая къ женѣ.

— Не подамъ... Вѣдь я сказала, что съ мѣста не тронусь!

— Стало быть у тебя косы отросли... А?

— Чтожь ты, тиранствомъ то своимъ меня стращаешь, ну тиранъ, вѣдь тебѣ не въ первой,—проговорила слезливымъ голосомъ Дарья Сергѣевна.

— Что захныкала! А мужнина приказа слушаешься... а?

— И послушаюсь,—коли скажешь—куда идешь?

— Яжъ тебѣ сказала, что къ тещѣ иду.

— Изъ чего шумѣть то, сказалъ вдругъ Василій, понявъ въ чемъ дѣло, — коль къ тещѣ, братецъ, собираешься, такъ и хлопотать нечего, старухи дома нѣтъ, со двора ушла.

— Эка чортъ! а мнѣ бы нужно, молвилъ Иванъ, повернувшись отъ жены,—давно ушла?

— Сейчасъ, говоритъ, въ ряды не надолго,—отвѣчалъ молодой человекъ.

— Ну счастлива! прибавилъ супругъ, погрозивъ кулакомъ супругѣ, которая, потерявъ надежду удовлетворить свое любопытство, скрылась за перегородку, хлопнувъ дверцей и заперлась тамъ на крючокъ.

Иванъ сѣлъ къ столу, опорожнилъ залпомъ два стакана квасу, крякнулъ, и сказалъ не обращаясь ни къ кому: подожду, чортъ возьми, неужели старуха долго въ ряды проходить? Подожду часъ-другой, — но взглянувъ на брата, онъ вдругъ спросилъ:

— А ты напоилъ гнѣдка... А?

— Я забылъ, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Такъ и есть... Лежебокъ! дармоѣдъ, произнесъ вслѣдъ уходящему Василью старшій братъ, сжавъ кулаки.

Отецъ замѣтилъ это недружелюбное движеніе, но не сказавъ ни слова, только понурилъ голову и вздохнулъ глубоко.

Иванъ между тѣмъ, опорожнивъ еще третій стаканъ,

облокотился на столъ и сталъ смотрѣть какимъ то пытливымъ взглядомъ на потолокъ, лавки, окна и печь, можетъ быть для того, чтобъ придратъся за что нибудь къ женѣ, которую ему хотѣлось сегодня поколотить, но не найдя ничего такого на сей разъ, чтобы могло повести опять къ ссорѣ, принялся тихо насвистывать, какъ насвистываютъ кучера, когда поятъ лошадей.

III.

Васьянъ Яковлевичъ, видя, что уже сынъ не щетинится, тихой кошачьей походкою подошелъ къ печи, и прижался къ ней спиною, ставъ противъ сына и заложивъ руки назадъ, повелъ съ нимъ рѣчь.

— Ну что, Ваня, видѣлъ у Сократа лошадь-то? спросилъ онъ.

— Видѣлъ. Лошадь хорошая, во всѣхъ статьяхъ,—отвѣчалъ Иванъ, то есть для нашего брата хороша, въ ломовую годится, семьдесятъ пудовъ поднимаетъ, ну, и бѣгъ ничего, ноги крѣпки... Только дорого просить, канальство....

— Сколько же?

— Меньше ста двадцати (ассигнаціями) не отдаетъ, жи-доморъ.

— Такъ что-жъ ты думаешь?

— Что думать то.... безъ денегъ не купишь; семьдесятъ рублей есть... а доплачивать еще много придется.

— Онъ, можетъ, подождетъ остальныхъ.

— Да, дожидайся, подождетъ, да хоть-бы и подождалъ, откуда ко мнѣ золотая гора придетъ, вѣдь ты мнѣ не поможешь, какъ другіе отцы дѣтямъ помогаютъ; а ты все деньги копишь....

Иванъ Васьянычъ очень хорошо зналъ, что у родителя его денегъ не было и нѣтъ, и что скоро ему самому придется кормить старика, но онъ только хотѣлъ пошутить.

— Эхъ—ма, помогъ бы я, кабы было чѣмъ,—проговорилъ старикъ, и невольнѣ запустивъ большой палецъ лѣвой руки въ карманъ своей полосатой жилетки—помогъ бы я не хуже другихъ, да вотъ участь то моя какая, едва самъ сытъ.

Оба замолчали.

Васьянъ Яковличъ переступилъ съ ноги на ногу, откашлялся, и высказалъ сыну свое предположеніе и желаніе женить Василья на дочери дьячка Филистимскаго.

— Ну вотъ и дѣло! отвѣтилъ Иванъ, выслушавъ отца.

— Онъ то, дурадей, не соглашается, вотъ что! замѣтилъ родитель.

— Это что еще!.. али въ попы мѣтитъ? Ишь, философъ, Платонъ, Аристотель, важная птица; а коли хлѣбъ дадутъ, такъ и разговаривать нечего, чѣмъ балбѣсомъ—то на братниномъ хлѣбѣ жить.

— Я то же говорилъ ему—подсказалъ старикъ.

— А вотъ погоди... онъ у меня по другому заговорить.

Вошелъ Василій.

— Скажи ка, отчего это ты не хочешь въ Горки въ дьячки идти... а? обратился къ нему братъ.

— Желанія не имѣю, отвѣчалъ коротко молодой человекъ, открыто смотря брату въ глаза.

— То есть считаешь, что ты достоинъ лучшаго мѣста, замѣтилъ насмѣшливо старшій братъ.

Василій потупилъ глаза.

— Такъ я—жъ тебѣ вотъ что скажу—продолжалъ Иванъ, въ Горки пойдутъ и не съ твоею рожкою: тамъ, братъ, даромъ что дьячеческое мѣсто, а право лучше иного поповскаго.

— Пусть и идутъ кто хочетъ, а я съ своею рожкою не пойду, сказалъ Василій, спокойно принимаясь за какую то книгу.

— Полно упрямитесь, Васютка, мы, дуракъ, тебѣ добра желаемъ,—замѣтилъ наставительно отецъ.

— Почему—жъ ты упираешься? спросилъ Иванъ, сдерживая бранное слово, которое такъ и рвалось у него съ языка.

— Потому что черезъ три года я кончу курсъ, отвѣтилъ Василій.

— И три года проищешь мѣста...

— Что будетъ, то и будетъ, проговорилъ, подавляя вздохъ, молодой человѣкъ.

— Три года не три дня, Вася, вотъ что! тебѣ, я вижу, въ попы хочется. Да вѣдь какъ Богъ дастъ, каждый выпускъ столько вашего брата выходитъ, въ епархіи и мѣсть недостаетъ. Это мѣсто упустимъ, послѣ можетъ и покаемся. Подумай хорошенько—говорилъ старикъ Майскій.

— Ему что за дѣло, онъ эти три года у брата нахлѣбникомъ проживетъ, сказалъ оскала зубы Иванъ—вѣдь онъ Платонъ, Аристотель! вотъ я напимѣрь: Ванька Майскій неучъ, за-то свой не ожурѣнный хлѣбъ ѣмъ, никто не упрекаетъ...

— Мать ты моя, зачѣмъ ты меня на свѣтъ родила! произнесъ какъ-то отчаянно Василій, у котораго рука съ книгой опустилась сама собою, и голова поникла на грудь. Двѣ самыя горькія и крупныя слезы выкатились изъ глазъ и упали на колѣни, но болѣе онъ ничего не могъ сказать, какъ будто признавая внутренно справедливость братниныхъ словъ, хотя эти слова терзали его сердце.

— Эхъ, Васютка!—прошепталъ отецъ, такъ-же повѣсивъ голову—упрямъ ты больно...

— А я вотъ посмотрю еще на его умничанье, заговорилъ опять Иванъ, да такую короткую резолюцію и положу: вонъ Богъ, а вонъ и дверь... коли старшихъ не слушается...

Василій бросилъ книгу и закрылъ лице руками.

Старшій братъ еще хотѣлъ что то сказать нравоучительное младшему брату, но, увидѣвъ въ окно, что теща идетъ домой, всталъ, и постучался въ запертую дверцу перегородки.

— Не зачѣмъ!—отвѣтилъ оттуда голосъ Сергѣевны.

— Иванъ стукнулъ кулакомъ и безъ дальнихъ разговоровъ, крикъ соскочилъ и дверца отворилась. Онъ вошелъ.

— Ну, вломился! словно разбойникъ, того и гляди что ребятъ перебудить... Какой это отецъ, тиранъ!—проговорила жена.

— За этимъ упрекомъ послышался рѣзкій звукъ, похожій на звукъ, издаваемый хлопашкой, когда бьютъ мухъ... Дарья Сергѣевна взвизгнула, и пошелъ самый горячій речи-

тативъ. Но хозяинъ, не теряя болѣе времени, вышелъ отсюда съ сибиркою въ рукахъ, послѣшно надѣлъ ее, пригладилъ волосы и отправился къ тещѣ. А старикъ отецъ все еще стоялъ у печки, жонуривъ голову, а младшій сынъ его сидѣлъ, закрывши лице руками.

Домъ, гдѣ жилъ Иванъ Майскій, принадлежалъ его тещѣ, которая содержала постоянный дворъ. Старуха давала зятю вышеописанную квартиру даромъ. Другая половина нижняго этажа обращена была точно въ такую же избу для постоя мужиковъ. Въ верхнемъ этажѣ были подѣланы номера, для болѣе чистыхъ постояльцевъ, исключая небольшой горенки, которую занимала сама хозяйка, съ тремя дочерьми дѣвушками.

Значитъ переходъ Ивана къ тещѣ былъ не далекъ.

Войдя на лѣстницу, зять обдернулъ на себѣ сибирку, пригладилъ волосы и откашлявшись отворилъ дверь въ комнату тещи. Старушка только что успѣла снять съ себя шугай и, вооруживъ носъ очками, сѣла за работу. Три ея дочери сидѣли подѣ окнами, задернутыми на-половину миткалевымъ занавѣсками, и усердно перебирали коклюшками, на кружевныхъ подушкахъ, выглядывая смиренницами, хотя можетъ быть которая изъ нихъ и была похожа нравомъ на сестрицу свою Дарью Сергѣевну.

— Какъ живете-можете? спросилъ зять скороговоркою, кланаясь на всѣ стороны.

— Слава Богу! отвѣчала старуха, — сѣдись гость дорогой... побесѣдуй съ нами.

— Благодарствую, матушка, только мнѣ некогда сидѣть то съ вами, хоть бы и душой радъ.

— Вотъ тебѣ разъ! некогда! возразила теща. Посиди, чайку съ нами покушай... Ну-ка, Оля, поди, поставь большой самоваръ, прибавила она, обращаясь къ самой младшей дочери; мы и Дашу позовемъ чаю напиться...

Оля взяла молча съ лежанки ведерный самоваръ и вышла съ нимъ.

Оставшіяся сестры перешепнулись между собою, ихъ одолевало недоумѣніе: зачѣмъ пришелъ зять, который безъ приглашенія никогда не посѣщалъ тещу.

— Напрасно ты хлопчешь, матушка, съ самоваромъ то, право мнѣ некогда, а пришелъ то я къ тебѣ за дѣломъ, заговорилъ зять, принявъ самую ласкающую мину, переминаясь и смотря умильно тещѣ въ глаза.

— Что тебѣ, родимый мой, угодно?—старушка подняла очки на лобъ и смотрѣла вопросительно.

— Вотъ видите, одинъ сельскій знакомый дьячекъ продаетъ лошадь... Лошадь добрая, то есть, во всѣхъ статьяхъ, упустить мнѣ ее жаль,—продолжалъ Иванъ Васьянычъ, покручивая кончикъ своей бороды.

— Такъ, коль выгодна, такъ и не упускай, мой батюшка.

— Такъ вотъ я и пришелъ къ тебѣ матушка съ просьбицей,—одолжи мнѣ рубликовъ шестьдесятъ, останусь покорнѣйше благодаренъ за такую милость. При этихъ словахъ зять отвѣсилъ поклонъ.

На лицѣ старушки изумленіе перешло въ какой то ужась.

— Что ты, родимый, шутить чтоль со мною вздумалъ? Какія у меня деньги, подумай ты самъ!—вскричала она.

— Какія же шутки, матушка, возразилъ зять, я не Богъ знаетъ сколько прошу у тебя, отдать такой долгъ въ силахъ, только подожди до осени... Сдѣлай милость.... Вторичный поклонъ.

— Напрасна твоя просьба, мой батюшка.... Ну гдѣ я возьму такую кучу! Какія деньги у сироты?

— Ужъ будто и не наберешь, коли захочешь. Слава Богу, постоялый дворъ держишь—копѣйка не переводится,—Иванъ Васьянычъ начиналъ уже терять терпѣніе.

— Ишь какую добычицу нашелъ! — воскликнула съ досадою старуха — постоялый дворъ! А поди-ка я много съ него получаю, за домъ по закладной внесешь проценты, глядишь — комитетскихъ требуютъ, а тамъ приступаютъ мостовую мости! и разныя повинности.... А вонъ посмотри ка, дворъ совсѣмъ валится, столбы подгнили, долго-ли до грѣха — грохнутся. Будущей осенью дворъ перекрывать безпремѣнно надобно — вотъ и припасай деньги. Кромѣ того, родимый ты мой, у меня три нашейницы на шеѣ сидятъ,—старуха показала пальцемъ на дочери: всѣхъ, мой батюшка

хоть за одинъ столъ сажай... денюжки прикопятся: то на платьице купишь,—то платочекъ. Не равенъ часъ—женшокъ посватается,—чѣмъ я вдругъ-то за-разъ поднимусь.... Ой-ой! испытала я мой батюшка тяготу то эту,—какъ Дашу за тебя выдавала, —ничего готового не было, оборвалась, задолжала, а теперѣ, слава тебѣ Господи,—даромъ седьмой годчикъ живете, небось у тебя сердце-то не скребетъ та забота: что молъ за *фатеру* заплатитъ надобно, такъ-то... Кроишь того: вѣдь живые люди, ѣсть хотимъ, *кажинный* день расходъ.... А ты у меня денегъ захотѣлъ, мой родной?... Охо-хо!... Старуха перевела духъ.

Иванъ, нѣсколько разъ порывавшійся прервать длинный монологъ тещи, и не найдя словъ,—стоялъ передъ старухой, словно ошпаренный. Всего болѣе укололъ его упрѣкъ, что его держать на квартирѣ,—даромъ, изъ милости.

— Что-жъ такое! Коль *фатера* моя вамъ нужна,—такъ я хоть завтра опростаю,—на улицѣ жить не будемъ,—сказалъ онъ, одумавшись.

— Господь съ вами! Живите, я васъ не гоню, а такъ къ слову, не въ досаду сказала,—мнѣ всѣ дѣти равны, Даша тоже мое дѣтище—отвѣчала старуха,—а коли чего не могу сдѣлать,—такъ и не спрашивайте.

— Стало и моя просьба не въ просьбу, и надѣяться нечего?

— Чай знаешь поговорку, мой родимый: на нѣтъ и суда нѣтъ. Можетъ, какой добрый человекъ и ссудитъ тебя,—а коли не сподручно, такъ покупку лошади можно и до другаго времени оставить. Ты подумай, Иванъ Васьянычъ, какъ лучше-то,—подумай мой родимый....

— Спасибо за совѣтъ — сказалъ, оскаливъ зубы Васьянычъ.

— Не на чемъ.

— Однако тебѣ грѣхъ, старушка, такъ поступать,—смотри, умрешь, все оставишь, уже не скрывая досады, сказалъ зять.

— Вѣстимо, умру—коли Господь по душу пошлетъ, всѣ смертные, мой батюшка... А тебѣ смерти то желать тещѣ—тоже грѣшно,—она вамъ не лиходѣйка.... сказала прослезив-

шись старушка,—да не на что и зариться-то! умру, такъ не много богатства послѣ себя оставлю.

— Значить, больше и толковать нечего? спросилъ сквозь зубы зять, въ душѣ котораго уже кипѣла страшная злоба.

— Разумѣется, нечего изъ пустаго въ порожнее переливать,—замѣтила теща.

— Ну, коль такъ, прощенья просимъ,—прибавилъ Васьянычъ, пятась.

Свояченицы поклонились. Теща, не говоря ни слова, насунула опять очки на носъ и сдѣлала видъ, что принимается за работу.

На порогъ раздосадованный Васьянычъ столкнулся съ Олей, которая тащила кипящій самоваръ. Но ни старуха, ни дѣвушки не думали уже удерживать уходящаго гостя.

— Что это ушелъ скоро Иванъ Васьянычъ? спросила Оля, ставя на столъ самоваръ.

— Воръ Васьянычъ,—проговорила мать,—ишь съ чѣмъ подъѣхалъ—дай ему денегъ.... Да и дала бы другому: ей-Богу бы дала.... а то ему, разбойнику, шиша не дамъ!... Жаль только Дашутки-то,—погубила я ее, горемычную, ишь нахвалила сваха сахара-медовича: парень смиренникъ... вотъ и коротай мое дитятокъ вѣкъ съ азарникомъ,—старушка подняла опять очки на лобъ и утерла глаза.

— Какой онъ страшный Оля, глаза вотъ такъ кровью и налились, я ужъ и глядѣть на него боялась—того и смотри, что всѣхъ насъ ругать начнетъ, — сказала старшая сестра.

— Какъ же, ужасно страшень.... Да вотъ только бы онъ обозвалъ когонибудь изъ насъ худымъ словомъ, вотъ только бы заикнулся—такъ я взяла бы кочергу, и не прогнѣвайся: ни его, ни кочерги бы ужъ не пожалѣла, ей-Богу, возарила средняя.

— Хмъ! хорошъ гость, нечего сказать,—заклчила Оля, разставляя чашки.

Между тѣмъ Иванъ Васьянычъ бѣжалъ съ лѣстницы, земли подъ собой не слышалъ—все вертѣлось передъ его глазами.

— Вѣдь не задавить же чортъ этой старой вѣдьмы! —

проворчалъ онъ, стиснувъ зубы, и оглядѣлся кругомъ: на чемъ бы или на комъ взорвать свое сердце.

На дворѣ у крыльца полоскался въ лужѣ старшій сынъ его Ванюшка. Этой шалости достаточно было для взбѣшеннаго отца, чтобъ придратъся къ мальчику.

— Ахъ ты щенокъ!... что ты тутъ рубаху себѣ пачкаешь? Я на васъ ничего напасть не могу на голопузыхъ!—заоралъ Васьянычъ и поймавъ сына за ухо, потащилъ въ квартиру. Мальчишка визжалъ, какъ поросенокъ подъ ножомъ.

Когда вошли они въ избу, старый дядечекъ, все еще стоявшій у печки, отскочилъ и сѣлъ въ уголь. Василій всталъ, чтобъ освободить ухо племянника изъ подъ родительскихъ рукъ. Но въ эту минуту Сергѣевна выбѣжала изъ-за перегородки.

— Варваръ! Что ты парнишку-то тиранишь,—завопила она, бросаясь къ сыну.

— Какъ, я у тебя все-таки тиранъ!... вскрикнулъ мужъ и, выпустивъ сыновнино ухо, обратился къ женѣ: раздалось звучное: хлопъ, хлопъ.... Въ этотъ моментъ мальчикъ убѣжалъ.

— Ай разбойникъ! убьетъ, караулъ!—кричала Сергѣевна, недаровымъ матомъ, попирая ногами красный платокъ, слетѣвшій съ ея собственной головы и стараясь освободиться изъ супружескихъ рукъ.

— Вотъ тебѣ тиранъ! Вотъ тебѣ варваръ,—у тебя только и названія для меня—такъ вотъ тебѣ, вотъ!—Удары и неистовый вопль Сергѣевны раздавались страшно-оглушительно.

Васьянъ Яковличъ то вскакивалъ съ мѣста, то снова садился, желая рознять ссорящихся и боясь къ нимъ подойти. Разбуженные неистовымъ крикомъ, перепуганные маютки ревели за перегородкою.

— Братъ, братъ, что ты, побойся Бога! За что ты ее?—говорилъ Василій, стараясь отнять невѣстку.

— За что... я знаю!.. прохрипѣлъ Иванъ, не переставая учащать удары.

— Братецъ, нехорошо, смотри люди глядятъ... Не стыдно ли тебѣ... уговаривалъ молодой человѣкъ.

— Молчи, мерзавецъ, — не тебѣ мужа съ женой разбирать.

Въ самомъ дѣлѣ въ окно съ улицы заглядывали прохожіе на эту семейную сцену. Со двора глазѣли два ямщика.

— Смотри-ко-съ, знать мужъ жену таскаетъ,—замѣтилъ одинъ другому, — эва! шибко расиравляется — знать, провинилась?

— Извѣстно—у мужа жена завсегда виновата.... потѣшиться захотѣлъ — значить: руки расходились, заключилъ другой.

— Иванъ, Иванъ-ко!—говорилъ полупшепотомъ отецъ — Иванъ, будетъ!.. Но Иванъ не слышалъ ничего.

Наконецъ Василью удалось схватить брата за руки, той порой разбитая Сергѣевна, со вспухшими щеками, громко рыдая, убѣжала наверхъ къ матери.

— Вотъ тебѣ и тиранъ, и знай тирана... проговорилъ натѣшившійся мужъ, бросаясь на лавку и переводя духъ.

— Вотъ адъ то кромѣшный! воскликнулъ Василій, уходя за перегородку, чтобъ утѣшить дѣтей, которые кричали источнымъ голосомъ. Дядя принялся качать племянника въ зыбкѣ и успокоилъ зарывшуюся въ подушки Дуняшу, которая тряслась отъ испуга всѣмъ тѣломъ и кричала съ плачемъ.

— Дядя... я боюсь тяти, онъ убьетъ всѣхъ насъ....

Между тѣмъ старикъ Майскій, собравшись нѣсколько съ духомъ, обратился къ сыну:

— Э, эхъ, Иванъ!.... Ну, за что ты бабу то.... а? Что она тебѣ сдѣлала?

— Ничего мнѣ она не сдѣлала—досадила мнѣ ея мать, старая вѣдьма, задушилъ бы ее, кажется, своими руками, да и со всѣмъ ея исчадьемъ.... Шестидесяти рублей зятю займы у нея нѣтъ, да еще покорила — что съ меня за *фатеру* не беретъ—а много больно дала за дочерью... Ктось у ней взялъ ее съ такимъ приданымъ.... ишь только дался дуракъ—Ванька Майскій.... Ну и окулали: поить, кормить тебя будутъ, во всякой нуждѣ пособятъ, сваха то каналья

говорила: только дескать женись — вотъ тебѣ и кормежь, и помога.... А жена то, развѣ не одна душа съ матушкой.... Э!... всѣ онѣ за одно.... Иванъ произнесъ самое жестокое ругательство, причѣмъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Да я ей дамъ тирана... погоди она!.. прибавилъ онъ, переводя духъ.

Яковличъ уже не возражалъ, только порою вздыхалъ и проговаривалъ про себя:

— Поди ты... какъ ихъ разберешь! *Мужъ да жена— одна сатана.*

Наконецъ утомясь побоищемъ и ругательствами, Иванъ хотя сперва и не располагался, однако теперь вздумалъ ѣхать въ ѣзду и отправился запрягать лошадей. Тамъ онъ немилосердно отпоролъ невиннаго гнѣдка за то, что бѣдняку вздумалось почесать о косякъ свою шею, и обругалъ двухъ ящичковъ, которые смотрѣли въ дверь конюшни на экзекуцію.

И вотъ Иванъ Васьянычъ, облекшись опять въ армякъ и низенькую кучерскую шляпу, съѣхалъ со двора, къ удовольствію напуганной семьи своей.

Въ это время Дарья Сергѣевна сидѣла вверху у матери, плакала и причитала: Зачѣмъ ты породила меня, родная матушка, на бѣлый свѣтъ! Лучше бы ты бросила меня съ камнемъ въ воду, а не пускала меня на такое житье горемычное... не успѣла я нарисоваться въ дѣвушкахъ, точно за вину за какую — спихнули меня на семнадцатомъ годочкѣ, за этакого варвара, и живу я, каждый день слезами горячими умываючись....

— Что дѣлать, мое дитятко горемычное!... Знать судьба твоя такая!... замѣтила мать, утирая слезы.

— И какъ не хотѣлось-то мнѣ за извощика выходить!— продолжала дочь,—думаю себѣ: привыкли молъ они лошадей нахлестывать... знать сердце мое чуяло... А все Костылиха, (сваха) старъй дьяволъ, улестила всѣхъ, чтобъ семь разъ въ гробу ей поворотиться!... Не ходите, сестры, замужъ, не губите своей дѣвичьей жизни — придется можетъ такую же участь испытать, — прибавила она, обращаясь къ дѣвушкамъ.

— Всякому сестрица своя судьба—отвѣтила Оля наивно. По уходѣ брата Василій сказалъ отцу:

— Что это, батюшка! ужъ вы совсѣмъ забыли власть то свою родительскую, хоть бы по крайней мѣрѣ слово замолвили за Сергѣевну... Ну скажите, за что братъ ее оттрепалъ?... А вы будто не видите и не слышите ничего... хоть бы немножко ему напомнили, что онъ поступаетъ не по человѣчески—можетъ—и постыдился бы....

— Эхъ-ма Васютка, Васютка! Ну что я языкомъ-то сдѣлаю — послушаютъ что ли меня... Я старикъ хилый, боюсь съ Иванкомъ то ссориться — ишь хворь сталь, можетъ скоро и на его хлѣбы приду... А разсорься-ка съ нимъ, такъ и косо поглядить, — отвѣчалъ старикъ вздохнувъ и махнувъ рукою:—ишь отъ него зависимъ мы....

— Однако, онъ на насъ никогда ласково не глядитъ—какъ къ нему не подслуживаемся... Для него все равно; сидимъ мы у него словно путы желѣзныя на шеѣ... Такъ ужъ заодно бы....—замѣтилъ сынъ.

— Охъ! правда твоя... Однако между мужемъ и женою трудно быть судьей, сказано: «жены да повинуются мужемъ.»—

— И тамъ же написано: «да любить мужъ свою жену»—прервалъ молодой человѣкъ! Только у брата, къ несчастію, нетолько любви, да жалости то ни къ кому никакой нѣтъ...

— Да ужъ коль сказать по правдѣ, такъ и у невѣстки—дурной язычекъ.

— Къ несчастію, правда... Подъ этой кровлей ни любовь, ни повиновение, ни согласіе не имѣютъ приюта,—заключилъ высокопарно будущій проповѣдникъ.

Когда Дарья Сергѣевна, наплакавшись вдоволь у матери, возвратилась въ свою квартиру, то нашла своего маленькаго сына сидѣвшаго въ подушкахъ — возлѣ дяди, который опять корпѣлъ уже за своей тетрадью; а остальная тройка окружала дѣда, складывающаго для нихъ изъ бумаги лодочки, ножницы и проч.

IV.

Глубоко вздохнулъ Василій, дописавъ послѣднюю строчку въ своей тетради, какъ будто свершилъ тяжкій трудъ, пересмотрѣвъ и свѣривъ съ подлинниками, съ которыхъ списывалъ, онъ совершенно остался доволенъ своею работою.

И въ самомъ дѣлѣ тетрадь была написана красиво и четко, однимъ словомъ великолѣпно и могла служить образцомъ каллиграфическаго искусства.

Но что содержала въ себѣ эта тетрадь, еслибъ вы знали?

Вѣроятно, что нибудь серьезное—скажетъ читатель—можетъ быть, лекцію, диссертацию, а можетъ и проповѣдь?

О нѣтъ,—далеко не то...

Это были стихотвореній всѣхъ родовъ и годовъ, начиная отъ Бахчисарайскаго фонтана до стишковъ изъ писемника Курганова, сочиненія признанныхъ и не признанныхъ поэтовъ, зашедшія въ разныя времена въ семинарскій міръ; пѣсни, положенныя на ноты семинаристами и ими же расцѣвляемыя, разные стишки въ альбомы, собственной ихъ стряпни; рюмованныя любовныя посланія, приторныя мадригалы, тупыя остроты, плоскіе каламбуры, шарady въ стихахъ и даже сатира на учителя — словомъ невообразимый венегредъ.

— Ничего, не дурно написано, довольны будутъ.... сказалъ самъ себѣ молодой человѣкъ, запирая свою работу въ скудный сундучокъ, стоявшій на полатахъ. И самодовольная улыбка мгновенно озарила грустное лице Василья.

Не дождавшися ужина, Василій забрался на сѣноваль, гдѣ постоянно спалъ лѣтомъ. Зарылся по горло въ сѣно и принялся по обыкновенію раздумывать о своемъ незавидномъ положеніи, среди родной семьи.

А куда я уйду, разсуждалъ онъ, отъ ежедневной *суматошны*, отъ вѣчныхъ попрековъ,—къ отцу въ Захарьино?... Старикъ и самъ едва съитъ—куда ужъ ему на шею садиться? Эхъ ты, житье мое каторжное... То досадно, что *кондици* никакой не выходитъ на уроки. О, еслибы такъ, какъ прошлою зимою.... Помянешь, сто разъ помянешь, и Марью

Карповну, и ея матушку, и даже Акулину... добрые люди, дай имъ Богъ здоровья...—у Василья навернулись слезы на глазахъ,—а родные—то мои! а вѣдь еще три года придется коротать съ ними... развѣ ужъ была не была,—идти въ Горки въ дьячки... сглушить, что жъ за бѣда, хоть однимъ богословомъ и меньше будетъ... Или въ приказные выдти... и тутъ трудно: дьяческому сыну долго трубить до чина придется... Нѣтъ, ужъ лучше потерплю... стерпится — слюбится, что дѣлать... зато кончу курсъ...

Одинъ за однимъ умолкали городскіе звуки, все замѣтнѣе и замѣтнѣе воцарялась ночная тишина. Василій слышалъ какъ возвратились Иванъ и его работникъ, выпрягнувши лошадей, и вскорѣ послѣдній, помѣстясь на томъ же сѣновалѣ, по сосѣдству съ Васильемъ, захрапѣлъ что есть духу.

Вотъ уже на соборной колокольнѣ и полночь пробила, двѣнадцать ударовъ отчетливо прозвучали другъ за другомъ и замерли; но Василій еще не спалъ.

Полный мѣсяцъ ласково глядѣлъ на него сквозь широкое окно сѣновала, которое также служило и дверью, и въ то же время обливалъ матовымъ свѣтомъ ветхій навѣсъ, поросшій плесенью. На застрехѣ сидѣла кошка и жалобно мяукала, изъ-подъ навѣса слышался говоръ двухъ мужиковъ. Гдѣ—то вдали дребезжали по мостовой запоздавшія дрожки, гдѣ—то громко перекликались часовые. Но вотъ ушла неугомонная кошка, затихъ и мужицкій разговоръ, въ окнѣ старухи-хозяйки замелькала лампадка, Оля въ одной сорочкѣ подошла къ окну и вадернула его занавѣской,—все предалось покою.... Только лошади порой фыркали съ—просонья, либо принимались чутко похрунывать душистое сѣно, да безотвязный комаръ докучливо тянулъ свою безконечную пѣсню, кружась надъ головою Василья, словно сговорясь съ его грустными мыслями. Есть у насъ пословица, что дескать: *по привычкѣ и въ аду живешь*. Не знаю, насколько это правда, только къ Василью она не могла быть примѣнена, потому что грубость родныхъ и ежедневныя ссоры между собою у мужа и жены, вмѣсто того чтобы сдѣлать молодого человѣка равнодушнымъ, все болѣе и болѣе возмущали его

кроткую и любящую душу. Онъ страдалъ и не могъ скоро ожидать исхода своему положенію.

Прошедшее тоже немного оставило ему послѣ себя свѣтлыхъ воспоминаній: сиротское дѣтство прошло, лишенное материнской ласки. Бывши семи лѣтъ, Василій увидѣлъ уже своего отца отрѣшеннымъ отъ должности дьячка и, только во доброжелательству священника и старосты, остался Яковичъ сторожемъ при церкви. Василій не помнилъ матери, которой его рожденіе стоило жизни. Онъ помнилъ только старую, добрую просвирию, которая ради-Христа обшивала и обмывала сироту. И вотъ, десяти лѣтъ, онъ очутился въ городѣ, на квартирѣ у какой-то солдатки, съ десяткомъ другихъ подобныхъ себѣ дѣтей. Послѣ женитьбы брата Ивана Василій перешелъ къ нему, и вотъ, шесть лѣтъ его бравятъ и корятъ, а онъ все терпитъ и живетъ.

Въ матеріальномъ отношеніи положеніе бѣдняка было едва ли не хуже. Мы видимъ, что при всемъ своемъ желаніи заработать копѣйку, онъ не имѣлъ случая. Братъ ему ничего не давалъ на платье, у отца онъ не могъ требовать.

Прошлой осенью старикъ и то кой-какъ сколотилъ ему на сапоги и какую-то бекешъ подъ которой, вмѣсто мѣха, находилась одна шкура, и вмѣсто теплоты сообщала тѣлу необыкновенную прохладу. А между тѣмъ Василій получилъ замѣчаніе отъ ректора: «что худо одѣтъ, что *стыдитъ* собою классъ». При этомъ замѣчаніи хотѣлъ-было бѣднякъ объяснить свое безпомощное состояніе и попросить, нельзя ли ему поступить на *казну*, но оробѣлъ... Начальникъ стоялъ передъ нимъ такой сановитый, смотрѣлъ такъ строго... что у Василья невольно прильнулъ языкъ къ гортани...

Однако, казалось, сама судьба сжалилась надъ Васильемъ, хоть и не надолго.

Въ началѣ декабря пріѣхала изъ деревни въ городъ одна помѣщица, вдова, Марья Карповна Бѣлугина, съ маленькимъ сыномъ и старухой матерью. Они остановились въ верту, въ номерахъ, до пріисканія удобной квартиры. Узнавъ случайно, что внизу живетъ семинаристъ, барыня рѣшила пригласить его куда учителемъ къ маленькому Колѣ, и послала за Васильемъ.

Скромный, нѣсколько застѣнчивый и симпатичный видъ молодого человѣка понравился Марьѣ Карповнѣ, и Василій сдѣлался учителемъ ея сына. Онъ давалъ ему уроки въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ и гардеробъ Василья той порой немного поправился. Въмѣсто помянутой бекешы явилась съ кошачьимъ воротникомъ чуйка на ватѣ, и скюртучокъ, если не тонкаго сукна, зато новенькій, съ иголки. Въ семьѣ ученика всѣ были довольны Васильемъ, безъ исключенія.

Сама госпожа Бѣлугина, лѣнивая, сонная и расплывшаяся дама, никогда не читавшая прозы, до страсти любила стихи, какого бы рода они ни были; заставляла Василья ихъ для себя выписывать изъ разныхъ періодическихъ изданій, взятыхъ у знакомыхъ. Мать ея, старая сутяга, извѣстная всѣмъ судамъ и падамъ, протягавшая все свое имѣніе,—поручала Василью переписывать просьбы и разные дѣловыя бумаги, которыхъ смыслъ онъ никакъ не могъ себѣ усвоить. Даже Акулина, колина нянька, она же и ключница, просила учителя то списать какую-нибудь молитву, то поминанье по усопшимъ написать,—за что и поила его у себя въ дѣтской чаемъ съ сухарями и тихонько отъ барынь подарила три пары бѣлья, послѣ покойнаго барина. Но четыре мѣсяца пролетѣли для Василья короткимъ, хотя и приятнымъ сновидѣніемъ, — въ апрѣлѣ Бѣлугины уѣхали въ деревню, приглашая учителя погостить къ себѣ въ каникулярное время.—«Пріѣзжайте къ намъ», картавила при прощаньи Марья Карповна, развалилась въ креслахъ, съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ,—«можетъ, вамъ опять придется у насъ съ Колиньюкой заняться, если къ той порѣ учителя не прищемъ. Да смотрите же: если гдѣ увидите какіе стишки, непременно для меня спешите, и привезите, али хоть перешлите ко мнѣ: мои мужики часто бываютъ въ городѣ».

Василій кланялся, благодарилъ за приглашеніе и обѣщалъ исполнить желаніе госпожи Бѣлугиной. Также привѣтно простилась съ нимъ и старуха, сожалья вслухъ: что у ней теперь не будетъ подъ рукой такого послушнаго пиоца. Акулина тоже прослезилась и поцѣловала его при прощаньи въ обѣ щеки. Въ это время маленькій Коля смотрѣлъ въ окно,

стараясь скрыть слезы, то и знай набѣгавшія на его глазки.

Изъ этого можно заключить, что Василій не дурно зарекомендовалъ себя въ семействѣ Бѣлугиныхъ. Но онъ, по природной скромности, такое обращеніе приписывалъ необыкновенной добротѣ Марьи Карповны и всѣхъ окружающихъ ее, которые казались ему какими-то геніями добра, едва ли не съ облаковъ слетѣвшими, въ сравненіи съ его братомъ и невѣсткою.

Теперь читатель можетъ догадаться, для кого онъ переписывалъ стихотворную дребедень.

— Напрасно я робѣю, продолжалъ думать Василій, все еще не смыкая глазъ: Марья Карповна такъ добродушно меня приглашала, притомъ и стихи ей не дурно переписалъ, я увѣренъ, что она довольна будетъ. Со старухою тоже полажу, а съ Колинькой стану рыбу удить, въ лѣсъ за ягодами ходить... А ужъ какъ Акулина-то обрадуется!... И всѣ эти образы предстали его воображенію въ самомъ радужномъ свѣтѣ.

— Пойду къ нимъ... произнесъ онъ вслухъ рѣшительно,—пробуду недѣлю-другую, хоть отдохну, а можетъ и Колю опять придется поучить...

Но вотъ, черезъ минуту, темныя сомнѣнія налетѣли на душу Василья.

— Съ какими въ самомъ дѣлѣ глазами пойду я къ Бѣлугиной? раздумывалъ онъ,—что они мнѣ за родня? Конечно, ласкали меня, какъ дитю ихняго училъ... а теперь, можетъ у нихъ ужъ и есть учитель, какой-нибудь Французъ-фанфаронъ, или Нѣмецъ-выжига; ну и стихи представлю, вотъ-моль, сударыня... пятьдесятъ верстъ прошелъ, чтобъ вамъ ихъ поднести... А Марья-то Карповна можетъ только посмѣется... вотъ, скажетъ, сумасшедшій-то... Нѣтъ, глюпо!.. стыдно!.. не пойду...

Но несмотря на всѣ эти разсужденія и предположенія, какое-то неопредѣленное предчувствіе тянуло молодаго челоуѣка въ усадьбу Марьи Карповны.

Вдругъ размышленія Василья были прерваны топотомъ лошадей и брячаньемъ бубенчиковъ. Еще минута—раздался

стукъ въ ворота, шумъ смѣшанныхъ голосовъ, брань, и вскорѣ какой-то тяжелый экипажъ, средина между тарантасомъ и коляскою, съ громомъ вкатился на дворъ.

— Дворникъ! Что это у васъ и фонаря то нѣтъ? прибавилъ мужской голосъ изъ экипажа.

Василій подвинулся поближе къ окну. Голосъ показался ему знакомымъ.

— Помилуй, судырь, зачѣмъ фонарь! Посмотри-ко-сь, мѣсяцъ то за десять фонарей отвѣтитъ,—ствѣчалъ благоразумно, въ видахъ экономіи, дворникъ.

Однако на лѣстницѣ появилась старуха-хозяйка со свѣчкою въ рукахъ.

— Ой ты бестія!.. Отвѣтъ сейчасъ готовъ,—проговорилъ опять басистый голосъ, вѣроятно обращаясь къ дворнику.

— Онъ.... Мина Егорычъ...—замѣтилъ самъ себѣ Василій.

— Еремка, подлець! Чтожъ ты меня не высаживаешь?—раздался рѣзко-сухой женскій голосъ, — Сонька, мерзавка! Куда жъ ты кулечекъ съ пирогами дѣвала, а?

— Я, сударыня, за подушки кулечекъ положила-сь... Да вѣрно онъ попалъ подъ барина-сь...—отвѣчала дѣвочка изъ экипажа.

— Ахъ ты тварь этакая! Я приказала тебѣ на рукахъ держать, а ты...—вопила барыня уже стоя на крыльцѣ.

— На дѣвчонкѣ много спрашивать нельзя, матушка Аграфена Титовна,—отозвался Мина Егорычъ.—Какая слуга Сонька,—я говорилъ, что нужно-бы Феколку взять...

— Вы свою Феколку вѣчно бы на глазахъ желали имѣть... Боже мой! стыда въ васъ нѣтъ... безстыдникъ!

— Ну пошла... на тебя матушка и здѣсь угомону нѣтъ—хоть бы вспомнила, что съ нами Фаничка...

— Ахъ я и забыла совсѣмъ про Фаничку,—язвительно, какъ то сквозь зубы, произнесла Аграфена Титовна.

Но Мина Егорычъ уже не продолжалъ болѣе разговора съ супругою. Онъ обратился къ своимъ слугамъ, дюжему лакею Еремкѣ, и бородатому кучеру Филькѣ, приказывая себя освободить поскорѣе изъ мягкой перины, въ которую погрузла его фигура чудовищной толщины. Наконецъ,

послѣ нѣсколькихъ минутъ пыхтѣнья, онѣ, ведомый подѣ руки слугами, вступилъ на крыльцо.

— Не хорошо, матушка Аграфена Титовна, выдумала по ночамъ ѣздить... Ну долго ли въ потьмахъ оступиться, не хорошо, не хорошо—замѣтилъ онѣ, переводя духъ.

— Все для васъ же... Какъ васъ такую тушу въ полдневый жаръ повезешь, упаритесь, раскиснете, и изъ экипажа васъ не вытащишь—сказала Аграфена Титовна, и чета начала взбираться по лѣстницѣ. Между тѣмъ въ тарантасѣ долго ещѣ копалась маленькая десятилѣтняя служанка и Фаничка, дочь Мины Егорыча, барышня лѣтъ шестнадцати, забирая узлы, узелки и картонки. Потомъ и онѣ ушли наверхъ,—а вслѣдъ за ними потащилъ Еремка и огромную перину, безъ которой Мина Егорычъ не могъ обойтись въ дорогѣ. Потомъ Филька кучеръ побранился съ Еремкою, выпрягъ лошадей и завалился въ экипажѣ. Вскорѣ все затихло... а ночь уже уходила; на дальнемъ востокѣ появилась блѣдная полоса, мѣсяць тускнѣлъ, вѣтерокъ потянулъ утренней прохладой; но какъ ни закутывался Василій въ свой ветхій халатъ, какъ ни зарывался въ сѣно, сонъ бѣжалъ отъ него... Приѣздъ Мины Егорыча навелъ его снова на печальныя мысли (такъ онѣ грустно были настроены).

Мина Егорычъ Тетеринъ былъ помѣщикъ, прихожанинъ села Захарьина и самый близкій сосѣдъ. Василій зналъ его съ дѣтства, потому что бывши ещѣ семилѣтнимъ мальчикомъ, онѣ охотно бѣгалъ по воскресеньямъ въ Тетерино, гдѣ добрая барыня, первая супруга Мины Егорыча, кормила сироту сладкими пирогами.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Добрая барыня уже давно лежитъ подѣ бѣлою пирамидой на захарьинскомъ погостѣ. Мина Егорычъ женился на какой то мелкопомѣстной Аграфенѣ Титовнѣ, и чудовищно растолстѣлъ. Василій той порою дошелъ до философскаго курса.

Проведя безсонную ночь, часовъ въ пять утра, Васьянъ Яковлевичъ вышелъ тихонько изъ избы и отправился на сѣноваль.

— Васютка, ты спишь? — произнесъ онѣ, ложась возлѣ Василья.

Желанная дремота только-было начала смыкать глаза сына, но онъ ихъ открылъ.

— Нѣтъ, батюшка; а что вамъ?

— Мухи въ избѣ спать не даютъ.

Василій опять задремалъ.

— Послушай-ка, Васютка,—продолжалъ старикъ,—вѣдь я братъ всю ночь не спалъ, все думалъ... Э-эхъ!... Какъ ничего не видалъ, такъ и сердце мое не болѣло... а теперь, охо-хо, больно тебѣ, Васютка, плохое житье,—да помочь не могу... Яковличъ вздохнулъ.

— Мнѣ не первый день здѣсь жить-то, отвѣчалъ грустно молодой человекъ, у котораго отъ словъ отца сердце опять болѣзненно защемило.

— Право легче было, какъ не видалъ.

— Кто же вамъ велѣлъ идти сюда, и зачѣмъ?

— Эхъ, дуракъ ты, Васютка! Ну, разумѣется, первымъ долгомъ я желалъ провѣдать васъ, повидать, потомъ купить табачку, сапоги, котелокъ, соли да еще кой-чего... А теперь я рассчиталъ: денегъ то и недостаетъ у меня... Развѣ у Ивана попросить, да боюсь, осердится...

Василій повернулся внизъ лицомъ и не отвѣчалъ.

— Эхъ Васютка, Васютка—и я, и ты, оба знаемъ, что плохо, братъ, приходитъ... да! Съ Божіей помощью пустимся-ка въ Горки-то, а? Богъ съ нимъ съ ученьемъ-то, хорошо кабы на казну приняли, а то ой! ой! еще долго тянуть—а тамъ, братъ, въ Горкахъ-то зажилъ бы безъ горя, да! И меня бы на старости успокоилъ—не ужъ ли бы меня хлѣбомъ то укорилъ, а?

Василій молчалъ, но замѣтно было во всемъ тѣлѣ какое то содроганіе.

— Знаю, что не укорилъ бы,—продолжалъ старикъ,—а! дуракъ, да чтожъ ты ничего не отвѣчаешь, спишь чтоль, а?—Яковличъ наклонился къ сыну—ахъ ты, глупый, да ты въ слезы!—Василій въ самомъ дѣлѣ глухо рыдалъ.

— Ну, полно... Коли въ самомъ дѣлѣ желанія нѣтъ, Богъ съ тобою, я не неволю, учись... Ахъ, Васютка, кабы на казну—та тебя приняли—словно бы гора съ плечъ у меня свалилась! Нѣтъ такихъ благодѣтелей..! просить не кому...

Эх-ма... Къ кому сунешься... Въ умъ старика пришли всѣ лица, къ кому бы могъ онъ обратиться съ просьбою за Василья... Но лица эти все были ему неблагопріятствующія, которыя нѣкогда настояли на томъ, чтобъ отрѣшить его отъ мѣста.

— Батюшка... произнесъ сынъ, утеревъ глаза и повернувшись къ отцу,—не говорите мнѣ больше про Горки, не желаю я быть дьячкомъ... Однако иногда изъ нужды поступаешь и противъ желанія... И такъ не говорите мнѣ лучше объ этомъ мѣстѣ! Что дѣлать—надо потерпѣть: надѣюсь, что курсъ кончу хорошо... тогда, батюшка, какъ бы ни были скудны мои средства, я не забуду, что у меня есть отецъ... Но теперь прошу васъ объ одномъ: возьмите меня къ себѣ на каникулы..... голосъ Василья былъ рѣшителенъ.

Старикъ Майскій покачалъ головою, ему не хотѣлось прямо сказать сыну, что онъ будетъ ему въ тягость.

— Ты соскучишься у меня, Вася—а то я бы радъ—отвѣтилъ отецъ, подумавъ.

Сынъ какъ будто понялъ мысль старика и сказалъ:

— Вы, можетъ, думаете, батюшка о томъ, что мнѣ тѣсно будетъ у васъ въ стѣнкахъ, то вы не беспокойтесь, я у васъ не буду.... Я той порой схожу въ М—й монастырь на богомолье, повидаюсь съ крестнымъ, побуду у него, отдохну.... Мнѣ только нужно, чтобъ вы брату сказали: что вы меня берете съ собою. къ себѣ... (Надобно замѣтить, что крестный отецъ Василья былъ монахомъ М—го монастыря).

— Не знаю, не знаю какъ, Васютка, быть то,—бормotalъ старикъ, и тебя мнѣ жаль.... Да боюсь, Иванко-то осердится... Ну какъ одна то Сергѣевна съ четверкою останется? трудно ей безъ тебя....

— Вѣроятно, обойдутся безъ тунеядца, котораго шесть лѣтъ корятъ кускомъ хлѣба.... А можетъ еще и обрадуются моему уходу, отвѣчалъ грустно Василій.

V.

На другой день подъ вечеръ старикъ Майскій сидѣлъ у окна и тѣшилъ самаго маленькаго внука; подъ другимъ

Сергѣевна что-то работала. Василій въ заднемъ углу копался, укладывая въ дорожную котомку свою сюртучную пару, перемѣну бѣлья, и нѣсколько книгъ, между коими находилась тщательно обвернутая въ бумагу, пресловутая тетрадь.

— Напрасно ты, батюшка, у насъ не погостилъ, продолжала начатый разговоръ невѣстка, придешь изрѣдка насъ навѣстить, да и то словно на угольяхъ.

— Нельзя, Дарья Сергѣевна; отпросился ишь не на долго; и то, я чаю, безъ меня, нѣмой-то мой товарищъ — взбѣленился не на шутку, — отвѣчалъ Яковличъ.

— Положимъ, что и такъ... а вотъ Васю-то съ собой берешь, — такъ ужъ право Бога не боишься, батюшка! Подумай-ка.... Вѣдь я безъ него что безъ рукъ останусь; выйду на часъ изъ избы, такъ ребятишки безъ присмотра, или головы другъ-другу посломаютъ, — или глаза повыколютъ....

— Что дѣлать, что дѣлать.... проговорилъ чуть слышно свекоръ, не зная что сказать болѣе, потому что сознавалъ справедливость невѣсткиныхъ словъ.

— Что вы на одиночество-то жалуетесь? отозвался вдругъ Василій, боясь, чтобъ отецъ не уступилъ. Ваши родные въ одномъ домѣ съ вами живутъ — они могутъ помочь вамъ и въ хозяйствѣ...

— Нечего тебѣ о моихъ родныхъ то толковать.... самъ то о себѣ говори — безшабашная твоя голова! Подумайка хорошенько — куда ты идешь, а? — почти закричала Сергѣевна, по обыкновенію, входя уже въ азартъ.

— Куда иду? Въ Захарьино, отвѣчалъ хладнокровно молодой человѣкъ.

— А что въ Захарьинѣ дѣлать будешь? по-міру что-ль ходить? разсудить того не хочешь, — что батюшка и самъ-то съ горемъ пополамъ живетъ.

Послѣднія слова Сергѣевны сильно укололи сердце Василья. Онъ быстро отбросилъ въ сторону книгу, которую хотѣлъ-было уже положить въ котомку, но ничего не сказалъ.

— Такъ и выходитъ, съ батюшковой-то стороны баловство одно, — продолжала сноха, — а съ твоей стороны упрям-

ство: дескать, поставлю на своемъ, досажу и брату и снохѣ, уйду... Вѣдь, голубчикъ Василій Васьянычъ! въ Захарьинѣ-то, не вѣкъ пробудешь—къ намъ же придешь... Надѣяться то больше не на кого!..

У молодого человѣка навернулись слезы... Ему представилась горькая необходимость возвращенія подъ тотъ же братиниѣ кровь, и онъ прошепталъ едва слышно:

— Да, ваша правда, не на кого мнѣ надѣяться кромѣ Бога....

— Ну, *на Бога надѣйся, а самъ не плошай*, пословица говоритъ, возразила сноха.

Вошелъ Иванъ и искоса вѣхъ окинулъ глазами, молча раздѣлся и сѣлъ възлѣ отца.

— Иванъ Васьянычъ, батюшка домой завтра уходитъ, заговорила жена.

— Что-жъ не гостишь у насъ? не нравится? молвилъ Иванъ, обращаясь къ отцу и не взглянувъ на жену.

— Спасибо, Ваня... будетъ, нагостился, пора и ко дворамъ, отвѣчалъ старикъ.

— На два дня не зачѣмъ было и приходить, продолжалъ сынъ.

— Пришелъ то я, по правдѣ сказать, за тѣмъ, что думалъ кой что купить для себя въ городѣ; примѣрно, какимъ нибудь балахономъ обзавестись. Сибирка то моя, увы! почти каждый Божій день ушиваю; да ужъ такъ проклятая истлѣла, что и на ниткахъ не держится.... Видѣлъ, продавала сегодня баба на рынкѣ, сибирочка синенькая, и какъ разъ мнѣ въ пору...

— Ишь, щегольство въ головѣ, прервалъ Иванъ отца: въ синюхѣ походить желается, а по-стариковски бы — купилъ овечій смурякъ захарьинской фабрикаціи да и все тутъ!.. Лишь бы старое тѣло пригрѣто было.

— Такъ и придется сдѣлать, потому что за сибирку то два цѣлковыхъ просятъ; а въ карманѣ то у меня всего—на все три четвертака.... куда ихъ подернешь? проговорилъ грустнымъ тономъ Яковличъ и вздохнулъ, прижавъ руку къ лѣвому карману своей полосатой жилетки.

— Значитъ — попустому нечего было и ноги въ городъ забивать—замѣтилъ старшій сынъ.

— И Вася тоже въ Захарьино съ батюшкой идетъ,— воскликнула Сергѣевна.

— На всѣ четыре стороны дорога, отвѣтилъ мужъ сквозь зубы, взглянувъ изъ-подлобья на Василья.

— Хорошо тебѣ такъ говорить, когда домашнее дѣло до тебя не касается—закричала уже хозяйка, каково то мнѣ одной съ ребятишками остаться?

— Слышишь, Васютка! Дарѣй Сергѣевнѣ значитъ желается, чтобъ ты не уходилъ, сказалъ старикъ,—ну и останься... ссориться съ родными не годится. Вѣдь я тебя силой не тащу.... самъ же ты....

— Такъ и есть.... у насъ подслуживаньямъ и конца никогда не будетъ, подумалъ Василій и сказалъ вслухъ, стараясь казаться какъ-можно покойнѣе: Для чего же я останусь, когда мнѣ на всѣ стороны дорога? По крайней мѣрѣ я мѣсяца полтора не буду ѣсть братцева хлѣба....

Молодой человѣкъ сознавалъ, что окончательно ссорился съ братомъ, но въ сердцѣ его столько накипѣло горечи, что онъ не могъ удержаться, чтобъ не высказать этихъ досадныхъ словъ.

— Полтора мѣсяца, а можетъ и больше, кто знаетъ... замѣтилъ братъ язвительно.

У Василья сердце облилось кровью; но несмотря на то, что не предвидѣлъ покуда и за братнинымъ порогомъ ничего для себя утѣшительнаго, онъ ни на шагъ не отступилъ отъ своего рѣшенія, и не переставалъ укладывать своей котомки, стараясь казаться совершенно спокойнымъ.

Въ это время маленькая Дуня влѣзла на лавку и подошла къ нему.

— Дядя, сказала она, ты уйдешь отъ насъ?

— Уйду.

— Куда же ты уйдешь? Далекое?

— Далекое, Дуня, отсюда не видно.

Дуня обняла Василья и повисла у него на шеѣ.

— Не уходи, голубчикъ дядя! Безъ тебя тятя насъ всѣхъ

прибѣтъ...и меня, маму, всѣхъ... лепетала дѣвочка съ плачемъ. Не уходи, миленькій дядя...

У Василья навернулись слезы. Онъ хотѣлъ ее отстранить, но Дуня крѣпко держалась и плакала.

— Пошла прочь, Дунька! крикнулъ отецъ. У Дуни опустились ручки; она отошла, сѣла въ уголокъ и тихонько хныкала.

— Ай, упрямый парень! Ишь котомку-то увязываетъ, проговорила между тѣмъ Сергѣевна, покачивая головою и смотря *не совсѣмъ пріязненно* на девера.

Въ этотъ вечеръ, улегшись спать, Сергѣевна долго бранилась съ мужемъ, настаивая на томъ, чтобъ онъ остановилъ брата. А Иванъ, какъ и всегда, потому только и не хотѣлъ остановить Василья, что этого непременно хотѣлось женѣ.

Старикъ Майскій также отправился на сѣноваль, урезонивать младшаго сына — *покориться* и остаться въ городѣ; въ чемъ однако Василій отказалъ отцу наотрѣзъ. И вотъ на слѣдующее утро, часовъ въ семь, отецъ и сынъ вышли за городскую заставу. Василій, въ томъ же ветхомъ, полосатомъ халатѣ, согнувшись подъ тяжелою котомкою, которая висѣла у него за спиною, молча шелъ широкими шагами. Вслѣдъ за нимъ, едва поспѣвая, семенялъ его родитель мелкою рысью. Онъ бережно перекладывалъ порою съ руки на руку холщевый мѣшечекъ, въ который при прощаньи ворчливая невѣстка положила краюху хлѣба и пирога съ лукомъ.

Чистъ былъ утренній воздухъ, прохладный вѣтерокъ шумѣлъ въ вѣткахъ придорожныхъ березокъ. Подъ его капризными порывами стлался волнами колосистый ячмень и высокая рожь, между колосьями которой лазоревые васильки граціозно покачивали своими миловидными головками. Возлѣ ближняго лѣса, на широкой полянѣ сушилось скошенное сѣно. Крестьянки, въ однѣхъ рубахахъ, съ выстроченными красною бумагою подолами, переворачивали сѣно граблями; ихъ смѣхъ и звонкіе голоса доносились вѣтромъ до ушей нашихъ путниковъ.

Свѣтлоголубой куполъ неба широко обнималъ плоскія

окрестности и солнце потоками свѣта обливало эту простую, мирную картину. Но пѣшеходы наши не обращали на нее особеннаго вниманія, потому что Яковличъ давно уже къ ней приглядѣлся, а Василья тяготили такія грустныя мысли, что онъ, какъ будто стараясь размыкать ихъ, все болѣе и болѣе ускорялъ шагъ, такъ что отецъ уже не вытерпѣлъ и вскрикнулъ своимъ дребезжающимъ голосомъ:

— Васютка, стой, дуракъ! Вѣдь ты меня совсѣмъ этакъ уморишь... что бѣжишь больно, съ цѣпи что-ль сорвался?

— И въ самомъ дѣлѣ похоже на то, сказалъ молодой человѣкъ, останавливаясь; вы устали, батюшка?

— Еще бы... *у стараго коня не по-старому пзда*,—ноги, братъ, совсѣмъ отказываются... Сядемъ—ка лучше, да перекусимъ. Пятнадцать верстъ отшагали, ну и ладно,—продолжалъ старикъ, показавъ рукою на верстный столбъ, стоявшій по другую сторону дороги, я думаю, ужъ полдень, ишь какъ солнышко—батюшко жарить.

Старикъ опустился на траву, въ тѣни кудрявой развѣсистой березки. Василій, снявъ съ себя тяжелую котомку, также послѣдовалъ его примѣру.

И въ самомъ дѣлѣ солнышко страшно пекло, въ воздухѣ сдѣлалось спокойнѣе, вѣтерокъ все рѣже и рѣже волновалъ высокую зеленѣющую ниву, деревья не шумѣли, пестрое стадо переходило черезъ дорогу на свою полдневную стоянку.

— Спасибо Сергѣевнѣ... ишь какой славный пирогъ—то испекла, проговорилъ Яковличъ, съ наслажденіемъ разламывая пирогъ и подавая одну половину сыну, который, полулежа, грустно глядѣлъ вдоль песчаной дороги.

— Ну, Васютка! Хоть сердись, хошь нѣтъ, а ты не ладно, дуракъ сдѣлалъ, что ушелъ отъ брата, сказалъ черезъ минуту старый дядечекъ, —да, не ладно... Худы ли, хороши ли, а все, братъ, родные — пригодятся...

Василій не отвѣчалъ и только усердно кидалъ кусочки пирога появившейся близъ него воронѣ.

— Не ладно...—продолжалъ Васьянъ Яковличъ—и я-то, старый дуракъ, лѣшій меня обошелъ... послушалъ тебя и взялъ съ собою. Знаю, что Иванко и на меня губу надуль...

Эхе... хе... походишь, да къ нимъ же, братъ, придешь... да!

Василій вздохнулъ и удвоилъ порціи воронѣ.

— Иной разъ и самъ вижу, что напрасно тебя обижаютъ, да что будешь дѣлать, коли такой нравъ у Иванка; да и у снохи-то не лучше, какъ слѣдуетъ въ ладъ слова не молвить: завсегда взрываются... На всякое чиханье, вѣрно, Васютка, не наздравствуешься, да!... А все бы лучше въ Горки-то, а? Старикъ взглянулъ на сына и увидя, что послѣдній усердно кормить ворону, вскричалъ:

— Что ты, баловень... съ ума что-ль спятилъ! ишь вздумалъ пирогомъ птицъ кормить! шишь! шишь!—и Васьянъ Яковличъ поднялъ какую-то чурку и пустилъ ею въ незваную гостью.

Ворона встрепенулась, отлетѣла въ сторону, но чрезъ секунду уже опять прыгала на старомъ мѣстѣ.

— Ишь, нахальная! чтобъ тебя ястребъ унесъ!—повторилъ старикъ, бросивъ уже камнемъ.

Василій грустно улыбнулся. Отецъ замѣтилъ это.

— Чему ты, дуракъ, емѣешься? спросилъ онъ съ досадою.

— Ничего... такъ.. мнѣ пришло на умъ, что вотъ, скоро и меня погонять, какъ эту нахальную гостью,—когда я ворочусь къ брату, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Ктожь виновать?—ты ужъ не маленькій, долженъ самъ разсудить; коль не хочешь въ Горки, такъ не слѣдовало брата раздражать, и свою волю тѣшить...

— Покуда дѣло сдѣлано, а тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ, произнесъ сынъ.

— Ну, братъ: *самъ плохъ, такъ не подастъ Богъ*,—замѣтилъ отецъ правоучительно.

Василій отвѣчалъ глубокимъ вздохомъ. Это правило большей части людей практическихъ, или слишкомъ самонадѣянныхъ, — успѣло привиться къ его свѣжему любящему сердцу, которое волновалось только горемъ безвыходнаго положенія; но еще въ немъ ниразу не кипѣла желчь, или безсильная злоба. Василій только удивлялся, отчего такъ люди злы, но не умѣлъ еще ихъ презирать или ненавидѣть за это.

Послышалось звяканье бубенчиковъ и телѣга парюю вскорѣ поровнялась съ нашими пѣшеходами. На телѣгѣ сидѣло человекѣкъ шесть ребятшекъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, или въ ветхихъ халатахъ, взмостясь на мѣшки и котомки, наваленныя грудюю. Лошади шли лѣнивымъ шагомъ по глубокому песку, помахивая хвостами. Вслѣдъ за телѣгою, по окраинѣ дороги, въ сопровожденіи троихъ маленькихъ семинаристовъ, выступалъ знакомый намъ Сократъ Прохорычъ, въ длинной рубахѣ, жилеткѣ и шляпѣ; сапоги его были повѣшены на палку, которую онъ несъ на плечѣ.

— Ишь гдѣ выбрали мѣстечко... Добраго здоровья! прозвонилъ Сократъ надъ самымъ ухомъ старика Майскаго.

— Добро пожаловать... Да, что это ты никакъ цѣлый уѣздъ къ себѣ на телѣгу посадилъ! сказалъ Яковличъ, показывая на возъ.

— И то, около того... Да что будешь дѣлать—сивку не продашь... давай, думаю, чѣмъ порожнему ѣхать, — хоть живые повезу; къ своимъ-то и чужихъ присадимъ; да и не радъ—ишь жара, лошадей съ ними умучилъ, просили только котомки положить, а всю дорогу сами на телѣгѣ, словно тетеревы сидать... Эй, грамматика, долой! надо пожалѣть лошадушекъ! прибавилъ Сократъ такимъ зычнымъ голосомъ, отъ котораго невольно трое старшихъ пассажировъ спрыгнули на землю.

— Это Вася-то твой?... Э! братъ, ничего, молодецъ! выросъ! Давно правда я его не видалъ, продолжалъ Прохорычъ, смотря на Василья, который уже всталъ и подвязывалъ свою котомку.

— Выросъ.... Молодое растеть, Сократъ Прохорычъ.... Помнишь, о чемъ мы съ тобою прошлый разъ толковали, я и уговариваю дурака, — Яковличъ показалъ на сына, — такъ нѣтъ, упрямъ какъ козель...

— О чемъ-бишь мы толковали... насчетъ лошади-то? такъ несподручно, — Иванъ то твой ужъ очень дешево давалъ....

— Насчетъ лошади — не мое дѣло, — перебилъ старикъ, мы толковали насчетъ мѣста въ Горкахъ...

— Э, братъ, Васьянъ Яковличъ! Опоздалъ любезный! воскликнулъ Прохорычъ, прищелкнувъ языкомъ, — слышь,

какъ только провѣдалъ о томъ архангельскій дьяконъ въ городѣ, такъ туда съ сыномъ и свиснулъ... да! Конечно, царень безобразникъ, не знаю, какими судьбами въ семинари удержался, сколько разъ выгнать хотѣли, — а ужъ насчетъ голоса—басъ то есть богатѣйшій... Примуть, знаю что примуть: князь хорошее пѣніе любить.

— Не наше, не наше счастье и есть! произнесъ старикъ Майскій, почесавъ въ затылкѣ; вотъ, дуракъ, какъ люди то мѣста ловятъ, обратился онъ къ сыну.

— Чтожъ? Давай Богъ всякому! молвилъ послѣдній.

— А ты!... Эхъ-ма... горе мое съ тобою! Яковличъ махнулъ рукою и принялся завязывать мѣшокъ съ остатками съѣстнаго.

— Тужить покуда не о чемъ, Васьянъ Яковличъ! Вася, Богъ дастъ, кончитъ курсъ; такъ не та дорога впереди... молвилъ Сократъ. — А вотъ мнѣ досадно, что тебя, старца, подвести не могу, телѣга полнымъ-полна...

— Не хлопочи, пріятель, и за прошлый разъ спасибо... Теперь, слава Богу, отдохнули...

Вскорѣ всѣ встали и пошли.

Минуть черезъ десять ихъ объѣхалъ Мина Егорычъ Тетеринъ, въ своемъ огромномъ экипажѣ. Несмотря на поуканья и подхлестыванья кучера Фильки, дюжая тройка едва тащила массивную *машину*, половину которой занималъ, собственно особою, не менѣ массивный хозяинъ. Старикъ Майскій привѣтствовалъ экипажъ своего прихожанина низкимъ поклономъ, чего впрочемъ дремлющій въ подушкахъ помѣщикъ не замѣтилъ. Яковличу отвѣтилъ только съ высокими занятокъ дюжій Еремка.

Пріятели поднялись на пригорокъ, гдѣ Прохорыча поджидали лошади и его спутники и дьячки разстались. Сократъ повернулъ съ своимъ возомъ влѣво по узкому проселку, Майскіе держали путь прямо. Они молчали попрежнему, и только порою отирали струившійся по лицамъ обильный потъ. Пройдя версты три, они подошли къ большому мосту, который былъ перекинутъ черезъ глубокой оврагъ, поросшій ивнякомъ. На днѣ оврага таился чуть слышный журчавшій ручеекъ; перебѣгая по камешкамъ, онъ, кой-гдѣ

между густой травой, сверкаль на солнцѣ своею чистою и холодною струйкой. По другую сторону оврага, не далеко отъ моста, стояль тетеринскій экипажъ. Лошади были отпряжены и кормились; почти у самыхъ ихъ ногъ, на травѣ, въ тѣни экипажа, лежалъ кучерь; самъ Мина Егорычъ и его семейство расположились также на отлогомъ склонѣ къ ручью, въ тѣни кустарниковъ, подъ тѣнью растянутой на деревцахъ простыни. Тучная фигура Мины Егорыча, въ шелковомъ яркомъ халатѣ и соломенной фуражкѣ, лежала на подушкахъ; возлѣ него сидѣла сухощавая его сожительница, и забавлялась ягодами. Въ сторонѣ Фаничка, въ черномъ платьѣ, вмѣстѣ съ маленькой прислужницей копались въ корзинкѣ, выбирая оттуда чайную посуду. Внизу у ручья Еремка раздуваль самоваръ.

— Васютка, смотри-ка, какъ господа-то *проклажаются*, чай вѣрно хотятъ пить... Оно и хорошо, и кустики, и травка... разсуждалъ Яковличъ, съ завистію посматривая на счастливецъ.

— Вѣдь это Мина Егорычъ! развѣ вы не узнали? молвилъ сынъ.

— И впрямь онъ, — заговорилъ старикъ, не переставая глядѣть, пріосѣнивъ старые глаза рукою; вонъ и Еремей съ самоваромъ возится... Пойдемъ-ка, Вася, баринъ то добрый, можетъ и насъ напоить чайкомъ.... А куда бы хорошо, съ устатку-то!

— Какъ хотите, а ужъ я не пойду, отвѣчалъ сынъ.

— Дуракъ ты упрямый, не пойду!.. Ну отчего не пойти? Ну, отчего?.. пойдѣмъ да и разъ.

— Къ какой стати? Не пойду, а вотъ я сойду внизъ, къ ручью, пить, смерть, хочу.

И Василій побѣжалъ по крутой, едва замѣтной тропинкѣ, хватаясь на бѣгу за листву кустарниковъ.

— Этакой козелъ упрямый... не по мнѣ, вовсе не мой нравъ; замѣтилъ съ досадою отецъ, слѣдуя осторожно за сыномъ въ глубину оврага.

И оба, присѣвши къ ручью, принялись пригоршнями черпать освѣжающую влагу и утолять жажду.

— *Не пей нападкой, уььетъ лопаткой* — грянулъ съ про-

тивуположной стороны Мина Егорычъ и захохоталъ во все горло. Яковличъ поднялся на ноги и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Апрельъ Майевичъ! аль Май Апрельевичъ!—все забываю! продолжалъ помѣщикъ; ну, просто старый хрѣнь... Куда путь держишь?..

— Изъ города въ Захарьино, отвѣчалъ старикъ, вертя картузь въ рукахъ.

— Гряди сюда!—прибавилъ опять Тетеринъ, помавая Яковличу свою жирною десницей.

Старый дьячокъ, согнувшись самымъ почтительнымъ образомъ, словно виноватая кошка, приподнялъ свою сибирку, перешелъ бродомъ ручей, и вкарабкался до Мины Егорыча, оставивъ за собою оторопѣвшаго сына, который не зналъ что ему дѣлать: идти-ли за отцомъ, или подождать....

VI.

— Многолѣтняго здравія, Мина Егоровичъ! продребезжалъ старый дьячекъ, съ низкимъ поклономъ очутившись передъ помѣщикомъ.—Какъ васъ Господь Богъ милуетъ, сударыня Аграфена Титовна?—прибавилъ онъ дѣлая такой же поклонъ барынѣ.

— Ничего, Яковличъ, помаленьку—отвѣтила благосклонно Аграфена Титовна, которая, несмотря на свой строптивый характеръ,—всегда благоволила къ бѣдному приходскому сторожу; потому что каждый разъ, когда она бывала въ церкви,—Яковличъ съ поклономъ подавалъ ей на тарелкѣ просфору или работѣнно разстилалъ передъ мадамъ Тетериной ея коврикъ.

— Хочешь чаю, старый хрѣнь? спросилъ Мина Егоровичъ, выпуская изо рта огромную струю дыма (Мина Егорычъ курилъ) которая пошла гулять, по огромнымъ полусѣдымъ бакенбардамъ.

— Если ваша милость будетъ, отвѣчалъ смиренно Яков-

личъ, поглядывая завистливымъ окомъ на двѣ пивныя опорожненныя бутылки, которыя валялись около Мины Егорыча, и на третью, еще нераскупоренную.

— Алъ водки хочешь? спросилъ опять толстякъ, хохоча во все горло.

— Да будетъ по вашему милостивому усмотрѣнію—проговорилъ дьячокъ.

— Каковъ, ха, ха, ха! ахъ ты Май Апрельевичъ, алъ Апрельъ Майевичъ! чортъ тебя знаетъ,—все забываю, какъ тебя зовутъ?

— Васьянъ Яковлевъ, сынъ Майскій, отвѣчалъ съ поклономъ Яковличъ—однако какъ, сударь, не зовите,—только хлѣбомъ—солью кормите.

Мина Егорычъ выпустилъ чубукъ изъ зубовъ, опрокинулся на подушку, и что называется покатывался со смѣху, трясаясь тучнымъ тѣломъ, словно въ припадкѣ падучей.

Тетеринъ былъ отъ природы страшный хохотунъ. Но потѣшаться надъ старымъ дьячкомъ находилъ особенное удовольствіе, хотя въ наружности старика скорѣе было болѣе жалкаго, чѣмъ смѣшнаго. И, несмотря на то, Яковличъ даже въ церкви не избѣгалъ отъ шутки Мины Егорыча, когда послѣдній пріѣзжалъ въ церковь по праздникамъ.

Можетъ быть потому трунилъ Тетеринъ надъ сторожемъ, что трунить ему болѣе было не надъ кѣмъ. Сосѣди были люди все такого сорта, что шутить надъ собою никому бы не позволили; такихъ мелкотравчатыхъ, *необидчивыхъ*, по близости не было. Затрогивать свою супругу онъ боялся, а шутить надъ прислугою считалъ непозволительною фамиллярностью. Правда, иногда Мина Егорычъ, подъ веселый часъ, порывался потрунить надъ Феклой, горничной, хорошенькой, румяной дѣвушкой; но за этимъ Аграфена Титовна зорко слѣдила и всѣми средствами старалась подавить развитіе такой неприличной фамиллярности между бариномъ и крѣпостной дѣвкой. Былъ когда то въ домѣ Тетериныхъ большой, сѣрый котъ, котораго Мина Егорычъ звалъ заморскимъ, и потѣшался надъ нимъ, сколько душѣ было угодно, привязывая къ хвосту его бумажку, или вѣшая бубликъ на шею,—отчего, разумѣется, котъ фыркалъ и, рас-

пусть хвостъ, какъ бѣшеный, носился по комнатамъ; а до-вольный баринъ хохоталъ во все горло. Но всему свой че-редъ; давно уже заморскій котъ зарытъ въ саду подь гу-стою липою, а Мина Егорычъ трунить надъ Васьяномъ Яковлевымъ, сыномъ Майскимъ.

— Мина Егорычъ, вы, кажется, рѣшились ошодня живо-ты себѣ надорвать, сказала Аграфена Титовна, видя, что ея супругъ не перестаетъ хохотать—маленькій вы, что-ли?

— Ей-Богу, матушка, удержаться не могу.... ой, мочи нѣтъ!... уморилъ меня старый чортъ—совсѣмъ уморилъ... духу перевести не могу.... отвѣчалъ прерывающимся голо-сомъ Тетеринъ.

— Никакой уморы нѣтъ.... дурачитесь вы, больше ниче-го...—Эй, Еремка, поспѣетъ—ли у тебя сегодня самоваръ—то, баналья! — прибавила Аграфена Титовна, смотря внизъ. Но раздувавшій самоваръ Еремка не заблагоразсудилъ отоз-ваться.

— Садись, старый хрѣнъ,—гость будешь, проговорилъ, на-хохотавшись до—сыта толстякъ.—Аграфена Титовна, напой его, матушка, чаемъ и водочки дай—обратился онъ къ женѣ.

— Вотъ еще вадумали.... куда такому старику водки... ошь и ногъ, пожалуй, до Захарьина не дотащитъ — отозва-лась хозяйка. Потомъ, видя, что Яковничъ, какъ—то безпе-койно поглядываетъ за ручей, гдѣ дожидался его Василій, сѣла подь кустомъ, она спросила:

— На кого ты смотришь, кто это такой?

— Это, сударыня, мой сынишко—отвѣчалъ Яковлевичъ.

— Гдѣ твой сынишко? подавай его сюда! подхватилъ Мина Егорычъ.

— Если вашей милости угодно, сейчасъ онъ придетъ,—и Яковничъ принялся махать Василью.

Дѣлать было нечего. Молодой человекъ перешелъ ручей, робко подошелъ къ группѣ и неслѣло поклонился. Агра-фена Титовна обвела его съ ногъ до головы своимъ не сли-шкомъ симпатичнымъ взглядомъ, чѣмъ еще болѣе заста-вила Василья сконфузиться.

— Твой сынъ! который же это у тебя? пробасилъ Мина

Егорычъ, утаивая на Василья свои занявшіе жиромъ глаза.

— Младшій, судырь, Васютка, который, если ваша милость припомнить изволите, навсегда къ вамъ въ Тетерино бѣгалъ, при жизни Лукеры Ивановны, вашей покойной супруги, — дарство ей небесное, ангельской душѣ — проговорилъ какими то умиленнымъ голосомъ старый дьячекъ.

Аграфена Титовна неприязненно взглянула на него, какъ будто похвалу покойницѣ ставила въ обиду своей особѣ.

— Помню.... помню... какъ будто вспоминая что то, проговорилъ Тетеринъ, онъ былъ такой пухлый и бѣлый словно заяцъ.... Давно это было... ну а теперь выросъ.... Садись! — прибавилъ онъ, ласково взглянувъ на Василья.

Послѣдній что-то не внятно пробормоталъ, оглянувшись свой нищенскій костюмъ и, спустивъ съ плеч котомку, сѣлъ подъ кустъ.

— И азъ многогрѣшный, съ позволенія милостивыхъ господъ, тому же послѣдую — проговорилъ Яковличъ, опускаясь на траву возлѣ сына.

Той порой дѣвочка служанка разостлала передъ барыней скатерть, за что въ награду получила нѣсколько тычиновъ въ зубы, оттого что послѣдней показалось, будто скатерть постлана была косо. (Аграфена Титовна начала уже входить въ свой характеръ). Боясь заплакать, дѣвочка сдѣлала гримасу; за что опять получила отъ щедрой господской ручки звонкую пощечину.

Василій робко оглядѣлся и съѣжился, съ полнымъ желаніемъ, какъ бы нибудь поскорѣе улизнуть.

Подошла стройная, высокая барышня, дочь Мины Егорыча, выгнула головою на поклонъ нашихъ бѣдяковъ, подала Аграфенѣ Титовнѣ банку съ вареньемъ и сѣла возлѣ отца.

Еремка подалъ самоваръ и получилъ за медленность хорошую нотацию отъ барыжи, и вдобавокъ названіе канальи.

Наконецъ Аграфена Титовна, бросая на всѣхъ недовольные взгляды, принялась наливать чай.

— Ну чтожъ ты теперь, риторъ, что-ль?—спрашивалъ между тѣмъ Василья Мина Егорычъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, на философскомъ курсѣ состою-съ—отвѣчалъ молодой человекъ, привставъ.

— Значить перещеголялъ отца... Молодецъ!—замѣтилъ помѣщикъ; впрочемъ, чортъ его знаетъ, можетъ и онъ философъ?

— Только, сударь, до грамматики дошелъ, отвѣчалъ смиренно дьячекъ.

— И возвратихся вспять.... подговорилъ Мина Егорычъ, залившись опять оглушительнымъ хохотомъ. Потомъ спросилъ дочери, показывая на Василья:

— Помнишь-ли ты этого мальчугана, Фаничка, а?

— Не знаю, папенька... какъ будто что-то знакомое припоминаю.... отвѣчала дѣвушка, и устремила на Василья свои большіе глаза, которые имѣли грустное выраженіе. Отъ этого пристального взгляда семинаристъ чрезвычайно сконфузился и не зналъ куда дѣвать ему свои руки.

Но вотъ Фаничка вдругъ отвела глаза отъ Василья и прикрыла ихъ рукою, какъ будто защищаясь отъ хаоса воспоминаній, внезапно нахлынувшего на ея молодую душу.

— Забыла, душенька, забыла; а еще играла вмѣстѣ съ нимъ—я думаю что играла,—да? повторилъ отецъ.

Фаничка ничего не отвѣтила; но въ ея памяти мало по малу выяснилась давно забытая, живая, свѣтлая картина дѣтства. Передъ ней явился широкій балконъ ихъ деревенскаго дома. На балконѣ ея мать—молодая, красивая женщина, съ круглымъ, улыбающимся лицомъ, съ густою, русою косою, сама варить на жаровнѣ варенье. Передъ ней стоитъ на заднихъ лапкахъ маленькая желтенькая собачка; на порогѣ въ гостиную, сидитъ няня Фанички и штопаетъ чулки. На одной изъ ступенекъ лѣстницы, ведущей съ балкона въ садъ, стоитъ мальчикъ въ грязной рубахѣ и ѣстъ большое красное яблоко. Онъ несмѣло посматриваетъ на большую кучу, которую держитъ въ рукахъ Фаничка.

— Вспомнила, папенька,—молвила дѣвушка, отнявъ руки отъ глазъ. Но папенька не слыхалъ ея словъ, онъ допрашивалъ Василья.

— Ну что, мальчуганъ—нѣешь водку, а?

— Никакъ нѣтъ—съ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, кончу-
заясь.

— Похвально.... а табакъ куришь?

— И того не употребляю—съ.

— И то похвально,—замѣтилъ Мина Егорычъ. Ну матушка, Аграфѣна Титовна, напои его чаемъ. А что жъ ты старому-то хрѣну еще не поднесла?

— Шибко приказываете, Мина Егорычъ! Вы вѣрно вообразили, что говорите съ служанкой; позвольте вамъ напомнить, что я ваша жена,—проговорила съ неудовольствіемъ Аграфѣна Титовна.

— Ну ужъ сейчасъ, матушка, и обидѣлась—Богъ знаетъ чѣмъ?... пошла теперь... Эй, Еремка! тамъ въ коляскѣ, въ лѣвомъ карманѣ, моя плетеная фляжка—подай ее сюда,—приказалъ лакею Мина Егорычъ.

Явился Еремка съ фляжкою и стаканчикомъ. Помѣщикъ собственноручно налилъ живительной влаги и помянулъ дьячка. Послѣдній не подошелъ, а какимъ-то кубаремъ подкатился по травѣ къ милостивому барину, съ наслажденіемъ вытянулъ стаканъ—и облизнулся.

— Дай вамъ Богъ.. Мина Егорычъ, дай вамъ Богъ многолѣтняго здравія! отвели мою старую душу, оживили... совѣсъмъ оживили, благодѣтель... проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Фавста Минишна, вы не хотите папенькѣ и чай подать? Словно не видите, что чашка давно налита, воскликнула придиричиво Аграфѣна Титовна, обращаясь къ падчерицѣ.

Фавста Минишна подошла, протянула руку, чтобъ взять огромную чашку папеньки. Но, задѣвъ рукавомъ одинъ изъ налитыхъ стакановъ, опрокинула его.

Мачиха окончательно вышла изъ себя. Голова ея качалась сама собою, словно у марионетки.—Что вы, внѣ себя что—ли? Замечались, кричала она, брызгая слюною у васъ все изъ рукъ постоянно валится, самаго простаго дѣла сдѣлать не умѣете; а еще въ столицѣ воспитывались еще на насъ грѣшныхъ свысока смотрите.... А сами—то... Эхъ, горе-горькое!...

— Что дѣлать, немножко виновата, не остереглась,— отвѣтила сконфуженная дѣвушка.

— Да полно, виноваты-ли вы въ самомъ дѣлѣ? Я знаю, что въ душѣ-то вы нисколько въ томъ не сознаетесь, продолжала насмѣшливо мачиха.

— Стаканъ не разбился.

— А вамъ хотѣлось-бы чтобъ онъ разбился? Но не о стаканѣ рѣчь, а о томъ, что молодая дѣвица должна все дѣлать ловко и осторожно... да-съ....

— А чтожь тутъ за важное дѣло такое сдѣбалось!... Ужь ты, матушка, какъ нападешь ни съ того ни съ сего на ребенка, такъ и рада цѣлыя сутки пилить, — отозвался глава семейства, принимая чашку отъ дочери, у которой рука страшно дрожала.

— Значить, по вашему Фавста Минишна ребенокъ?—право я и не знала... А я думаю, этого ребенка завтра же можно замужъ выдать... да по моему и пора бы... Только жаль бѣдняка, который намъ попадется,—совсѣмъ пропадетъ съ такой женой-хозяйкой.

— Чтожь я такое сдѣлала? Чѣмъ заслужила такое оскорбленіе, проговорила Фаничка, едва удерживаясь отъ слезъ.

— Я васъ оскорбляю? вонъ какъ!—воскликнула Аграфена Титовна; напрасно такъ понимаете; я только говорю правду, что вы хозяйкой, какъ слѣдуетъ, никогда не будете... да-съ... Вы даже прислугѣ приказывать не умѣете... Вы свою Ѳеколку до-нельзя избаловали; не понимаю я, чему только васъ почтенная ваша тетушка выучила?

— Сдѣлайте милость, оставьте мою тетушку въ покоѣ, она вамъ ничего худаго не сдѣлала, сказала падчерица дрожащимъ отъ слезъ голосомъ. На лицѣ ея, постоянно блѣдномъ, выступилъ яркій румянецъ, ноздри раздулись, грудь высоко поднималась. Она хороша, прекрасна была въ эту минуту,

— Конечно, продолжала мачиха, только съ вами-то покойница худо поступила, что даже и того не внушила вамъ, какъ должна благородная дѣвица держать себя со старшими.

Какъ будто разрозившись потокомъ нравоученій и досадныхъ словъ, Аграфена Титовна послѣднія слова произнесла уже обыкновеннымъ голосомъ и спокойно принялась

за наливаніе чая. Но Фаничка не дотронулась до своей чашки, встала и пошла бродить между кустами.

— На что это похоже, матушка... Ты цѣлый день нѣтъ готова; какъ у тебя языкъ не устанетъ? — замѣтилъ женѣ Мина Егорычъ, прихлебывая чай и смотря вслѣдъ уходящей дочери.

— Не устанетъ же у васъ горло хохотать каждую минуту, хоть вовсе ничего смѣшнаго нѣтъ, отозвалась мадамъ Тетерина; чтожъ касается до меня, то развѣ я не вправѣ была все это высказать по обязанности матери? Хотя Фавста Минишна, какъ воспитанная барышня, и равняетъ меня, какъ необразованную деревенщину съ послѣднею служанкою, ну да что-жь? Богъ съ нею, былъ бы съ моей стороны долгъ исполненъ!.. Аграфена Титовна закусила губы и вздохнула.

— Пошла, матушка, пошла рацей читать!—сказалъ самъ себѣ Мина Егорычъ, перевернувшись на подушкахъ.

— Балованное, сударь, дитя ваша Фавста Минишна, продолжала супруга, нѣсколько помолчавъ, что, напримѣръ, я ей сказала? а она сейчасъ и въ слезы. Право, посторонніе невольно подумаютъ, (при этомъ Аграфена Титовна вскользь взглянула на Майскихъ) подумаютъ, что ей у насъ самое горькое житье. Насъ и не такъ старшіе учили, да мы плакать не смѣли.

Тетеринъ кашлянулъ, словно поперхнулся чѣмъ, и вскричалъ:

— Эй, Еремка, подай барынѣ мою чашку и скажи, чтобъ наила.

Изъ-за куста выскочилъ Еремка и исполнилъ приказаніе барина.

Василій сидѣлъ словно на иголкахъ и проклиналъ случай, который ихъ натолкнулъ быть свидѣтелями этой во все не нѣжной семейной сцены. Онъ не помнилъ, какъ выпилъ свой стаканъ чая и дѣлалъ тайные знаки отцу, что ужъ время оставить гостепріимныхъ хозяевъ. Но старикъ не замѣчалъ знаковъ сына, едва успѣвая опоразивать свой стаканъ, который то и знай доливала Аграфена Титовна, совершенно сама того не замѣчая въ пылу своихъ монологовъ.

Потъ градемъ катился по морщинистому лбу стараго дьячка, а онъ все продолжалъ пить, не смѣя отговориться. Наконецъ видно не въ мочь стало Васьяну Яковличу, онъ успѣшно накрылъ стаканъ ладонью, въ который Аграфена Титовна уже снова готовилась налить чая.

— Премного благодаренъ, сударыня—продребезжалъ старикъ—за милостивое ваше угощеніе, приношу мою низайшую благодарность.

Сердитая хозяйка взглянула на него изподлобья.

— Пора ко дворамя, продолжалъ Яковличъ, вставая; Васютка, дуракъ, благодари господь—то.

Василій успѣшно вскочилъ, закинулъ за плечи свою котомку и кланялся безмолвно.

— Ну что-жъ не пьете чай?—пробасилъ Мина Егорычъ.

По горло довольны, благодѣтель, — пора и ко дворамя... Ваши кони, Мина Егорычъ, побыстрѣ нашихъ—вамъ не куда торопиться; а наши еще не разъ отдыха запросятъ, проговорилъ Яковличъ съ поклономъ.

Ну, какъ хочешь, чортъ съ тобою! Однако и намъ пора... Эй, Еремка, скажи Филькѣ, чтобъ закладывалъ лошадей!

Но Аграфена Титовна воспротивилась намѣренію супруга, доказывая, что если теперь Мину Егорыча насилу вытащили изъ экипажа, да еще въ такую жару продолжать путь до Тетерина, то супругъ ея такъ раскиснетъ, что и бѣда.... до ночи еще успѣемъ доѣхать—заключила она.

— И тутъ, мнѣ воли нѣтъ, подумалъ вслухъ Мина Егорычъ, и безнадежно спустилъ голову на подушку. Но потомъ прибавилъ, обрящаясь къ Василью:

— Я помню, какъ разъ ты у меня объ Рождествѣ славилъ, шепелявилъ страшно, шельма! Мы съ покойной Лушинькой не мало смѣялись надъ тобою.... да.... помню—Тетеринъ словно спохватился чего-то, пошарилъ въ карманъ халата, досталъ оттуда кошелекъ, изъ кошелька полтинникъ и, подавая его Василью, примолвилъ:

— Ну вотъ тебѣ покуда,—возьми на бѣдность.

И Василій взялъ, пробормоталъ невнятно что-то въ родѣ благодарности и покраснѣлъ... Но покраснѣлъ онъ только отъ робости; никакое другое чувство при этомъ не ше-

велило его сердце. Онъ былъ полонъ тѣхъ убѣжденій, что лучше принять милостыню, чѣмъ украсть. Яковличъ замѣтилъ блескъ серебряной монеты и какъ-то радостно вздрогнулъ.

— Васютка, дуракъ, благодари милостивца... ручку, дуракъ, поцѣлуй, бормоталъ старикъ.

— Куда, что вы... не надо!-произнесъ Мина Егорычъ, махнувъ своею жирною десницею, и поспѣшно спряталъ ее въ карманъ.

— Василій отдѣлался только поклономъ.

Тетеринъ такъ раздобрился, что еще наградилъ дьячка на дорогу бутылкою пива, на которую послѣдній такъ завистливо поглядывалъ.

Наконецъ, съ пожеланіемъ всѣхъ благъ добрымъ господамъ, Яковличъ оставилъ супруговъ и побрелъ вслѣдъ за сыномъ, по широкой, пыльной дорогѣ.

Смотря сквозь густыя вѣтки ивняка, Фаничка долго провожала глазами бѣдняковъ. Крупныя слезы капали съ ея густыхъ рѣсницъ; ей было горько и стыдно, что ее оскорбили при чужихъ...

Отойдя настолько отъ привала Тетериныхъ, что никто не могъ слышать, Яковличъ не утерпѣлъ и догналъ сына:

— Васютка, а Васютка! Сколько тебѣ баринъ далъ! цѣлковый, а?—спросилъ онъ.

Василій показалъ монету.

— Полтинничекъ! ну и на томъ спасибо! годится... Шутникъ, право, этотъ Мина Егорычъ, а баринъ добрый... Эхъ, кабы супруга-то была по немъ... не по немъ она... Вотъ покойница первая-то была такъ истинно ангельская душа!...

— Васютка! продолжалъ старикъ, не много помолчавъ, что ты намѣренъ на эти деньги купить, а?... Я бы тебѣ совѣтовалъ фуражку, или нѣтъ, жилетку—у тебя и жилетка плоха, а! какъ ты думаешь?

— У меня носовыхъ платковъ нѣтъ, отвѣчалъ сынъ, не переставая шагать.

— Что ты сказалъ? носовыхъ платковъ нѣтъ; а зачѣмъ

тебѣ они, вѣдь ты табаку еще не нюхаешь? Не надо, лучше жилетку купи, слышишь?

Василій не спорилъ, и молча тряхнулъ головою какъ будто соглашаясь на совѣтъ отца, хотя его занимали вовсе другія мысли.

Онъ не могъ надивиться тому, что ему сейчасъ привелось видѣть и слышать. До сихъ поръ Василій былъ убѣжденъ, что только люди такого сорта, какъ его братъ и невѣстка, въ состоянїи между собою грызться, какъ собаки; что между господами этого быть не можетъ. Бѣдный молодой человекъ слова *воспитаніе* не понималъ совершенно. (Хотя, сказать мимоходомъ, самъ очень легко могъ попасть въ наставники юношества.) Званіе барина и барыни были для него авторитеты, изнанку которыхъ теперь онъ такъ нечаянно увидѣлъ.

— Батюшка, заговорилъ противъ обыкновенія Василій, укорачивая шагъ,—видно, очень жуткое житѣ барышнѣ—то отъ мачихи?

— Съ чего ты взялъ? спросилъ въ свою очередь отецъ.

— Да развѣ не видно этого? По всему видно.

— Безъ этого нельзя, Васютка; молодымъ надобно иной разъ и острастку дать. Впрочемъ сказано: *Мачиха*, значить не мать родная... Кто ихъ знаетъ....

— Не узналъ бы я барышню, кабы встрѣтилъ одну — продолжалъ сынъ — не похожа она на мать; та бывало за- всегда весела... Ишь какая высокая выросла Фавста Минишна; а какъ теперь помню—когда ее нянька за ручку водила.... А должно быть эта жена Мину Егорыча держать въ ежѣвыхъ рукавицахъ?

— Что тутъ говорить, просто въ чортовыхъ когтяхъ держать... А ужъ какая нравная съ дворнею—та, и!.. бѣда... не въ кулакъ, а въ пригоршни отъ нея плачутъ.... Добрый человекъ Мина Егорычъ, а ослабъ совсѣмъ ослабъ... я думаю, не то бы было, коль-бы сынокъ при нихъ былъ....

— Гдѣ жъ онъ у нихъ?—спросилъ Василій.

— А Богъ его знаетъ—говорять, въ полку.

Отд. I.

1/4

Путники опять замолчали. Васьянъ Яковичъ поглядывалъ на горлышко бутылки, которую онъ несъ подъ мышкою, и не зналъ, какимъ бы образомъ ее раскупорить, Василій же раздумывалъ о томъ, что барышня, можетъ быть, терпитъ отъ махи не менѣе того—за что онъ ропщетъ на своихъ родныхъ. Что иной разъ, можетъ быть, Фавстѣ Минишиѣ и кусокъ въ горло нейдетъ, (какъ и сегодня чаю не пила) даромъ, что у отца роднаго живетъ. И какая она нѣжная; ну въ чемъ она можетъ быть виновата, такая смиренная... Словомъ, Фаничка казалась Василью такой безответной, интересной жертвой, достойной всевозможнаго участія и сожалѣнія. Но, раздумывая такимъ образомъ, молодой человѣкъ невольно мирился съ своей незавидной долей.

— Не одинъ я на свѣтѣ, эхъ!... не одинъ!—прошептала онъ и вздохнулъ глубоко.

Не доходя версты десяти до Захарьина, дорога двоялась—столбовая, шла прямо въ гору; между тѣмъ какъ другая—не широкая, круто поворачивая вправо, пролегла мѣстами по плоскому берегу какой-то безымянной, скудной рѣчки. Или, отходя не много въ сторону, вилась по низменнымъ лужейкамъ—до самаго Захарьина.

Василій при разбѣгѣ дорогъ остановился и сѣлъ.

— Ты отдыхать вздумалъ! ну ладно... Эка, не знаю, какъ мнѣ бутылку раскупорить—жажда мучить... Развѣ горлышко отбить?—сказалъ старикъ, садясь возлѣ сына и нянчась съ бутылкою.

— Я не для отдыха... такъ... мнѣ поговорить съ вами хотѣлось—молвилъ сынъ, перебирая рукою траву, и не глядя на отца.

— Поговорить... ишь дуракъ! Развѣ дома не наговоримся?... —

— Батюшка—прервалъ Василій,—я иду не въ Захарьино....

— Въ монастырь? такъ еще до него тридцать верстъ, сегодня не дойдешь; ночуешь у меня... А завтра Богъ съ тобою... посѣти крестнаго—дѣло благое—говорилъ дьячекъ.

— Итъ, не то... конечно, крестный!... Ну да я и от-туда къ нему зайду; а теперь я...

Яковличъ сдержнулъ съ себя картузь, и вопроситель-но глядѣлъ на сына.

— Я не хочу васъ обманывать... я собрался—продол-жалъ молодой человѣкъ, смотря въ сторону,—вы знаете, что я прошлой зимой барченка училъ... барыня меня приглаша-ла къ себѣ...

— Чтожъ, въ учителя? Ну дай Богъ!—воскликнулъ ста-рикъ радостно.

— Не знаю, попаду-ли въ учителя, можетъ у нихъ ужъ нанять другой; только она меня приглашала...

— И не въ учителя, такъ зачѣмъ-же? Яковличъ опять уставилъ на сына свои слезящіеся глаза, и вся его скудная фигура дышала недоумѣніемъ. Но вотъ какая то мысль мелькнула въ его старой головѣ. Онъ погрозилъ сыну паль-цемъ и проговорилъ:

— Смотри у меня, Васютка... смотри!..—Но какъ будто опомнился и спросилъ:

— А молода барыня—то?

— Марья—то Карповна? Я думаю, имъ лѣтъ сорокъ есть; и матушка у нихъ старушка,—отвѣчала простодушно Ва-силій.

— Хмъ! зачѣмъ-бы это? Ты смотри, дуралей, тово... держи ухо востро....—повторилъ родитель, не переставая смо-трѣть въ лице сыну. Послѣдній поднялъ на старика свои свѣтлые, кроткіе глаза. Яковличъ погладилъ свой скудный пучечекъ, и заключилъ, покачивая головою:

— Ну что-жъ? ступай... можетъ и счастье ожидаетъ!

Еслибы Василій могъ знать, что думалъ въ эту ми-нуту его отецъ, то покраснѣлъ-бы, какъ говорятъ, до кор-ня волосъ, и пошелъ-бы—или въ Захарьино, или назадъ въ городъ къ брату; но ужъ никакъ не къ Марьѣ Карповнѣ. Но онъ не подозрѣвалъ, что въ старой головѣ его родителя бродили не совсѣмъ чистыя мысли.

— И такъ прощайте.... я не знаю, можетъ я и завтра

приду къ вамъ въ Захарьино... Какъ еще примутъ меня Бѣлугины!—сказалъ Василій, вставая; протиснулся съ отцомъ и пошелъ по столбовой дорогѣ. Долго старикъ сидѣлъ и глядѣлъ вслѣдъ сыну; послѣдній нѣсколько разъ оглянулся—и махнулъ шапкою. Наконецъ Яковличъ всталъ, понюхалъ табаку, и прошепталъ:

— Можетъ и счастье ожидаетъ....—побрелъ по дорогѣ въ Захарьино.

А КОБЯКОВА.

Неизданные стихотворения А. Пушкина (*).

I.

Смотрю печально, молчаливо
На твой исписанный альбомъ,
И мыслю о порѣ счастливой,
Объ этомъ времени златомъ,
Когда кипучіе набѣги
Моей причудливой мечты
Вносили дюжины элегій
Въ такіе-жъ пестрые листы;
Когда на клятвы грѣховодникъ,
Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
Ихъ расточалъ, и былъ охотникъ
До упомельныхъ грѣховъ.
Теперь не то,—не тѣ ужъ грезы,
Не тѣ лѣта, и я душой —
Увы!—гожусь лишь для одной
Зѣвательной, почтовой прозы
Съ ея безгрѣшной чепухой.

(*) Эти стихотворенія доставлены редакціи Н. П. Грековымъ.

II.

Весь день, отъявленный лѣнивѣцъ,
Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
Мечтаю я: гдѣ-жъ тотъ счастливецъ
Кому падешь ты на удѣлъ;
Кто въ поцалухахъ этихъ губокъ —
Соперницъ нѣжныхъ устъ Харитъ,
Въ самозабвеньи полный кубокъ
Земнаго счастья осушить!
Къ кому уста твои и очи,
И замирающая грудь
Прильнуть во мракѣ тихой ночи
И не дадутъ тебѣ заснуть!

. . . . .
Клянѹ заранѣ Гименея
И грѣшную мечту лелѣя,
И ея образъ твой черти
Не сплю всю ночь, тоску тая,
Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ люблюсь втайнѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любитъся дитя.

. . . . .

МЫСЛИ ФРАНЦУЗА О ХАРАКТЕРѢ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ ГЕРМАНСКОЙ НАРОДНОСТИ.

Одна нѣмецкая пословица говоритъ очень справедливо, что слишкомъ много деревьевъ мѣшаютъ видѣть лѣсъ. Дѣйствительно, чтобы хорошо судить о пейзажѣ, надо разсматривать издали главныя линіи и общій видъ. На разстояніи 1000 километровъ, запутанное положеніе Германіи можетъ быть разъяснено и приведено къ своему простѣйшему виду. Иностранцу нечего бояться ни національнаго самолюбія, ни патріотическаго пристрастія. Надѣмся, что нашъ очеркъ будетъ справедливъ и въ то же время проникнуть сочувствіемъ, потому что мы любимъ отъ души Германію, какъ отѣчество Шиллера, Гете, Канта, Окена и Гумбольдта.

По какому-то взаимному соглашенію въ Европѣ вопросъ о національностяхъ подвергнутъ фундаментальному обсужденію. Этотъ вопросъ рѣшается удивительно просто, сравнительно съ социологіею, являющейся дѣломъ точной науки, и съ политикою, для которой необходимъ инстинктъ и здравый смыслъ. Этотъ вопросъ слишкомъ поздно возбужденъ для Германіи. Италіянское движеніе взволновало Германію и обратное дѣйствіе будетъ еще сильнѣе, когда дѣло дойдетъ до Венгріи. Судьбы германскаго народа разбирались при Маджентѣ и при Сольферино; объ нихъ идетъ дѣло въ Пес-

Отд. I.

тѣ и Дебречинѣ; дѣло Германіи рѣшить, были ли эти битвы для нея побѣдами или пораженіями, начнутъ ли онѣ собою новый рядъ униженій и страданій, или эпоху правосудія и свободы.

Въ наше время, вопросъ о національностяхъ былъ впервые пущенъ въ ходъ самою Германіею въ отношеніи къ Франціи. На сраженія при Аустерлицѣ и Іенѣ, она отвѣтила Лейпцигскими и Ватерлооскими ядрами, и на прочномъ основаніи построила принципъ національностей. Формула была дана, и затѣмъ Англо-Саксонцы, Панслависты и Палатинисты захотѣли въ свою очередь воспользоваться выгодною теоріею; въ концѣ концовъ дѣло повернулось противъ Германіи; Франція, Италія и Венгрія убѣждаютъ ее провести послѣдовательно выработанную ею доктрину.

I.

Національный характеръ.

Съ перваго взгляда Германія покажется странною, наиболее способною сдѣлаться жилищемъ могущественной, крѣпко сплоченной національности. На однородной почвѣ поселились племена, происходящія отъ одного корня и говорящія на одномъ языкѣ. Земля ихъ не разрѣзана поперечными значительными горными хребтами; разсѣянные внутри территоріи холмы и возвышенности не достигаютъ высоты вулканическихъ группъ Оверни и французскихъ Севеннъ; климатъ — ровный и умѣренный; обработка почвы, промыслы и обычаи жителей не представляютъ значительнаго различія. Въ географическомъ отношеніи тевтонская раса отдѣлена отъ галло-римской, и между тѣмъ эти два враждебныя племена до сихъ поръ не могутъ забыть взаимныхъ обидъ и столкновеній. Впродолженіи 2000 лѣтъ они нападали другъ на друга и завоевывали другъ друга. Въ эпоху римской республики Германцы Аріовиста вторгаются въ Галлію, къ которой приходитъ на помощь мнимый избавитель, Цезарь. Вторженіе Франковъ основало въ Галліи чисто германскую

державу подъ скиптромъ варварскихъ династій Меровинговъ и Карловинговъ; съ теченіемъ времени побѣжденные поглотили побѣдителей въ новой политической организаціи, принявшей имя Франціи. Это сліяніе было завершено французскою революціею 89 года, когда дворянство, основывавшее свои права на завоеваніи, потеряло всё свои политическія и гражданскія преимущества. Впродолженіи тысячи лѣтъ, сначала Германія напирала на Галлію, потомъ Франція тѣснила Германію и послѣ безчисленнаго ряда взаимныхъ нападѣній и оскорбленій, мы можемъ наконецъ надѣяться на окончательное рѣшеніе нашего вѣковаго процесса; что же касается до Италіи, то она не должна прощать Нѣмцамъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній нѣмецкій солдатъ не очиститъ ея территорію до Альпъ и до рѣки Изонцо; Нѣмцы вмѣстѣ съ дикими Пандурами срыли Миланъ, задушили Венецію и не разъ рѣзали и насиловали женщинъ прекрасной Ломбардіи. А между тѣмъ, не было недостатка въ географическихъ препятствіяхъ; двойная стѣна, Вогезы и Шварцвальдъ вмѣстѣ съ бассейномъ Рейна отдѣляли Францію отъ Германіи; чтобы спуститься въ роскошныя долины, въ которыхъ цвѣтутъ миртъ и апельсины, германскіе отряды должны были перебираться черезъ снѣжныя вершины Альпъ, отдѣляющія другъ отъ друга два міра—сѣверъ и югъ.

На востокъ, между Славянами и Нѣмцами нѣтъ естественной гѣраницы, а на сѣверъ великая континентальная равнина простирается отъ несковъ Голландіи до подошвы Уральскихъ горъ. Пески, лѣса, степи и болота не представляютъ рѣзкихъ граней и потому оба племени выходили за предѣлы родной страны и переливались одно въ другое. Слѣды ихъ передвиженій остались до сихъ поръ; на каждомъ шагу въ теперешней центральной Германіи встрѣчаешь цѣлыя поселенія съ славянскимъ типомъ и съ славянскими чертами лица, живущія въ деревняхъ съ славянскими названіями. Но Нѣмцы были предприимчивѣе домогдовъ Славянъ и скоро съ излишкомъ возвратили себѣ занятыя земли. Галліція, Богемія, Моравія, Силезія, сильныя государства, обширныя провинціи были поглощены ненасытнымъ германскимъ желудкомъ. Пруссія въ особенности, составленная

*

изъ разныхъ кусочковъ, существуетъ только тѣмъ, что она отняла у Славянъ. Примемъ эти границы, какъ они есть, чтобы разсмотрѣть Германію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. До сихъ поръ хвалено господство человѣка надъ физическою природою не дошло до той степени, чтобы почва не дѣйствовала сильнѣе на обитателя, чѣмъ обитатель на почву. Мы позволимъ себѣ упомянуть здѣсь о глубокомъ различіи, существующемъ между сѣвернымъ и южнымъ Германцемъ, напримѣръ, между Ганноверцемъ и Швабомъ. Первый степеннѣе, мужественнѣе и разсудительнѣе, одаренъ болѣе свѣтлымъ и точнымъ умомъ, направленнымъ преимущественно на практическіе интересы; Швабъ, напротивъ того, Нѣмецъ по преимуществу, отличается большею сентиментальностью и страстностью. Замѣтимъ однако, что первый, несмотря на нѣкоторую сухость характера, умѣетъ наслаждаться тихою и нѣжною семейною жизнью, и что второй, при всей теплотѣ своего сердца, при всей своей беззащитной откровенности, обнаруживаетъ въ денежныхъ дѣлахъ такую хитрость и алчность, которая обратилась въ пословицу. Обитатель юга склоненъ преимущественно къ поэзи, а житель сѣвера къ философіи; можно было бы найти такого же рода различіе между мыслителями сѣвера и мыслителями юга, разсматривая съ одной стороны Канта и Фихте, съ другой Гегеля и Шеллинга.

Это послужить указаніемъ на то обстоятельство, что Германія по самому географическому положенію раздѣлялась во всякое время на два стана, надъ которыми развѣвались и развѣваются до сихъ поръ два различныя знамени; особенно во время исполинской средневѣковой борьбы, когда брунsvикскіе Гвельфы служили представителями сѣвера, швабскіе Гогенштауфены являлись представителями юга.

Сильнѣе вліянія почвы, климата и мѣстоположенія оказывается вліяніе отечественнаго языка. Существуетъ полное соотвѣтствіе между личностью человѣка и языкомъ, на которомъ онъ выражаетъ свои мысли. Языкъ есть совокупность мыслей, дѣйствій и чувствъ народа. Каждое недѣлимое есть воплощеніе какого нибудь слова отечественнаго языка. Каковъ слогъ, таковъ человѣкъ, каковъ языкъ, та-

ковъ народъ. Нетрудно замѣтить, что языкъ не есть простое орудіе. Каждое слово представляетъ собою извѣстный взглядъ на предметъ, и система словъ предполагаетъ систему воззрѣній или идей. Въ языкѣ выражается цѣлая нравственная философія, теологія, космогонія, преимущественно же поэзія; въ немъ заключаются даже политическія и экономическія идеи. Духъ народа отражается въ созданіи словъ, а созданныя слова въ свою очередь оказываютъ обратное дѣйствіе на движеніе мысли.

Нѣмецкій языкъ бесспорно богаче всѣхъ европейскихъ языковъ; съ необыкновенною гибкостью онъ соединяетъ удивительную простоту синтаксиса. Представляя послушное орудіе въ рукахъ писателя, примѣняясь къ строю всѣхъ остальныхъ языковъ, онъ чрезвычайно удобенъ для переводовъ, такъ что Германія обладаетъ почти въ оригиналѣ всѣми замѣчательными произведеніями иностранныхъ литературъ. Импровизаторъ можетъ смѣло пускаться въ періодъ, ворочать его во всѣ стороны и всегда свести концы съ концами, не оскорбляя правилъ грамматики. Сверхъ того нѣмецкій языкъ звученъ, богатъ согласными и тѣ же слова, смотря по діалектамъ, могутъ быть произносимы чрезвычайно мягко или совершенно грубо. Онъ по прямой линіи происходитъ отъ санскритскаго языка, а филологическія изслѣдованія доказали, что языки бѣднѣютъ съ развитіемъ просвѣщенія, и что строй первобытныхъ языковъ былъ гораздо богаче, поэтичнѣе, правильнѣе и полнѣе, чѣмъ строй языковъ производныхъ. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что нѣмецкій языкъ, составляющій видоизмѣненіе готскаго, по близости своей къ первобытному корню, сохранилъ до нѣкоторой степени обиліе и непочатую силу дѣвственнаго лѣса.

Какая разница съ французскимъ языкомъ!—восклидаютъ нѣкоторые филологи; французскій — первенецъ латинскаго, а между тѣмъ въ немъ нѣтъ ни гибкости, ни легкости, онъ такъ капризенъ и взыскателенъ! Въ немъ нѣтъ долгихъ и краткихъ слоговъ, нѣтъ ритма и музыкальности, нѣтъ разнообразія звуковъ и яркости красокъ; это языкъ прозы, а не поэзіи. Несмотря на свою бѣдность, онъ такъ труденъ, что

рѣдкій Французъ успѣваетъ совершенно овладѣть имъ. При всей своей бѣдности, этотъ языкъ такъ ревнивъ, что по мнѣнію знатоковъ, не можетъ совмѣщаться въ одной головѣ съ знаніемъ другаго языка, не теряя своей свѣжести; онъ въ этомъ отношеніи похожъ на дыни, которыя теряютъ свой аромать, если бываютъ пересажены на одну почву съ невинными тыквами.

Но взглянемъ теперь на другую сторону медали.

Богатства нѣмецкаго языка до такой степени превышаютъ потребности ума, что Нѣмцы до сихъ поръ не могли вполне воспользоваться имъ и заблудились въ лабиринтъ сокровищъ. Множество словъ остались мѣстными и областными; множество другихъ не были достаточно пущены въ оборотъ; народный умъ и разсудокъ отдѣльныхъ лицъ не могли проникнуть въ самую сущность ихъ значенія и закрѣпить за ними опредѣленный смыслъ. Изъ этого произошла для всего языка какая-то неплотность и рыхлость; мысль улетучивается вмѣстѣ съ словами, и оставляетъ въ умѣ легкій и неопредѣленный слѣдъ. Между тѣмъ и въ искусствѣ и въ ремеслѣ, дѣйствительная красота произведенія измѣряется тѣмъ сопротивленіемъ, которое первоначальный матеріалъ противопоставлялъ работнику. Чтобы воздвигнуть статую, художникъ беретъ не пробку, а черное дерево, не мягкій камень, а мраморъ, не свинецъ или олово, а желѣзо, бронзу или сталь; только дѣти строятъ замки изъ песку и лѣпятъ фигуры изъ снѣга. Вообще, природа сопротивляется намъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ легче она повидимому поддается нашимъ прихотямъ; видимое же сопротивленіе, которое она оказываетъ человѣку, составляетъ для него величайшее благодѣяніе.—Пирамиды и города, высѣченные изъ идумейскихъ скалъ, простояли нѣсколько десятковъ вѣковъ и до сихъ поръ кажутся новыми зданіями; что же касается Вавилона, выстроеннаго изъ сушеныхъ кирпичей, то онъ развалился и обратился въ рядъ глиняныхъ холмовъ. На этомъ основаніи нѣмецкій языкъ остался такъ мало художественнымъ въ сравненіи съ французскимъ.

Поэтому, такое множество посредственныхъ писателей злоупотребляютъ легкостью языка и выражаютъ варварскимъ

слогомъ мелкія мысли, проходящія черезъ ихъ слабую голову. Съ другой стороны, люди, подобные Гете, Шиллеру и Ленау, дѣйствительные поэты въ душѣ, стремясь къ изящному, стараются выработать себѣ форму, достойную задуманной идеи.

При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что нѣмецкая публика, слѣдящая за литературою, считаетъ нестоящими своего вниманія тѣ произведенія, которыя не зарекомендовываютъ себя красотами ученаго языка и философскихъ терминовъ. Мы, Французы, напротивъ того, говоримъ, что запутанность противна французскому языку, и что ясность выраженія составляетъ необходимое слѣдствіе логической вѣрности мысли.

«Герои философіи!» говорятъ въ насмѣшку о Нѣмцахъ. Но почему же дѣйствительно не назвать ихъ героями? На Вормскомъ сеймѣ, Лютеръ былъ героемъ философіи незамѣтно для самого себя и вопреки своей собственной волѣ. Экартъ, Яковъ Бѣме, Лейбницъ, Лессингъ, Кантъ, Фихте, Гегель, Шеллингъ и Шопенгауэръ были конечно героями мысли, повыше всѣхъ полководцевъ тридцатилѣтней войны. При этомъ невольно приходитъ на умъ удачная параллель, которую Кине провелъ между героями французской революціи и героями нѣмецкой философіи; конечно, онъ не оскорбилъ послѣднихъ сравненіемъ съ нашими официальными философами, носящими красную ленточку въ петличкѣ. Это значило бы сравнить стадо куръ, кудахтающихъ на птичьемъ дворѣ, съ стаею орловъ, рѣющихся надъ снѣжными вершинами Андовъ. Конечно, г. де-ла-Ромигьеръ—человѣкъ образованный, а г. Ройе-Колларъ принятъ въ лучшемъ обществѣ; кромѣ того, г. Кузенъ отлично владѣетъ латинскимъ языкомъ; но тѣмъ не менѣе эклектическая теорія нашихъ профессоровъ, полуханжей, полу-вольтеріанцевъ, красующихся на кафедрахъ парижскаго университета съ 1814 года, рѣшительно никуда не годится.

Въ германской народности синтетическій умъ составляетъ одну изъ главныхъ способностей. Энциклопедическія работы и приведеніе разныхъ отраслей наукъ въ систему доставили

многимъ нѣмецкимъ ученымъ самую громкую извѣстность. Занимаясь подобными работами, Нѣмцы вносятъ въ свои занятія изумительное терпѣніе и замѣчательную добросовѣстность въ отдѣлкѣ подробностей; замѣняя порою талантъ, эти свойства служатъ дѣйствительному таланту самымъ лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ. Достаточно будетъ назвать Александра Гумбольдта, автора космоса и Лаврентія Окена, автора физиологіи; слава того и другаго такъ велика, что не допускаетъ даже похвалы.

Равняясь со всѣми націями въ специальности каждой, Германія стоитъ несравненно выше всѣхъ по общему объему своихъ знаній. Философія, міеологія, богословіе, метеорологія, лингвистика и педагогика—науки почти исключительно принадлежащія Германіи; и еще недавно Гауссъ Геттингенскій стоялъ въ головѣ новѣйшихъ математиковъ.

Обладая удивительною философскою организаціею, нѣмецкій умъ больше всякаго другаго умѣетъ изслѣдовать начала, разбирать происхожденіе, отгадывать зачинающіяся формаціи. Этотъ общій характеръ замѣчается въ безсмертныхъ физиологическихъ работахъ Окена, Каруса, Іоанна Мюллера, въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ Бонна, Вильгельма Гумбольдта и братьевъ Гримовъ, въ историческихъ трудахъ Нибура и Моммзена, въ астрономическихъ открытіяхъ Энке, Гершелля, Медлера и Струве. Сколько славныхъ именъ пропущено въ этомъ перечнѣ!

Ежедневно дѣлаются удивительныя открытія, благодаря тому содѣйствію, которое находятъ историки со стороны лингвистовъ. Подобно геологу, опредѣляющему природу прежнихъ материковъ по прихотливымъ узорамъ, которые оставили на песчаномъ берегу морскія волны, бушевавшія за нѣсколько десятковъ тысячелѣтій тому назадъ; подобно ботанику или зоологу, созидающему цѣлые исчезнувшіе міры по обломкамъ костей, по чешуѣ рыбы, по микроскопическимъ окаменѣlostямъ; подобно имъ, наши нѣмецкіе этнологи въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ таинственной надписи, вырѣзанной на камнѣ, въ именахъ лѣса, долины или болота, въ предыханіяхъ и удареніяхъ, лежащихъ на извѣстныхъ словахъ,—распознаютъ сродство племенъ, исторію

переселеній, религіозныя вѣрованія; словомъ, цѣлый ископаемый міръ доисторическаго быта.

Къ этому высокому развитію философскихъ способностей присоединяется очень естественно космополитическій духъ, который превращаетъ даровитаго Нѣмца въ гражданина міра; уму такого человѣка доступны всѣ идеи, его сердцу доступны всѣ чувства и онъ испытываетъ на себѣ отраженіе всѣхъ великихъ событій, волнующихъ Индію, Китай и обѣ Америки.

Можно предположить, что голодъ и стремленіе къ добычѣ не были единственными причинами, побуждавшими германскія племена покидать свои лѣса и наводнять западную и восточную имперіи. Стремленіе видѣть и узнавать играло въ этомъ случаѣ свою роль. Въ наше время тысячи нѣмецкихъ эмигрантовъ отправляются въ Канаду, въ соединенные штаты, въ Бразилію, въ Алжирь, на мысъ Дорой Надежды, въ Австралію и въ Калифорнію; ихъ побуждаютъ къ этому не только голодъ, тяжелые налоги и печальное положеніе родины;—въ этомъ есть еще стремленіе къ новизнѣ, героическая потребность испытать невѣдомое, и нѣжное побужденіе сердца, жаждущаго обогатиться новыми симпатіями.

Отвѣчая на эти пылкія космополитическія стремленія, Германія высылаетъ смѣлыхъ изслѣдователей и великихъ путешественниковъ къ краснокожимъ дикарямъ, къ Патагонцамъ, на гималайскія горы и въ татарскія степи. Она приводитъ въ систему документы и свѣдѣнія, доходящія до нея изъ отдаленныхъ земель. Она перерабатываетъ ихъ и превращаетъ въ науку сухую и безплодную номенклатуру; ея трудамъ образованный міръ обязанъ происхожденіемъ географіи, возвысившейся уже въ новѣйшее время до степени науки.

По духу космополитизма Германія даетъ право гражданства въ своей литературѣ всѣмъ дѣятелямъ человѣческой мысли, на какомъ бы полѣ они ни работали; она переводитъ на свой гибкій языкъ всѣ замѣчательныя произведенія человѣческаго ума и переноситъ на свою родную почву литературы всѣхъ временъ и народовъ. Вотъ почему она

съ благородною гордостью можетъ назваться повѣйшимъ отечествомъ человѣческаго духа.

Въ дѣлѣ искусства, Германія, достигшая совершенства въ музыкѣ, представляетъ разительную противоположность Италіи. Италіанская музыка блеститъ свѣжестью и веселостью; нѣмецкая — отличается задумчивостью, глубиною мысли и меланхолическимъ настроеніемъ; первая—остроумнѣе, вторая—сентиментальнѣе, первая ласкаетъ, вторая нѣжитъ, первая ищетъ мелодіи, вторая гармоніи, въ первой выражаются страсти, во второй говоритъ душа. Нѣмецкая музыка связана съ германскимъ романтизмомъ, а италіанская съ языческими преданіями счастливой Греціи. Первая воплотилась въ Мейерберѣ, вторая въ Россини.

Мы полагаемъ, что Италіяны и Французы превзошли Нѣмцевъ въ остальныхъ областяхъ искусства. Нѣмцы производятъ пейзажи и картины быта (*tableaux de genre*), которые часто дѣйствительно художественны; но большею частію грѣшатъ излишнею мрачностью тѣней и ненужнымъ накопленіемъ подробностей. Скульптура Нѣмцевъ отличается несчастною склонностью къ массивнымъ тѣламъ, къ цилиндрическимъ членамъ и къ круглымъ и мясистымъ лицамъ.

И такъ въ музыкѣ Нѣмцы занимаютъ первостепенное мѣсто, въ живописи они пользуются заслуженнымъ уваженіемъ; въ скульптурѣ къ ихъ произведеніямъ надо относиться съ крайнею осторожностью.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ преимущества германскаго характера, мы можемъ остановиться теперь на менѣ свѣтлыхъ чертахъ его, вредящихъ цѣлостной опредѣленности общаго впечатлѣнія.

Каждое хорошее качество нѣмецкаго характера, доведенное до крайности, переходитъ въ недостатокъ. Сложный рядъ противорѣчій придаетъ общественной фizioноміи Германіи странную неопредѣленность и превращаетъ ее въ неразрѣшимую загадку. Гейнрихъ Гейне выражаетъ эту черту нѣмецкаго характера, говоря, что каждый философъ современемъ опровергаетъ самого себя и каждый реформаторъ необходимо превращается въ ренегата.

Ни въ одной странѣ самая идеальная поэзія не стал-

живается такъ часто съ самымъ грубымъ матеріализмомъ растрепаннаго филистерства. Космополитизмъ совмѣщается съ самымъ узкимъ и исключительнымъ духомъ прихода. Слѣбая философія стоитъ рядомъ съ самымъ тупоумнымъ аскетизмомъ. Гегель и де Ветте, философъ абсолютнаго и знаменитый критикъ церковнаго закона, были совершенными пійтистами въ частной жизни. Высшая и основательная образованность уживается страннымъ образомъ съ самымъ грязнымъ обскурантизмомъ.

Удивительное дѣло! Тихая религіозность, патріархальная простота нравовъ, духъ семейственности и задушевности является рядомъ съ жестокостью грабителей, средневѣковыхъ солдатъ, людей, подобныхъ Тилли, Гайнау и Виндшпегу. Прелестныя Вероники, томныя Теклы, которыхъ голубые глаза отражаютъ лазурь неба, оказываются родными сестрами ужасныхъ ландскнехтовъ; нѣжность и наивная красота стоятъ рядомъ съ самою грубою, чисто нѣмецкою дерзостью; одна изъ слабостей этого сентиментальнаго народа заключается въ обожаніи грубой силы, и въ этомъ можно убѣдиться, изучая его литературу или пробывъ нѣсколько времени въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Тайная мечта этихъ космополитовъ заключается въ томъ, чтобы управлять міромъ силою кулачнаго права. Считая себя по разнымъ болѣе или менѣе несостоятельнымъ причинамъ предводителями человѣчества, Нѣмцы требуютъ себѣ матеріальнаго господства, и утверждаютъ, что ихъ императоры прямыя наслѣдники имперіи Цезарей, принявшіе свое наслѣдство отъ Карла Великаго, который въ свою очередь получилъ его отъ варварскихъ ордъ Одоакра и Теодорика.

Въ географическомъ отношеніи у Германіи слишкомъ много границъ внутреннихъ и слишкомъ мало внѣшнихъ; Нѣмецъ слишкомъ стѣсняетъ свою практическую дѣятельность и не знаетъ предѣла своимъ теоріямъ. Его страсть къ синтезу встрѣчаетъ себѣ противудѣйствіе въ его подчиненіи мелочамъ. Онъ иногда смѣшиваетъ одно съ другимъ, частное съ общимъ, и принимаетъ солнце за мыльный пузырь. Онъ хочетъ совмѣстить въ себѣ оба совер-

шенства и подвергается двойной опасности. Если умъ его тяжелъ на подъемъ, то съ нимъ можетъ случиться то, что случилось съ честолюбивою черепахою, которую услужливыя утки подняли на воздухъ: держась зубами за палку, которую несли въ клѣвѣ обѣ утки, черепаха долетѣла до облаковъ и, собираясь праздновать свое торжество, уже открыла ротъ, но вдругъ свалилась съ страшной высоты и разбила себѣ черепъ о камень; слишкомъ смѣлый умъ часто бываетъ поставленъ въ положеніе кондора, опустившагося на плоскую почву. Огромнымъ крыльямъ его недостаетъ простора, чтобы размахнуться, и онъ истощается въ безплодныхъ усиліяхъ подняться на воздухъ. Вообще этотъ народъ не умѣетъ примѣняться къ своей средѣ и къ дѣйствительной жизни. Владѣя телескопомъ и микроскопомъ, онъ видитъ чудеса луны и водяной капли, но не умѣетъ пользоваться простыми очками для чтенія ежедневнаго журнала.

Ему говорятъ объ эмансипаціи пролетаріата, онъ отвѣчаетъ на это веселыми фабричными пѣснями или рассказываетъ исторію аугсбургскихъ и нюрнбергскихъ корпорацій. Ему говорятъ о гражданской свободѣ, а онъ начинаетъ толковать о привилегіяхъ орденовъ, о преимуществахъ сословій, о хартіи вольныхъ имперскихъ городовъ. Дѣло идетъ о свободной торговлѣ, а онъ рассказываетъ славную исторію Ганзы. Заходитъ рѣчь о единствѣ Германіи и объ общественномъ устройствѣ, основанномъ на всеобщей подачѣ голосовъ, а онъ возражаетъ, что это несогласно съ преданіями Гогенштауфеновъ: попробуемъ лучше, думаетъ онъ, основать священную прусскую имперію и возложить на Фридриха Вильгельма мантию славнаго Барбароссы.

Съ другой стороны, если рыцари креста, если Сталь, Герлахъ, Мантейфель и компанія хотятъ подвергнуть себя всему безславію среднихъ вѣковъ, если Савиньи въ 1847 году предлагаетъ возстановить въ Берлинѣ кнутъ, пытку и колесованіе; если хотятъ внести въ лютеранство еще больше католическихъ элементовъ, чѣмъ сколько существуетъ въ немъ теперь, то является оппозиція и общество Густава Адольфа гордо поднимаетъ свое знамя противъ Генг-

стенберга, отца Бекса и кардинала Раушера. На печальную мистификацію обскурантовъ Германія отвѣчаетъ движеніемъ друзей свѣта.

Очевидно, немного подвинешься впередъ, если будешь дѣлать два шага впередъ, три назадъ, пять влѣво и восемь вправо. Непослѣдовательности политики и законодательства также очевидны въ Англіи, какъ и въ Германіи; но въ Англіи онѣ касаются только теоріи; что же до отечества новѣйшаго новоплатонизма, то въ немъ противорѣчія выражаются именно въ практикѣ.

Французы и Англичане удивляются тому, что имъ приходится ввозить мануфактурныя издѣлія къ сосѣдямъ, которые лѣтъ десять тому назадъ излагали процессъ производства по толстымъ книгамъ, напечатаннымъ на сѣрой бумагѣ. Трудно также понять, какъ въ родинѣ Жанъ Поля Рихтера, написавшаго Левану, золотую книгу Педагогики, какъ въ странѣ, обладающей полнѣйшею системою народнаго образованія, воспитаніе еще не преобразовало населенія. Дѣйствительно, молодой прусскій крестьянинъ, знающій ариметику и алгебру, знакомый съ исторіею Германіи и вытвердившій наизусть священную исторію, навѣрное не перевернется въ жизни такъ ловко, какъ какой нибудь бѣдный Италіянецъ, который ничему не учился и умѣетъ только креститься передъ чудотворнымъ образомъ Мадонны.

Противорѣчіе, лежащее въ германскомъ народномъ характерѣ проявляется въ безъисходныхъ колебаніяхъ, въ невозможности на что нибудь рѣшиться и слѣдовательно что нибудь сдѣлать. Нѣтъ въ исторіи народа великихъ и рѣшительныхъ событій, и потому народъ не растетъ и не развивается.

Сравнить ли это германское племя съ плодомъ, который кисловатъ и пріятенъ на вкусъ пока зеленъ, но который становится приторнымъ, по мѣрѣ того, какъ солнце золотитъ его оболочку, и можетъ сгнить, не достигши полной зрѣлости? Нѣмецкая молодежь чиста душою, добродушна и склонна въ энтузіазму; она пылаетъ святою любовью къ наукѣ, къ справедливости, къ свободѣ, къ родинѣ, къ пиву, къ музыкѣ и гимнастикѣ. Она поетъ свою студенческую лѣснь: «*Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus.*»

Пусть поетъ и веселится въ годы юности и любви!

Когда пройдетъ первый цвѣтъ тѣла, перебродитъ первый пылъ крови, тогда могучій и ретивый быкъ превратится мало по малу въ смиреннаго вола; изъ пылкаго студента сдѣлается *Hochwohlgeborener, Herr Doctor* и *Oberhofgeheimrath*; лихой малый (*burschikos*) и славный товарищъ (*Freues Haus*) обратится въ толстобрюхаго и тупоумнаго бюргера и сдѣлается экземпляромъ изъ породы пережевывающихъ.

А между тѣмъ, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ ума соотечественниковъ Виланда, Тика, Гофмана, Берне и Гейне; часто у нихъ бываетъ слишкомъ много ума. Жители Берлина и Вѣны слывуть за очень умныхъ людей и на себя самихъ обращаютъ прежде всего свой юморъ и свою иронию.

Нельзя также упрекнуть Нѣмцевъ въ недостаткѣ сердца; они даже навязываютъ себѣ слишкомъ много чувствительности. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтїя разные джентльмены и дамы вздумали сгруппироваться въ *общества прекрасныхъ душъ*. Они официально давали другъ другу это названіе въ рѣчахъ и въ перепискѣ, а публика въ простотѣ сердечной восхищалась ихъ достоинствами. Въ наше время Нѣмцы хвалятся тѣмъ, что имъ однимъ принадлежатъ *Gemuth* и *Gemüthlichkeit*, которыя Французъ иронически переводитъ словомъ *Sensiblerie* (жеманная чувствительность).

По словамъ Нѣмцевъ, эти выраженїя совершенно неприводимы и означаютъ собою неопредѣлимую способность, встрѣчающуюся только на почвѣ родины. По этой теорїи *Gemüthlichkeit* оказывается растительнымъ проявленїемъ химическихъ составныхъ частей той почвы, которая породила другіе любопытные продукты, какъ-то: *вѣчныя чувства, мировую печаль* и *Ueberschwenlichkeit* (избытокъ души).

Единственное качество, котораго бо́льшую дозу мы пожелаемъ бы видѣть у нашихъ добрыхъ друзей Нѣмцевъ, это—*простой здравый смыслъ*. Здравый смыслъ относится къ уму, какъ необходимое къ избытку, какъ кусокъ хлѣба къ анамасному варенью; но избытокъ не всегда предполагаетъ при-

судствіе и умъ не всегда совмѣщается съ здоровымъ смысломъ. Назовемъ для примѣра великаго піитиста Неандера, Нѣмца изъ Нѣмцевъ по характеру. Что можетъ быть изумительнѣе его богословскаго ясновидѣнія, его громаднхъ историческихъ работъ, сіяющихъ фосфорическимъ блескомъ могущественной мысли. А между тѣмъ поручитесь ли вы за то, что этотъ философъ и діалектикъ одаренъ достаточною долей здраваго смысла?

Нарисуемъ въ нѣсколькихъ чертахъ портретъ Нѣмца, и если выйдетъ карриатура, пусть она будетъ по крайней мѣрѣ похожа :

Вотъ идеалистъ блондинъ, который съ лѣтами превратится въ рыжаго матеріалиста. Онъ такъ много куритъ, что это усыпляетъ его могучій мозгъ; онъ пьетъ слишкомъ много пива и у него растетъ животъ; онъ широкъ въ плечахъ и крѣпко сложенъ; близорукъ или дальнорукъ — середины нѣтъ; умъ его склоненъ къ синтезу и къ угадыванію причинъ; характеръ его занятъ мелочами; космополитъ или поклонникъ роднаго городка и мелкій хлопотунъ; смѣлъ въ теоріи, слабъ въ практикѣ; онъ тонкій цѣнитель музыки, и глубоко понимаетъ ее; онъ любитъ природу; добръ въ душѣ, нѣженъ по привычкѣ и сантименталенъ порывами или по претензіи. Въ борьбѣ онъ храбръ, какъ разъяренный вепрь; въ мирное время онъ передъ сильнымъ терпѣливъ и кротокъ не въ мѣру, а передъ слабымъ грубъ; съ равнымъ онъ щекотливъ и придиричивъ.

Слѣдующій рассказъ можетъ показаться незначительнымъ, но онъ можетъ замѣнить собою много отвлеченныхъ формулъ. Дѣло идетъ о юбилей Шиллера. Этимъ праздникомъ Германія, неспособная узнать самоё себя въ политическихъ и географическихъ проявленіяхъ, хотѣла основать своё единство въ поэзіи, и показать міру, что у нея есть умственная отчизна, философская гражданственность.

Дѣйствіе происходило въ Лондонѣ. Нѣмецкая колонія положила собраться въ Сайденгамскомъ хрустальномъ дворцѣ. Произошелъ великолѣпный концертъ. Произнесены прекрасныя рѣчи. Поэтъ Кинкель напомнилъ, что этотъ юбилей былъ днемъ рожденія Мартина Лютера и днемъ смерти Роберта Блума;

онъ соединилъ въ одну мысль славу прошедшаго, грусть настоящаго и надежды на будущее. Затѣмъ слѣдовали увѣщанія основать единство родины на единодушїи и добромъ согласїи сердець. Затѣмъ Нѣмцы и Нѣмки пошли попарно гулять по аллеямъ парка, озареннаго сентиментальнымъ свѣтомъ луны. Зажглись факелы и статую Шиллера увѣнчали лаврами и иммортелями; раздались радостныя восклицанія; составились патріотическіе хоры; послѣдовалъ слишкомъ обильный пиръ; пива было выпито не въ мѣру; завязался споръ о германскомъ единствѣ; спорящіе вцѣпились другъ другу въ волосы; пошла перепалка и при всеобщемъ смущенїи произошелъ разѣздъ.

Картина этого національнаго праздника представляетъ вѣрное отраженіе Германїи и мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Гейне:

Es ist eine alte Geschichte
Aber sie wird immer neu!

(Это старая исторїя,
Но она постоянно нова!)

II.

Историческій обзоръ.

Каковъ характеръ, какова физіономїя, такова и исторїя; это вѣрно для отдѣльныхъ личностей и еще вѣрнѣе для цѣлыхъ народовъ, которыхъ вѣковое развитіе менѣе стѣсняется совокупностью безконечно малыхъ причинъ, называющееся случаемъ.

Посмотримъ, насколько исторїя Германїи въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ нарисованному нами нравственному образу.

Уже рассказы Тацита описываютъ намъ Германцевъ какъ народъ охотниковъ и воиновъ, отличавшихся изумительною храбростью. Между прочими качествами ихъ онъ упоминаетъ вѣрность данному слову, благоговѣніе передъ свя-

тынею семейства и дружбы, и глубокую религіозность. Религія должна была ввести ихъ въ философію и служить приготовленіемъ къ ихъ энциклопедіи. Ихъ воинственный характеръ и любящее сердце проявились въ учрежденіи военнаго братства, котораго связь въ ихъ глазахъ стояла выше отношеній къ любимой женщинѣ. Среди этихъ храбрѣйшихъ изъ храбрыхъ, существовало соперничество между Швабомъ и Баварцемъ, отличавшимися колоссальнымъ мужествомъ. Они дрались для удовольствія драться; они боролись на смерть, чтобы привести въ движеніе свои слишкомъ крѣпкіе мускулы. Возбужденія ихъ сангвиническаго темперамента успокаивались только обильнымъ кровопролитіемъ.

Для Аларика, опустошителя Рима, величайшимъ наслажденіемъ было внести свой окровавленный мечъ въ ряды бойцовъ; чѣмъ гуще были эти ряды, тѣмъ веселѣе становился Аларикъ.

Этимъ Германцамъ нравился красный цвѣтъ на поляхъ битвы; имъ нужно было рѣзать и рубить другъ друга по простой физической потребности, подобно тому, какъ лошадиамъ необходимо бѣгать во всю прыть, а козамъ и быкамъ — бодаться рогами.

Приведемъ любопытную выписку изъ сочиненія доктора Эвербека («Германія и Нѣмцы»).

«Мускулистая храбрость этихъ германскихъ язычниковъ соразбѣрялась съ удивительною нервною нѣмецкихъ женщинъ. Мужчины соперничали между собою въ силѣ мускуловъ; они были очень высокаго роста, большею частью полны, бѣлы цвѣтомъ, съ румянцемъ во всю щеку; во время сраженія они подвергались совершеннымъ припадкамъ бѣшенства, которое называлось *Berserkerswuth* (волчье бѣшенство). Эта воинственная ярость (*furia tedesca*) мало по малу исчезаетъ съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ, но она сохранилась гораздо дольше у ихъ единоплеменниковъ, у Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ. Герулы (народъ сѣверной Германіи) еще въ VI-мъ столѣтіи, переселившись въ Италію, сохранили свои языческіе обычаи; они убивали стариковъ и заставляли вдовъ сжигать себя живьемъ на кострѣ умершаго мужа; у нихъ это бѣшенство сохранилось въ выс-

шей степени. Въ одномъ сраженіи противъ Лонгобардовъ они сбросили съ себя платье и стали драться голые. Они потерпѣли однако поражение и начали валяться на полѣ, засѣянномъ льномъ и покрытомъ голубыми цвѣтами, потому что это поле показалось имъ рѣкою.

Цивилизація и время угомонили понемногу эту непомирную пылкость. Уже 2000 лѣтъ продолжается взаимная рѣзня и полнокровіе успѣло поубавиться до нормальныхъ размѣровъ.

Послѣ окончанія войны съ Маврами, испанскіе Готы, не находя себѣ гигиеническаго упражненія въ родѣ крестьянской или тридцатилѣтней войны, выпавшей на долю ихъ германскимъ одноплеменникамъ, считали нужнымъ пускать себѣ кровь по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ. Эту обязанность отправлялъ мѣстный циркульникъ, который и получилъ характерное названіе *Sangrador'a*, публичнаго кровопускателя.

Но нельзя довѣрять видимому успокоенію крови у Нѣмцевъ; до сихъ поръ Голштинецъ или Виртембержецъ раздражается иногда неудержимымъ порывомъ гнѣва, который внезапно нарушаетъ долгую апатию. Въ сущности Нѣмцы до сихъ поръ восторгаются красною кровью и блескомъ стали, сверкающей надъ головами бойцовъ. Прочтите *тѣнь меча и дикую охоту Люцова* Кернера; это славный малый, онъ сразу перенесетъ васъ во времена Валкирій и мистической ярости.

При воинственныхъ наклонностяхъ, Нѣмцы рано обратили войну въ ремесло. Генералы и солдаты продавали себя тому, кто дороже платилъ; Германія была человѣческимъ рынкомъ, со временъ Стиликопа до Валленштейна и съ Валленштейна до австрійскихъ, баварскихъ и швейцарскихъ наемниковъ, служащихъ нынѣ папѣ и королю неаполитанскому. Цѣлыя германскія племена шли на службу священной имперіи, а позднѣе король французскій и императоръ австрійскій напускали другъ на друга своихъ Швейцарцевъ, подобно тому, какъ они натравливали своихъ собакъ на кабана.

Показавшись на порогѣ историческаго міра, это воинствен-

ное племя тотчасъ же пустилось въ завоеванія. Оно германизировало всю Европу своими набѣгами и переселеніями. Саксы, Датчане, Норманы, Франки, Вестготы, Остготы, Лонгобарды, Вандалы, Бургунды и Герулы наводнили Испанію, Алжирію, Францію, Италію, Шотландію и Англию. Они расселились отъ Исландіи до Сахары, отъ Пиреней до Малой Азіи. Средиземное море называлось Вандальскимъ, и Гензехъ хотѣлъ основать въ Карфагенѣ новый Римъ и гордо называлъ себя царемъ морей. Теперь Нѣмцы наполняютъ своими колоніями Соединенные Штаты, Бразилію и Австралію.

Сынъ Германіи прежде всего гордъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, какъ Англичанинъ гордъ своимъ «я», а Французъ тщеславится тѣмъ, что составляетъ часть великой націи. На этомъ основаніи Германецъ чувствуетъ страстное влеченіе къ личной свободѣ; это влеченіе передано Американцамъ и Англо-Саксонцамъ вообще, и передано въ такой пропорціи, что его осталось кажется слишкомъ мало на долю собственной Германіи. Какъ бы то ни было, первобытнѣйшій Германецъ могъ съ законною гордостью назвать себя свободнымъ человѣкомъ. Онъ не терпѣлъ тѣлесныхъ наказаній, введенныхъ впоследствии; его могли судить только равные и единственною мѣрою наказанія былъ денежный штрафъ; кто не хотѣлъ платить этого штрафа, тотъ преспокойно удалялся изъ общины. Отъ времени до времени эти свободные люди собирались для совѣщаній, въ которыхъ господствовало полнѣйшее равенство. Начальники признавались только въ военныхъ предпріятіяхъ. Этого начальника выбирали въ семействѣ, извѣстномъ по храбрости или по богатству, но этотъ выборъ никогда не былъ обязательнымъ. Точно также санъ императора *de jure* никогда не былъ наследственнымъ.

Эта абсолютная свобода, принадлежавшая сначала всѣмъ членамъ племени, перешла мало по малу въ руки военнаго сословія, которое воспользовалось своимъ досугомъ и преобладаніемъ физической силы, чтобы расширить свои привилегіи въ ущербъ рабочимъ классамъ вообще, и земледѣльческому въ особенности. Явлось рабство крестьянъ. Впрочемъ

въ нѣкоторыхъ земляхъ, напр. въ Вестфалии, въ Фрисландіи и въ Дитмарсенѣ крестьяне мужественно отстаивали свою свободу и выдержали нѣсколько открытыхъ сраженій съ рыцарями, аббатами, баронами и епископами. Большею частью однако свободные земледѣльцы, принужденные обратиться въ ремесленниковъ, отступили подъ защиту зубчатыхъ стѣнъ, въ города (burg) и составили сословіе горожанъ (bürger). Кто остался въ полѣ, того безъ состраданія обратили въ раба прежніе братья,—рыцари и новые горожане.

Въ этихъ немногихъ словахъ выражается нѣсколько вѣковъ еще неразъясненной исторіи германскаго народа.

Долгое время Нѣмцы подобно американскимъ піонерамъ ненавидѣли города, въ которыхъ личность, по необходимости стѣсненная сосѣдними личностями, чувствуетъ недостатокъ свободы и простора. Несмотря на обезпеченіе, которое представляли стѣны и укрѣпленія, свободный крестьянинъ предпочиталъ свою хижину и независимость сельской жизни; дворянинъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ городскимъ комфортомъ, чтобъ удалиться въ свой мрачный замокъ, въ которомъ онъ царилъ одинъ, какъ орелъ въ гнѣздѣ. По силѣ обстоятельствъ, одни рыцари сохранили первобытную свободу, составлявшую достоиніе всякаго Германца. Триста лѣтъ тому назадъ, мелкіе владѣтели, подобные Гёцу фонъ-Берлихингенъ, объявляли себя свободными отъ всякихъ обязанностей и считали только нужнымъ немножко уважать императора, да немножко помогать ему въ военное время. Отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ они могли только Богу. Бить горожанъ, грабить купцовъ, душить крестьянъ — это все считалось невинною шалостью. Одинъ изъ такихъ господъ называлъ себя официально *другомъ Бога и врагомъ всѣхъ*.

А вотъ случай, который покажетъ, насколько эти владѣльцы уважали личность императора, отвлеченнаго представителя безсвязной общины.

Барбаросса, бывши на берегахъ Констанскаго озера, захватилъ въ Тегскій замокъ, принадлежавшій мелкому барону Кренкингу. Баронъ не счелъ нужнымъ встать передъ славнымъ Гогенштауфеномъ. «Извините, сказалъ онъ, что я не

остаю передъ вами; я у себя хозяинъ. Я ни отъ кого не нахожусь въ вассальной зависимости и получилъ свой феодеъ отъ Бога и отъ солнца. Впрочемъ, я уважаю васъ, какъ владѣтеля имперіи».

Германская раса не могла овладѣть міромъ, потому что не произошло соглашенія между противорѣчащими другъ другу индивидуальностями, которые постоянно старались развить свои частныя права въ ущербъ общему праву; Германіи недоставало сборнаго пункта, географической столицы, такого центра политическаго управленія, какимъ въ свое время былъ Римъ; она, не устроившись внутри себя, разлилась наружу; въ ней въ одно и то же время было слишкомъ много индивидуализма и космополитизма.

Борьба между папою и императоромъ внесла въ этотъ хаотическій міръ новый элементъ беспорядка. Это раздѣленіе верховной власти было, можетъ быть, полезно для Европы, но оно погубило двѣ великія націи, изъ которыхъ одна стояла за папу, окруженнаго процессією монаховъ, а другая за императора, поддерживаемаго толпою рыцарей. Въ самой Германіи женщины и крестьяне были на сторонѣ папы; остальное населеніе держало руку императора, за котораго стояли также итальянскіе рыцари. Иннокентій и Григорій, Максимилианъ и Карлъ V поочередно старались осуществить идею всемірнаго господства; но никто изъ нихъ не побѣдилъ противника. Гвельфъ мучилъ Гибелина и Гибелинъ уродовалъ Гвельфа, не добиваясь положительнаго результата.

Вотъ образчикъ тѣхъ любезностей, которыми обмѣнивались папа и императоръ. Въ 1239 году, 90-лѣтній старикъ, Григорій IX, еще полный энергіи и ненависти, за обѣдней въ праздникъ пасхи вторично проклиналъ Фридриха II Гогенштауфена, заимствуя образы изъ апокалипсиса. «Звѣрь лютой и безобразный, говорилъ онъ, вышелъ изъ волнъ морскихъ; своею зіяющею пастью онъ хулитъ Бога и пускаетъ въ небо и въ святыхъ отравленныя стрѣлы. Онъ стремится все сокрушить зубами и желѣзными когтями.» На это отвѣчалъ императоръ: «Самъ ты адскій звѣрь. Ты лошадь, выснакивающая изъ

моря, и на тебѣ ѣдетъ дьяволъ, отнимающій миръ у земли».

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производила на всѣ умы эта смертельная вражда между двумя верховными главами человѣческаго рода. «Каждый мужчина, говоритъ одинъ старый саксонскій лѣтописецъ, каждая женщина, и каждая дѣвушка, богатые и бѣдные, дворяне, горожане и крестьяне приняли сторону нашего государя, императора германскаго, или нашего государя, папы Римскаго.» — (Эвербекъ, Германія и Нѣмцы, стр. 171). Между тѣмъ Англичане и Французы были заняты своими безъисходными войнами, Испанцы дрались съ Маврами и оставляли полную свободу дѣйствій императору германскому, который потратилъ это драгоцѣнное время на перебранки съ папою, вмѣсто того, чтобы раздавить бароновъ своимъ всемогуществомъ; благодаря спорамъ императора съ папою, принцы, герцоги, города, графы и бароны отстояли свои привилегіи и права, то есть свою тираннію рядомъ съ верховнымъ правомъ императора.

Тѣмъ не менѣе мечта о всемірномъ владычествѣ почти осуществилась въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ царствованіе Карла V, могущественнѣйшаго государя Стараго и Новаго свѣта, въ огромныхъ владѣніяхъ котораго никогда не заходило солнце. Онъ владѣлъ священною имперією и Испанією, и былъ сюзереномъ Богеміи, Фландріи, Нидерландовъ, Эльзаса, Лотарингіи и Франшъ-Конте; онъ предъявлялъ притязанія на Бургундію и Сицилію; онъ съ трехъ сторонъ сжималъ Францію и уничтожилъ ея военныя силы въ сраженіи при Павіи. Его побѣдоносныя войска именовъ короля римскаго покоряли Италію; онъ взялъ Римъ и думалъ даже объявить себя папою, когда вдругъ одинъ изъ его ничтожнѣйшихъ подданныхъ, виттенбергскій монахъ, подалъ сигналъ всеобщаго переворота, напавши прямо на папскую власть; на принципъ средневѣковой жизни, служившій противувѣсомъ императорскому могуществу.

Это происшествіе было бы для Карла V неожиданнымъ благодѣяніемъ судьбы, еслибы онъ не былъ человѣкомъ съ узкимъ умомъ и съ обширнымъ брюхомъ, человѣкомъ, не-

достойнымъ понять и исполнить важную историческую роль. Еслибы Карлъ V понялъ новую эру, начинавшуюся для Европы, еслибы на великомъ Вормскомъ сеймѣ онъ объявилъ начало новаго порядка вещей, то въ награду за такой подвигъ гений эпохи конечно вручилъ бы ему господство надъ міромъ. Но этотъ дюжинный умъ, этотъ «дипломатъ слишкомъ хитрый, чтобы понять свою эпоху», ухватился за дряхлую старину. Въ Испаніи, Фландріи и въ Германіи онъ сталъ защищать то, на что нападалъ въ Италіи; несмотря на попутный вѣтеръ и морское теченіе, онъ посадилъ - таки на мель корабль своего счастья. Раздосадованная его тупоуміемъ судьба оставила его, и онъ удалился въ монастырь Св. Юста обжираться осетрами и жирною свиноюю.

Нанося смертельный ударъ папству, реформа Лютера въ то же время навсегда подорвала прочныя основы императорской власти. Возмущенная безобразнымъ развратомъ западной церкви, упивавшейся плотью и кровью еретиковъ, человѣческая совѣсть объявила себя свободною. Но свобода, утвердившаяся въ отношеніи къ папѣ, могла современемъ обратиться противъ императора. Что бы было, еслибы реформа осталась вѣрна своему принципу?

Но въ виду возмущенныхъ крестьянъ, анабаптистовъ, социніанъ, требовавшихъ царства правосудія и окончательнаго преобразованія древней церкви и древняго государства, Германія попятилась назадъ. Объятая ужасомъ, она была не въ состояніи измѣнить еще разъ фizioномію міра, силою разума и правосудія, какъ она уже одинъ разъ измѣнила его силою оружія. Напротивъ, она, насколько возможно, подновила старый религіозный принципъ и отдала своимъ государямъ духовную власть и огромныя богатства церкви. Кромѣ того, она образовала крупное и мелкое мѣщанство, вышедшее изъ рядовъ дворянства и народа и составившее главный элементъ новѣйшаго государства. Въ этомъ дѣлѣ ей сильно помогало возстановленіе римскаго права, вызванное возрожденіемъ. Вначалѣ папа и императоръ оба поощряли развитіе этого языческаго права и противопоставляли его феодальному или христіанскому. Каждый изъ нихъ видѣлъ

только непосредственный вредъ, который оно наносило его противнику и никто не предвидѣлъ гибели, которую оно готовило тому и другому.

Между тѣмъ масса требовала отъ реторы, чтобы она изъ догмата перешла въ дѣйствительность, и водворила царство Бога на землѣ.

На это требованіе отвѣчалъ грозный голосъ Лютера, раздавшійся подобно набату и призывавшій сидныхъ міра сего убивать возмутившихся крестьянъ: «идите, истребляйте этихъ крестьянъ всѣми орудіями, находящимися въ нашемъ распоряженіи! Явно и тайно убивайте этихъ бѣшеныхъ собакъ, убивайте скорѣе, скорѣе! Христіанское крещеніе не даетъ свободу смертнымъ тѣламъ, а только освобождаетъ безсмертныя души! Князь тьмы, вышедши изъ ада, вселился въ душу крестьянъ. Убитый бунтовщиками, каждый воинъ изъ божьяго стана пойдетъ прямо въ рай, а каждый крестьянинъ по смерти отправится въ адъ.... Горе тѣмъ, кто проповѣдуетъ умѣренность въ отношеніи къ этимъ проклятымъ крестьянамъ; крестьянинъ—осель; его надо бить, чтобы заставить его идти. Просите пощады, бездѣльники, или тѣла ваши будутъ истерзаны божіими воинами, а души адскимъ дьяволомъ.»

Эти отвратительныя воззванія всполошили вѣнценосцевъ и владѣльцевъ; католическіе епископы, дворяне протестантской и императорской партіи помирились на минуту и всѣ вмѣстѣ обрушились на несчастныхъ крестьянъ, разрозненныхъ, безоружныхъ, непривыкшихъ къ военному дѣлу и рассчитывавшихъ не столько на свои цѣпы и косы, сколько на заступничество небесныхъ воинствъ. Сколько ихъ перерѣзали, перевѣшали, изжарили, сожгли и посадили на колъ — это превышаетъ всякое вѣроятіе.

Эта рѣзня еще не была самымъ большимъ несчастіемъ. Хуже всего было то, что съ этой минуты прекратилось прогрессивное дѣло реформации, которая явилась такимъ образомъ освященіемъ старыхъ несправедливостей, сдѣланныхъ подъ новою формою. Германія потеряла долю своей славы,

и человечеству пришлось ждать еще три столѣтїя, до новой попытки водворить на землѣ царство справедливости.

Кромѣ того, избїеніе протестантовъ повело за собою ужасы и гадости 30-лѣтней войны. Съ этого времени реформа лишилась своего букета, потеряла свѣжесть и идеальный блескъ, перестала говорить сердцу народа и превратилась въ политическую партїю, которая въ сущности была не лучше и не хуже іезуитовъ. Германія раздѣлилась на два стана; повторилось явленіе, прошедшее черезъ всѣ средніе вѣка и живущее до нашихъ временъ. Лишенная народнаго сочувствїя, протестантская буржуазїя едва успѣвала держаться въ равновѣсїи съ католическимъ имперскимъ дворянствомъ; она бы не выдержала борьбы съ послѣднимъ безъ содѣйствїя короля шведскаго и французскаго кардинала Ришлье. Въ теченіе тридцати лѣтъ, обѣ религїи доказывали правоту своихъ догматовъ сабельными ударами, грабительствомъ и пушечными выстрѣлами. Когда Германїю опустошили, выжгли и разграбили изъ конца въ конецъ, тогда возстановили миръ посреди развалинъ и война прекратилась отъ недостатка силъ.

Эта незаконная война останется вѣчнымъ памятникомъ послѣдней борьбы между звѣрствомъ среднихъ вѣковъ и духомъ новѣйшей цивилизаціи, запѣвшемъ слишкомъ рано побѣдный гимнь. Злодѣяній, совершенныхъ однимъ ужаснымъ поколѣніемъ, достало бы на цѣлыя столѣтїя. Принципъ среднихъ вѣковъ воплотился въ любимомъ воспитанникѣ іезуитовъ, въ графѣ Тилли. Постоянно мрачный и задумчивый, этотъ злодѣй никогда не любилъ и даже не зналъ женщины, не пилъ вина, помнилъ наизусть Энеиду, носилъ на рукѣхъ четки, а на острокопечной шляпѣ огромное красное перо; лобъ его былъ запрокинутъ назадъ и покрытъ морщинами, глаза маленькіе, тусклые и неопредѣленные по выраженїю, усы торчали щетиною, щеки впалыя и поблекшія. Таковъ былъ тотъ чело-вѣкъ, который торжественно вѣхалъ въ развалины Магдебурга на большой бѣлой лошади, спотыкавшейся объ окровавленные трупы. 14 мая 1631 года онъ писалъ къ Фердинанду II Габсбургскому: «Его императорскому величеству,

благочестивѣйшему государю. Мы недавно присутствовали при мадгебургской свадьбѣ, которая ни въ чемъ не уступала Вареоломеевской, отпразднованной за Рейномъ. Мы имѣемъ безконечную честь положить къ августѣйшимъ ногамъ вашего величества обстоятельный отчетъ объ этомъ завоеваніи, которое не имѣло себѣ подобнаго со дней Трои, Кароагена и Иерусалима. Я жалѣю только о томъ, что благородныя придворныя дамы не могли присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, какъ при великолѣпномъ рыцарскомъ турнирѣ.»

Въ другое время онъ избилъ 2000 Шведовъ, несмотря на ихъ капитуляцію. На это Густавъ Адольфъ отвѣчалъ тѣмъ, что перебилъ 2000 Кроатовъ, которые только-что передъ тѣмъ отрѣзали груди у 600 молодыхъ крестьянокъ.

Соперники Тилли, австрійскіе коменданты Гацфельдъ и Перузи отгнали за пораженіе жителямъ Меклембурга; они содрали съ нихъ кожу и живыхъ сварили въ дегтю. Они захватывали женъ и дочерей протестантскихъ горожанъ, привязывали ихъ къ лошадиному хвосту, продавали ихъ сотнями или сжигали ихъ живьемъ въ церквахъ, заложивъ наглухо двери. За каждымъ лагеремъ находился рынокъ плѣнныхъ; красивую молодую дѣвушку можно было купить за цару сапогъ со шпорами. Въ Богеміи человѣческое жилище встрѣчалось только въ 9-ти миляхъ другъ отъ друга; въ Силезіи было больше волковъ, чѣмъ людей; въ Виртембергѣ, по Дунаю и по Рейну образовались шайки людодѣдовъ, которые, не находя ни хлѣба, ни скота, ни дичи, стали охотиться за людьми.

Чего не истребилъ мечъ, то сдѣлалось добычею моровой язвы; ко всему этому присоединился голодъ. Когда Фердинандъ II вступилъ на престолъ, въ Богеміи, не считая католиковъ, было три милліона однихъ протестантовъ.

Въ эпоху его смерти, во всемъ королевствѣ было только 780,000 разоренныхъ жителей, но зато всѣ были католики; меньше чѣмъ въ два года погибло 90,000 человѣкъ въ Саксоніи; въ богатомъ городѣ Аугсбургѣ изъ 80,000 человѣкъ осталось только 18,000. Чтобы сократить перечень этихъ

опустошеній, достаточно будетъ сказать, что цѣлая половина Германіи погибла въ этой жестокой войнѣ.

Эти страшныя потери имущества, людей, національной чести не излечиваются такъ скоро, какъ могутъ думать забывчивые люди. Пораженная въ сердце, въ самый источникъ жизни, эта благородная страна томилась съ тѣхъ поръ постыдною и мучительною болѣзнью. Историки затрудняются охарактеризовать то столѣтіе, которое послѣдовало за подписаніемъ Мюнстерскаго мира; его можно назвать сатурналіею глупости. Нація была поражена несчастіемъ, превышавшимъ ея силы, потеряла сознание и впала въ идиотизмъ.

Деморализація была полная; болѣе, чѣмъ когда либо, крестьянинъ былъ обращенъ въ раба, мѣщанинъ былъ слугою дворянъ, а дворяне лакеями королей. Солдаты были совершенными злодѣями или несчастными жертвами, которыхъ воровали насильно, которые подъ пыткой давали присягу въ вѣрности и подъ ударами палки учились военному дѣлу. Представителями нѣмецкой науки были господа, подобные Шелленбаріусу, Триббельгорніусу, Цопфіусу и Книпстро-віусу.

Послѣ войны, моровой язвы и голода появляются нравственныя эпидеміи, дѣти мрака и страданія овладѣвающія ослабленными и смущенными умами. Суевѣріе и нечестіе шли рука объ руку; одинъ и тотъ же человекъ вызывалъ дьявола, чтобы защитить себя отъ пули или отъ висѣлицы и хвалился тѣмъ, что читаетъ азбуку вмѣсто молитвъ, и замѣняетъ звуками а, b, c, d всевозможныя кантаты и литаніи. Лихорадка колдовства овладѣла страной; во многихъ деревняхъ не было ни одной женщины, которая бы не объявила себя колдуньей. Соборы, консисторіи и судилища отличались другъ передъ другомъ добродѣтельною ревностью; тысячи несчастныхъ женщинъ были повѣшены, висѣчены на площади или сожжены на кострѣ.

Въ этотъ вѣкъ строгой религіозности, шутить съ судомъ было мудрено. Колесовать, пытать и драть кожу было его главнымъ занятіемъ. Въ маленькомъ королевствѣ Саксон-

скомъ, какой-то Карпцовіусъ хвасталъ тѣмъ, что одинъ написалъ 22,000 смертныхъ приговоровъ. Въ законодательствѣ была страшная неурядица; тутъ мѣшались каноническое право, имперское, гражданское, феодальное, мѣстное, муниципальное, поземельные обычаи, римское право, не говоря уже о привилегіяхъ, объ указахъ, корпораціяхъ, капитуляціяхъ, конкордатахъ и отдѣльныхъ договорахъ между городами, сословіями, общинами и дворянами. Могло ли правосудіе подчинить себѣ всю эту путаницу? Только произволь и несправедливость могли властвовать въ этихъ потемкахъ.

Среди этого разврата и всеобщей нищеты, каждый князекъ прикидывался Людовикомъ XIV или XV-мъ, воздвигалъ себѣ Версаль или Рагс-аух-Сегфа, хотя бы онъ, подобно графу Лимбургъ-Стирумскому, былъ главнокомандующимъ гусарскаго полка, состоявшаго изъ двухъ солдатъ, шести офицеровъ и одного полковника, и укрывавшагося подъ воротами въ случаѣ сильнаго дождя. Епископъ Бамбергскій и Вюрцбургскій въ одинъ годъ употребили на свой серадъ 60 милліоновъ франковъ. Императоръ австрійскій приказалъ отпускать ежедневно 2 бочки токайскаго вина для попугасвъ ея величества. Эти птицы получали сравнительно большія порціи, чѣмъ августѣйшая особа императрицы, которой подавалось на ужинъ только 12 литровъ.

Но пальму первенства въ дѣлѣ сумазбродства получилъ король саксонскій Фридрихъ. Онъ, по словамъ своихъ придворныхъ, былъ силенъ какъ Геркулесъ и красивъ какъ Аполлонъ. Онъ держалъ 120 любовницъ и оставилъ послѣ себя 332 незаконныхъ дѣтей. Графиня Козель стояла казнѣ около 80 милліоновъ франковъ. Неизвѣстно, сколько денегъ пошло на Аврору Кенигсмаркъ и на графиню Орсельку, которая была дочерью и любовницею короля. Для забавы этихъ дамъ давались *загородные праздники*, въ высшей степени безвкусные, но чрезвычайно дорого отстояшіе. Одинъ изъ такихъ праздниковъ обошелся въ 20 милліоновъ. Тысячи голодныхъ крестьянъ, были принуждены присутствовать при нихъ въ шелковыхъ и бархатныхъ костюмахъ; цѣлые полки

въ фантастическихъ одеждахъ играли въ нихъ известную роль.

Желая сдѣлать что нибудь въ этомъ родѣ, дѣдъ Гайнау, герцогъ гессенскій выжалъ изъ своего народа послѣднюю копѣйку и рѣшился наконецъ продавать своихъ подданныхъ поштучно; цѣлые полки пошли въ цѣпяхъ черезъ всю Германію къ Гамбургу, гдѣ ихъ сажали на англійскіе корабли и увозили въ американскія колоніи. Фердинандъ Брунсвикскій, гроссмейстеръ масоновъ, торговалъ такимъ же образомъ; точно также поступали князя Вальдекскій, Ангальтскій и другіе.

Приложенное къ совокупности этихъ мерзостей, самое имя Германіи сдѣлалось позорнымъ и оскорбительнымъ. Даже въ Германіи нѣмецкій языкъ былъ вытѣсненъ изъ тѣхъ кружковъ, которые причисляли себя къ хорошему обществу. Фридрихъ II прусскій, былъ неспособенъ понимать нѣмецкій переводъ трагедіи Расина, который ему читали вслухъ, между тѣмъ какъ самъ онъ слѣдилъ по французскому подлиннику. Рассказываютъ, что какой то Гессенскій, или Баварскій баронъ вызвалъ на дуэль дерзкаго человѣка, принявшаго его за Нѣмца.

Наконецъ это униженіе было приостановлено Фридрихомъ II прусскимъ и Иосифомъ II австрійскимъ; они спасли Германію отъ позора и, можетъ быть, отъ совершенной гибели. Если они и не были великими геніями, какъ говоритъ о нихъ благодарность соотечественниковъ, то они конечно были людьми съ замѣчательнымъ умомъ, съ здравымъ смысломъ и съ хорошо направленною волею.

Дѣйствительно, гражданское возрожденіе Германіи было приготовлено ими и ихъ поколѣніемъ, но совершилось оно поздиѣе и его виновниками были Кантъ и Лессингъ, умственные родители Гёте и Шиллера, Гегеля, Фихте и Гумбольдтовъ. Возрожденіе Германіи произошло въ одно время съ возрожденіемъ Франціи и съ выступленіемъ на сцену демократическаго принципа.

Не намъ отвергать достоинство тѣхъ начинаній, которыя стоили нашимъ отцамъ такъ много страданій и усилій, но

мы должны сознаться, что эти задатки новаго порядка вещей до сихъ поръ оставались еще очень незначительными, если принять въ соображеніе огромность цѣлой задачи. Въ сущности, эти французскія революціи, о которыхъ такъ много шумѣли, которыя сравнивали съ работою Титановъ, наваливавшихъ Пеліонъ на Оссу, продолжались безъ вмѣшательства реакціи, нѣсколько мѣсяцевъ въ 1789 году, нѣсколько недѣль въ 1830 и нѣсколько дней въ 1848 г.

Въ Германіи умственная работа была гораздо значительнѣе, чѣмъ во Франціи, но зато сдѣланное дѣло было еще меньше, и всѣ успѣхи, совершенные въ теоріи, вдвойнѣ даютъ намъ чувствовать всю отсталость практической жизни.

Подобно египетскому сфинксу, котораго человѣческая голова смотритъ на лазурное небо и на золотое солнце, на котораго звѣриное тѣло еще на-половину погружено въ вязкій илъ, — Германія мыслью и чувствомъ живетъ въ эфирной области будущаго, а инстинктами, привычками и воспоминаніями вязнетъ въ грязи прошедшаго.

Германія отличается нравственною двойственностью, безисходнымъ противорѣчіемъ; но двойственность еще не большая бѣда; всякій человѣкъ представляетъ въ себѣ противорѣчіе между стремленіемъ и осуществленіемъ. Но къ несчастію, двойственность Германіи дробится на множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ оттѣнковъ двойственности

Во-первыхъ, Германія распадается на сѣверную и южную; протестантская Пруссія, наслѣдница Гвельфовъ, противоположна католической Австріи, преемницѣ Гибелиновъ. Католическая Баварія служитъ противовѣсомъ протестантскому Виртембергу; но самая Баварія раздѣляется на двѣ половины, противоположныя между собой по стремленіямъ и интересамъ, на юговосточную и на сѣверозападную. Точно также Бранденбургская Пруссія расходится съ одной стороны съ Польскою Пруссіею и съ другой стороны — съ Рейнскою Пруссіею, въ которой господствуетъ католическая религія и кодексъ Наполеона. Протестантская Саксонія упра-

вляется католическимъ королемъ. Протестантизмъ Пруссіи разъединяетъ ее съ Баварією и въ то же время возбуждаетъ подозрительность правительствъ саксонскаго, брауншвейгскаго и ганноверскаго, которыя боятся, чтобы ихъ народы не пожелали присоединиться къ Прусскому королевству, завоевавшему Силезію силою оружія и религіозныхъ симпатій. Дѣйствительно, въ 1815 году Пруссія проглотила бы Саксонію, еслибы этому не воспротивился императоръ Александръ. Королевство Саксонское живетъ не ладно съ герцогствами Саксонскими, герцогство Саксенъ-Кобургское недоброжелательно смотритъ на Саксенъ-Веймаръ и на Саксенъ-Готу. Гессенъ-Дармштатъ караулитъ богатое наслѣдство Гессенъ-Касселя; Мекленбургъ-Шверинъ посягаетъ на Мекленбургъ-Стрелицъ и Шаумбургъ-Липпе враждуетъ съ Шаумбургъ-Рудольштатомъ.

Бранденбургцы называютъ себя Пруссаками и не считаютъ себя Нѣмцами; недавно Австрійцы высказывали ту же претензію. Саксонцы и Баварцы называютъ себя прежде Саксонцами и Баварцами, а потомъ уже Нѣмцами. Вслѣдствіе этого господствуетъ невыразимый безпорядокъ въ нарѣчіяхъ, въ вѣсахъ, въ монетѣ, въ мѣрахъ; каждый вершокъ земли подверженъ особымъ повинностямъ и особымъ законамъ. Подданные князька, получающаго милліонъ гульденовъ годоваго дохода, презираютъ подданныхъ князька, получающаго ежегодно только сто тысячъ дохода.

На свѣтѣ живетъ 40 милліоновъ Нѣмцевъ, но Германію вы нигдѣ не найдете. «Гдѣ отечество Нѣмца?» (*des Deutschen Vaterland*). Да и какое отечество выбрать, когда въ вашемъ распоряженіи ихъ 36, и въ томъ числѣ государство Рейссъ-Шлейсъ-Крейцъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфъ и княжество Бюкебургъ, которое въ дождливый день Гейне нечаянно унесъ вмѣстѣ съ грязью, прилипшею къ его сапогамъ. По расчету, сдѣланному на основаніи готскаго альманаха 1851 года, въ Германіи считалось 1936 членовъ царствующихъ фамилій!

Между тѣмъ, владѣнія въ наше время сдѣлались въ десять разъ меньше, чѣмъ были 50 лѣтъ тому назадъ. Съ

тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги въ десять разъ сократили разстоянiя, а телеграфъ ихъ совершенно уничтожилъ, съ тѣхъ поръ Мюнхенъ въ десять разъ ближе къ Берлину, потому что жители обоихъ городовъ въ десять разъ скорѣе могутъ посѣщать другъ друга.

Теперь пароходы ходятъ почти не останавливаясь отъ Генуи до Палермо; теперь изъ Турина можно мгновенно переговариваться съ Палермо, и потому никто не скажетъ, что форма Италiи осуждаетъ ее на вѣчное раздробленiе. Въ былое время Германская имперiя была достаточно велика, чтобы вмѣщать въ себя королей, герцоговъ, князей, графовъ, маркизовъ, курфирстовъ, духовныхъ владѣльцевъ, вольные города и военные ордена; теперь въ ея предѣлахъ уже становится тѣсно двумъ такимъ государствамъ, какъ Пруссiя и Австрiя.

Не все плачевно въ этой неурядицѣ: она не можетъ дать мѣсто добру и свободѣ, но зато зло и рабство также не могутъ въ ней окончательно утвердиться. — — —

Каждая изъ 36-ти державъ порождаетъ нѣсколько дворянскихъ семей, отстаивающихъ свои права на взиманiе десятины, на охоту, на рыбную ловлю, на судъ и расправу. Чтобы обозначить свои привилегiи, швабскiе дворяне въ былое время ставили даже висѣлицу передъ своимъ крыльцомъ.

Вотъ почему эта великая Германiя, которой физическiя, умственныя и промышленныя средства кажутся неистощимыми, играетъ въ Европѣ роль второстепенной державы; это происходитъ именно оттого, что она заключаетъ въ себѣ двѣ первостепенныя державы, да 34 державы разныхъ категорiй и названiй. Вотъ почему императоръ Наполеонъ I сказалъ, отправляясь къ Генѣ: «Еслибы Германiя не существовала, ее нужно было бы нарочно выдумать!»

Въ этой странѣ неуклюжихъ ученыхъ ни что не удается. Еще больше, чѣмъ во Францiи, самый великолѣпный энтузиазмъ разрѣшается печальнымъ разочарованiемъ. Этотъ народъ, котораго громадныя умственныя силы засвидѣтельствованы языкомъ и мiеологiей, послѣ 2000 лѣтъ историче-

ской жизни вовсе не дошелъ до тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было ожидать отъ той удивительной энергіи, отъ той героической честности и отъ той непримѣрной задушевности, съ которыми онъ вступилъ на свое поприще.

Насъ приводитъ въ негодованіе то, что реформа Лютера перестала быть величественнымъ возмущеніемъ человѣческаго ума, сознавашаго свое совершеннѣе и привела къ какому-то тибетскому абсолютизму. Можно тутъ же упомянуть о войнѣ за независимость 1814 года, окончившейся пресловутою системою князя Меттерниха.

Мудрено ли, что разочарованная несчастнымъ исходомъ столькихъ великихъ движеній, Германія дошла до сомнѣнія въ себѣ, до отвращенія къ себѣ. Мудрено ли, что она сама надъ собою смѣется, какъ мы видимъ это въ поэзіи Гейнриха Гейне. Выселенія, производящіяся толпами, объясняются отчасти тѣмъ, что народъ отчаялся въ самомъ себѣ. Въ Гессенѣ и въ Палатинатѣ трудно найти молодыхъ людей для конскрипціи: они пробираются за границы, несмотря на меровъ и жандармовъ, которымъ поручено ихъ задерживать. Въ Виртембергѣ пустѣютъ цѣлыя деревни; мужчины и женщины, старики и дѣти толпами покидаютъ свою родину.

На Итальянскомъ бульварѣ, въ Тюльерійскомъ саду, среди Парижа вы встрѣтите сотни бѣдныхъ Нѣмцевъ, пробирающихся въ Гавръ, чтобы плыть въ далекія земли. Мужчины, женщины и дѣти смотрятъ удивленными глазами на великолѣпный городъ и, толпясь тѣсными кучками, крѣпо держатъ другъ друга за руку.

Бѣдные люди! Ихъ предки связывались между собою желѣзными цѣпями, чтобы не отступить и не разорваться въ сраженіи; они тоже нуждаются теперь во всей совокупности своихъ силъ, чтобы бороться съ злою нищетою и съ неизвѣстнымъ будущимъ! —

Э. РЕКЛЮ.

(Продолженіе будетъ.)

Аѳинской дѣвушкѣ.

(Изъ Байрона).

Часть разлуки бьетъ: прости,
Аѳинянка! возврати
Другу сердце и покой,
Иль оставь навѣкъ съ собой.
Вотъ обѣтъ мой — знай его:
Zōn mou, sas agapo.⁽¹⁾

За румянецъ этихъ щекъ,
Что Эгейскій вѣтерокъ
Цѣловалъ тайкомъ не-разъ,
За огонь газельихъ глазъ,
За кудрявое чело:
Zōn mou, sas agapo.

Поцѣлуемъ устъ твоихъ,
Зыбью персей молодыхъ,
Рѣчью тайною цвѣтовъ,
Говорившихъ больше словъ, —
Всѣмъ клянусь, что душу жгло:
Zōn mou, sas agapo.

Аѳинянка! обо мнѣ
Вспомни ты наединѣ...
Въ Истамболѣ уѣду я,
Но Аѳинъ душа моя
Не покинетъ для него:
Zōn mou, sas agapo.

Л. МЕЙ.

14-го октября 1859 года.

¹⁾ *Zōn mou, sas agapo* значить: жизнь моя, люблю тебя!

ВОСПОМНЕНІЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

Сонце гріє, вітеръ віє
Эъ поля на долину,
Надъ водою гнє зъ вербою
Червону кашку;
На тій вербі одиноке
Гніздечко гойдає,
А де дівся соловейко —
Не питай — не знає.

Т. ШЕВЧЕНКО.

*(Кобзарь. На вічку пам'ять
Котлярському).*

Какъ матеріяль для біографіи Шевченка, я представляю эпизодъ моего съ нимъ знакомства въ то время, когда нашъ поэтъ былъ еще молодъ, кипѣлъ вдохновеніемъ, стремился къ самообразованію и, не смотря на грусть, постоянно щемившую его сердце наединѣ съ собою, увлекался еще порой и веселымъ обществомъ и сочувствіемъ, которое вызывалъ симпатичной своей личностью. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію моего знакомства съ Шевченкомъ, считалъ необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на эпоху, близкую къ намъ, но почти перешедшую въ область исторіи, по тѣмъ совершившимся фактамъ, которые одинъ за другимъ вели наше общество къ развитію. Это было въ 1843 году. Находясь въ годовомъ отпуску въ Полтавской губерніи, я

ожидалъ отставки изъ военной службы, съ цѣлью заняться изученіемъ украинской народности, что было завѣтной моею мечтой.

Въ то время паны наши жили, что называется, на широкую ногу и патриархальное гостепрѣимство не теряло ни одной черты изъ своего почтеннаго характера. Молодое поколѣніе было уже болѣе или менѣе образовано. Женщины высшаго сословія, собственно молодыя, всѣ уже были воспитаны въ институтахъ, пансіонахъ, или дома подъ надзоромъ гувернантокъ, и французскій языкъ не только не казался диковинкой, какъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, но считался необходимой принадлежностью всякой образованной бесѣды. Говорили на немъ бѣгло и порядочно однѣ впрочемъ женщины, а кавалеры по болѣшей части не умѣли вести разговора на этомъ языкѣ, но каждый щеголь считалъ обязанностью пригласить даму на танецъ — непременно по французски. Хотя у многихъ помѣщиковъ выписывались журналы т. е. «Библіотека» и «Отечественныя Записки», но критическія статьи Бѣлинскаго оставались неразрѣзанными, на томъ основаніи «что въ нихъ все начинается отъ Адама» и жадно читалась литературная лѣтопись Брамбеуса, приходившаяся по плечу большинству публики; заучивались наизусть драматическія фантазіи Кукольника, и я зналъ одну очень милую барышню, которая могла проговорить безъ запинки всего Джакомо-Сампазара. Богатые папы жили открыто, и было нѣсколько домовъ въ разныхъ пунктахъ, окруженные штатомъ прихвостниковъ, куда въ интимный кружокъ допускались лишь избранные; но въ извѣстные урочные дни и праздники стекалось до трехъ и четырехъ сотъ гостей изъ разныхъ концовъ Малороссіи. Тамъ помѣщики почерпали и новыя моды и обычаи, тамъ самый гордый богачъ своего околodka дѣлался «тише воды — ниже травы», потому что громадное богатство магната давило его своими размѣрами. Вельможный хозяинъ старался принимать всѣхъ одинаково, исключая двухъ, трехъ, на которыхъ смотрѣлъ какъ на равныхъ, и иногда, за обѣдомъ, для приведенія всѣхъ къ одному знаменателю, отпускалъ фразу въ родѣ слѣдующей:

— Напрасно NN ваялся за это предпріятіе—оно ему не по силамъ. Жаль, онъ можетъ разориться, потому что, имѣя какихъ нибудь тысячу душъ, трудно будетъ ему выдержатъ.

И тотъ ежился, у кого было тысяча душъ, а у кого нѣсколько сотъ, тому оставалось только слушать нодобострастно. Тогда еще у насъ сильно цѣнилось въ человѣкѣ богатство, и хоть оно цѣнится не менѣе и теперь, однако этого не выражаютъ такъ цинически и не говорятъ: «ты бѣденъ, такъ ступай къ порогу». Въ это блаженное время говорили и поступали иначе. Но у магнатовъ, какъ я уже сказалъ, всѣхъ принимали одинаково и не дѣлалось у нихъ, какъ у большинства при сѣздахъ, что однимъ гостямъ подавали хорошія иностранныя вина, а другимъ мѣстнаго уѣднаго производства. Сѣзды эти преимущественно можно было назвать танцевальными, потому что нѣсколько дней сряду каждый день дамы наряжались по балъному, и плясъ продолжался до двухъ и трехъ часовъ за полночь. Львами баловъ обыкновенно бывали военные, да изрѣдка какой нибудь заѣзжій изъ столицы, который и пожиналъ лавры, и на котораго съ завистью посматривали самые отъявленные сердцеѣды.

Но въ то время уже, какъ отрадныя оазисы, выдавались нѣкоторыя семейства съ новымъ направленіемъ, отличавшіяся и образованіемъ, и гуманностью. Ихъ было не много, но проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ, вы были увѣрены встрѣтить и умную бесѣду, и интересную книгу, поспорить не объ однѣхъ собакахъ и лошадяхъ, и услышать истинную музыку. Между женщинами этихъ семействъ начиналось стремленіе къ національной литературѣ; онѣ непрерывно читали «Кобзаря» Шевченка, заданнаго въ Петербургѣ, и встрѣченнаго критикой единодушнымъ глумленіемъ. Что Украинки читали роднаго поэта—кавалось бы дѣломъ весьма обыкновеннымъ и по видимому естественнымъ; но кто знаетъ строй тогдашняго общества, тотъ не можетъ не подивиться. Дѣти достаточнаго сословія, особенно дѣвочки, отъ кормилицы поступали или къ иностраннымъ нянькамъ, или къ такимъ, которыя говорили по русски, и каждое украинское выраженіе вмѣ-

нялось имъ въ проступокъ и влекло за собою наказаніе. Еще мальчики могли научиться по украински, но дѣвочкамъ предстояло много труда понимать «по мужицки», хотя ничто не мѣшало сохранять родной акцентъ и до глубокой старости. Въ то время, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которой дѣвкамъ читать не давали, на украинскомъ языкѣ были уже: повѣсти Квитки, Полтова и Приказки Гребенки, имѣлись вездѣ рукописныя сочиненія Гулака-Артемовскаго; но все это читалось какъ-то вяло высшимъ кругомъ. Появленіе «Кобзаря» мигомъ разбудило апатію и вызвало любовь къ родному слову, изгнанному изъ употребленія не только въ обществѣ высшаго сословія, но и въ разговорѣ съ крестьянами, которые старались, и конечно смѣшно, выражаться по великорусски. Смѣло могу сказать, что послѣ появленія «Кобзаря» большинство принялось за повѣсти Квитки. Въ 1843 году Шевченка уже знали украинскіе паны; для простолюдиновъ поэтъ и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, хотя всѣ произведенія его доступны крестьянину и доставили бы ему большое наслажденіе. Къ этому же году относится и первая моя встрѣча съ Шевченкомъ въ Полтавской губерніи. Былъ іюнь на исходѣ. На Петра и Павла въ одномъ старинномъ домѣ у Т. Г. В...ской съѣзжались помѣщики не только изъ Полтавской, но изъ Черниговской и даже изъ Кіевской губерніи, и празднество продолжалось нѣсколько дней. Домъ этотъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ; осьмидесятилѣтняя хозяйка его явленіе тоже невозможное въ настоящее время, и потому читатель не посѣтуетъ, если я очерчу слегка быть знаменитой нѣкогда Мосевки. 12 января день именинъ хозяйки и 29 іюня, кажется, день именинъ покойнаго В...го праздновались со всевозможною пышностью; и въ эти дни собиралось въ Мосевкѣ до 200 особъ, изъ которыхъ иные паны пріѣзжали въ нѣсколькихъ экипажахъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги. Все это нужно было размѣотить и продовольствовать. Въ послѣднее время хозяйка была почти слѣпая; страстная охотница до картъ, она уже не могла играть сама и только просиживала далеко за полночь возлѣ игравшихъ, услаждая слухъ свой пріятными игорны-

ми возгласами и утѣшаясь какимъ нибудь казусомъ. Старушка мало уже и помнила, зная только самыхъ близкихъ гостей, а о большой части посѣтителей, особенно изъ молодежи, никогда и не слыхала; она не входила ни во что, и приемъ гостей лежалъ на обязанности экономки и дворецкаго. У послѣднихъ люди по-важнѣе пользовались еще вниманіемъ по преданію, но мы номады должны были размѣщаться по собственому разумѣнію и по утрамъ бѣгать въ буфетъ добывать съ боя стаканъ чаю или кофе. Разумѣется, четвертакъ или полтинникъ играли роль; но иногда гостей было такъ много, беспорядокъ доходилъ до такого хаоса, что и подкупленные лакеи ничего не могли сдѣлать для своихъ кліентовъ. Но эти житейскія неудобства выкупались разнообразнымъ и веселымъ обществомъ, которое съ утра собиралось въ гостиныхъ комнатахъ, гдѣ дамы и дѣвицы, одна передъ другой, щеголяли любезностью, красотою, изысканностью и роскошью туалета. Балы Т. Г. В—ой были для Малороссіи своего рода Версалью: туда везлись на показъ самыя модныя платья, новѣйшія фигуры мазурки, знаменитѣйшіе каламбуры, — и тамъ же бывалъ иногда первый выѣздъ дѣвицы, которая до того ходила въ коротенькомъ платьицѣ и кружевныхъ панталонцахъ. Тамъ завязывались сердечные романы, происходили катастрофы, провозглашалась красота и устанавливалась слава танцоровъ и танцорокъ. Да, подобные балы уже не повторяются, потому что теперь не много найдется охотниковъ ѣхать за полтора ста верстъ съ семействами на трехдневный плясъ, да и врядъ ли отыщется помѣщикъ, готовый бросить нѣсколько тысячъ рублей на подобныя удовольствія. Огромная въ два свѣта зала едва могла помѣщать общество, хотя не малая часть гостей занимала другія комнаты и много мужчинъ играло въ карты по своимъ квартирамъ. Старинная мебель, цвѣты, прошловѣковыя зеркала и занавѣсы все это при освѣщеніи и новѣйшихъ костюмахъ, подъ звуки музыки, представляло необыкновенно интересный видъ.... И вдругъ среди толпы разряженныхъ дамъ и расфранченныхъ кавалеровъ является истопникъ въ простой крестьянской одеждѣ, въ дегтяныхъ сапогахъ, съ длинной кочергой, и рас-

талкивая раздушенную толпу, отправляется къ печкѣ, садится на паркетѣ на корточки и, помѣшивая головни, понюхиваетъ себѣ табакъ изъ рожка, вынутаго изъ-за голенища. Дождавшись флегматически времени, истопникъ подѣзетъ на лѣсенку, закроетъ трубу и, сложивъ на плечо свои доспѣхи, отправляется обратно тѣмъ же порядкомъ, не обращая вниманія на происходящее, какъ человѣкъ, добросовѣстно исполнившій свою обязанность. Зимніе балы были блистательны, но лѣтніе гораздо веселѣе, потому что послѣ танцевъ, на разсвѣтѣ, общество выходило на лужайку передъ домомъ, уставленную цвѣтами, гуляло по саду, и тутъ договаривались при блескахъ утренней зари тѣ рѣчи, которыя какъ-то замирали въ душной бальной атмосферѣ. Въ описываемое время встрѣтилъ я въ Мосевкѣ С. А. З — ую, которая тогда напечатала въ От. Зап. свою «Институтку» и затронула въ ней нѣсколько лицъ, обыкновенно посѣщавшихъ старуху В — ую. Она же сказала мнѣ, что ждали изъ Петербурга Гребенку, который, нѣтъ сомнѣнія, приѣдетъ въ Мосевку. Съ Гребенкой мы были знакомы, какъ воспитанники одного заведенія, и хотя онъ вышелъ гораздо прежде меня, но мы жили съ нимъ на одной квартирѣ. Онъ тоже въ своихъ разсказахъ описалъ не одну личность изъ общества, собиравшагося въ Мосевкѣ. Въ особенности нападали они съ З — ой на одну барыню, — типъ уже исчезнувшій, извѣстную въ Малороссіи подъ именемъ всесвѣтной свахи.

Общество собралось многочисленное. По протекціи одного пріятеля я имѣлъ комнатку не уютную, но отдѣльную, такъ что, несмотря на неудобства, все таки я былъ помѣщенъ лучше многихъ. Помню, что послѣ шумнаго завтрака, я отправился къ себѣ покурить и почитать. Проходя мимо главнаго подѣзда, я услышалъ голоса: «Гребенка! Гребенка!» и остановился. Е. П. подѣзжалъ къ крыльцу въ сопровожденіи незнакомца. Они вышли. Спутникъ его былъ средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что невольно я обратилъ на него вниманіе. Гребенка тотчасъ же поздоровался

со мною, взявъ за плечи и, толкнувъ на своего спутника, познакомилъ насъ. Это былъ Т. Г. Шевченко. Послѣдній зналъ меня по стихотворному посланію къ нему, напечатанному въ «Молодикѣ» и крѣпко обнялся со мною. Дорожнымъ надѣ было умыться и привести въ порядокъ костюмы. Я пригласилъ ихъ въ свою комнату. Гребенка скоро ушелъ внизъ, а Тарасъ Григорычъ остался со мною. Я упомянулъ о своемъ стихотвореніи не изъ самолюбія, напротивъ, я считаю его слабымъ, но потому что это было первое печатное заявленіе сочувствія и уваженія Украинца къ народному поэту, и Шевченко нѣсколько разъ произнесъ мнѣ свое искреннее «спасибі», которое, какъ извѣстно всѣмъ знавшимъ его близко, имѣло особенную прелесть въ устахъ славнаго Кобзаря. Но не долго мы разговаривали. Вѣсть о приѣздѣ Шевченка мигомъ разлилась по всему дому, и квартира моя вскорѣ наполнилась почитателями, приходившими познакомиться съ роднымъ поэтомъ. Пришелъ и Гребенка и мы отправились въ залу. Всѣ гости толпились у входа и даже чопорныя барыни, которыя иначе не говорили, какъ по французски, и тѣ съ любопытствомъ ожидали появленія Шевченка. Поэтъ видимо былъ тронутъ благожелательнымъ приемомъ, и послѣ обычнаго представленія хозяйкѣ, которая рѣшительно не понимала кого ей представляли, Шевченко усѣлся въ кругу дамъ въ обществѣ С. Д. З—ой. Цѣлый день онъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія, за исключеніемъ двухъ, трехъ личностей, которыя не признавали не только украинской, но и русской поэзіи, и бредили только Гюго и Ламартиномъ. Скоро Шевченко одѣлался какъ омой со воѣмъ и былъ точно дома. Многія хорошенькія особы читали ему наизусть отрывки изъ его сочиненій, и онъ въ особенности хвалилъ чистоту полтавскаго нарѣчія. Вдѣяніе этой чистой рѣчи отразилось на его послѣдникъ произведеніяхъ, а въ первыхъ замѣтно преобладаніе ваднѣировскаго говора. Послѣ ужина одна веселая мужская компанія увлекла Шевченка въ свои комнаты, куда услужливый буфетникъ отпустилъ приличное количество деседятельныхъ мамитковъ. Среди шумныхъ тостовъ и прѣдѣтствій Тарасъ подоѣлъ ко мнѣ и сказалъ, что

онъ не надѣялся встрѣтить такого радушія отъ помѣщиковъ, и что ему очень нравились инныя «молодиці и дѣвчата». Вообще онъ былъ въ духѣ и не говорилъ иначе, какъ по украински.

Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ о небольшомъ кружкѣ, который овладѣлъ Шевченкомъ. Тѣсный кружокъ умныхъ и благородныхъ людей, преимущественно гуманныхъ и пользовавшихся всеобщимъ расположеніемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ собутельниковъ, которые, не находя ли дѣятельности въ тогдашней средѣ, не успѣвъ ли отрѣшиться отъ юной разгульной жизни, единственнымъ наслажденіемъ находили удовольствіе похмѣлья и девизомъ своимъ избрали извѣстную латинскую пословицу «in vino veritas.» Слабость эта, извиняемая въ дворянскомъ быту, а въ то время заслуживавшая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мѣшала однакоже членамъ упомянутаго кружка быть пріятными собесѣдниками почти весь день, потому что они могли выпивать очень много и только уже вечеромъ нализывались до того состоянія, когда языкъ прилипаетъ къ гортани и въ глазахъ двоются предметы. Кружокъ этотъ носилъ названіе «общества мочемордія» вслѣдствіе того, что на языкѣ его не существовалъ глаголь пьянствовать, а замѣнялся фразой «мочить морду», и каждый удалой питухъ назывался «мочемордой» или по крайней мѣрѣ имѣлъ право на это названіе. Въ противоположность—неупотребленіе спиртныхъ напитковъ называлось «сухомордіе или сухорыліе». Члены, смотря по заслугамъ, носили титулы мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. Въ награду усердія у нихъ существовали отличія: сивалдай въ петлицу, бокалъ на шею и большой штофъ черезъ плечо. Въ извѣстные дни, или просто при сѣздахъ, они совершали празднества въ честь Бахуса, и вотъ какъ сзывались мочеморды на эти празднества: басъ гудѣлъ: «ромъ! пуншъ! ромъ! пуншъ!», тенора подхватывали «полпиво! полпиво! глинтвейнъ! глинтвейнъ!» а дисканты выкрикивали: «бѣла, красна, сладка водка!» Великій магистръ произносилъ приличную рѣчь, и мочеморды предавались своимъ волюнтаріямъ. Всѣ горячіе напитки считались достойными, но существовало одно условіе, вождствіе

котораго истый мочеморда, для поддержанія чести общества, не долженъ былъ употреблять простой водки, а непремѣнно истойку, если не дѣйствительную, то хоть прикрытую этимъ названіемъ. Такъ напр. въ случаѣ сильнаго недостатка мочеморда пилъ гривенниковку, т. е. простую водку, въ которую, за немѣніемъ подъ рукою никакой спеціи, вбрасывался гривенникъ. Старѣйшиной тогда былъ В. А. З—ій, носившій титулъ высокопоянѣйшества и получившій большой штофъ черезъ плечо. Умный и благородный человекъ, гусаръ въ отставкѣ, З—ій цѣлый день бывалъ душою общества, и всѣ, кто слушалъ его рассказы о походахъ мочемордъ въ обоихъ полушаріяхъ, хватались за бока отъ смѣха, и въ тѣ минуты отъ него нельзя было оторваться. Съ крестьянами онъ обходился необыкновенно кротко и иначе не отъзывался къ нимъ, какъ съ какою нибудь шуткой. Однажды при мнѣ гдѣ-то на балѣ, послѣ ужина пошли мы въ свои комнаты. З—ій горевалъ, что мало съѣхалось истинныхъ мочемордъ «все этакое сухорыліе» и собирался ложиться спать «чортъ знаетъ въ какомъ положеніи!» Слуга его встрѣтилъ насъ шатаясь. З—ій расхохотался.

— Каковъ попъ таковъ и приходъ! проговорилъ онъ, и, доставъ изъ кармана полтинникъ, прибавилъ:—о! достойный сынъ Бахуса! ступай же и мочи морду до разсвѣта.

Это была чрезвычайная рѣдкость въ то время, когда ные помѣщики, пившіе безъ просыпу, строго наказывали людей, если послѣдніе хоть изрѣдка пробовали подражать господамъ своимъ.

Къ В. З—му сошлось нѣсколько истыхъ мочемордъ отпраздновать знакомство съ Шевченкомъ, и какъ все это были веселые, порядочные люди, то мы и остались пировать съ ними до разсвѣта.

Два дня пробыли мы вмѣстѣ съ Шевченкомъ въ Мосевкѣ и, разставаясь, дали слово другъ другу повидаться при первой возможности, указавъ разныя мѣстности, гдѣ распознали быть въ извѣстное время приблизительно. Заѣзжалъ онъ потомъ ко мнѣ, провожалъ я его къ общимъ знакомымъ,

и въ эти то побѣдки я успѣлъ поближе всмотрѣться въ эту интересную личность, о которой еще до появленія въ Малороссіи ходили разнорѣчивые слухи. Осторожный ли отъ природы или вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ молодости, сложившихся такой тяжелой долей, Шевченко при всей видимой откровенности не любилъ однакоже высказываться. Миѣ какъ то удалось сразу подмѣтить эту черту, и я никогда не беспокоилъ его никакими вопросами, пока онъ самъ не начиналъ разговора.. Помню, однажды, осенью, у насъ въ домѣ, долго сидѣли мы и читали Dziady Мицкевича. Всѣ давно уже улеглись. Тарасъ сидѣлъ облокотясь на столъ и закрывъ лицо. Я остановился перевести духъ и покурить. Только что я прочелъ сцену, когда Густавъ рассказывалъ священнику свою послѣднюю встрѣчу съ милрой.

— А що ти втомивсь и хочешь стать (*)? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, а хочу покурить.

— И справді. А знаешь що? можебъ выпить чаю! такъ ма быть хлопчикъ спить уже сердешный (**).

— Развѣ-же и безъ него мы не сдумѣемъ. Погоди я соберу припасы, поставимъ самоваръ.

— Отъ и добре! порайся жъ ты тутечки, ая побіжу по воду до криниці (***) .

— Вода есть, а на дворѣ слышишь какой вѣтеръ.

— Байдуже. Хочу пробігатись (****).

И Т. Г., отыскавъ ведро, пошелъ садомъ. Вскорѣ ко

(*) Шевченко со мной говорилъ всегда по украински и потому я *значе* и не могу передавать его рѣчи. Для великорусскихъ читателей предлагаемъ переводъ:

«А что ты усталъ и хочешь спать?»

(**) И въ самомъ дѣлѣ. А знаешь что? Не найдется ли намъ чаю.. Только, я думаю, мальчикъ спить уже бѣдняжка.

(***) Вотъ и хорошо. Хлопчи же ты здѣсь, а я сбѣгаю за водой къ колодезю.

(****) Миѣ все равно. Хочу пробѣгаться.

мнѣ донесся звучный его голосъ, напѣвавшій любимую тогда мнѣ пѣсню:

«Та нема въ світі гірше нікому
Дяв сироті молодому.»

Общими силами приготовили мы чай, и когда усьлись за столъ, онъ, позабывъ о Мицкевичѣ, началъ мнѣ рассказывать все свое прошедшее. Лишнимъ будетъ говорить, что разсвѣтъ засталъ насъ за бесѣдой, и тогда только я вполнѣ понялъ Тараса. Но Шевченко уже разочаровался въ нѣкоторыхъ нашихъ панахъ и посѣщалъ весьма не многихъ. Не отсутствіе радушія или вниманія, не какое нибудь высокоміріе оттолкнули его, а печальная власть бывшаго крѣпостнаго права, выражавшаяся въ той или другой неблагоприятной формѣ, приводила эту благородную душу въ самое мрачное настроеніе. Хоть передъ нимъ вездѣ всѣ старались показывать домашній бытъ свой въ праздничномъ видѣ, однако трудно было обмануть человѣка, подобнаго Шевченку, который, выйдя самъ изъ крѣпостнаго сословія, очень хорошо зналъ кулисы и декораціи на сценѣ помѣщицъей жизни.

Мнѣ очень памятенъ одинъ случай. Въ уѣздномъ городкѣ Л...., не желая отстать отъ другихъ, одинъ господинъ пригласилъ Шевченка обѣдать. Мы пришли довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно по своему... не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ... Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался вполнѣдствіи въ долгу: темная эта личность, дѣйствуя во мракѣ, приготовила не мало горя нашему поэту....

Мысль о тогдашнемъ положеніи простолюдина постоянно мучила Шевченка и нерѣдко отравляла лучшія минуты.

Т. Г. изъ иностранныхъ языковъ зналъ одинъ лишь

польскій, и перечиталъ на немъ много сочиненій. Какъ нарочно въ то время я самъ прилежно занимался польской литературой и у меня собралось довольно книгъ и журналовъ. Въ ненастную погоду Шевченко не встаетъ бывало съ постели, лежитъ и читаетъ. Онъ не любилъ Полюковъ, но къ Мицкевичу чувствовалъ какое-то особенное влеченіе. Зная Байрона лишь по нѣсколькимъ русскимъ переводамъ, Т. Г. художническимъ чутьемъ угадывалъ великость міроваго поэта; но читая великолѣпные переводы Мицкевича изъ Байрона, онъ приходилъ всегда въ восторгъ въ особенности отъ «Доброй Ночи» изъ Чайльдъ-Гарольда. Дѣйствительно, пьеска эта не уступаетъ подлиннику и вылилась у поэта гармоническими и симпатичными стихами. Т. Г. долгое время любилъ повторять строфу:

Sam jeden błaząc po świecie szerokim
 Pędę życie tułaczem,
 Czegoż mam płakać za kim i po kim
 Kiedy nikt po mnie nie płacze?

Нѣсколько разъ принимался онъ переводить лирическія пьесы Мицкевича, но никогда не оканчивалъ и разрывалъ на мелкіе куски, чтобы и памяти не осталось. Иные стихи выходили чрезвычайно удачно, но чуть какой нибудь казался тяжелымъ или невѣрнымъ, Шевченко бросалъ и уничтожалъ всѣ предъидущія строфы.

— Мабуть сама доля не хоче, говаривалъ онъ, щобъ я перекладавъ лядські пісні (*).

Въ 1844 г. разстались мы на долго. Случай увлекъ меня на Кавказъ и Закавказье, гдѣ величественная природа и совершенно незнакомый край съ его дикимъ населеніемъ поглотили все мое вниманіе. Я не имѣлъ вѣстей о Шевченкѣ, но вездѣ, гдѣ находилъ нѣсколько Украинцевъ въ кругу-ли

(*) Вѣроятно, сама судьба не хочетъ, чтобы я переводилъ польскія пѣсни.

чиновниковъ или въ какомъ нибудь полку, вездѣ встрѣчалъ я истрепанные экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамакъ» и полное, искреннее сочувствіе ихъ автору.

По возвращеніи на родину, я встрѣтился съ Т. Г. въ уѣздномъ своемъ городѣ, чрезъ который онъ проѣзжалъ изъ Миргорода, гдѣ сошелся съ Л...мъ. Шевченко хлопоталъ о подорожной, и какъ время было послѣ полудня и всѣ городскія власти спали по обычаю послѣ обѣда, то и не представлялось возможности исполнить его желаніе. Полученіе подорожной дѣйствительно у насъ обставлено весьма стѣснительными формами для проѣзжаго. Я предложилъ Шевченку заѣхать ко мнѣ, погостить день, другой, а потомъ обѣщаль доставить его куда надобно. Онъ спѣшилъ къ З...му, но тотчасъ же принялъ мое предложеніе и мы отправились въ Исковци. Т. Г. разсказалъ мнѣ, что сблизился съ В. А., который не сложилъ еще съ себя званія старшины общества мочемордъ и подвизался въ немъ съ успѣхомъ во славу Бахуса. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ множество анекдотовъ. Въ два дня Т. Г. прочелъ мнѣ нѣсколько своихъ сочиненій. Дивныя вещи были у Шевченка. Изъ большихъ въ особенности замѣчательны: Іоаннъ Гусъ, поэма и мистерія безъ заглавія. Въ первой онъ возвысился, по моему мнѣнію, до своего апогея, во второй, уступавшей Гусу по содержанию, онъ разсыпалъ множество цвѣтовъ чистой украинской поэзіи.....

Шевченко разсказывалъ мнѣ, что прочелъ всѣ источники о гусситахъ и эпохѣ, имъ предшествовавшей, какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности — не оставлялъ въ покоѣ ни одного Чеха, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или другихъ мѣстахъ, у которыхъ распрашивалъ топографическія и этнографическія подробности.

Считаю обязанностью упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое освѣщаетъ съ чрезвычайно важной стороны личность Шевченка. Напечатано было его русское стихотвореніе «Тризна». Онъ нашелъ его у меня и засмѣялся своимъ симпатичнымъ смѣхомъ.

— Ты читаешь? спросилъ онъ, и на утвердительный мой отвѣтъ прибавилъ; отъ треба було выскочить якъ Филиппъ зъ конопель. Чому не писать, коли сверблять руки, а друковать не годилось (*).

— Говоря правду ты лучше пишешь по нашему.

— Отъ спасибі! А де хто хотівъ одурить мене, зачепить, знаешь авторске самолюбіе, такъ я жъ и самъ бачу. Швецькой свое шевство, а у кравецтво не мішайся (**), прибавилъ онъ съ улыбкою.

Бросивъ книгу, онъ улегся на кровать.

— Нехай ему дурь! Ось сядь лишъ, та розкажи мині про Кавказъ и про Черкесівъ (***)

Долго мы бесѣдовали о горахъ; его все занимало, онъ спрашивалъ о малѣйшихъ подробностяхъ тамошняго быта. Потомъ мы мечтали о поѣздкѣ по Днѣпру въ дубѣ на Запорожьѣ, потомъ до Лимана, поискать остатковъ старины, исчезающихъ уже отъ изслѣдователей; но какъ у насъ у обоихъ не хватало средствъ, то мы и откладывали это до болѣе благоприятнаго времени.

Зимой мы съѣхались у З—кихъ. Шевченко былъ у нихъ какъ свой и съ удовольствіемъ проживалъ въ ихъ гостепріимномъ домѣ. Иногда съѣзжались къ В. А. нѣкоторые поклонники Бахуса и совершались знаменитыя празднества. Но Т. Г. любилъ и женское общество, нерѣдко просиживалъ въ гостиной у хозяйки въ дружескомъ кружкѣ, весело болтая, слушая музыку, или звучнымъ своимъ голосомъ, распѣвая заунывныя украинскія пѣсни. Никакія тогда усилія поклон-

(*) Надобно же было выскочить какъ Филиппу изъ конопли (народ. поговорка). Отчего не писать, если чешутся руки, но печатать не слѣдовало.

(**) Благодарю. А кое кто хотѣлъ обмануть меня, знаешь, зацѣпать авторское самолюбіе, но я же и самъ вижу. Сапожникъ знай свое ремесло и не мішайся въ портняжество.

(***) Богъ съ нимъ! Садись лучше до розкажи мині про Кавказъ и про Горцевъ.

никовъ Бахуса не въ состояніи были его отнять у насъ, и кончалось тѣмъ, что В. А. съ товарищами приходилъ изъ Ангела и всѣ вмѣстѣ мы просиживали далеко за полночь. Однажды мы собрались къ роднымъ З—ихъ, верстъ за десять. Время прошло незамѣтно. М. А. превосходно играла Шопена, С. А. рассказывала занимательные эпизоды изъ прежняго быта украинскихъ пановъ. Т. Г. былъ веселъ и разговорчивъ. Давно уже повечерѣло, мы начали собираться въ обратный путь. Горничная объявила, что расходилась мятель. По обычаю насъ начали удерживать, но мелодыя спутницы наши рѣшились ѣхать тѣмъ болѣе, что дорога знакомая, лошади отличныя, да и мятель, по видимому, не могла въ часъ времени разыгратъ до такой степени, чтобы уничтожить слѣдъ. Призвали кучера и тотъ съ своей стороны ободрилъ и сказалъ, что въ случаѣ необходимости—онъ не пожалѣетъ лошадей и доставитъ насъ въ полчаса на мѣсто. В. А. тотчасъ же сдѣлалъ свое распоряженіе. Онъ попросилъ бутылку рому и предложилъ Т. Г. распить ее на всякій случай: во-первыхъ для сохраненія подолѣе теплоты, если бы пришлось сбиться съ дороги, во-вторыхъ съ цѣлью поскорѣе уснуть и не чувствовать никакихъ непріятностей. Но Шевченко не внялъ убѣжденіямъ пріятеля и не исполнилъ его желанія. Тогда В. А., осушивъ ромъ во славу Бахуса, завалился въ свою кибитку и пожелалъ всѣмъ намъ покойной ночи. Мы размѣстились въ саняхъ съ барынями и выѣхали за ворота. Разыгрывалась степная мятель, не та, которая, осыпая снѣгомъ сверху, залпляетъ глаза, но не шибко замечаетъ дорогу, а самая страшная, низовая, которая, вырывая снѣгъ съ земли, крутитъ его въ воздухѣ, и съ визгомъ и какимъ-то воемъ носится надъ обширной степью. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже не видѣли огней усадьбы. Лошади сперва бѣжали бодро, но скоро кучеръ извѣстилъ, что мы сбились съ дороги, и когда мы раздумали повернуть назадъ, то никто не зналъ какое принять направленіе. Морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ измѣнялся безпрорывно. Дамы не много трухнули, тѣмъ болѣе, что въ это время по степямъ обыкновенно рыскаютъ стаи волковъ, а нѣсколько дней назадъ, какъ нарочно, мы провели вечеръ въ разказахъ о подоб-

ныхъ приключеніяхъ. Дѣлать было нечего; рѣшились пуститься на волю судьбы съ надеждой, что приедемся куданибудь, если не забремъ вправо отъ почтовой Кіевской дороги. Кучеръ нашъ ѣхалъ небольшою рысью; В. А., уснувшій въ своей кибиткѣ, не слышалъ ничего происходившаго, а его возница старался только не отстать. Мятель усиливалась. Мы съ Т. Г. предлагали дамамъ обычное средство пристать у какойнибудь скирды сѣна, развести огонь и грѣться до утра; но дамы и слышать не хотѣли, надѣясь, что какънибудь добьемся. При свѣтѣ спички, которую удалось мнѣ зажечь въ шапкѣ, посмотрѣлъ я на часы. Было за полночь. А мы выѣхали часовъ около 7... и ни признака жилья, ни собачьяго дая, столь отраднаго путнику, сбившемуся съ дороги.

Дамы начали было ободряться при мысли, что одѣтые тепло, мы не замерзнемъ, что съ полуночи волки не такъ уже бродятъ, и мало по малу пошли рассказы. Т. Г. запѣлъ «Ой не шуми луже!» мы начали ему вторить... Но тутъ ураганъ разразился съ ужасной силой, лошади остановились, пѣсня наша замолкла, и вой порыва, пронесшагося мимо, показался намъ воемъ голодныхъ волковъ. Кибитка В. А. чуть не наѣхала на насъ. Лошади ни съ мѣста. Мы врѣзались въ сугробъ, какіе обыкновенно образуются во время мятели по низменностямъ. Общими силами вытащили мы санки и снова поѣхали шагомъ.

— А що, Тарасе? спросилъ я, усаживаясь весь въ снѣгу на свое мѣсто.

А онъ въ отвѣтъ запѣлъ мнѣ строфу изъ запорожской пѣсни.

Ой которі поспішали, —
 Ті у Січи зімували,
 А которі zostавали, —
 У степу пропадали.

Отчаяніе начало овладѣвать нашими спутницами, и много надо было усилія Шевченку успокоить ихъ. Онъ началъ импровизировать «Мятель» и сложилъ нѣсколько строфъ, которыя однакоже разнеслись волѣдъ за порывами бури, по-

тому что впослѣдствіи ни онъ, ни мы не могли ихъ вспомнить. Кажется, что у меня уцѣлѣли нѣкоторые отдѣльные стихи, но не привожу изъ боязни, чтобы не вмѣшалась какая нибудь строчка собственнаго сочиненія. Знаю только, одинъ куплетъ выражалъ мысль, что козакамъ и умирать было бы хорошо въ обществѣ такихъ милыхъ спутницъ.

Мы подавались впередъ, рѣшительно не зная направленія, но чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большей надеждой на спасеніе, потому что близко было къ разсвѣту.... Наконецъ дамы наши усмотрѣли въ сторонѣ огонекъ.... Конечно; спасены. Кучеръ пріударилъ лошадей, которыя, почувявъ близость отдыха и корма, не смотря на изнуреніе, пустились бѣжать рысью, и скоро мы выбрались къ постоялому двору на почтовой Кіевской дорогѣ. Весь фасадъ былъ освѣщенъ, въ окнахъ мелькали тѣни, за воротами слышались возгласы суетившихся извозчиковъ. Хотя до дому оставалось не далеко, но мы рѣшились отдохнуть часа два на постояломъ. Рыцарь большаго штофа спалъ какъ убитый и изъ кибитки его раздавался богатырскій храпъ, который звукоподражалъ завыванію бури разными голосами. В. А. едва разбудили, а когда онъ ввалился къ намъ въ теплую комнату, то усердно смѣялся, узнавъ, какъ долго мы блуждали и остроумно началъ доказывать, что нѣтъ ничего на свѣтѣ блаженнѣе мочемордія. Скоро представился ему еще случай привести одно доказательство. Когда перезябшія дамы попросили чаю, на постояломъ дворѣ не оказалось его, потому что хозяинъ держалъ только самоваръ, предоставляя проѣзжимъ возить съ собою припасы; за то водки было сколько угодно. Но я досталъ чаю у какой-то проѣзжей барыни, которой рассказалъ наше приключеніе, и два часа, проведенные нами до разсвѣта въ корчмѣ, принадлежатъ къ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Мы ихъ вспоминали не разъ съ Шевченкомъ.

Но сошлись мы съ Т. Г. тѣснѣе въ 1846 г. Однажды неожиданно заѣхалъ онъ ко мнѣ передъ масляницей — блѣдный и съ обритою головою по случаю недавней горячки. Тогда онъ постоянно носилъ черную бархатную шапочку. Я и не зналъ, что онъ больной въ нѣсколькихъ верстахъ лежалъ въ П. уѣздѣ. Во время болѣзни Шевченко написалъ много стихо-

твореній. Въ этотъ и послѣдній разъ—онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Исковци съ цѣлью пригласить меня соупутствовать ему по Молороссіи: онъ располагалъ срисовать древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ, а для меня какое бы то ни было путешествіе сдѣлалось необходимостью. На этотъ разъ мы рассчитывали ѣхать въ Черниговъ на короткое время, а оттуда въ Кіевъ. Мы тотчасъ же составили планъ отправиться въ Л. на ярмарку, потомъ посѣтить Нѣжинъ, дорогой для меня по воспоминаніямъ. Въ Л. съѣхалось много помѣщиковъ, приглашеніямъ не было конца, но мы отдѣлались и выѣхали прямо въ Нѣжинъ, который тоже развернулся на масляницѣ. Но здѣсь я не могу не занести одного факта. Въ то время какъ въ Пр... перепрягали намъ лошадей — это было ночью — въ сосѣдней улицѣ случился пожаръ. Горѣла убогая лачужка. Народъ сбѣгался, но тушили и помогали преимущественно Евреи, потому что въ лачугѣ жилъ ихъ единовѣрецъ. Мы приближали на пожаръ въ свою очередь, и Т. Г. бросился спасать имущество погорѣльцевъ. Онъ на равнѣ съ другими выносилъ разный хламъ и по окончаніи держалъ рѣчь къ христіанскому населенію, которое какъ то неохотно дѣйствовало на томъ основаніи, что «горѣлъ жидь.» При всей нелюбви своей къ этому племени, что неудивительно было тогда не только въ простомъ Украинцѣ, слышавшемъ еще отъ живыхъ свидѣтелей о поступкахъ Евреевъ за Днѣпромъ, но и въ высшихъ классахъ общества, Шевченко горячимъ словомъ упрекалъ предстоявшихъ въ равнодушіи, доказывая, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ націи, какую ни исповѣдывалъ бы религію, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ.

Приѣздъ Шевченка въ Нѣжинъ не могъ остаться тайною. Двери наши не затворялись; въ особенности насъ посѣщали студенты и въ числѣ ихъ Н. В. Гербель, бывшій тогда въ послѣднемъ курсѣ. Въ четвергъ мы отправились въ собраніе. Тутъ случилось маленькое происшествіе. Кто-то изъ начальствующихъ лицъ не хотѣлъ было впустить Шевченка на томъ основаніи, что послѣдній былъ въ бархатной шапочкѣ, но щекотливому сему мужу объяснили, что Т. Г. въ какомъ бы ни былъ костюмѣ — дѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ.

Поэтъ много смѣялся этому приключенію. На другой день мы все разѣзжали по гостямъ, и тогда же онъ написалъ Гербелю въ альбомъ четыре стиха изъ одной своей пьесы:

За думою дума роємъ вылітае,
 Одна давить душу, друга роздирае,
 А третья тихо, тихесенько плаче,
 У самому серці; може й Богъ небачить.

Надобно сказать, что Шевченко кромѣ полнѣйшаго безкорыстія—не любилъ и даже боялся всевозможныхъ денежныхъ расчетовъ, и если ему случалось сходиться съ кѣмъ нибудь и быть нѣкоторое время вмѣстѣ, — онъ отдавалъ товарищу свои деньги и просилъ избавить его отъ всѣхъ житейскихъ заботъ. Когда мы выѣхали изъ Л. онъ отдалъ мнѣ свою кассу, которая, какъ и моя, была не въ блистательномъ положеніи, но при умѣренной жизни намъ должно было хватить денегъ по май мѣсяць. Признаюсь, что я и самъ небольшой мастеръ обращаться съ деньгами, но какъ то болѣе Шевченка боялся за истощеніе нашихъ средствъ, и потому, принявъ на себя казначейскую обязанность, началъ нѣкоторымъ образомъ скупиться, въ особенности не выходить изъ бюджета, составленнаго на масляничныя увеселенія. Тарасъ одобрилъ мой планъ, и мы жили довольно расчетливо по нашему крайнему разумнію. Какъ теперь помню, проснулись мы въ субботу довольно рано, и пока не являлись гости и намъ не предстояло еще отправляться къ знакомымъ, я хотѣлъ пойти въ лавки купить нѣкоторые припасы, потому что мы рѣшились выѣхать послѣ бала въ Черниговъ и такимъ образомъ заключить масляницу. Выходя изъ дому, я просилъ Шевченка приготовить чай.

— Не хочеця мині уставать, проговорилъ онъ—щось я утомився, такъ бы и кабанувавъ цілісенькій день. Нехай приносять самоваръ, а прийдешь самъ и зробишъ чаю (*).

Я согласился и вышелъ.

(*) Не хочется мнѣ вставать: что-то утомился я, такъ и валялся бы цілѣный день. Пусть приносять самоваръ, а прийдешь, самъ приготовишь.

Возвращаюсь минутъ черезъ двадцать. Т. Г. былъ одѣтъ. За столомъ сидѣлъ какой-то юнкеръ, пилъ чай и подливалъ себѣ въ стаканъ рому изъ графинчика, поданнаго услужливымъ номернымъ.

— Отъ намъ Богъ и гостя пославъ, сказалъ мнѣ Шевченко.

Юнкеръ счелъ нужнымъ мнѣ отрекомендоваться. Къ намъ часто являлись посѣтители, но при взглядѣ на послѣдняго у меня возникло какое-то темное подозрѣніе, что посѣтитель этотъ былъ привлеченъ не собственно желаніемъ познакомиться съ украинскимъ поэтомъ, а съ другой цѣлью. Но я старался быть какъ можно привѣтливѣе. Юнкеръ рассказалъ нѣсколько анекдотовъ давно уже извѣстныхъ, и когда не оказалось болѣе рому, онъ громко кликнувъ номернаго, приказалъ подать еще графинчикъ. Мнѣ это не понравилось, и смущалъ меня не лишній полтинникъ, но перспектива общества съ неизвѣстнымъ господиномъ, который съ окончаніемъ второй порціи рома могъ сдѣлаться невыносимымъ. Напившись чаю, юнкеръ отозвалъ Шевченка въ сторону и что-то шепталъ минуты двѣ, потомъ раскланялся и вышелъ.

— Дай мині три карбованця, (рубля) сказалъ мнѣ несмѣло Тарасъ, смотря на меня съ своей добродушной улыбкой, и по лицу видно было, что онъ готовъ разсмѣяться.

— Вѣроятно тому? спросилъ я тихо, указывая на дверь.

Онъ махнулъ рукою. Я досталъ денегъ. Шевченко взялъ шапку и вышелъ. Возвратясь, онъ рассказалъ мнѣ, что юнкеръ, войдя къ намъ въ № и отрекомендовавшись, признался ему, что проигралъ казенныя деньги и просилъ одолжить ему пять рублей, не пополнивъ которыхъ, онъ могъ ожидать большихъ непріятностей. Т. Г. по мягкосердію тронулся его положеніемъ какъ молодаго мальчика и обѣщаль помочь, пригласивъ напитокъ чаю. Но когда гость, осушивъ графинчикъ рому, потребовалъ другой, то, не смотря на это похвальное служеніе Бахусу, Тарасъ рѣшился уменьшить пожертвованіе и далъ три рубля, примолвя мнѣ только шутливо, чтобъ я не рассказалъ В. А. Э—му, который могъ обидѣться за такое равнодушіе къ истинному мочемордію. Онъ никогда не отказывалъ просящимъ, и бывали вре-

мена, когда у насъ общій капиталъ понижался до нѣсколькихъ гривенъ, Т. Г. бралъ всегда мелкую монету для раздачи милостыни. Участіе къ нуждамъ и бѣдѣ другихъ приводило его иногда къ самымъ наивнымъ сценамъ, и это еще болѣе располагало каждаго къ его личности. Иногда впрочемъ послѣ наглаго обмана, вытаскивавшаго у него послѣднія деньги, онъ сердился и давалъ слово быть осмотрительнѣе; но какая нибудь новая попрошайка, искусно скорченная мина, жалобный голосъ, и Тарасъ не выдерживалъ. Разумѣется, уважая подобное направленіе, я никогда не говорилъ ему объ этомъ, потому что не производить же слѣдствія—стоитъ или не стоитъ подать милостыню; но многіе знакомые изъ участія совѣтовали Шевченку беречь свои финансы.

— Я и самъ знаю, отвѣчалъ онъ, та нехай лучше тричі одурять мене, а все таки у четверте подамъ тому, хто справді не бачивъ може шматка хліба (*).

Мы въ Нѣжинѣ не скучали, но, не смотря на всеобщее радушіе, на присутствіе прелестной М. С. К., извѣстной тогда красавицы въ Малороссіи, кружившей всѣмъ головы, рѣшились оставить городъ, въ которомъ не было дѣла, и поселиться въ Черниговѣ, гдѣ имѣлись въ виду интересныя древности. Послѣ бала, въ субботу, полусонные выѣхали мы изъ Нѣжина и прибыли на другой день подъ вечеръ въ Черниговъ. Надремавшись въ дорогѣ, мы уже не ложились спать, а пообѣдавъ, отправились въ благородное собраніе, гдѣ съ утра еще собрались на *folle journée*. Намъ чрезвычайно интересно было войти въ общество, гдѣ не предвидѣлось ни души знакомой, и Тараса въ особенности занимала мысль—не пристанетъ ли къ нему кто нибудь за шапочку. Никто однакоже не присталъ, я неожиданно встрѣтилъ двухъ старыхъ товарищей, и скоро вѣсть о Шевченкѣ разошлась по залѣ. Но Т. Г., познакомясь съ нѣсколькими своими почитателями, вскорѣ уѣхалъ, и они гдѣ-то провожали масля-

---

(*) Я самъ знаю, но пусть лучше три раза обмануть меня, а все таки въ четвертый подамъ тому, кто дѣйствительно не видалъ, можетъ быть, куска хліба.

ницу: Я оставался въ собраніи до конца. Общество было не большое, но пріятное, за исключеніемъ немногихъ личностей, которыя обыкновенно водятся во всѣхъ городахъ и служатъ необходимой принадлежностью каждаго собранія. На другой день я проснулся первый, не думая будить товарища, сдѣлалъ себѣ чаю и не помню уже отчего—мнѣ пришла фантазія описать въ стихахъ вчерашній балъ, давъ названіе цвѣтовъ и растеній всему прекрасному полу. Когда проснулся Шевченко и я прочелъ ему свое стихотвореніе, оно понравилось ему до того, что заставивъ меня повторить, онъ тотчасъ же присѣлъ къ столу, взялъ карандашъ и на поляхъ сдѣлалъ иллюстрацію, сколько могъ запомнить иную личность. Разумѣется, сходства не было, потому что въ часъ времени не могъ же онъ разглядѣть незнакомыхъ физиономій; но было много комизма въ фигурахъ иныхъ растеній, особенно смѣшно вышли — капуста, пюнь, морковь и т. п. Т. Г. необыкновенно усердно занялся дѣломъ и принялъ его близко къ сердцу.

— Ось знаешь що, сказалъ онъ, ось перепиши—лишень на чисто и оставь мині бѣльшъ місця—я горненько иллюстриую (*).

Пока онъ пилъ чай, я переписалъ стихотвореніе, а къ обѣду была готова мастерская иллюстрація, которая долго сохранялась у меня, но въ прошломъ году утрачена вмѣстѣ съ другими интересными для меня бумагами.

Проведя вечеръ у новыхъ знакомыхъ, Шевченко на другой день поѣхалъ въ Троицкій монастырь къ преосвященному просить позволенія срисовать древнюю утварь, но скоро возвратился, получивъ разрѣшеніе приступить съ четверга—непомню уже вслѣдствіе какой причины. Насъ посѣтили нѣсколько человѣкъ, и одинъ изъ нихъ, замѣтивъ уголокъ иллюстрированнаго бала, вытащилъ его изъ подъ бумагъ и прежде чѣмъ я успѣлъ замѣтить это—началъ читать вслухъ. Скрываться не предстояло возможности. Въ стихотвореніи не имѣлось ничего оскорбительнаго, а тѣмъ болѣе не было

(*) Знаешь ли что, перепиши-ко на бѣло, да оставь мнѣ побольше мѣста,—я хорошенько иллюстриую.

выставлено ни одного имени, при томъ же въ концѣ второй недѣли мы собирались выѣхать изъ Чернигова, и волей неволей нѣсколькимъ человѣкамъ сдѣлались извѣстными наши невинныя продѣлки. Разумѣется, все находили забавнымъ, кое-что вѣрнымъ, въ особенности хвалили мастерской карандашъ, и тутъ же мы узнали многія интересныя подробности. Т. Г. напомнилъ однакоже посѣтителямъ украинскую поговорку «своя хата покривка», которой есть равносильная и на русскомъ: «изъ избы сору невыносить». Намъ дали слово. Подъ вечеръ къ намъ заѣхалъ одинъ изъ этихъ господъ и убѣдительно началъ просить позволенія взять на полчаса листокъ съ тѣмъ, что кромѣ его жены никто не увидитъ. Мы подумали; потомъ, рѣшивъ, что намъ, какъ перелетнымъ птицамъ, черезъ нѣсколько дней приходилось оставить городъ, можетъ быть, и навсегда, рискнули исполнить желаніе добраго человѣка, показавшаго такое расположеніе и хлопотавшаго объ облегченіи приступа къ занятіямъ для Шевченка. Я отдалъ листокъ.

— А вінъ збреше, сказаль мнѣ Тарасъ по ухедѣ посѣтителя, не самій тільки жінці вінъ іого покаже... Та дарма! (*).

Дѣйствительно, онъ не ошибся. Листокъ былъ возвращенъ намъ уже на другой день, побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ и произведя противоположные эффекты, какъ и надо было ожидать. О послѣдствіяхъ мы скоро были извѣщены, и Т. Г. такъ смѣялся, какъ я рѣдко помню.

— Буде тобі, говоривъ онъ мнѣ, якъ розходятця морква та капуста.

Надобно же было случиться, что въ Черниговѣ, во-первыхъ, нашлось довольно древностей, которыя нужно было срисовать, во-вторыхъ, Шевченко получилъ просьбы снять нѣсколько портретовъ. Такимъ образомъ неожиданно остались мы въ городѣ, въ которомъ по нескромности одного индивидуума, часть общества была вооружена противъ насъ и хотя, повторяю, ни въ стихотвореніи, ни въ иллюстраціи небыло ничего оскорбительнаго, однако положеніе наше не могло назваться спокойнымъ, если принятъ во вниманіе, что

(*) А онъ солжетъ и покажетъ не одной только своей женѣ. Ну да ничего.

въ небольшомъ городѣ все общество постоянно собиралось вмѣстѣ. Сперва мы рѣшились было жить анахоретами, но приглашенія были такъ искренны и въ нѣкоторыхъ домахъ принимали насъ такъ радушно, что, очертя голову, мы начали появляться въ черниговскомъ свѣтѣ. Въ двухъ домахъ въ особенности часто собирались—у губернатора и губ. предводителя, гдѣ насъ окружали всевозможнымъ вниманіемъ и гдѣ дѣйствительно радушіе и безцеремонный пріемъ всѣхъ и cadaго—были первымъ и главнымъ условіемъ. Небольшой кружокъ былъ оживленъ присутствіемъ пріѣзжаго изъ Петербурга кн. У—ва, который умѣлъ расшевелить провинціальное общество,—и вечера проходили чрезвычайно пріятно. Предоставляю читателю судить о положеніи нашемъ съ Шевченкомъ, когда волей-неволей, представленные нѣкоторымъ изъ цвѣтковъ и растений, игравшихъ не блистательную роль въ нашемъ иллюстрированномъ стихотвореніи, мы должны были играть съ ними въ *petits jeux* и выдерживать легкіе намеки не весьма пріятнаго для насъ свойства. Это было однакожъ ничего; но намъ жутко пришлось отъ двухъ сестеръ, которыхъ назвалъ я тепличными высокоомѣрными розами, и которыя, къ стыду моему, оказались милыми и образованными дѣвушками. Обладая тактомъ и по совѣту матери, онѣ не только не показывали вида недовольства отъ нашей шутки, напротивъ обращались съ нами ласково и съ необыкновенной любезностью. Возвратясь какъ-то домой съ одного очень пріятнаго вечера, Шевченко началъ, нераздѣваясь, молча ходить по комнатѣ и на вопросъ мой—что съ нимъ? отвѣчалъ:

— Лучче бѣ этті дівчата вилаяли насъ на усі боки. (*)

И мы послѣ небольшого совѣщанія рѣшились ѣхать къ этому семейству и чистосердечно покаяться въ своемъ прегрѣшеніи. Но по странному настроенію судьбы, мать этого семейства предупредила насъ и прислала просить Тараса и меня пріѣхать къ ней запросто обѣдать. Шевченко получилъ заказы сдѣлать портреты обѣихъ барышень, и всѣ непріязненные отношенія были кончены.

(*) Лучше эти дѣвушки выбрали бы насъ, какъ знали.

Въ это же время познакомился съ нами и бывальъ у насъ С. С. Громека, тогда еще подпоручикъ какого-то пѣхотнаго полка. Окончивъ занятія въ Черниговѣ, Т. Г. уѣзжалъ къ дружески знакомому семейству Л... въ Седневъ, гдѣ и работалъ, а я оставался въ Черниговѣ и собиралъ по окружностямъ этнографическія замѣтки. Потомъ я заболѣлъ. Шевченко пріѣхалъ и прожилъ со мною, пока мнѣ сдѣлалось лучше. Тогда же онъ снялъ съ меня превосходный портретъ карандашемъ, и снова отправился въ Седневъ, а я послѣ боминой уѣхалъ въ Кіевъ. У меня въ тетради осталась пѣсня, написанная его рукою. Она напечатана въ 3-мъ номерѣ «Основы», но уже по другой редакціи. Вотъ какъ вылилась она у Шевченка:

Не женися на багатій
 Бо вижеєє зъ хаты,
 Не женися й на убогій,
 Бо не будешъ спати.
 Оженись и вольній волі
 На козацькій долі —
 Яка буде, така й буде —
 Чи гола, то й гола.
 Та ніхто не докучає
 И не розважає,
 Чого болять и де болять
 Ніхто не спитає...
 У двохъ кажуть и плакати
 Мовъ лечше вѣначе, —
 Не потурай! легше плакати
 Якъ ніхто небачить.

Когда Шевченко возвратился изъ Седнева, мы встрѣтили его стараго товарища, художника Сажина и скоро поселились всѣ вмѣстѣ на Крещотикѣ, въ улицѣ, называемой «Козине Болото».

Здѣсь началась новая жизнь съ чрезвычайно-поэтической обстановкой. Шевченко задумалъ снять всѣ замѣчательныя виды Кіева, внутренности храмовъ и интересныя окрестности. Сажинъ взялъ на себя нѣкоторыя части, и оба художника пропадали съ утра, если только не мѣшала погода. Я

отправлялся то къ знакомымъ профессорамъ, то розыскивалъ старинныя книги, то ходилъ на Днѣпръ къ рыбакамъ и ѣздилъ на лодкѣ, то искалъ интересныхъ встрѣчъ съ богомольцами, которыхъ десятки тысячъ стекаются въ Кіевъ лѣтнею порою. Ничего не бывало пріятнѣе нашихъ вечеровъ, когда, возвратясь усталые домой, мы растворяли окна усаживались за чай и передавали свои дневныя приключенія. Когда Шевченко рисовалъ внутренность коридоровъ, ведущихъ въ ближнія и дальнія пещеры, я сопутствовалъ ему съ цѣлью изучить любопытныя группы нищихъ, занимавшихъ иногда большую половину коридоровъ и имѣвшихъ какъ бы свои привилегированныя ступеньки. При странномъ освѣщеніи, въ которомъ полумракъ галерей, обсаженныхъ деревьями прерывался вдругъ потокомъ свѣта и яркій треугольникъ прорѣзывалъ наискось часть коридора, группы калѣкъ съ оригинальными лицами, съ лохмотьями и умоляющими голосами — этимъ особеннымъ нищенскимъ речитативомъ — представляли чрезвычайно своеобразное зрѣлище. Нѣсколько мѣдныхъ грошей пріобрѣтали намъ расположеніе этой шумной и оборванной толпы, въ голосъ которой, мимо грязи, отвратительнаго уродства, иногда пріобрѣтеннаго нарочно изъ корысти, мимо порочныхъ наклонностей, встрѣчались индивидуумы, драгоценныя для художника и вообще для наблюдателя. Но извлекать пользу изъ встрѣчъ съ жалкимъ человечествомъ, надо было умѣючи. У нищихъ существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали свои ассоціаціи, и въ извѣстномъ кружкѣ все зависѣло отъ атамана или старшины, который обращался деспотически съ своими собратами. Одинъ слѣпой старикъ звѣрскаго вида, но умѣвшій скорчить самую постную физиономію, гудѣвшій какъ бочка въ минуты гнѣва и чуть не пищавшій, когда канючилъ у прохожихъ, — предводительствуя небольшой толпой нищихъ, больно колодилъ ихъ огромной палкой, не разбирая праваго и виноватаго. Особенно это случалось въ тѣ часы, когда отойдутъ обѣдни, а до вечерень еще времени много. Мы, бывало, часто спрашиваемъ у нищихъ, зачѣмъ они терпятъ такого забіяку, но намъ отвѣчали: пусть уже дерется, не долго осталось, на Моковей (1 августа), выберемъ другаго. Атаманъ

этотъ, по словамъ его товарищей, негодился въ городѣ, но въ деревняхъ съ нимъ было любо, потому что онъ имѣлъ обширное знакомство. Тараса поразила его физіономія, и онъ снялъ съ него портретъ. Но дѣйствительно, лицо это было исполнено такой подлости и отверженія, что Шевченко, минутъ черезъ пять по окончаніи, разорвалъ его на части.

— Се такой сунесь, что за шагá заріже чоловіка, дарма що сліпий (*).

Онъ много набрасывалъ фигуръ, и я не знаю, куда дѣвались эти очерки.

По временамъ однакожъ на Шевченка нападала лѣнь, и онъ такъ бывалъ радъ дождливымъ днямъ, что не вставалъ съ постели и читалъ или новые журналы, или необходимыя ему историческія сочиненія, доставать которыя лежала обязанность на мнѣ. Но случалось, что онъ пропадалъ изъ дому сутокъ по двое и это меня беспокоило, потому что общей кассой завѣдывалъ я, а онъ никогда не бралъ съ собой больше двугривеннаго, изъ которыхъ часть употреблялъ на удовольствіе, а остальное раздавалъ бѣднымъ. Случалось, что онъ заходилъ далеко въ окрестности, но иногда встрѣчалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ и пировалъ съ ними. Онъ не любилъ никакихъ разспросовъ.

Собственно о своемъ костюмѣ онъ заботился очень мало, такъ что надобно было надождать ему, если предстояла необходимость заказать какія-нибудь вещи. На деревенскихъ помѣщичьихъ балахъ онъ не слишкомъ церемонился, но въ Кіевѣ другое дѣло. Было у насъ нѣсколько знакомыхъ изъ высшаго круга. Вотъ иной разъ съ утра Т. Г. и говорить, что, поработавъ хорошенько, не мѣшало бы вечеркомъ пойти куда-нибудь въ гости. Я такъ и прилажу и ожидаю. Возвратится Тарасъ.

— А не хочеця мині натягать оттого фрака, щобъ вінъ слизъ (**).

— Такъ и не надо.

(*) Это такой злодѣй, что за грошъ готовъ зарѣзать человѣка, даромъ, что слѣпъ.

(**) А не хочется мнѣ натягивать фрака, чтобъ онъ пропалъ.

— А можебъ піти запросто.

— Я вижу, что тебѣ не хочется,—ну и посидимъ дома.

— А справді! Ходімъ лучше на Дніпро, сядемъ де небудь на кручі и запіваемъ (*).

И нерѣдко вмѣсто чиннаго салона мы отправлялись къ Дніпру, садились на утесъ и при видѣ великолѣпной панорамы пѣли пѣсни или думали каждый свою думу. Но случилось,—посѣщали и такъ называемые аристократическіе дома, гдѣ Шевченка принимали съ уваженіемъ, но гдѣ народный поэтъ тяготился присутствіемъ чопорныхъ денди и барынь, и раза два только я помню его разговорчивымъ и любезнымъ въ этомъ обществѣ. Никогда не забуду, какъ однажды, сидя въ довольно большомъ кругу за чаемъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ шопотомъ:

— Аже отто ромъ?

— Ромъ.

— Дивись же, ні одинъ сучий синь не всипа (не наливаєть).

— Да.

— Знаешъ же и я не питиму.

— Почему же и не подлить немного.

Въ это время хозяйка пододвинула ему флаконъ.

— Тарась Григорьичъ, не угодно ли съ ромомъ.

Тарась посмотрѣлъ на меня.

— Дякувать! Душно, сказалъ онъ (**).

Здѣсь была одна интересная особа и Шевченко увлекался разговоромъ. Держалъ себя онъ въ обществѣ свободно и съ тактомъ и никогда не употреблялъ тривіальныхъ выраженій. Это замѣтили даже и многія барыни. Когда мы вышли на улицу, ночь была лунная, и вѣтеръ едва шевелилъ вершины серебристыхъ тополей, которыми такъ изобилуютъ нѣкоторыя части Кіева. Шевченко предложилъ пройти дальнимъ путемъ, т. е. чрезъ Липки къ саду, и мимо костела подняться на Старый Кіевъ.

(*) И въ самомъ дѣлѣ. Пойдемъ лучше на Днѣпръ, сядемъ гдѣ-нибудь на утесъ и запоемъ.

(**) Благодарю! Жарко.

— На чортоваго батька воли ставлять оттой ромъ, коли и губъ нікто не умочить, жолвилъ Шевченко и засмѣялся. Сказано паны — у їхъ усе на показъ тільки (*).

— Напрасно ты церемонишся.

— Ні, не люблю я у такій бѣседі ні чарки горілки, ні шмотка хлѣба (**).

Зато любилъ онъ простоту семейнаго быта, и гдѣ принимали его не пышно, но искрено, онъ тамъ бывалъ необыкновенно разговорчивъ, любилъ рассказывать смѣшныя происшествія—не анекдоты какъ покойный Осмоьяшенко, а непременно что нибудь изъ бывалаго, въ чемъ онъ подмѣчалъ комическую сторону. У меня въ Кіевѣ жили родные, небогатые люди, но считавшіе за удовольствіе принять гостя, чѣмъ Богъ посылалъ. У тетушки въ особенности подавали превосходный постный обѣдъ, какого дѣйствительно не найдти и у самага дорогаго ресторатора. По старосвѣтскому обычаю старики соблюдали всѣ посты, и я въ одну изъ середъ или пятницъ познакомилъ съ ними Шевченка. Насъ, разумѣется, не отпустили безъ обѣда. Вся обстановка уже показала Т. Г., что насъ не ожидали никакія церемоніи. Старикъ дядя, коренной Молтавецъ, помнилъ всѣ малѣйшіе обычаи родимаго гостепримства и произнесъ извѣстную фразу «по сій мові, будьмо здоровя» выпилъ прежде самъ рюмку настойки, а потомъ предложилъ гостю. Это очень понравилось послѣднему, и онъ принимался за рюмку, проговорилъ свою обычную поговорку:

— Якъ то ті п'яниці п'ють отцю погань, нехай уже ми люде привичні (**).

Но когда Т. Г. свѣлъ нѣсколько ложекъ борщу, онъ не утерпѣлъ не признаться что если и ѣлъ подобный борщъ, то вѣроятно очень давно, да и врядь ли тогда случалось пробовать. Борщъ этотъ былъ съ сухими карасями, съ свѣжей капустой

(*) Зачѣмъ они ставятъ этотъ ромъ, когда никто и губъ не замочить. Извѣстно паны — у нихъ все только для показу.

(**) Нѣтъ, не люблю я въ такомъ обществѣ, ни рюмки водки, ни куска хлѣба.

(***) Какъ та эти п'яницы п'ють такую гадость, пусть уже мы люди привичные.

и какими то особенными приправами. Подали потомъ пшенную кашу, вареную на роковой ухѣ съ укропомъ, и Шевченко совершенно растаялъ. Старики утѣшались, что могли доставить удовольствіе такому дорогому гостю, а онъ отъ маловажнаго, по видимому, обстоятельства — пришелъ въ необыкновенно хорошее расположеніе духа, и мы просидѣли, я думаю, за столомъ часа три. Послѣ того нѣсколько разъ по желанію Шевченка мы ходили обѣдать въ постные дни къ старикамъ, только бывало я заранѣе предварю тетушку и постный борщъ удавался, какъ нельзя лучше. Даже нынѣшнею зимою въ ресторанѣ Вольфа напомнилъ онъ мнѣ какъ-то о нашихъ постныхъ обѣдахъ на Крещатикѣ.

Во время прогулокъ онъ говорилъ мнѣ, что хотѣлось бы ему написать большую картину. По его словамъ и мысль у него шевелилась и планъ иногда не ясно мелькалъ въ воображеніи; но Шевченко сознавалъ самъ, что родился болѣе поэтомъ, чѣмъ живописцемъ, потому что во время обдумыванія картины «хто його зна—відкіль несеця, несеця пісня, складаюця стихи, дивись уже і забудь про що думавъ, а мерщій запишешь те що навіялось» (*).

Любилъ онъ и уважалъ природу. Блуждая съ нимъ по лѣсамъ надъ Сулою и Слѣпородомъ, мы бывало просиживали у норки какого нибудь жучка и изучали его незатѣйливые нравы и обычаи. Большое удовольствіе доставляли Шевченку крестьянскія дѣти, которыя въ деревняхъ обыкновенно цѣлые дни проводятъ на улицѣ. Т. Г. не разъ садился къ нимъ въ кружокъ и, ободривъ пугливое общество, рассказывалъ имъ сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсни, которыхъ зналъ множество, серьезно дѣлалъ пицалки и вскорѣ пріобрѣталъ привязанность всѣхъ ребятишекъ. Никогда не забуду одного приключенія. Ушелъ онъ какъ-то рано рисовать развалины Золотыхъ Воротъ, возлѣ которыхъ въ то время неотстраивалась еще эта часть города, и сказалъ, что возвратится вечеромъ. Золотыя Ворота были близко отъ нашей квартиры. Я полу-

(*) Кто его знаетъ, откуда несется, несется пѣсня, складываются стихи, — смотри уже и позабылъ, о чемъ думалъ, и поскорѣ запишешь то, что навіялось.

чилъ записку, которую насъ приглашали на чай и хотѣлъ уведомить Т. Г., чтобъ никуда не зашелъ, потому что у знакомыхъ, куда насъ звали, онъ всегда бывалъ съ удовольствіемъ. Прихожу къ Золотымъ Воротамъ и что же вижу? Т. Г. разостлалъ свой цвѣтной платокъ, на который посадилъ трехлѣтнюю дѣвочку и изъ лоскутковъ бумажки дѣлалъ ей какую-то игрушку. Онъ разсказалъ мнѣ свое приключеніе. Часу въ пятомъ Т. Г. сидѣлъ и работалъ, какъ за валомъ внизу послышался дѣтскій плачь, на который онъ сперва не обратилъ никакого вниманія. Но плачь не умолкалъ и становился сильнѣе. Мѣсто пустое. Шевченко не выдержалъ, пошелъ по гребню вала и заглянулъ въ низъ. Во рву сидѣло дитя и жалобно плакало. Возлѣ ни души, лишь нѣсколько телятъ паслись въ отдаленіи. Онъ пробѣжалъ шаговъ двадцать,—никого. Нечего дѣлать, надо было спуститься и взять ребенка. Дѣвочка перепугалась и заплакала еще сильнѣе. Успокоивъ ее на сколько было можно, Т. Г. понесъ свою находку къ Золотымъ Воротамъ. Ему какъ то удалось забавить ее, но добиться толку не было никакой возможности, потому что дѣвочка лепетала «мама», «няня» и больше ни слова. Давалъ онъ ей бублика (баранокъ), но дитя не могло укусить и все повторяло только «мама» «няня». Т. Г. не зналъ что дѣлать. Два, три прохожихъ постояли, посмотрѣли и не признавали дѣвочки, а ему и не хотѣлось утратить чуднаго освѣщенія и вмѣстѣ жаль было оставить дѣвочку возлѣ себя въ жертву страха и конечно голода. Я пришелъ кстатѣ и тотчасъ же отправился въ сосѣдніе дома, которыхъ было вблизи весьма немного. Нигдѣ одинакоже не знали дѣвочки. Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы рѣшились идти домой и объявить въ полицію. Я взялъ портфель, Т. Г. ребенка и такимъ образомъ дошли мы до Софійскаго Собора. Молодая женщина въ домашнемъ костюмѣ, съ испуганнымъ видомъ выбѣжала изъ переулка и увидя насъ бросилась къ намъ на встрѣчу.

— Мати! сказалъ Шевченко и не говоря ей ни слова подалъ ребенка.

Оказалось, что нянька унесла дѣвочку гулять, но вѣроятно встрѣтила на дорогѣ знакомую или знакомаго, хорошенько выпила и завалилась во рву спать, а дитя пошло и пошло

вдоль по канавѣ. Ребенокъ былъ нѣсколько часовъ въ отсутствіи изъ дому. Какая то старушка, проходя подъ валомъ увидѣла пьяную няньку и, не зная, что у нея было дитя на рукахъ, поспѣшила только съ одной новостью. Развязка извѣстна. Возвращаясь домой, Т. Г. смѣялся, какъ бы онъ воспитывалъ дочь, если-бы у дѣвочки не отыскались родители.

Что касается до любви въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то за все время моего знакомства съ Шевченкоу, я не замѣтилъ въ немъ ни одной привязанности, которую можно было-бы назвать серьезною. Онъ любилъ женское общество и увлекался, но никогда на долго. Какъ молодые люди, начнемъ бывало объ этомъ разговоръ, и стоило только напомнить ему какое нибудь его увлеченіе, онъ обыкновенно отзывался:

— Ахъ! дурница! Пока зъ нею балакаю, то буцѣмъ то щось и ворוניцца у серці, а тамъ и байду-же (*).

Но къ одной особѣ онъ возвращался раза три, т. е. по крайней мѣрѣ раза три при встрѣчѣ съ нею онъ увлекался. Давно, еще въ первыя времена знакомства нашего, онъ долго сидѣлъ возлѣ нея на балѣ и все просилъ у нея на память хоть одинъ голубой цвѣтокъ, которыми отдѣлано было платьѣ. Молодая женщина шутила и шутя отказывала. Т. Г. однакоже изловчился и оторвалъ цвѣтокъ. Такъ это и кончилось. Года черезъ два случайно увидѣлъ я у него этотъ знакъ воспоминанія. Т. Г. смѣшался немного.

— Славна молодичка, сказалъ онъ мнѣ—и такъ пріятна, що здаецця й забудешъ, а побачишъ, то зновъ такъ тебе й тягне (**).

Завлекся было на короткое время онъ одной извѣстной красавицей, которая кружила головы всѣмъ, кто попадалъ въ заколдованный кругъ ея. Увлеченіе было сильное. Шевченко не на шутку задумывался, рисовать ея головку

(*) Э, вздоръ. Пока съ нею разговариваю, то словно что-то и шевелится въ сердцѣ, а послѣ и ничего.

(**) Славная женщина и такая ласковая, что кажется и забудешъ, а увидѣлъ—снова такъ тебя и тлнеть.

и нѣсколько разъ сочинялъ стихи. Я всегда былъ радъ, когда ктонибудь ему нравился: благородная натура эта дѣлалась еще художественнѣе, и онъ работалъ тогда съ бѣльшимъ рвеніемъ. Скоро однакоже онъ разочаровался относительно красавицы. Пригласила она какъ-то его утромъ — прочесть ей одну поэму и сказала что у нея никого не будетъ, что она желала бы одна насладиться чтеніемъ. Т. Г. исполнилъ ея желаніе. Шелъ онъ къ ней съ какимъ-то трепетомъ. Но какая же встрѣтила его картина? Въ уютной гостиной красавица сидѣла на диванѣ, окруженная студентомъ, гусаромъ и толстѣйшимъ генераломъ — тремя отъявленными своими обожателями и искусно маневрировала по своему, обманывая всѣхъ троихъ, то лаская по очередно надеждой, то приводя въ отчаяніе. Поэтъ смутился, и какъ прелестная хозяйка ни атаковала его любезностью — онъ ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ никогда не посѣщать красавицы, и сдержалъ свое слово.

Вотъ стихотвореніе, написанное по этому случаю:

Не журюся я, а неспицца,
 Часомъ до півночі,
 Усе світять ті блискучі
 Твої чорні очі.
 Мовъ говорять тихесенько
 «Хочь, небоже, раю?
 Винь у мене тутъ у серці»
 А серця немає,
 Й небуло ієго ніколи,
 Тільки шматокъ м'яса ...
 На щожъ хороше и пишно
 Такъ ти розсвідася?
 Не журюся, а не спицца
 Часомъ и до світа,
 Усе думка побиває
 Якъ бы такъ прожити,
 Щобъ ніколи такі очі
 Серця не вразили,

Еще я помню одно увлеченіе въ Кіевѣ. Рисуя Лавру и ея подробности, онъ познакомился съ пріѣзжимъ семействомъ богомольцевъ, въ которомъ была очень хорошенькая молодая дѣвушка. По вечерамъ Шевченко началъ пропадать и не говорилъ, гдѣ просиживалъ до полуночи, и такъ какъ у насъ было въ обычаѣ не спрашивать другъ у друга отчета, то я нѣсколько дней не зналъ, что поэтъ увлекается. На живописной дикой тропинкѣ, ведшей изъ царскаго сада на Подоль прямо чрезъ скалистый берегъ, я однажды нечаянно увидѣлъ Т. Г. въ незнакомомъ обществѣ, состоявшемъ изъ двухъ старухъ, нѣсколькихъ дѣтей и хорошенькой дѣвушки. Последняя откинула воаль. Раскраснѣвшееся личико ея, окаймленное свѣтлыми волосами, было замѣчательно. Смѣясь чистымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, она слушала Т. Г., который спускаясь рядомъ съ нею, рассказывалъ ей должно быть что нибудь забавное. Я подымался въ гору. Т. Г. только спросилъ меня, куда я иду, и сказалъ, что провожаетъ знакомыхъ въ Братскій монастырь. На третій день онъ былъ очень скученъ и признался мнѣ въ своемъ увлеченіи. Незнакомое мнѣ семейство уѣхало уже въ деревню. Дѣвушка эта была за кого-то сговорена и въ сентябрѣ назначили свадьбу. Онъ любилъ женщинъ живаго характера; по его мнѣнію женщинѣ были необходимы пылъ и страсть—«щобъ підъ него земля горіла на три сажні».

Погибшія, но милыя созданья, въ то время не увлекали Шевченка; у него были на этотъ счетъ свои оригинальныя понятія. Онъ не находилъ никакого удовольствія посѣщать веселые пріюты продажныхъ грацій, хотя никогда не казнилъ ихъ презрительнымъ словомъ. Онъ былъ слишкомъ гуманенъ, и по слабости омотрѣлъ снисходительно, стараясь въ самой грязи найти хоть крупинку золота. На продажную любовь, на женщину, отдававшуюся страсти, онъ говорилъ, «можно махнуть рукою»; но тайный развратъ, какими бы цвѣтами ни прикрывался, всегда возбуждалъ въ душѣ его неодолимое отвращеніе.

Гуманность его проявлялась въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ движеніи; на животныхъ даже простиралась у него ласкающая нѣжность. Не разъ защищалъ онъ котятъ и щен

говъ противъ злостныхъ намѣреній уличныхъ мальчишекъ, а птичекъ, привязанныхъ на своркъ, покупалъ иногда у дѣтей и выпускалъ на свободу. Мы жили близко базара и я помню, какъ бывало утѣшается онъ и зоветъ меня къ окну, когда какая нибудь собаченка, утащивъ кусокъ хлѣба или баранокъ, боязливо пробиралась подъ заборомъ. Одна возмутительная сцена чуть не стоила намъ дорого. Въ Кіевѣ въ то время полицейскіе служители, имѣвшіе обязанность бить собакъ, называемые по мѣстному гицелями, отправляли свое ремесло публично среди бѣла дня на многочисленномъ базарѣ. Они ходили вооруженные длинною палкой съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ и другой короткой дубиной (добивачъ). Поймавъ животное крючкомъ, они оканчивали его дубиной и иногда долго мучили животное. Проходя на «Козье Болото», мы какъ-то разъ попали на подобную сцену. Гицель схватилъ большую собаку за ребро и, не совсѣмъ убивъ ее, тащилъ полуживую между городомъ. Т. Г. вышелъ изъ себя и упрекнулъ живодера. Гицель отвѣтилъ грубо и тутъ же началъ тиранить собаку, которая визжала раздирающимъ образомъ... Шевченко выхватилъ у него дубину... Полтинникъ однакоже уладилъ дѣло; гицель однимъ ловкимъ ударомъ добилъ животное, но Т. Г. долго че могъ придти въ себя отъ волненія.

Къ этой же эпохѣ относится наше знакомство съ г. Аскоченскимъ, нынѣ редакторомъ слишкомъ извѣстной «Домашней Бесѣды», а тогда экс-профессоромъ духовной академіи, воспитателемъ генераль-губернаторскаго племянника и поэтомъ: такъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые называли его въ Кіевѣ. Редакторъ «Домашней Бесѣды» не обнаруживалъ тогда духоюрой нетерпимости и не предавалъ еще анаемѣ всего свѣтскаго и современнаго, какъ дѣлаеть это въ настоящее время, но, настроивъ лиру свою на элегическій тонъ, бряцалъ по ней весьма чувствительныя пѣсни. Сей мужъ, карающій сурово все живое и мыслящее, смотрящій на произведенія искусствъ сквозь мутные очки средневѣковаго аскетизма, горячо вступающійся за юродиваго Ивана Яковлещича, читалъ намъ свои стихотворенія, выражавшія земныя вграсти и, надо отдать ему справедливость, необнаруживалъ

стремленія, которое могло бы обличить въ немъ будущаго редактора изданія, дѣлающаго стыдъ, не говорю уже литературы, но даже печатному станку, передающему его на бумагу. Я упомянулъ объ этомъ потому, что свидѣвшись послѣ долгой разлуки, Т. Г. съ удивленіемъ сказалъ мнѣ:

— А знаешь ты, що «Домашнюю Бесѣду» выдае той самой Аскоченскій, котораго мы знали у Кіеві. Чи мижно було надіятись.

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Кіевѣ, Шевченко одно время вздумалъ было учиться по французски и вѣроятно при громаднѣхъ способностяхъ не замедлил бы успѣть въ своемъ предпріятіи, — но послѣ охладѣлъ — и объ этомъ не было помину.

Неожиданно мнѣ пришлось уѣхать домой. Когда я объявилъ Шевченку, что карманъ мой въ жалкомъ состояніи — онъ досталъ денегъ, далъ мнѣ на дорогу и выпроводилъ до Днѣпра. Прощаясь съ нимъ на мосту, я не зналъ, что расстаемся на долго... Мы свидѣлись ровно черезъ четырнадцать лѣтъ въ сентябрѣ прошлаго года, по моемъ возвращеніи изъ путешествія по югу Россіи. Войдя въ мастерскую Т. Г. въ академіи, я засталъ его за работой: онъ гравировалъ. На вопросъ мой узнаетъ-ли меня, Шевченко отвѣчалъ отрицательно, но сказалъ, что по голосу, кажется, не ошибся и назвалъ меня по имени. Я бросился было обнять его, но онъ замѣтилъ по русски:

— Не подходите—здѣсь вредныя кислоты. Садитесь.

Минута эта была для меня чрезвычайно тягостная. Т. Г. постарѣлъ, лицо измѣнилось, но въ глазахъ его блестѣлъ тотъ же тихій свѣтъ мысли и чувства, какового я не могъ забыть послѣ долгой разлуки, Мы поговорили не много. Онъ былъ холоденъ, и хотъ нѣсколько разъ самъ припоминалъ прошедшее, однако не такъ, какъ ожидалось мнѣ отъ этого свиданія... Я ушелъ домой взволнованный и унесъ въ сердцѣ то чувство скорби, какое человекъ можетъ вылить или въ жаркихъ слезахъ или вдохновенными стихами. Подобное охлажденіе съ его стороны я приписывалъ долгимъ страданіямъ и рѣшился затаить въ сердцѣ еще одну утраченную надежду, можетъ быть лучшую и послѣднюю въ жизни.

Вскорѣ встрѣтился я съ нимъ у В. М. Б. Шевченко подошелъ ко мнѣ, сказалъ нѣсколько словъ и послѣ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ локонически, говоря мнѣ «вы» что и меня заставило обратиться къ этому же мѣстоименію. Я считалъ все конченнымъ между нами, но какъ ни тяжело было мнѣ подобное состояніе, — я далъ себѣ слово избѣгать даже тѣни навязчивости. Черезъ недѣлю встрѣтились мы снова у Б.... Поздоровавшись, мы все время бесѣдовали въ разныхъ кружкахъ. По странному случаю, уходили мы вмѣстѣ и очутились въ передней. Съ лѣстницы сошли молча. У подъѣзда не было извожиковъ.

— Вы до дому направо? спросилъ я.

— Ні піду по Невскому, може зайду до Вольфа.

— Такъ намъ до Невскаго по дорозі.

— Отъ и добре.

Мало по малу Шевченко разговорился. Дойдя до проспекта, я продолжалъ разговаривать и мы очутились у Полицейскаго моста.

— Може зайдёмъ у купі (вмѣстѣ)? сказалъ онъ.

— Зайдёмъ, отвѣчалъ я.

Посѣтителей было мало. Т. Г. спросилъ себѣ порцію чего-то, я закурилъ сигару и тутъ онъ самъ съ обычной, прежней откровенностью выразилъ мнѣ причину своей холодности. Разумѣется въ двухъ словахъ я разъяснилъ, въ чемъ дѣло, и съ тѣхъ поръ возвратились наши прежнія отношенія. Въ этотъ памятный для меня вечеръ онъ много и съ особенной любовью говорилъ мнѣ о Маркѣ Вовчкѣ и томъ впечатлѣніи, какое произвели на него первыя «Оповіданія».

Последнее мое свиданіе съ Тарасомъ знаютъ читатели «Русскаго Слова».

Въ этомъ очеркѣ я собралъ всѣ факты, сохраненные моею памятью, не стараясь восхвалять такую замѣчательную личность, какъ Шевченко и не скрывая его слабостей. Я далеко отъ мысли дѣлать изъ дорогаго мнѣ человѣка нѣчто въ родѣ безупречнаго героя, но рассказалъ то, что было въ дѣйствительности, зная его близко и живя съ нимъ въ лучшую эпоху его творческой дѣятельности. Я ничего не утаилъ, ни-

чего не прибавилъ, и считаю, что обязанъ былъ писать эту статью такъ, а не иначе.

Не буду здѣсь касаться его поэтическихъ твореній, которыя приобрѣли всеобщую извѣстность, не смѣю ничего сказать о произведеніяхъ его кисти, потому что я не судья въ этомъ искусствѣ; но не могу не выразить, что желательно было бы видѣть полную и совѣстливую оцѣнку этого замѣчательнаго таланта. О живописи судить есть много спеціалистовъ, а о поэзіи Шевченка долженъ написать правдивое и теплое слово — непременно Украинецъ, потому что русскіе критики, незнакомые съ нашимъ языкомъ и его оттѣнками, по большей части не знающіе быта народа, который описываеъ поэтъ, могутъ впадать въ невольныя ошибки и могутъ назвать невѣрностью то, что просто описано съ натуры. Я говорю это потому, что недавно слышалъ еще упрекъ Шевченку въ сентиментальности, именно за черту, которая съ незапамятныхъ временъ служитъ отличительною чертою украинскаго простолюдина. Упрекъ этотъ сдѣланъ на томъ основаніи, что подобнаго факта критикъ не видѣлъ въ деревняхъ, а между тѣмъ онъ не знаетъ малорусскаго племени. Память Шевченка требуетъ должнаго мѣста поэту въ ряду лучшихъ писателей нашихъ; мѣста, на которое онъ добылъ право сразу, онъ, бѣдный дворовый крестьянинъ, выкупленный участіемъ лучшихъ людей, — но котораго не давали ему критики, а изъ нихъ одинъ даже глумился надъ нимъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ. Конечно, оцѣнить сочиненія Шевченка. — дѣло трудное, потому что въ печати явилась, можетъ быть, половина имъ написаннаго, другая — врядъ ли и явится, по крайней мѣрѣ не скоро, бывъ частью разбросана по разнымъ мѣстностямъ, листками въ разныхъ рукахъ, частью утраченная навсегда. Но все же Украинецъ, которому не незнакомы хоть отрывки потерянныхъ стихотвореній, если примется за дѣло съ любовью, можетъ исполнить трудную задачу съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, кто долженъ писать, руководствуясь неудачными переводами или мнѣніями такъ называемыхъ, знатоковъ или, наконецъ, при помощи неполнаго знанія языка украинскаго и этнографіи.

Друзья покойнаго собрали сумму, выхлопотали разрѣшеніе
и повезли прахъ Тараса туда, гдѣ....

Могилы

Чорніють якъ гори,
Та про волю нишкомъ въ полі
Зъ вітрами говорять.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

1861. Мая 8.
Петербургъ.

* * *

Я лежалъ на прибрежномъ пёскѣ,
А струю обгонила струя
И дробилася вдоль по рѣкѣ
Раздражительно трель соловья.

Раздражительно трель соловья
Щекотала мнѣ душу и жгла,
Словно тамъ извивалась змѣя
И, чаруя, куда-то влекла...

Вдругъ выносить на берегъ волна
Блѣдно-мраморный, дѣвственный трупъ, —
И дышалъ въ немъ улыбкою сна
Тонкій очеркъ не сомкнутыхъ губъ;

И съ луною играла въ глазахъ
Тихо капля воды, какъ слеза, —
И тоскою, и страстью, въ лучахъ,
Какъ живые, сверкали глаза.

И любясь надъ мертвой красой,
Какъ скользила по персямъ луна,
Я внималъ, какъ съ густою косою
Заигралася звонко волна...

И приникъ я къ утопшей на грудь,
И лобзалъ я ее, и сжималъ,
И хотѣлъ въ нее душу вдохнуть,
И дыханьемъ уста согрѣвалъ...

А по сонной рѣкѣ соловей
Раздражительно трелью звенѣлъ,
И подъ жгучею грудью моею
Хладный трупъ трепеталъ и теплѣлъ...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

11 мая 1861.

ПОДЪЯЧІЙ ДОКУМЕНТЪ.

Мрачно и грустно было въ Преображенскомъ селѣ, великимъ постомъ 1718 года. Царь Петръ разыскивалъ и судилъ сообщниковъ сына своего царевича Алексѣя Петровича, судилъ жену свою насильственно постриженную въ монахини царицу Евдокію... Ежедневно привозили въ Преображенское новыхъ лицъ, новыхъ жертвъ застѣнковъ. Малѣйшее сочувствіе къ царевичу и къ царицѣ, одно слово, обнаруженная мысль въ ихъ пользу было преступленіемъ. Новый наследникъ былъ данъ Петромъ Россіи—сынъ Екатерины, трехлѣтній царевичъ Петръ Петровичъ. Повсюду разосланы и розданы были печатныя присяги на вѣрность этому ребенку, всѣ ихъ подписывали и клялись безпрекословно...

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой башни, въ деревянномъ домѣ, въ бѣдной палатѣ своей, сидѣлъ старикъ задумавшись надъ бумагами, которыя разбросаны были передъ нимъ на столѣ—въ числѣ ихъ была и печатная присяга царевичу Петру Петровичу. Долго смотрѣлъ старикъ на эти бумаги, вдругъ торопливо всталъ, собралъ ихъ въ порядокъ, положилъ за пазуху, перекрестился и вышелъ изъ дому по дорогѣ въ Преображенское.

Это было 2-го марта 1718 года.

2-го марта 1718 г. единственный, день въ который застѣнки Преображенскаго неотворялись для несчастныхъ. На-

конунѣ еще въ этихъ застѣнкахъ, подѣ ударами палачей, на вискѣ отвѣчали: разстриженный епископъ ростовскій Досифей; Авраамъ Лопухинъ, родной братъ царицы Евдокии; сибирскій царевичъ, другъ царевича Алексѣя Петровича и Михайло Босой юродивый, переносившій вѣсти о царевичѣ Алексѣѣ отъ царевны Марьи Алексѣевны къ царицѣ матери. 2-го марта Петръ далъ отдыхъ застѣнкамъ. Это было Воскресенье православія. По обыкновенію, царь отправился съ своими приближенными къ обѣднѣ въ церковь «на Старомъ дворцѣ». Дорого можно было бы дать, чтобъ заглянуть въ душу этого необыкновеннаго человѣка на молитвѣ его ко всевидящему Богу въ эти страшные дни горя и испытанія. Приносилъ ли онъ тому, кому единственно считалъ себя обязаннымъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, искреннюю исповѣдь въ тѣхъ поступкахъ, которые въ сознательной душѣ должны были производить борьбу справедливости съ необходимостью и убѣжденіемъ пользы государственной, чувствъ родства и дружбы—съ чувствами оскорбленнаго самолюбія, хладнокровія съ раздражительностію, милосердія съ мстительностію?... Или.... но какія можно дѣлать малѣйшія правдоподобныя предположенія о нравственныхъ качествахъ души человѣка, объ которомъ въ этомъ отношеніи наша исторія только что принялась собирать факты. Подождемъ съ терпѣніемъ—и современемъ когда соберется достаточно фактовъ, совокупность которыхъ откроетъ для исторіи чтó было за человѣкъ Петръ какъ *человѣкъ*,—тогда найдется искусное перо, которое нарисуетъ намъ его портретъ правдиво, безпристрастно—и тогда сравнимъ его съ тѣми, которыхъ рисуютъ намъ Голиковъ, и другіе... Еще не время судить Петра—мы еще слишкомъ мало имѣемъ фактовъ объ немъ, объ его нравственныхъ качествахъ.... Послушаемъ рассказы объ немъ и передадимъ тѣ, которые знаемъ.

Петръ былъ въ церкви. Во время богослуженія передъ нимъ явился, въ бѣдной одеждѣ, обросшій бородою старикъ и подалъ ему бумаги. Петръ принялъ ихъ и развернулъ первую: это былъ печатный экземпляръ присяги царевичу Петру Петровичу и отреченіе отъ царевича Алексѣя Петровича. Подъ присягою, гдѣ слѣдовало быть подписи присягаю-

шаго, написано было крючковатымъ, но четкимъ крупнымъ почеркомъ:

Святымъ пречестнымъ евангелію и животворящему Христову кресту поклоняюся и лобызаю нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; а за неповинное отлученіе и изгнаніе всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божиимъ и пресвятымъ евангеліемъ *не клянусь* и на томъ животворящаго креста Христова *нецельную* и собственною своею рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти во свидѣтельство изрядное, *хотя за то и царской интвъ на мя произметъся, буди въ томъ воля Господа Бога моего Исуса Христа, по волю Его святой за истину азъ рабъ Христовъ Ларіонъ Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь.*

Этотъ Докукинъ былъ нашъ старикъ отъ Сухаревской башни.

Петръ передалъ бумаги Петру Андреевичу Толстому, начальнику застѣнковъ. Старика отвели изъ церкви подъ карауломъ въ тюрьму, которыхъ такъ было много въ Преображенскомъ въ это время. Новая жертва! Новый страдалецъ и страдалецъ самовольный за царевича Алексѣя Петровича. И кто бы осмѣлился въ это страшное время сдѣлать то, что сдѣлалъ Докукинъ? Какую рѣшимость, твердость духа, пренебреженіе къ жизни и тѣлеснымъ страданіямъ, какое убѣжденіе въ своей справедливости нужно было имѣть, чтобъ сказать тогда Петру въ глаза: «я не хочу присягать царевичу Петру Петровичу—для меня наследникъ престола царевичъ Алексѣй Петровичъ. Буди въ томъ воля Господня—*за истину* страдать готовъ».—написалъ Докукинъ и по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ написалъ себѣ сбывшееся пророчество.

Ларіонъ Докукинъ былъ подъячій артиллерійскаго приказа съ 1681 года. До учрежденія фискаловъ подъячимъ было житье; никто не смотрѣлъ, не слѣдилъ за ихъ поведеніемъ. Они писали бумаги, брали взятки и жили себѣ спо-

койно, подъ прикрытіемъ часто безграмотныхъ воеводъ и судей, подъ покровительствомъ дьяковъ и секретарей, которые всё въ свою очередь наживались, «творя судъ и расправу». Съ появленіемъ въ чиновнической атмосферѣ фискаловъ пошло иначе. Въ лицѣ фискаловъ родилось новое сословіе безотчетныхъ и самоуправныхъ взяточниковъ. Ихъ законъ и оружіе былъ доносъ. А что можетъ быть страшнѣе доноса? Это камень, брошенный на длинной, крѣпкой веревкѣ, въ мутную, грязную воду: одинъ человекъ бросить его—двадцать не вытащутъ,—у иныхъ силы не хватить, а другіе и надорвутся. А и вытащутъ — сколько тины, сколько грязи съ этимъ камнемъ! Фискальскія дѣла временъ Петра великаго—это лѣтописи египетской работы временъ фараоновъ... только не на чистомъ воздухѣ, подъ жаромъ африканскаго солнца, а въ удушливой атмосферѣ приказовъ, коллегій, комисій, канцелярій — и подъ темными сводами преображенской и тайной канцеляріи.

Докукинъ былъ человекъ своего времени и грѣшилъ въ службѣ какъ и прочіе, даже не считалъ грѣхомъ, принимать невинные подарки отъ подрядчиковъ. Его совѣсть успокоивалась «съ давнихъ лѣтъ и по собственному произволу, а не изъ неволи и ни отъ какого воровства давали подрядчики, а онъ бралъ съ нихъ» (объясненіе его во время допросовъ). Но явились фискалы—надо было дѣлиться съ ними. Поссорился Докукинъ съ фискаломъ—и полетѣлъ доносъ въ Петербургъ. Фискаль насчиталъ на него взысканія 215 р. Камень пушенъ въ воду и Докукина потребовали въ Петербургъ къ «щету» вытаскивать камень. Это было въ 1714 году. У Докукина не было въ Петербургѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ остановился у просвирицы церкви Симеона Богопріимца.

Все на этомъ свѣтѣ случайно. Ничтожныя причины ведутъ весьма часто къ важнымъ послѣдствіямъ. Не остановись Докукинъ у Симеона въ домѣ просвирицы, а въ другой части города, онъ бы не познакомился, можетъ быть, съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, не привязался бы къ нему всею душою, и весьма вѣроятно впоследствии не подалъ бы Петру свою «дерзкую отрицательную присягу».

А между тѣмъ вотъ что вышло: Докукинъ былъ человѣкъ набожный, богомольный, ходилъ часто въ церковь, читалъ много изъ священнаго писанія, дѣлалъ постоянно выписки изъ Григорія Назіанзина, изъ псалтыря, апостоловъ, сочинялъ самъ молитвы... Въ церкви Симеона онъ выпросилъ позволеніе у церковнослужителей читать на клиросѣ. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, посѣщая часто эту церковь въ 1715 г., замѣтилъ старика и одинъ разъ, выходя изъ церкви, подзвалъ его и спросилъ: кто онъ и откуда? Докукинъ доложилъ о своемъ подъяческомъ происхожденіи и о своемъ подъяческомъ горѣ. Это вниманіе царевича оживило Докукина, который почти умиралъ съ голоду въ Петербургѣ. Онъ слышалъ о добротѣ души царевича и рѣшился подать ему просьбу о помощи въ бѣдномъ его положеніи и объ исходатайствованіи ему отставки. Добрый царевичъ, помогавшій такъ много бѣднымъ, что видно изъ сохранившихся его приходо-расходныхъ книжекъ, велѣлъ Докукину придти къ себѣ во дворецъ.

Докукинъ не мѣшкалъ и на другой же день утромъ явился. Царевичъ выслалъ къ нему какого-то человѣка «въ накладныхъ волосахъ», который принялъ отъ старика челобитную, потребовалъ отъ Докукина платокъ, съ которымъ и пошелъ въ комнаты къ царевичу; черезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ Докукину обратно этотъ платокъ съ деньгами. Царевичъ выслалъ двадцать рублей. Для Докукина это былъ капиталъ: онъ былъ нищій, умиралъ съ голоду. Помощь, оказанное ему царевичемъ, привязало Докукина къ нему глубоко и навсегда; много можетъ быть содѣйствовало къ усиленію этой привязанности до страсти и моральное направленіе Докукина. Онъ былъ преданъ стариннѣ православнои; нововведенія Петра были ему непонятны и ненавистны. До знакомства съ царевичемъ онъ выписывалъ уже различные тексты изъ священнаго писанія, а особенно изъ Григорія Назіанзина—тексты, по тогдашнимъ понятіямъ, обличавшіе Петра въ его неправославіи. Въ началѣ 1715 года онъ рѣшился подкинуть письмо у симеоновской церкви, заключавшее, по его мнѣнію, выписки и разсужденія изъ св. писанія, «противныя» Петру. Письмо это сожгли, но не разы-

сбивали сочинителя. Это даже обидѣло Докукина (какъ онъ говорилъ при допросахъ) и потому онъ вторично намѣревался прибить у Троицкой церкви (на петербургской сторонѣ близъ дворца Петра) не письмо, а молитву противъ Петра, «чтобъ на той молитвѣ всякъ, ктобъ ни читалъ о томъ, что написано, всѣ знали и донесли бы царскому величеству».

Возвратясь въ Москву, въ свой домишко, къ женѣ, онъ не переставалъ всѣмъ и каждому а особенно своимъ приходскимъ попомъ Аврааму и Михаилу, хвалить и превозносить царевича и продолжалъ свои выписки изъ Григорія Назіанзина. Гордясь враждебнымъ чувствомъ къ Петру, онъ показывалъ ихъ своему духовнику Аврааму: «Посмотри, батюшко, трудовъ моихъ.» Авраамъ подержалъ ихъ дня съ два и возвращая, сказалъ Докукину: «трудись, Богъ трудовъ твоихъ не забудетъ» и Докукинъ съ большею резностію принимался за свои богословскія выписки.

Занятія Докукина были прерваны дошедшими до него вѣстями о несчастіи царевича, объ отрѣшеніи его отъ престолонаслѣдія, услышалъ онъ о пыткахъ его приближенныхъ, о разстриженіи епископа ростовскаго Досифея, о безславіи царицы инокини; принесли къ нему для подписанія печатную присягу царевичу Петру Петровичу, пришолъ и попъ Авраамъ съ манифестомъ о царевичѣ: «вотъ твой хваленой, видишь царевичевы вины»... Но Докукинъ оставался вѣренъ царевичу и, несмотря на убѣжденія Авраама, не шелъ къ присягѣ. «Послѣ пойду, теперь не досугъ» говорилъ Аврааму Докукинъ. Наконецъ ненависть къ Петру, благодарность и преданность къ царевичу, восторженныя до безумія, рѣшили судьбу Докукина. Онъ подписалъ Петру отказъ въ присягѣ царевичу Петру Петровичу и, не сказавъ ни женѣ, ни духовнику о своемъ намѣреніи, отправился, какъ мы видѣли, 2-го марта въ Преображенское и подаль Петру и присягу и всѣ свои выписки и молитвы лицомъ къ лицу, въ церкви, во время богослуженія, въ воскресенье православія.

Въ тюрьмѣ онъ въ тотъ же день подписалъ объясненіе: «На присягѣ подписалъ своеручно онъ, Ларіонъ, соболѣзнуя объ немъ царевичѣ, что онъ природной и отъ истинной же-

ны, а наслѣдника царевича Петра Петровича за истиннаго не признаеть, потому, что—де хотя нынѣшняя государыня царица и христіанка, но де когда государя не будетъ, а царевичъ Петръ Петровичъ будетъ царствовать и въ то де время она царица сообщится съ иноземцами и будетъ отъ нихъ христіанамъ спона (Spona—вредъ) потому, что де она не здѣшной природы, а въ тетрадехъ выписаль и изъ книги Назіанзина въ пользу и чтобъ за слово Христово страдать а онъ же де Ларіонъ, будучи въ С. Петербургѣ въ 715 г. у церкви Симеона Богопріимца и Анны пророчицы, на паперти подкинулъ письмо, выписавъ изъ той же книги и изъ другихъ книгъ, къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей, а то де все выписываль и на присягѣ подписалъ отъ одинъ, ни съ кѣмъ не думаль, и никому не сказываль и не казываль и никого въ томъ не знаеть и не призываль, а приполъ съ тѣмъ явиться, чтобъ пострадать за слово Христово.»

2-го марта, какъ мы уже сказали, застѣнки не отворялись, но на другой день въ нихъ пошла усердная работа: пытали сибирскаго царевича, Досифея, Ѳедора Журовскаго, пѣвчаго царицы Марьи Алексѣевны, Ѳедора Воронова, слугу суздальскаго Покровскаго монастыря. Не забыли и Докукина: его подняли на дыбу и при 25 ударахъ кнута допрашивали съ кѣмъ совѣтовался и духовному или иному кому сказываль ли?

«Ни съ кѣмъ не совѣтоваль, отвѣчалъ Докукинъ, и духовнику и инымъ никому не сказываль, а писалъ о всемъ самъ изъ книги Назіанзина и сдѣлаль безумствомъ своимъ. Подлинное письмо въ 1715 году подкинулъ въ Петербургѣ не для чего инаго, только соболѣзнуя о народѣ».

Въ этотъ же день привели въ Преображенское и жену Докукина и друзей его, которыхъ оказалось всего двое: пушечный мастеръ Петръ да мѣховой ученикъ Василій,—дворовую дѣвку его, служанку его солдатскую женку Аграфену, которая ничего не могла объяснить, кромѣ только что онъ «самъ въ гости мало ѣздитъ и въ гости къ нему также не ѣздить.» Ихъ отпустили безъ пытки.

Черезъ два дня съ Докукинымъ опять цѣлая компанія

въ застѣнкахъ: Александръ Кикинъ, бывшій дѣньщикъ царскій, совѣтникъ царевичу въ побѣгѣ, греческій попъ Ливерій который въ 1714 г. ѣздилъ съ царевичемъ въ Карлсбадъ, а послѣ въ 1717 г. отыскивалъ его около Инспрука, Оедоръ Еварлаковъ, дворецкій царевича, опять Досифей ростовскій, Авраамъ Лопухинъ, еще князь Семень Щербатовъ, болтавшій пустяки о царевичѣ и царицѣ. Отъ Докукина допытывались, кто совѣтовалъ подкинуть письмо въ Петербургъ? «все дѣлалъ одинъ, отвѣчалъ онъ, признавая якобы нынѣшнее послѣднее время.» Дано ему 21 ударъ. 8-го марта его еще пытали въ третій и послѣдній разъ (20 ударовъ): все тотъ же отвѣтъ: ни съ кѣмъ о томъ не совѣтовалъ и другимъ никому не сказывалъ.»

Нравственныя и физическія силы Докукина были необыкновенныя. По его показанію, онъ былъ уже подъячимъ въ 1681 году. Если предположить, что ему тогда было хоть 20 лѣтъ, то въ 1718 г. ему было уже 57 лѣтъ и онъ въ шесть дней выдержалъ 66 ударовъ кнута, на дыбѣ съ вывернутыми руками. Страшно подумать! При этихъ страданіяхъ душа его закалилась и онъ не выдалъ никого, кто читалъ и видѣлъ его тетрадки! 11-го марта его еще подняли на виску—и тѣ же отвѣты!

Иларіонъ Докукинъ самовольно поступилъ въ число преступниковъ *кикинскаго* розыска. Этотъ розыскъ, также какъ и *суздальскій* (о царицѣ Евдокии) былъ оконченъ 15-го марта 1718 года. Всѣ допросы и показанія сняты—оставалось привести въ исполненіе состоявшійся приговоръ царя. Петръ торопился ѣхать въ Петербургъ и съ 15 на 16 въ ночь начались казни. (См. Устр. Т. VI-й стр. 219). Докукина очередь пришла 17-го въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ великаго поста.

Вотъ что писалъ о казни Докукина Плейеръ, австрійскій посланникъ въ Петербургъ къ цесарю, не знавшій имени Докукина: «Четвертымъ (первые трое казненные: Досифей, епископъ ростовскій, Александръ Кикинъ, и духовникъ царицы) «былъ простой писарь, который торжественно въ церкви укорялъ царя въ лишеніи царевича престола и подалъ записку: онъ «былъ колесованъ; наконецъ сказалъ, что хочетъ открыть нѣчто «важно; снять былъ съ колеса и привезенъ къ царю въ Преобра-

«женское; не могъ однакожь отъ слабости сказать ни слова, и порученъ былъ на излеченіе хирургамъ; но какъ слабость увеличилась, то голова его была отрублена и взоткнута на колю; а тѣло положено на колесо. При всемъ томъ думаютъ, что онъ тайно открылъ царю, кто его подговорилъ и отчего обнаружилъ такую ревность къ царевичу.» (Г. Устряловъ, къ этому донесенію Плейера, въ т. VI. Исторіи Петра Великаго прибавилъ въ примѣчаніи стр. 224 Т. III: рассказанный Плейеромъ случай совершенно неизвѣстенъ и кто былъ этотъ писарь, изъ актовъ не видно).

Мы будемъ продолжать изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подробности о Докукинѣ.

Послѣ допросовъ и пытки Докукина подана была Петру выписка изъ его дѣла слѣдующаго содержанія:

Въ докладъ:

Въ нынѣшнемъ 1718 г., марта во 2-мъ числѣ пришелъ въ Преображенское артиллерійскій подъячій Ларіонъ Докукинъ, и на Старомъ дворцѣ, въ церкви, во время божественнаго пѣнія святыхъ литургій, подалъ царскому величеству письма, а по свидѣтельству оныхъ явились воровскія о *возмущеніи народа* противъ его величества письма (*).

И въ томъ имъ розыскивано трижды. А съ розыску вины, что не только тѣ, которые подалъ, но и еще показали:

Которыя-де такія же воровски о *возмущеніи народа* противъ его же величества письма въ прошломъ 715 году въ Санктъ-Петербурхѣ подкинута у церкви Симеона Богопріимца на паперти, и оныя-де сочинялъ и подкидывалъ онъ же, да у него же выняты возмутительныя сочиненныя такія же воровскія письма, о которыхъ онъ съ розыску сказалъ, что хотѣлъ прибить въ С.-Петербурхѣ у церкви *для возмущенія же народа*.

(*) *Примѣчаніе.* Для подтвержденія этого обвиненія мы прилагаемъ выписки изъ тетрадокъ, въ которыхъ мы, при всемъ стараніи, едва могли найти какія-нибудь *возмутительныя намеки*.

И о томъ что чинить?

Вотъ рѣшеніе по этому докладу:

1718 г. марта въ 17, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, слушавъ сей выписки, указалъ по имянному своему Великаго Государя указу артиллерскаго подъячаго Ларіона Докукина, что онъ на Старомъ дворцѣ, во время божественной литургіи, подалъ его царскому величеству воровскія о возмущеніи народа противъ его величества письма (и проч. изъ доклада слово въ слово) и за то за все казнить смертью. Подписали собственноручно: тайный совѣтникъ и отъ гвардіи капитанъ Петръ Толстой, Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, въ тотъ же день, какъ справедливо описалъ Плейеръ, Докукинъ былъ колесованъ. Страшныя муки этой жестокой казни ослабили твердость души Докукина, и съ колеса онъ объявилъ, что онъ откроетъ сообщниковъ,—его опять привезли изувѣченнаго въ Преображенское, и вотъ документъ, сохранившійся въ дѣлѣ, свидѣтельствующій о справедливости указаній Плейера. Этотъ документъ писанъ рукою Скорнякова-Писарева, который допрашивалъ Докукина послѣ колесованья:

Марта въ 17 д. подъячій Докукинъ послѣ колесованья того дня въ 4-мъ часу по-полудни сказалъ: тѣ онъ письма, которыя у него выняты, семь тетрадей (*) и тѣ онъ тетради такъ же и молитву (**), кромѣ того, что за нею назади написано, также и ту тетрадь, которая писана о характерѣ (***), показывалъ онъ, Докукинъ, и говорилъ попользуйся-де спасскому попу, что въ Пушкаряхъ, Авраму Михайлову, который держалъ у себя тѣ письма дня два или три и державъ, сказалъ, что то онъ дѣлаеть хорошо; да онъ же, Докукинъ, показывалъ тетрадь ту, которая написана о характерѣ, попу сергіевскому, что въ Пушкаряхъ, Михаилу Назарьеву и онъ ему воспрещалъ и писалъ къ нему письмо противъ мнѣнія

(*) Они всѣ сохранились при дѣлѣ.

(**) Также имѣется при дѣлѣ.

(***) Тоже сохранилась.

его противное, которое было въ его письмахъ. А въ письмѣ написано, что нѣкоторый ученикъ пустыннику сказывалъ, что-де я ветхой и новой завѣтъ весь исполнилъ, на что пустынникъ сказалъ: что-де ты все по аеру (?) говоришь и ты-де тому послѣдуешь....

Допросъ видимо не имѣетъ конца и Скорняковъ - Писаревъ пересталъ писать, потому-что, вѣроятно, Докукинъ, обезсиленный страданіями и истеченіемъ крови, впалъ въ безпамятство.... Онъ былъ живъ еще 18 марта, могъ опять отвѣчать и опять Скорняковъ - Писаревъ записалъ собственноручно его показаніе:

Марта въ 18 д. Ларіонъ Докукинъ сказалъ: какъ онъ былъ въ С.-Петербурхѣ, хаживалъ онъ, Докукинъ, къ пѣнію церковному къ церкви Симеона Богопріимца для того, что онъ стоялъ той церкви у просвирницы и въ то время была у него борода не выбрита и въ той церкви раза въ три спрашивалъ его царевичъ, какова онъ чина, и онъ ему сказывалъ, что артиллерскій подъячій, высланъ по фискальскому доношенію съ приходными и расходными книгами; а видѣлъ онъ царевича уже подкиня подметное письмо и послѣ того на сырной недѣлѣ подалъ ему, царевичу, челобитную, съ которой черная у него, Докукина, вынята, и онъ принявъ и посматривая, отдалъ ему назадъ, а велѣлъ придти къ себѣ ко двору поутру и онъ пришелъ; и вышелъ отъ него въ накладныхъ волосахъ, а кто не знаетъ и ту челобитную его всю высмотрѣлъ и взявъ платокъ его, Докукина, вынесъ къ нему отъ царевича двадцать рублей денегъ въ томъ платкѣ, и онъ, приѣдучи къ Москвѣ, его, царевича, хвалилъ и благодарилъ и про вышеписанное про все сказывалъ обоимъ попомъ Авраму и Михайлу; да онъ же (Докукинъ) сказалъ: племянникъ его Федоръ изъ тѣхъ тетрадей немного писалъ начерно, а племянникъ его Иванъ тѣхъ тетрадей не видалъ, а Петръ Ивановъ тѣхъ тетрадей у него не видалъ же, а про присягу онъ, Аврамъ, спрашивалъ: былъ ли онъ у присяги, и онъ сказалъ: не былъ, а такихъ рѣчей что я иттить не хотѣлъ, говорилъ ли и нѣтъ, того онъ, Докукинъ, не упомянуть, а съ Аврамомъ этихъ тетрадей не писалъ».

Что было съ Докукинымъ послѣ этихъ допросовъ—дѣло молчать, и весьма вѣроятно, что оно кончилось такъ, какъ описалъ Плейеръ. Его показаніе послѣ колесованія повлекло арестованіе всѣхъ названныхъ имъ поповъ и племянниковъ: ихъ допрашивали, пытали и наказали кнутомъ и проч. Показанія ихъ не интересны, а осужденія отвратительны. Для любопытства читателей прилагаемъ конці съ рѣшеній.

Ларіонъ Докукинъ поступитъ грустнымъ и тяжелымъ дополненіемъ къ тому страшному эпизоду изъ жизни Петра, который намъ извѣстенъ подъ именемъ «Суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ».

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СТАТЬЕ

ПОДЪЯЧІЙ ДОКУКИНЪ

1718 г. марта въ 24. По указу Великаго Государя, тайный совѣтникъ и отъ гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой, да отъ лейб-гвардіи майоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, да отъ гвардіи капитанъ поручикъ Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ приговорили нижеписанному роспопу Авраму за его воровство, что онъ у бывшаго артиллерскаго подъячаго Ларки Докукина сочиненныя имъ воровскіе о возмущеніи народа противъ Царскаго Величества тетради бралъ къ себѣ и читалъ и имѣлъ у себя больше недѣль и прочесть отдалъ ихъ по прежнему ему Ларкѣ, а видя въ нихъ таковое его зло вымышленное воровство Царскому Величеству о томъ не донесъ, и не точно что не донесъ, но какъ тѣ тетради отдалъ, сказалъ ему, Ларкѣ, чтобъ онъ трудился, а Богъ трудовъ твоихъ не забудетъ, которыми словами своими его, Ларку, на предпомянутае его злоумышленное дѣло поострилъ, по которымъ словамъ такъ оной дерзоство и учинилъ, а когда еще отъ него вора роспопа Аврама такихъ словъ къ нему, Ларкѣ, не было, то оной до того подавать ихъ и не дерзнулъ, въ чемъ онъ роспопа съ розысковъ во всемъ виновна онъ же, когда онъ, Ларка, къ присягѣ не пошелъ, хотя отцу его духовному и говорилъ однакожъ, надлежало было ему о томъ донести жъ гдѣ надлежитъ, а онъ о томъ не донесъ же, и тѣмъ своимъ злоумышленнымъ дѣломъ все онаго поощрялъ, и за то его воровство сказать ему роспопѣ смерть, а потомъ учинить жестокое наказанье—бить кнудомъ и обрѣзать языкъ, и вынявъ ноздри, сослать на каторгу вѣчно въ работу. А Ларкина отца духовнаго, Михайла, учиня ему наказанье — бить батоги, свободить и отослать для опредѣленія по-прежнему къ церквѣ, понеже дальняго до него по тому дѣлу не дошло. Племянниковъ его, Ларкиныхъ, за ихъ воровство, что они тѣ воровскіе тетради одиѣ писалъ, а другой читалъ, въ чемъ ими и розыскивано, а съ розыску въ томъ виновныя замѣнить имъ вмѣсто наказанья тотъ розыскъ и свободить, цейхвatera Андрея Аврамова сына Щепотьева, за то, что онъ у предпомянутаго вора Ларки въ тѣхъ

воровскихъ тетратѣхъ нѣкоторые пункты читалъ оскомандирахъ, а къ Царскому Величеству и къ возмущенію некасающія я написать въ солдаты на пять лѣтъ въ армейскіе полки, для того его отослать при письмѣ къ фельдмаршалу немедленно.

Тайный совѣтникъ и капитанъ отъ гвардіи Петръ Толстой.

Отъ лейб-гвардіи майоръ Ушаковъ.

Капитанъ-поручикъ отъ бомбардиръ Григорій Скорняковъ-Писаревъ.
Марта 26-го роспортъ Авраму наказанье учинено.

Карт. 12 Царевича. Дѣло № 125.

ПРОШЕНІЕ ПОДЪЯЧАГО ЛАРІОНА ДОКУКИНА ЦАРЕВИЧУ АЛЕКСІЮ ПЕТРОВИЧУ О ВСПОМОЩСТВОВАНИИ.

Благороднѣйшему и Богомъ хранимому сыну святыя церкви и сонаслѣднику всея великія Россіи и многихъ государствъ Великому Государю Царевичу и Великому Князю Алексію Петровичу о Господѣ Божѣ радоватися нынѣ и всегда и во вѣки. Аминь.

Прошлаго 714 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ съ Москвы взять я, нижепомянутый Вашъ рабъ въ Санктпетербургъ съ приходными и расходными книгами по доношенію фискальскому изъ домишку своего и ко обличенію винѣ онъ фискаль меня ничѣмъ не приличилъ только по запискамъ подрядчиковымъ, которыя они во многіе годы по небольшому отъ своего произволу, а не изъ неволи и ни отъ какова воровства, что давали за наши приказные труды положено оныхъ дачъ на меня въ канцелярію 215 руб., а платить мнѣ нечѣмъ: убогъ, нищъ, скорбенъ и увѣченъ и старъ и приказныхъ дѣлъ нести не могу, бью челомъ объ отставкѣ.

Всемиловѣйшій, благороднѣйшій Государь Царевичъ, сынъ святыя матери нашей восточныя церкви и сопредстольникъ всея Россійскія Державы, призри благоутробіемъ щедротъ милости своея ради имени всещедраго милостиваго нашего общаго Владыки высокопрестольнаго Царя славы подаждь старцу убогому милостыню, подаждь же ми нищему на искупленіе и на освобожденіе отъ онаго положеннаго платежу, да подасть тебѣ Государю оный милостивый Владыко и небесный царь славы здѣсь и въ будущемъ вѣцѣ въ царствованіи вся благая; Вашего Величества низайшій рабъ приказу артиллеріи подъячій Ларіонъ Докукинъ. Апрѣля въ день 1715 году.

Карт. 12. дѣла о Цар. А. П. Тетрадки и бумаги Докукина.

ТЕТРАДКИ ДОКУКИНА.

Тетрадка первая.

Въ четвертую долю, на 18 страницахъ.

Начало:

+

«Выписано вкратцѣ изъ книги св. отца Григорія Богослова ко признанію мужа характера, дѣло гражданина при смѣшеніи судіи и законоположника: послѣдняго чиномъ, перваго же дѣломъ таинственнаго измета ученіе».

Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ книги.

—

Конецъ:

+

«О святіи отцы іерарши пастыріе и учителіе и всего чину богодуховеннаго молю вашей святости, простите меня грѣшнаго и паки прошу прастите мя многогрѣшнаго и недостойнаго раба своего имярека и благословите, а не кланите, что вашей святости сіе предложу. Удивляюсь азъ грѣшный величію Божию и ужасъ одержить мя смущаетъ ми сердце и умъ и вся чувства моя, аще тако святое благоволеніе его къ намъ прииде, ей нѣсмь достоинъ воззрѣти и видѣти высоту небесную и вся благолѣпія творенія руку его, зане оставилъ путь правды его и ходилъ въ воли сердца своего окояннаго и нечувствителенъ былъ на всякъ день и часъ, яко свинія въ калѣ, тако азъ убогіи во грѣсѣхъ своихъ валяясь, но Создатель нашъ Богъ творитъ елико хощетъ побѣждаетъ и естество чинъ, отъ него вся возможна отъ человекъ ничтоже, Сію книгу богословскую святаго отца Григорія Назіанзина внезапно обрѣтохъ въ домѣ нѣкотораго человека, онъ же по прошенію моему вручи ми ю и многожде трудихся по ней приобрѣлъ многоцѣнныя бисеры и сладкія душеполезныя яди, и предпоставилъ я нѣчто нѣкому мало отъ нихъ вкушающимъ, и сіе вкушеніе мнитъ ми ся инымъ въ вечерю сладчайшую, другимъ же неразумѣваю, я помышляю какъ бы утроба ихъ не огорчилась вкусомъ ихъ понеже не млекою яко младенцы питаемы, но твердою и многовидною пищею угощаема, ей истинну вѣщаю и утробою моею болю, многовидно и различно наше грѣшнее здѣшне житіе, кому уже неуподобимся быхомъ, зри читателю благочестія въ самой той книгѣ, вся изслѣдованны наши грѣшныя путіе, и по истиннѣ изобразительны стали уже на всякое мѣсто, а въ сихъ вышеписанныхъ перечневыхъ тетрадцехъ изобразуетъ только нѣкотораго мужа убога характера дѣломъ гражданиномъ, кромѣ инаго мало что, и что есть имя характеръ азъ грѣшный неразумѣю, о томъ вашего отеческаго учительства прошу вразумительства, а по послѣдованію онаго писанія явствуетъ того характера многія злыя виды горькыя и въ жизни кромѣ иныхъ; и вѣмъ такого человека или невѣмъ—Богъ вѣсть, или то благоволеніемъ Божиимъ въ тамошнихъ полестинскихъ странахъ въ прешедшихъ содѣялось годахъ, а той образъ таковой внезапно найде на насъ, и не дивно то нѣгдѣ писаніе вѣщаль единою Богъ глагола а двоя слышалъ, вы же святіи отцы истинныя поборники; симъ моимъ безумнымъ дерзновеніемъ не отришите мя отъ сыновленія и разтворите сіе благоразумнымъ своимъ досмотрѣніемъ. Аминь....»

—

Тетрадка вторая.

Выписки изъ проповѣдей святаго Григорія Назіанзина, а въ концѣ изъ псалмовъ Давида.

Тетрадка третья.

+

«Выписано кратко изъ псалмовъ хотящимъ читати и слушати въ

пользу благочестивымъ святыхъ церкви сыномъ, понеже святыхъ евангелистъ Іоаннъ Богословъ насъ грѣшныхъ своихъ рабовъ зѣло на сіе понуждаетъ откровениемъ своимъ: апокалеписисъ въ главѣ 3-й реченное Филадельфійскій церкви: напиши сіе, глаголетъ святыхъ истинный имѣя ключъ Давидовъ отверзая и никтоже затворить затворяя и никтоже отверзеть.

«Во псалмѣхъ реченное Святаго Духа усты пророка и царя Давида тако писано быша:»

Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ псалмовъ.

На апокалеписисъ.

«Отъ житія святаго отца Григорія Богослова Назіанзина реченное о мужѣ нѣгдѣ сице: мною же я якоже во всемъ сый совершенъ мужъ и сіе приѣмъ еже отъ меня похваление понеже и отцемъ любезна дѣтская нѣмованія отъ нехитростны паче происходящія мысли неже совершенныхъ твердѣйшая словеса и гордостная хитросмыслія.

Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ апокалеписиса.

+

Выписки изъ пророчествъ Ісаіи, Іереміи, Даниила и др.

Выписки изъ Григорія Богослова.

Выписки изъ библии.

Выписки изъ предисловія тріоди постной о постановленныхъ 7-мъ вселенскимъ соборомъ *анафемахъ*.

Выписки изъ псалмовъ.

Выписки изъ апостольскихъ проповѣдей и посланій.

—

Тетрадка четвертая.

+

«Величїи мои господи сопредстольнии судїи и вожди молю вашего благоутробїя не прогнѣвитесь на мя такого грубаго и безумнаго невѣжду за дерзнутіе мое сіе не могъ вытерпеть, не меня для но христа ради прїимите сіе приношеніе и внушите аще ли во истиннѣ писано или ни, въ томъ будетъ воля Божїя и вмѣсто на мя озлобленія дай Боже вамъ милостивое раствореніе. Пища поставленная сія духовная святаго отца Григорія.

Затѣмъ выписки изъ Григорія Богослова.

Въ концѣ тетради приписано отъ Докукина:

Къ сему нѣчто приложу:

«О богопоснїи отцы архипастыріе всея вселенныя великія Россїи учителя нынѣ усердно, и слезно вашей святыхъ моленіе приношу, нѣсмъ бо достоинъ парѣтися быти сынъ вашъ за сіе мое невѣрственное и безумное дерзновение и грубость, что мимо вашего отеческаго благословенія дерзнулъ и въ томъ моемъ дерзновенїи и согрѣшенїи прошу у васъ прощенїя, но есмь святыхъ церкви сынъ аще и весьма грѣшенъ но рожденъ водою и духомъ крещеніемъ святыхъ и послѣд-

ствую матери нашей восточной церкви святой, написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чимъ свыше повелѣніемъ отъ многой туги и скорби своей видѣлъ озлобленіе и преткновеніе израилевыхъ людей за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ неповинно влекущихъ, во молю стократно вашу святыню и всего освященнаго собору въ семь моежъ дерзновенія мя грѣшнаго простите и чрезъ небеснаго Царя многими святыми своими молитвами у земнаго царя прилѣжно упросите чтобъ онъ за великимъ страхомъ своимъ не повелѣлъ вамъ мя предати духовной казни дабы общій вашъ и святой церкви всегда былъ сынъ а не изчадіе, но за вашими святыми моленіи и цареву сердце будетъ въ милость преклоненіе. Притомъ буди слава Царю въ-ковъ аминь.

На особомъ листѣ.

Вопросъ тріехъ монаховъ духовнаго отца о дѣтеляхъ я же безъ милости и безъ любви.

Придоша нѣкогда тріе братія къ нѣкоему старцу въ скитъ и во-проси одинъ глаголя отче: навыхохъ ветхій и новый законъ изоустъ; и отвѣщавъ старецъ рече ему: исполнилъ еси аеръ словесы и нѣтъ ти пользы, и второй вопроси его глаголя: азъ ветхій и новый законъ из-писахъ себѣ, и отвѣща старецъ рече ему: а ты окофа исполнилъ еси кожами и нѣсть ти пользы; и третій рече: а мнѣ на огнищи возрасло есть быліе. И отвѣщавъ старецъ рече ему: а ты страннолюбіе отгналъ еси отъ себѣ и нѣсть ти пользы; но аще хотите спастися имѣйте ко всѣмъ любовь, и милости прилежите. Отъ любви паки нѣсть усумнѣ-ніе, ибо тоя Господь во первыхъ отъ насъ трѣбуетъ, зане первую за-повѣдь ту положи чловѣкомъ: возлюбихи глаголя, Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею и всею мыслию твоею; вторую же даде той подобную возлюбихи искреннаго твоего яко самъ себѣ; въ сихъ обоихъ заповѣдехъ весь законъ и пророцы висятъ. О ми-лости глаголетъ царь и пророкъ Давидъ (стих. 18) яко предъ лицемъ Господнимъ предстоитъ: милость и истинна предъидутъ предъ лицемъ твоимъ и паки: милость и судъ воспою тебѣ Господи, но и Божіе че-ловѣколюбіе ни въ чемъ иномъ воздается, развѣ еже къ просящимъ милостыни. Блаженни бо речеть милостиви, яко ти помиловани будутъ. Блаженъ убо рече разумѣвая на нища и убога — и благъ мужъ милуяй и даяй. Будемъ убо и мы блази, милующе и дающе и восхо-щемъ разумѣвше на нища и убога воззватися разумни. По истиннѣ бо и въ лѣпоту таковой разумень именуется. Иже подобное разуму къ нищимъ и дѣломъ показуя. Еще же учитъ насъ Господь въ святомъ евангеліи, сотворите себѣ друга отъ мамы неправды да егда оску-дѣете, примутъ вы въ вѣчныя кровы, о самомъ томъ Христъ Господь нашемъ Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки аминь.

На оборотѣ.

И принесутъ славу и честь языковъ вонь и неимать вонь вните всяко скверно и творящее мерзость и лжу но токмо написани въ кни-зѣ живота агичей.....

Прислано отъ отца Д. М. Н.

На особомъ листѣ.

+

Божественное писаніе глаголетъ слушателие православія Что есть человекъ яко помниши его или сынъ человѣчскій яко посѣщаеши его умалилъ еси его малымъ чѣмъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлъ руку твою все покорилъ еси ему подъ нозѣ его ничтоже остави ему непокорена суть всяческое, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовласну повелѣно ему быти.

Сверхъ того въ бумагахъ Докукина: Молитвы сочиненныя имъ:

- 1) Святымъ Архангеломъ, Ангеломъ и всѣмъ небеснымъ силамъ.
- 2) Милостивому Господу и Богу нашему Иисусу Христу.
- 3) Пресвятой Госпожѣ Царицѣ Владычицѣ Богородицѣ.

—

Повѣсть духовнаго содержанія: вопросъ трехъ монаховъ духовнаго отца о дѣтеляхъ, яже безъ милости и безъ любви.

—

Выписка изъ житія святаго отца Никона патріарха московскаго (стр. 197).

—

Записка для поминовенія: «родъ подьячаго Маріона Докукина: помни Господи: о здравіи и о спасеніи Іоанна, Иларіона, Феодора и ихъ сродниковъ».

«За упокой: схимонахини Елены, Наталей 2-хъ, Тихона, Сильвестра, Даріи, Ирины, Ксеніи, Михаила, Анисима, Никифора, Корнилія, Симеона, Василія и ихъ сродниковъ представившихся». (Между стр. 260 и 261).

—

Молитва Богородицѣ сочиненная Докукинымъ, на большемъ листѣ и на оборотѣ выписки изъ Григорія Назіанзина.

—

ПЕЧАТНОЕ КЛЯТВЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ.

Клятвенное общаніе:

Я ( ) общаюсь предъ святымъ Евангелиемъ, что понеже чрезъ грамоту всемилостивѣйшаго нашего царя и государя Петра Алексѣевича всероссійскаго, объявлено за важныя причины лишеніе наслѣдства престола всероссійскаго сыну его царевичу Алексѣю Петровичу, и объявленъ въ наслѣдники онаго престола другой сынъ его царскаго величества, государь царевичъ Петръ Петровичъ. Того ради

клявусь Всемогущимъ Богомъ въ Троицѣ славимымъ, что я то его царскаго величества опредѣленія за правдивое признаваю, и оному во всемъ повиноваться буду, и помянутаго опредѣленнаго въ наслѣдство сына Его Царевича Петра Петровича за истиннаго наслѣдника признавать, и во всякомъ случаѣ за его стоять и съ положеніемъ живота своего противъ всѣхъ тѣхъ которые сему противно чинить бы дерзнулъ, неоставлю.

Царевичу же Алексію Петровичу ни въ которое время и ни подъ какии предлоги къ тому наслѣдству вспомогать, и его стороны держать не буду, и на томъ яко выше объявлено клянусь христіанскою совѣстью и судомъ Божиимъ предъ святымъ Евангеліемъ и цѣлую святыи крестъ и подписуюсь собственною моею рукою.

(На этомъ печатномъ листѣ сдѣлана слѣдующая надпись Докукинъмъ):

Святымъ пречестнымъ Евангелію и животворящему Христову кресту поклонюся и лобызаю нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ, а за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а за неповинное отлученіе и изгнаніе Всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго Государя Царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божиимъ и пресвятымъ Евангеліемъ не клянусь и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственною своею рукою не подписуюсь, еще кому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти во свидѣтельство изрядное, хотя за то и царской гнѣвъ на мя произлетѣтъ, буди въ томъ воля Господа моего Исуса Христа по воли его святой за истинну азъ рабъ Христовъ Иларіонъ по реклу Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь.

Изъ тетрадей *подъячаго Докукина.*

Глаголетъ псаломникъ: «Господи возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селеніе славы Твоея».

Нынѣ о святей отцы и братіе восхвалимъ и мы своими мысленными сердца добрыхъ подвигоположниковъ домовъ святыхъ строителей якоже о нихъ долъгъ всегда приносится Христу Богу во святыхъ церквахъ Божіихъ повсюду.

Видимъ какъ издревле все великой Россіи и по всей селеній оныя создателие святыя отцы и пустынножителіе иже праведными своими трудами и потами не отъ сокровищъ великихъ, но помалу и въ пустыхъ мѣстахъ церкви и обители святыя созидали и за такія свои подвиги и труды здѣсь велію отъ насъ честь, пачежь и въ будущемъ вѣцѣ неугасныя вѣнцы и славу отъ Бога себѣ воспріями.

Другія и отъ міру всю свою земную честь и славу во ничто же вмѣнили и премногое свое сокровище движимое и недвижимое на созиданія оныхъ святыхъ церквей и монастырей себя истощили, отъ чего всю селенную паче-жь великій сей царствующій градъ Москву и всѣ Россійскія грады и страны христіанскія яко небо звѣздами, тако святыми церквами и монастырями украсили и благочестіе тѣмъ просвѣтили. Достойно, отцы и братіе, сихъ и мы купно съ матерією нашею святою церковію честно воспоемъ и праведному ихъ житію послѣдуемъ. Дадимъ и мы отъ жребоданія ихъ своихъ хотя мало что токмо съ усердіемъ и пріятно Создателю нашему вмѣнитца, какъ и вдовы двѣ лѣпты пріятны ему суть.

Но нынѣ отцы и братіе мало зримъ отъ насъ созидающихъ ей ма-

ло и скудно онымъ первымъ послѣдующихъ и весьма умалилось и о простите мя Бога ради, что дерзко азъ невѣждо отъ безумія своего изношу, но болѣзнуя отъ сердца своего, вамъ сіе рѣку нѣсмъ только созидающихъ, что расхищающихъ отъ грабителей, воровъ, разбойниковъ татей ношныхъ и тайно своихъ дневныхъ святократцовъ оскудѣли святя церкви благолѣпиемъ. Глаголю же книхъ своихъ святократцовъ тайно дневныхъ отъ зборщниковъ и хищниковъ, строителей обманщиковъ, не имѣющихъ въ себѣ страха Божія, тайно собранное отъ церкви Божіи похищаютъ, не сокровище похищаютъ, но огнь себѣ невещественный готуютъ, и не въ Бога богатѣютъ, но злѣ чреву своему изжди-ваютъ, а христоробивымъ подателемъ тцету содѣваютъ, но намъ христоробицы нѣсть бо рѣши на ползу сіе единъ Богъ сердцевѣдецъ и судія онъ всякому грѣху, а не мы отъ сего погрѣшенія, да избави насъ Господь Богъ своею благодатию.

О благочестія рачители и любимыи мои Господіе, молю вашего о Христѣ Безѣ блатородія, поревнуемъ онымъ добрымъ дѣломъ святымъ отцемъ пустынножителемъ и всякаго чина святыхъ домовъ строителемъ, како они за оныя свои труды въ будущей жизни во упокоеніи отъ Бога прославляеми и отъ насъ христоробцовъ здѣ почитаеми есть ли ныне таликое число христоробивыхъ рачителей и къ святымъ домомъ усердно подвигоположниковъ уже ей не талико обретаецца строителей елико умножаетца хищниковъ богоотступниковъ еретиковъ, раскошечковъ святыхъ церквей, ругателей, опустошителей рода христіанскаго ненавистниковъ, гонителей и тайно мучителей, зѣло зло такихъ умножилось и отъ часу паче множитца, вѣзли татски во овчье стадо обуяли, распудили и отторгли не малую часть душъ христіанъ. Да пресе-чегъ ихъ Христось Богъ злокозненное ухищреніе, обаче мои Господіе и любимицы помните своего Владыки Христа Бога рѣченное слово: о христоробивый роде, не бойся малое мое стадо лучше вы и есте и нѣсть рабъ болій Господа своего, аще слово мое соблюдутъ — и ваше соблюдутъ, аще мене изгнаша — и васъ изжденутъ, но сія вся творятъ намъ за имя Его и пакы молю васъ христоробицы, не убойтеса сего, станемъ бодрѣствонмъ изтрезвимся и на супостатовъ своихъ враговъ крестомъ Христовымъ вооружимся симъ оружіемъ, побѣдимъ немощную ихъ злокозненную силу, пойдемъ во слѣдъ учителя своего Христа и да любимъ другъ друга, отвержемъ отъ себя всякую злобу и ненависть, дадимъ гнѣву мѣсто, прибѣгнемъ къ покрову своему и неосборимой стѣнѣ, рекше во храмъ Божій на молитву, воздержимся отъ пїянствъ и грабленія рукъ, освятимъ постъ, дадимъ милостыню, стяжимъ въ терпѣннѣ души наши да здѣсь вмалѣ Бога ради — вся претерпимъ, а въ будущемъ вѣцѣ неизреченную радость воспринемъ: слава Христу Богу нынѣ и всегда во вѣки. Аминь.

О, всемилостивая Госпоже Царица Владычица Богородица! молим-тися мы грѣшніи рабы Твои, аще и недостойни суть по дѣломъ своимъ, но въ надѣяннѣ есмы великой милости Твоей, яко Мати всемогущаго Христа Бога нашего свобождаеши насъ и души наши всегда отъ ловящихъ сѣтей вражнхъ свободи убо и свой образъ святыи съ Превѣчнымъ Младенцемъ держимымъ, имъ же вся вселенная содержится яко плѣнныхъ изъ дому оныхъ живцовъ Аѳонасіева, по реклу Тимирязева и супруги его, но вина есть въ томъ запеншаго ихъ, а не сущая ихъ, и даруй намъ, милостивая Госпоже, отъ сѣтованія порадованіе, пренеси его по своему благоутробію въ храмъ Божій, яко же волиши гдѣ отъ насъ грѣшныхъ обѣцано ему быть. Аминь, аминь, аминь.

Изъ тетрадей подъячю Докукина.

Возмутительное письмо, которое Докукинъ хотѣлъ прибить у Троицкой церкви.

Божественное писаніе глаголетъ слушателие православныя:

Что есть человекъ яко помниши его или сынъ человеческій, яко пощадеши его, умалилъ еси его малымъ чинъ, отъ ангель славою и честью вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею, вся покорилъ еси ему подъ ноузъ его, ничто же остави ему непокорена суть всяческая, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовластну повелѣно ему быти.

Что смѣемъ отвѣцать противу слово сего отъ новаго Израиля и Іерусалима, живущія во благодати сирѣчь во Христовѣ вѣре царствующаго града Москвы и прочихъ Россійскихъ градовъ жительствующія речемъ ли, что противу силы оного божественного писанія или оставимъ, естли нынѣ вѣрно намъ слово сіе или ни отвѣцаемъ ли что или положимъ устомъ своимъ хранило понеже стако противу рожна прати.

Удивленію велию достойно такую дарованную намъ отъ Бога честь и власть человекомъ браннымъ и маловременнымъ живущимъ на земли ангеламъ земнымъ небеснымъ человекомъ уподоблены быхомъ.

Но зрите о православныи христіанскій родъ како мы отъ звисца и губителя своего діавола древлего нашего супостата здѣсь живущи на земли отъ оного Божественного дара многія отрѣзаеми и свободной жизни лишаеми, гоними изъ дому въ домъ изъ мѣста въ мѣсто изъ града во градъ оскорбляеми, озлюбляеми, домовъ и торговъ и земледѣства также и рукодѣства и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ пацехъ и христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всакого во благочестіи живущихъ состоянія и грацкихъ издревлѣ уставленныхъ законовъ лишились, о суетныхъ своихъ дѣлахъ и влѣстныхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званія нашего словаискаго языка и пятаъ перемѣнили главы и брады обрили и персоны свои ругательски обезчестили; нѣтъ въ насъ вида и доброты и разнствія сѣиновѣрными языки, купно съ ними пиришествуемъ ядимъ пиемъ веселимся живемъ и пострѣаемъ якоже сушно съ своими христіаны тожде и съ ними иновѣрными языки и съ иными бесурманы послѣдствуемъ ихъ правомъ и закономъ забывъ страхъ Божій и христіанскія законы уничтожили, среды пятка и постовъ . . . . равную съними пищу ядимъ смѣсишася языкомъ и дѣломъ ихъ навыкоша а свои христіанскія обѣты опровергоша и господина своего оплотъ весь окрадоша и правый путь у насъ изчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша и въ земли забвеніи погибоша а отъ востоку очи свои зажмоша и глезнѣ свои въ бѣгство на западъ обратиша и неудобной стремниной путь себѣ многими трудами и потами приобрѣтоша, свободныя власти и чести по оному божественному писанію дарованныхъ намъ отъ Бога отпадоша, видимъ дѣломъ совершаемо а неписму сему послѣдуемъ. Древета самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговыя и завоцкія промыслы отняты многія и вездѣ бѣдами погружаемы, на правеехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и не . . . . оброковъ налагаемыхъ гладомъ и стоеваями и многія отъ того умершвялеми, дома и приходы запустѣли, святыя церкви обетщали древодѣлей и каменосѣтцовъ отгнали плінеы на созиданія святыхъ божіихъ церквей и домовъ дѣлать заказали на воздухъ пути намъ къ жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути не сыскали, а приа

шелцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыповленіе себѣ воспріяли и всѣми благими ихъ наградили а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежехъ и с податей своихъ голодомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество наше пресловущія грады и драгія винограды рѣкше. Святія церкви опустошили, и что иное рѣщи и писанія неудобно изнести удобнѣе устною своимъ ограду положить но велии сердце ми болить видя опустошенія Новаго Іеросалима и людѣ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами.

Но все то найде намъ скорбь и туга велія позависти діавольской и пришелцевъ иновѣрныхъ языковъ вѣзли окоянніи татски яко хищницы волцы въ стадо христово уже и не малую часть отторгли яко звѣздъ небесныхъ тако душъ христіанскихъ въ свою прелесть погибельную хотя родъ христіанской искоренить аще Богъ злонравіе ихъ языческое неперекратитъ но да сбудется псаломское рѣченное слово во утрія избѣша вся грѣшныя земли еже потребити отъ града Господня вся дѣлающія беззаконіе, небо и земля ирейдуть а слово Господне непреидеть.

По сія вся намъ творять за имя Господа нашего Іисуса Христа, поминайте слово рѣченное нѣсть рабъ болій Господа своего аще слово мое соблюдутъ и ваше соблюдутъ аще меня изгнаша и васъ изжденутъ, еще повторяю рѣченное слово Господне птицы небесныя гнѣздѣ, лисіи язвыны имуть, Сынъ же человѣческій не имѣлъ гдѣ главы поклонити блаженни изгнании правды ради, блаженни плачущи яко тѣи утѣшатся.

О благочестивые и христоклюбивые избранные людіе Божіи многотрудники и страстотерпцы и таинственные мученики не ужасайтесь и не отчаявайтесь милости Божіей но вся сія намъ по воли Его святой строятца за умноженіе нашихъ грѣховъ и за сіе наше страданіе аще благодарно стерпимъ отпустить Создатель нашъ Богъ вясцей намъ долъ и ущедритъ великими своими богатыми дарами и неизрѣченною милостію токмо потерпите Господа ради мало еще потерпите не страданія противъ будущаго воздаянія ни радость безъ наказанія ни печаль безъ утѣшенія, всегда по печали жди радости, не оставляетъ бо Христосъ жезла на жребіи своемъ гдѣ умножитца грѣхъ преизобилуетъ благодать якоже болящая жена хотяще родити тако и Богъ на грѣшныя свои люди кающіяся хоцетъ свою благодать изліати токмо несумненно вѣруемъ Ему и спасемся о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ купно со Отцемъ и Святымъ Его Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ аминь.

СТЕПНАЯ ОХОТА.

II.

Таргунь. Мельникъ Сомовъ. Утопленникъ. Хуторъ Вороны. Вотъ она настоящая степь. Охота.

Быстро и плавно катились наши тарантасы по ровной и гладкой степной дорогѣ. Нѣсколько разъ останавливались мы; то стрепеть съ свистомъ поднимался впереди, то степной куликъ вился надъ нашими головами, то сурокъ, сидящій у своей норы, обращалъ на себя вниманіе; ни что не пропускалось безъ выстрѣда; а Петръ мастерски убилъ драхву изъ своей уродливой винтовки. Мы отъѣхали отъ слободы уже болѣе пятидесяти верстъ. Убили на пути штукъ десять различной степной дичи. Въ это время Николай Федоровичъ разсказалъ мнѣ краткую біографію Француза, сопровождавшаго насъ на охоту.

Изъ этого разсказа я узналъ, что г. Вало, — уроженецъ Дижона, — пріѣхалъ изъ Парижа съ княземъ Ч....., въ качествѣ камердинера и парикмахера, что черезъ годъ за пьянство выгналъ его князь изъ своего дома, и бѣднякъ тотчасъ-же поступилъ учителемъ къ одному помѣщику, потомъ

къ другому и къ третьему, но нигдѣ не уживался болѣе года.

Потомъ Французъ нашъ, изъ наставника русскаго юношества, превратился въ дворецкаго; потомъ открылъ онъ въ какомъ-то губернскомъ городѣ залъ для бритья и стрижки волосъ, стригъ и брилъ всѣхъ на пропалую; но, не довольствуясь доходами отъ этого ремесла, онъ открылъ у себя что-то въ родѣ игорнаго дома, попалъ въ руки полиціи, та *compte de raison*, не помрачая своей славы, распорядилась съ нимъ по своему, сдѣлала изъ цирюльника опять гуввернера и помѣстила его въ домъ одного важнаго лица.

Почти два года восхищалось это лицо отличнымъ выговоромъ и ловкостью своего Француза; сквозь пальцы смотрѣло на его нетрезвую жизнь; но въ одно прекрасное утро, послѣ одной несчастной ночи, хозяйинъ дома, въ припадкѣ какого-то бѣшенства, за пьянство высѣкъ Француза розгами; а когда тотъ осмѣлился обидѣться такимъ отеческимъ попеченіемъ о его нравственности, — вытолкалъ его изъ дома, конечно не заплативъ слѣдующаго ему жалованья; и съ того времени, Французъ живетъ у Николая Ѳедоровича въ качествѣ какого-то домашняго секретаря, шута, егеря и проч. и проч...

Солнце опускалось, лучи его уже ложились по широкой степи, когда мы выѣхали на такое пространство, на которомъ не видѣлось болѣе ни загона вспаханной земли, ни воловъ, выпряженныхъ изъ плуга, ни дымка, поднимавшагося отъ очага хохла пахаря или атарщика (*) съ его вольными стадами; мы обружены были степью со всѣхъ сторонъ.

— Кажется теперь мы уже въ настоящей степи? обратился я къ Николаю Ѳедоровичу.

— Что вы, мой любезнѣйшій, какая это еще степь? развѣ вы не видите кургановъ и сурчинъ, которыми покрыто чуть не все поле? развѣ на настоящей степи есть такіе пестрые узорчатые ковры изъ тюльпановъ? а воцъ посмотрите, виднѣются высокія ветлы, и Николай Ѳедоровичъ указалъ далеко впередъ.

(*) Атарщикъ — пастухъ.

— Это сомовская мельница, до нея небольшое шести верстъ осталось, продолжалъ онъ. Здѣсь надо намъ остановиться; солнце уже на закатѣ, подождемъ не болѣе получаса, можетъ быть стрелета затокуютъ?

Сказано—сдѣлано. Экипажи остановились.

— А я только-что хотѣлъ вскричать вамъ, говорилъ старикъ Дергачъ, подойдя къ нашему тарантасу; думалъ, что вы пожалуй забыли или заговорились, что долго не останавливаетесь.

— Да вѣдь до мельницы будетъ еще верстъ шесть;—довольно мѣста, чтобы вдоволь натѣшиться.

Всѣ мы вылѣзли изъ тарантасовъ, и я съ удивленіемъ замѣтилъ около Дергача, вмѣсто его уродливаго легаша, чрезвычайно красивую, вислоухую борзую собаку. Тутъ только объяснилъ онъ мнѣ, что стрѣлять изъ винтовки уже не можетъ, «глаза измѣняются и рука нетверда стала», говорилъ старикъ, такъ и осталась одна только утѣха; «вотъ они еще забавляютъ, спасибо имъ, продолжалъ онъ,» поглаживая своего любимца Нарзана, и громкимъ свистомъ подозвавъ свою Пальму, проворно соскочившую съ дрогъ, и вмигъ очутившуюся у него на груди. «А собачки-то недурны; хоть-бы въ царскую охоту», прибавилъ старикъ, самодовольно улыбаясь; «въ степи уходца не знаемъ! что ни побѣги, все въ торокахъ! хвастать не буду, сами увидите.»

Въ это время Николай Федоровичъ распорядился экипажами; онъ приказалъ имъ подъ надзоромъ Семена ѣхать на мельницу, лошадей хорошенько выкормить, да приготовить чай и чегонибудь поужинать; а Сомова просить, чтобы онъ выслалъ навстрѣчу намъ какіянибудь дроги.

Медленно удалились отъ насъ шагомъ наши тарантасы, изрѣдка долеталъ еще до насъ лѣнивый звонъ колокольчика; солнце все болѣе и болѣе погружалось своими лучами въ степную даль, а мы стояли все еще на мѣстѣ, дѣлая приготовления къ охотѣ; Петръ, положивъ свою винтовку, подтягивалъ подпруги у осѣдланной лошади нашего старика дидо, который толковалъ мнѣ: какъ мы пойдемъ, что намъ будетъ попадаться, и какъ надо вообще дѣйствовать при такой охотѣ.

*

— Вонъ, видите вдали темную полосу? говорилъ онъ, — это Таргунъ виднѣется; такъ мы и захватимъ всю степь между рѣкою и нашею дорогою, да такъ прямо на мельницу и пойдемъ впередъ.

Съ послѣдними словами старикъ молодцомъ сѣлъ на своего коня, поправилъ кафтанъ, и всѣ тронулись съ мѣста. Мы стали расходиться на полъ-версты разстоянія, такъ что Николай Ѳедоровичъ съ ружьемъ и двумя собаками остался на флангѣ около дороги, около него ѣхалъ дидо, далѣе я, а за мною Илья, потомъ Французъ и наконецъ Петръ; который долженъ былъ спуститься къ самому Таргуну. Но не успѣли мы еще занять свои мѣста и составить линію, какъ въ двадцати шагахъ отъ меня вскозили съ обычнымъ свистомъ пара стрепетовъ; раздались два выстрѣла, и обѣ птицы упали на мягкій ковыль.

— Важно! вскричалъ Дергачъ; начало хорошее, такъ и во всей охотѣ путь будетъ.

Мы разровнялись какъ было сказано. Тотчасъ послѣ моихъ выстрѣловъ, слышались со стороны Таргуна крики веретенниковъ, свистъ куликовъ и кроншнеповъ, летѣвшихъ намъ навстрѣчу. По расположенію нашей цѣпи, эта охота досталась на долю Француза и моего Ильи. Они безжалостно клали въ ягдтажи одну птицу за другою, — стрѣлять ихъ не трудно, какъ извѣстно каждому охотнику. Отъ самой рѣки слышались также частые выстрѣлы Петра. На нашемъ флангѣ было тихо въ теченіи четверти часа. Медленно и осторожно подвигались мы впередъ. Наконецъ раздался выстрѣлъ Николая Ѳедоровича, — онъ убилъ токующего стрепета, и вслѣдъ за этимъ дидо поскакалъ впередъ, — вдали я увидѣлъ какого-то звѣря, къ которому съ изумительной быстротою слѣшили борзья собаки. Въ нѣсколько мгновеній они его догнали, и въ то время какъ Дергачъ вторачивалъ затравленнаго имъ хорсака, я услыхалъ не вдалекѣ свистъ сурка, сидящаго на заднихъ лапкахъ, на низкомъ курганѣ. Я окликнулъ свою собаку, и сталъ осторожно подходить къ нему; мнѣ казалось, что я былъ уже на выстрѣлѣ; я приложился, спустилъ курокъ и звѣрокъ исчезъ; но когда я подбѣжалъ къ тому мѣсту, я увидѣлъ, что онъ скрылся

ся въ нору, въ устьѣ которой замѣтно только было нѣсколько капель крови.

Только впоследствии я узналъ, что сурка убить дробью нѣтъ никакой возможности. Они никогда не удаляются отъ своей норы болѣе 20 сажень, а при ранѣ дробью всегда сохраняютъ столько силъ, чтобы добраться до своего подземнаго жилья, гдѣ болшею частью излечиваются отъ своихъ ранъ; поэтому ихъ стрѣляютъ обыкновенно небольшою пулей изъ винтовки.

Для читателей моихъ, не знакомыхъ съ степной природой, здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ какъ объ этомъ небольшомъ, очень занимательномъ звѣркѣ, такъ и о хорсагѣ, жизнь и нравы которыхъ еще мало изслѣдованы нашими натуралистами.

Сурки нашихъ заволжскихъ и донскихъ степей по наружному ихъ виду отличаются отъ всѣхъ прочихъ только большимъ ростомъ, и цвѣтомъ шерсти болѣе бѣлѣсоватой, такъ что иногда встрѣчаются цѣлыя семейства сурковъ совершенно бѣлыхъ, какъ лебяжій пухъ. Но въ жизни и нравахъ ихъ есть очень много особеннаго и достойнаго вниманія г.г. зоологовъ.

Эти сурки живутъ обыкновенно въ степяхъ ковыловыхъ, т. е. первобытныхъ. По мѣрѣ населенія и распашки известнаго обитаемаго ими пространства, они удаляются отъ вновь возводимыхъ селеній все далѣе и далѣе въ степь. Поэтому казалось бы, что животное это должно быть очень дико; но, напротивъ, никакой звѣрь не привыкаетъ такъ скоро къ человѣку, не дѣлается, какъ онъ, совершенно ручнымъ, не болѣе какъ въ нѣсколько дней. Я самъ видѣлъ стараго сурка, который, на шестой день послѣ его поимки, подходилъ уже къ рукамъ, бралъ изъ нихъ яблоко и сахаръ, которые тутъ же съѣдалъ, садясь на заднія лапки, а передними поддерживая и поворачивая свою добычу. Сурки живутъ въ норахъ всегда семействами, состоящими обыкновенно изъ двухъ стариковъ, изъ двухъ, а иногда и трехъ молодыхъ и годовалыхъ дѣтенышей. Цѣлый день сидятъ они въ своихъ норахъ, рѣдко случается увидать старика, посвятившаго около самага отверстія; но какъ только

солнце начинаетъ склоняться къ западу, вся семья выбирается на чистый воздухъ: молодые играютъ кругомъ норы, а старики степенно сидятъ на заднихъ лапкахъ, ожидая сумерекъ; тогда отправляются они на добычу, и нерѣдко проводятъ въ этомъ занятіи цѣлую ночь, но никогда не отходятъ отъ норы далѣе пятидесяти или немного болѣе саженъ; на утренней зарѣ они опять всѣ около своей норы, и когда солнце начинаетъ уже сильно пригрѣвать, они прощаются съ дневнымъ свѣтомъ и убираются на отдыхъ, въ свое прохладное подземелье. Правдивый старикъ хохоль, охотникъ до всего, и испытатель природы въ своемъ родѣ, рассказывалъ мнѣ, что ему случалось нѣсколько разъ видѣть въ лунную ночь, какъ сурки, цѣлыми семьями, ходятъ въ гости къ своимъ сосѣдямъ, и какъ затѣвается у нихъ тогда игра цѣлымъ обществомъ, въ которое соединяются иногда по три семейства, живущія не вдалекѣ одно отъ другаго.

Такъ проводятъ степенные сурки лѣто; а съ августа мѣсяца они начинаютъ уже собирать свой запасъ, состоящій преимущественно изъ корней нѣкоторыхъ степныхъ растений. Замѣчательно, съ какою акуратностью и правильностью располагаютъ они свои запасы въ совершенно особомъ отдѣленіи норы, и какъ хорошо сохраняются они тамъ до марта мѣсяца, — до времени, когда начинаютъ уже употреблять ихъ въ кормъ. Тотъ же охотникъ увѣрялъ меня, что всѣ свои запасы, передъ уборкою ихъ въ нору, сурки просушиваютъ на солнцѣ по нѣскольку дней. Собираемые ими корни принадлежатъ различнымъ растеніямъ, смотря по мѣстности; но почти во всѣхъ разрываемыхъ мною норахъ, въ различныхъ мѣстахъ за Волгою, близъ Дона и Медвѣдицы, я вездѣ встрѣчалъ одинъ и тотъ же корень, очень похожій на небольшія шишки георгинъ; никто не могъ мнѣ сказать, какому именно растенію они принадлежатъ; корни, добытые мною изъ сурчинъ, я варилъ и пробовалъ ихъ; на вкусъ они сходны съ шишковатою земляною грушею.

Зимомъ, съ декабря по мартъ, сурокъ съ своимъ семействомъ, не только не выходитъ изъ своей норы, но и въ ней онъ постоянно лежитъ въ какомъ-то забытій и расслабленіи; въ это время онъ ѣстъ только одинъ или два раза

во всё три мѣсяца, и для этого дѣлаетъ особый небольшой запасъ, который зарываетъ въ сухую траву, заготовляемую имъ въ норѣ для своего логовища.

Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ приходитъ, такъ сказать, въ нормальное положеніе. Какъ-то грустно тогда смотрѣть на него: шерсть на бокахъ у него облѣзаетъ, онъ дѣлается худъ до невѣроятности, и обезсиливаетъ до того, что едва передвигаетъ ноги; въ это время онъ подкрѣпляетъ свои силы, питаясь осенними запасами.

Кто не видалъ и не разрывалъ самъ сурчинъ (сурочьихъ норъ), тотъ съ трудомъ повѣритъ, сколько обдуманности, сколько соображенія обличаетъ устройство такой норы. Сурчина, отъ отверстія ея идетъ обыкновенно прямою трубою вершковъ 4—5 въ діаметрѣ, — въ длину отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ и оканчивается пещеркой, имѣющей до 1½ аршина въ основаніи и до трехъ четвертей въ вышину. Отъ такой пещерки идутъ, немного наклонно, вправо и влѣво двѣ норы, болѣе полуаршина въ діаметрѣ, и каждая изъ нихъ на 1½ аршина оканчивается опять такою же пещеркой, какъ первая; а прямо передъ входной норой продолжается опять такая же нора на 4, 5 и даже 6 аршинъ и непременно до тѣхъ поръ, пока упрется она въ водоносную жилу.

Вотъ почему при поселеніяхъ въ степи обращаютъ вниманіе на сурчины: «гдѣ ихъ много, тамъ есть подъ землею прѣсная вода,»—это правило или примѣта, извѣстная всемъ степнякамъ. По этой же самой причинѣ, ближе къ степямъ внутренней киргизской орды, въ мѣстностяхъ между Узенями и Елтонскимъ озеромъ, сурковъ гораздо менѣе и норы ихъ виднѣются изрѣдка грядами только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть жилы прѣсной воды, но еще ниже къ югу, около соляныхъ грязей, сурковъ уже и вовсе нѣтъ, потому, что тамъ нѣтъ другой воды, кромѣ горькосоленой.

Обратимся еще разъ къ сурчинѣ. Не трудно догадаться, что одна изъ боковыхъ пещерокъ служитъ суркамъ для ихъ пріюта, а другая для ихъ запасовъ; но въ норахъ старыхъ сурковъ находится всегда еще третья небольшая боковая пещерка, гдѣ помѣщаются отдѣльно годовалые дѣтеныши, которые только въ двухъ-лѣтнемъ возрастѣ, примс-

кавъ подругъ, покидаютъ родительское подземелье и устраиваютъ себѣ отдѣльную нору. По увѣренію того-же старика охотника, сурки живутъ до двадцати и болѣе лѣтъ.

Много уничтожаютъ сурковъ промышленники охотники, пользующіеся ихъ шкурами и жиромъ; но еще болѣе злые враги и истребители ихъ—это степная лисица и хорсакъ. Первая изъ нихъ подкарауливаетъ несчастныхъ байбаковъ (*) во время ихъ ночныхъ прогулокъ и на промыслѣ; а послѣдній, по росту своему имѣя возможность проникнуть въ сурчину, не рѣдко понуждаемый голодомъ, рѣшается на такой подвигъ, который впрочемъ рѣдко обходится ему безъ двухъ или трехъ ранъ, но хотъ одного изъ сурочей семьи онъ всетаки похитить. Часто хорсакъ, какъ нибудь выбитый изъ своей норы, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ объ уничтоженіи цѣлаго семейства сурковъ только для того, чтобъ занять его подземелье, и тѣмъ избавить себя отъ необходимости самому работать надъ устройствомъ своего жилища. А какъ нора хорсака имѣетъ всегда *отнорки*, то есть два или три выхода, то въ сурчинѣ предстоитъ ему сдѣлать такіе изъ боковыхъ пещерокъ. Хорсакъ принадлежитъ къ породѣ лисицъ и составляетъ по росту самый малый видъ этого рода. Онъ немного болѣе обыкновенной кошки; шерсть на немъ довольно жесткая, цвѣта сѣровато-бураго; живетъ онъ постоянно близъ своей норы, куда укрывается отъ непогоды и полуденнаго жара, но большую часть дня и ночи проводитъ на чистомъ воздухѣ, отходя иногда за версту отъ норы, для присканія добычи; во время такой фуражировки, хорсаки нерѣдко дѣлаются добычей охотниковъ, которые преслѣдуютъ ихъ осенью съ ружьями, съ собаками, а Киргизы съ ихъ ястребами и беркутами.

На такой-же фуражировкѣ засталъ Дергачъ и того хорсака, котораго онъ только что второчилъ, и стоитъ теперь на курганѣ, поджидая насъ.

Я шелъ прямо къ нему, чтобы взглянуть на затравленнаго звѣря, и подходя къ небольшому кусту бобовника, (**) я

(*) Сурокъ по малороссійски—байбакъ.

(**) Бобовникъ—степной миндаля, дикой персикъ.

завернуть въ него безъ всякой особенной цѣли, какъ вдругъ изъ подъ самыхъ ногъ моихъ поднялась драхва, которая такъ испугала меня своимъ неожиданнымъ появленіемъ, что въ десяти шагахъ отъ нея я *пропуделялъ* изъ обоихъ стволовъ. Сильно забилося мое сердце отъ досады и испуга. По осмотрѣ мѣста оказалось, что драхва поднялась съ гнѣзда, въ которомъ лежало уже два яйца. Я не хотѣлъ—было ихъ брать, но увидавъ, что Французъ, подошедъ къ сѣвшей передъ нимъ птицѣ, убилъ ее, я вернулся и вынулъ ихъ изъ гнѣзда; яйца были величиной съ яйцо индѣйки, и почти тако-го-же цвѣта, только нѣсколько зеленатаго.

Такъ подвигались мы всею нашею цѣпью понемногу впередъ. Выстрѣлы слышались довольно часто, охота была преимущественно на стрепетовъ, которые при закатѣ солнца начали токовать во всѣхъ сторонахъ. Я убилъ ихъ шесть штукъ, драхву и кроншнепа, и такъ изнемогъ подъ ихъ тяжестью, что съ удовольствіемъ увидалъ приближающіяся къ намъ дроги, высланныя съ мельницы, до которой оставалось еще версты три.

Я направилъ—было мой путь къ нимъ навстрѣчу, чтобы скорѣе сложить свою тяжелую ношу, но въ это самое время послышались вдали крики, потомъ увидалъ я, что шедшій въ верстѣ отъ меня Илья побѣжалъ вдругъ впередъ съ крикомъ «береги, улюлю, улюлю»; тутъ только разсмотрѣлъ я въ полуверстѣ впереди лисицу, бѣжавшую по направленію къ дрогамъ. Тотчасъ же замѣтилъ ее и Дергачъ, и тронулъ свою лошадь; собаки впились въ нее глазами и быстро понесли за ней. Замѣтивъ врага, лисица измѣнила свое направленіе, и въ самое то время, какъ Нарзанъ хотѣлъ ее схватить, — лисица исчезла. Подойдя къ этому мѣсту, мы увидали какую-то нору, въ которую она скрылась, а жадныя собаки съ визгомъ скребли около нея землю и съ злобой заглядывали въ ея глубь.

— Ушла, каналья! съ досадой говорилъ Дергачъ, стоя около норы, когда подходили мы съ Николаемъ Федоровичемъ.

— И хорошо сдѣлала, замѣтилъ я; что же въ ней теперь толку? чай вся голая, или въ лохмотьяхъ; шкура ни къ чему не годится, безъ пользы погибла-бы.

— Не въ шкурѣ дѣло, Федорычъ! а какъ смѣла, проклятая, уйти отъ Нарзана. А жалѣть-то что ихъ? этого звѣря развелось такъ много по степи, что скоро никакой птицѣ не дадутъ житья, заключилъ Дергачъ, слезая съ коня и утирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо.

Въ это время дроги, своротивъ съ дороги, подѣхали къ намъ. Онѣ были отъ насъ еще въ полуверстѣ, какъ крикъ ѣхавшаго на нихъ хохла обратилъ на себя наше вниманіе, и мы не знали еще въ чемъ дѣло, какъ собаки съ жадностью бросились съ кургана, а потомъ увидали и мы русака, бѣгущаго прямо къ намъ. Эта травля была точно какъ на садкѣ; съ довольно высокаго кургана, смотрѣли мы какъ съ нарочно устроенной террасы. Дергачъ такъ заторопился сѣсть на лошадь, что не могъ еще попасть ногою въ стремя, какъ Сударка догнала уже русака, и довольный Николай Федоровичъ закричалъ ей нѣсколько одобрительныхъ словъ, съ обычными охотничьими прибаутками. Но русакъ надалѣ; Сударка справилась, опять догнала, опередивъ другихъ собакъ, но опять не захватила,—и съ этой минуты придвинувшійся къ нему Нарзанъ такъ завладѣлъ звѣремъ, что не давъ переѣхать себя Сударкѣ, какъ говорятъ охотники, пришлся къ нему и безъ осѣчки понесъ его въ зубахъ; такимъ образомъ торжество рѣзвой, красивой Сударки на первыхъ порахъ было разрушено силою могучаго Нарзана, что, какъ казалось мнѣ, очень огорчило Николая Федоровича; онъ повторялъ только «силенъ Нарзанъ, силенъ, только рѣзвости то нѣтъ!» и тотчасъ же подалъ въ рогъ голосъ, чтобы сбирались къ дрогамъ.

Солнце давно уже сѣло; багровая заря предвѣщала сильный вѣтеръ. Сидя на курганѣ, поджидали мы нашихъ товарищей. Тихо было въ степи, какъ въ могилѣ. Махнетъ-ли лошадь головой ибрякнетъ уздой, почешетъ-ли собака лапой свою спину, вырубить ли Дергачъ огня своимъ крисаломъ (*), пробѣжить-ли ящерица по зеленому ковылю, затокуетъ ли вдали стрепеть, — все это были звуки сильно

(*) Крисало—огниво.

поражающіе слухъ въ этомъ безмолвіи, которое нарушалось только изрѣдка выстрѣлами.

Подошелъ наконецъ и Илья, а за нимъ и Французъ, еще издали начавшій намъ рассказывать: «какъ убилъ онъ маленька лисицъ и большой дрофъ, и всякая птица много, много». А когда Дергачъ увѣрилъ насъ, что Петръ пройдетъ по рѣкѣ прямо на мельницу, мы сѣли на дроги; Илью помѣстили верхомъ на лошадь Дергача, и шагомъ тронулись съ мѣста.

Только въ это время, когда перестала волноваться охотничья кровь, когда вниманіе освободилось отъ ожиданія увидать какого нибудь звѣря или птицу,—я вполне любовался мѣстностью, на которой такъ роскошно-хороша весенняя степная зелень, гдѣ такъ много разбросано красивыхъ тюльпановъ, ирисовъ и другихъ цвѣтовъ. Вдали виднѣвшіеся два высокіе кургана, единственные остатки татарскаго кочевья, заставили меня вспомнить и о татарскомъ владычествѣ, и о погибшихъ въ ордѣ князьяхъ и боярахъ нашихъ! Модуляціей на эту тему явились мечты о превратностяхъ судьбы; и думалъ я: куда же дѣвался этотъ страшный народъ, громившій Россію и Польшу, наводившій ужасъ на Венгрію и Германію? Неужели это ихъ потомки, и единственные представители ихъ рода въ Россіи, работаютъ теперь на нашихъ фабрикахъ и винокуренныхъ заводахъ? Неужели это потомки князей и султановъ, которые въ настоящее время мирно торгуютъ у насъ шерстью, или продаютъ мыло на нашихъ базарахъ? Какъ и почему изъ десятимилліонной массы татаръ Золотой орды, на всѣхъ занимаемыхъ ею нѣкогда степяхъ, осталось въ кочевомъ состояніи только небольшое племя Татаръ кундуровскихъ или хана дуровскаго, которые въ настоящее время занимаютъ подъ свое кочевье степь на юго-востокъ отъ горы Богдо, не вдалекѣ отъ Ахтубы, одного изъ главныхъ рукавовъ Волги? Я не могъ уяснить себѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, и хотѣлъ было заговорить объ этомъ съ Николаемъ Федоровичемъ, но въ ту самую минуту всѣ на дрогахъ засуетились, закричали, захотали, и я съ трудомъ понялъ въ чемъ дѣло: впереди

насть, по дорогѣ, борзья собаки и мой Немвродъ преслѣдовали тушканчика (*).

Нельзя было видѣть безъ смѣха, какъ большія четыре собаки хлопотали около этого маленькаго звѣрка, и никакъ не могли поймать его. Догоняли его конечно очень скоро, несмотря на его большіе прыжки; но какъ только собака хочеть его захватить, онъ или дѣлаеть неимовѣрный прыжокъ, прямо вверхъ, и собака проскакиваетъ подъ него, или прячется подъ какой нибудь кустокъ или комокъ травы, и собака перескакиваетъ черезъ него. Наконецъ мы остановились, и только послѣ долгихъ усилій онъ былъ пойманъ, а бѣдныя собаки измучились и избились такъ, что совершенно *зарьями*.

Заря потухала уже, мы торопились скорѣе къ мельницѣ, но нѣсколько разъ задерживали насъ попадавшіеся на дорогѣ тушканчики, отъ преслѣдованія которыхъ никакъ нельзя было удержать собакъ; и мы нехотя затравили четырехъ, пока подѣхали къ ночлегу.

— Ну, теперь видно мы близко къ настоящей степи! вскричалъ я, увидавъ верблюдовъ, пасущихся недалеко отъ мельницы.

— Недалеко! отвѣчалъ Николай Федоровичъ, смѣясь слѣзая съ дрогъ, всего какихъ нибудь верстъ полтораста.

— Какъ полтораста? еще отсюда полтораста? повторялъ я въ недоумѣніи.

— Да, конечно. До Вороны отсюда шестьдесятъ, да отъ него надо еще отѣхать верстъ восемьдесятъ,—тогда войдемъ въ настоящую степь.

Мы переходили узкую плотину; навстрѣчу намъ шель хозяинъ мельницы, одна изъ тѣхъ личностей, которыя могутъ служить живымъ изображеніемъ русскаго здоровья и

(*) Тушканчикъ—земляной заяцъ, совершенно неправильно носить это названіе; въ немъ нѣтъ ничего похожаго на зайца; его крысиная мордочка и головка, длинный хвостъ съ большою кистью шерсти на концѣ, его уродливыя, длинныя заднія и коротенькія переднія ноги, наконецъ строеніе всего корпуса совершенно схожи со всѣми породами кенгуру, конечно въ маломъ видѣ, и съ той исключительною разницею, что тушканчикъ не двуутробка.

дородства. Каргузь съ козырькомъ, нанковый халатъ и та-
кя же шаровары въ сапоги, да красная рубаха, составляли
костюмъ его.

— Просимъ пожаловать, ваше высокородіе, Николай Фе-
доровичъ! Милости просимъ, государь мой! привѣтствовалъ
насъ ласково мельникъ, а шедшія около него двѣ собаки ог-
ромной величины очень недружелюбно ворчали на насъ, сдер-
живаемыя своимъ хозяиномъ.

— Здравствуй, Иванъ Савельичъ! И Николай Федоро-
вичъ протянулъ ему руку, и отрекомендовалъ меня.

— А вы не взъщитѣ на насъ, ваше высокородіе, что
встрѣчаемъ вашу милость въ халатишкѣ, по-домашнему.

— Ничего, Савельичъ! это мой хорошій пріятель, нашъ
братъ охотникъ, а не губернской чиновникъ, которыхъ ты
такъ боишься и не жалуешь; и Николай Федоровичъ гром-
ко засмѣялся. Мельникъ здоровался съ Дергачемъ и съ дру-
гими пріѣзжими, безпрестанно окликаая своихъ собакъ, злобно
рычавшихъ на Нарзана; а вдали на большомъ крыльцѣ
мельникова дома Семень хлопоталъ около самовара.

Стукъ и дѣятельность на мельницѣ вовсе не гармони-
ровали съ пустынной тишиной окружавшей ее степи. Шум-
ное паденіе воды, стукъ колесъ, шипѣніе работающихъ кам-
ней, лай собакъ, унылая звонкая пѣсня какого-то работни-
ка, все это заставляло забывать о степи; но живо напоми-
нали о ней нѣсколько Киргизовъ, сидящихъ на корточкахъ
около огня, на которомъ варился ихъ ужинъ. Пока мы шли
въ дому по самому берегу большого пруда, Савельичъ объяс-
нилъ намъ, что эти Киргизы пріѣхали на верблюдахъ, для
закупки муки на лѣтнюю кочевку Хана, которая бываетъ
обыкновенно на Таргунѣ же, верстахъ въ полтораста отъ
его мельницы.

— Лѣтомъ только и выручки у насъ, что отъ нихъ, ва-
ше высокородіе! продолжалъ Савельичъ; они забираютъ у ме-
ня почитай всю муку, пшено и весь прочій товаръ.

— И водочку? прибавилъ Николай Федоровичъ.

— Нельзя же, Николай Федоровичъ! Надо же и имъ ино-
гда покуражиться маленько; а въ степи-то вѣдь негдѣ дос-
татъ! Да нынѣ уже интересы-то плохіе отъ этого дѣла; са-

мимъ страшно дорого обходится, прибавилъ Сомовъ съ особымъ удареніемъ.

— Что, развѣ полиція пронюхала?

— Какъ же—съ, пятьсотъ въ годъ платимъ! да кромѣ того то мучки отвеземъ, то, дичинки какой, всѣмъ надо ублаготворить!

— Ну, а рыбу—то ловятъ въ твоёмъ пруду? спросилъ Николай Ѳедоровичъ, громко смѣясь, и обратился ко мнѣ: спросите—ка его, какого сазана поймали нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Савельичъ покачалъ головой. Мы были уже на крыльцѣ; сняли охотничьи доспѣхи и сѣли за чай. Какъ ни настаивалъ Николай Ѳедоровичъ, чтобы Савельичъ рассказалъ мнѣ о какомъ-то сазанѣ, но онъ упорно отпѣкивался, покачивая головой и какъ видно было не довѣряя еще мнѣ, челоуѣку совершенно незнакомому ему. Но два или три стакана крѣпкого пѣнша разогнали его робость и развязали языкъ.

— Вѣдь вотъ бѣда! началъ онъ; только вспомни нечистую силу, она какъ разъ явится, да и сыграетъ тебѣ какую ни-на-есть штуку! Такъ—то вѣдь и съ этимъ дѣломъ. Вспоминай ихъ только почаще, и они объ тебѣ не забудутъ, да и подшутятъ пожалуй почище нечистой. И въ ту то пору, вѣдь не повѣрите господу: въ тотъ самый день за обѣдомъ, какъ нарочно, только и толку было, что объ исправникѣ да объ Акимѣ. А подъ вечеръ посмотримъ,—они какъ тутъ и были!

— Кто это такой Акимъ? спросилъ я, потихоньку, Николай Ѳедоровича.

— О! это былъ у насъ въ губерніи великій челоуѣкъ! отвѣтилъ старикъ улыбаясь; по мѣсту, онъ былъ не болѣе, какъ чиновникъ особыхъ порученій, но такая умная, продуктивная шельма, что дѣлалъ въ губерніи чтѣ ему было угодно. И вотъ что замѣчательно:—во время его службы смѣнились три превосходительства, и каждый изъ нихъ пріѣзжалъ предупрежденнымъ противъ этого Ринальдо; каждый грозилъ предать его суду, но не проходило и мѣсяца, какъ каждый изъ нихъ давалъ себя сѣдлатъ Акиму, точно такъ

же, какъ и его предшественникъ. Ну, а ты продолжай твой рассказъ о сазанѣ, обратился онъ къ Савельичу.

— Да-съ! человекъ былъ политичный: зналъ какъ къ кому подѣхать, и какъ кого надуть! А чутье, надо вамъ доложить, было у него такое, что хоть въ землю зарой деньги, самъ нищимъ прикинись, а онъ ихъ почуетъ; такъ ли, сякъ-ли, а подберется къ нимъ. Вѣдь вотъ, хоть-бы я теперь? отъ города живу кажется далеко, и въ сторонѣ, отъ губерніи болѣе двухъ сотъ верстъ, а вѣдь прочувалъ же окаянный, что завелись у меня деньжонки,—такая уже оказія.

«Вотъ почти въ эту же пору, какъ вы теперь пожаловали, то есть тоже весною, только видно немного попозднѣе; помнится мнѣ, вскорѣ послѣ вешняго Миколы было это дѣло. Стоимъ мы съ прикащикомъ на плотинѣ; толкуемъ объ нашихъ дѣлахъ, и слышимъ вдругъ колокольчики звенять; а это вѣдь рѣдкость у насъ; вотъ вышли мы маленько на степь; посмотримъ—два тарантаса ѣдутъ; и пришло мнѣ это въ голову, что некому иначе быть, какъ должно быть Николай Федоровичъ ѣдетъ. Я сейчасъ же прикащика назадъ, самоваръ скорѣе ставить, да для лошадей, чтобы все какъ есть приготовить, а самъ пошелъ навстрѣчу. Смотрю, а тарантасы-то какъ будто незнакомые, да и солдатъ на козлахъ сидитъ; я уже и въ умъ не приберу, чтобы это могъ быть; да уже вплотъ подѣхали, тутъ только узналъ я исправника да Акима. Я было этакъ перетрусился маленько, а они такъ-то ласково вылѣзли изъ тарантасовъ, и руку мнѣ жмутъ, и говорятъ, что ѣдутъ такъ, безъ всякаго дѣла, только поохотиться въ степи. Ну, я и поуспокоился; а и не вдомекъ мнѣ, что Акимъ-то вовсе не охотникъ; да и исправникъ то развѣ только воронъ на крышахъ стрѣлялъ. Дѣло-то было уже подъ вечеръ; ну и говорятъ они, что заѣхали ко мнѣ чайку напиться, да лошадей покормить. Что же? милости просимъ, всегда радъ дорогимъ гостямъ, и все прочее. Пришли мы этакъ на мельницу, сидимъ всѣ трое вотъ на этомъ же крыльцѣ, пьемъ чай, разговариваемъ; рассказываетъ Акимъ про новаго губернатора, да вдругъ и спрашиваетъ меня, есть-ли рыба у насъ въ пруду? А меня и догадай нелегкая похвастать: «какъ не быть, говорю, ваше

высокородіе, кромѣ красной, всякая есть, а сазаны почитай въ пудъ попадаются. Спросилъ, есть-ли неводъ? Ну, вѣстимо, и неводъ есть. Вотъ и всполошились къ ужину рыбу ловить: вскричали работниковъ, притащили неводъ, затащили разъ, другой и третій, наловили разной рыбы, на цѣлый полкъ станеть; а исправникъ говоритъ: сазаны-то мелки, какъ бы покрупнѣе поймать; хотѣли уже еще разъ затащить, а разсыльный подошелъ да и говоритъ, что крупные сазаны подъ тѣмъ берегомъ водятся; мы съ нимъ было поспорили; вѣдь какъ же намъ-то не знать, гдѣ какая рыба больше придерживается,—но исправникъ знай кричитъ себѣ «тащи неводъ на ту сторону.» Ну вотъ потащили неводъ, и мы всѣ идемъ сзади. Я увѣряю ихъ, что попусту прохлопочемъ, работники тоже говорятъ, а исправникъ смѣется да все твердитъ, что крупную рыбу мы для себя бережемъ. Вотъ затащили тоню, другую,—нѣтъ ничего кромѣ мелкой рыбешки; а разсыльный—то исправничій такъ засуетился, что всѣмъ на диво. Вотъ, говоритъ, подъ толочками надо затащить. Ужъ и солнце почитай сѣло, а дѣлать нечего, надоть начальство потѣшить. Закинули неводъ еще разъ; только вдругъ всталъ неводъ. Что за оказія, думаемъ. А исправникъ—то кричитъ «тяни, тяни, ребята, не сомъ-ли попался!» Начали потрогивать опять веревки,—тронулся неводъ, а идетъ страсть какъ тяжело; тутъ уже и всѣ вспохватились: значить полна корма, когда идетъ тяжело. Вотъ подали веревку съ лодки, стали подбирать неводъ на берегъ, все нѣтъ ничего, а идетъ тяжело; только вдругъ всѣ какъ ахнуть! да такъ и обмерли: изъ воды-то показалась человѣчья нога. Ну и пошла переполоха! Человѣка-то, вѣстимо, вытащили на берегъ, совсѣмъ уже облѣзлаго, такъ что и признать нѣльзя. Исправникъ съ Акимомъ отошли въ сторону, переговорили что-то такое, и какъ добрые люди, подзываютъ меня къ себѣ, какъ будто на совѣтъ. Подхожу я къ нимъ, а самъ-то, откровенно доложить, смекнулъ уже въ чемъ дѣло-то,—почесываю себѣ затылокъ. Подошелъ такъ къ нимъ, молчу, а никакъ будто промежъ себя говорятъ это, что имъ будто меня то очень жаль. И обратился ко мнѣ исправникъ:

— Что это такое, Сомовъ? вѣдь дѣло-то скверное!

— Чего нескверное, ваше высококорodie! Ума не приложу!

— Да откуда явилось это тѣло? спрашиваетъ опять.

— А я ему и говорю: помилуйте, ваше высококорodie, почему же знать это намъ, людямъ темнымъ, чай вамъ-то оно должно быть лучше извѣстно; а самъ стою, ухмыляюсь, а на сердцѣ-то кошки скребутъ. Они опять пошептались о чемъ-то, да вдругъ и говорятъ мнѣ, что нельзя миновать, что бы воду не спустить; что вишь могутъ быть въ пруду и два, и три и десять утопленниковъ! Я тутъ было съ ними въ споръ; сами вы согласитесь, что прудъ только что запрудили, — болѣе тысячи истратилъ, а тутъ его спускать, значить и мельницу-то остановить пожалуй, что на цѣлое лѣто, и расходоваться опять; ну просто, какъ есть разоренье, грабежъ денной. Что дѣлать, думаю себѣ; штука-то скверная выходитъ! Подумалъ, подумалъ, да напрямикъ имъ и говорю: Слушайте, господа! меня заподозрить вы не можете; а состряпалъ злой человѣкъ намъ эту бѣду? такъ дѣлать нечего, только ради Христа прошу васъ, пожалѣйте же вы меня хоть немножко, хоть плотину-то не прорывайте! Чего ужъ тамъ доискиваться?

— Да откуда же взялось это мертвое тѣло? спросилъ я, удивленный рассказомъ Савельича; развѣ не водой ли принесло его въ вашу прудъ?

— Какой водой, государь мой! просто человѣческими руками. Ополсѣ досконально узналъ, какъ все это шельмовски было сдѣлано. Покойника просто привезъ разсылный со степи, версть за пятьдесятъ; да ночью и спустил его въ прудъ; вотъ и вся не долга!

— Ну и чѣмъ же все это кончилось?

— Да и кончилось-то очень просто, продолжалъ Савельичъ; за то, чтобы не спускать пруда, взяли съ меня полторы тысячи; привезли изъ города лѣкаря, да стряпчаго; кормилъ и поилъ я ихъ на отвалъ пять дней, далъ имъ еще по пятидесяти рублей на брата, и произвели они слѣдствіе и порѣшили дѣло: что человѣкъ тотъ оказался неизвѣстный, и принесло его теченіемъ весенней воды; и поѣхали наши теплые ребята вмѣсто охоты, обратно въ городъ, по домамъ.

— Неужели же вы не жаловались на такое неслыханное мошенничество? спросилъ я Савельича.

— Что вы, батюшка? Господь съ вами! не объ шести я головахъ, да и деньги—то не самъ дѣлаю. Развѣ надоѣла мнѣ свобода? Вѣдь въ острогѣ-то, говорятъ, куда какъ скверно! да и лучше пусть уже двѣ тысячи пропадаютъ, чѣмъ съ рубашкой и крестъ съ шеи снять. Вотъ спросите-ка Николая Ѳедоровича; они знаютъ исторію, какъ это было у насъ же въ уѣздѣ, годовъ шесть или семь тому назадъ. Парень-то ловкій былъ Рожновъ, и денегъ было довольно; да вотъ вздумалъ пофардыбачить, — двухъ тысячъ пожалѣлъ,—такъ нищимъ пустили, государь мой! да въ острогѣ здоровья навсегда лишился.

— Что же такое было съ Рожновымъ? расскажи пожалуйста Иванъ Савельичъ, просилъ я Сомова.

— Да оно дѣло-то кажется плевое, а вышло такъ, что злѣйшаго врага упаси Господи отъ такой напасти. И славный былъ парень Рожновъ, да на его бѣду иногда хмѣльнымъ запибался, особенно коли съ пріятелями сойдется. Ну а этимъ антихристамъ-то оно и на руку; тутъ-то имъ и пожива.

— Раза три щипали они его помаленьку; то за буйство на ярманкѣ, то за драку съ засѣдателемъ, разъ, какъ-то взвели на него, что чума показалась въ его гуртахъ. Ну парень-то онъ былъ ловкой, зубастый,—все отгрызался кое-какъ; да и знакомство водилъ съ дворянствомъ, такъ и тутъ была помощь. А ужъ въ этомъ-то дѣлѣ никто помочь не могъ; такъ все подстроили окаянные, что надо бы было просто покориться, а онъ еще поумничалъ, да на себя понадѣялся, — ну и погибъ сердечный не за понюхъ табаку. Это, видите-ли, было въ ярманку, на Ивана Постнаго; а на эту ярманку, какъ есть все наше начальство, даже и пашмейстеръ, какъ вороны на добычу слетаются.

— Надо было Рожнову продать старыхъ быковъ, а молодыхъ закупить. Вотъ и пригналъ онъ къ Ивану Постному быковъ пятьдесятъ, да шерсти у него было пудовъ побольше тысячи. Только—что онъ расторговался, наѣхали на ярманку его старые пріятели, и пошелъ у нихъ кутежъ, такой,

что хоть святыхъ изъ избы выноси. День на фатерѣ, ночь въ трактирѣ, — пьютъ напропалую! А исправникъ съ своей командою, знаете, такъ уже и караулитъ. Не знаю ужъ, какъ они тамъ состряпали, только ночью передъ свѣтомъ идетъ Рожновъ хмѣльной домой, да только—что въ ворота, а исправникъ и стряпчій за нимъ, и понятые уже тутъ—какъ есть. Вынимаетъ исправникъ изъ кармана пять золотыхъ, показываетъ ихъ Рожнову и спрашиваетъ его «отдавалъ-ли онъ эти деньги миловатскому хохлу и откуда онъ ихъ взялъ»? А тотъ, вѣстимо хмѣльной, — «ну васъ говорить, убирайтесь вы къ чорту», да съ пьяну-то кричить, что у него такихъ золотыхъ полны мѣшки лежатъ. Ну и пошло у нихъ дальше да больше; сдѣлали подъ конецъ обыскъ въ фатерѣ, нашли у него видите-ли еще съ десятокъ такихъ же фальшивыхъ золотыхъ, да съ десятокъ талеровъ; тутъ же взяли его подъ караулъ; а онъ вмѣсто того чтобы покориться, знай все ругается.

Вотъ на утро проснулся онъ, пошли у нихъ переговоры, мирились, говорятъ, на двухъ тысячахъ, а онъ куда тебѣ? и слышать ничего не хочетъ! Сутки цѣлыя урезонивали его всѣ благопріятели его, никого не слушаетъ; межъ тѣмъ, слышимъ мы, что къ нему на хуторъ поѣхало временное отдѣленіе, а на другой день по ярманкѣ пошелъ говоръ, что у Рожнова нашли—моль монету и бумажки фальшивыя, и даже машинку какую-то. Тутъ уже Рожнова сковали какъ монетчика, — но все еще шли на миръ, только говорятъ меньше пяти уже не соглашались, а Рожновъ—то одурѣлъ что-ли съ перепоя, или ужъ озлобился больно, Богъ его знаетъ, — только не пошелъ ни на какой миръ; знай себѣ кричить: «судиться буду, а уже доконаю этихъ кровопійцевъ.» И доконалъ,—только не ихъ, а себя; изъ подъ суда то вышелъ правъ, да только, какъ есть съ одной сумой, да и здоровье въ острогѣ оставилъ. Не шутка просидѣть тамъ два года! А исправникъ прикупилъ къ своей деревенькѣ земли десятинъ тысячу, стряпчій пообстроилъ свой домикъ, и многіе еще поживились въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь у Рожнова, всѣмъ извѣстно, было, по крайней мѣрѣ, тысячь сто капитала, да хуторъ съ заведеніемъ и землею, безъ ма-

*

лаго того же стоилъ,—все, какъ есть, въ раздѣлъ пошло; а онъ, сердечный, спился съ горя, и семью сгубилъ; теперь чуть не по міру ходить. Вотъ оно, государь мой, какъ нашему брату съ подъячими тягаться!

Савельичъ замолчалъ, Дергачъ, все время слушавшій его рассказъ, закачалъ головою, и махнувъ рукою пошелъ куда-то за уголь дома, вѣроятно справиться опять о Петрѣ, который все еще не приходилъ на мельницу. Николай Федоровичъ, подложивъ подъ голову подушку, утомленный ходьбою, спалъ на скамьѣ, а люди хлопотали около стола, убирали чай и тутъ же приготовляли все къ ужину.

Вечеръ былъ великолѣпный; луна, отражаясь на гладкой поверхности большаго пруда, освѣщала степь матовымъ свѣтомъ. Вправо отъ крыльца, Киргизы все еще сидѣли, а нѣкоторые лежали на войлокахъ кругомъ своего огонька; нѣсколько осѣдланыхъ лошадей въ треногахъ ходили по двору, заросшему травой; виднѣлась мельница съ ея водопадомъ и неумолкаемымъ шумомъ; а влѣво стояли наши тарантасы.

— Ну вотъ и Петро пришелъ, говорилъ подходящій къ намъ Дергачъ; теперь надо ужинать, да и въ дорогу пора, кони уже весь овесъ выѣли.

— А много ли онъ убилъ? спросилъ я.

— А вонъ же самъ идетъ вамъ хвастать; и подошедшій Петръ сбросилъ съ плечъ огромную связку дичи. Тутъ были и утки, какихъ я не видывалъ, какъ на примѣръ: красная утка, величиною почти съ крякву, бѣлесоватый уральскій чиренокъ, и др. Была тутъ и пара баклановъ (*); но болѣе всего заинтересовала меня колпица, съ ея оригинальнымъ носомъ, похожимъ на большую ложку, съ ея красивыми бѣлыми перьями. Петръ убилъ всего восемнадцать штукъ, все крупной дичи; но каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что вся дичь, въ томъ числѣ и маленькій чиренокъ убиты имъ не дробью, а изъ его малопульной винтовки, пулька которой не многимъ больше дробины безъмянки. Я не вѣрилъ этому, и только въ послѣдующіе дни убѣдилъ

(*) Бакланъ—черноватый гусь съ острымъ клювомъ.

ся въ его изумительно-вѣрной стрѣльбѣ. Я видѣлъ напримѣръ какъ во ста, или болѣе шагахъ онъ убилъ сурка прямо въ голову; въ другой разъ онъ убилъ беркута, летавшаго надъ нами въ вышинѣ, шагахъ въ полуторапта; но объ этомъ будетъ еще случай говорить далѣе, а теперь возвратимся на мельницу. При осмотрѣ дичи, убитой Петромъ, общій говоръ и смѣхъ разбудили Николая Федоровича. Ужинъ былъ вскорѣ поданъ, и не болѣе какъ черезъ полчаса все уже было готово къ отъѣзду.

Часу въ первомъ ноци мы выѣхали.

Глаза такъ и смыкались отъ усталости. Дорога, въ одну колею вившаяся по зеленой степи едва замѣтной полоской, была такъ ровна и гладка, что, казалось, лежишь не въ экипажѣ, а на мягкой покойной постели. Мы скоро заснули, и не чувствовали, какъ до разсвѣта проѣхали болѣе пятидесяти верстъ. На разсвѣтѣ мы завидѣли хуторъ Вороны. Свѣжо, но пріятно и ново весеннее утро степи. Куда ни обращалъ я глаза, всюду нескончаемый бѣлый ковыль и въ самой крайней дали все то же, что подъ ногами.

— Ну, кажется, теперь мы уже въ настоящей степи? обратился я къ Николаю Федоровичу.

— Какая же это степь! былъ его отвѣтъ, развѣ вы не видите впереди Воронина хутора? развѣ вы не слышите свиста сурка и голосовъ нѣкоторыхъ птицъ? нѣтъ, мой любезнѣйшій, на настоящей степи не къ чему будетъ прислушиваться, и не будете вы любоваться какимъ нибудь цвѣткомъ. Не долго ждать! Завтра вы познакомитесь съ нею, а можетъ быть и сегодня вечеромъ. За хуторомъ пойдетъ уже степь все глуше и глуше, и тамъ на сотнѣ верстъ не увидите вспаханнаго клочка земли; все ковыль, да полынь и безбрежная пустынь.

Уже совсѣмъ разсвѣло. Выбравшись на солевозный трактъ, мы подѣзжали къ хутору, около котораго замѣтно было движеніе. Услыхавъ вѣроятно наши колокольчики, насъ уже ждали у воротъ. Хуторъ стоитъ одиноко, на открытой необозримой степи. Только вблизи его, съ трехъ сторонъ, виднѣются пашни, а передъ переднимъ фасомъ тянется солевозный трактъ съ Елтонскаго озера въ Саратовъ. Я слы-

шалъ, что дорога эта была нарѣзана на двадцать верстъ шириной, съ цѣлью доставить хорошій кормъ быкамъ, занятымъ возкою соли, но ближе къ Саратову, говорятъ, вся эта степь давно уже распахана, и теперь пахнетъ безъ всякаго порядка.

Подѣхавъ къ воротамъ хутора, я былъ удивленъ совершенно неожиданнымъ для меня появленіемъ двухъ охотниковъ Николая Ѳедоровича, помогавшихъ намъ выдти изъ тарантаса. На распросы мои: какъ они тутъ очутились? старикъ молчалъ и улыбался. Вошли мы во дворъ, — и я окончательно растерялся въ моихъ догадкахъ. Тутъ я увидалъ: и охотничьи дроги Николая Ѳедоровича, и какой-то огромный крытый фургонъ, изъ котораго появилась Катя, любимая пѣвица Николая Ѳедоровича; изъ хаты выбѣжало еще нѣсколько знакомыхъ мнѣ заспанныхъ лицъ! Все это конечно требовало объясненія, за которыми и обратился я къ своему пріятелю.

— Растолкуйте мнѣ ради Бога! какъ и откуда явилось все это сюда?

Но Николай Ѳедоровичъ только посмѣивался надъ моимъ удивленіемъ; ласково здоровался онъ съ Катей, шутилъ съ Вороной, и хозяиномъ хутора, — красивымъ хохломъ лѣтъ сорока. И только когда мы вошли уже въ комнату, гдѣ были поставлены двѣ складныя желѣзныя кровати, — гдѣ все было приготовлено съ полнымъ комфортомъ, Николай Ѳедоровичъ приказалъ подавать скорѣе чай, и смѣясь, отвѣчалъ на мои распросы:

— Ну, теперь всей мистификаціи конецъ! Изъ всего, что васъ такъ удивило, вы уже можете догадаться, что та степная охота, о которой вы постоянно мечтали, т. е. охота въ глухой степи на сайгаковъ, такъ скучна бываетъ иногда, что необходимо обставить ее нѣкоторыми удобствами. До сихъ поръ вы ознакомились со всѣми охотами, принадлежащими мѣстности степной, но по удобствамъ своимъ частью заселенной. Въ такихъ мѣстахъ Саратовской губерніи, охота, какъ вы уже видѣли, — великолѣпная и добычливая какъ нельзя больше; но теперь предстоитъ намъ совсѣмъ не то: легко можетъ быть, что въ два, три дня не придется сдѣлать одного выстрѣла.

— Это однако вовсе неутѣшительно! замѣтилъ я.

— А вотъ для этого—то и необходимо все то, что вы, можете быть, считаете лишнею прихотью. Въ степи мы будемъ жить какъ дома. За то уже если нападёмъ на стадо сайгаковъ, такъ натѣшимся вдоволь.

— Объясните мнѣ пожалуйста, Николай Ѳедоровичъ, отчего вы предпочитаете весеннюю охоту на сайгаковъ? Вѣдь осенью они вѣроятно и жирнѣе, и шкура лучше.

— Что касается послѣдняго, то осенью и весною все равно, сайгакъ никогда не бываетъ очень жиренъ, и шкура его какъ мѣхъ — микуда негодится, а употребляется она только на замшу и на превосходную кожу, изъ которой Киргизы шьютъ свои шаровары. Но дѣло въ томъ, что осенью они откочевываютъ къ каспійскимъ камышамъ: тогда они такъ сторожки, что стрѣлять ихъ невозможно, а бьютъ ихъ только въ гололедъ, да по насту, но это прескучная охота.

— Ну, а теперь, какъ же мы будемъ охотиться, и куда мы направимся?

— Этимъ разомъ, мы ограничимъ нашу охоту степью, сайгаками и тарпанами; а если хотите, осенью поѣдемъ виѣстѣ на Ахтубу; тамъ уже совѣмъ другая охота; весною тамъ дѣлать нечего. Что же касается того, какъ мы будемъ охотиться на сайгаковъ, то повторяю вамъ еще разъ, только бы напасть на стадо, а бить ихъ теперь не трудно, убьемъ столько, сколько вздумается.

Въ это время Катя, какъ заботливая хозяйка, приготовила намъ чай и въ комнату вошла пріятельница ея черноглазая Лиза, также пѣвица изъ хора Николая Ѳедоровича; въ дверяхъ появились два охотника съ шкурой огромнаго волка, не снятой еще съ пялъ. На вопросъ, что это за волкъ, Ворона съ удовольствіемъ рассказалъ намъ, что волкъ этотъ, въ теченіи весны, утащилъ у него штукъ десять ягнятъ и пару старыхъ овецъ, и такъ повадился приходить за добычей, что каждый день рано утромъ или вечеромъ по закатѣ солнца — онъ непременно уже бывалъ гдѣ нибудь вблизи около хутора. О всемъ этомъ онъ передалъ охотникамъ, какъ только пришли они на хуторъ; а

тѣ на другой же день, выпустивъ овецъ въ степь для приманки, подсторожили его и затравили послѣ долгаго преслѣдованія. Теперь шабашъ, сѣрый! закончилъ Ворона, поглаживая волка; не воровать тебѣ больше у меня ягнать; повадился кувшинъ по воду ходить,—пришлось и голову сломить; и Ворона искренно смѣялся отъ удовольствія.

Съ неменьшимъ удовольствіемъ разсматривалъ волка и Николай Ѳедоровичъ; онъ спрашивалъ при этомъ всѣ подробности: какая собака первая догнала? Какая положила? Кто принялъ (*) волка? Принявшій его охотникъ получилъ тутъ же въ награду цѣлковый и былъ, какъ казалось, также очень доволенъ.

Въ различныхъ распросахъ, рассказахъ, разговорахъ и шуткахъ, время текло незамѣтно. Старикъ Дергачъ уже раза два повторялъ, что пора бы и въ путь собираться.

Наконецъ около полудня подали и обѣдъ, отлично приготовленный поваромъ, прїѣхавшимъ также съ обозомъ. Пока мы обѣдали, охотники и прислуга суетились въ комнатѣ. Мы еще сидѣли въ комнатѣ, а караванъ нашъ выступилъ уже со двора и ожидалъ насъ передъ хуторомъ, на большой дорогѣ.

Не знаю: въ слѣдствіе ли вкуснаго обѣда, приправленнаго стаканомъ добраго вина, или отъ ожиданія предстоящей охоты, которой Ворона предсказывалъ полный успѣхъ,—только въ эти минуты нашъ Николай Ѳедоровичъ былъ въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа. Онъ рассказывалъ намъ различные анекдоты, шутилъ съ своими пѣвицами, и только по настоятельнымъ убѣжденіямъ Дергача, мы простились наконецъ съ хозяйкой и вышли изъ комнаты.

На дворѣ было уже все пусто. Когда мы вышли на дорогу, я просилъ Николая Ѳедоровича растолковать мнѣ: откуда, и для чего явилось все составлявшее теперь нашъ караванъ, и какое назначеніе имѣютъ всѣ ѣхавшіе съ нами экипажи? Мы начали нашъ обзоръ съ авангарда.

Впереди всѣхъ стояли охотничьи дроги Николая Ѳедоровича, къ которымъ сзади была привязана его верховая ло-

(*) Принять—зарѣзать волка.

шадь, а на дрогахъ, съ одной стороны, сидѣли уже Катя и Лиза, другая же предназначалась для насъ. За дрогами стояли верхомъ два стремянныхъ Николая Федоровича, съ борзыми собаками, два псаря съ шестью лучшими гончими, старикъ Дергачъ, Ворона и два казака, присланные съ Елтона по предварительной просьбѣ Николая Федоровича. Далѣе стояли дроги Дергача, на которыхъ помѣщались самъ Петръ, мой Илья и егеръ Антонъ. За ними слѣдовали два тарантаса, огромный фургонъ, на которомъ возсѣдалъ кухмейстеръ; потомъ еще небольшой фургонъ съ охотничьими вещами; и наконецъ двѣ воловыхъ фуры, на которыхъ помѣщались: войлочная кибитка и три палатки со всеми принадлежностями, нѣсколько четвертей овса, кулъ угля, запасныя дрова, два живыхъ барана, теленокъ и множество всякой всячины. Мы сѣли на дроги и тихимъ шагомъ тронулись съ мѣста, не по дорогѣ, а въ чистую гладкую степь, на юго-востокъ отъ хутора. Дергачъ и Ворона были около насъ, а съ другой стороны подъѣхали къ лѣвицамъ четыре охотника и Катя запѣла своимъ симпатичнымъ голоскомъ: «Ахъ не одна ли, да не одна!» Съ словами «во полѣ дороженька» подхватили хоромъ: Лиза, все охотники, а къ нимъ присоединились не только мы, но и старикъ Дергачъ съ его густымъ, сильнымъ басомъ.

Читателямъ моимъ покажется, быть можетъ, смѣшнымъ или страннымъ, но сознаюсь — откровенно: никогда въ жизнь мою не производила на меня русская пѣсня такого впечатлѣнія. Какъ-то грустно и весело было на душѣ, тяжело и пріятно дышалось. Я забылъ и объ охотѣ, пересталъ самъ пѣть, а хотѣлось бы все слушать и слушать голосъ Кати, въ которомъ звучало что-то невыразимо-новое для меня, полное жизни въ настоящемъ, полное надеждъ на будущемъ. Мнѣ досадно было, когда съ послѣдними словами этой пѣсни, степь огласилась неистовымъ крикомъ Николая, запѣвшимъ «за Ураломъ за рѣкой»; лучше бы было послѣ такого *adagio*, въ тиши и безмолвіи дать хоть немного успокоиться мыслямъ и чувствамъ, а не тревожить ихъ безсмысленнымъ *allegro*, какъ заведено уже это въ русскихъ и цыганскихъ хорахъ.

Такъ ѣхали мы часа два или три. Хуторъ Вороны давно

скрылся изъ виду. Солнце пекло уже не сильно, Дергачъ подговаривалъ разровняться, какъ Катя, сидѣвшая за моею спиной, толкнула меня и указала мнѣ на Немврода, впереди дрогъ саженьяхъ въ пятидесяти, стоявшаго надъ кустомъ бобовника. Я схватилъ ружье, и хотѣлъ уже соскочить съ дрогъ, но собака не выдержала, бросилась впередъ и подняла русака, котораго вмигъ затравили. При этомъ случаѣ Дергачъ настоялъ, чтобы начать охоту. Охотники разѣхались на полверсты одинъ отъ другаго; по обѣ стороны дрогъ ѣхали стремянные Николая Ѳедоровича, за стремянными—казаки, далѣе по одному псарю съ тремя гончими, и наконецъ Ворона на одномъ флангѣ, а Дергачъ и его дроги на другомъ; затѣмъ весь обозъ тянулся за нами, оставъ на полверсты. Занявъ, такимъ образомъ, нашей цѣпью пространство версты на три или четыре, мы прошли не болѣе четверти часа, какъ въ одно и то же время,—въ лѣвой сторонѣ стремянный, а въ правой Дергачъ,—наѣхали на хорсаковъ, которые черезъ двѣ — три минуты висѣли уже въ торокахъ; а вслѣдъ за этимъ, изъ—подъ другаго стремяннаго поднялась пара стрепетовъ и сѣла опять передъ нашими дрогами. Подѣхавъ къ нимъ на довольно близкое разстояніе, мы всѣ слѣзли съ дрогъ и вскорѣ Немвродъ принялъ ихъ на чутье и повелъ едва переставляя ноги. Пѣвицы наши любовались понятливостью собаки, которая встала наконецъ, какъ вкопаная. Николай Ѳедоровичъ увидалъ одного стрепета сидячаго, выстрѣлилъ по немъ, собака бросилась, поднялись оба, раздались еще четыре выстрѣла и стрепета полетѣли вдаль, посвистывая своими крылышками. Дѣвушки смѣялись, а мы стояли какъ ошеломленные. Но дѣлать было нечего; съ стыдомъ и досадой мы вернулись къ нашимъ дрогамъ; всѣ сѣли на нихъ, а я пошелъ пѣшкомъ, чтобы не слышать насмѣшекъ. Вскорѣ однако я утѣшился въ моемъ горѣ. Свистъ кроншнепа вдали предвѣщалъ его приближеніе; и вотъ черезъ нѣсколько минутъ налетѣлъ онъ на стремяннаго, сдѣлалъ надъ нимъ кругъ, но увидавъ мою собаку, тотчасъ же съ усиленнымъ крикомъ направился къ ней; я выстрѣлилъ—и птица упала. Такъ продолжалась охота цѣлый день; довольно часто попа-

дались стрепета и кроншнепы, а изрѣдка и драхвы, изъ которыхъ убили только одну; затравили лисицу, двухъ хорсаковъ и нѣсколько зайцевъ.

Вдали виднѣлся уже черный курганъ. Солнце закатывалось, когда случилось съ нами происшествіе, достойное вниманія охотниковъ. Изъ-подъ одного изъ верховыхъ поднялась съ гнѣзда драхва, и опустилась опять на степь, во ста шагахъ отъ него. Николай Ѳедоровичъ приказалъ кучеру поворотить къ тому мѣсту. Издали была видна намъ прогуливающаяся по степи огромная птица. Я былъ увѣренъ, что она не подпуститъ насъ; но къ удивленью моему, мы подъѣхали къ ней шаговъ на пятьдесятъ. Николай Ѳедоровичъ ударилъ по сидячей, изъ другаго ствола на лету; я тоже выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, но драхва невредимо перелетѣла шаговъ двѣсти и опустилась опять на степь. Зарядили ружья; подъѣзжаемъ къ ней вторично; она такъ же спокойно подпустила насъ еще ближе; къ нашимъ четверемъ выстрѣламъ присоединилъ Французъ два своихъ, и драхва такъ же цѣла и невредима, какъ бы подсмѣиваясь надъ нами, сѣла опять не болѣе какъ во ста шагахъ. Наконецъ въ третій разъ та же неудача; но я взялъ мой штуцеръ, полагая, что пудей я ее навѣрное убью. Подъѣхали опять довольно близко, я выстрѣлилъ по сидячей, товарищи мои проводили ее въ летъ, и тутъ только казалось надоѣла ей наша пальба; она описала большой кругъ и возвратилась назадъ къ своему гнѣзду. И Николай Ѳедоровичъ и я такъ были раздосадованы, что рѣшились во что бы то ни стало, а убить ее непременно. Поворотили дроги назадъ, подъѣзжаемъ къ тому мѣсту, гдѣ она сѣла, но птицы не видно; долго ходили мы по степи, отыскивая ее, наконецъ Французъ увидалъ ее лежащею мертвой. Вечеромъ, когда ощищали эту птицу, она оказалась дотого избитой дробью, что не понятно, какъ могла она пролетѣть хотя бы два — три шага.

Не догадываясь, чтобы значилъ поворотъ нашъ назадъ, охотники съ фланговъ начали сѣзжаться къ центру и такимъ образомъ вскорѣ очутились мы всё вмѣстѣ, и обозъ нашъ присоединился къ намъ. Посовѣтовавшись съ Дерга-

чемъ и Вороной, мы рѣшили отправить экипажи прямо къ кургану, до котораго было еще версты три. Солнце утонуло въ стени, въ воздухѣ повѣяло вечерней прохладой, сурки засвистали около своихъ норъ и стрепета запѣли свои любовныя пѣсни. Разровнявшись уже не такъ широко, вступили въ цѣпь и мы, пѣшкомъ, а не на дрогахъ. Медленно подвигались мы впередъ, оставляя курганъ въ лѣвой рукѣ. Но не такъ уже часто слышались выстрѣлы. Мы обошли курганъ въ полкруга и нашли только хорсака, затравленнаго стремяннымъ Николая Федоровича, да Французъ и Илья убили по одному стрепету. Тѣмъ и кончилась наша охота на этотъ день. Когда мы сѣли на дроги и повертели прямо къ кургану, около него бѣлѣлись уже разбиваемыя палатки, и отъ разведеннаго костра поднимался дымъ совершенно прямымъ столбомъ, вершина котораго уходила въ невидимую высоту. Казаки наши ускакали впередъ. Начинало уже темнѣть, когда подъѣхали и мы къ кургану, еще издали заинтересовавшему меня своей величиной.

Около подошвы его была разставлена кибитка, раскинуты три палатки, и лагерь этотъ съ трехъ сторонъ окруженъ экипажами и фурами. Но отъ всего этого въ первыя минуты отвлекъ мое вниманіе самъ курганъ. Я обошелъ его кругомъ. Онъ имѣетъ до трехъ сотъ шаговъ въ окружности основанія, и считается однимъ изъ величайшихъ кургановъ всей заволжской степи. Взойдя на его вершину, я увидалъ на ней большую яму, вѣроятно давно вырытую и обросшую уже травой, а около нея значительной величины камень (краснаго песчаника), грубо обтесанный, въ видѣ человѣческаго туловища по поясъ и какъ будто съ руками по локоть. Не доѣзжая до него еще верстъ пятнадцать, я замѣтилъ, что растительность бѣднѣетъ; на послѣднемъ пространствѣ я не видѣлъ уже ни одного цвѣтка, вездѣ только ковыль, а на солонцеватыхъ мѣстахъ артемизія и полынь. Но на южномъ скатѣ кургана я увидалъ опять нѣсколько тюльпановъ, а въ ямѣ на его вершинѣ, кромѣ ихъ, было куста два барской спеси и нѣсколько ирисовъ. Вообще вся трава, покрывавшая это мѣсто, казалась мнѣ не только разнообразнѣе, но сильнѣе и гуще степной. Когда я со-

шелъ къ нашей ставкѣ, Николай Ѳедоровичъ въ ваточномъ халатѣ сидѣлъ уже на складномъ стулѣ около входа въ кибитку, и распивая чай бесѣдовалъ съ Дергачемъ, Вороной и казаками, размѣстившимися около него, на бѣлой полости огромной величины. Я съ любопытствомъ обошелъ всю нашу ставку, чтобы вполне ознакомиться съ подобнымъ кочевьемъ. Въ палаткѣ вправо помѣщался поваръ, занятый приготовленіемъ ужина на затѣйливо-устроенномъ желѣзномъ очагѣ; около него двое охотниковъ щипали какую-то дичь. Въ палаткѣ влѣво было приготовлено помѣщеніе для Дергача, Вороны, Семена и моего Ильи. А въ задней палаткѣ засталъ я Лизу, готовившую постели для себя и Кати. Во всѣхъ экипажахъ и фурахъ устроены были уже на скорую руку ночные пріюты, а кругомъ размѣщались у трептуговъ такія лошади, которыхъ нельзя было пустить въ степь. Передъ переднимъ фасомъ стана, шагахъ въ пятидесяти отъ кибитки, около довольно большого колодца, не болѣе двухъ аршинъ глубины, горѣли два большіе костра: на одномъ изъ нихъ въ двухъ котлахъ варился ужинъ для охотниковъ, а на другомъ похлебка изъ зайцевъ и овсяной муки для утомленныхъ собакъ.

Кончивъ мой обзоръ, я возвратился къ кибиткѣ (*) и, заглянувъ внутрь ея, увидалъ прекрасное, теплое помѣщеніе, устланное коврами. У одной стѣны стояла кровать Николая Ѳедоровича, а у другой моя. Въ срединѣ, на довольно помѣстительномъ складномъ столѣ, Катя разливала чай и встрѣтила меня насмѣшками насчетъ нашей неудачной стрѣльбы.

Вечеръ былъ чудный. Въ воздухѣ тепло и тихо. Уже совершенно стемнѣло, когда я, взявъ стаканъ чаю, помѣстился также на складномъ стулѣ около Николая Ѳедоровича.

(*) Подобная киргизская кибитка устроивается слѣдующимъ образомъ: смотри по величинѣ ея, на вымѣренномъ четырехугольникѣ ставятъ 8, 10, а иногда 12 кольевъ почти въ ростъ человека, крѣпко вбивая ихъ въ землю. Къ этимъ колыямъ прикрѣпляются зарѣшеченныя деревянные рамы, а на нихъ уже навязываются большія войлочные полости, такъ что одна приходитъ на другую въ половину ея величины, и такимъ образомъ составляется двѣя стѣна и крыша изъ толстаго войлока.

— Слышите-ли, мой любезнѣйшій, что совѣтуютъ казаки—не простаки, а умные ребята, говорилъ Николай Федоровичъ, съ улыбкой обращаясь ко мнѣ.

— Они совѣтуютъ завтрашній день прокочевать здѣсь и поохотиться близъ Елтони. Говорятъ, что тутъ множество стрепетовъ; а верстахъ въ пятнадцать отсюда есть волчьи норы, такъ просятъ, чтобы кстати и ихъ попугать.

— Это зависитъ совершенно отъ васъ, Николай Федоровичъ, какъ вамъ угодно, такъ и распоряжайтесь.

— Оно конечно намъ въ сторону будетъ, но бѣда не велика. Мы день поохотимся еще на мелкую дичь, а между тѣмъ поварь успѣетъ замариновать дупелей и выкоптить стрепетовъ; а то жаль же будетъ, если придется все это выбросить.

— И то правда, замѣтилъ я.

— Ну, такъ рѣшено, обратился онъ къ казакамъ, ѣдемъ къ Елтони. Въ такомъ случаѣ не надо мѣшкать; скорѣе ужинать да и на боковую, чтобы встать до-свѣту.

Все засуетилось, забѣгало, поварь болѣе другихъ былъ недоволенъ такою торопливостью. Онъ заготовилъ все на хуторѣ, но тутъ вздумалось ему угостить насъ какимъ-то сое-те изъ стрепетовъ съ дупелиными внутренностями, которое надо было ждать по крайней мѣрѣ еще часъ; Николай Федоровичъ раза два посылалъ къ нему спросить: скоро-ли будетъ готово.

Наконецъ къ общему удовольствію ужинъ былъ готовъ и мы не раскаявались, прождавъ его лишній часъ.

Многіе въ эту ночь вовсе не спали: Лиза и Катя изъ боязни къ тарантуламъ, Французъ изъ любезности.

На разсвѣтѣ мы двинулись на юго-западъ отъ нашего кочевья. Не отѣхали мы и версты отъ кургана, какъ гончая и Немвродъ мой начали метаться по слѣдамъ *жировавшихъ* звѣрей. Вскорѣ подняли они зайца, потомъ другаго и третьяго, такъ что травля почти не прерывалась; но и мы не оставались въ бездѣйствіи. Стрепетовъ оказалось въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно множество; рассыпавшись въ цѣпи по степи, мы не жалѣли выстрѣловъ. Такъ продолжалась очень добычливая охота часа два или три, но когда солнце при-

грѣло, рѣдко стали попадаться зайцы, а еще рѣже какойнибудь пернатый степнякъ. Наконецъ дотого обѣднѣла степь дичью, что версты пять прошли мы не встрѣтивъ ни одного живаго существа; уставшіе, мы сѣли на дроги; вдругъ какъ гальванической искрой сообщилось по цѣпи извѣстіе о волкѣ, замѣченномъ впереди. Мы остановились; всѣ охотники съѣхались къ дрогамъ, а Николай Ѳедоровичъ отвязалъ уже свою верховую лошадь и поправлялъ на ней сѣдло.

На вопросъ: гдѣ видѣли волка, отвѣчали намъ, что Ворона замѣтилъ его съ праваго фланга, а ѣхавшій около него казакъ объяснилъ намъ, что волка онъ хотя и не видалъ, но по его соображенію мы должны быть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ норы. Всѣ вмѣстѣ направились мы къ Воронѣ, стоявшему вдалькѣ и нетрогавшемуся съ своего мѣста. Николай Ѳедоровичъ сидѣлъ уже на конѣ и торопилъ его скорымъ шагомъ. Когда мы подъѣхали къ Воронѣ, то на вопросъ, гдѣ волкъ: онъ указывалъ рукой впередъ и таинственно отвѣчалъ «тамъ».

— Не волкъ, а два!

— Да гдѣ—же?

— А вонъ видите-ли небольшой курганъ? Вонъ далеко. Ну такъ одинъ-то на немъ сидѣлъ, да теперъ пропалъ, не видать его; видно залегъ, али за шиханъ слѣзъ.

— Ну а другой гдѣ? былъ почти общій вопросъ.

— А другой-то-вонъ сидитъ; и Ворона указывалъ впередъ немного вправо; да кажись онъ какъ будто все ближе подходитъ, али это ужъ мнѣ такъ мерещится.

Нѣкоторые изъ охотниковъ скоро увидали его, и безпрестанно слышалось: «вонъ-онъ! вонъ-онъ! какъ это ты не видишь?» и. т. д., но ни я, ни Николай Ѳедоровичъ не могли ничего рассмотреть, до тѣхъ поръ пока не вынули изъ дрогъ небольшую зрительную трубу. Съ помощью ея мы ясно увидѣли огромнаго волка, верстахъ въ двухъ отъ насъ прогуливавшагося по степи и безпрестанно на насъ озиравагося.

Николай Ѳедоровичъ и Дергачъ единогласно рѣшили такъ: въ курганѣ, на которомъ видѣли другаго волка или вблизи около него должна быть ихъ пара, куда вѣроятно и спряталась волчица, а передъ нами былъ самецъ, который къ

норамъ не побѣжить, а будетъ отводить отъ нихъ. На этомъ основаніи составилъ слѣдующій планъ: Дергачъ, одинъ изъ стремянныхъ и казакъ должны ѣхать въ объѣздъ волку вправо, а мы съ дрогами, для того чтобы отвлечь его вниманіе, поѣдемъ прямо на курганъ отыскивать нору. Мы тронулись съ мѣста немного влѣво, а три охотника въ противоположную намъ сторону. Въ трубу я постоянно видѣлъ волка и наблюдалъ всѣ его движенія. Сначала онъ покойно сидѣлъ на одномъ мѣстѣ; когда мы были на пол-пути къ кургану—онъ всталъ, и, какъ бы раздумывая нѣсколько минутъ, тихо пошелъ наконецъ по направленію къ дрогамъ, желая, вѣроятно, обратить на себя наше вниманіе; но вскорѣ онъ опять остановился и уже замѣтно было въ немъ нѣкоторое безпокойство, безпрестанно онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто и не садился уже ни на одно мгновеніе. Въ это время я обратилъ трубу на степь, желая отыскать глазами охотниковъ, поѣхавшихъ въ объѣздъ, но нигдѣ ихъ не было видно. Мы были уже неболѣе ста шаговъ отъ кургана, когда волкъ быстро бросился прямо къ намъ и остановился отъ насъ не болѣе какъ въ полуверстѣ, такъ что я приготовилъ было уже мой штуцеръ. Подъѣхавъ къ кургану, мы, съ ружьями въ рукахъ, проворно соскочили съ дрогъ и взбѣжали на его вершину, откуда увидали ясно, что маневръ удался отлично: волкъ былъ въ треугольникѣ между нами и обѣими партіями охотниковъ съ собаками. А Петръ и Илья, обходившіе кругомъ кургана, закричали намъ, что они нашли свѣжую волчью нору. Въ эту минуту ихъ открытіе не интересовало меня: все вниманіе мое было обращено на волка и на степь. Я видѣлъ, какъ Николай Федоровичъ съ своей партіей съ одной стороны, а Дергачъ съ своими товарищами съ другой, тихо подвигались впередъ все ближе и ближе къ хищному звѣрю. Но онъ не подпустилъ ихъ на версту или болѣе, и съ страшной быстротой бросился бѣжать между нами и Николаемъ Федоровичемъ, т. е. черезъ слѣдъ нашихъ дрогъ. Такимъ образомъ Дергачу пришлось травить его въ угонъ, а прочимъ охотникамъ въ—поперегъ.

Въ одинъ моментъ всѣ бросились впередъ; охотники скакали, неистово улюлюкая; гончія и борзья уже были не-

далеко отъ волка. Онъ повернулъ ближе къ кургану, и я выстрѣлилъ въ него изъ штуцера саженьяхъ во ста, но пуля ударилась въ землю сзади его. Въ это же время раздались два выстрѣла за моей спиной; я обернулся— и только читатели—охотники поймутъ мое удивленіе: я увидалъ у подошвы кургана огромнаго волка, ползающаго впередъ съ отбитымъ задомъ. Я бросилъ мой штуцеръ, схватилъ ружье, бѣгомъ догналъ волка и, выстрѣливъ почти въ упоръ, положилъ его на мѣстѣ. Оказалось, что волчица эта была въ норѣ, какъ предсказалъ Николай Федоровичъ. Отъ шума травли и моего выстрѣла, она выскочила изъ нея и была встрѣчена Петромъ и Ильей, у котораго другой стволъ осѣкся. Хотя все это было дѣйствіемъ едва ли одной минуты, но когда я вбѣжалъ опять на курганъ, то простымъ глазомъ я увидалъ только Дергача, подѣзжавшаго къ намъ шагомъ; да вдали въ правой рукѣ стояли двое, а далѣе еще одинъ верховой, а куда дѣвалось все остальное— я долго не могъ сообразить. Послѣ долгихъ помсковъ, направляя трубу мою на различныя точки степи, я рассмотрѣлъ наконецъ вдали двухъ скачущихъ верховыхъ, а впереди ихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, пять или шесть собакъ, гнавшихся за волкомъ. Подѣзжавшій Дергачъ прервалъ мои наблюденія, а Петръ и Илья съ торжествомъ тащили въ это время на курганъ убитаго звѣря.

— Что Федорычъ, видно что ли въ вашу трубу? спрашивалъ усталый Дергачъ, слѣзая съ лошади и подходя ко мнѣ. Ба! да это что-же? другаго видно убили! восклицалъ онъ, разсматривая убитую волчицу.

Мы рассказали ему все, какъ было. По его совѣту сошли къ норѣ, но еще не принялись мы за вырываніе волчатъ, какъ начали подѣзжать къ намъ охотники одинъ за другимъ.

Наконецъ съѣхались всѣ, исключая одного псаря и стремяннаго, подъ которыми были лучшія лошади, сильнѣе прочихъ, а собакъ не являлось еще—шести гончихъ и Нарзана. Увѣренія Николая Федоровича, что волкъ уйти въ степи не можетъ, что гончія его непременно стоняютъ, скоро оправдались. Волкъ былъ дѣйствительно затравленъ верстахъ

въ семи или восьми отъ кургана, но лошади и собаки до того утомились, что едва передвигали ноги. Неболѣе какъ черезъ часъ были вынуты и волчата, всего пять штукъ, слѣдовательно торжество полное—цѣлое гнѣздо хищниковъ было совершенно уничтожено.

Общія заботы обратились теперь къ вопросу: какъ бы ближе и скорѣе отыскать прѣсной воды? По указанію казаковъ мы отправились на югъ отъ кургана и черезъ полчаса подошли къ двумъ большимъ колодезямъ, которые собаки почували издалека. Какъ ни удерживали ихъ, но едва увидали онѣ воду, какъ собравъ послѣднія силы бросились впередъ, и каждая изъ нихъ, высунувъ языкъ и задыхаясь отъ жара, растянувшись, ложилась въ холодную влагу.

Тутъ же подъ открытымъ небомъ, на мягкомъ ковильномъ коврѣ, усѣлись и мы за трапезу; а стреноженныхъ коней пустили гулять. Необыкновенно вкуснымъ казался намъ завтракъ. Но двое охотниковъ, преслѣдовавшіе волка, такъ истомились, что выпивъ по рюмкѣ водки, повалились на землю и черезъ минуту спали уже мервымъ сномъ.

Простоявъ такимъ образомъ часа три, собравшись съ новыми силами, мы пустились въ обратный путь къ нашему стану, и какъ то лѣнливо думалось уже объ охотѣ. Съ половины пути стали опять часто попадаться стрепета и зайцы, но многихъ оставляли въ совершенномъ покоѣ; только вылетавшіе уже около самыхъ дрогъ или близко отъ нихъ, дѣлались нашею добычею.

Засвѣтло мы возвратились къ нашей ставкѣ и въ числѣ добычи нашей насчитали 2-хъ волковъ, 5 волчатъ, 10 русаковъ, хорсака, драхву и 32 стрепета.

Конечно, въ этотъ вечеръ не было другаго разговора какъ о травлѣ волковъ, и Дергачъ торжествовалъ и какъ бы молодѣлъ отъ удовольствія, когда охотники сознались, что не гончія, а Нарзанъ его первый догналъ и положилъ волка», безъ него, говорили они, провозились бы мы съ нимъ еще версты двѣ или три». Тутъ только узналъ я, что стараго волка, если онъ побѣжитъ далѣе двадцати сажень отъ собакъ, не можетъ догнать ни одна борзая собака рѣзвостью своихъ ногъ, а должна его осилить, т. е. загонять.

Еще не стемнѣло, когда мы поужинали и разбрелись по своимъ постелямъ. Даже и Французъ, забывъ обычную любезность, зѣвалъ и недолго болталъ съ скучавшими цѣлый день Катей и Лизой. Въ эту ночь все было тихо въ нашей ставкѣ. Да и на другой день утромъ старики съ трудомъ поднимали утомившуюся молодежь. Къ общему удовольствію, съ утра туманъ былъ такъ силенъ, что нельзя было думать о скоромъ выѣздѣ.

Все кочевье наше давно уже было снято и убрано, осѣдланныя и запряженныя лошади фыркали и отъ нетерпѣнія били копытами, собаки валялись по сырой травѣ; старики ходили взадъ и впередъ и ворчали что-то себѣ подъ носъ; а туманъ какъ на зло становился все гуще и гуще, и только къ десяти часамъ онъ взволновался и сталъ подниматься.

Вотъ наконецъ и солнце показалось какъ за матовымъ стекломъ; скоро хлынуло моремъ свѣта на широкую степь, только вдали на западѣ виднѣлись еще густыя облака, проворно улетавшія.

Мы шли все на юго-востокъ по направленію къ устьямъ Узеней, или вѣрнѣе, къ самарскимъ камышамъ (*). Елтонское озеро оставалось у насъ вправѣ на западѣ.

Недалеко отъ чернаго кургана мы подняли еще зайца и двухъ стрепетовъ. Но потомъ мы ѣхали, часа три не видавъ ничего живаго, кромѣ спутниковъ нашихъ да нѣсколькихъ ящерицъ.

— Да что же изъ этого однако будетъ? обратился я наконецъ къ Николаю Федоровичу, начиная терять терпѣніе.

— Какъ что будетъ! отвѣчалъ онъ со смѣхомъ: на первый разъ вы можете теперь воскликнуть: «вотъ она настоящая то степь!»

Какъ сильная искра лейденской батареи, пролетѣли эти слова по моему тѣлу. Я пересталъ уже было объ нихъ думать, но въ эту минуту я оглянулся кругомъ; внимательно разсматривалъ я даль во всѣхъ направленіяхъ—до крайнихъ ея предѣловъ; но во всѣ стороны взгляды скользили по сте-

(*) Самарскіе камыши—рядъ большихъ и малыхъ соляныхъ озеръ, въ которые впадаютъ обѣ рѣки Узени.

пи, какъ по гладкому льду, и упирался въ небесный сводъ для того, чтобы по немъ возвратиться къ другой сторонѣ опять точно такой же гладкой, безконечной степи.

Тутъ уже нѣтъ кургановъ, не слышишь свиста сурка или голоса какой нибудь пташки, не увидишь степнаго тюльпана или другаго цвѣтка, или хоть маленькаго кусточка бобовника. Вездѣ одинъ ковыль да полынь, и бѣгаетъ по нимъ одно перекати-поле, не имѣя за что зацѣпиться, чтобы отдохнуть, пробѣжавъ сотни верстъ.

Если только подумать о томъ, что все живое населеніе такой степи состоитъ только изъ безобразныхъ кочующихъ Киргизовъ, ящерицъ, тарангуловъ, скорпионовъ, фалангъ и ядовитѣйшихъ черныхъ вдовъ (*), что все это скрывается гдѣ-то, для того, чтобы при случаѣ напасть на человѣка и причинить ему вредъ, если не смерть, то становится понятнымъ какое впечатлѣніе должна произвести эта степь на одинокаго странника. Жаль мнѣ такого путника! Нечѣмъ здѣсь ему утолить голода! Соленогорькая вода все болѣе и болѣе возбуждаетъ жажду, а прѣсной воды не найдетъ онъ иногда въ трое сутокъ; не отыщетъ онъ здѣсь сухой былинки, чтобы, разведя огонь, отогрѣть окоченѣлые члены, отдохнуть нѣсколько часовъ, не бывъ встревоженъ ядовитыми насѣкомыми. Если онъ не ляжетъ навѣки въ этой безграничной открытой могилѣ, то, конечно, выйдетъ изъ нея не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи.

Вотъ по такой-то степи проходили мы четыре дня, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и постоянно таская за собою весь нашъ обозъ.

Утомительное мертвое однообразіе всего насъ окружавшаго, нарушалось только киргизскимъ караваномъ верблюдовъ и лошадей, замѣченнымъ нами въ семи или восьми верстахъ на востокъ, да двумя небольшими соляными озерами, или вѣрнѣе, лужами, около которыхъ мы запаслись по крайней мѣрѣ камышемъ на топливо; и ко всему этому можно еще

(*) Черная вдова—этимъ именемъ называютъ Киргизы самаго ядовитаго паука, похожаго на тарангула, но черно-коричневаго цвѣта.

прибавить, что два дня поливало насъ дождемъ какъ изъ ведра.

Утромъ на ранней зарѣ выѣхали мы въ поле. До полудня ѣхали все впередъ и впередъ; не было уже и надежды на какую либо охоту въ этотъ день. Пѣсни Кати и Лизы въ два голоса были единственнымъ развлеченіемъ. Даже и Дергачъ, потерявъ терпѣніе, подѣхалъ къ намъ и слѣзъ съ лошади, чтобы отдохнуть на дрогахъ, промолвить словечко, какъ онъ выражался.

Думали уже, что и пятый день придется провести намъ въ этой глухой степи также бесплодно и скучно.

Вдругъ все встрепенулось. Вдали съ лѣваго фланга скакалъ къ намъ во весь карьеръ казакъ, махая своею фуражкой. Дроги остановились. Съ нетерпѣніемъ ждали всѣ узнать, какую новость везетъ намъ этотъ вѣстникъ. Справа и слѣва на рысяхъ подѣзжали къ дрогамъ охотники.

Подѣхалъ наконецъ и казакъ. Незнакомому съ степной охотой и со скукой ея неудачъ-трудно понять нашу радость. Мы узнали отъ него, что онъ наѣхалъ на сайгачью тропу. Читателямъ моимъ, вѣроятно, незнакомо это слово. Не думаю также, чтобы имъ извѣстны были хотя нѣкоторыя подробности, о самомъ сайгакѣ, этомъ жителѣ глухой степи, который до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, даже и въ звѣринцахъ не являлся въ какой либо городъ. Поэтому, я думаю, не лишнимъ будетъ, если я скажу здѣсь хотя нѣсколько словъ объ этомъ животномъ и его перекочевкахъ съ юга на сѣверъ.

Сайгакъ—это нашъ европейскій или вѣрнѣе русскій лама. Станомъ и головой онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ калмыцкимъ или такъ называемымъ курдюксимъ бараномъ, но стройнѣе, выше его и не имѣетъ курдюка (*); изкрасна сѣрая шерсть его гладка, жестка и коротка, какъ у оленя. Самецъ имѣетъ пару небольшихъ прямыхъ роговъ, показывающихся на второмъ году; кольца на нихъ обозначаютъ его возрастъ. Какъ постоянный обитатель степей, гдѣ часто

(*) Курдюкъ—хвостъ въ видѣ раздвоеннаго мѣшка, наполненнаго одними жаромъ, въ которомъ бываетъ до 20 и болѣе фунтовъ вѣса.

встрѣчается онъ съ своимъ лютымъ врагомъ—волкомъ, онъ спасается только быстротою своего бѣга, которая изумительна. Когда несется сайгакъ своею павною иноходью, эта быстрота незамѣтна, но и такъ не догонитъ его никакая собака, а еще менѣе лошадь. Но когда онъ видитъ, что опасность близка, и сдѣлаетъ нѣсколько усиленныхъ прыжковъ, то все преслѣдующее его покажется какъ бы остановившимся на мѣстѣ, такъ скоро отдѣлится онъ на десятки, а если нужно, и на сотни сажень, и понесется опять своею обыкновенною иноходью. Сайгаки въ европейской Россіи водятся только между низовьями рѣкъ Волги, Урала и Дона, т. е. въ киргизскихъ и калмыцкихъ степяхъ преимущественно. За Волгою они большую часть года пасутся невдалекѣ отъ сѣвернаго берега Каспійскаго моря, а на зиму собираются иногда въ его камыши и въ камыши южныхъ озеръ киргизской степи. Но весной, во второй половинѣ апрѣля, когда наступаетъ время имъ ягниться, они, зная уже по опыту, что въ концѣ мая тощая растительность южной части степи чахнетъ отъ сильныхъ жаровъ, перекочевываютъ на сѣверъ къ той полосѣ, гдѣ между самарскими камышами и Елтоною кончается песчаная степь, и начинаются ковылы долго выдерживающіе жары, нерѣдко доходящіе до сорока и болѣе градусовъ. Говорятъ, что въ старыя годы, когда на всемъ заволжьѣ саратовской губерніи не было почти никакихъ поселеній, сайгаки, завлекаемые все болѣе и болѣе питательною растительностью, доходили иногда до самаго Саратова и даже до Самары; теперь же мѣстность между Узенями и Таргуномъ составляетъ самый крайній предѣлъ кочеванія ихъ на сѣверъ, но и здѣсь видятъ ихъ уже рѣдко и на очень короткое время. При такихъ перекочевкахъ сайгаковъ замѣчательно слѣдующее обстоятельство. Съ юга на сѣверъ они идутъ огромными стадами, нерѣдко въ тысячу и болѣе штукъ; но какъ только кончается въ такомъ стадѣ ягненіе, они разбиваются на мелкія стада штукъ въ пятьдесятъ и рѣдко до ста. и такъ возвращаются къ мѣстамъ зимовки.

Черезъ полчаса подѣхали мы къ сайгачьей тропѣ; даже непривычный глазъ легко могъ ее замѣтить. Вездѣ однооб-

разная степь, но въ этомъ мѣстѣ пространство, сажень на сто шириной, показывало ясно, что недавно прошло по ней большое стадо какихъ-то животныхъ. Весь ковыль на этой полосѣ былъ выщипанъ или примятъ вмѣстѣ съ полынью.

Что сайгаки прошли, и прошли недавно, и очень большимъ стадомъ — все это мы видѣли ясно; но куда и откуда они шли? вотъ вопросъ, который должны были рѣшить навывѣ и опытность.

Старики наши слѣзли съ дрогъ, ходили по тропѣ, посмотрѣли на слѣды, потолковали между собой и съ казаками; Николай Федоровичъ вынулъ изъ кармана свой компасъ, чтобы вѣрнѣе опредѣлить, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ, и рѣшили наконецъ, что мы съ сайгаками разъѣхались, повстрѣчавшись съ ними на такомъ разстояніи, что не могли ихъ замѣтить; что стадо должно быть недалеко отъ насъ, потому что трава нигдѣ еще не успѣла подняться; слѣдовательно мѣшкать было нечего—надо было скорѣе догнать ихъ.

До сихъ поръ мы шли все прямо на юго-востокъ отъ Воронина хутора, но отъ этого мѣста мы повернули на сѣверо-востокъ, т. е. почти назадъ. Обозу приказано было ѣхать за нами шагомъ, а мы на дрогахъ и верховые, по обѣ стороны разровнявшись въ ширину тропы, тронулись по ней на рысяхъ. Все вниманіе было обращено впередъ по тропѣ. Николай Федоровичъ не выпускалъ изъ рукъ зрительной трубы. Такъ ѣхали мы часа два, но не было никакого признака близости стада. Вдругъ Ворона, ѣхавшій на правомъ флангѣ, остановился и замахалъ намъ шапкой. Полагая, что онъ увидалъ сайгаченка, мы соскочили съ дрогъ и бѣгомъ побѣжали къ нему.

— Что такое? спрашивалъ Николай Федоровичъ.

— А вотъ что, панови, отвѣчалъ Ворона слѣзши съ лошади; вѣдь сайгаки-то у насъ въ задѣ остались.

— Какъ въ задѣ?

— Да вотъ смотрите же! и онъ указывалъ въ правую сторону.

Мы ничего не видали, но Николай Федоровичъ, наводившій трубу на различныя точки степи, остановился наконецъ

на одномъ мѣстѣ и послѣ внимательнаго наблюденія воскликнулъ съ радостью и удивленіемъ:

— «Вотъ какъ говорится, не было ни гроша, а тутъ вдругъ алтынъ!» вѣдь это не то же, а другое стадо.

— Какъ другое? былъ общій вопросъ.

— Да такъ; эта тропа идетъ, какъ видно, на сѣверъ, а то стадо идетъ, должно быть, отъ Узеня, и идетъ какъ будто, прямо на насъ. Что теперь намъ дѣлать? обратился Николай Ѳедоровичъ къ Дергачу.

— А уже Богъ знаетъ, какъ теперь лучше бы сдѣлать? и старикъ задумался.

Въ это время одинъ изъ казаковъ слѣзъ съ лошади и легъ на землю. Я не понималъ, что онъ дѣлаетъ.

— Слушайте, ваше высокоблагородіе, заговорилъ онъ, вскочивъ на ноги: нечего стоять намъ да думать, да время попусту тратить—надо ѣхать по тропѣ, и то-то стадо не далеко, а это поперегъ намъ идетъ—такъ и послѣ отыщемъ.

— А развѣ впереди слышно что? спросилъ Дергачъ.

— Чего не слышно? — Какъ цѣпами молотятъ! версть пятюкъ,—больше не будетъ до нихъ.

Почти всѣ приникли къ землѣ, и всѣ услышали какой-то шумъ какъ впереди, такъ и въ сторонѣ, гдѣ уже намъ видѣлись сайгаки. Казалось только, что шумъ впереди былъ немногимъ далѣе. Не смотря на это, по совѣту казака, рѣшились продолжать наше преслѣдованіе; и не проѣхали мы пяти версть, какъ увидали вдали сайгака, бѣжавшаго прямо на насъ. Николай Ѳедоровичъ, слѣдившій за нимъ въ зрительную трубу, увидаль и самое стадо, къ которому присоединился сайгакъ съ своимъ ягненкомъ. Проѣхали еще съ версту, и увидали сайгаченка, лежавшаго на степи, еще безсильнаго подняться на ноги.

— Вотъ и охота начинается, воскликнулъ Николай Ѳедоровичъ, подходя вмѣстѣ со мной къ маленькому уродливому животному.

Всѣ охотники съ собаками, раздѣлившись на двѣ группы, на рыскахъ поѣхали отъ насъ вправо и влево, а дроги повернули назадъ; только охотники съ ружьями остались на тропѣ, разойдясь во всю ея ширину. Мы съ Николаемъ Ѳе-

доровичемъ встали по обѣ стороны ягненка. Не прошло и четверти часа, какъ мы увидали вдали сайгака, рѣзвою иноходью, съ громкимъ бляніемъ бѣжавшаго прямо на насъ. Мы всѣ присѣли. На голосъ матери началъ отзываться ягненокъ, и чадолюбивое животное, хотя видно было что оно боялось, какъ бы предчувствуя опасность, но все таки подбѣжало къ нему почти вплотъ, а отъ насъ оно было не болѣе пятидесяти шаговъ,—ближе однако къ моему товарищу; онъ выстрѣлилъ, и бѣдное животное смертью заплатило за привязанность свою къ дѣтенышу.

Не мѣшкая ни минуты, мы пошли впередъ скорымъ шагомъ, и, не больше какъ въ полуверстѣ, былъ найденъ другой ягненокъ; опять тотъ же маневръ, и другой сайгакъ сдѣлался жертвою материнской любви.

Признаюсь откровенно—съ первыхъ же минутъ охота эта опротивѣла мнѣ, такъ похожа она на бойню и промыселъ, такъ жалостно кричитъ бѣдное животное, идя на явную смерть для спасенія своего дѣтеныша, что я былъ очень доволенъ, что мнѣ не пришлось ни разу выстрѣлить. Даже и зрителемъ быть какъ то тяжело и непріятно! Подъ предлогомъ сильной усталости и головной боли ушелъ я назадъ и сѣлъ на дроги курить трубку. Восемь старыхъ убитыхъ сайгаковъ и столько-же живыхъ ягнятъ были добычей этого дня. За часъ до заката охоту прекратили и, по указанію казаковъ, мы, съѣхавъ съ тропы, направились влѣво къ знакомымъ имъ колодезямъ и мѣсту удобному для ночевки.

Когда мы были уже на мѣстѣ, и все хлопотало надъ устройствомъ лагеря, мы узнали отъ обозныхъ, отставшихъ отъ насъ на нѣсколько верстъ, что другое стадо сзади ихъ перешло ту тропу, по которой мы слѣдовали. Такимъ образомъ ночевка сайгаковъ должна быть недалеко отъ нашей. По этому на другой день Николай Федоровичъ, замѣтившій, что этотъ способъ охоты мнѣ вовсе не по сердцу, предложилъ охоту на сайгаковъ, по его увѣренію, болѣе занимательную.

Мы встали еще до свѣта. Обозъ оставили на мѣстѣ. Безъ всякаго слѣда и указанія отправились мы въ степь по тому направленію, гдѣ, по соображеніямъ стариковъ, должно быть еще неуганное стадо.

Всѣ распоряженія были сдѣланы заранѣе, и мы ѣхали тремя партіями, въ срединѣ наши дроги, а по бокамъ, верстахъ въ трехъ отъ насъ, охотники съ собаками. Верстахъ въ восьми отъ кочевки увидали сайгаковъ, пасущихся какъ бы на одномъ мѣстѣ.

Мы остановились; семь человѣкъ съ ружьями (при мнѣ былъ и мой штуцеръ) разошлись по степи на сто шаговъ другъ отъ друга. Дроги отъѣхали далеко въ сторону, а мы легли на землю. Съ помощію зрительной трубы я ясно видѣлъ, какъ обѣ партіи верховыхъ охотниковъ объѣзжали сайгаковъ съ обѣихъ сторонъ. Мы были отъ стада въ трехъ верстахъ.

Вотъ вижу я наконецъ, что охотники уже по ту сторону разъѣзжаются на нѣкоторое разстояніе и поворотили прямо на сайгаковъ; подвигаются къ нимъ все ближе и ближе, но осторожныя животныя замѣтили преслѣдователей и тихо тронулись съ мѣста по направленію къ намъ. Охотники разъѣзжаются все шире и шире, а сайгаки сходятся все въ болѣе густое стадо. Вотъ наконецъ я различаю уже простымъ глазомъ и цвѣтъ шерсти животныхъ, прямо идущихъ на меня; я различаю уже впереди стада нѣсколько статныхъ барановъ съ ихъ красивыми рожками. Сильно бьется мое сердце. Все стадо, штукъ изъ пяти или шести сотъ, остановилось передо мною, не болѣе—какъ въ полтора ста шагахъ. Осторожно, едва дыша, поднялъ я къ плечу свой штуцеръ, и выбравъ самаго большаго барана, выстрѣлилъ въ него. Признаюсь откровенно—послѣ этого выстрѣла я долго не могъ придти въ себя! такъ поразила меня послѣдовавшая за тѣмъ сцена; мнѣ какъ-то смутно помнится, что когда я выстрѣлилъ, стадо, какъ бы раздвоившись, бросилось съ страшной быстротой и шумомъ впередъ, слышалось еще нѣсколько выстрѣловъ, затѣмъ лай собакъ, крики охотниковъ, и когда я опомнился, сайгаки были уже отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ, за ними скакали охотники, другіе торочили затравленнаго звѣря. Въ нѣсколько мгновеній въ эту охоту было убито 3 старыхъ барана и 2 старыхъ самки, а собаками затравили 4 ягненка, изъ которыхъ двое были уже недѣль трехъ или

болѣе, слѣдовательно въ лучшей порѣ для знаменитаго сайгачьяго жаренаго (*).

Охота была на этотъ разъ такъ удачна, а лошади и собаки были такъ истомлены, что, не смотря на раннее время, мы рѣшились возвратиться къ нашему стану, и около полудня были уже на мѣстѣ.

— Вотъ эта охота-такъ охота, а не бойня, говорилъ я, совершенно довольный этимъ днемъ, сядь за обѣдъ, къ которому успѣли зажарить намъ и сайгака.

— Ну чтоже эта охота? возразилъ Николай Федоровичъ, пожимая плечами; одно мгновеніе удовольствія—и конецъ! ужъ этого стада не отыщете вы и въ двѣ недѣли. То ли дѣло охота по тропѣ—сколько захочешь столько и убьешь! и удовольствія не на одну минуту, а иногда на два и на три дня.

— И что же убьете вы въ эти три дня? какой нибудь десятокъ два окатившихся тощихъ самокъ, да наберете сколько же ни куда негодныхъ слабыхъ ягнятъ! по моему мнѣнію одинъ мой баранъ стоитъ всей этой добычи.

— А вѣдь Федорычъ правду говоритъ! отозвался Дергачъ. Какъ-то не весело бить сайгачиху, когда она такъ жалостно кричитъ; да и не сравнить-же ее съ бараномъ? а посмотрите-ка, каковъ будетъ сайгаченокъ, котораго я затравилъ! такого съ тропы не возьмешь, Николай Федорычъ!

Дергачъ засмѣялся, а Николай Федоровичъ соглашался уже съ нашими доводами, повторяя только, что на тропѣ охота добычливѣе, противъ чего никто и не спорилъ.

Весь вечеръ этого дня былъ посвященъ удовольствіямъ лагерной стоянки; пѣли пѣсни, рассказывались замѣчательные случаи изъ охотничьей жизни, стрѣляли въ цѣль изъ двухъ штуцеровъ и изъ винтовки Петра, и въ этомъ состязаніи Петръ не только превзошелъ всѣхъ насъ, но возбудилъ общій восторгъ. Онъ прѣето дѣлалъ чудеса своей уродливой пицалью. Ни прежде, ни послѣ я не видывалъ подобной стрѣльбы. Напримѣръ, во ста шагахъ разбить яйцо, постав-

---

(*) Старый сайгакъ, въ особенности баранъ, составляетъ лакомый кусокъ для Киргиза, хотя это мясо вкусомъ напоминаетъ мясо стараго козла; молодой же ягненокъ, отъ 3 до 6 недѣль, лучше всякаго барашка.

ленное на шляпку шомпола, ему было ни почемъ: онъ разбилъ ихъ три къ ряду; въ шапку, брошенную на воздухъ, онъ попалъ безъ промаха, и т. д. По этому я просилъ его на другой день идти со мною рядомъ, чтобы видѣть мнѣ его стрѣльбу по дичи.

Но этого другаго дня пришлось намъ долго дожидаться. Солнце сѣло за черными тучами, поднимавшимися съ запада. Все болѣе и болѣе надвигались онѣ на насъ. Старики, предвидя сильный и продолжительный дождь, приказали окапывать скорѣй кибитку и всѣ палатки. И хорошо, что приняли эту предосторожность. Едва кончили работу, поднялся вѣтеръ, грозившій сорвать нашъ лагерь. Всѣ забѣгали и захлопотали, чтобы укрѣпить все какъ можно лучше; лошадей собирали со степи и привязывали къ экипажамъ; собаки бѣгали и съ визгомъ жались къ стѣнкамъ палатокъ, а вѣтеръ, свободно разгуливая по открытой степи, гудѣлъ все сильнѣй и сильнѣй; стало холодно какъ въ позднюю осень; и не успѣли мы поужинать, какъ дождь крупными каплями застучалъ въ нашу кибитку. Къ утру обложили тучи все небо, и дождь переставалъ на нѣкоторое время, смѣняясь изморозью.

Такъ должны мы были просидѣть болѣе двухъ сутокъ, не выходя ни шагу изъ кибитки. Счастіе еще было наше, что Семень захватилъ съ собою книжку «Русскаго Слова», полученную съ послѣднею почтою; по крайней мѣрѣ было что читать, и мы могли разнообразить препровожденіе нашего времени. Но еще большимъ счастіемъ можно было назвать, что вблизи нашего стана оказалось небольшое соляное озеро; отъ него получали мы камышъ на топливо въ такія минуты, когда уже не знали что дѣлать, истощивъ всѣ запасы къ поддержанію огня. Положеніе было бы весьма непріятное: въ сырое и очень холодное время остаться безъ огня и возможности готовить пищу.

Мы были тогда во 100 верстахъ отъ ближайшаго поселенія на Узенѣ; слѣдовательно не было никакой возможности укрыться хотя въ курной, черной избѣ какого нибудь несчастнаго переселенца.

Въ эти двое сутокъ бездѣйствія и скуки, сырости и холода, такъ надоѣла всѣмъ намъ наша степная кочевка, что

ни ясный лазуревый сводъ неба, ни яркое солнце, привѣтливо освѣтившее степь, съ которыми встрѣтило наконецъ насъ утро третьяго дня, не могли соблазнить насъ идти далѣе къ песчанымъ пустынямъ киргизской степи, къ солянымъ грядамъ, какъ было предложено въ началѣ. Теперь было рѣшено, что мы повернемъ прямо на Узень, по немъ подвинемся впередъ до Новоузенска, а оттуда, разставшись съ нашей охотой и съ добрыми товарищами нашими—Дергачемъ и Вороной, поѣдемъ на почтовыхъ прямо въ Саратовъ.

Слѣдуя этому вновь составленному маршруту, мы отправились въ путь, въ полной увѣренности, на четвертый или пятый день быть въ Новоузенскѣ; но вышло не такъ.

Едва мы тронулись съ мѣста, какъ вправо на югъ, въ томъ направленіи откуда мы повернули по первой тропѣ, замѣтили и теперь небольшое стадо сайгаковъ. Съ помощью зрительной трубы мы ясно увидѣли, что штукъ двѣсти сайгаковъ шли прямо на насъ, и за ними, какъ бы въ туманѣ, виднѣлось вдали нѣсколько всадниковъ. Когда удостовѣрились, что ихъ не болѣе шести, слѣдовательно не было опасности помѣшать ихъ промысловой охотѣ, мы проворно соскочили съ дрогъ, заняли мѣста цѣлью, а охотники стали заѣзжать вправо и влево въ объѣздъ сайгакамъ. Одному изъ казаковъ, говорившему по-татарски, было приказано доѣхать до киргизовъ и пригласить ихъ на стаканъ водки. Съ часъ пролежали мы на землѣ; тихо подвигались къ намъ сайгаки, и съ завистью смотрѣлъ я на правый флангъ, къ которому направлялось на этотъ разъ все стадо. Одинъ старый баранъ далеко отдѣлился отъ товарищей, и, подошедъ на выстрѣлъ къ крайнему охотнику (а это былъ Петръ) остановился и съ глухимъ блеяніемъ озирался кругомъ. Выстрѣлъ раздался, баранъ повалился, и, къ счастью нашему, испуганное стадо бросилось прямо на цѣль, такъ что я успѣлъ выстрѣлить изъ обоихъ стволовъ и пустилъ еще пулю въ догонку. Два барана, двѣ матки и нѣсколько ягнятъ были жертвами этой неожиданной охоты. Вскорѣ подъѣхали къ намъ и Киргизы, въ числѣ четырехъ конныхъ охотниковъ и двухъ ра-

ботниковъ на четырехъ верблюдахъ, везшихъ дичь, кумысъ, муку и небольшую кибитку.

Къ общему удивленію, мы не встрѣтили въ нихъ ни малѣйшаго признака непріязни или неудовольствія за разстройство ихъ охоты. Напротивъ, они были по видимому въ очень веселомъ расположеніи духа; рассказывали намъ, что они преслѣдовали это стадо третій день, взяли изъ него 28 ягнятъ и убили 26 старыхъ матокъ.

Въ первый разъ въ моей жизни видѣлъ я этихъ сыновъ песчаной пустыни, не въ томъ видѣ, какими они являются на ярмаркахъ и базарахъ въ городахъ и селахъ; гдѣ они, какъ говорится, тише воды, ниже травы; гдѣ каждому дворовому человѣку Киргизъ кланяется чуть не до земли; гдѣ онъ кажется вялымъ, тихимъ, боязливымъ и не поворотливымъ. Не таковъ Киргизъ въ степи, верхомъ на своей маленькой, но быстрой и сильной лошаdkѣ, вооруженный стрѣлами, лукомъ, нагайкой, а нѣрѣдко и винтовкой. Все дышетъ въ немъ беззаботной свободой; много силы выглядываетъ изъ подъ яргака (*) въ его загорѣлой мощной груди, въ его мускулистыхъ рукахъ. Совсѣмъ другое выраженіе въ его скулистомъ широкомъ лицѣ, въ его узкихъ, прищуренныхъ, но зоркихъ глазахъ. Спустивши яргакъ съ голыхъ плечъ, гордо сидитъ онъ въ своемъ покойномъ сѣдлѣ, какъ бы приросшій къ нему; гордо глядитъ онъ на родимую степь, по которой, какъ вольная птица, летаетъ безъ заботъ о будущемъ днѣ. Въ этой степи не боится онъ наѣзда исправника или становаго, не утомляетъ онъ своихъ ногъ бѣганіемъ по трехъ—этажнымъ лѣстницамъ присутственныхъ мѣстъ; не только старшина и султанъ, но и самъ ханъ не оскорбитъ его полновѣсною бранью.

Встрѣчаясь съ Русскими, Киргизы недовѣрчиво поглядываютъ на нихъ, но скоро дружатся, если видятъ, что не расчетъ или злыя намѣренія привели гостя въ степи.

Такъ было и съ нами. Черезъ полчаса мы были уже друзьями, жали руки и подчивали другъ друга водкой и кумысомъ. Въ началѣ съ отвращеніемъ, но потомъ съ удоволь-

(*) Яргакъ—халатъ изъ жеребьячьихъ кожъ, шерстью вверхъ.

ствіемъ пилъ я этотъ напитокъ. До водки—Киргизы оказались страшными охотниками. При первыхъ двухъ стаканчикахъ они повеселѣли до того, что пѣли намъ пѣсни, а двое изъ нихъ даже плясали, но кривыя ноги и уродливо-широкіе свислые шаровары ихъ мѣшаютъ всякому движенію. Отъ пѣсенъ Кати и Лизы они приходили не въ восторгъ, а въ какое то изступленіе, и мы хохотали до усталы, когда Николай Ѳедоровичъ уговорилъ своихъ пѣвицъ, чтобы онѣ поцѣловали того Киргиза, который все время съ гордостью рассказывалъ намъ о происхожденіи своемъ отъ бѣлой кости. (*) Потомокъ бѣлой кости пришелъ въ такой азартъ, что предлагалъ Николаю Ѳедоровичу 50 коней за Катю, а за Лизу давалъ въ придачу еще 10 верблюдовъ и 50 барановъ; какъ видно—послѣдняя понравилась ему больше. Долго бесѣдовали и смѣялись мы съ этими простодушными до ребячества наивными обитателями степей. Наконецъ водка окончательно подкосила имъ ноги и смыкала узкіе глаза. Николай Ѳедоровичъ подарилъ бѣлой кости черкесскій кинжалъ, а тотъ отдалъ его верблюдомъ, и мы, дружески простившись, разстались.

Мы такъ долго простояли на одномъ мѣстѣ, что до вечера едва ли сдѣлали болѣе двадцати верстъ, и вся охота наша ограничилась двумя птицами, которыхъ я прежде не видывалъ, и которыя только и водятся, что въ песчаной киргизской степи и очень рѣдко появляются около Узеней и Елтонскаго озера.

Киргизы и заволжскіе переселенцы называютъ ее «саджа» (***) и имѣетъ ли она какое другое названіе—миѣ неизвѣстно, потому, что въ то время не только ни въ одномъ зоологическомъ кабинетѣ я не встрѣчалъ этой птицы, но я не могъ даже отыскать описанія ея ни въ одной зоологіи. Теперь быть можетъ она сдѣлалась извѣстнѣе. Эта птица

(*) Князей и султановъ киргизы считаютъ—происходящими отъ бѣлой кости, а простолюдиновъ—отъ черной кости.

(**) Въ киргизъ-кайсацкой степи, преимущественно на югѣ ея около алтайскихъ горъ водятся четыре различныхъ вида саджей, но всѣ они отличаются мохнатыми ногами, какъ у рябчика и гораздо меньше описываемаго мною вида этой же породы птицъ.

немного болѣе сѣрой куропатки; корпусомъ, головой и формой крыльевъ похожа на большую сивку (Brach-huhn), а цвѣтомъ перьевъ на обыкновеннаго сѣраго турухтана (Dampf-hahn); самецъ отличается только нѣсколькими черными перьями въ крыльяхъ и хвостѣ, да болѣею красноватостью на головѣ; но особенность этой птицы составляютъ два длинныхъ, волосообразныхъ перушка въ хвостѣ, а еще болѣе ея ноги или, вѣрнѣе, пальцы; ноги ея несоразмѣрно толсты и покрыты очень жесткой кожей, но три пальца ея такъ коротки, и такъ расположены; что они похожи болѣе на раздвоенное копытце въ родѣ овечьяго, чѣмъ на ступню какой-либо птицы. Вкусъ мяса ея очень схожъ съ мясомъ сивки, но цвѣтомъ гораздо темнѣе его. Мы встрѣтили ихъ пять штукъ, онѣ подпустили очень близко, двухъ изъ нихъ мы убили. Онѣ выводятся въ большомъ количествѣ около соляныхъ грязей въ густомъ степномъ камышѣ. Кладутъ онѣ всегда два яйца. Осенью большими стадами держатся въ самыхъ глухихъ песчаныхъ степяхъ.

Мы остановились на кочевку, потому что на пути встрѣтили очень большой колодезь отличной прѣсной воды. Палатки были уже разбиты, солнце уже садилось, намъ подали чай, когда подошедшій казакъ принесъ намъ вѣсть, что вдали видно небольшое стадо сайгаковъ. Николай Федоровичъ схватился за трубу, и объявилъ намъ, что это не сайгаки, а тарпаны. Слѣдовательно еще новый знакомецъ въ моей охотничьей жизни (*).

Всѣ собрались вокругъ насъ и долго не знали на что рѣшиться; первую мыслью было—сейчасъ-же сѣдлатъ опять

(*) Странное дѣло! нѣсколько лѣтъ тому назадъ привезли въ Парижъ двухъ дикихъ первобытныхъ лошадей изъ Сиріи; нашъ Вѣстникъ естественныхъ наукъ тотчасъ же сообщилъ своимъ читателямъ объ этомъ происшествіи, какъ о какомъ-то важномъ открытіи, и пророчилъ много пользы отъ разведенія этого животнаго въ домашнемъ и сельскомъ хозяйствѣ. Неужели-же г.г. зоологи наши и испытатели природы не знаютъ еще и до сего времени, что точно такую-же сирійскую лошадь,—тарпана, могутъ они видѣть въ огромныхъ стадахъ у себя въ отечествѣ; чтобъ не сказать подъ носомъ, въ киргизскихъ степяхъ, и что животное это рѣшительно ни къ чему не способно? Ни въ одномъ музеумѣ я не видалъ еще тарпана, и нигдѣ не привелось мнѣ читать что либо объ немъ.

утомленныхъ коней, но опытный и разсудительный Дергачъ доказалъ намъ, что это ни къ чему не поведетъ, что мы только прогонимъ тарпановъ.

— И повдно уже теперь! и кони стомлены, и люди устали! ужъ это будетъ все не то! а до утра далеко не уйдутъ, заключилъ онъ съ увѣренностью.

До самой темноты мы наблюдали за ходомъ тарпановъ и убѣдились, что они идутъ съ юга на сѣверо-западъ, слѣдовательно ночью должны проходить около нашей кочевки.

Это предсказаніе такъ вѣрно сбылось, что утромъ, когда начало разсвѣтать, ихъ увидали не далѣе какъ въ двухъ верстахъ, по тому направленію, откуда мы приѣхали вечеромъ.

Дѣлать было нечего; приходилось вернуться немного назадъ. Я не участвовалъ въ совѣщаніяхъ стариковъ о предстоящей охотѣ, но въ самыхъ приготовленіяхъ я замѣтилъ что-то особенное: сѣдлали только трехъ лошадей и запрягли однѣ дроги. На вопросъ мой: что это значить? Николай Федоровичъ объяснилъ мнѣ, что охотиться на тарпановъ не стоитъ, но что мы ѣдемъ съ тѣмъ, чтобы поймать только пару молодыхъ животныхъ, которыхъ онъ обѣщалъ доставить губернатору. А на другой вопросъ: почему на лошадяхъ стремяннаго и доѣзжачаго ѣдутъ казаки, а не они сами? мнѣ отвѣчали, что казакамъ дали лучшихъ и сильнѣйшихъ лошадей; потому что только они одни умѣютъ владѣть арканомъ.

Когда все было объяснено, Николай Федоровичъ, я и Петръ сѣли на дроги съ штуцерами и винтовкой въ рукахъ и тронулись съ мѣста въ сопровожденіи трехъ верховыхъ. Въ верстѣ или менѣе отъ тарпановъ, пасшихся на одномъ мѣстѣ, мы остановились, слѣзли съ дрогъ; верховые одинъ за другимъ поѣхали шагомъ, и около каждаго изъ нихъ шелъ товарищъ съ ружьемъ, укрываясь за лошадь. Тарпаны перестали пастись, подняли головы, обратили на насъ свои глаза и поворачивались по мѣрѣ того, какъ мы, объѣзжая кругомъ ихъ, подвигались къ нимъ все ближе и ближе. Наконецъ мы были отъ нихъ не болѣе полутора ста шаговъ;

ихъ было штукъ оорокъ, не считая нѣсколькихъ новорожден-
ныхъ жеребятъ.

Старый, красивый жеребецъ, гордо обходившій свою семью, обратилъ на себя все наше вниманіе. Трудно вообразить себѣ, какъ красива эта небольшая первобытная лошадка, когда вскинувъ гриву, поднявъ хвостъ и уши, съ раздутыми ноздрями, несется по степи ыркая и безпрестанно поворачивая голову то вправо, то влѣво. Николай Ѳедоровичъ, шедшій въ срединѣ, выстрѣлил; табунъ шарахнулся; выстрѣлили и мы съ Петромъ. Одно животное осталось на мѣстѣ, другое, отбѣжавъ нѣсколько сажень, остановилось, запаталось и пало также; а верховые неслись въ это время за быстро удалявшимся табуномъ.

Оба убитыхъ тарпана оказались старыя матки и одна изъ нихъ подсосая. Когда я подошелъ къ убитому животному, то я глазамъ моимъ не вѣришь, чтобы это могло быть одно изъ тѣхъ, которыми я такъ любовался. На землѣ лежалъ не красивый конь въ уменьшенныхъ размѣрахъ, а какой то уродливый лошагъ, ростомъ съ небольшимъ въ полтора аршина цвѣта крысиной шерсти, съ жиденькимъ хвостомъ и гривой, и съ уродливою большою головой.

Не болѣе какъ черезъ полчаса, псарь привелъ на арканѣ жеребенка, а вскорѣ послѣ того лвились и казакъ, таща на арканахъ годовалыхъ жеребчика и кобылку. Тѣмъ и кончилась наша охота за тарпанами, отъ которой я ожидаю нѣкогда не вѣсть какого удовольствія.

Пока мы возвращались къ нашему стану, тамъ было уже все готово къ дальнѣйшему походу. Мы только закусили и тронулись въ путь.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Узеню, начали появляться все болѣе и болѣе сначала волки, лисицы и сурки; а потомъ зайцы, тушканчики, драхвы, стремета и крошечныя, и наконецъ около Узеня мы увидали такое множество болотной и озерной дичи, какого я въ жизнь мою не видывалъ. И не забудьте, что это весною, — когда большую часть птицы мы поднимали съ гнѣздъ. Можно вообразить себѣ, что дѣлается осенью на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и теперь разворочанная дичь не сотнями, а тысячами летаетъ надъ вами, кру-

гомъ васъ, мечется изъ подъ вашихъ ногъ и покрываетъ каждую лужицу; и все это такъ смирно, что осторожный гусь, лебедь и журавль подпускаютъ васъ на двадцать шаговъ, а кроншнепы, веретенники и сотни различныхъ куликовъ и турухтановъ летаютъ надъ вашей головой.....

Вотъ гдѣ истинное раздолье охотнику! и здѣсь я прощаюсь съ моими читателями, въ надеждѣ скоро встрѣтиться съ ними на осенней охотѣ въ окрестностяхъ Ахтубы и въ восточныхъ степяхъ.

П. Б-ЦЪ.

Когда-бъ любовь твоя мнѣ спутницей была,
О, можетъ быть, въ огнѣ твоихъ объятій,
Я проклинать не сталъ бы даже зла,
Я-бъ не слыхалъ ни чьихъ проклятій! —
Но я одинъ—одинъ, — мнѣ суждено внимать
Оковъ бряцанью—крику поколѣній—
Одинъ—я не могу ни самъ благословлять,
Ни услыхать благословеній! —
То клики торжества... то похоронный звонъ, —
Все отъ сомнѣнія влечетъ меня съ сомнѣнью....
Иль братьямъ чуждый братъ, я буду осужденъ
Межъ нихъ пройти неслышной тѣнью!
Иль братьямъ чуждый братъ, безъ пѣсень, безъ надеждъ
Съ великой скорбію моихъ воспоминаній,
Я буду страждущимъ орудіемъ невѣждъ,
Подпоркою гнилыхъ преданій!

1861.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Идея прогресса; значеніе и примѣненіе ея къ современному состоянію Европы; стремленіе къ уравнию общественныхъ силъ, и дѣятельности; Австрія и Венгрія; смерть Телеки и послѣдняя мысль его о судьбѣ мадарской земли; Сирійскій вопросъ по отношенію къ Турціи и англо-французской политикѣ — *Письмо изъ Париза*: брошюра герцога д'Омальскаго; событія въ Италіи и въ Америкѣ; Пальмерстонъ и Джонъ Россель передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Современная Европа находится въ положеніи несостоятельнаго душеприкащика своей собственной исторіи; она спѣшитъ покончить расчетъ съ преданіемъ, и все глубже всматривается въ свою настоящую общественную жизнь; наука старается подвести подъ общіе законы теоріи социальныя вопросы нашего времени. Задача, нѣтъ сомнѣнія, интересная и богатая результатами. Отмѣтить новый путь развитію человѣчества, раскрыть передъ нимъ его прошлыя ошибки, такъ дорого купленныя его же собственными страданіями, и, поднявъ его съ болѣзненного одра, сказать ему: *иди* — такая попытка достойна лучшихъ современныхъ умовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть выше и благороднѣе для умственной силы человѣка, какъ облегчить своимъ трудомъ участь милліоновъ людей и во имя самаго миролюбиваго реформатора — мысли поставить ихъ въ болѣе чистыя сферы общественного состоянія. Передъ такой задачей всѣ другіе вопросы, занимающіе наше поколѣніе, невольно меркнутъ, всѣ наши стремленія и надежды кажутся дѣтскими мечтами. Мы не говоримъ, чтобъ рѣше-

ніе какой нибудь математической задачи или чисто—литературнаго спора было совершенно бесполезно, но мы хотимъ сказать, что есть проблемы ближе и важнѣе для дѣйствительныхъ потребностей чело—вѣческой жизни. Къ сожалѣнію, эти горячіе вопросы нашего вѣка съ одной стороны такъ сильно волнуютъ насъ, а съ другой такъ мало представляютъ положительныхъ данныхъ, что мы не можемъ подойти къ нимъ спокойно, съ довѣріемъ къ себѣ и съ увѣренностью въ успѣхъ своей раздражительной работы. Ботаникъ съ полнымъ хладнокровіемъ можетъ просидѣть всю жизнь надъ анализомъ того или другаго растительнаго міра, онъ можетъ дойти до величайшихъ открытій въ области естественныхъ явленій, не почувствовавъ ни особенно быстрого біенія пульса, ни особеннаго волненія въ сердцѣ. Между нимъ и предметомъ его изслѣдованія нѣтъ той живой симпатіи, какая есть между социалистомъ и подобными ему существами. Можно разсѣчь или разорвать сотни тысячъ древесныхъ волоконъ и не задуматься надъ положеніемъ самаго дерева; но едвали можно коснуться хоть одной общественной раны, безъ сильнаго потрясенія нервной системы и безъ сочувствія всему челоувѣчеству. Но эта раздражительность мысли, конечно, мѣшаетъ ея спокойному ходу и часто уноситъ отъ положительной почвы къ фантастическимъ планамъ...

«Ваша идея принадлежитъ будущему, говорятъ противники общественной науки; для васъ прошедшее и настоящее служатъ только средствомъ, а не цѣлью; ваше ученіе состоитъ изъ однихъ отрицательныхъ данныхъ; но не имѣетъ ничего реального, и потому вы праздные утописты», заключаетъ самодовольная рутинка. Но можно ли лучше похвалить умственнаго дѣятеля, какъ обратившись къ нему съ такимъ упрекомъ. Мы не знаемъ, какая же идея, кромѣ какихъ нибудь пошленькихъ правоучній, являлась прямо во всеоружіи Минервы? Для кого и когда былъ тотъ земной рай, гдѣ безъ пота и крови расчищались нивы умственной жатвы и счастье падало на челоувѣка, какъ небесная манна въ аравійской пустынѣ? Отличительное свойство идеи въ томъ и состоитъ, что она работаетъ для будущихъ поколѣній, что отъ прошедшаго и настоящаго она беретъ одни готовые результаты и, не останавливаясь на нихъ, инстинктивно идетъ впередъ, разрывая мало—по—малу противопоставленныя ей искусственныя плотны. Сказать ей: «постой и не заглядывай впередъ, а ограничи однимъ настоящимъ»—это было—бы то же, что взять за руку садовника во время посѣва и посовѣтовать ему: «брось твои сѣмена и не

сажай ихъ въ землю; дерево, которое ты хочешь выростить, не дастъ мнѣ завтра ни тѣни, ни плода.» Это, конечно, была бы крайняя степень тупаго эгоизма. Но что же пользы, возражаютъ оптимисты, отъ этихъ утопій, за которыя переносится такъ много внутренней борьбы, неприятныхъ внѣшнихъ столкновений, и которыя, можетъ быть, окончатся ничѣмъ? Можетъ быть. Но что же дѣлать, если такова участь всякой человѣческой мысли, проводимой въ дѣйствительную жизнь: факту всегда и вездѣ предшествовали такъ называемыя иллюзіи, которыя сначала принимались за величайшій вздоръ, а потомъ становились неопровержимыми аксіомами. Вѣроятно, современники Галилея и Ньютона столько же вѣрили въ ихъ теоріи, сколько мы вѣримъ въ будущее осуществленіе всеобщаго братства; но теперь каждый мальчикъ понимаетъ то, что за двѣсти лѣтъ было непонятно самымъ образованнымъ умамъ. Этотъ оптический обманъ мота тѣмъ сильнѣе, чѣмъ идея шире и глубже; если горизонтъ ея лежитъ близко отъ дѣйствительнаго міра, она кажется намъ вѣроятнѣй; въ противномъ случаѣ мы готовы преслѣдовать и казнить ее, какъ опасный бредъ бѣшенаго лунатика. И еслибъ можно было такъ зорко всмотрѣться въ исторію человѣческихъ обществъ, чтобъ видѣть самый внутренній процессъ ея, тогда навѣрное пришлось бы пожалѣть множество иллюзій, потерянныхъ для міра и съ ужасомъ отвернуться отъ множества принятыхъ петипъ...

Нѣтъ спору, что одно отрицательное направленіе какого бы то ни было ученія лишаетъ его полноты содержанія и энергіи, но много ли у насъ положительныхъ знаній, если взять всю сумму разработанныхъ нами свѣдѣній. Собственно говоря, съ утра и до вечера мы живемъ одними сомнѣніями и отрицательными уроками. Въ дѣтствѣ намъ говорятъ: не дѣлай того, не думай такъ-то, не воруй, не убивай, и т. д. И когда все это подкрѣпить розгой да угрозой, такъ или иначе навяжутъ убѣжденію человѣка, тогда, обыкновенно, назовутъ эти правила положительной нравственностью, хотя положительнаго здѣсь для нормальной жизни и ничего нѣтъ. Затѣмъ наступаетъ актъ воли, когда мы примѣняемъ на самомъ дѣлѣ то, что закладывали прежде на память, и опять всѣ наши дѣйствія имѣютъ характеръ отрицательный; передъ судомъ, передъ обществомъ, въ семействѣ и на улицѣ мы постоянно думаемъ не о томъ, чтобъ дать своимъ поступкамъ какъ можно больше самостоятельнаго значенія, чтобъ дѣйствовать согласно собственному желанію и смыслу, а о томъ,

*

чтобъ не отстать отъ другихъ, не дѣлать и не говорить того, что не принято большинствомъ, и это систематическое самоуправленіе ума и воли мы обыкновенно называемъ умѣньемъ жить. Послѣ этого не трудно догадаться, что вся *знаменитая практическая мудрость* сводится къ одному итогу—къ полному отрицанію индивидуальной свободы и совершенному порабощенію самой мысли внѣшнимъ условіямъ. Поэтому, между прочимъ, такъ мало видно творчества и оригинальности вообще въ человѣческой дѣятельности. Потому людямъ, достигающимъ высшаго развитія, приходится болѣе половины своихъ силъ растратить только на то, чтобъ отвязаться отъ ложнопривитыхъ понятій, и потомъ уже начать новое воспитаніе своей мысли.

Притомъ въ отрицательномъ направленіи идея лежитъ непремѣнный законъ ея творческой работы. Въ нашихъ понятіяхъ есть строгая постепенность, такъ что логически нельзя перейти однимъ прыжкомъ отъ вопіющей нелѣпности къ блистательному миѣнію, или отъ дикаго невѣжества къ высокому образованію. Но переходя изъ одной умственной сферы въ другую, мы, обыкновенно, отвергаемъ все старое и на мѣсто его принимаемъ новое, такъ что, разрушая подъ собой одну почву, мы въ то же время создаемъ другую. И только путемъ отрицанія и разрушенія можемъ расширять кругозоръ своей мысли. Пусть каждый изъ насъ обратится къ своему прошедшему и прослѣдитъ внимательно, какъ сложилась его нервная ткань, которую мы называемъ умственнымъ темпераментомъ, какъ онъ шелъ шагъ за шагомъ отъ одной идеи къ другой и наконецъ развилъ ихъ до мощнаго убѣжденія, соединеннаго съ его кровью и плотью: этотъ процессъ совершается точно также, какъ всякое органическое явленіе, которое можно выразить въ слѣд. видѣ: извѣстному количеству жизни съ одной стороны всегда отвѣчаетъ такое же количество смерти съ другой, т. е. развитіе всякаго тѣла идетъ параллельно разрушенію другаго. Замѣтимъ впрочемъ, что слово *смерть* мы употребляемъ здѣсь вовсе не въ томъ келейномъ смыслѣ, какое даютъ ей гробовщики, а въ смыслѣ безконечнаго перехода органическихъ формъ изъ однихъ типовъ въ другіе. Въ природѣ смерти нѣтъ, а есть постоянный и невидимый для глаза метаморфозъ, который отъ песчинки и до звѣзды проходитъ по всѣмъ ступенямъ и направленіямъ великаго и необъятнаго начала, извѣстнаго подъ именемъ жизни: Тотъ же законъ управляетъ умственнымъ развитіемъ; всякое новое понятіе, заносимое въ нашу голову, вытѣсняетъ другое, и полная

дѣтельность нашего ума есть не что иное, какъ полное разрушеніе многихъ изъ старыхъ идей и вѣрованій. Истинно-гениальный человѣкъ не можетъ иначе смотрѣть на окружающую его жизнь, какъ отрицательнымъ взглядомъ. Но это вовсе не значитъ, что онъ презираетъ ее; напротивъ, его пламенной и открытой душѣ доступны все звуки, все стоны, все движенія природы и людей; онъ любитъ ихъ и сливается съ ними, но только по мѣрѣ сознанія и нравственной симпатіи. И если бы можно было вообразить себѣ такой обширный умъ, въ которомъ бы соединились все лучшія идеи, какія только есть на землѣ въ данную минуту, то этотъ умъ былъ бы величайшій и самый безпощадный критикъ нашей эпохи.

Идея социальнаго прогресса по преимуществу относится къ разряду отрицательныхъ идей. Она проводится въ общественную жизнь не иначе, какъ среди постоянной борьбы новыхъ началъ съ старыми вѣрованіями и преданіями; каждый шагъ ея впередъ идетъ въ разрѣзъ съ существующимъ порядкомъ вещей, такъ что отжившая форма, уступая мѣсто другой, вызываетъ неизбежную реакцію со стороны эгоизма, невѣжества и предрасудковъ. Это общая судьба всехъ жизненныхъ реформъ, въ какой бы социальной сферѣ онѣ ни проходили. И по историческому ходу событій, онѣ вырабатываются тѣмъ труднѣе, чѣмъ дольше существуютъ несоответственныя имъ формы; иначе говоря, чѣмъ крѣпче онѣ переплетаются съ основными элементами социальнаго организма. Въ этомъ отношеніи исторія представляетъ множество поучительныхъ примѣровъ: вѣроятно, идея исламизма, разрушенная въ самомъ началѣ своего рожденія, не оставила бы по себѣ ни одного кроваваго слѣда, ни одной жертвы; она исчезла бы также незамѣтно, какъ исчезли тысячи другихъ заблужденій; но попробуйте уничтожить ее теперь, когда она овладѣла воображеніемъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ послѣдователей, когда во имя ея построено безчисленное множество мечетей, когда на основаніи ея поставлены положительныя законодательства, касты, общественныя учрежденія, однимъ словомъ, вся современная жизнь магнетанскаго востока. Очевидно, что ломка была бы страшная, сверху и до низу потрясающая все восточныя общества. Въ этомъ случаѣ, народъ вмѣсто прогрессивнаго движенія, повидимому несомнѣннаго, совершаетъ обратный поворотъ. Онъ дошелъ до извѣстнаго предѣла своего социальнаго развитія, истощилъ послѣднія оплодотворяющія силы и, не сумѣвъ сообщить имъ новаго направленія, медленно отходитъ. Исторію такого народа можно сравнить съ тѣми патологическими

ми явленіями, когда человѣкъ, пропустивъ удобный моментъ для излеченія своей болѣзни, вноситъ ее въ себя навсегда и продолжаетъ поддерживать свое существованіе кой-какими искусственными средствами. Пельзя сказать, чтобъ онъ не жилъ, но жизнь его есть не болѣе какъ постепенное замираніе до тѣхъ поръ, пока не остынетъ послѣдняя капля теплой крови и не отлетитъ послѣдній вздохъ. Такъ бываетъ съ отдѣльными народностями; но не то мы видимъ въ развитіи всего человѣчества. Вотъ почему намъ необходимо условиться въ самомъ опредѣленіи слова «прогрессъ».

Это слово составляетъ одно изъ тѣхъ привлекательныхъ понятій, которыя всего чаще употребляются на человѣческомъ языкѣ и всего менѣе анализируются. Его постоянно произносятъ въ разговорѣ и въ печати, но едва ли кто-нибудь даетъ ясный отчетъ его значенію. Одни понимаютъ его какъ высшую мѣру матеріальнаго благосостоянія страны; для другихъ оно имѣетъ смыслъ нравственнаго превосходства; для Англіи, напримѣръ, прогрессъ выразился въ постепенномъ распространеніи индивидуальной свободы; для Франціи — въ возрастаніи административной и политической централизаціи. Поэтому истинный критеріумъ этого слова надо искать въ общественномъ сознаніи, въ той міровой идеѣ, которая проходитъ черезъ жизнь всѣхъ народовъ и вѣковъ. Въ чемъ же заключается всемірная идея прогресса? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, надо прежде рѣшить слѣдующую проблему: что составляетъ высшую и благороднѣйшую цѣль человѣческой жизни вообще? Судя по стремленію отдѣльнаго лица, поставленнаго въ болѣе нормальное положеніе, эта цѣль опредѣляется *полнымъ гармоническимъ развитіемъ всѣхъ данныхъ ему силъ*, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. Эта гармонія есть непремѣнное условіе правильной дѣятельности человѣка, какъ свободнаго и разумнаго существа. Всякое отклоненіе ея отъ нея въ ту или другую сторону составляетъ уродливый фактъ, какъ слѣдствіе насилія надъ природой или нарушеніе ея естественныхъ законовъ. Правда, мы привыкли къ этому факту; потому что въ современныхъ обществахъ нормально развитыя силы встрѣчаются рѣдко. Большинство, поглощенное чисто-физическими трудами, не имѣетъ ни времени, ни возможности отдаться умственнымъ занятіямъ. Съ другой стороны, люди, посвятившіе себя умственной дѣятельности, заключенные въ своихъ кабинетахъ, аудиторіяхъ и мастерскихъ, совершенно отвыкаютъ отъ физическихъ упражненій. Точно та же дисгармонія замѣчается въ распре-

дѣленія самаго труда между членами общества: одни осуждены на непрерывную дѣятельность, до изнеможенія, до нравственнаго отупѣнія, безъ надежды выйти изъ этого состоянія, а другіе чахнутъ среди праздности и не знаютъ, чѣмъ бы развлечь свои дремлющія силы. Вслѣдствіе этого общественные организмы страдаютъ неправильнымъ развитіемъ жизненныхъ началъ, подобно тому, какъ страдаетъ больвой отъ постоянныхъ приливовъ крови къ одной части тѣла и отливовъ ея отъ другой; слишкомъ напряженная дѣятельность точно также вредитъ человѣческой жизни, какъ и совершенная бездѣятельность, потому что въ обоихъ случаяхъ оказывается одинаковый результатъ— господство произвола надъ естественными законами. Въ природѣ такое явленіе немедленно переходитъ въ аномалію: дерево, въ которомъ одна половина развивается насчетъ другой, теряетъ свою растительную энергію и мало-по-малу умираетъ. Въ человѣческой жизни происходитъ то же слѣдствіе, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что воля наша способна гораздо больше поступаться передъ общественной тираніей, чѣмъ древесный стволъ передъ враждебнымъ физическимъ вліаніемъ.

Перенося эту точку зрѣнія на исторію человѣческихъ обществъ, мы не можемъ не замѣтить одного факта— постоянного стремленія ихъ къ уравненію состояній. Но уравненіе есть, собственно, переходный путь къ той гармоніи дѣятельныхъ силъ, къ которой такъ медленно подходитъ человѣчество. Было бы очень интересно прослѣдить постепенное разложеніе европейскихъ аристократій въ демократическомъ принципѣ: это разложеніе совершалось нѣсколько вѣковъ, принимало самыя разнообразныя формы и наконецъ въ наше время аристократіи европейскаго запада выродились въ плутократіи. Такому измѣненію особенно содѣйствовала промышленная дѣятельность, которая внесла вмѣстѣ съ деньгами вліаніе и власть въ среду сословій, неимѣвшихъ ни родовыхъ, ни государственныхъ отличій. Не менѣе того, фактъ остается въ полномъ свѣтѣ, нѣтъ сомнѣнія, что самая мощная аристократія была въ Англіи; ея корни лежали на самой твердой почвѣ— на правѣ первородства и исключительной поземельной собственности; она и доселѣ сохранила эту прерогативу, давно утратила то политическое значеніе, какое имѣла прежде. По мѣрѣ того, какъ формировались общественныя силы и вліаніе британской аристократіи ослабѣвало: теперь оно поддерживается единственнымъ средствомъ— матеріальнымъ благосостояніемъ;

затѣмъ у этого сословія, такъ тѣсно связаннаго со всѣми историческими учрежденіями Англіи, не останется ни одного живаго начала, на которомъ бы она могла держаться. Переходу его въ плутократію отчасти помогло особенное положеніе младшихъ отраслей аристократическаго происхожденія. Старшій въ родѣ, принимая титулъ отца, принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наследственное право на владѣніе землей; меньшіе же его братья, не имѣя ни богатства, ни виднаго общественнаго положенія, должны были пріобрѣтать ихъ собственными средствами. Лѣнныя и тщеславныя, подобно своимъ старшимъ братьямъ; они искали матеріальныхъ удобствъ не въ трудѣ и образованіи, а въ эксплуатаціи народа, стараясь захватить въ свои руки административныя должности и источники государственныхъ доходовъ. Въ этомъ стремленіи имъ помогало само правительство, состоявшее изъ ихъ родственниковъ и друзей. Такъ возникла колонизація, какъ самое легкое средство къ обогащенію посредствомъ завоеванія и угнетенія чужихъ народностей; такъ составила таможенная запретительная система, обремененная налогами всѣ жизненныя потребности націи. Наконецъ, когда промышленная дѣятельность и биржевая спекуляція поглотили почти весь національный трудъ, безземельная аристократія бросилась на это поприще и воспользовалась лучшими его выгодами. Потомки ея обратились изъ провинціальныхъ джентльменовъ въ богатыхъ купцовъ, мануфактуристовъ, банкировъ и т. п. Центры дѣятельности, по мѣрѣ развитія торговли, стали переходить изъ уединенныхъ поселовъ и бѣдныхъ фермъ въ многолюдные города, гдѣ соединилась праздная роскошь съ еще болѣе празднымъ развратомъ. Городская жизнь, въ послѣднее столѣтіе, приняла въ Англіи огромные размѣры, такъ что старый провинціальный home почти исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и чувство мѣстной независимости, какъ лучшая гарантія противъ злоупотребленій центральной власти. Городъ иначе воспитываетъ челоѣка, чѣмъ деревня: вмѣсто мирныхъ земледѣльческихъ занятій, вмѣсто скромной и простой жизни, онъ порождаетъ тревожную жажду денегъ и сомнительнаго, но въ случаѣ удачи очень выгоднаго риска. Здѣсь гостиница и биржа становятся главной сценой дѣйствія гражданина; съ утра и до вечера онъ обращается между людьми, преданными своимъ личнымъ интересамъ; съ утра и до вечера онъ обдумываетъ и соображаетъ свои дѣла подъ влияніемъ одного эгонистическаго желанія — сдѣлаться капиталистомъ. И

капиталъ въ рукахъ его оказывается рычагомъ Архимеда; не имѣя часто ни способностей, ни любви къ труду, ни чести, ни слова, и за всѣмъ тѣмъ съ помощію капитала онъ начинаеть великія предпріятія, составляетъ себѣ имя и по мѣрѣ богатства пользуется общественнымъ уваженіемъ; бѣдность и невѣжество ближняго служатъ ему источникомъ удовлетворенія своимъ страстямъ и хищнымъ апетитамъ; пролетарій несетъ ему рабскую услужливость и продаетъ свои силы за дневное пропитаніе; работникъ ищетъ у него труда и только за право трудиться обращаетъ себя въ бездушную машину, которую употребляетъ капиталистъ, какъ слѣбое орудіе для своихъ темныхъ цѣлей... Съ другой стороны быстро наживаемое богатство раздражаетъ желанія роскоши и мотовства: богатый спекуляторъ спѣшитъ обставить себя тѣмъ же аристократическимъ блескомъ, которому онъ такъ недавно завидовалъ изъ-за купческаго прилавка или сидя на мѣшкѣ хлопчатой бумаги; недостатокъ образованія лишаетъ его возможности тратить милліоны на болѣе эстетическія наслажденія, и онъ сыплетъ ихъ въ упоеніи грубымъ развратомъ. Въ этой то школѣ и образуется плутократія.

Это сословіе, столь могущественное въ Англіи и заключившее въ себѣ младшія отрасли аристократическаго корня, имѣло огромное вліяніе на самую аристократію. По праву рожденія оно принадлежало ей, а по образу жизни и дѣятельности оно находилось въ рядахъ среднихъ состояній; отсюда оно брало духъ спекуляціи, и вносило его въ высшіе классы. Эти понятія тѣмъ крѣпче прививались, чѣмъ сильнѣй выступала промышленная дѣятельность и чѣмъ больше брала верхъ надъ поземельной эксплуатаціей. Феодальные предразсудки, основанные на ложномъ пониманіи чести и военной доблести, никогда не были свойственны англійской аристократіи въ той степени, въ какой мы видимъ ихъ на континентѣ; и потому британская аристократія не пренебрегала никакимъ родомъ занятій, лишь бы они были выгодны: она также охотно разработывала угольные копи или отправляла корабли въ торговые иностранные порты, какъ застѣдала въ палатѣ перовъ; она не стыдилась принимать въ свои семейства сыновей значительныхъ мануфактурпестовъ, и выдавать своихъ дочерей за богатыхъ негоціантовъ Индіи.

Вслѣдствіе этого англійская аристократія никогда не замыкалась въ такую узкую касту, какъ французское или венеціанское дворянство. Сближаясь съ народомъ посредствомъ младшихъ сыновей, она

не могла не выйти из того заколочаннаго круга, въ которомъ заглохли и вымерли другія патрищейскія сословія. Это обстоятельство сообщило ей особенную живучесть, но въ то же время и подорвало ея основной принципъ—родовой привилегіи и сословной замкнутости.

Мы указали здѣсь на этотъ фактъ, какъ на отличительный характеръ общечеловѣческаго развитія.

Другая сторона нашего вопроса заключается въ самомъ развитіи дѣятельныхъ силъ, составляющихъ общество. Нѣтъ сомнѣнія, что благостояніе каждаго народа обуславливается количествомъ и качествомъ общаго труда, въ которомъ участвуютъ всѣ его члены безъ исключенія; чѣмъ свободнѣе совершается этотъ трудъ и чѣмъ больше нравственной силы челоуѣка вносится въ него, тѣмъ правильнѣе, легче и успѣшнѣе онъ производится. Вообразимъ, что какое нибудь общество состоитъ отъ перваго и до послѣдняго гражданина изъ такихъ дѣятелей, какими были гениальные люди, въ родѣ Колумба, Шекспира, Вашингтона и Франклина; вообразимъ, что по всѣмъ отраслямъ общественнаго труда работаютъ эти высокія способности, тогда развитіе народа въ нѣсколько лѣтъ поднялось бы выше, чѣмъ оно теперь послѣ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Но можетъ быть намъ скажутъ, что генинъ рѣдки и не всякая дѣятельность доступна той или другой челоуѣческой способности; но кто же станетъ серьезно утверждать, что одна и та же челоуѣческая голова, съ однимъ и тѣмъ же внутреннимъ организмомъ, создана для разныхъ спеціальностей, какъ напр. для выдѣлыванія желѣзныхъ гвоздей или для развитія сада, что природа одному назначила ремесло солдата, а другому разбойника или палача. Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ и отвратительныхъ софизмовъ, за которыми скрывается эгоистическая мысль враговъ всякаго умственнаго преуспѣянія. Гениевъ много, или лучше, каждый челоуѣкъ можетъ быть гениемъ, если поставитъ развитіе его въ тѣ благопріятныя обстоятельства, при которыхъ образовались Вашингтоны и Франклины. Счастливая умственная организція доселѣ есть дѣло случая, потому что систематическое воспитаніе и окружающая жизнь часто мѣшаютъ ея образованію и только по мѣрѣ собственныхъ необычайныхъ успѣій она достигаетъ въ нашей темной средѣ высшаго развитія. Притомъ для гениальной силы необходимо и гениальное примѣненіе. Современное положеніе обществъ требуетъ отъ насъ посредственности, рутинны, и

только въ видѣ исключенія допускаетъ смѣлость таланта и свойственную ему оригинальность. Точно то же надо сказать и о выборѣ занятій: человѣческая способность можетъ быть примѣнена ко всѣмъ видамъ известной намъ дѣятельности; вѣроятно современемъ откроются милліоны новыхъ работъ, о которыхъ мы, въ настоящую минуту, не смѣемъ и мечтать; матеріалы и направленія, разрабатываемыя нашимъ умомъ, готовить ему самая жизнь; его же дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ обратить ихъ въ общественное или общечеловѣческое достоиніе. Въ этомъ отношеніи человѣческій гений дѣйствуетъ подобно жизненному началу солнца: онъ не творитъ предметовъ, не измѣняетъ данныхъ законовъ, но онъ силой своего творчества можетъ разливать на нихъ новый свѣтъ и вызывать ихъ къ жизни. Будетъ ли онъ работать надъ тѣмъ или другимъ предметомъ—это рѣшительно все равно: вездѣ и во всемъ онъ можетъ оказаться пригоднымъ и полезнымъ, только не стѣсняйте его дѣятельности и не убивайте развитія. Къ сожалѣнію, дѣйствительная жизнь не такъ распоряжается съ нами: она отбрасываетъ массы за предѣлъ всякаго образованія, и тѣмъ лишаетъ ихъ той разумной силы, которая необходима для успѣха всякаго труда и наслажденія его плодами. Какого результата мы можемъ ожидать отъ этихъ несчастныхъ рабовъ, доведенныхъ до животнаго состоянія и, подобно выучнымъ скотамъ, обреченныхъ взрывать американскія плантаціи, подъ угрозой бича ихъ владѣтелей? Почему знать, можетъ быть, среди этихъ черныхъ идіотовъ, съ которыхъ рука блага тирана успѣла снять самый видъ человѣческаго существа, нашлись бы превосходные механики, естествоиспытатели, художники и поэты? По крайней мѣрѣ то вѣрно, что образуйте каждаго изъ нихъ настолько, насколько образованіе возможно въ нашу эпоху, и дѣятельная сила его увеличится во сто разъ больше противъ простой машины. То же самое время и тѣ же самыя средства дадутъ ему возможность ускорить и облегчить добываемые результаты своего труда. Затѣмъ дѣйствительная жизнь распредѣляетъ нашу дѣятельность крайне-деспотически: она формируетъ различные классы работниковъ, не справляясь ни съ ихъ склонностями, ни съ социальнымъ положеніемъ, ни даже съ законами природы; она дѣлитъ ихъ на отдѣльныя группы, передвигаетъ съ одного мѣста на другое, назначаетъ время и условія труда, сообразно интересамъ и капризамъ того меньшинства, которое располагаетъ капиталомъ, она создаетъ множество эфемерныхъ потребностей, на удовлетвореніе которыхъ

приносятся тысячи людей, неимѣющихъ никакого производительнаго труда и потому совершенно бесполезныхъ обществу. Вслѣдствіе этого паразитизмъ и пролетаріатъ идутъ рядомъ въ современныхъ социальныхъ учрежденіяхъ.

Сообразивъ все, что сказано выше, мы согласимся, что потеря времени и силъ * составляетъ огромный недостатокъ настоящей организаціи труда. Даже при болѣе правильномъ отношеніи взаимно дѣйствующихъ элементовъ общества, эта потеря была бы чувствительной для современнаго прогресса. Поэтому главная мысль нашего времени останавливается на томъ, чтобы эманципировать трудъ и какъ можно правильнѣе распредѣлять его между отдѣльными органами общественнаго тѣла. «Прогрессъ воспитанія, говорить англійскій писатель, освободитъ не только умственные занятія, но и промыслы; съ каждымъ годомъ должно уменьшаться число тѣхъ, которые теперь живутъ какъ простое орудіе барыша. Трудно оцѣнить значеніе этихъ реформъ, но мы не должны забывать, что всякій индивидуумъ, прибавляемый къ общему итогу образованныхъ дѣателей страны, гораздо больше содѣйствуетъ прогрессивнымъ силамъ, чѣмъ какъ простая арифметическая единица, придаваемая народонаселенію». И далѣе тотъ же писатель продолжаетъ: «натуральные недостатки человѣка сами собою поправляются; но мы должны особенно бояться недостатковъ искусственныхъ системъ. Разумная власть, управляя посредствомъ силы, въ то же время обладаетъ и умѣньемъ отклонять препятствія или избѣгать ихъ вреднаго вліянія. Въ младенческихъ обществахъ правитель старается сформировать народъ по его личному образцу; въ послѣдствіи общество само озабочивается своимъ развитіемъ и, съ вѣрой въ человѣческія права, предоставляетъ каждому отдѣльному лицу стремиться къ его собственному идеалу, выговаривая въ свою пользу единственное ограниченіе не вредить индивидуальной свободой положенію ближнихъ». (The Philosophy of Progress, by Slack. London. 1860. p. 226 и 234.)

Такимъ образомъ, возвращаясь къ идеѣ прогресса, мы думаемъ, что она развивается въ современныхъ европейскихъ обществахъ путемъ отрицательнымъ. Каждый народъ занятъ тѣмъ, чтобы вычищать домашній соръ, занесенный въ его историческую жизнь временемъ и старыми системами, построенными на прежнихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, у каждаго народа есть свои надежды и стремленія, но все они болѣе или менѣе сводятся къ тому, чтобы измѣ-

вить ветхія формы и вдохнуть въ нихъ новыя начала. Нельзя сказать, чтобъ въ этомъ социальномъ процесѣ не было положительныхъ результатовъ, но они рѣдко достаются тому или другому отдѣльному обществу, а поступаютъ въ общую сокровищницу всего человѣчества. Въ этомъ отношеніи исторія походитъ на безопаднаго завоевателя: она употребляетъ отдѣльныя народности, подобно войнамъ, какъ простое средство для достиженія своей побѣды; ей собственно нѣтъ никакого дѣла до частныхъ примѣненій того принципа, который она проводитъ въ жизнь, но для нея важно самое осуществленіе этого принципа, какимъ бы обществомъ онъ ни былъ осуществленъ. Поэтому мы не можемъ не признать, что въ общемъ итогъ человѣчество постепенно совершенствуется, что его нравственныя и матеріальныя пріобрѣтенія увеличиваются, что отъ философіи Платона до современныхъ открытій въ области науки оно пережило мыслию много переходныхъ степеней, что отъ древняго рукописнаго пергамена до станка Гуттенберга и отъ станка Гуттенберга до настоящей телеграфической проволоки оно далеко ушло впередъ, но насколько воспользовалось то или другое общество этими пріобрѣтеніями — въ этомъ капитальный вопросъ данной минуты. Мы видимъ, что есть народы, до которыхъ едва коснулся историческій прогрессъ, какъ напр. въ большей части восточныхъ государствъ, и въ самыхъ Европейскихъ государствахъ есть цѣлыя сословія, стоящія ниже всякаго дикаго общества. Говоря объ одномъ сирійскомъ племени въ своемъ кругосвѣтномъ путешествіи, Пажесъ между прочимъ замѣчаетъ: «мнѣ кажется, что для возможно-меньшаго несчастья человѣка можно пожелать ему положенія, равнаго положенію этихъ обитателей горъ, которые не имѣютъ ничего кромѣ необходимыхъ вещей, но имѣютъ ихъ въ изобиліи. Они добываютъ свое существованіе легкимъ трудомъ рукъ и, не обременяя себя, укрѣпляютъ свое здоровье физическимъ упражненіемъ. Этотъ трудъ спасаетъ ихъ отъ изнѣженной преждевременной дряхлости и отъ пустыхъ потребностей роскоши, необходимыхъ людямъ лѣнивымъ и нравственно-изнеможеннымъ». Мы убѣждены, что многія тысячи фабричныхъ работниковъ образованной Англійи и всѣ римскіе нищіе выравъ завидовать состоянію этихъ дикарей. Поэтому идея прогресса, неразлучная съ общечеловѣческимъ движеніемъ, не одинаково прилагается ко всѣмъ существующимъ обществамъ и нерѣдко принимаетъ для нихъ враждебный характеръ. Для того, чтобъ усвоить се, надо имѣть извѣстныя социальныя условія или ту нравствен-

ную способность, которую мы опредѣляли полнымъ и гармоническимъ развитіемъ дѣятельныхъ силъ народа.

Бросая взглядъ на современную Европу, мы начинаемъ догадываться, что она по всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ концахъ ищетъ разрѣшенія этой задачи. Народы, отставшіе на дорогѣ историческаго движенія, стараются подойти подъ общій уровень прогресса; народы передовые спѣшатъ исправить недостатки избранныхъ ими системъ жизни; народы, потерявшіе свою національную независимость, требуютъ ее назадъ, и въ послѣднемъ результатѣ всѣ они добиваются болѣе свободной дѣятельности, и слѣдовательно счастья.

Переходя отъ принципа къ вѣщному выраженію событій прошлаго мѣсяца, мы находимъ прежнюю шаткость и неопредѣленность въ разрѣшеніи поднятыхъ вопросовъ. Вездѣ обѣщаны реформы, нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ исполненіе, но всѣ онѣ ограничиваются полумѣрами и болѣе необходимой уступкой духу времени и обстоятельствъ, чѣмъ дѣйствительнымъ желаніемъ улучшеній. Государственная логика постоянно склоняется передъ дипломатической смѣтливостью, и въ каждомъ новомъ преобразованіи проглядываетъ рассчитанная реакція. Горючіе элементы, собранные на европейскомъ континентѣ, вѣроятно, въ настоящемъ году не воспламятся, и война, благодаря безденежью и ожидаемымъ промышленнымъ кризисамъ по ту и по сю сторону океана, ограничится одной Америкой; но миръ бываетъ проченъ только нравственнымъ союзомъ народовъ и ихъ внутреннимъ благосостояніемъ.... Страна, которая всего болѣе должна бояться войны, потому что не имѣетъ ни средствъ, ни генія, ни энергіи для веденія ея, — эта страна ежеминутно готова нарушить общее спокойствіе и увлечь за собой всю Европу въ кровопролитную борьбу. Мы говоримъ объ Австріи. Кто бы могъ подумать, что имперія, болѣе сорока лѣтъ неуспѣшно враждовавшая съ прогрессомъ націй, со всѣми лучшими реформами вѣка, сама сдѣлается центромъ революціи.

Конституція, сочиненная для Венгріи, рѣшительно не удастся Австріи. Национальный сеймъ въ Пестѣ продолжаетъ вести свою оппозицію. Онъ требуетъ не произвольно-придуманныхъ правъ, а старой венгерской конституціи, парламентскаго самоуправленія, суда джюри, свободной печати и отвѣтственнаго министра, т. е. онъ требуетъ полного и безусловнаго возстановленія той прагматической санкціи, которая не побѣдила Венгрію, а соединила ее съ Австріей на правахъ взаимной политической независимости. Вопросъ поставленъ

такъ ясно, такъ скромно и такъ единодушно, что его нельзя не признавать съ какой угодно точки зрѣнія. Притомъ, тѣперь не то, что было въ 1848 году: тогда Австрія могла расчитывать на постороннихъ союзниковъ, на Кроатовъ и Сербовъ, которыхъ она вела въ междоусобной войнѣ противъ Венгріи, Венеціи и даже самой Вѣны; но теперь она одна и хуже чѣмъ одна, потому что самая хитрость и ложь ея политики измѣняютъ ей. Но Австрія всегда останется Австріей. Въ виду двухъ возстаній, повсемѣстнаго неудовольствія отъ Адриатическаго моря до Карпатскихъ горъ, въ виду государственнаго банкротства и непріязненныхъ отношеній къ Италіи и Франціи, она все еще упорствуетъ и надѣется на свою счастливую звѣзду. Депутатамъ она отвѣчаетъ гордо и уклончиво, на законныя демонстраціи смотритъ съ пренебреженіемъ, посылаетъ военные отряды въ Венгрію для сбора произвольныхъ налоговъ и тѣмъ раздражаетъ и комитаты и народонаселеніе.

Между тѣмъ, какъ австрійскіе солдаты наполняютъ собой мирныя жилища Мадяръ и полицейскіе агенты шныряютъ изъ города въ городъ съ инструкціями іезуитовъ и вѣнскаго министерства, въ Пестѣ происходятъ торжественныя похороны Телеки. Тайственная смерть его, доселѣ не раскрытая ни судомъ, ни общественнымъ мнѣніемъ, была ударомъ для всей Венгріи. Тяжело терять такого человѣка во всякое время, но потерять его въ настоящую минуту, когда его умъ, воля и благородный патриотизмъ могли оказать существенныя услуги отечеству, — величайшее несчастіе. Смерть Телеки во всякомъ случаѣ не должна особенно печалить домъ Габсбурговъ.... Но не такъ чувствуетъ самая Венгрія. Жители Песта провожаютъ гробъ любимаго человѣка съ глубокимъ и искреннимъ прискорбіемъ. При выносѣ его тѣла, весь городъ покрылся трауромъ: черныя флаги развѣвались почти въ каждомъ домѣ, театры, школы, лавки закрылись на цѣлый день, изъ окрестныхъ селъ сбѣжались толпы народу и до поздней ночи простояли на кладбищѣ. За день или за два до самой смерти Телеки приготовилъ рѣчь для печати, которая, выражая его личныя убѣжденія, въ то же время служила отголоскомъ всей современной Венгріи; мы приведемъ ее здѣсь: «Иго, наложенное Австріей на Венгрію, было тяжело. Послѣ революціи 1848 года.... многіе венгерскіе патриоты были казнены и еще большая часть заключены въ темницы или изгнаны изъ отечества. Затѣмъ конституція была уничтожена, и дипломъ, изданный

20 октября 1860 года, далеко не возвратилъ Венгріи отнятыхъ у нея правъ. Естественнымъ слѣдствіемъ послѣднихъ тринадцати лѣтъ было то, что у Австріи не оказалось ни одного друга, ни одного союзника, когда началась война въ Италіи; она была разбита на всѣхъ пунктахъ, и потеряла одну изъ богатѣйшихъ провинцій. Послѣ войны положеніе ея было самое отчаянное; казна ея была пуста, долгъ ея восходилъ до 120,000,000 флоринновъ и внѣшній кредитъ совершенно потерянь; промышленная дѣятельность упала, бумажныя деньги наводнили имперію и правительство ея лишилось популярности во всѣхъ частяхъ ея владѣній. Австрія пришла къ убѣжденію, что ей нельзя существовать безъ денегъ, безъ довѣрія и друзей, и она рѣшилась сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію. Вслѣдствіе этого обнародована была конституція 20 октября и 26 февраля основныя ея положенія; венгерскій сеймъ былъ извѣщенъ, что депутаты его могутъ явиться въ Вѣну.... Должна ли Венгрія покориться приказаніямъ австрійскаго правительства? Настоящее положеніе ея теперь гораздо лучше, чѣмъ оно было въ 1848 году. Тогда Венгрія боролась во имя и за права привилегированнаго класса, а теперь всѣ граждане равно желаютъ своихъ правъ. Состояніе дѣлъ въ Австріи и Венгріи теперь извѣстно Европѣ гораздо лучше, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ прежде.... Нѣмцы должны сочувствовать Венгерцамъ, потому что независимость ихъ послужитъ лучшей гарантіей независимости Германіи. Въ царствованіе Фердинанда II и III (во время тридцатилѣтней войны) венгерскіе полки были выставлены противъ Нѣмцевъ и странно сказать, что эта наследственная вѣрность Венгріи австрійскому правительству нигдѣ такъ много не превозносилась, какъ въ самой же Германіи. Если есть точка примиренія между Австріей и Венгріей, то оно возможно только на слѣдующихъ основаніяхъ: на полномъ восстановленіи законной конституціи Венгріи и безусловномъ признаніи правъ 1848 года. Иностранная политика Австріи должна также подвергнуться измѣненіямъ и согласоваться съ нашей собственной. Монополь и запретительная система должны быть отменены, и свободная торговля введена во взаимныя отношенія. Мы должны быть демократами въ лучшемъ значеніи этого слова. Всѣ классы и религіозныя вѣрованія должны быть равноправными, и всѣ національности — одинаково уважаемы. Венгерскіе Евреи должны получить полную гражданскую свободу, и всѣ иностранцы, живущіе на мадарской землѣ, должны пользоваться совершенно оди-

яковыми преимуществами съ Венгерцами.» Такъ понималъ современныя требованія Венгрии Телеки.

Тотъ же вопросъ національности, но соединенный съ религиознымъ фанатизмомъ, волнуетъ Сирію. Кровавыя событія минувшаго года угрожаютъ ей періодическими симптомами внутреннихъ междуусобій, подготовленныхъ тупымъ деспотизмомъ Турціи и своекорыстной политикой Европы. Ливанъ, составляющій связующее звено между горными краями Тавра на сѣверѣ и синайскими холмами на югѣ, между долинами Евфрата и берегомъ Средиземнаго моря, населенъ разными племенами, съ разными національными свойствами. Сюда, въ эти каменные ущелья, покрытыя первобытными лѣсами, стекались бѣглецы съ разныхъ сторонъ и приносили съ собой различныя вѣрованія, нарѣчія и преданія, отъ проповѣди Хакема до неоплатоническихъ и христіанскихъ религиозныхъ понятій. Эта смѣсь породила антипатіи, которыми воспользовался грубый эгонизмъ турецкаго правительства, желавшаго основать свою власть въ Сиріи на племенномъ раздорѣ и ослабленіи внутреннихъ ея силъ. Въ этомъ дѣлѣ помогли ему просвѣщенные кабинеты Англии и Франціи. Первая постоянно сблизжалась съ Друзами, а вторая съ Маронитами; одна дѣйствовала посредствомъ торговыхъ сношеній, а другая посредствомъ монастырей и католическихъ миссій. Каждой изъ нихъ хотѣлось имѣть точку опоры на превосходящемъ пунктѣ Востока, съ котораго можно господствовать надъ Средиземнымъ моремъ, надъ великимъ путемъ въ Индію и по сосѣдству съ разлагающейся оттоманской портой. Очевидно, что Англія и Франція встрѣчаются здѣсь давнишними соперниками и въ ожиданіи близкой добычи не желаютъ отказаться отъ своихъ правъ... Само собою разумѣется, что ни Англія, ни Франція нѣтъ особенныхъ побужденій быть человеколюбивыми въ отношеніи сирійскихъ христіанъ, еслибъ они за религиознымъ вопросомъ не видѣли чисто политическаго расчета. Поэтому они и расходятся въ своихъ планахъ, когда представляется необходимость дать внутреннюю организацію странѣ. Для Англии выгодно оставить прежній порядокъ вещей и не допустить французскаго вмѣшательства въ судьбу Востока, котораго *statu quo* охраняетъ ей Индію; напротивъ для Франціи это вмѣшательство, подъ какимъ бы предлогомъ оно ни совершилось, полезно въ томъ отношеніи, чтобы наблюдать за Турціей и Египтомъ. Читатели знаютъ уже изъ ежедневныхъ газетъ, что конференціи по сирійскимъ дѣламъ начались, но еще неизвѣстно, на чемъ согласается Англія и Франція. Во всякомъ

случаѣ, спокойствіе Сирія будетъ завистъ не отъ покровительства европейскихъ державъ, а отъ измѣненія той варварской системы, какую приложила къ ней турецкая администрація и французская филантропія.

Г. Б.

Письмо изъ Париза.

Въ ожиданіи болѣе серьезныхъ событій, мы продолжаемъ заниматься судьбой несчастной брошюры (*Lettre sur l'histoire de France*) герцога д'Омальскаго. Судьба ея, дѣйствительно, очень странная, и правительство не могло не разразиться гнѣвомъ, увидѣвъ, что оно обмануто кругомъ людьми, повидимому, ему преданными; несмотря на его агентовъ, оно не могло открыть заговора, въ которомъ участвовала бездна людей и что если тутъ нашлись предатели, то они были изъ его-же партіи. Насчетъ важности этого дѣла не усомнились ни на одну минуту; было очень ясно, что письмо герцога д'Омаля, подъ видомъ личности, скрывало протестъ противъ династіи Наполеоновъ, протестъ адресованный клерикаламъ, легитимистамъ, орлеанистамъ и даже республиканцамъ. Теперь правительство знаетъ, что гг. Тьеръ и Вилльменъ держали корректуру памфлета, котораго экземпляры были особенно разосланы всѣмъ генераламъ, полковникамъ и республиканцамъ, для передачи ихъ друзьямъ и знакомымъ; не менѣе важно и то, что многіе негоціанты предложили по этому случаю содѣйствіе своего кошелька и своей преданности.

Несмотря на всю ловкость, новый претендентъ не сумѣлъ скрыть своего полнаго сочувствія итальянскимъ Бурбонамъ. Онъ хвалитъ побѣжденнаго при Кастель-Фидардо; громко проповѣдуетъ, что папа оскорбленъ, обиженъ и повидимому общаетъ ему самое полное повиновеніе и уваженіе; онъ строго осуждаетъ сардинскаго короля и весьма замѣтно дѣлаетъ первый шагъ къ партіи легити-

мистовъ. Онъ страшно хмурится на узурпатора, сохраняющаго свое мѣсто, и отъ времени до времени обращается съ любезностями къ галлерей... Это истый сынъ Лудовика Филиппа, который, прежде чѣмъ утвердился на іюльскомъ престолѣ, разгуливалъ пѣшкомъ по бульвару, въ сѣрой шляпѣ, съ зонтикомъ подъ мышкой и не разъ заговаривалъ съ національной гвардіей, чтобы простотою своего обращенія привязать ее къ себѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ смѣтливыхъ потомковъ Гасконца, Генриха IV, вѣчно повторявшаго совѣтъ: «Снимай чаще шляпу: это приноситъ пользу».

Въ сущности эта брошюра, важное событіе данной минуты, не имѣла другихъ послѣдствій, кромѣ того, что внесла новую путаницу въ пастоящее положеніе дѣлъ и справедливо оцѣнила принца Наполеона, популярность котораго даетъ ему гораздо больше значенія, чѣмъ онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Молодой Иеронимъ не хочетъ быть равнодушнымъ къ такому обвиненію; онъ всякій день занимается перелыстываніемъ цѣлыхъ волюмовъ изъ дѣла г. Фешера и собирается возразить обвинительнымъ актомъ противъ герцога д'Омаль. Пусть они разоблачаютъ другъ друга,—намъ на это нечего жаловаться; исторія выиграетъ въ справедливости фактовъ. Вотъ самыя рѣзкія страницы этой брошюры, которая обошла всю Францію и во многихъ изданіяхъ напечатана за границей; она повторяетъ вамъ съ тѣмъ авторитетомъ, которымъ сопровождаются слова принца, то же самое, что вамъ скажетъ сейчасъ вашъ скромный корреспондентъ:

«Я не могу безъ горести подумать о томъ, что въ ту минуту, когда я пишу, Французъ можетъ быть безъ суда вырванъ изъ своего семейства, изъ среды своихъ друзей для того, чтобы умереть въ далекомъ заточеніи. Что я говорю—безъ суда? Тайнымъ образомъ, слѣдовало мнѣ сказать, такъ что ни одна строчка Монитера не объявитъ обществу о томъ, что у него отнимается на время одинъ изъ его членовъ. И вы говорите, что это значить—успокоивать гражданскую вражду и лечить раны, нанесенныя нашими революціями; но вы даете миръ, который хуже всякой вражды.

«Вы теперь говорите великолѣпными фразами о государственномъ переворотѣ 2-го декабря; однако въ этотъ день васъ не видали въ толпѣ тѣхъ вѣрныхъ, которые сбѣжали къ Елисейскимъ полямъ, чтобы раздѣлить судьбу новаго диктатора; васъ не было правда и въ числѣ представителей націй, протестовавшихъ противъ низверженія законовъ ихъ страны. Гдѣ же вы были? Этого никто бы не зналъ, ес-

*.

либы въ числѣ людей рѣшительныхъ, которые въ этотъ тревожный часъ совѣщались о томъ, не пойти ли имъ сражаться за баррикадами, еслибы, повторяю, въ числѣ ихъ нѣкоторые не припомнили, что вы вдругъ явились среди ихъ и снова исчезли, когда судьба была рѣшена, и когда полиція пришла арестовать ихъ по приказанію побѣдителя.

«Когда я подумаю о февральской революціи, я понимаю вашу гнѣвъ. Еслибы она случилась нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, она застала бы вашего отца въ палатѣ перовъ, и онъ бы пользовался значительнымъ содержаніемъ, которое перешло бы потомъ на васъ. Развѣ вы забыли, какъ хлопотали вы вмѣстѣ съ королемъ Иеронимомъ, и какъ ваши хлопоты удались въ 1847 году. Вамъ было позволено возвратиться во Францію, изъ которой изгонялъ васъ законъ, и вы благосклонно были приняты въ Сень-Клу. Но въ числѣ лицъ, наполняющихъ собой приемную императора, вы даже можете узнать того, кто водилъ васъ въ кабинетъ Лудовика Филиппа, когда вы приходили благодарить его за оказанныя милости и просить новыхъ льготъ.

«Въ числѣ вашихъ политическихъ убѣжденій есть одно, очень важное и существенное, которое Лудовикъ Филиппъ, по вашему мнѣнію слишкомъ добродушный, не приложилъ къ дѣлу по оплошности. «Пусть легитимисты, сказали вы, или республиканцы, пріѣхавшіе изъ Англіи (вы забыли орлеанистовъ, но я прощаю вамъ этотъ пропускъ, считая его чисто случайнымъ), попробуютъ высадиться на наши берега въ числѣ 1000 или 1500 человекъ: мы ихъ просто разстрѣляемъ. Но при іюльскомъ правительствѣ было сдѣлано нападеніе на Стразбургъ и произошла высадка въ Булони, а между тѣмъ никого не разстрѣляли. Конечно, важная ошибка! Чтожъ дѣлать! Эти орлеанисты, кажется, неисправимы, и еслибы имъ пришлось начинать снова, они обнаружили бы преждее добродушіе, котораго у вашей партіи, можетъ быть, нѣтъ.

«Должно сознаться, что нынѣшнее правительство, счастливое во многихъ отношеніяхъ, не успѣваетъ сдерживать своихъ обѣщаній. Было сказано: Имперія есть миръ! и затѣмъ послѣдовали войны въ Крыму и въ Ломбардіи. Въ 1859 году, Италия должна была быть свободна до Адриатики, а между тѣмъ Австрія до сихъ поръ распоряжается въ Веронѣ и въ Венеціи. Свѣтскую власть папы вы обѣщали сохранить, а мы знаемъ въ какомъ она положеніи; великіе герцоги до сихъ поръ ждутъ реставрацію, которую посулилъ имъ виллафранкскій миръ. Я знаю, что мудро все обѣщать и всегда держать слово. Я знаю ту удобную

роль, которую играют поочередно, смотря по требованіямъ минуты, то политическія партіи, то манифестаціи различныхъ національныхъ желаній, то политика Англии и пр. Я осмѣливаюсь только утверждать, что въ силу обстоятельствъ, строгое выполненіе принятыхъ обязательствъ не можетъ красоваться въ числѣ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ самый душистый букетъ представляетъ намъ фамилія Бонапарта.

«Ваша политика состояла до сихъ поръ въ томъ, чтобы не отказывать никому въ надеждахъ и въ обѣщаніяхъ. У васъ два лица и вы каждый день показываете міру то или другое. Вы говорите католикамъ: «Развѣ вы меня не узнаете? Мы то правительство, которое послало экспедицію въ Римъ, и завалило папу изъявленіями своего сочувствія до начала войны, во время ея продолженія и послѣ ея окончанія; мы подписали виллафранкскій договоръ, мы усилили гарнизонъ въ Римѣ, мы отозвали изъ Туринна своего посланника, мы держали корабли свои передъ Гаэтою.

«Вы говорите партизанамъ итальянской революціи: «Отчего вы мнѣ не довѣряете? Что вамъ за дѣло до пребыванія моихъ войскъ въ Римѣ? Развѣ вы забыли, что я противъ воли согласился послать экспедицію въ Римъ? Вѣдь мы же писали къ Эдгару Нею, что виллафранкскій трактатъ былъ мертвою буквою въ моихъ рукахъ, вѣдь я желаю счастливаго путя всякому, кто ѣдетъ въ кастел....я же наконецъ отозвалъ мой флотъ отъ Гаэты, и наконецъ теперь не существуетъ ни римской области, ни неаполитанскаго королевства.

«Наконецъ, обращаясь къ Франціи, и показывая ей, какъ вы по очереди ласкали и обдаживали обѣ партіи, вы даже хвалитесь запутанностью вашихъ поступковъ, возводите въ систему эту массу противорѣчій и прибавляете: посмотрите, какъ на меня жалуются! Развѣ мы—не олицетворенная умѣренность? Развѣ мы не умѣли хранить мудрое равновѣсіе? Развѣ мы не воскресили собою золотую середину (*le juste milieu*)? Чтобы сыграть роль въ этой комедіи передъ лицомъ Европы, вы возвратили свободу слова депутатамъ Франціи.—Ужъ лучше было бы ее оставить въ покоѣ.

«Я не сомнѣваю въ вашей силѣ; я чувствую всю ея тяжесть въ самоувѣренности, съ которою вы говорите, и въ моихъ собственныхъ опасеніяхъ за будущность моей страны; но я знаю происхожденіе этой силы, и этого происхожденія вы никогда не скроете отъ глазъ Франціи.

«Вы замышляете произвести великіе перевороты въ Европѣ; я

желаю одного для Франціи: чтобы она вышла изъ того состоянія, которое должно вовлечь ее въ предпріятіе, неодобренное ею заранѣе, въ которомъ она можетъ заснуть съ покровительственной системою и проснуться съ системою свободной торговли, перейти внезапно отъ мира къ войнѣ, отъ богатства къ нищетѣ.

«Знайте, что если вы не сойдете съ дурной дороги, на которую вы зашли такъ далеко, то можно будетъ обратиться къ вамъ и къ вашимъ приверженцамъ слова, произнесенныя вашимъ дядей въ присутствіи директоріи: «Что вы сдѣлали изъ Франціи?»

Эта манифестация въ пользу орлеанистовъ разбудила антипатію партіи, заставила говорить всю Францію. И мы готовы думать, что правительство отразитъ ее какимъ нибудь громкимъ событіемъ, чтобы отвлечь вниманіе въ другую сторону и дать Французамъ болѣе интересное зрѣлище.

Такъ называемый quasi тайный заемъ 300 милліоновъ, который хотѣли осуществить выпускомъ пятипроцентныхъ билетовъ государственнаго казначейства, тогда какъ банкъ, платившій только по особому повелѣнію 4%, могъ реализовать всего только 108 милліоновъ. Услужливые люди готовятъ умы къ великолѣпному демократическому займу въ 500 милліоновъ. Но гдѣ же та курица, которая несетъ золотыя яйца? Съ народа нечего больше взять, развѣ праздные аббаты придумаютъ новый крестовый походъ или дешевыя индульгенціи. Но и духовенство враждуетъ съ правительствомъ, которое въ свою очередь платитъ ему тѣмъ же, и конечно побѣда остается за послѣднимъ, отдавшимъ приказаніе своимъ генералъ-прокурорамъ, не закрывать болѣе глазъ правосудія насчетъ какихъ бы то ни было преступленій католическаго монашества; вслѣдствіе этого со всѣхъ сторонъ Франціи хлынула волна черныхъ дѣлъ и грязныхъ непристойностей и разлилась по всему государству. Я не буду вамъ здѣсь описывать никакихъ подробностей о дѣлахъ Блумъ-Малле, Ратисбонъ, братьевъ Цезаріусъ, Архангела и Серафима, аббатовъ Грѣла, Бернаръ и Верделе. Порядочный человекъ побоится окунуть въ эту грязь даже кончикъ своей трости.

Обратимся лучше къ Италиі, этой странѣ, имѣющей нынѣ въ Европѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ это можно предполагать, судя по величинѣ и народонаселенію. Отъ Италиі можно ожидать практическаго разрѣшенія національной проблемы, столь важной для Германіи, для центральной Европы. Съ разрѣшеніемъ этого вопроса окончатель-

по опредѣляются отношенія церкви къ государству и соглашенія центрального правительства съ коммунальной администраціей въ гармоническомъ соединеніи всѣхъ мѣстныхъ владѣній Италіи въ одну націю—однородную и могущественную. Старѣйшіе изъ Французовъ начали догадываться, что сила прогресса не въ ихъ рукахъ; древняя Италія, бывшая столь долгое время царцей міра, наконецъ снова проснулась отъ своего трехвѣковаго сна. Въ Туринскомъ парламентѣ гораздо болѣе заботятся о судьбахъ свѣта, чѣмъ въ тюльерійскомъ кабинетѣ, и мечъ усталого и больнаго Гарибальди служитъ хорошимъ перевѣсомъ французскихъ войскъ.

Впродолженіи петекшаго мѣсяца, къ сожалѣнію, совершилось очень мало событій въ пользу итальянскаго вопроса, и реакція, видимо, подвинулась впередъ. Гарнизонъ французскихъ войскъ въ Піа и въ Римѣ, эти войска, которыя Гарибальди столь справедливо считалъ непріятельскими, теперь еще усилены. Ограждаемый 20,000 французскихъ штыковъ, Францискъ II спокойно живетъ въ Ватиканѣ. И пребываніе его здѣсь составляетъ опору реакціи и въ другихъ частяхъ Италіи.

Это достаточно объясняетъ, почему Австрія еще не объявила официально войны Италіи. Она выжидаетъ исхода этой скрытой войны, которой старается управлять сама и льститъ себя надеждой, что Италія въ скоромъ времени рестерзаеть себя собственными руками. Но несмотря на это Италія остается вѣрной своему единству и желанію независимости, и никто не помышляетъ о возвращеніи великихъ герцоговъ, а выходка принца Мюрата окончилась плачевнымъ фіаско. Рѣшится—ли наконецъ Австрія дѣйствовать собственными силами? Теперь пора, но она боится; предписываетъ марши и контр—марши; дѣлаетъ шагъ впередъ для того, чтобы потомъ отступить; издаетъ воинственные прокламаціи, а сама прячется въ укрѣпленіяхъ и подозрительно посматриваетъ на Венгрію. Она не рѣшается опустить руку въ урну судебъ и рисковать войной, которая спасетъ ее или уничтожитъ, потому что Италія можетъ увлечь Венгрію въ эту борьбу и поднять заснувшаго тигра, въ родѣ общеевропейской войны. Если Австрія боится пускаться въ воинскія приключенія, Кавуръ съ своей стороны употребляетъ всѣ усилія, чтобы не попасть въ круговоротъ вихря сомнительныхъ и опасныхъ событій. Онъ попрежнему держится программы своего сильнаго союзника и покорно выслушиваетъ его предписанія; онъ желаетъ образовать армію изъ 300,000 солдатъ, построить и вооружить флотъ, способный

вырвать Венецію изъ рукъ Габсбурговъ. Кавуръ играетъ огромную игру, съ увѣренностью выиграть. Мы понимаемъ его цѣль и предстоящія ему трудности; мы понимаемъ и то, что молодая Италия и Гарибальди увѣрены, что каждый день выжиданья есть день реакціи, что реформы останавливаются или идутъ назадъ, если не подвигаются впередъ; что побѣды для того, чтобы быть плодотворными, должны повторяться и что для избѣжанія междоусобій необходимо соединить всѣ національныя партіи въ общей ненависти къ чужеземному игу. Кавуръ не допускаетъ подобныхъ разсужденій; онъ уполномочилъ Фанти, весьма жалкую личность, распускать волонтеровъ, лишать офицеровъ чиновъ и требовать отъ побѣдителей при Режжіо и Вольтурно покорности побѣжденнымъ Новары. Гарибальди не могъ допустить столь вопіющей несправедливости. Онъ поспѣшилъ въ парламентъ; говорилъ прямо, безъ дипломатическихъ увертокъ, такъ какъ могъ бы говорить левъ, но ему отвѣчала лиса. Никогда еще Кавуръ не выказывалъ столько ловкости и хитрости, не прибѣгалъ къ такимъ тонкимъ уловкамъ; но всѣ его дипломатическія тонкости не помогли ему выпутаться изъ ложнаго положенія, въ которое поставила его политическая угодливость Наполеону, его лицемерное поведеніе въ отношеніи гарибальдійцевъ. Даже въ этой палатѣ народныхъ представителей, повиновавшейся сначала малѣйшему его мановенію, онъ испыталъ сопротивленіе цѣлой трети изъ подающихъ голоса. Италия, выжидая вторженія Австріи, какъ того желаетъ Кавуръ, въ то же время вооружаетъ всѣхъ своихъ сыновъ противъ чужеземцевъ, какъ этого хочетъ Гарибальди.

По ту сторону морей занимаются не одними судьбами національностей. Цѣлыя расы спрашиваютъ себя: неужели онѣ навсегда лишены правъ свободы? Благодаря распаденію великой американской республики на двѣ враждебныя другъ другу конфедераціи, пользуясь настоящею удобною минутой, Испанцы пытаются снова захватить Испаньолу или островъ Сан-Доминго, свою первоначальную колонію. Католическая Испанія заявляетъ о своемъ пробужденіи, возвращаясь къ политикѣ былыхъ временъ. Сохранивъ память о семилѣтней войнѣ съ Маврами, она цѣлою десяти тысячъ солдатъ приобрѣла какую-то скалу въ Марокко. На востокѣ, гдѣ некогда Испанія была представляема инквизиціей, теперь заодно съ Франціей она поддерживаетъ вооруженной рукой пропаганду миссіонеровъ въ Кохинхинѣ.

И теперь въ Америкѣ, гдѣ ихъ предки истребили миллионы ту-

земцевъ, они снова принимаются за свою политику завоеваній и порабощенія. Флибустьеры въ обширномъ значеніи этого слова, сподвижники своего врага Валькера, они хотятъ подчинить себѣ жителей Сан-Доминго, а потомъ Гаитянъ, и *satto dose* предупреждаютъ насъ о своемъ намѣреніи современемъ снова завоевать Маганку. Ихъ тактика весьма простая. Тысячи претендентовъ, полныхъ честолюбія, съѣхались въ столицѣ Сан-Домингской республики въ маленькомъ городкѣ съ четырьмя или пятью стами жителей. Благодаря хорошей цѣнѣ, они подкупили честное содѣйствіе президента Санта-Анны и также толпы распущенныхъ солдатъ. Въ назначенный день Испанцы разразились криками «вивать», президентъ развернулъ кастильское знамя, и озадаченная республика узнала слишкомъ поздно, что она составила Испанскую провинцію. Въ то же время испанскіе корабли подвезли свѣжія войска для поддержанія этого движенія и скрѣпленія общаго энтузіазма.

По будутъ-ли они имѣть одинаковый успѣхъ въ остальной части острова? Это очень сомнительно. Туземцы Сан-Доминго должны всего опасаться отъ бѣлыхъ; если ихъ побѣдятъ, имъ придется влечти цѣпь невольничества или униженія вольноотпущенныхъ. Ихъ участь будетъ одинакова съ участью Негровъ Гаити, Кубы и южной конфедераціи Соединенныхъ Штатовъ. Ответственность страданій сдѣлаетъ всѣхъ этихъ угнетенныхъ опасными. Такимъ образомъ разрѣшеніе вопроса о преимуществахъ расы подходитъ къ развязкѣ на Антильскихъ островахъ, какъ и въ американской республикѣ. Война уже вспыхнула, и пограничныя государства должны сдѣлать рѣшительный выборъ между сѣверомъ и югомъ, между свободой и рабствомъ; тогда столь запутанная и нерѣшительная политика сѣверной конфедераціи будетъ въ силахъ дѣйствовать открыто и смѣло.

Если мы перенесемъ взглядъ на могущественную Англію, въ надеждѣ найти въ ней союзницу справедливости, мы придемъ въ отчаяніе. Страна, которая такъ славилась удивительной цивилизаціей, вѣковой свободой, просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, не занимается нынѣ ничѣмъ, кромѣ себя и во всѣхъ странахъ видимъ только рынки. Подобно военному кораблю на якорѣ передъ Европой, она блокируетъ континентъ; она вооружила свои порты и корабли, она формируетъ арміи, но не для услугъ страдающимъ пародамъ. Британскій леопардъ, насытившись, сладострастно отдыхаетъ:—берегись, кто неосторожнымъ шумомъ парусить его пищевареніе.

Я не забылъ дурнаго расположенія духа англійскаго правительства, когда Италия потребовала своей независимости. Получивъ извѣстіе о войнѣ, оно яростно заговорило не только противъ Франціи, но и противъ Пьемонта, который осмѣлился столкнуться съ могущественной Австріей, такъ необходимой для поддержанія какого-то равновѣсія въ Европѣ. Побѣда итальянскаго дѣла страннымъ образомъ смягчила англійскій кабинетъ, который вообще чувствуетъ величайшее уваженіе къ сильнѣйшему, и когда пораженіе Австріи сдѣлалось неизбѣжнымъ, лордъ Джонъ Россель такъ хорошо примирился съ торжествомъ Италии, что приписывалъ весь успѣхъ своей искусной дипломатіи, а *Times*, окуривая министра ладонемъ похвалъ, торжественно благодарилъ его за приведеніе къ благополучному концу труднаго дѣла итальянской независимости: тогда было признано, что свобода полуострова не была несомвѣстна съ политическимъ равновѣсіемъ. Но виллафранкское отступленіе, благодаря папскимъ и бурбонскимъ заговорщикамъ, которыхъ покровительствуетъ французское знамя, остановило дѣло освобожденія на половинѣ дороги. Безъ сомнѣнія, думаетъ чувствительный Джонъ Россель, еще будетъ время для Италии окончить свое предпріятіе. Глубокая ошибка! Равновѣсіе совершившихся фактовъ позволяетъ Англій только безплодныя симпатіи. Министерство королевы Викторіи произноситъ самыя пламенные обѣты за освобожденіе Венеціи, и въ то же время угрожаетъ Виктору Эмануэлю вѣзмъ гнѣвомъ, если онъ серьезно примется за это дѣло. Забавляя общественное мнѣніе побасенками о выкупѣ Венеціи, лордъ Джонъ Россель отправляетъ корабли въ Адриатическое море, чтобы стеречь берега Триеста. Англія думаетъ, что если Венеція будетъ взята сегодня у Австріи, завтра придетъ очередь итальянскаго Тироля, потомъ Истріи, Далмаціи, Венгріи и Славоніи; тяжелая германская конфедерація будетъ невольно увлечена въ неизвѣстную борьбу; старая Турція отойдетъ, и Англія, постоянно вѣрная принципу политическаго равновѣсія, можетъ быть будетъ принуждена дожидаться долго, чтобы спокойно считать свои барыши. Но лордъ Джонъ Россель находитъ средство согласить свои симпатіи къ итальянской независимости съ его угрозами противъ независимости іонійскихъ острововъ. Кажется, принципъ одинъ и тотъ же; но разница въ томъ, что Греческая колонія принадлежитъ Англій, а Венеція нѣтъ; Италиі онъ даетъ отеческіе совѣты, а Австріи флотъ.

Всѣ вопросы между собой связываются, и англійское правительство, которое выдаетъ себя за великаго воспитателя европейской свободы, чувствуетъ, что истинное участіе въ итальянскомъ движеніи привудило—бы его пойти далѣе, чѣмъ оно намѣрено, и подумать о національной независимости 68 колоній. Республика іонійскихъ островъ тяготится военнымъ деспотизмомъ Англій; она осмѣливается хотѣть раздѣлять судьбу Греціи. Какая дерзость! Отвергать благодѣянія богатой Англій! Лордъ Пальмерстонъ не шутя увѣряетъ Іонянъ въ своей глубокой любви къ нимъ и въ готовности доказать эту любовь даже пушками. А что сдѣлалъ онъ для Спрін, чтобъ помѣшать ужаснымъ убійствамъ, чтобъ дать миръ этой несчастной странѣ, которой благосостояніе озабочиваетъ нынѣ цѣлую Европу? Ничего. Ему довольно, чтобъ французскія войска были отозваны. Вѣрный преданіямъ старинной политики, онъ требуетъ, чтобы эти богатая страны были обитаемы остатками народа безъ силы и энергіи къ великому дѣлу новѣйшей цивилизаціи. Еслибъ когда нибудь новая нація на прочныхъ началахъ основалась въ этихъ превосходныхъ земляхъ и сдѣлала у себя складъ торговли, преобладающее вліяніе Англій уменьшилось бы; новая нація заслонила-бы ей великій южный путь въ долины Евфрата. И такъ интересы Англій требуютъ, чтобы была пустыня вездѣ, гдѣ могутъ явиться опасные соперники. Всѣмъ извѣстно дѣло о Суэзскомъ перешейкѣ, дѣло, въ которомъ всѣ племена человѣчества должны были-бы съ благородной поспѣшностью требовать своей работы. Всѣмъ извѣстно, какъ это дѣло было принято государственными людьми сень-джемского кабинета. Они были нестоими въ выдумкахъ и ироніи. Прорытіе перешейка, предпринятое фараонами за 2000 лѣтъ, казалось химерой образованному парламенту, хотя онъ въ то же время клалъ телеграфическую проволоку черезъ океанъ, строилъ громадный кристалльный дворецъ и бросилъ на море громаднаго Левіагана; участники національной политики, знаменитѣйшіе англійскіе ученые даже не отказались дать ложное свидѣтельство въ защиту дурнаго дѣла, поддерживаемаго лордомъ Пальмерстономъ; они не постыдились профанаціи науки ради своихъ мелкихъ расчетовъ. Теперь каналъ начать, несмотря на всѣ дурныя предсказанія; но если война возгорится въ этихъ широтахъ и англійскому флоту придется проплыть мимо Портъ—Санто, нѣтъ сомнѣнія, что (по какому нибудь случаю) плотина будетъ прорвана, а городъ обращенъ въ груды пещла.

Таково, скажемъ мы съ грустью, таково это старое эгоистическое преданіе, которое характеризуетъ Англію въ ея сношеніяхъ съ другими народами, и отъ которой ей будетъ трудно освободиться до тѣхъ поръ, пока иностранныя сношенія будутъ зависть отъ такихъ старыхъ паяцовъ, какъ лорды Пальмерстонъ и Джонъ Россель, не считая Дерби и д'Израэли. Лордъ Пальмерстонъ умѣлъ придать личину силы и смѣлости политикѣ, которая въ сущности была только слѣпымъ обожаніемъ совершившагося факта; Лордъ Джонъ Россель покрылъ лакомъ уважительности и нравственности всѣ измѣненія, которыя старая политика совершаетъ обыкновенно съ крайнимъ безстыдствомъ. Если Англія пожалѣетъ когда нибудь о памяти этихъ двухъ министровъ, то ее вправѣ будутъ спросить: да что же они сдѣлали для блага англійскаго народа?

Первый изъ нихъ не оставитъ по себѣ рѣшительно ничего, кромѣ незавидной памяти находчиваго парламентскаго каламбуриста; другому обязаны Евреи своимъ введеніемъ въ Парламентъ не чрезъ великія ворота свободы, а черезъ потаенную дверь обвиненнаго. Иногда сравниваютъ графа Кавура съ этими двумя государственными людьми. Конечно, онъ сходенъ съ ними по своему личному честолюбію, кошачьей хитрости, скромному вѣроломству; но по крайней мѣрѣ онъ занимается серьезнымъ дѣломъ, и Италія помогаетъ ему значительною частью своихъ силъ. Онъ также искусно владѣетъ оружіемъ клеветы; онъ умѣетъ удалять съ своей дороги людей, которыхъ благородная откровенность наводитъ на него страхъ; но вмѣсто того, чтобъ валяться въ грязи старыхъ преданій, онъ плаваетъ по-своему въ великомъ потокѣ прогресса и свободы. Хитрость его служить для пользы справедливаго дѣла и невольно напоминаетъ Макиавелли, послѣдняго изъ итальянцевъ, который нѣкогда со слезами отчаянія искалъ искупителя Италіи даже въ цезарѣ Борджіа.

Въ Америкѣ англійская политика не болѣе откровенна, чѣмъ въ Европѣ. При первомъ извѣстіи о событіяхъ въ Чарльстонѣ, казалось естественнымъ, что Англія станетъ на сторонѣ сѣверныхъ штатовъ. Но симпатіи лорда Джона Росселя и *Times'a* на сторонѣ юга: они удивляются умѣренности меонголерійскихъ государственныхъ людей, они аплодируютъ ихъ торговой политикѣ, позволяютъ, не допустивъ ихъ даже до просьбы, вооружать каперовъ, чтобъ упрочить миръ, т. е. рабство, и ежегодный сборъ хлопчатой бумаги; они предложили даже свое посредничество, и нѣтъ сомнѣнія, еслибы феде-

ративное правительство приняло его, то мантия Викторіи покрыла бы рабовладѣльцевъ. Говорятъ, что Англія хочетъ потерять весь нравственный результатъ освобожденія черныхъ, которое она совершила цѣною 500 т. фран.; но она называетъ клеветниками тѣхъ, кто приписываетъ освобожденіе ея Негровъ эгоистическимъ побужденіямъ, кто обвиняетъ могущественную остиндскую компанію въ желаніи разорить Антильскіе острова въ пользу промышленнаго монополя, и гдѣ допущено фактически отвратительнѣйшее рабство райевъ, пожираемыхъ тысячами голодной смертью. Пусть же для чести человѣчества проснется въ Англіи нравственное чувство и пусть ради освобожденія Негровъ она забудетъ на время матеріальные интересы толстыхъ набобовъ!

Нравственный смыслъ Американцевъ также нуждается въ просвѣщеніи и энергіи. Къ счастью, современныя событія доказываютъ, что грубая жажда барыша, грозившая развратить до костей націю, не совсѣмъ еще заглушила благородные ея порывы. И едвали какая нибудь страна въ мірѣ способна выказать столько энергіи въ защиту угнетенныхъ. Черезъ пятнадцать дней послѣ прокламаціи президента, воззвавшаго къ оружію, болѣе ста тысячъ человѣкъ собрались подъ звѣзднымъ знаменемъ сѣверныхъ штатовъ; механики и рыболовы, утромъ работавшіе въ своихъ мастерскихъ и у морскихъ береговъ, къ вечеру были на дорогѣ въ Вашингтонъ. Нью-Йоркскіе купцы, составившіе комитеты общественной безопасности, собрали милліоны франковъ, устроили флотилію и отправили на театръ войны до 20 т. человѣкъ. Во всѣхъ сѣверныхъ городахъ, въ самыхъ глухихъ деревняхъ организуются комитеты на защиту праваго дѣла.

Благодаря этому народному движенію, Вашингтонъ внѣ опасности, и побѣда, конечно, не замедлитъ склониться на сторону свободныхъ гражданъ. Впродолженіе нѣсколькихъ дней столица республики подвергалась величайшей опасности: сепаратисты заняли рѣку, на которой расположенъ Вашингтонъ; они укрѣпились въ Александріи, — въ предмѣстіи самой столицы и овладѣли транспортомъ, предназначеннымъ для снабженія войскъ; на югѣ они господствовали на дымящихся развалинахъ Норфолка; на западѣ они покрывали окрестныя высоты Вашингтона и на сѣверѣ захватили огромный арсеналъ Джерри. Затѣмъ они распространили ужасъ въ Балтиморѣ, перерѣзали телеграфическія нити и разрушили желѣзныя дороги. Это было буйство плантаторовъ, объявившихъ войну свободѣ. Но теперь успѣхи

ихъ дѣлаются сомнительными: окрестности Вашингтона очищены и дороги его свободны. Мариландъ, опасаясь возрастающей мести и озлобленія своихъ невольниковъ, просить о пощадѣ; западная Виргинія вступаетъ въ союзъ, а восточная распускаетъ свою милицію и просить мира. Но еслибъ Линкольнъ и захотѣлъ остановить кровопролитіе, то уже поздно: теперь вопросъ перешелъ въ руки всей страны, и она положитъ оружіе не прежде, какъ возвративъ Балтиморъ и усмиривъ южное населеніе. Побѣда, во имя великаго принципа, остановится не раньше, какъ вполнѣ обезпечивъ свободу сѣвера и сокрушивъ рабство юга. Такова логика событій, и рука Линкольна слишкомъ слаба, чтобъ управлять ею.

«Снимайте, Негры, свои цѣпи», говорятъ имъ войны сѣвера,— и невольники чутко прислушиваются къ этому новому голосу.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПѢСНИ, СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ. Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва. 1861. in-8° (стр. 488).

I.

Недавно мы говорили о сборникахъ народныхъ сказокъ и стиховъ гг. Ходякова и Варенцова и заявили фактъ сочувствія нашей литературы къ дѣлу изученія русской народности. Это сочувствіе, помимо прекрасныхъ статей Костомарова, изслѣдованій Буслаева и др., выразилось въ послѣднее время довольно частымъ появленіемъ сборниковъ, открывающихъ намъ, по возможности полнѣе, разныя стороны народнаго ума и сердца, вѣрованій и убѣжденій, въ томъ видѣ, какъ высказались онѣ въ прямой, непосредственной формѣ народнаго отклика—въ былинѣ, пѣснѣ или сказкѣ. На-дняхъ еще появленіе Безсоноваго сборника—«*Калыки-перехожіи*»,—въ которомъ собраны стихи нашей нищей братіи—калык-перехожихъ, значительно обогатило литературу народныхъ изслѣдованій, обогатило ее тѣмъ, что это послѣднее собраніе проливаетъ яркій свѣтъ на цѣлое, такъ сказать, сословіе, искони блуждающее среди осѣдлаго народа, соприсущее ему и нераздѣльное съ нимъ, потому—что оно вышло изъ того же народа, который несетъ его на своихъ плечахъ и кормитъ своей тяжелой, трудовой копѣйкой. Почти вслѣдъ за сборникомъ Безсонова, появляется новый—«*Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбнико-*

вылк», — по величинѣ своей превосходящій почти всё прежнiе, потому—что передъ нами пока только одна первая часть его; сборникъ, значенiе котораго для насъ дѣлается существенное прежнихъ, потому—что онъ раскрываетъ для нашихъ изслѣдованiй нѣсколько новыхъ, нигдѣ неизвѣстныхъ еще доселѣ матеріаловъ, чрезвычайно важныхъ по своему богатству и оригинальности.

Каждый подобный сборникъ имѣетъ цѣну для насъ не съ одной исторической стороны, какъ картина прошлаго, свидѣтель отжившаго, бывалаго, какъ живая, устная лѣтопись старины; подобный взглядъ мы считаемъ и одностороннимъ и ошибочнымъ, какъ бы онъ ни нравился любознательнымъ мужамъ, спокойно рѣшающимъ вопросъ о юсахъ, среди множества живыхъ и общественныхъ вопросовъ... Нѣтъ, для такой дѣятельности и наслажденiя надо оскотить своей умъ и чувство до самоумерщвления! вмѣстѣ съ извѣстной долей историческаго интереса, мы видимъ задушевнѣйшую сторону въ этихъ сборникахъ, прямое *жизненное* значенiе. Для насъ они являются не только памятникомъ прошлаго, но и выраженiемъ настоящихъ потребностей и симпатiй нашего народа. Народъ беретъ отъ жизни, какъ настоящей, такъ и прошлой, только то, что само по себѣ жизненно, что пригодно ему на что—нибудь, для выраженiя міра его нравственныхъ требованiй, все-же прочее, какъ ненужное, какъ мертвое, ничего не выражающее, отбрасывается имъ и предается полнѣйшему забвенiю. Съ этой точки зрѣнiя будемъ мы смотрѣть на всё подобные сборники, стараясь найти въ нихъ живенныя нервы, по биенiю которыхъ можно судить о затаенныхъ думахъ народа, о его воззрѣнiяхъ на дѣйствительную жизнь.

Изданiе разбираемаго нами сборника принадлежитъ гг. П. Безсонову и Д. Хомякову. Сборникъ раздѣленъ на четыре отдѣла: первый заключаетъ въ себѣ время до Владимiра, время, въ которое выступаютъ передъ нами гигантскiе образы «богатырей старшихъ», образы, поражающiе насъ своей новостью, какъ доселѣ неизвѣстные еще изслѣдователямъ; въ этомъ отношенiи первый отдѣлъ замѣчательно важенъ, потому—что онъ открываетъ въ сознанiи народа еще одну совершенно новую характерную сторону. Во второй части этого отдѣла, заключающей въ себѣ время Владимiрово—эпоху, отънесенную уже нѣсколько историческимъ колоритомъ, выступаютъ личности «богатырей кiевскихъ», между которыми первое мѣсто занимаетъ Илья Муромецъ, первый борецъ за русскую *землицу*. «Удаль-

цы Новгородскіе»: Василій Буславъ и Садко-кудѣцъ, — богатый гость, составляютъ второй циклъ былины въ сборникѣ. Въ третьемъ циклѣ встаетъ предъ нами «Москва» съ своимъ грознымъ царемъ, страшный гнетъ котораго невольно чувствуется вамъ въ каждой былинѣ его времени, вмѣстѣ съ мрачнымъ образомъ этого грознаго царя, съ его «потухшимъ, мутнымъ окомъ». Здѣсь не только въ складѣ, но даже въ мелкихъ приемахъ и выраженіяхъ слышна ясно современность пѣснеслагателей совершавшемуся событію. Наконецъ четвертый отдѣлъ заключается въ себѣ «пѣсни былевья—княжескія, молодецкія и безыменныя», между которыми особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, по своей художественности и поэзіи, пѣсни: 1) О Настасѣ королевнѣ Полятовской; 2) О добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой; 3) На чужой сторонѣ; 4) О горѣ и, наконецъ, 5) О хмѣлѣ. Въ этихъ пѣсняхъ художественная отдѣлка достигаетъ рѣдкой степени изящества въ непосредственномъ народномъ творествѣ.

Миръ первоначальной эпохи этого творчества, эпохи до Владимірова цикла, слѣдовательно доисторической, особенно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Эту эпоху покойный К. С. Аксаковъ справедливо называлъ эпохою *титанической* или *космогонической*, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою نیروю, гдѣ являются богатыри-стихи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ свои степени; не всѣ богатыри этой первозданной эпохи одинаково носятъ на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, одинъ дальше, другой ближе къ людямъ. Эти «богатыри старшіе» упоминаются въ нѣсколькихъ былинахъ; ясные другіе очерчены народною фантазією два изъ нихъ: *Суханъ* и *Святогоръ*, съ которыми впервые знакомимся мы изъ сборника г. Рыбникова. О первомъ изъ нихъ г. П. Б., авторъ «Замѣтки», приложенной къ сборнику, замѣчаетъ, что эта личность носитъ на себѣ явные слѣды происхожденія иноческаго. Вълѣдствіе искони-неизмѣнныя эпическихъ формъ русской былины домосковскаго, или, вѣрнѣе, богатырско-киевскаго періода, этотъ Суханъ, какъ и всѣ богатыри, затянутъ народнымъ творчествомъ въ эпоху Владиміра; но эпоха въ этомъ случаѣ является съ перваго-же взгляда, ни болѣе, ни менѣе, какъ простою, разъ навсегда обусловленною внѣшнею формою. Вы тотчасъ-же видите, что Суханъ далеко не то, что Добрыня, Илья, Чурило и другіе богатыри Владимірова цикла: Суханъ чувствуетъ себя чужимъ на ширѣ Владиміра —

*

За тѣмъ столомъ за дубовымъ
 Сидитъ богатырь Сухмантій Одихмантьевичъ —
 Ничѣмъ-то онъ, молодецъ, не хвастаетъ...
 «Ай же ты Сухмантій Одихмантьевичъ!
 Чтò же ты ничѣмъ не хвастаешь,
 Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
 Бѣлыя лебеди не рушаешь?
 Али чара ти шла не рядобная,
 Или мѣсто было не по отчинѣ
 Или пьяница насмѣялся ти?

Онъ не пользуется расположеніемъ стольнаго князя; онъ берется за трудные подвиги, но не выполняетъ ихъ для Владиміра, тотъ ему не довѣряетъ и посылаетъ подглядывать за нимъ богатырей младшихъ, сажаетъ его въ подземелье, и когда воротилъ ему милость, убѣдясь на дѣлѣ о его подвигѣ, Суханъ не принялъ ужь этой милости:

Не умѣлъ меня солнышко миловать,
 Не умѣлъ меня солнышко жаловать,
 А теперъ не видать меня во ясны очи!

Но вотъ дѣйствительный представитель *титанической* силы до-историческаго періода — *Святогоръ*. Хотя имя его, по характеру своему, принадлежитъ уже къ христіанскому періоду, но творческій замыселъ народа въ отношеніи этого героя, указываетъ ясно на его дохристіанское происхожденіе. Настоящее, первичное имя его быть можетъ затеряно въ памяти народа, который названіе *Святогора* весьма вѣроятно придалъ уже гораздо позже этому ярко запечатлѣвшемуся въ его сознаніи образу, а быть можетъ, оно еще пока и не отыскано нашими изслѣдователями; но во всякомъ случаѣ, образъ этотъ открываетъ намъ многое въ нашей древне-славянскои жизни, по отношенію его къ земщинѣ русской. Для того, чтобы личность эта стала совершенно понятна, мы объяснимъ ее нѣсколько: Святогоръ — представитель титаническихъ силъ, начала броженія, кочевья, первобытныхъ славянскихъ передвиженій, представитель силы, неприкрѣпленной къ землѣ, силы, которая, при столкновеніи съ силою новаго начала земщины, должна была уступить ей, оказалась ни къ чему непримѣнимою, мертвою. Наступаетъ новая эпоха: племенная сила соединяется въ одинъ народъ, осѣдается на мѣстѣ, прикрѣпляется

къ землѣ, и здѣсь—то у нея является то, что разумѣемъ мы подъ словомъ *земщина*: является *миръ, община, сходка*, однимъ словомъ, новая *земская сила*, которая вырабатываетъ своихъ надежныхъ борцовъ и представителей, какими и являются Илья Муромецъ и Микла Селяниновичъ. Святогоръ, какъ сила старая, стихійная, неустановившаяся, долженъ былъ уступить правильно организованной и стройной силѣ новаго земскаго начала. Его ужъ земля не держала отъ непомерной его силы; онъ отыскалъ себѣ одну гору и улегся на ней, прося подошедшаго Муромца не тревожить его покоя: его обременила, одолѣла своя же собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ. Представитель стихійныхъ началъ, броженій, кочевья, титаническихъ подвиговъ, при наступленіи новой эпохи, эпохи устоявшейся *земли*, сложившагося міра — народа, обреченъ былъ самъ на неподвижность, на недействительность. Если-же и являлся онъ въ движеніи, то движеніе его было медленно, тяжело:

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣриться.

А сила-то по жилочкамъ

Такъ живчикомъ и переливается —

Грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.

Онъ движется какъ Шаркъ—великанъ, «съ боку на бокъ переваливаясь.» Бывальщина рассказываетъ, что онъ, блуци по степи, наѣхалъ «намаленькую сумочку переметную,» обыкновенную суму-котомку, наполненную *землею*: «беретъ погонялочку, пощупаетъ сумочку—она не скрянется, двинетъ перстомъ ее—не сворохнется, хватить съ коня рукою—не подымется». Это изумило богатыря; онъ никакъ не могъ понять, чтѣбы это такое было и чтѣ бы это значило:

Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,

А эдакова чуда не наѣзживалъ,

Такова дива не видывалъ:

Маленькая сумочка переметная

Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»

Слѣзаетъ Святогоръ съ своего коня, ухватилъ обѣими руками эту сумочку, поднялъ—было ее выше колѣнъ, да самъ упрягъ въ землю по колѣна, —

А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.

Тутъ, на этомъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ угрязъ Святогоръ въ землю, онъ и остался—встать не могъ болѣе.—«Тутъ ему было и окончаніе», заключаетъ былина. Такъ рисуется народъ столкновение старыхъ началъ съ земщиной. Святогоръ встрѣчаетъ землю: она не велика, въ маленькой, переметной сумочкѣ; но она уже «не скрывается, не сворохнется», она окрѣпла. Святогоръ ищетъ «тягу земли», тяжесть равную землѣ, равносильный рычагъ, чтобы повернуть всю землю—замыселъ титаническій: и онъ находитъ представительницу этой тяги, сложившуюся землю русскую, кажется малую, кажется слабую. Но, попытался онъ сдвинуть,—и «по бѣлу лицу его не слезы, а кровь течетъ», онъ поднялъ только выше колѣня и самъ угрязъ въ эту же землю: она сильнѣе, она побѣдила его.

Есть еще одна бывальщина, въ которой это столкновение двухъ силъ выразилось со всей осязательностью народнаго творчества. Святогоръ кромѣ земли встрѣчаетъ на пути своемъ еще и самаго представителя этой земли, селянина, и сына поселянина же, оратая, пахаря-крестьянина. Ъхалъ Святогоръ дорогою и по пути встрѣтился ему прохожій. Припустилъ богатырь своего коня къ тому прохожему, *но никакъ не можетъ догнать его*: поѣдетъ во всю прыть—прохожій идетъ впереди; ступою поѣдетъ,—прохожій все-таки впереди идетъ; такъ что богатырь долженъ былъ обратиться къ нему съ просьбою: «Ай же ты, прохожій человекъ, приостановись немножечко, не могу тебя догнать на добромъ конѣ.» Приостановился прохожій, снялъ съ плечъ сумочку, и положилъ ее на землю. «Что у тебя въ сумочкѣ?» спрашиваетъ богатырь.—А вотъ, подыми съ земли, такъ и увидишь.—Сошелъ Святогоръ съ добраго коня, захватилъ сумочку рукою, но могъ и пошевелить; сталъ подымать обѣими руками, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по-колѣна въ землю угрязъ».—Говоритъ богатырь: «что это у тебя въ сумочку наложено? Силы мнѣ не занимать стать, а я и сдвинуть сумочку не могу?»—Въ сумочкѣ у меня *тяга земная*.—«Да ктожъ ты есть и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по изотчины?» *Я есть Микула Селяниновичъ*.

И вотъ выступаетъ на сцену новое земское начало: славяне сосредоточиваются въ *миръ-народъ*, вырабатываютъ для себя новыя формы жизни, формы опредѣленныя, законченныя, закругленныя по-

вымъ бытомъ, закрѣпленные землею, осѣдлостью, городами,—вступаютъ въ жизнь политическую. Первое творческое выраженіе сложившагося русскаго народа есть уже Илья Муромецъ. Богатыри предъидущей эпохи отодвинулись на задній планъ въ сознаниі народа: они явились какъ противоположность *міру—народу* русскому, съ его міромъ—сходками, общиной, землею и земщиной. Но, какъ начало земское непосредственно вытекло изъ начала броженія, такъ и Илья вытекъ изъ силъ «богатырей старшихъ». Онъ является естественнымъ переходомъ отъ стараго къ новому. У него уже нѣтъ той гигантской, титанической силы, которая тяготитъ и землю и его самого: онъ есть величайшая сила, но первая *человѣческая* сила. «Когда калики-перехожіи—сила, принадлежащая, по былинамъ, къ стихійнымъ еще началамъ, но допущенная и признанная жизнью новой, когда они, говоримъ мы, дали испить пива карачаровскому сидню, чтобы сообщить ему силу, то онъ почувствовалъ, что можетъ своротить всю землю.» Тутъ ужъ онъ является равнымъ силѣ Святогора, силѣ, враждебной землѣ, непригодной для новыхъ началъ *человѣческой* жизни. Тогда калики-перехожіи дали испить ему еще и посредствомъ этого умѣрили титаническую силу Ильи, ввели ее въ предѣлы человѣческіе, въ предѣлы полезные и пригодные для жизни новой, для земщины. Таковымъ является Илья въ народномъ сознаниі со стороны внутренне-человѣческой; со стороны же внѣшней, политической жизни, онъ есть первая *народная земско-дружинная сила*. Эта сила была также передана ему частію и отъ Святогора,—и вотъ почему мы признаемъ его органическимъ переходомъ отъ старыхъ стихійныхъ, бродячихъ началъ къ новой, устоявшейся и правильной жизни русской земщины.

Назвалъ Святогоръ Илью своимъ меньшимъ братомъ и обмѣнялся съ нимъ крестомъ. Выучилъ его богатырь «всѣмъ похваткамъ, поѣздамъ богатырскимъ» и поѣхали они вмѣстѣ «къ Сивернымъ горамъ». На пути попадается имъ великій гробъ, на которомъ отыскали они надпись: «кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ». Илья былъ силою живою, пригодною для новой жизни и потому гробъ пришелся не по немъ: и великъ и широкъ оказался; легъ Святогоръ, и гробъ пришелся ему какъ разъ въ самую пору.

Говоритъ богатырь таковы слова:

«Гробъ точно про меня дѣланъ.

Возьми-тко крышку, Илья,

Закрой меня.»

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

— Не возьму я крышки, большой братъ,
И не закрою тебя:

Шутишь ты шуточку не малую:

Самъ себя хоронить собрался. —

Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ ею гробъ, да какъ захотѣлъ поднять ее, глядь, никакъ и не можетъ. Бился, бился онъ, силился поднять—не поддается крышка. «Ай, меньшій братъ! видно судьбина поискала меня, заговорилъ онъ оттуда къ Муромцу, не могу поднять крышки, попробуй—ка приподнять ее». Илья попробовалъ, но ничего не могъ сдѣлать. Говоритъ Святогоръ: «возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперегъ крышки», а Ильѣ не подъ силу и поднять этого меча. «Наклонись ко гробу, къ маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскими». Какъ наклонился Илья и дохнулъ на него Святогоръ, такъ и почувялъ Илья, что силы въ немъ противу прежняго прибавилось втрое; поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперегъ крышки. Отъ того удара искры посыпались, а гдѣ ударилъ мечъ, тамъ выросла желѣзная полоса. «Душно мнѣ, меньшій братъ; попробуй еще ударить мечомъ вдоль крышки.»—И тутъ выросла желѣзная полоса. «Задыхаюсь я, меньшій братецъ; наклонись-ка къ щелочкѣ, я дохну еще на тебя и передамъ всю силушку великую.»—Будетъ съ меня силы, большой братецъ: *не то земля на себѣ носить не станетъ.* — «Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа, проговорился тутъ ему Святогоръ: *я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ и ты бы легъ подлѣ меня.* А теперь прощай, *владай моимъ мечомъ-кладенцомъ*, а добра-коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладѣетъ съ этимъ конемъ». Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ коня ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ чисто-поле раздольное.

«Кромѣ земли и земской дружины», говоритъ авторъ «замѣтки» къ сборнику пѣсень Рыбникова, «тѣхъ началъ, которыя на современномъ языкѣ мы могли бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ назвать консервативными и прогрессивными, охранительными и двигательными впередъ, кромѣ нихъ, въ сложившемся быту народа явилось вскорѣ начало еще *третье*,

допущенное и призванное со стороны, въ качествѣ *третьяго*, третейскаго посредника, судьи, разбирателя и рѣшителя, на случай борьбы между исконными и существенными двумя началами, на случай защиты ихъ со стороны вѣтшной, для безпрепятственнаго развитія ихъ внутри.» Это-то именно третье, пришлое начало былъ князь съ *своею* дружиною, и его дружинники являлись уже исполнителями его воли. И эту княжескую дружину народъ никонимъ образомъ не смѣшиваетъ съ земскою дружиною, хотя и называетъ ихъ вообще однимъ именемъ—*дружиною*, въ общемъ смыслѣ. Эта рать княжеская, хотя и помогаетъ иногда богатырямъ, но ужъ никакъ не входитъ въ составъ той земской дружины, которую земскіе богатыри подбирали себѣ сами. И замѣчательно еще вотъ что: въ княжеской дружинѣ (по былинамъ, хоть бы напримѣръ въ дружинѣ Олега) нѣтъ ни одного земскаго богатыря. Въ отличіе отъ земской рати, она получила названіе *княжеской*, и еѣ-то, съ позднѣйшей точки зрѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «замѣтки», можно именовать *государственной*, въ томъ смыслѣ, что въ ней таились сѣмена послѣдующаго государства.

Представителемъ этого третьяго начала является Олегъ Святославичъ, котораго былина именуетъ Вольга Всеславичъ.

Вотъ какъ народъ представляетъ себѣ появленіе этого начала: когда Вольга народился и пошелъ по сырой земли, такъ мать-сыра земля всколебалася,

Птицы улетѣли за сини моря,
А звѣри ушли во темны лѣса,
А рыбы ушли въ глубоки станы,

все попряталось, разбѣжалось, разлетѣлось, размѣталось. Таково было впечатлѣніе отъ появленія званныхъ гостей, когда, усѣвшись, начали они вертѣть земскими дѣлами.—Все въ землѣ повыловлено, въ угодыя ея поимано, добычею добыто. Ёдетъ Вольга «со своей дружинишкой хораброю къ городамъ за получкою», за данью, за своимъ оброкомъ.

Таковы были подвиги Вольги Всеславича. И замѣчательно еще вотъ что: ни въ одной былинѣ, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ богатыри земскіе не занимаются подобными подвигами.

Илья Муромецъ, напримѣръ, если и затѣвалъ драку великую, такъ ужъ совершенно наоборотъ: не противъ земщины, а за земщину.

Въ сборникѣ Рыбникова есть одна былина о ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ, былина, въ которой протестъ земщины за оскорбленіе ея, выразился до послѣдней степени полно и рельефно. Илья Муромецъ является здѣсь не то что представителемъ, но живымъ олицетвореніемъ земщины, — ея образомъ; и посмотрите, какъ высказался этотъ протестъ: Владиміръ сдѣлалъ пирь на всѣхъ князей и бояръ, а забывъ позвать стараго козака Илью Муромца. Этимъ выразилось пренебреженіе къ земщинѣ—земщина оскорбилась въ лицѣ своего Муромца и постояла за себя по-своему:

Тутъ Ильюшенькѣ стало зарно:
 Скоро онъ натанулъ тугій лукъ,
 Кладываетъ стрѣлочку каленую,
 Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
 По божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
 По тымъ маковкамъ золоченымъ.
 Вскричалъ-то Илья во всю голову,
 Во всю голову зычнымъ голосомъ:
 «Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
 Ступайте пить со мной заодно зелена вина,
 Обирать-то маковки золоченыя!»

Воззваніе Ильи, конечно, не могло не встрѣтить сочувствія. Удаля, забубенныя головы кабацкія, которымъ нечего терять въ жизни и которыя въ подобныхъ случаяхъ пригодны на что нибудь земщинѣ, съ восторгомъ отзывались на ея оскорбленный кликъ:

Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
 Бѣжать, прискакиваютъ, радуются:
 —Ахъ ты отецъ нашъ, рѣднй батюшка! —
 Пошли обирать о царевъ кабакъ,
 Продавають маковки золоченыя,
 Берутъ казну безсчетную
 И начали пить зелена вина.

Владиміръ перепугался, видя, «что пришла бѣда не минучая»; дѣлаетъ онъ въ другой разъ пирь «для того для стараго казака Ильи Муромца», но тутъ явилось у него сильное сомнѣніе: пойдеть-ли еще Илья на его княжескій пирь? и вотъ, сталъ онъ крѣпко

привадумываться, кого бы было поприличнѣе послать умилостивить земскаго богатыря, пригласить его въ княжескую грядню? Выборъ основанъ на Добрынь Никитичѣ, потому что онъ былъ крестовый братъ Ильѣ Муромцу, и при совершеніи обряда побратимства положенъ былъ у нихъ зарокъ: «слушать большому брату меньшаго, а меньшему брату большаго». На основаніи этого зарока Илья не могъ уже отказать просьбѣ своего побратима, ибо иначе былъ бы нарушенъ обѣтъ и самаго братства. Илья говоритъ ему, когда тотъ приходитъ позывать его на пиръ стольнаго князя:

«Ахъ же братецъ крестовый названный,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ.
Кабы не ты, никого бы не по́слухалъ,
Не пошелъ бы на почѣстенъ пиръ, —
А нельзя законъ перѣступитъ.»

На пиру Ильѣ — первое мѣсто; «сажаютъ молодца въ большой уголь». За нимъ ухаживаютъ, его ублажаютъ; несутъ ему полную чару зелена-вина, а другую чару меду-пьянаго; но Илья помнитъ свое достоинство, онъ не вызывается на какой либо подвигъ, чтобы заслужить княжюю милость; нѣтъ, напротивъ того, онъ чувствуетъ свою силу, понимаетъ, что не ему теперь надо заискивать милости у князя, потому онъ гордо и смѣло, съ сознаниемъ собственной силы и достоинства, высказываетъ прямыя и правдивыя, но вовсе не лестныя для княжескаго уха рѣчи.

Вообще симпатіи нашего народа льнутъ болѣе къ своему, къ земскому началу;—да и какъ же быть-то иначе? въ землѣ у него все: народъ только и крѣпокъ землю, своей земщиной, своимъ миромъ, общиной, сходками, крестьянствомъ, хлѣбопашествомъ; въ землѣ вся его сила, вся его крѣпость. И посмотрите, какъ симпатично, какъ поэтически, съ какою душевною, теплою любовью народъ рисуетъ своего великаго представителя—Микулу Селянниновича: калѣки-переложки, передавая силу Ильѣ Муромцу, крѣпко-накрѣпко завѣщали ему не биться «съ родомъ микуловымъ», не биться потому, что «его любитъ матушка сыра земля», потому что вступивши съ нимъ въ борьбу, Илья долженъ бы былъ поднять руку на отца съ матерью, на кровь, которая течетъ въ его жилахъ, на свои собственные жизненные соки. Непосредственный представитель земли Микула Селя-

ниновичъ» ореть да пашеть да крестьянствуетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, коренья-каменья вывертываетъ. Микула войдетъ на царство, какъ напиримъръ Перемыслъ—представитель чешской земли; онъ остается въ сторонѣ отъ этой жизни, въ томъ званіи и положеніи, при тѣхъ же самыхъ занятіяхъ пашнею и крестьянствомъ, при какихъ и прежде былъ. Имя и славу даютъ Микулѣ не подвиги ратные, не слава государственная, а дѣла пахаря, сельскій бытъ, хозяйство крестьянина, гостепрѣимство, сборъ вокругъ себя общины; міра:

«А я ржи напашу да во скирды сложу,
 Во скирды складу, домой выволочу.
 Домой выволочу, да дома вымочу;
 Драни надеру, да и пива наварю.
 Пива наварю, да и мужиковъ напою. —
 Станутъ мужички меня покликивати:
 Молодой Микулушка Селяниновичь!»

Вотъ какъ представляетъ себѣ народъ своего представителя-пахаря; взгляните, сколько поэзіи въ этомъ грандіозномъ образѣ!

Выѣхалъ Олегъ въ чистое раздольное поле и *услышалъ* въ чистомъ полѣ ратая. Замѣтите, онъ не видитъ еще этого ратая, но уже издалека слышитъ звукъ его работы: какъ онъ понукиваетъ свою лошадку, какъ скрипитъ его соха подъ тяжелой работой, какъ визжитъ и черкаетъ желѣзо, трясъ о встрѣчные камни. И гулъ этой работы слышенъ куда-какъ далеко!

Поѣхалъ онъ (Олегъ) къ городамъ за получкою.

Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.

Ѣхалъ Волгѣ до ратая

День съ утра онъ до вечера,

Со своею дружинишкой хораброю, —

А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Ѣхалъ долго еще другой день,

Другой день съ утра до вечера, —

А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая пескрипываетъ
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
 Вѣхаль Вольга еще третій день,
 Третій день съ утра до пѣбѣды,
 Наѣхаль онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ;
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
 Коренья камня вывертываетъ,
 А великіе-то всѣ камешья въ борозду валятъ:
 Кобылка-то у ратая соловая, (*)
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковыя.

.....
 «Божія ти помочь, оратаюшко!
 Орать, да пахать, да крестьянствовать,
 Съ края въ край бороздки пометывать,
 Каренья, камешья вывертывать!»

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще, и вмѣстѣ съ тѣмъ выше, поэтичнѣе, художественнѣе грандіознаго въ своей незатѣйливой простотѣ образа пахаря! Уже изъ этихъ немногихъ стиховъ видно, съ какою глубокою любовью и симпатіею отнесся народъ къ представителю своего же брата-пахаря. Но мало того: у народа есть еще вѣра въ этого пахаря—та же вѣра въ себя,—вѣра въ его могучую силу, и въ силу земли, и земщины.

Та же самая былина въ яркомъ образѣ показываетъ эту вѣру выразившуюся при столкновеніи Микулы съ Вольгою. Оратай говоритъ Вольгѣ, что онъ на бороздѣ оставилъ свою сошку, и по этому случаю просить, нельзя ли послать кого нибудь выдернуть соху изъ земли, изъ омѣшниковъ повытряхнуть землю и бросить соху за ракитовый кустъ. Вольга посылаетъ пять своихъ могучихъ молодцовъ исполнить просьбу Микулы.

Эта дружинюшка хорабрая,
 Пять молодцевъ могучихъ,

(*) По разсказу другаго пѣвца кобылу оратая звали «Обнеси голова.»

Приѣхали къ сошкѣ кленовыи:
Они сошку за обжи вокругъ вертять,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

Вольга посылаетъ послѣ этого цѣлый десятокъ своихъ могучихъ молодцовъ; но и тѣ сколько ни вертели соху вокругъ за обжи, а все-таки

Сошку отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омышковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Посылаетъ Вольга наконецъ всю свою дружинишку храбрую — и вся его дружинишка храбрая ничего не можетъ сдѣлать съ крестьянской сохой, даже съ мѣста сдвинуть соху у всей дружины княжеской не хватаетъ силы. Но вотъ —

Подѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ-то отъ сошку одной рукой, —
Сошку съ земельки повыдернулъ
Изъ омышковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Послѣ этого сѣли они на коней и поѣхали вмѣстѣ. Тутъ возникаетъ передъ вами тотъ же образъ, который знакомъ уже намъ изъ встрѣчи Микулы съ Святогоромъ:

Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь остается.

Вы видите, что въ народномъ сознаниіи земля вездѣ и во всемъ всегда является крѣпче. «Потому земля крѣпче, говоритъ авторъ «замѣтки», что въ ней больше силъ для развитія, для движенія; поэтому хватаютъ дальше ея движенія или подвиги, что она стойче на основныхъ началахъ. Всякая дружина, отъ нея отдѣлившаяся, тѣмъ

болѣе признанная и допущенная, слабѣе земля, ибо одностороннѣе. Дѣти знаменитой (Микуловой) кобылки «Обнеси голова» перешли къ богатырямъ, земскимъ дружинникамъ, Ильѣ Муромцу, Добрынь Никитичу, Дюку и Чурилѣ». Для насъ теперь особенно важно то, что въ народѣ и понынѣ живетъ и крѣпнетъ вѣра въ землю, и силу своихъ земскихъ началъ и положеній; съ этою же вѣрою, народу предстоитъ еще многое впереди, его ждетъ широкое и великое будущее; ибо этой вѣры не убили въ немъ никакія историческія причины, и если не умерли въ немъ его убѣжденія, если они и до сихъ поръ еще хранятся въ живой былинѣ и пѣснѣ, которая для насъ, — повторяемъ еще разъ — служить выраженіемъ его не только прошедшихъ, но и настоящихъ, жизненныхъ, насущныхъ потребностей, убѣжденій и симпатій; если все это живетъ въ немъ еще и по сію пору, то всему этому снѣло можно предрѣчь вѣчную, неумиращую жизнь, при переходѣ народа въ новый для него экономическій бытъ.

II.

Въ предъидущей главѣ мы говорили о богатыряхъ, какъ о представителяхъ извѣстныхъ началъ, какъ объ олицетвореніи и воплощеніи извѣстныхъ идей, искони существующихъ въ народѣ, выработанныхъ его сознаниемъ и одухотворенныхъ силою его творчества. Теперь мы перейдемъ къ болѣе частной характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ личностей, взглянемъ на ихъ субъективный характеръ и возбужденія, всмотримся въ черты ихъ физиономіи, ибо и въ этомъ взглядѣ также выяснятся нѣкоторые отбѣнки въ характеристикѣ отношеній двухъ извѣстныхъ началъ русской жизни — земскаго и призваннаго въ смыслѣ третейскаго посредника между крестьянскою земщиною и земскою дружиною.

Мы больше не будемъ здѣсь говорить о Суханѣ и Святоторѣ — представителяхъ доисторическаго элемента славянской жизни, элемента титаническихъ силъ и броженія, потому что въ предъидущей главѣ они очерчены нами настолько, насколько рисуетъ ихъ (и въ особенности Святотора) самая былина. Мы скажемъ еще нѣсколько объ Ильѣ Муромцѣ, Волгѣ Всеславичѣ, Чурилѣ, о новгород-

скомъ богатырѣ Василѣ Буслаевѣ и наконецъ о Паленицахъ—чрезвычайно оригинальномъ и характерномъ видѣ богатырства.

Земскій ратникъ Илья вышелъ самъ изъ крестьянскаго сословія. «Въ селѣ было Карачаровѣ, говоритъ старая побывальщина, сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ». Сидѣлъ онъ сиднемъ, не вставая съ мѣста цѣлыя тридцать лѣтъ, и не могъ владѣть ни руками, ни ногами. Онъ оставался въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока не приспѣла пора дѣйствовать. Тутъ калитки-перехожіи сообщаютъ ему силу и благословляютъ его на великое дѣло ратное:

Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смерть тебя на бою не тисана.»

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ какъ будто выражается сознание земскаго люда въ необходимости для себя постоянного, вѣчнаго защитника, который бы всегда былъ готовъ постоять за него, не подвергаясь опасности сложить гдѣ нибудь въ бою непригодно и безвременно свою голову. Но кромѣ этого завѣта, были положены ему отъ калитъ еще и другіе:

«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею паленицею удалю;
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носить.»

Здѣсь ужъ дается ему завѣтъ мѣряться силою и драться только съ сверстниками, но не подымать руку на богатырей старшихъ, потому что вступить съ ними въ драку было бы не подъ силу, да и святотатственно, какъ съ предками, предшественниками, которые, во-первыхъ, передаютъ часть своего жизненнаго наслѣдія—силы преемнику, а во-вторыхъ и сами, чувствуя свою отсталость, непригодность для новой жизни, просятъ оставить ихъ только въ покоѣ; они ужъ безсильны передъ землею.—Святогоръ на своемъ богатырскомъ прыткомъ конѣ не можетъ догнать пѣшаго Микулы Селяниновича; при всей своей титанической, но ужъ отжившей, мертвящей силѣ, не можетъ поднять его маленькой переметной сумочки, наполненной землею.

*«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Ею любитъ матушка сыра-земля
Не ходи еще на Волгу Всеславича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью-мудростью.»*

Последній завѣтъ чрезвычайно знаменателенъ: онъ ясно показываетъ намъ, сколько въ душѣ и въ сознании народа есть своего рода провидящей чуткости, которая указываетъ ему внутреннй смыслъ вещей въ самой затаенной его сущности. Онъ понимаетъ, что то начало, представителемъ котораго является Вольга Всеславьевичъ, бывъ однажды допущено земщиной, держится въ ней не внутреннею и необходимо-насушною связью съ нею, а только своею хитростью, и благодаря этой хитрости, подчасъ можетъ и вредить себѣ земщинѣ:

Какъ начали они мужиковъ чествовать,
Чествовать мужиковъ, жаловать,
Оплетями ихъ нахлыстывать.

Съ этими тремя завѣтами Илья выступаетъ въ жизнь на защиту дѣла земскаго. Былина рисуетъ намъ его крѣпкимъ, бодрымъ, маститымъ старикомъ, называя его не иначе, какъ «старый казакъ Илья Муромецъ». Илья личность гуманная, высоко-человѣчная, онъ не любитъ даромъ проливать ни чьей крови, даже «поганой татарской», старается избѣгать этого и прибѣгаетъ къ пролитію ея только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Онъ, напримѣръ, на драку съ Паленицею не хочетъ выходить самъ, а проситъ Алешу Поповича и потомъ Добрыню Никитича, и только тогда, когда эти два богатыря, видя свою малосильность, отказались отъ борьбы съ нею, онъ садится на своего коня и ѣдетъ къ ней; но не высматриваетъ ее, какъ тѣ двое изъ за широкаго дуба, а оглядываетъ прямо съ Сорочинской горы, подъѣзжаетъ къ ней прямо «со бѣла лица», становится лицомъ къ лицу, грудью къ груди и дѣлаетъ съ нею уговоръ, какъ имъ между собою драться. Когда же побѣдивъ Паленицу и сваливъ ее на землю, наступилъ онъ ей «на бѣлы груди», и поднявъ свой вежъ надъ нею, у него дрогнула рука, — прирожденное ему чувство человѣколюбія не позволяло богатырю убить свою противницу:

Правая рученька его въ плечѣ застоялася,
 Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;
 Сталь у Паленицы выпрашивати:
 «Скажи-ка мнѣ, Паленица, провѣдай-ка,
 Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
 Какъ Паленицу именемъ зовутъ,
 Звеличаютъ удалую по отчеству?»

И такъ повторялъ онъ до трехъ разъ; на третьемъ разѣ, узнавъ
 отъ Паленицы, что она родная дочь ему, онъ

Скорешенько соскочилъ со бѣлыхъ грудей,
 Береть ее за ручки за бѣлья,
 И за ея за перстни за злаченныя,
 Становилъ-то ю да на рѣзвы ноги,
 Цѣловалъ онъ ю во уста да во сахарнія
 И говорилъ онъ съ нею таковы слова:
 «Жилъ я въ хораброй Литвы
 По три году поры-времени,
 Выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владиміра,
 И жилъ я у твоей родителя-у-матушки,
 Спалъ я на кровати на тесовыя,
 На той на перинкѣ на пуховой,
 У нея у самой на правой ручкѣ!» —
 И называлъ ю дочерью себѣ любимую.

Точно такъ и на пути въ Кіевъ, собираясь въ дорогу, Илья даетъ
 себѣ «заповѣдь великую»: «ѣхать-то мнѣ, добру-молодцу, во пути мнѣ-
 ка-во дорожинкѣ, *рукъ чтобы мнѣ не кровавити*». Но не уда-
 лось ему выполнить своего зарока; не удалось потому, что пришлось
 постоять ему за земщину. Приѣхалъ онъ въ городъ Бекетовецъ. Бе-
 кетовскихъ мужиковъ одолѣли Татары и Литва:

Хотятъ они во слезахъ во великихъ,
 Приходить на нихъ кровопролитье великое,
 Хотутъ ихъ бить поганые татарове.
 Тутъ приѣхалъ Илья и раздумался:
 «*Всякій-то, братцы, заповѣдь кладываетъ,*
А не всякій заповѣдь исполняетъ.»

И освободилъ онъ ихъ отъ силы вражьей. Когда же за этотъ под-
 вигъ Бекетовцы стали предлагать ему, остаться у нихъ воеводою,

Илья отказывается наотрѣзъ. Въ немъ нѣтъ этого мелкаго честолюбія; какъ герою земщины, стоятелю и оберегателю ея и ея правъ, ея общины и міра, Ильѣ это было бы не прилично. Онъ не хочетъ быть воеводоу: это не въ смыслѣ всѣхъ его дѣяній и его назначенія, не въ смыслѣ наконецъ его земщины—и онъ отказывается отъ воеводства. Это еще одна новая черта, весьма характеризующая земскаго оберегателя. Онъ также и не корыстолюбивъ, онъ не вымогаетъ себѣ ни у кого за свои подвиги никакой награды никогда самъ не заводитъ объ этомъ и рѣчи, а если ему даютъ ее за подвигъ, онъ не отказывается и принимаетъ награду, какъ свое заслуженное. «Это, братцы, мое заработное», говоритъ онъ. Такія-то дѣйствія невольно уже даютъ ему полное право независимости и спокойнаго самосознанія, сознанія своей силы и достоинства. Онъ не изгибается ни передъ кѣмъ, всѣмъ смотритъ прямо въ глаза и говоритъ всегда не стѣсняясь въ выраженіяхъ! Когда онъ рассказывалъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ-разбойникомъ и Владиміръ поусомнился-было въ его отвагѣ выразивъ нѣсколько оскорбительную для самолюбія Ильи мысль, будто богатырь побывалъ въ большомъ царевомъ кабакѣ и съ-пьяну городитъ ему небылицы, такъ Илья, не стѣсняясь ни мало, отвѣчалъ ему: «Ахъ же дурень ты, князь стольно-кѣвскій! У меня Соловей-разбойникъ у стремены у черкасскія!» И какъ тутъ они пометались, пометались они покидались! прибавляетъ былина, которая не прочь иногда выставить прославляемое ею свѣтъ красно-солнышко стольно-кѣвское, нѣсколько и въ комическомъ свѣтѣ, какъ на примѣръ въ то время, когда засвисталъ Соловей-разбойникъ: всѣ князья-бояры отъ того свисту замертво легли.

А Владиміръ князь стольно-Кѣвскій
 Заходилъ раскарякою;
 Ходитъ князь, ему (Ильѣ) молится:
 «Уйми соловья разбойника,
 Чтобы не свисталъ но-соловьиному!
 Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!»

То же самое чувство гуманности побуждаетъ Илью сразить и Соловья-разбойника, который застѣлъ на семи дубахъ и переморилъ множество народа своимъ соловьинымъ посвистомъ. Илья, забравши его въ полонъ, убѣждаетъ его оставить свое ремесло, и идти хоть бы ужъ въ монахи, чтобъ не пугать и не морить божьяго люда; но вышло, что Соловей пошелъ «не строителемъ въ честные монастыри,

а разрушителемъ»; тогда ужъ Илья увидалъ, что съ нимъ ничего не сдѣлаешь, что убѣдить его жить мирно и тихо нельзя, и «срубилъ онъ Соловью буйну голову».

Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
 «Полно-тко тебѣ слезить отцовъ-матерей
 Полно-тко вдовить женъ молодыхъ,
 Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ!»

И здѣсь, какъ и всегда, какъ и вездѣ, какъ и во всемъ Илья Муромецъ является защитникомъ земли, земскаго начала, стоятелемъ и охранителемъ его—нигдѣ не отрывается онъ отъ своей почвы и повсюду остается вѣренъ коренному характеру ея, до малѣйшихъ проявленій своей доброй и великой дѣятельности.

Образъ Вольги Святославича съ перваго жѣ взгляду отличается отъ почтеннаго, симпатичнаго образа богатырей земскихъ. У этого на первомъ планѣ стоитъ хитрость; онъ, прежде чѣмъ выступаетъ на поприще политической дѣятельности, «задается на семь лѣтъ» обучаться «всякимъ хитростямъ-мудростямъ» и въ этомъ занятіи проводить не семь, а двѣнадцать лѣтъ; научается между прочимъ «обертываться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ-золотые рога». Мы знаемъ уже, чѣмъ сопровождалось появленіе его на землѣ:—«мать-сыра-земля сколыбалася, и звѣри въ лѣсахъ разбѣжались, птицы по подблачью разлетались, рыбы по синю морю разметались». И вотъ выступилъ онъ на поприще политической жизни, на свое княженіе; чѣмъ же прежде всего занялся Вольга Все-славьевичъ?—Охотою, ловомъ куницъ и лисицъ, дикихъ звѣрей и черныхъ соболей; потомъ ловлею птицъ и рыбъ, и занимался этимъ вмѣстѣ съ своей дружиной» каждый разъ «по три дня и по три ночи». Недаромъ разбѣжались звѣри, чуя надъ собою невзгоду, которой не видали они ни отъ богатырей старшихъ, ни отъ богатырей земскихъ, занятыхъ болѣе серьезнымъ и болѣе полезнымъ дѣломъ. Слѣдующіе затѣмъ подвиги Вольги также намъ извѣстны,—это было вымучиванье у мужиковъ оброка, «даней-податей» и нахлыстыванье ихъ «шлетыми», въ совершенный контрастъ богатырямъ земскимъ, ихъ оберегателямъ. Наконецъ въ Вольгѣ нѣтъ той прямоты, той, такъ сказать, честности и богатырскаго благородства дѣйствій, которыя отличаютъ Илью Муромца и его сторонниковъ. Вольга, на-

примѣръ, задумываетъ походъ на Турецъ-Салтана; но онъ не идетъ на него прямо, открытою силою, не мѣряется съ противникомъ своимъ мужествомъ и храбростью, а напротивъ того *хитростью подслушиваетъ* тайныя рѣчи Султана; вывѣдываетъ подъ окномъ расположеніе его мыслей; изъ разговора его со своею женою, узнаетъ, что Султанъ и не думаетъ о войнѣ съ нимъ, и не хочетъ никакой войны; и тогда-то хитростью «повернулся Вольга малымъ горностаюшкомъ»,

Зашелъ (къ Султану) въ горницу во ружейную.

И повернется онъ добрымъ молодцомъ:

И тугіе луки переломалъ,

И шелковыя тетивочки перервалъ,

И каленныя стрѣлы всѣ повыломалъ;

И у оружей замочки повывертѣлъ,

Въ боченкахъ порохъ перезалилъ.

Повернулся Вольга сударь сѣрымъ волкомъ:

Поскочилъ онъ на колюшенъ дворъ

Добрыхъ коней перебралъ.

А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.

Отнявъ такимъ образомъ у противника всѣ средства къ защитѣ, и отнявъ ихъ, замѣтте, тайно, воровски, что уже само по себѣ составляетъ подлость, Вольга идетъ на Султана съ своею «дружиной храброю», разбиваетъ беззащитнаго противника и грабитъ все его добро; мало того, заводитъ торгъ людьми, женщинами, которыхъ презрительно цѣнить гораздо дешевле награбленнаго оружія — «Что было надѣлу дорого и что было надѣлу дешево»? спрашиваетъ былина и сама же отвѣчаетъ на это:

Вострыя сабли по пяти рублей,

А оружье булатное по шести рублей,

А добрые кони по семи рублей;

А только надѣлу было дешево — женскій полъ:

Старушечки были по полушечкѣ,

А молодущечки по двѣ полушечки,

А красныя дѣвушки по денежкѣ.

И всѣ эти подвиги не имѣли другой цѣли, какъ только одно низкое своекорыстіе, страсть къ обижательству, къ грабежу. Тако-

вы-то были пришлые представители третейскаго началá на русской землѣ. Какова же разница, какой контрастъ, какъ вспомнишь земскаго богатыря Илью Муромца!

Возвращаемся опять къ земщинѣ времянь Владиміра.

Передъ нами новый и оригинальный образъ богатыря Чурилы Опленковича—въ своемъ родѣ русскаго Донъ-Жуана. Не безынтересно будетъ познакомиться нѣсколько съ этою новою личностью.

Чурило Опленковичъ живетъ на Сорогѣ-рѣкѣ, независимо отъ князя кіевскаго; живетъ онъ въ великолѣпномъ теремѣ, и богатству этого терема удивляется даже Владиміръ, уваженіемъ котораго вполне пользовался Чурило. Князь, наслушавшись о немъ, ѣдетъ къ нему въ гости съ княгиней Опраксіей и своими подручниками; встрѣчаетъ его отецъ Чурилы, старый Пленчице Сторожанинъ:

Во сѣни ведетъ во рѣшетчатая,
 Во другія ведетъ частоберчатая,
 Во третьи ведетъ стекольчатая
 И въ теремы ведетъ златоверхіе.
 И такому то князь диву дивуется:
 На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
 На небѣ мѣсяць — и въ теремѣ мѣсяць,
 На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
 На небѣ зори — и въ теремѣ зори:
 Все въ терему по небесному.

Чурило Опленковичъ народный красавецъ. Онъ красивѣе всѣхъ богатырей:

Одинъ молодець получше всѣхъ:
 Валосинки — золота дуга — серебряная,
 Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
 А личико будто маковъ цвѣтъ,
 Очи будто у ясна сокола,
 Брови будто у черна соболя;
 Съ коня на конь перескакиваетъ,
 У молодець шапочки подхватываетъ,
 На головушки шапочки покладываетъ.

Удалство и ловкость такъ и мечутся въ глаза при каждомъ его движеніи; въ наружности его много соблазну для женщинъ, — вотъ

почему и пожалованъ онъ былъ въ княгинины постельничьи, по ея же собственной просьбѣ:

Живеть-то Чурила въ постельникахъ,
 Стелеть перину пуховую,
 Кладываетъ зголовьице высокое,
 И сидитъ у зголовьица высокаго,
 Играетъ во гусѣлышки яровчаты,
 Спотѣшаетъ князя Владимира,
 А княгиню Опраксию больше того.
 . . . . .
 А княгиня Чурилу у души держала.

Только это спотѣшеніе княгини не совсѣмъ понравилось князю, такъ что онъ пережаловалъ Чурилу изъ постельничихъ въ позовщика на княжіе пирь, а княгинѣ Опракси сдѣлалъ выговоръ такого рода, что благо-де по душѣ ты мнѣ, больно ужъ «пришлася въ любовь, а то бы тебѣ и голову долой». Всѣ женщины заглядываются на Чурилу Опленковича, на бѣду своихъ собственныхъ мужей:—«на него дѣвки глядятъ—золоты пелы ломаютъ, бабы глядятъ—прялицы ломаютъ, старья старухи костыли грызутъ, а молодыя молодницы мошны дерутъ,»—и все это «на млада Чурилу Опленковича глядючись.» Былина описываетъ и самые его эротическіе подвиги: идетъ Чурила къ старому Бермяту Васильевичу, звать его на княжескій пирь. Бермята проситъ позовщика сходить въ свои палаты бѣлокаменные и позвать также жену его Катерину. Катерина, какъ завидѣла Чурилу, такъ и стала его зазывать къ себѣ:

«Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
 У меня ставленые столики—необранные,
 А ставленныя питьица—не выпитыя,
 А сряженныя ѣства—не съѣденныя:
 Все ждала Чурилушку Пленковича.»

Но тутъ на-бѣду Катеринѣ подвернулась ея дворовая дѣвушка, которая стала страшать ее, что скажетъ мужу, и предостерегать Чурилу. «Не говори-тко ты, дѣвка; я тебѣ, дѣвка, башмаки куплю; я тебѣ, дѣвка, сарафанъ сошью,» ублажала ее мужняя жена; та не слушалась и кончилось, разумѣется, побоями.

Брала она Чурилушку Пленковича,
 Вела въ терема златоверхіе,
 Сама говорила такovy слова:
 «Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
 У-тя есть ли охота, горить ли душа
 Со мной, съ Катериной, позабавитися?»

Нечего и говорить о томъ, какъ было принято предложеніе муж-
 ней жены, — «кто отъ побѣды откупается, а Чурило на бѣду наку-
 пается», замѣчаетъ по этому поводу старая бывальщина. Герой, ко-
 торому это было дѣло привычное, распорядился, какъ бы у себя
 дома, не стѣсняясь нисколько:

Только вдругъ случилась бѣда, и бѣда неожиданная, негаданная:
 пришелъ домой мужъ, старый Бермята Васильевичъ. —

Какъ по тому крылечку бермятину
 Бѣжить Бермята сынъ Васильевичъ
 И бѣтъ въ блесту позолоченю:
 «Ай же ты, Катерина Микулична,
 Отвори-тко воротцы рѣшотчаты!»
 Какъ побѣжала Катерина Микулична
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса:
 У ней тонка рубашечка къ тѣлу льнетъ,
 А у Катерины вода черезъ чоботы идетъ.
 Возговорить Бермята сынъ Васильевичъ:

Но это-то всего и интереснѣе, что именно онъ возговорилъ; онъ
 возговорилъ:

«Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
 А экъ ли зовутъ на почестень пирь? —

И больше ничего, ни одного слова. Но въ этихъ словахъ вамъ
 уже вполне рисуется цѣлая личность Бермяты, стараго мужа здо-
 ровой и молодой женщины и рисуется такъ мѣтко, какъ только и
 можетъ рисовать одно народное творчество. Впрочемъ надо замѣтить,
 что другая былина представляетъ вариантъ, въ которомъ этотъ ха-
 рактеръ отгѣняется иначе, чѣмъ здѣсь; но тѣмъ не менѣе, въ своемъ
 родѣ, тоже очень характерно.

Чурило, между прочимъ, большой задирало; пройдтисъ насмѣшкою

на счетъ чьего нибудь самолюбія, это его дѣло; не чуждъ онъ также и завлети. Эти два свойства пріобрѣтаютъ ему врага—заѣзжаго богатыря Дюка Степановича, который, въ свою очередь, чтобъ уколотъ самолюбіе противника, вызываетъ его на разные состязанія, въ которыхъ всегда остается побѣдителемъ; послѣ чего обыкновенно заѣзжается ему:

«Ай же, Чурилушка Пленковичъ!
 Не твое-то дѣло есть охвастати,
 Да не твое дѣло бить о великъ закладъ,
 А твое дѣло только ходить по Кіеву,
 По Кіеву ходить тебѣ за бабами.»

Накопецъ, когда Дюкъ Степановичъ порѣшилъ—было снести Чурилѣ голову, къ нему взмолился «бабы кіевскія»: «оставь-де Чурилу хоть на сѣмяна; такого-де стольника уже не будетъ! «Взмолился вмѣстѣ съ бабами и Владиміръ князь: «не руби-дескать, Чурилѣ буйной головы, а оставь намъ Чурилу хоть для памяти». Дюкъ Степановичъ отпускаетъ его, но онять-таки не можетъ не прибавить въ уколъ Чурилину самолюбію:

«Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
 Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
 Пусть ты кіевскими бабами уплаканый!
 Не ѣзди съ нами со бурлаками,
 А сиди во градѣ во Кіевѣ,
 Ты во Кіевѣ во градѣ между бабами.»

Переходимъ къ былевымъ героямъ другой, сѣверной стороны, къ героямъ вольнаго Новгорода. Передъ нами удалой образъ Василія Буслаева—удальца ради удали, борца ради борьбы—и только одной борьбы, безъ всякаго болѣе законнаго основанія. Бывальщина рассказываетъ, что жилъ отецъ Василія, Буслаевъ, «жилъ—не старился, да живучись преставился» и оставилъ послѣ себя «чадо милое». Это милое чадо стало по улицамъ похаживать и пошучивать вовсе не легкія шутки: «за руку-ль кого возьметъ—рука прочь, за ногу возьметъ—нога прочь, а кого ударить по горбу, тотъ пойдетъ самъ сугудеться» Шутя эти шутки, Василій прибралъ еще себѣ сотоварищей—и для чего бы вы думали?—для того, чтобъ никто его не обидѣлъ.

въ Новгородѣ. Въ видахъ предохраненія себя отъ обидъ, онъ однажды схватилъ желѣзную ось изъ-подъ телеги, и давай ея подбивать мужиковъ новгородскихъ:—погромъ былъ великій, пощады не было никому: ни старому, ни малому, ни даже его крестному отцу, который вышелъ навстрѣчу къ Буслаеву увѣщать его: «Ай же ты мое чадо крестное, укроти свое сердце богатырское, оставь мужиковъ хоть на сѣмена!» и которому крестникъ отвѣчалъ желѣзною осью сорокопудовою, да еще съ приговоромъ:

«Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не далъ я ти яичка о Христовомъ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровомъ дни!»

Убѣдила же Буслаева прекратить свою потѣху только мать его родная, да и то чѣмъ? хитростью: зашедши къ нему сзади и упавъ къ нему на плечи.— «Укроти свое сердце богатырское», говорила ему старуха, «не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!»

Тутъ Васильюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на мать сыру землю,
И говоритъ Василій Буслаевичъ
Своей государынѣ матушкѣ:
«Ай ты свѣтъ, государыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.
А ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго!»
И тогда Васильюшка Буслаевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тыхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

Въ Буслаевѣ мы видимъ совершенно русскаго человѣка. Это чуть ли не первообразъ нашихъ такъ называемыхъ «широкихъ натуръ»—типъ

искони существовавший, существующий, и непереводаемый на Руси. Ему какъ будто воздуху мало дышать свободно, какъ будто тѣсно ему, нигдѣ—то онъ себѣ не можетъ найти ни мѣста, ни покою: все хочется разгулу, раздолья, простору. Отличительная черта его ухарство, удалство, размашистость.

То кровь кипить, то силъ избытокъ —

И именно избытокъ—то силъ нигуда ненаправленныхъ. Ему не на что обратить эти силы, нѣтъ передъ нимъ никакой полезной и почтенной дѣятельности, ни что не налагаетъ на него никакой нравственной или соціальной обязанности; да онъ и не пригоденъ для нихъ, потому что для такого рода дѣятельности нужна завскаса, предварительная подготовка, а у Буслаева ихъ—то и недостаетъ—и остаются всѣ его дѣйствія безцѣльны, безцѣльны до такой степени, что онъ и самъ бы, пожалуй, не далъ себѣ въ нихъ отчету. И замѣчательно, какъ глубоко понялъ народъ и проникъ до глубины души своимъ аналитическимъ чутьемъ эту «широкую натуру»! Онъ даже и умереть—то не далъ Василию сознательно, а заставилъ его нечаянно, безъ-оглядки разбить свою буйную голову,—и какъ разбить! перескакивая задомъ, ни къ селу ни къ городу, черезъ большой камень. Вся жизнь его прошла бездѣльно, ни надъ чѣмъ никогда не призадумался онъ,—такъ и смерть нашла его неожиданно и негадано. Народъ глубоко вѣрно понялъ задачу этого типа и въ превосходномъ, художественномъ образѣ запечатлѣлъ его у себя навѣки своимъ творчествомъ.

Есть въ нашихъ былинахъ еще одинъ видъ богатырства, и видъ довольно-также оригинальный, это, такъ называемыя, *паленицы*. Подъ этимъ именемъ являются удалыя наѣздницы, сильныя, могучія и ловкія женщины, которыя мѣряются силами своими съ любимъ изъ извѣстныхъ богатырей, да и то еще не всякій можетъ съ ними управиться. Паленица, повидимому, не есть коренное русское начало; въ ней замѣтенъ болѣе бродячій, кочевой характеръ; наконецъ, эта самая воинственность, богатырство мало свойственны коренной русской женщинѣ, какою мы знаемъ ее изъ пѣсни, сказки и бывальщины, хотя бывальщина и упоминаетъ глухо о паленицахъ чисто русскаго начала, присутствовавшихъ на пирахъ стольнаго князя, хотя она и называетъ паленицами дочерей Микулы Василісу и Настасью, хотя наконецъ эти двѣ послѣднія и носятъ на себѣ нѣсколько характеръ паленицы, но изъ настоящихъ, положительныхъ образовъ предлагаемыхъ

намъ бывальщиной, видно, что онѣ происекали изъ начала скорѣе враждебнаго Руса, и совершенно чуждаго ему по племени. Можно съ большою достовѣрностью предположить въ нихъ начало азійское, кочевое, татарское, ибо, какъ литовскія и татарскія силы находятся въ постоянной борьбѣ съ земскими богатырями, такъ точно и паленицы. Въ иныхъ изъ нихъ сказывается происхождение литовское (по былинамъ); одна изъ нихъ оказалась изъ Литвы, та, съ которою сразился Муромецъ. Но этого факта еще нельзя принять безапелляционно, потому что жители Олонецкой губернии, гдѣ записаны эти былины, помня по преданію литовскія нашествія, относятъ много эпическихъ событій къ Литвѣ и литовскому началу, смѣшивая впрочемъ его постоянно съ ордою и началомъ татарскимъ; такъ напримѣръ въ стихахъ былины говорится не однажды о тѣхъ же самыхъ паленицахъ: «ты съ какой орды, ты съ какой литвы» или, напримѣръ, еще: «наѣхала проклята погана литва, одолѣли тутъ Татарове», и т. п. Дочери Соловья-Разбойника также являются паленицами, какъ и дочери Микулы; но эти послѣднія принадлежатъ земщицѣ, представляютъ изъ себя начало дружественное ей, а тѣ, напротивъ, враждебное. Вотъ какъ рисуется былина этихъ своего рода амазонокъ:

Проѣхала поленчища удалая,
 Конь подъ нею, какъ сильна гора,
 Паленица на конѣ какъ сѣнна копна;
 И надѣта на головушку у ней шапочка пушистая,
 Пушистая шапочка и завѣсистая:
 Спереду-то не видать лица румянаго,
 И съ заду не видно шеи бѣлыя.
 Она ѣхала, собака, насмѣялася,
 Не сказала божьей помочи богатырямъ,
 Поѣхала въ раздольице въ чисто поле,
 Стала по соловьему посвистывать,
 И стала-то во всю голову покрикивать,
 Кличеть выкликаеть поединщика,
 Супротивъ себя да супротивника:
 «Ежели Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 Не даетъ онъ мнѣ поединщика,
 Супротивъ меня да супротивника,
 Самого-то я Владиміра подъ мечъ склоню,
 Подъ мечъ склоню да голову срублю,

Черныхъ мужичковъ—то всѣхъ повырблѣю,
 Божьи церкви всѣ на дымъ спущу!» —
Стоять богатыри, пораздумались.

Какъ видно изъ былевыхъ образовъ паленицъ, народъ не представлялъ ихъ себѣ безобразными; наружность ихъ оставалась совершенно въ предѣлахъ человѣческихъ и даже не лишена своей красоты—лицо у паленицы румянное, шея и груди бѣлыя; одно только, что ставить ихъ за предѣлъ женственности, это непомѣрная сила, которой ужасались порою даже и богатыри. Во всякомъ случаѣ, образъ паленицы есть высоко поэтический и смѣлый образъ, поражающій своею широтою и грандіозностью. Посмотрите, какова эта паленица въ чистомъ полѣ, на молодецкой потѣхѣ:

Ѣздитъ паленица по чисту полю,
 Ѣздитъ паленица въ полѣ, тѣшится,
 Шутить она шуточку не малую, —
 Кидаеть она палицу булатную
 Подъ звтѹю подъ облаку ходячую,
 Подъѣзжаетъ—то она на добромъ конѣ,
 Подхватить эту палицу одной рукой,
 То какъ лебединымъ перышкомъ поигрываетъ;
 И не велика эта палица булатная,
 Вѣсомъ—то она до девяноста пудъ. —
 У стараго казака Ильи Муромца
 Его сердце богатырское приужахнулось.

Образъ натѣжней паленицы—суровый образъ: въ душѣ ея нѣтъ тѣхъ нѣжныхъ человѣчныхъ струнъ, которыя повсюду проявляютъ себя въ Ильѣ Муромцѣ: паленица не призадумалась напасть на него, соннаго, съ цѣлю убить его, хотя и знала уже, что Илья отецъ ея. Когда Илья, сваливъ ее на землю, поднялъ надъ нею ножъ и сталъ спрашивать, кто она такая, паленица съ презрительной насмѣшкой отвѣчаетъ ему бранью: «Ай же ты, старая базыга (хрычъ) новодревная! тебѣ легко надо мною насмѣхатися, какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою, въ рукахъ держишь кинжалъище булатное! Если бы я была на твоей груди, пластала бы я твои груди бѣлыя, доставала бы твое сердце съ печенью, и не спросила бы ни батюшки ни матушки, ни твоего роду и ни племени.»

Нѣсколько ниже мы приведемъ контрастъ между этою наѣзжею паленицей и двумя паленицами земскими — Василисой и Настасьей Микулишнами. Вообще интересно бросить нѣкоторый взглядъ на то, чѣмъ являлись по былинамъ русскія женщины, какія роли играли онѣ въ домашнемъ быту своемъ, около мужей и среди общественной жизни и къ которымъ изъ нихъ наконецъ отнесъ народъ свою симпатію.

Вотъ, напримѣръ, передъ нами супруга стольнаго князя Владиміра, княгиня Опраксія. Княгиня Опраксія, по старымъ бывальщинамъ, является намъ женщиной, смотрѣвшей далеко не строго на свои супружескія обязанности въ отношеніи стольнаго князя. Мы знаемъ уже, что она выпросила для себя у мужа Чурилу Пленковича въ свои постельничьи «и держала у себя въ любви.» Есть еще одна былина, поставляющая ее отчасти и въ положеніе жены Потифара; даже самое событіе этой былины напоминаетъ библейское приключеніе братій Иосифа съ найденною въ мѣшкѣ Веніамина золотой чашею. Дѣло въ томъ, что въ Кіевъ пришли калики-перехожіе подъ предводительствомъ Михайлы Потыка сына Ивановича. Въ то время, когда они были у стольнаго князя, стольная княгиня «попросту въ окошечко заглядывала», какъ говорить—былина, и изъ этого окошечка высматривала, кого для себя лучше бы—«насмотрѣла душечку Михайла. Михайло ей, Опраксіи, въ любовь пришелъ». Вслѣдствіе такого обстоятельства, она зазываетъ къ себѣ въ теремъ каликъ на угощеніе:—«я-де васъ, каликъ, накормлю досыта и напою васъ до-пьяна». Дѣйствительно, перепоила она всѣхъ ихъ до-пьяна, а «душечку Михайла Потыка сына Иваныча проводила она въ покои особые, говорила ему рѣчи умильныя, въ любовь ему, Михайлѣ, давалась»; но Михайло остался непреклоненъ: «положенъ у насъ великій зарокъ, говорилъ онъ ей, кто украдетъ, кто другой грѣхъ совершитъ, тому теменемъ языкъ вынимать, очушки ясныя выкалывать,—не могу я на грѣхъ посягнуться». Эти рѣчи Опраксіи «не слюбились» и тогда она приказала своему чашнику положить въ подсумокъ Махайлы чашу князя Владиміра, изъ которой тотъ постоянно «испивалъ зелено вино». Послѣдствія для Михайлы оказались, разумѣется, самыя плачевныя.

Марья Дмитріевна тоже не отличается женственной любовью и привязанностью къ жениху своему богатырю Ивану Годиновичу. Ей бы хотѣлось выйти за царя Кощея Трипѣтова, для того чтобы быть царницей; однако, несмотря на это желаніе, она не отказываетъ Ивану.

Бѣжалъ тутъ Иванушка въ высокъ теремъ,
 Взималъ-то Марію Дмитріевичну
 За ея рученьки за бѣлыя,
 За ея за перстни за злаченныя,
 Цѣловалъ-миловалъ, къ сердцу прижималъ,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 «Поѣдемъ-ка со мной, Марія Дмитріевична!»

Марья Дмитріевична согласилась и поѣхала. Въ догонку за Иваномъ направился Кощей и засталъ онъ Ивана въ шатрѣ середь чистаго поля «съ Марьєю Дмитріевичной забавляючись». Сталъ Кощей съ Иваномъ биться. Марья въ это время поразмыслила, что чѣмъ ей быть за Иваномъ и быть простою женой, помощницей, и «портомойницей», такъ лучше быть царицею. Сообразивъ это, она напала на Ивана Годиновича вмѣстѣ съ Кощеемъ. Взяли они вдвоемъ Ивана и привязали къ сырому дубу, а сами отправились въ бѣлый шатеръ, на глазахъ Ивана «забавлятися». Когда же Кощей нечаянно убилъ себя своею же собственной стрѣлою, такъ Марья Дмитріевична опять поразмыслила, что она «отъ одного бережка оттолкнулася, къ другому не приткнулася», а что Иванъ Годиновичъ хотя и нашьлетъ на нее грозу, онакоже вѣдь не убьетъ и проститъ ее: «перву грозу мнѣ дасть, я годъ проживу,—думала она,—другую дасть, еще годъ проживу, а третью дасть, я и вѣкъ проживу».

Отвязала Ивана отъ сыра дуба,
 Ставалъ Иванъ на рѣзвы ноги,
 Возьмаетъ тую сабельку вострую,
 Отсѣкъ ей бѣлыя рученьки,
 Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:

«Этихъ мнѣ рученекъ ненадобно:

Обнимали поганого татарина.»

Отсѣкъ ей уста сахарнія,

Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:

«Этихъ мнѣ губушекъ ненадобно:

Цѣловали поганого татарина.»

Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки,

Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:

«Этихъ мнѣ ноженекъ ненадобно:

.....

Пошелъ тутъ одинъ одинешенекъ

Онъ, удалый добрый молодець...

Ждали-сожидали съ молодой женой,
А пришелъ Иванушка, и нѣтъ никого.

Точно такъ же и племянница стольнаго князя Владиміра—Запава, личность окруженная ореоломъ свѣтлой поэзіи, сама навязывается заѣзжему молодцу Соловью Будимпровичу «въ любовь» и этотъ отвѣчаетъ ей на это: «ты всеѣмъ мнѣ, дѣвушка, въ любовь пришла, однимъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла: сама ты себя, дѣвушка, просвѣтываешь; а тебѣ бы, дѣвушка, не эдакъ бывать, не такъ бывать дѣвушка—дома быть».

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что женщины того времени не доставало женственной скромности; отношенія ея къ жениху и мужу не опредѣляются ни чувствомъ долга, ни сознанія; въ чертахъ ея проглядываетъ чувственность и развратъ...

Гдѣ же было искать настоящую женщину, въ комъ выработалъ народъ для себя идеалъ честной, любящей жены? Мы видѣли, что ни Марья Димитріевична, ни княжна Завава, ни стольная княгиня Опрасія далеко не подходятъ подъ этотъ идеалъ; попробуемъ же заглянуть теперь въ другую сторону русскаго быта, въ его земщину и посмотримъ, что выработалось изъ женщины въ земскомъ быту?

Мы находимъ идеалы ея въ сословіи крестьянскомъ, между дочерьми пахаря. — Дочери Микулы Селянниновича Василиса и Настасья Микулишны являются народному сознанію идеалами простыхъ, здоровыхъ, добрыхъ натуръ, вѣрныхъ своему общественному положенію, а незалегающихъ не въ свои хоромы, къ царю Кошею, какъ Марья Димитріевична,—идеалы любящихъ, добрыхъ, честныхъ и вѣрныхъ женъ. Василиса, жена земскаго богатыря Ставра—образъ величайшаго мужества, самопожертвованія. Ставръ на пиру Владиміра расхвастался своею женою; красно-солнышко приказалъ посадить его въ холодный погребъ, «за его за рѣчи неумильныя». Жена его Василиса Микулична, провѣдавъ о несчастіи мужа, сама поѣхала къ стольному князю, перерядившись посломъ, и тамъ выручила заключеннаго изъ неволи, благодаря своему уму и находчивости.

Брала его (Ставра) за ручушки за бѣлья,
Цѣловала во уста во сахарнія,
*Называла ея любимую семенюшкой,
Семенюшкой, законною сдержавушкой,*
Говорила ему таковы слова:

«Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
 Не учишь-ка впрעדъ женою хвастати:
 Самъ ты погинешь и меня сгубишь!»

Младшая дочь Микулы, жена другаго земскаго богатыря Добрыни Никитича, Настасья Микулична, всегда кроткая, всегда изящная, остается вѣрною своему мужу при всѣхъ искушеніяхъ. Добрыня отпра- вляется въ дальній путь на нѣскольکو лѣтъ. Молодая жена пла- кала, стоя у его стремени на проводахъ. Добрыня наказывалъ ей ждать его шесть лѣтъ, а буде черезъ шесть лѣтъ не будетъ, то ей дается воля:

Стала дожидать его по три году,
 Какъ день за днемъ, будто дождь дождитъ,
 Недѣля за недѣлей, какъ трава ростетъ,
 А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ. —

Не вернулся Добрыня Никитичъ. Сталъ къ ней этимъ време- немъ похаживать Владиміръ—красно—солнышко и просватывать ее: «какъ—могъ, тебѣ жить молодой вдовой, молодой вѣкъ свой коротати? поди, могъ, замужъ хоть за князя, хоть за боярина, хоть за русскаго могучаго богатыря». Но не поддалася на эти рѣчи Настасья Мику- лишна. Вотъ что отвѣчала она Владиміру:

«Я исполнила заповѣдь мужнюю,
 Я ждала Добрыню цѣлы шесть годовъ,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
 Я исполню заповѣдь свою женскую:
 Я прожду Добрынюшку други шесть годовъ;
 Такъ исполнится времени двѣнадцать лѣтъ —
 Да усну я и въ ту пору замужъ пойти. —

Василиса и Настасья—лучшіе женскіе образы, которые создавало когда либо русское народное творчество. Да и немудрено: народъ положилъ въ нихъ всю свою симпатію, потому что онѣ родственны ему, потому что онѣ принадлежать землѣ, земщицѣ, тому живому источнику, изъ котораго вышелъ, развился и самъ народъ; въ нихъ, въ этихъ живыхъ, былевыхъ образахъ, въ этихъ двухъ женщинахъ, въ этихъ богатыряхъ земскихъ онъ сочувствуетъ самому себѣ, своимъ лучшимъ; жизненнымъ сторонамъ, своимъ народнымъ началамъ и

формамъ быта, которыя для него не умрутъ никогда, потому что составляютъ плоть и кровь его; то, что чуждо или почему либо ненавистно народу, къ тому онъ либо относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, либо въ живыхъ образахъ клеймитъ его то наслѣшлявымъ, то жесткимъ словомъ. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ живымъ, сочувствіемъ относится народъ къ Ванькѣ-ключнику; съ какою любовью и братскимъ чувствомъ принимаетъ онъ калику—перехожую, да и не мудрено: калика споетъ ему пѣсню, былинку и про бывшихъ богатырей и про горе-злосчастье.

СБОРНИКЪ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ И ПОСЛОВИЦЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. С. Петербургъ. 1861. in 8° (страница 376).

«Не всегда добрая мысль находитъ достойное исполненіе», говорятъ однѣ старыя, позабытыя прописи. Хотя прописи вообще имѣютъ отличительное свойство подъ именемъ нравственныхъ правилъ изрѣкать тупоумнѣйшія общія мѣста, ровно никуда непригодныя, однако на этотъ разъ приведенный нами афоризмъ неволью вспомнился намъ, по поводу «Сборника народныхъ пѣсенъ для юношества» г-жи Н. Крыловой; вспомнился потому, что здѣсь онъ совершенно кстати. Мысль познакомить наше «юношество» (отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, по предположенію г-жи Крыловой) съ произведеніями нашего народнаго поэтическаго творчества вполнѣ прекрасная и теперь болѣе чѣмъ когда либо хорошая мысль... Судя по «Предисловію», мы были вправѣ ожидать отъ этого сборника вполнѣ толковаго и отмѣченнаго надлежащимъ тактомъ выполненія дѣла; но ожиданіе наше, къ сожалѣнію, было обмануто, Это тѣмъ страннѣе, что г-жа Крылова,

повидному, понимает задачу своего труда; вот что по крайней мере, говорит она в своем предисловии: «кажется в наше время, когда с одной стороны значение народности вообще с каждым днем все более и более понимается большинством образованной публики, а с другой — учеными исследователями русской старины, все яснее и яснее указываются несомненные красоты русской народной поэзии, — кажется в наше время излишне распространяться о том, как важно и необходимо при воспитании русских детей знакомить их как можно более с образцами русской народной поэзии. Большая часть русских детей, которых родители принадлежат к образованному сословию, растут почти в совершенном удалении от народа и всего народного; (не почти, а совершенно, прибавим мы от себя, потому что большинство родителей всякое сближение или знакомство с народом считают для своих детей неприличным)», пускай же хоть звуки народной поэзии доходят до них если уж не прямым путем, то хоть из книг; пусть хоть этим способом возбуждается в детях сочувствие к преданиям и вѣрованіям, к прошедшей и настоящей жизни народа, к которому принадлежат они сами и который так мало им знаком, и проч.

Как видно, понимание дѣла, не скажемъ вполне глубокое, но довольно ясное, есть у г-жи Крыловой. Но отъ пониманія до выполненія еще далеко, — и въ этомъ особенно убѣждаетъ насъ книга г-жи Крыловой. Не знаемъ, что болѣе помѣшало ей: дряхлое ли рутинерство кореннаго, исключительно моральнаго взгляда, чѣмъ вообще заражены наши педагоги и составители учебниковъ и хрестоматій, или полное отсутствіе чутка и такта, которые болѣе всего необходимы при такомъ трудѣ. Она старалась сдѣлать выборъ тѣхъ произведеній, которыя, по ея словамъ, «могутъ быть всего занимательнѣе и пригоднѣе для юнаго возраста». Прежде всего, мы въ народной поэзии и преимущественно въ былинахъ, съ которыхъ и начинается свой сборникъ г-жа Крылова, не знаемъ положительно ничего такого, что могло бы быть незанимательно, для какого бы-то ни было возраста: все, что ни есть въ нихъ, все содержаніе ихъ глубоко-жизненно, и уже по одному только этому непременно занимательно. Второе условіе сборника, есть «пригодность» содержанія «для юнаго возраста». Намъ кажется, что словомъ «пригодность», г-жа Крылова хотѣла выразить педагогическую «благопристойность», въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее въ нѣкоторыхъ назидательныхъ книгахъ. Но дѣло въ

томъ, что знакомство съ народомъ, и особенно знакомство въ дѣтскомъ еще возрастѣ, когда всѣ впечатлѣнія ложатся въ душу ребенка прямо и непосредственно, не предупрежденыя никакими заранѣе внушенными, бытыми теоріями и воззрѣніями, въ такомъ дѣлѣ, говоримъ мы, нужна прежде всего не «занимательность и пригодность» предлагаемыхъ дѣтскому сознанію произведеній, а ихъ *характерность*. Нужно прежде всего, чтобы каждое предлагаемое дѣтямъ произведеніе народнаго творчества, отмѣчало собой съ какой нибудь стороны народъ; необходимо нужно, чтобы эти-то самыя характерныя черты прежде всего запаали въ душу и сознаніе отрока; необходимо же это потому, что только при посредствѣ такихъ, совершенно усвоенныхъ ребенкомъ чертъ и особенностей, для него возможно будетъ пониманіе народнаго характера, а при дальнѣйшемъ, болѣе зрѣломъ знакомствѣ и изученіи, пониманіе народа и народной жизни, ея условій и требованій, въ духовномъ, матеріальномъ и историческомъ отношеніяхъ. Между тѣмъ сборникъ г-жи Крыловой страдаетъ отсутствіемъ удачнаго выбора тѣхъ оригинальныхъ особенностей, которыя разливали бы свѣтъ на характеръ народнаго творчества. Авторъ старался о занимательности, а въ сущности большая часть приводимыхъ отрывковъ вовсе не занимательна для дѣтей, потому что самовольныя урѣзыванія былины лишаютъ ихъ смысла и полноты. Конечно, это дѣлалось во имя «пригодности» для юнаго возраста; но вмѣстѣ съ этою «пригодностью», г-жа Крылова затерла ихъ жизненныя краски и обратила ихъ въ безцвѣтныя произведенія. А вѣдь это уже и грѣшно передъ народомъ, передъ его поэтическимъ творчествомъ да и передъ бѣдными дѣтьми, которымъ вы вмѣсто правды даете ложь. И какъ же это вы, которая такъ хлопочете, судя по вашему предисловію, о знакомствѣ дѣтей съ народомъ, его поэзіей и жизнью, какъ вы рѣшаетесь обрывать и кромсать безжалостно, безощадно, безтактно лучшіе образцы его поэтическаго творчества. Такая педагогическая благопристойность, по нашему мнѣнію, хуже всякой непристойности.

Г-жа Крылова начинаетъ съ былины про Соловья Будиміровича, которую почему-то она считаетъ благоприличнымъ закончить на томъ мѣстѣ, гдѣ Соловей вмѣстѣ съ дружиною подноситъ подарки князю Владимиру и женѣ его Апраксіи. Почему былина прервана на этомъ именно мѣстѣ?—Богъ-вѣсть! А вѣдь съ этого-то мѣста и начинается самая драма, самое ядро былины! Можетъ быть намъ отвѣтять, что

продолженіе былины, по личному воззрѣнію автора, найдено «пригоднымъ» для «юнаго возраста; — въ такомъ случаѣ позвольте попросить у васъ позволенія напомнить вамъ дальнѣйшее содержаніе «Соловья Будиміровича — и пусть каждый читатель по совѣсти скажетъ, есть ли въ этой былинѣ хоть что либо «непригодное» для «юнаго возраста».

Послѣ принятія подарковъ, княгиня Апраксія, говоритъ Владимиру, чтобы тотъ «умѣлъ молодца почествовать». Владимиръ дѣлаетъ пиръ, за которымъ Соловей Будиміровичъ проситъ позволить ему выстроить въ саду княжой племянницы Запавы три златоверхіе терема, чтобы къ утру туда жить перейти. На утро, когда теремы были готовы, молодая княжна Запавы, проснувшись пошла прогуляться въ свой садъ и тамъ увидѣла неожиданную обновку — теремъ. Пришла она къ первому терему — въ томъ терему стучить и гремѣть: то Соловьева дружина считаетъ его безсчетную казну. Приходитъ она къ другому; тамъ послушала — и услышала тихій шопотъ: то старушка мать Соловья, стоитъ и Богу молится — «умаливаетъ за сына, за любимаго». Подходитъ Запавы къ третьему терему. Послушала она и у того терема, — а тамъ молодой Соловей Будиміровичъ поетъ и играетъ на гусяхъ. Долго восторженно слушала Запавы, наконецъ не выдержала, вошла въ теремъ къ Соловью и поклонилась ему: «здравствуй, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!» — «здравствуй, красная дѣвушка молода княженецкая племянница!» — «Тутъ дѣвица не стыдилась, за Соловья замужъ подавалась», продолжаетъ былина.

Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
Ты возьми-тко меня красну дѣвшку,
Ты возьми-тко меня за себя замужъ.

— «Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла!» отвѣчаетъ ей на это Соловей, «однимъ ты мнѣ, дѣвица, не слюбила, что сама себя дѣвица просватала; а тебѣ бы дѣвшкѣ не эдакъ быть, не такъ бывать дѣвшкѣ — дома сидѣть!» — Тутъ дѣвушка заплакала и пошла въ свои терема высокіе; а Соловей Будиміровичъ, не найдя въ своей невѣстѣ Запавъ, за которую онъ хотѣлъ посвататься, желаемого идеала, уѣхалъ съ дружиною за синее море.

Мы нарочно привели содержаніе былины, которую старались въ

болѣе «непригодныхъ» мѣстахъ передать ея же собственными словами. Теперь спрашивается: что же здѣсь «непригоднаго для юнаго возраста» въ этомъ наивномъ поэтическомъ созданіи? Что могло оскорбить или распалить чувство «дѣвственной дѣломудренности» читателей «отъ десяти до пятнадцатилѣтняго возраста?» — Неоднократно задаемъ себѣ этотъ вопросъ; ищемъ, добиваемся отвѣта — и никакъ не можемъ найти удовлетворительной логической причины, вслѣдствіе которой можно бы было такъ самовольно, ни съ того, ни съ сего, урѣзать въ самомъ началѣ народну былинную и еще одну изъ лучшихъ, какъ сдѣлала это г-жа Крылова. Она передала «юнымъ читателямъ» только то, какъ Соловей Будиміровичъ пріѣхалъ съ дружиною на тридцати корабляхъ въ Кіевъ и поднесъ стольному князю подарки — и больше ничего, ни одного слова далѣе! Спрашивается: что вынесетъ «юный читатель» изъ этого отрывка, который онъ имѣетъ полное право принять за цѣльную, законченную былинну? Какое понятіе вынесетъ онъ о ея характерѣ? Какъ представится ему образъ Соловья Будиміровича? Мы увѣрены, что о.ъ станетъ въ тупикъ и придетъ въ полнѣйшее недоумѣніе, если ему задать подобные вопросы, задать которые имѣетъ неотъемлемое право каждый наставникъ. Такимъ образомъ школьная фальшивая рудеріе заставила г-жу Крылову исказить цѣлый памятникъ древней поэзіи и представить его въ ложномъ свѣтѣ «юношеству». Ложь сама по себѣ уже не можетъ быть благопристойнымъ дѣломъ...

Вслѣдъ за Соловьемъ Будиміровичемъ г-жа Крылова приводитъ былинну про Дюка Степановича и приводитъ ее, грѣша тѣмъ же самымъ, чѣмъ и въ первомъ отрывкѣ. Какъ первая, такъ и вторая оборвана на самомъ началѣ и именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Дюкъ пріѣзжаетъ къ Владиміру, который сажаетъ его съ собой за «почетный столъ» — далѣе ни слова. Къ чему же было и приводить этотъ отрывокъ, изъ котораго читатель даже не выяснитъ себѣ существеннаго различія между Дюкомъ и героемъ предшествовавшаго отрывка, а узнаетъ развѣ, что одного зовутъ Дюкъ Степановичъ, а другаго Соловей Будиміровичъ? Мы рѣшительно не понимаемъ цѣли, съ которою вы приводите этотъ второй отрывокъ, потому что въ немъ вовсе не рѣсуетя характеръ Дюка, да не объяснено и значеніе его, какъ *зальзаго* богатыря, въ отличіе отъ коренныхъ богатырей *земскихъ*. Наконецъ, отрывокъ въ такомъ видѣ, какъ приведенъ онъ у васъ даже не имѣетъ и смысла, ибо былина получаетъ его только

съ развитіемъ подвиговъ Дюка въ связи съ соперничествомъ Чурилы Пленковича. Мы понимаемъ, что васъ удержало отъ приведенія этой былины: вы испугались нѣкоторыхъ чертъ русскаго сказочнаго Донъ-Жуана, Чурилы; вы испугались насмѣшки Дюка, который говоритъ заносчивому Чурилѣ, что ему бы лучше съ бабами въ бесѣдѣ сидѣть, а не тягаться подвигами съ богатыремъ, вы испугались тѣхъ трехъ—четырехъ совершенно невинныхъ строкъ, въ которыхъ былина рассказываетъ, какъ кievскія женщины со слезами умаливали Дюка пощадить Чурилу и оставить имъ его «хоть на сѣмены» — ну, такъ въ такомъ случаѣ лучше бы ужъ вамъ припомнить пословицу: «волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить», и совершенно бы ужъ не приводить обрывка изъ начала былины про Дюка Степановича, на который жалко и больно становится взглянуть въ вашей книжонкѣ—до такой степени онъ блѣденъ, бессмыслененъ, безхарактеренъ и безцвѣтенъ!

Если читатель и вынесетъ изъ вашей книги кой—какое представленіе личностей сказочныхъ героевъ, то это развѣ только Добрыни и Ильи Муромца, да и то представленіе самое блѣдное, хотя по книгѣ и замѣтно, что вамъ видимо хочется личность послѣдняго представить рельефнѣе, даже разъяснить своимъ читателямъ болѣе высокое, нравственное значеніе его, какъ богатыря земскаго: въ предисловіи своемъ вы приводите о немъ слова покойнаго К. Аксакова:—«этотъ неодолимо—могучій и кроткій богатырь—крестьянинъ».—Все это было бы прекрасно, если бы, къ сожалѣнію, характеристика Ильи не ограничивалась только этими словами Аксакова, а дополняла бы ихъ текстомъ самыхъ былинь. Но въ отрывкахъ приводимыхъ вами мы рѣшительно не видимъ Илью, какъ борца за земское дѣло. У васъ даже нѣсколько странно поразило насъ обиліе вариантовъ на одну и ту же тему, какъ напали на него разбойники, а онъ, не смутясь ни мало, пустилъ стрѣлу въ сырой дубъ, который отъ этого богатырскаго удара разщепился на ножовыя черенья и какъ разбойники, увидя это, разбѣжались. Вариантамъ этого событія у васъ отдано четыре отрывка: № № 2, 3, 4 и 5. Позвольте же васъ спросить, для чего въ книгѣ, предназначенной для дѣтскаго чтенія, вы собрали эти варианты? что въ нихъ особенно достопримѣчательнаго или характернаго для того, чтобы преимущественно къ нимъ притянуть дѣтское вниманіе? Вы скажете, можетъ быть, что васъ пріятно поразили въ нихъ человѣчная черта характера Ильи, не-

любящаго убивать людей; — прекрасно; совершенно согласны съ вами; но для этого достаточно было бы ограничиться однимъ отрывкомъ — любимъ изъ этихъ четырехъ. И вотъ видите ли, при этомъ обилии ни къ чему неведущихъ вариантовъ, у васъ нѣтъ въ сказаніяхъ объ Ильѣ болѣе яркихъ и характерныхъ былинъ о побѣдѣ его надъ Соловьемъ Разбойникомъ, чѣмъ тѣ, которыя вы приводите, а между тѣмъ такія характерныя былинны отыскать можно бы было весьма легко и даже чуть ли не рядомъ съ тѣми, которыя вы почли болѣе достойными дѣтскаго вниманія.

Послѣ Ильи Муромца вы переходите къ Василию Буслаеву, въ цѣлѣ былинъ повгородскихъ. Но, странное дѣло! и тутъ мы не видимъ характеристики Буслаева! вамъ отнюдь не представляется въ немъ этотъ широкій размахъ *широкой природы*, этотъ разгулъ силъ никуда ненаправленныхъ и безцѣльныхъ. Вы представляете отрывки изъ былинны о томъ, какъ онъ Богу молиться ѣздилъ; а отчего не дали вы намъ отрывка о томъ, какъ онъ одною тележною осью учинилъ великое побоище среди Новгорода? А это бы, говоря откровенно, нужно было дать прежде отрывковъ о побѣдѣ въ Иерусалимѣ на богомолье и прежде отрывка о его смерти; потому что въ смерть Буслаева народъ положилъ много глубокаго смысла, который пополняетъ или, лучше сказать, завершаетъ собою полный характеръ этого богатыря—безъ этой неожиданной и нелѣпой смерти и не могла бы обойтись подобная натура. А такъ какъ у васъ нѣтъ предварительной характеристики Буслаева, которую вполне могла бы дать самая былина, то и смерть его остается внѣ всякаго логическаго смысла и черезъ это самое читатель вашъ не усвоитъ себѣ ровно никакого представленія о личности Буслаева и о той идеѣ, которую вложило въ созданіе этого неконнаго рускаго типа народное творчество.

Изъ разбора представленнаго нами, можно видѣть, какое понятіе усвоитъ себѣ «юный возрастъ» о русскихъ народныхъ былинахъ и ихъ коренномъ характерѣ; теперь перейдемъ ко второму отдѣлу — «Стиховъ», распѣваемыхъ по преимуществу нищими, калѣками—печеложими.

Здѣсь мы находимъ извлеченіе изъ стиха «о Голубиной книгѣ», «Плачь земля», «Плачь души грѣшной», «Прощаніе души съ тѣломъ», «Стихъ о страшномъ судѣ», т. е. лучше сказать не «стихъ», а отрывокъ изъ стиха, въ которомъ опять самое поэтическое мѣсто о рѣкахъ огненныхъ, унуждено составительницею ради одной голы ско-

ластик и наконецъ извлеченіе изъ стиха о Егоріѣ храбрѣмъ, — вотъ и все, что найдете въ этомъ отдѣлѣ. Но неужели, г-жа Крылова, вы не нашли для отдѣла «Стиховъ» ничего болѣе замѣчательнаго, болѣе характеризующаго русскій народъ и русскую жизнь въ этомъ отношеніи? Гдѣ же у васъ стихи чисто народнаго творчества? Гдѣ стихъ о Вознесеніи Христовомъ? Гдѣ стихъ о двухъ Лазаряхъ, богатомъ и убогомъ? Отчего и зачѣмъ вы предпочли этимъ глубоконароднымъ произведеніямъ какія-то порожденія мрачной схоластики, мало даже и привившіяся къ народу? Зачѣмъ все это? — Рѣшительно не понимаемъ! Не понимаемъ тѣмъ болѣе, что вы намѣревались познакомить «юный возрастъ» съ произведеніями и характеромъ чисто народнаго творчества.

А историческія пѣсни? Боже мой, что это такое! Насъ рѣшительно поражаетъ это странное отсутствіе такта. Развертываете вы напримѣръ сборникъ на отдѣлѣ историческихъ пѣсней, въ полномъ чаяніи отыскать тутъ образцовую пѣсню про казнь Федора Ивановича — сына грознаго, про татарскій полонъ, про осаду Соловецкаго монастыря, — ничуть не бывало! Въ отдѣлѣ русскихъ историческихъ пѣсней вы вдругъ находите диковинку такого рода:

Ужъ ты славное село Павлово,
Слобада графа Шереметьева!
Про тебя, село, идетъ, слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Будто ты, село, на краси стоишь,
На краси стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, по раздольицу,
Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыхъ.
Промежъ тебя бѣжитъ рѣчка Тарычъка,
Возлѣ-бокъ бѣжитъ Ока матушка!
Но Окѣ рѣкѣ бѣжитъ лодочка,
Летка лодочка раскрашенная,
Все гребцами лодка усаженная,
Какъ на восьмера на веселички.
Въ этой лодочкѣ самъ графъ гулялъ
Шереметьевъ графъ Борисъ Петровичъ.

Вотъ вамъ и вся пѣсня! Что же такое эта пѣсня? И почему она историческая? Не потому ли, что, вѣроятно, была сложена шереметьевскими дворовыми, на-потѣху и чествованіе его сіятельства

и перенята впоследствии какимъ нибудь московскимъ фабричнымъ хоромъ, въ родѣ молчановскаго или молодцовскаго? Въ такомъ случаѣ и распѣваемая этими же хорами съ большимъ сочувствіемъ пѣсня: «кринолинъ, кринолинъ, подкузмилъ ты меня», тоже должна быть отнесена къ отдѣлу русскихъ историческихъ пѣсенъ; по крайней мѣрѣ право ея на появленіе въ этомъ отдѣлѣ совершенно равняется праву пѣсни про лодочку его сіятельства. Тутъ же находимъ мы и еще одну пѣсню и также подъ именемъ исторической; называется она: «Царь Петръ Алексѣевичъ ворячается» (?). Вотъ она:

А у насъ было на синѣмъ морѣ,
 На синѣмъ морѣ на балтійскомъ,
 Выплывалъ, выбѣгалъ Муравей корабль;
 Хорошо корабль изукрашенный,
 Мелкимъ жемчугомъ изунизанный.
 На корабликѣ всѣ снасточки шелковыя.
На немъ матросушки все полковнички,
А пассажирушки все снереалушки,
 На носу сидитъ православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ;
 На кормѣ сидитъ молодой вѣмецъ.
 Онъ ведетъ корабль изъ иной земли,
 Изъ иной земли, земли Шведскія
 Во нашу мать во Россейшку.

Малоблагообразная, солдатская и вдобавокъ ничего невыражающая пѣсня. Мы не отрицаемъ право ея на названіе исторической, но положительно не признаемъ необходимости вносить въ Сборникъ, издаваемый для юношества. Что же наша г-жа Крылова какъ въ этой, такъ и въ предъидущей пѣснѣ достопримѣчательнаго для того, чтобы особенно обратить на нихъ вниманіе отроковъ и почему она предпочла ихъ пѣснямъ про Федора Ивановича, про татарскій полонъ, осаду Соловецкаго монастыря и др. — рѣшительно не знаемъ.

Да кромѣ того еще замѣчаемъ мы, что г-жа Крылова и не умѣетъ отличить пѣсни исторической—народной отъ исторической—солдатской, потому что иначе она не начинала бы историческаго отдѣла своего сборника, предназначаемаго для ознакомленія дѣтей съ *народною* поэзіею, историческими вадѣльями, въ родѣ того, какъ:

Всѣ полковнички—во своихъ полкахъ,
Подполковнички—на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіоры—на добрыхъ коняхъ,
Капитаны—передъ ротами,
Офицеры—передъ взводами,
А прапорщики—подъ знаменами,
Дожидаютъ они полковничка.
Что полковничка Преображенскаго—
Капитана бомбандирскаго.

Да, грустно видѣть, что такая прекрасная мысль, какъ ознакомленіе дѣтей съ народомъ и его бытомъ, характеромъ и жизнью посредствомъ народной поэзіи, ознакомленіе наконецъ съ лучшими образцами этой поэзіи пропала даромъ, ни за что, ни про что, благодаря отсутствію такта и незнанію настоящаго дѣла составительницею. А мысль сама по себѣ хорошая, за которую нельзя не поблагодарить г-жу Крылову! Надѣмся, что эта первая неудавшаяся попытка найдеть болѣе искуснаго мастера дѣла и болѣе серьезнаго знатока нашей древней поэзіи.

ВС. К—ОВСКІЙ.

СХОЛАСТИКА XIX ВѢКА.

I.

Развитіе русской журналистики съ каждымъ годомъ становится шире; возникаютъ новые журналы, и въ короткое время приобретаютъ себѣ значительный кругъ читателей; между тѣмъ старые журналы продолжаютъ свое существованіе и число ихъ подписчиковъ нисколько не уменьшается. Периодическія изданія расходятся по всѣмъ концамъ Россіи, и идеи, выработанныя въ тиши кабинета, за нисьменнымъ столомъ, становятся достояніемъ дѣлой обширной страны, становятся

почти единственною умственной пищею для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей. Большинство публики читаетъ одни журналы, это фактъ, въ которомъ могъ наглядно убѣдиться всякій, кто жилъ въ провинціи и бывалъ въ обществѣ какого-нибудь уѣзднаго города. Одинъ экземпляръ «Современника» или «Русскаго Вѣстника» читается цѣлымъ городомъ, переходятъ изъ рукъ въ руки и возвращается обыкновенно къ владѣльцу въ самомъ жалкомъ, истрепанномъ видѣ, такъ что ему приходится только сказать: «расчитали въ дребезги». При этомъ нѣкоторые отдѣлы остаются совершенно нетронутыми и даже неразрѣзанными; отмѣтить подобные отдѣлы было бы конечно любопытно для физиологіи общества, но я не съ этою цѣлью повелъ рѣчь о распространеніи журналовъ въ массѣ читающей публики. Кромѣ журналовъ этой публикѣ дѣйствительно читать нечего, отдѣльныя книги издаются теперь чаще прежняго, но ихъ все-таки мало; кромѣ того, онѣ имѣютъ или ученый, или учебный характеръ; это — или изслѣдованія или популярныя руководства, а учиться большинство нашей публики не желаетъ, вѣроятно потому, что воспитаніе, данное ей въ школѣ, было дурно и оставило послѣ себя на всю жизнь полнѣйшее отвращеніе къ тому, что отзывается школою или книжною ученостью. Сочиненія Пушкина, Лермонтова и Гоголя знаютъ почти наизусть люди, одаренные эстетическимъ чувствомъ и сколько-нибудь развитые въ литературномъ отношеніи; что же касается до большинства, то оно или вовсе не читаетъ ихъ, или прочитываетъ ихъ одинъ разъ, для соблюденія обряда, и потомъ откладываетъ въ сторону и почти забываетъ. Перечитать во второй разъ художественное произведеніе, потому только, что оно художественно или проникнуто глубокою мыслью, это такой подвигъ, котораго возможность понимаютъ далеко не всѣ и на который рѣшаются очень немногіе. Между тѣмъ журналы неотразимою силою привлекаютъ къ себѣ этихъ господъ; во-первыхъ, они даютъ свѣжія новости, во вторыхъ разнообразіе, часто даже пестрота оглавленія даетъ каждому всѣ средства выбрать себѣ чтеніе по вкусу и по плечу; въ третьихъ, одна книжка не успѣваетъ еще приглядѣться, какъ она смѣняется новою, и провинціальный читатель слѣдитъ за идеями и интересами вѣка, не успѣвая соскучиться и не утомляя свой мозгъ усиленною работою. Все это было бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли бы другъ друга, но дѣло въ томъ, что на практикѣ выходитъ совсѣмъ не то, что вы-
ходило въ теоріи.

Пишущіе люди забываютъ, что они пишутъ не для себя, а для общества, литераторы составляютъ замкнутый кружокъ; этотъ кружокъ внутри себя вырабатываетъ идеи и убѣжденія и передаетъ публикѣ результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаемъ, какъ они вырабатывались и формировались; одинъ кружокъ сталкивается въ мнѣніяхъ съ другимъ, начинается споръ, котораго предметъ остается теменъ для публики; между тѣмъ публика читаетъ полемку, видитъ, какъ горячатся оба противника и съ любопытствомъ слѣдитъ за скандальною стороною дѣла. Не вините въ этомъ публику; поставьте себя на ея мѣсто; представьте себѣ, что при васъ происходитъ споръ на непонятномъ для васъ языкѣ. Если вы не выйдете изъ комнаты, то вы вѣроятно, почти невольно будете слѣдить за выраженіемъ лица и за мимикою спорящихъ личностей. То же самое дѣлаетъ публика. О предметѣ ученаго или литературнаго спора она судить не можетъ, потому что спорящіе литераторы большею частью забываютъ о ея существованіи и не дѣлаютъ ни шагу для того, чтобы пояснить ей, въ чемъ дѣло. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственные сочиненія или статьи, разбросанныя по разнымъ журналамъ или напечатанныя лѣтъ десять тому назадъ, наконецъ, на голосъ внутренняго чувства, какъ сдѣлалъ Погдинъ на диспутѣ съ Костомаровымъ, или покойный Хомяковъ, возставая въ «Русской Бесѣдѣ» противъ матеріализма. Справляться по веѣмъ этимъ ссылкамъ мудрено; у публики не достало бы на это ни досуга, ни терпѣнія. Слѣдовательно, останется ей двѣ дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку пошмиваться надъ тѣмъ, какъ горячатся споряція стороны. Публика такъ и дѣлаетъ.

II.

Вопросъ о народности, сближеніе съ народомъ, изученіе народности — эти слова слышатся на каждомъ шагу и встрѣчаются на каждой страницѣ нашихъ большихъ журналовъ. Идеи этихъ словъ мудрено не сочувствовать, трудно въ этихъ святыхъ словахъ не видать великой задачи времени, самаго животрепещущаго интереса нашей будущей исторіи. Но, съ другой стороны, нужно быть въ высшей степени довѣрчивымъ и добродушнымъ оптимистомъ, чтобы отъ

нашихъ журналовъ ожидать дѣйствительнаго сближенія съ народомъ. «Русская Бесѣда» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ печатала дѣльные и основательныя изслѣдованія Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Бѣляева, «Отечественныя Записки» въ прошломъ году приложили къ своему журналу цѣлый сборникъ пѣсенъ г. Якушкина, въ «Свѣтоцѣ» во всѣхъ подробностяхъ описана русская свадьба, «Современникъ» принужденъ выслушивать замѣчанія со стороны «Отечественныхъ Записокъ» за то, что мало занимается народнымъ элементомъ, новый журналъ «Время» на интересахъ народности строитъ всю свою программу, и что же изъ этого выходитъ, какія практическія слѣдствія ведутъ за собою всѣ эти благородныя стремленія? Ровно никакихъ. Они дадутъ только будущему біографу матеріалы, по которымъ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать ошибочный выводъ такого рода: «въ половинѣ XIX столѣтія вопросъ о народности возбуждалъ къ себѣ сильное сочувствіе въ читающей части русскаго общества.» Этотъ выводъ будущаго бібліографа я смѣло рѣшаюсь назвать ошибочнымъ, на томъ основаніи, что «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» пользуются наибольшою популярностью, несмотря на то, что первый отягчается космополитическимъ направленіемъ, а второй занимается гражданскою жизнью Западной Европы гораздо пристальнѣе, нежели интересами нашей народности. Если, сверхъ того, принять въ соображеніе тотъ фактъ, что «Русская Бесѣда» существуетъ почти безъ подписчиковъ, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что наша журналистика не успѣла приохотить къ ознакомленію съ народностью даже ту часть публики, на которую она можетъ имѣть непосредственное вліяніе. О вліяніи на простой народъ, о фактическомъ сближеніи съ нимъ путемъ журнальной литературы — смѣшно и говорить. Нашъ народъ конечно не знаетъ того, что о немъ пишутъ и разсуждаютъ, и вѣроятно еще лѣтъ тридцать не узнаетъ объ этомъ. Житейскихъ, осязательныхъ результатовъ онъ вѣроятно долго не увидитъ, потому что стремленія не переходятъ въ дѣло и остаются на страницахъ журналовъ, къ общедоступной выгодѣ редакцій и сотрудниковъ. Вопросъ объ эмансипаціи разрѣшился помимо журнальныхъ толковъ. Вопросъ о воскресныхъ и бесплатныхъ школахъ прошелъ мимо журналистики, и журналы ограничились тѣмъ, что отмѣтили совершившійся фактъ на страницахъ своей современной лѣтописи или хроники. Не журналы возбудили этотъ вопросъ, и литература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила эту потребность уже тогда, когда ея существованіе бы-

ю сознано всѣми, когда уже были приняты мѣры для удовлетворенія этой потребности. Любопытно было бы знать, можно ли указать хоть на одно полезное дѣло, хоть на одинъ живой вопросъ народной жизни, который былъ бы возбужденъ и рѣшенъ нашими журналами, и который не остался бы на бумагѣ, а хоть на одну іоту увеличилъ бы матеріальное или нравственное благосостояніе нашего народа. Я почти увѣренъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ получится отрицательный. Причины этого явленія я постараюсь разобрать въ самыхъ общихъ чертахъ.

III.

Внѣшняя фizioномія нашего общества слагается конечно помимо литературы. Наша журналистика не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе административныхъ вопросовъ, слѣдовательно эту сторону дѣла я могу совершенно выпустить изъ моего разсужденія. Само собою понятно, что статьи «Русскаго Вѣстника» объ англійскомъ *jury* или объ англійскомъ парламентѣ имѣютъ для насъ интересъ чисто-научный и нисколько не могутъ содѣйствовать нашему гражданскому воспитанію, потому что гражданъ воспитываетъ жизнь, а не книга. Точно также понятно, что сблизиться съ народомъ мы путемъ журналистики не можемъ; сблизается съ народомъ тотъ, кто живетъ среди его, кто видитъ его каждый день въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, у кого есть съ нимъ общіе интересы и общія стремленія. Практическое сблизеніе съ народомъ дѣло до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочимъ, толкуя о Бѣклѣ и Стюартѣ Миллѣ; какая-нибудь поѣздка по Россіи можетъ оставить въ воображеніи нѣсколько типическихъ фигуръ, которыя годятся для альбомнаго рисунка или для легкаго литературнаго очерка; но внутренней смыслъ этихъ фигуръ дается не сразу, и постепенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ вы подходите къ нимъ ближе и вглядываетесь внимательнѣе въ ихъ выраженіе и обстановку. Словомъ, журналистика, проводящая общечеловѣческія идеи въ русское общество, нуждается въ посредникахъ, которые проводили бы эти идеи къ народу. Въ настоящее время народъ еще не въ состояніи сознать эти идеи, обращать ихъ въ свое умственное достояніе, органически переработывать ихъ силою собственнаго мышленія; пусть онъ по крайней мѣрѣ чувствуетъ на себѣ ихъ

благотворное, согревающее вліаніе. Читающій классъ, гуманизированный общечеловѣческими идеями, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣтелями русской мысли и нашими младшими братьями мужиками, въ избу которыхъ конечно никогда не заходятъ книжки журналовъ, стоящихъ 15 р. сер. въ годъ. Ни грошовыя изданія, о которыхъ было говорено въ мартовской книжкѣ «Русскаго Слова», ни «Народное Чтеніе», о которомъ нужно будетъ поговорить со временемъ, не принесутъ народу никакой чувствительной пользы. Эти книжки написаны людьми имѣющими какое-то отвлеченное, книжное понятіе о народѣ, старающимися привароваться къ его потребностямъ, и обнаруживающими въ своихъ попыткахъ полнѣйшую непрактичность, полнѣйшее незнаніе той почвы, которую они хотятъ воздѣлывать. Но не забывайте, что въ нашемъ обществѣ есть тысячи людей, понимающихъ нашъ книжный языкъ, носящихъ нашъ костюмъ, словомъ *сослодіе*, которые въ состояніи прочесть и понять ученую статью въ журналѣ и которые въ то же время живутъ среди народа, въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ нашего обширнаго отечества. Эти люди поневолѣ выучиваются говорить съ народомъ и присматриваются къ его потребностямъ; эти люди по самому своему положенію стоятъ на рубежѣ двухъ элементовъ, общества и народа, и какъ будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаній сверху внизъ. Отчего же мы ими не пользуемся? Оттого, мнѣ кажется, что до сихъ поръ мало обращали на нихъ вниманія. Наша журнальная критика и журнальная наука могла особенно благотѣльно дѣйствовать на это сословіе, но къ сожалѣнію ни критика, ни наука не имѣли въ виду этого класса читателей и не заботились даже о томъ, чтобы сдѣлаться доступными имъ по формѣ. Въ настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была бы вполне понятна челоуку не имѣющему специальныхъ свѣдѣній по тому кругу предметовъ, къ которому относится статья. Обыкновенному читателю такая статья представится непрерывнымъ рядомъ намековъ, въ которыхъ онъ будетъ смутно чувствовать какую-то общую связь, но въ чемъ состоитъ эта связь и что говорятъ эти намеки, это останется ему совершенно непонятнымъ. Опять-таки доказательство того, что, если цѣлые отдѣлы нашихъ журналовъ остаются неразрѣзанными, то виновата въ этомъ не публика. У нашихъ журналистовъ есть цѣлый міръ закулисныхъ тайнъ, и намеками на интересы этого міра пересыпаны ихъ критическія обзорѣнія и полемическія статьи. Этого

міръ мелкихъ личныхъ невраяностей, міръ литературнаго кумовства и нелитературныхъ перебранокъ даетъ себя чувствовать по-временамъ въ какомъ-нибудь журнальномъ скандалѣ, котораго причина и истинная экономія остаются непонятными для массы читающей публики. А между тѣмъ публику потчуютъ этими скандалами, и она *volens nolens* узнаетъ факты непонятные для нея и вовсе не интересные.

IV.

Но что же можетъ и что должна сдѣлать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтеніемъ журналовъ? Она должна разбить ея предрасудки и помочь ей выработать себѣ разумное міросозерцаніе. При этомъ она должна имѣть въ виду ту часть публики, которая способна подвинуться впередъ, людей молодыхъ и свѣжихъ, людей, способныхъ принять истину и отрѣшиться отъ отцовскихъ заблужденій. Для такихъ людей талантливый критикъ съ живымъ чувствомъ и съ энергическимъ умомъ, критикъ подобный Бѣлинскому, могъ бы быть въ полномъ смыслѣ слова учителемъ нравственности. — — — А что же дѣлаетъ наша литература? Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства она относится какъ-то нерѣшительно, какъ-то въ-половину, оглядываясь по сторонамъ, боясь поколыхнуть авторитетъ, боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться внушенію непосредственнаго чувства. Возьмемъ примѣръ: Пермская дама прочла на публичномъ чтеніи стихотвореніе Пушкина; корреспондентъ одной газеты описалъ это чтеніе, стараясь для удовольствія публики блеснуть яркостью красокъ, и не жалѣя риторическихъ украшеній; сотрудникъ другой газеты, также для удовольствія публики, начинаетъ глумиться надъ описаніемъ перваго, и давши волю своему неопратному юмору, съ размаху задѣваетъ ния и личность читавшей дамы. Дѣло, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о немъ, можетъ быть, и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ показало имъ, что это—вопросъ для насъ еще нерѣшенный и требующій оговорки. Юмористъ газеты «Вѣкъ» получилъ отъ лица нашей журналистики серьезный выговоръ за свои циническія выходы противъ лич-

ности женщины, и за ретроградное направлѣніе своей статьи. Этотъ выговоръ можно было бы назвать донкихотствомъ, еслибы общественное мнѣніе въ Россіи опредѣлилось настолько, чтобы всѣ образованные люди рѣшали въ одинъ голосъ важнѣйшіе вопросы жизни. Но у насъ рѣшительно нѣтъ общественныхъ убѣжденій; въ каждомъ семействѣ происходитъ борьба между старыми понятіями и молодыми стремленіями; эта борьба и эти колебанія порождаютъ въ жизни общества много противорѣчащихъ другъ другу явленій; напр. молодая дѣвушка приходитъ въ университетъ учиться, а профессоръ старается выжить ее изъ аудиторіи циническимъ тономъ своей лекціи. Очевидно, эта дѣвушка и этотъ профессоръ расходятся между собою во взглядѣ на такой простой и понятный предметъ, какъ образованіе женщины; они представляютъ борьбу двухъ діаметрально-противоположныхъ началъ, Домостроя и XIX вѣка. Обѣ стороны открыто несутъ свое знамя и понимаютъ свою несовѣстимость. Но не всѣ члены общества становятся рѣшительно на ту или на другую сторону; большая часть такъ называемыхъ серьезныхъ людей держатъ нейтралитетъ и становятся въ самыя разнообразныя положенія въ отношеніи къ предмету спора; они обсуживаютъ его, вводя въ свои сужденія такое множество оговорокъ и ограниченій, что сущность дѣла становится мало по малу неясною для самыхъ жаркихъ защитниковъ того или другаго мнѣнія; качая мудрыми головами, эти разсудительные люди обвиняютъ обыкновенно обѣ спорящія стороны въ крайности и въ увлеченіи, и сами стараются выбрать золотую середину. А возможна ли эта середина? Попробуйте стать по серединѣ между Негромъ и плантаторомъ, между самодуромъ-отцомъ и дочерью, которую насильно выдаютъ замужъ, между мистицизмомъ и рационализмомъ. Примиренія нѣтъ, и держать нейтралитетъ значитъ стоять совершенно въ сторонѣ и не принимать никакого участія въ обсуждаемомъ вопросѣ. Нейтралитетъ, который стараются держать люди разсудительные, есть въ сущности оптической обманъ, и какъ оптической обманъ онъ можетъ быть опасенъ для неопытныхъ глазъ. — — — Протестъ нашихъ журналовъ противъ Камня-Виногорова былъ положительно полезенъ, онъ показалъ обществу, какъ наше литературное большинство понимаетъ права женщины и показалъ не въ теоретическомъ разсужденіи, а на живомъ примѣрѣ. Но нерѣшительность отношеній къ простому и ясному дѣлу нашла себѣ представителей въ двухъ значительныхъ органахъ нашей журналистики. Отечественныя Записки приняли мут-

львій тонъ, говоря объ этомъ событіи въ отдѣлѣ русской литературы (1861 Апрель, стр. 143); осмѣяли какъ школьническую продѣлку всю исторію протеста и поествовали о томъ, что толки о женщинѣ не уяснили значенія семейнаго начала въ Россіи. Русскій Вѣстникъ отвесся къ дѣлу гораздо строже; у него все оказались виноваты: и г-жа Толмачева, и фельетонистъ Петербургскихъ вѣдомостей, и юмористъ Вѣка, и въ особенности г. Михайловъ и *спущенная имъ стая*. На 17 страницахъ разбирается это дѣло и разборъ приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ; съ плеча высказываются смѣлыя, повидимому, мнѣнія, которыя на слѣдующей же страницѣ встрѣчаютъ себя такое же смѣлое опроверженіе. На стр. 24 говорится о томъ, что женщина въ нашемъ обществѣ пользуется всеми разумными правами, а на стр. 36 прорывается признаніе, что «у насъ дѣвушка не легко отважится пройти одна по улицѣ. Концы съ концами сведены такъ, что вы при чтеніи не замѣтите противорѣчій, но если вы захотите отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, то общее впечатлѣніе выйдетъ самое смутное. Дѣло въ томъ, что въ подобномъ вопросѣ надобно отвѣчать ясно и категорически: да или нѣтъ. Меттерниховскія полумѣры, отвѣты *и да и нѣтъ* или *ни да ни нѣтъ* неприложимы и безсмысленны. Молодые женщины и дѣвушки нашего общества чувствуютъ потребность учиться; у нихъ пробуждается дѣятельность мысли; вопросъ въ томъ, дать ли имъ книги въ руки или нѣтъ, пустить ли ихъ въ университетъ или нѣтъ. Давая имъ книги и пуская ихъ въ университетъ, мы, мужчины, собственно говоря, ничего не дѣлаемъ, а только устраняемъ свое вліяніе и рѣшительно не принимаемъ на себя никакой отвѣтственности. Не давая книгъ и запирая двери университета, мы самымъ грубымъ образомъ посягаемъ на чужую свободу. Скажите же, въ какомъ образованномъ обществѣ возможенъ такой вопросъ? Вѣдь это все равно, что спросить печатно: нужно ли бить женщину кулакомъ, или нѣтъ. Неужели для разрѣшенія такого вопроса нужно обращаться къ исторіи, уяснять значеніе семейнаго начала, или ссылаться на права женщины передъ сводомъ законовъ какъ то дѣлаетъ Русскій Вѣстникъ. Научный вопросъ, историческое значеніе женщины въ древней и новой Россіи, можно обсуживать сколько угодно, и чѣмъ больше фактовъ вы наберете въ лѣтописяхъ, тѣмъ полнѣе и серьезнѣе будетъ ваше изслѣдованіе; но, если вы въ житейскій вопросъ вмѣшаете результаты вашихъ кабинетныхъ трудовъ, то это будетъ напрасная трата времени.

*

А время вещь какая?

Дѣйствительно, діалектическія тонкости, въ которыя пускаются наши журналы по поводу самыхъ простыхъ и понятныхъ вещей, какъ нельзя больше напоминаютъ читающей публикѣ знаменитаго метафизика, сваливагося въ яму и не рѣшающагося безъ предварительнаго размышленія схватить веревку, которую спускаетъ къ нему здравомыслящій практическій человѣкъ. «Фразы заѣли насъ» говоритъ Русскій Вѣстникъ въ своей статьѣ о г-жѣ Толмачевой (1861 г. Мартъ. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить къ дѣлу здравый смыслъ, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся въ фразы и выдвигаемъ впередъ вычитанную теорію; живой фактъ превращается въ отвлеченное, безжизненное и безпѣтное понятіе; это понятіе мы поварачиваемъ во все стороны; на цѣлыхъ страницахъ мы переливаемъ изъ пустаго въ порожнее и въ заключеніи подводимъ такіе результаты, которые на завтрашній же день, какъ мыльные пузыри, лопнуть отъ движенія жизни. Жизнь идетъ мимо литературы и журнальныя теоріи одна за другою сдаются въ архивъ и умираютъ, едва заявивши о своемъ существованіи.

V.

Жизнь наша бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, а между тѣмъ и эта бѣдная жизнь съ ея потребностями и стремленіями отражается довольно ясно только въ изящной словесности. Наша изящная словесность во всехъ отношеніяхъ стоитъ выше нашей критики, такъ что во многихъ случаяхъ критика не была въ состояніи дать отчета о художественномъ произведеніи, возбудившемъ всеобщее сочувствіе въ читающей публикѣ. О «воспитанницѣ» Островскаго не было сказано ни слова, а между тѣмъ какъ много говорить эта небольшая драма, какія живыя личности и положенія выступаютъ передъ воображеніемъ читателя! Если молчаніе критики о воспитанницѣ произошло отъ невниманія, то это непростительная оплошность; впрочемъ, трудно сдѣлать подобное предположеніе; вѣрнѣе то, что у нашей критики не достало силъ разобрать аналитически тѣ явленія, которыя въ стройныхъ образахъ явились передъ творческимъ сознаніемъ художника; сознаніе этого безсилія и нежеланіе отдѣлаться фразами отъ замѣчатель-

наго произведенія дѣлаетъ честь добросовѣстности нашихъ критиковъ; но самый фактъ безсилія—явленіе дѣйствительно существующее и, въ то же время, очень печальное. На изящную словесность намъ рѣшительно невозможно пожаловаться; она дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно и своими хорошими и дурными свойствами отражаетъ съ дагерротипическою вѣрностью положеніе нашего общества. Во первыхъ, все вниманіе ея сосредоточено на среднемъ сословіи, т. е. на томъ классѣ, который дѣйствительно живетъ и движется, для котораго смѣняются идеалы, взгляды на жизнь и вѣянія эпохи. Романы изъ жизни высшей аристократіи и изъ простоароднаго быта сравнительно довольно рѣдки, а явленіе писателя, подобнаго Марку Вовчку, писателя, сливающего свою личность съ народомъ, составляетъ совершенное исключеніе. Это предпочтеніе нашихъ художниковъ къ среднему сословію объясняется тѣмъ, что къ этому сословію принадлежитъ почти все то, что пишеть, читаетъ, мыслить и развивается. Высшая аристократія и простой народъ въ сущности мало измѣнились со временъ напр. Александра I; народъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и не перемѣнялъ даже покроя платья; аристократія перемѣнила костюмъ, приняла какія нибудь новыя привычки, но образъ мыслей, взглядъ на жизнь остались тѣ же и попрежнему напоминаютъ вѣкъ Людовика XIV. Что же касается до средняго сословія, то каждое дѣсятилѣтіе производитъ въ немъ замѣтную перемѣну; поколѣніе рѣзко отличается отъ поколѣнія; идеи европейскаго запада дѣйствуютъ почти исключительно на высшіе слои этого средняго класса; этотъ классъ наполняетъ собою университеты, держитъ въ рукахъ литературу и журналистику, ѣздитъ за границу съ ученою цѣлью, словомъ, онъ выражаетъ собою національное самосознаніе. Художникъ, который щетъ человѣческихъ чертъ, а не бытовыхъ подробностей, психологическаго, а не этнографическаго интереса, естественно обращается къ этому классу и изъ него черпаетъ матеріалы. Борьба идей, а не личностей, столкновеніе понятій и воззрѣній возможны только въ этомъ классѣ. Предметъ борьбы и столкновенія характеризуетъ собою эпоху и притомъ такъ вѣрно, что хорошій критикъ по одному внутреннему содержанію художественнаго произведенія, котораго герои взяты изъ средняго сословія, можетъ определить безошибочно то десятилѣтіе, въ которомъ оно возникло. Сравните, «героя нашего времени, «кто виновать?» и «дворянское гнѣздо» и вы увидите до какой степени измѣняются характерныя фizioноміи и понятія изъ десятилѣтій въ десятилѣтіе. Занимаясь пре-

вмущественно средним сословіемъ, наша изящная словесность обращаетъ свое вниманіе не столько на общество, сколько на человѣческую личность. Психологическій интересъ въ большей части нашихъ романовъ и повѣстей преобладаетъ надъ бытовымъ и социальнымъ. Дѣйствіе происходитъ обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится въ связь съ какимъ нибудь общественнымъ вопросомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ также отражается явленіе русской жизни; дѣло въ томъ, что у насъ, собственно говоря, нѣтъ общества, и до сихъ поръ не бывало такихъ движеній, которыя бы заинтересовали всѣхъ и дали почувствовать каждому, что онъ не только Петровъ или Ивановъ, но въ то же время гражданинъ Россіи; у насъ есть множество отдѣльных кружковъ, которые другъ друга не знаютъ и знать не хотятъ; внутренняя связь этихъ кружковъ иногда имѣетъ очень опредѣленный смыслъ, а иногда вовсе не имѣетъ смысла; въ нѣкоторыхъ случаяхъ кружокъ составляется изъ людей, связанныхъ между собою симпатією, единствомъ убѣжденій, сходствомъ характеровъ; большею частью, кружки основаны на связи чисто случайной, на родствѣ или свойствахъ, на сосѣдствѣ по деревнѣ, на товариществѣ по службѣ, на встрѣчѣ за бутылкою вина. Физиономію кружка часто очень удачно схватываетъ художникъ; въ этой физиономіи есть обыкновенно нѣсколько типическихъ чертъ, которыя каждому русскому понятны и знакомы; другія черты, составляющія индивидуальную собственность того или другаго кружка, тоже могутъ войти въ романъ, потому что идея художника должна выразиться въ самомъ опредѣленномъ обособленіи, такъ чтобы выведенныя личности были живыми людьми и въ то же время представителями извѣстнаго типа. Но для критики отсутствіе связи между отдѣльными кружками составляетъ рѣшительно камень преткновенія; какъ судить объ обществѣ, какъ наблюдать за проявленіями его жизни, когда общества нѣтъ, и когда жизнь общества ни въ чемъ не проявляется! Задача дѣйствительно мудреная, и за рѣшеніе этой задачи критика наша берется, сколько мнѣ кажется, не такъ, какъ слѣдовало бы. За неизвѣіемъ общества, она старается его выдумать; она пытается привить къ намъ общественные интересы, и истощается въ благородныхъ, но бесполезныхъ усиліяхъ; она хочетъ сдѣлать слишкомъ много, и потому ровно ничего не дѣлаетъ; она забываетъ, что критика можетъ только обсуживать существующія явленія, выражать потребности, носящіяся въ обществѣ, а не порождать новыя явленія и не будить въ обществѣ такія пот-

робности, для которыхъ еще нѣтъ почвы въ дѣйствительности. Забѣгать впередъ не дѣло критики; это значитъ разрушать живую связь между собою и читающимъ обществомъ; если критика 1861 года осталась непрочитанною или по прочтеніи не произвела на читателя никакого впечатлѣнія, то она навсегда пропала; вѣдь будущее поколѣніе не станетъ же разрывать старые журналы, чтобы искать въ нихъ идеи, приходящіяся по душѣ. Журналистика—дѣло нынѣшняго дня; что не прочитано сегодня, то уже устарѣло назавтра. Бѣлинскаго издають и читаютъ теперь преимущественно потому, что его съ жадностью читали его современники, потому что онъ былъ учителемъ цѣлаго поколѣнія, а не потому, что въ его критикѣ заключаются вѣчныя истины. Бѣлинскій дорогъ намъ не какъ мыслитель, а какъ выраженіе извѣстной эпохи. Самые недостатки Бѣлинскаго, его увлеченія, порывы страстности, вредящіе порою ясности критическаго взгляда, могли только содѣйствовать успѣху его критики. Эти недостатки принадлежали времени; ихъ раздѣляли съ Бѣлинскимъ лучшие люди той эпохи, и потому эти самые недостатки скрѣпляли связь между критикомъ и читателемъ. Ничего подобнаго не встрѣтишь въ теперешней критикѣ, потому что усвоить себѣ всѣ сочувствія извѣстной эпохи, всѣ ея сильныя и слабыя стороны, словомъ, воплотить въ себѣ эпоху можетъ только сильный талантъ, а нашимъ критикамъ именно недостаетъ силы и таланта. У нихъ есть кой какія знанія, есть честныя убѣжденія, благородныя стремленія, но нѣтъ той жизни, той энергіи и огня, которые неотразимымъ обаяніемъ дѣйствуютъ на общество и увлекаютъ за собою умы читателей. Этимъ недостаткомъ таланта объясняются ошибки нашей критики, ея безтактность, и главное, ея паразитическая мертвенность. Человѣкъ талантливый творитъ по внутренней потребности; онъ увлекается процессомъ творчества за предѣлы всякой теоріи, и увлекаетъ за собою слушателей или читателей; онъ иногда ошибается, противорѣчитъ себѣ, потому что впечатлительность и подвижность мысли часто мѣшаютъ ему разсмѣрять каждый шагъ и взвѣшивать каждое слово. Трудолюбивая посредственность часто найдетъ случай уличить его въ поверхностности, въ поспѣшности выводовъ, въ недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, но во всѣхъ этихъ ошибкахъ, въ самыхъ противорѣчіяхъ видна самородная сила мысли, отъ нихъ вѣетъ жизнью, и во имя этого обаятельнаго дыханія жизни вы охотно извините талантливому человѣку отдѣльные пробѣлы и недосмотры; задаться какою нибудь теоріею и

неотступать от нея въ теченіи всей своей дѣятельности—это невозможно для талантливаго человѣка; оторваться отъ интересовъ дѣйствительной жизни онъ рѣшительно не въ состояніи; его природа слишкомъ воспримчива и впечатлительна, чтобы не отозваться на то « что просить у сердца отвѣта ». Онъ можетъ расходиться съ своими современниками въ пониманіи житейскихъ вопросовъ и важнѣйшихъ интересовъ эпохи, онъ можетъ вступить съ ними въ открытую борьбу на жизнь и на смерть, но предметомъ этой борьбы будетъ дѣйствительная почва, а не отвлеченная, схоластическая теорія, созданная одностороннею работою мозга. Современная критика грѣшитъ именно тѣмъ, что она задеется теоріями и изобрѣтаетъ жизнь вмѣсто того, чтобы приглядываться и прислушиваться къ звукамъ окружающей дѣйствительности. Бѣдны, однообразны эти звуки, не слагаются они въ стройную гармонию,—все это правда, но вѣдь все таки это дѣйствительность, и самая ея бѣдность и однообразіе представляютъ намъ фактъ, способный вызвать слово сочувствія у дѣйствительнаго поэта, или навести истиннаго критика на плодотворныя размышленія. Эту бѣдность не замаскируешь самыми нестрыми декораціями фантазіи, да и кого обмануть эти декораціи? Дѣтей, невывучившихся отличать мишуру отъ золота, да тѣхъ жалкихъ людей, у которыхъ воображеніе преобладаетъ надъ чувствомъ, и которые способны жить одною головою и удовлетворяться тѣмъ, что въ ихъ мозгу господствуетъ строгая систематичность и существуетъ гармоническое согласіе между поселенными въ немъ идеями.

VI.

Наша изящная словесность представляетъ интересъ преимущественно психологическій; она разсматриваетъ человѣка, а не гражданина, не представителя извѣстной эпохи, не члена извѣстнаго общества. Черты народности, эпохи и общества встрѣчаются въ изобиліи въ создаваемыхъ его образахъ, потому что эти образы дѣйствительно художественны и слѣдовательно вполне опредѣлены; но эти черты составляютъ только необходимые аксессуары; что же касается до главныхъ пружинъ романическаго интереса, то онѣ обыкновенно скрываются во внутреннемъ развитіи отдѣльныхъ характеровъ, въ колоритѣ личныхъ

и семейныхъ отношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ. У насъ не было историческаго романа, за исключеніемъ «Капитанской дочки» Пушкина; у насъ нѣтъ до сихъ поръ соціального или нравоописательнаго романа. Въ этомъ отношеніи литература служитъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни; у насъ каждый занятъ собою и своимъ семейнымъ бытомъ; гражданскія доблести и патріотическое чувство пробуждаются только тогда, когда всѣмъ угрожаетъ опасность, какъ то было напр. въ 1812 году; вызванное общею опасностью, это патріотическое чувство равносильно чувству самосохраненія, возбужденному одновременно въ нѣсколькихъ милліонахъ людей. Эти милліоны поднимаются не для того, имъ кажется, чтобы отстоять какую нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы. Поднимаются всѣ вмѣстѣ потому, что каждому отдѣльно грозитъ опасность. Эта разрозненность не подлежитъ сомнѣнію. Хороша ли она, или нѣтъ, это вопросъ и, имъ кажется, вопросъ далеко нерѣшенный. Она мѣшаетъ единству гражданскаго дѣйствія, но зато развиваетъ личную оригинальность и самостоятельность. Трудно также рѣшить а priori, составляетъ ли эта разрозненность черту русскаго характера, или простое, временное слѣдствіе вышней организаціи нашего общества; какъ бы то ни было, фактъ существуетъ, и, если можно, изъ него нужно извлечь пользу. Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать голосомъ вопіющаго въ пустыни о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчать изыщная словесность, обладающая [большимъ тактомъ, наша критика сдѣлала бы очень хорошо, еслибы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній. Въ уясненіи этихъ вопросовъ нуждается всякій; эти вопросы затемнены и запутаны разнымъ старымъ ламомъ, который не мѣшало бы отодвинуть въ сторону, чтобы всѣмъ и каждому можно было непредубѣжденными глазами взглянуть на свѣтъ божій и на добрыхъ людей. Съ важнымъ видомъ взойти на кафедру, и ни съ того ни съ сего начать проповѣдь о челоѣческихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ было бы конечно смѣшно; я этого и не требую отъ нашей критики; но вы не забудьте того, что въ каждой книжкѣ каждаго толстаго журнала появляются повѣсти и романы; хорошія произведенія представляютъ намъ характеры и образы; посредственныя—выражаютъ стремленія и воззрѣнія авторовъ; и тѣ и другія могутъ дать поводъ къ обсужденію разныхъ сторонъ нашей всендневной жизни; а эти стороны нуждаются въ пересмотрѣ и въ

расширеніи; это выразилъ еще въ Петербургскомъ Сборникѣ талантливый и рыцарски-честный человекъ, авторъ статьи: «Капризы и раздумье» и эта мысль нашла себѣ полное сочувствіе въ теплой душѣ Бѣлинскаго. Отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ,—все это должно быть обсуживаемо и разсматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Это обсужденіе не должно привести къ составленію законовъ семейной нравственности. Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго, въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству. Выразать свои мысли и убѣжденія объ условіяхъ домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смѣлому пересмотру существующія формы, освященныя вѣками и потому подернувшіяся вѣковою плесенью. Говорить мелькомъ объ условной или мѣщанской нравственности принято въ современной литературѣ. Слово—условная нравственность сдѣлалась даже общимъ мѣстоимъ; повторяясь ежеминутно, это слово потеряло свой живой смыслъ, и обратилось въ побрякушку, не пробуждающую въ насъ никакого опредѣленнаго представленія; почему это такъ случилось? Насъ заѣли фразы, мы пустились въ діалектику, воскресили схоластику, и вращаемся въ заколдованномъ кругу словъ и отвлеченностей, которыя мѣшаютъ намъ видѣть настоящее дѣло. Вотъ напр. г. Григорьевъ пишетъ цѣлую статью объ отношеніи искусства къ нравственности; статья по своему направленію соответствуетъ духу времени, а между тѣмъ авторъ не выходитъ изъ сферы отвлеченностей и ни одного литературнаго типа не разбираетъ по отношенію къ затронутому вопросу; именъ встрѣчается довольно много, но по поводу этихъ именъ высказываются замѣчанія, относящіяся къ исторіи литературы, но не бросающія никакого свѣта на понятіе условной и истинной нравственности. Прочитавъ статью въ 23 страницъ, читатель убѣждается въ томъ, что г. Григорьевъ протестуетъ противъ «условной нравственности», но самое понятіе «условная нравственность» остается для него также мало опредѣленнымъ какъ напр. выраженія того же критика: «литыя формы» Карамзина (Время 1861 мартъ) или «казовые концы» нашего общества (Свѣточъ 1861 апрѣль). Заявить въ себѣ присутствіе того или дру-

гаго убѣжденія не трудно; тотъ фактъ, что вы прогрессистъ или обскурантъ, касается только васъ самихъ и вашихъ ближайшихъ знакомыхъ; публика не нуждается въ вашемъ голословномъ исповѣданіи вѣры; оно ни для кого не поучительно и можетъ быть даже не интересно; но если вы дадите себѣ трудъ развить отдѣльныя мысли вашего міросозерцанія, если вы покажете ихъ приложеніе къ дѣлу въ различныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, тогда публика увидитъ степень самостоятельности и искренности вашихъ убѣжденій, степень ихъ жизненности и практической примѣнимости; она увидитъ, что можно задуматься надъ выраженными вами идеями, и, можетъ быть, скажетъ вамъ спасибо за то, что вы дали ей поводъ къ тѣмъ или другимъ размышленіямъ. Есть множество истинъ простыхъ и понятныхъ, которыя однако не совѣтъ легко примѣнить, даже въ теоритическомъ разсужденіи, къ отдѣльнымъ случаямъ жизни. «Уважайте въ себѣ и въ другихъ человѣческую личность»—что можетъ быть проще этого правила; вѣроятно не найдется ни одного человѣка въ мірѣ, который рѣшился бы спорить противъ этой мысли, выраженной въ догматической формѣ, вѣроятно никто не найдетъ этого изреченія безнравственнымъ; а между тѣмъ, посмотрите вокругъ себя—вы встрѣтите на каждомъ шагу противорѣчія этому простому правилу практической нравственности; загляните въ исторію человѣчества, и вы убѣдитесь въ томъ, что оно даже теоретически не уяснило себѣ этой идеи. Можно сказать рѣшительно, что приложеніе принципа къ дѣлу гораздо важнѣе самаго принципа. Вѣроятно Русскій Вѣстникъ не рѣшится выставить на своемъ знамени цитату изъ Домостроя, вѣроятно онъ скажетъ смѣло, что ратуетъ за прогрессъ и за свободу человѣческой мысли и личности, а между тѣмъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые выразили свое неудовольствіе по поводу статьи Камня Виногорова, называетъ ихъ стаею, спущенною г. Михайловымъ, а всю исторію протеста клеймитъ именемъ возмутительнаго гама на площадяхъ русской литературы. Споры возникаютъ въ наше время не столько за принципъ, сколько за отдѣльныя частности въ его приложеніи къ дѣлу; въ основномъ принципѣ всѣ порядочные люди болѣе или менѣе согласны между собою; кто не сходится съ нами въ основаніи, съ тѣмъ мы считаемъ всякій споръ совершенно бесполезнымъ; вѣроятно, ни одинъ порядочный журналъ не вступитъ въ полемику съ «Домашнею бесѣдою» и не откликнется ни однимъ словомъ на кривлянія г. Аскоченскаго. Изъ всего этого слѣдуетъ, что критика будетъ тѣмъ жи-

вѣе и плодотворнѣе для общества, чѣмъ меньше будетъ въ ней отвлеченностей и общихъ взглядовъ, чѣмъ неуклоннѣе она будетъ слѣдить за движеніемъ жизни, и чѣмъ внимательнѣе будетъ обсуживать отдѣльныя явленія науки и искусства, даже отдѣльные случаи всендневной жизни.

Помилуйте, вы низводите критику на степень городской сплетницы, скажутъ съ ужасомъ тѣ литераторы, которые прежде всего гонятся за серьезностью направленія и за величіемъ и строгостью идеи. Господа, отвѣчу я, не будемъ обманывать самихъ себя: вѣдь мы должны писать для общества, слѣдовательно должны заниматься тѣмъ, что всѣмъ доступно и всѣмъ можетъ принести пользу. Какойнибудь общественный скандалъ въ данную минуту интересуется публику гораздо больше, нежели рѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ ли у насъ западники и славянофилы; по поводу этого общественного скандала вы можете развить нѣсколько свѣтлыхъ идей и заронить въ вашихъ читателей кое какіе задатки развитія и движенія впередъ. Спрашивается, по какому же побужденію вы не воспользуетесь этимъ случаемъ? Потому, скажете вы, что не желаете уронить достоинства идеи, не желаете вмѣшаться въ толпу крикуновъ и свистуновъ, etc etc. Что за щепетильность, что за брезгливость, что за фешенебельное и въ то же время педантическое презрѣніе къ тѣмъ интересамъ, которые волнуютъ окружающихъ васъ людей. Какъ критикъ, вы должны помогать общественному самосознанію и не оставаться, сложа руки, когда общество рискуетъ ошибиться, или когда является возможность высказать ему нѣсколько истинъ. Олимпийское спокойствіе можетъ быть очень умѣстно въ ученomъ собраніи, но оно ни куда негодится на страницахъ журнала, служащаго молодому, еще не перебродившему обществу. Если вашъ утонченный слухъ не терпитъ рѣзкихъ звуковъ, откажитесь отъ критической дѣятельности, приводящей васъ въ соприкосновеніе съ живымъ и безалабернымъ міромъ людей; плохой тотъ медикъ, который блѣднѣетъ при видѣ крови, и падаетъ въ обморокъ, когда нужно перевязывать рану больного; плохой тотъ критикъ, который не въ состояніи вынести шума житейскихъ толковъ и потому можетъ познакомиться съ жизнью только по книгамъ, написаннымъ высокимъ слогомъ и проникнутымъ олимпийскимъ спокойствіемъ. Но, извините, между медикомъ и критикомъ большая разница. Медикъ не виноватъ въ томъ, что у него слабы нервы; онъ борется съ собою и не можетъ побѣдить себя; что же касается до щепетильнаго критика, то онъ очевидно напус-

касть на себя дурь и даже любитесь тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ относится къ суевающейся мелюзгѣ. «Время» говорило о литературныхъ генералахъ; помяните, да у насъ есть не только литературные генералы, а просто литературные богдыханы, которые сердятся за всякое громкое слово и пушатъ насъ, какъ мальчишекъ, за отсутствіе серьезности и за то, что мы смѣемъ безпокоить ихъ барскія уши и нарушать ихъ величавую полудремоту. Попробуйте написать рѣзкую критическую статью: Отечественныя Записки сейчасъ обвинять васъ въ гарцованіи, въ срамословіи и скверномыслии (Sic!), а Русскій Вѣстникъ крикнетъ изъ Москвы: «молчать мальчишки, не смѣйте разсуждать, когда я говорю».

Все это было бы почти грустно, еслибы не было въ высшей степени смѣшно.

· VII.

Стремленіе къ серьезности, господство теорій, переходящихъ порою въ рутину, отвлеченность и вслѣдствіе этого безжизненность содержанія и неясность внѣшней формы составляютъ неотъемлемое достояніе нашей современной критики. Она гордится этими свойствами и держитъ въ запасѣ нѣсколько казенныхъ фразъ, которыми эти слабости и недостатки возводятся въ высшія достоинства; отворачиваться отъ явленій дѣйствительности значитъ служить вѣчнымъ интересомъ мысли; туманныя отвлеченности называются философіею; даже самый осязательный недостатокъ—неясность формы—не встрѣтилъ себѣ до сихъ поръ—опредѣленно выраженнаго протеста въ печати. Словомъ, средневѣковая схоластика и египетская символика живутъ въ нашей періодической литературѣ, несмотря на изобрѣтеніе Гутенберга, которое, какъ мы знаемъ по самымъ элементарнымъ учебникамъ, должно было разбить замкнутость ученаго сословія и сдѣлать науку достояніемъ массы. Схоластика оправдывается условіями своего времени; египетская символика вытекла изъ религіи и поддерживалась народнымъ характеромъ, любившимъ таинственность и мистическій мракъ; но въ наше время схоластическое отчужденіе отъ жизни и символическая загадочность выраженія составляютъ печальный анахронизмъ. Попытки нѣкоторыхъ критиковъ построить эсте-

тическую теорію и уяснить вѣчные законы изящнаго рѣшительно не удалось, и не удалось именно потому, что нашъ вѣкъ уже не ловится на теоріи и не повинуется слѣпо вымышленнымъ законамъ. Прошли тѣ времена, когда Буало и Батте, законодатели ложнаго классицизма, могли произвольно обрѣзывать область творчества и выбрасывать изъ нея все низкое (т. е. не высокое) и пошлое (т. е. обыденное). У насъ въ журнальной критикѣ былъ моментъ, когда теорія сразилась съ интересами жизни и употребила всѣ усилія, чтобы поворотить движеніе мысли туда, куда требовалось, сообразно съ буквою эстетическаго закона; схватка, происшедшая между теоретиками и практиками, была жаркая, и какъ того слѣдовало ожидать, теоретики не остановили теченія жизни, и отошли въ сторону, пожимая плечами, Дѣло шло объ обличительной литературѣ. Надо было рѣшить, законное ли она явленіе, или нѣтъ. Собственно говоря, въ рѣшеніи этого вопроса никто не нуждался; публика съ наслажденіемъ читала «Губернскіе очерки» Щедрина, нисколько не заботясь о томъ, осудитъ или оправдастъ его наша критика; но рьяные систематики, любящіе систему для системы, не могли быть спокойны, пока не нашли той категоріи, въ которую можно было включить произведенія новаго беллетриста. Эти систематики возстали противъ обличительной литературы и съ фанатическимъ жаромъ вступились за отвлеченное понятіе искусства. Г. Ахшарумовъ помѣстилъ даже въ Отечествен. Зап. 1858 года статью подъ громкимъ заглавіемъ: «Порабощеніе искусства.» Словомъ, господа теоретики такъ горячо вступились за отвлеченное понятіе, какъ вступаются только за живаго человѣка, когда ему наносятъ тяжелое оскорбленіе. Слушая ихъ, можно было подумать, что не повѣсти и романы пишутся для того, чтобы удовлетворить творческому стремленію авторовъ и доставить публикѣ эстетическое наслажденіе, а наоборотъ—писатели и публика существуютъ: первые для того, чтобы писать, а послѣдніе для того, чтобы читать художественныя произведенія. Теорія здѣсь, какъ и вездѣ, посягала на свободу писателей и читателей; здѣсь, какъ и вездѣ, она обнаруживала крайнюю близорукость и крайнее незнаніе жизни. Она хотѣла передѣлать жизнь по своему и подчинить своимъ приговорамъ творчество художника и вкусъ цѣнителя. Она не поняла того, что протестъ былъ насущною потребностью русскаго общества въ лицѣ наиболѣе развитыхъ его представителей; она не захотѣла выкинуть въ то, что протестъ могъ выразиться только въ

взяцкой словесности и что на этомъ основаніи наши протестанты съ жадностью ухватились за эту форму. Критика отстала отъ общества и отъ взяцкой словесности, и, толкуя объ исторіи, сама забыла приложить историческую оцѣнку къ невиданному явленію. Она заговорила объ абсолютныхъ законахъ творчества и не сообразила того, что абсолютной красоты нѣтъ, и что вообще понятіе красоты лежитъ въ личности цѣнителя, а не въ самомъ предметѣ. Что на мои глаза прекрасно, то вамъ можетъ не нравиться; что приходилось по вкусу нашимъ отцамъ, то можетъ наводить на насъ сонъ и дремоту; Негритянка, которая своему соотечественнику покажется воплощеніемъ красоты, навѣрное не понравится европейцу. Красота чувствуется, а не мѣряется аршиномъ; требовать, чтобы художественное произведеніе приводило зрителей или слушателей въ одинаковое настроеніе, значить желать, чтобы у всѣхъ этихъ господъ равномѣрно бился пульсъ, а сдѣлать это очень трудно; намъ извѣстно изъ исторіи, что Карлъ V во время своего пребыванія въ монастырѣ св. Юста при всѣхъ усиліяхъ не успѣлъ привести къ равномѣрному ходу двухъ стѣнныхъ часовъ. Человѣческій организмъ будетъ посложнѣе стѣнныхъ часовъ; къ-тому же онъ образуется и развивается помимо нашей воли; изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что законодатели-эстетики напрасно стараются добраться до такихъ законовъ, которые на практикѣ признало бы все человѣчество.—Вы можете рядомъ силлогизмовъ доказать мнѣ, что такое то произведеніе художественно, но если это произведеніе не подѣйствовало на мою нервную систему, то, прочитавши вашу рецензію, я останусь къ нему также холоденъ, какъ и прежде.—Если, стоя передъ картиною, вы предварительно отдаете себѣ отчетъ въ правильности рисунка, въ вѣрности выраженія и въ живости колорита, а уже потомъ начинаете наслаждаться общимъ впечатлѣніемъ, то это доказываетъ, что картина писана не художникомъ, а трудолюбивымъ и ученымъ техникомъ, или что вы, цѣнитель, до такой степени пропитаны теоретическими знаніями, что научный элементъ задушилъ въ васъ живое чувство и непосредственную воспримчивость къ явленію красоты. Это значить, что вы заучились, и что ваши мыслительныя силы развились въ ущербъ остальнымъ отправленіямъ вашего организма. Мы, обыкновенные люди, идемъ обратнымъ путемъ, отъ синтеза къ анализу, т. е. сначала чувствуемъ впечатлѣніе, а потомъ отдаемъ себѣ отчетъ въ причинахъ этого впечатлѣнія. Если я не почувствовалъ красоты, то не стану

справляться съ мнѣніемъ знатоковъ, а подожду, пока большее количество жизненнаго опыта не дастъ мнѣ средствъ самостоятельно наладиться даннымъ произведеніемъ, или, пока тотъ же жизненный опытъ не покажетъ мнѣ, что я былъ правъ передъ собственною личностью, пройдя совершенно равнодушно мимо этого произведенія. Личное впечатлѣніе и только личное впечатлѣніе можетъ быть мѣриломъ красоты. Пусть всякій критикъ передаетъ намъ только то, какъ на него подѣйствовало то или другое поэтическое произведеніе; пусть онъ даетъ публикѣ отчетъ въ своемъ личномъ впечатлѣніи, и тогда каждая критическая статья будетъ такъ же искренна и жива, какъ лирическое стихотвореніе истиннаго поэта; тогда рецензія будетъ создаваться, вытекать изъ души критика, а не строиться механически, какъ строится она теперь. Тогда критика будетъ дѣломъ таланта, и бездарность не будетъ въ состояніи укрыться за чужую теорію, превратно понятую и превратно передаваемую. Это конечно *ria desideria*. Бездарность никогда не откажется отъ критической дѣятельности уже потому, что не сознаетъ себя бездарностью. Бездарность никогда не откажется отъ теорій, потому что ей необходимъ критеріумъ, на которомъ можно было бы строить свои приговоры, необходима надежная стѣна, къ которой можно было бы прислониться. Въдъ высказывается же въ нашей журналистикѣ мнѣніе о томъ, что литература наша *страдаетъ* отсутствіемъ авторитетовъ (Отечеств. Зап. 1861. Февраль, Русск. Лит. стр. 76), точно будто въра въ авторитетъ или въ теорію составляетъ необходимое условіе жизни. Если такое мнѣніе до сихъ поръ высказывается даже въ догматической формѣ, то очевидно, оно будетъ жить очень долго, можетъ быть даже никогда не умретъ, потому что вѣроятно не переведутся въ обществѣ такіе люди, которые по вялости и робости мысли не рѣшаются стать на свои ноги и постоянно напрашиваются къ кому нибудь подъ умственную опеку. Тѣмъ не менѣе было бы очень хорошо, еслибы въра въ необходимость теорій была подорвана въ массѣ читающаго общества. Строго проведенная теорія непремѣнно ведетъ къ стѣсненію личности, а вѣрять въ необходимость стѣсненія значитъ смотрѣть на весь міръ глазами аскета и истязать самого себя изъ любви къ искусству. Въ вопросѣ объ обличительной литературѣ теорія эстетики выказала всю свою несостоятельность. Дѣло было такъ просто, что возвести его въ теоретическій вопросъ и толковать о немъ больше трехъ лѣтъ могли только Метафизикъ Хемницера, да наша заучившая-

ся критика. Дѣло состояло въ томъ, что въ журналахъ рядомъ съ некоторыми замѣчательными очерками Щедрина стали появляться посредственные рассказы и сцены съ обличительными стремленьями и съ худо скрытою нравоучительною цѣлью. Посредственные беллетристическія произведенія ни въ какой литературѣ не составляютъ рѣдкости, а у насъ ими хоть прудъ пруди; каждый журналъ ежемѣсячно вноситъ на алтарь отечества свою послынную лепту, въ теченіи года возникаетъ отъ 60 до 80 повѣстей, и конечно въ этомъ числѣ по крайней мѣрѣ $\frac{9}{10}$ никуда не годятся. Литературныя посредственности обладаютъ обыкновенно значительною гибкостью, потому что они дѣлаютъ, а не творятъ свои произведенія. Увидя успѣхъ щедринскихъ рассказовъ, эти господа пустились въ подражаніе, и можно сказать положительно, что они хорошо сдѣлали. Ихъ повѣсти не могли имѣть художественнаго значенія ни въ какомъ случаѣ; когда они взялись за обличеніе, ихъ очерки получили житейскій интересъ. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «поэтъ и чернь» спрашиваетъ:

Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

и какъ извѣстно, выражаетъ ту мысль, что поэты созданы для пѣнопѣній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Пушкина, но позволю себѣ одинъ нескромный вопросъ: неужели можно назвать жрецами искусства гг. Карновича, С. Федорова, Основскаго, г-жу Вахновскую, Нарскую, г. Кугрушева etc. etc.? Мнѣ кажется, эти господа могутъ смѣло взять метлу въ руки, нисколько не роняя своего достоинства. Красота формы имъ недоступна; пускай же они рассказываютъ интересные житейскіе случаи, это будетъ гораздо занимательнѣе для читателя, чѣмъ тѣ сентиментально блѣдные романы, которые производятъ г-жи Нарская и Вахновская. Но наша критика увидала въ наплывѣ обличительныхъ очерковъ новое направленіе, опасное для искусства, точно будто сфера искусства доступна для людей безъ дарованія, и точно будто истинное дарованіе можетъ сбиться съ пути какимъ нибудь господствующимъ направленіемъ. Явились также защитники обличительной литературы, доказывавшіе, что гражданскій протестъ есть прямая обязанность искусства. Спорящія стороны были достойны другъ друга и одинаково смѣшны для безпристрастнаго наблюдателя. Я бы имъ посоветовалъ пробѣжать мимо академіи художествъ, прочесть на фронтонѣ надпись

«свободнымъ художествамъ» и подумать о смыслѣ этихъ словъ. Спорящія стороны вспомнили бы, можетъ быть, что свобода въ выборѣ и обработкѣ сюжета также необходима для художника, какъ для насъ съ вами воздухъ и пища; что ни наталкивать художника на какую нибудь задачу, ни насильно оттаскивать его отъ нея нельзя; они поняли бы тогда, можетъ быть, что искренній крикъ негодованія, вырвавшийся у художника при видѣ общественныхъ гадостей, составляетъ такой же драгоценный моментъ его творческой дѣятельности, какъ спокойное созерцаніе прекраснаго образа; другая сторона поняла бы, что этотъ крикъ негодованія только тогда дѣйствительно силенъ, когда онъ не поддѣланъ, а вырывается невольно изъ груди дѣйствительно раздраженнаго человѣка; она поняла бы, слѣдовательно, что сердиться на художника за отсутствіе подобныхъ криковъ значить посягать на его личную свободу и заставлять человѣка плакать или смѣяться, когда ему не грустно или не смѣшно. Что же касается до обличительнаго мусора, заваливашаго наши журналы 1857 и 1858 годовъ, то обѣ стороны хорошо бы сдѣлали, еслибы совершенно не спорили о немъ. Мусоръ — явленіе неизбежное и никакое направленіе литературы его не уничтожить; если же выбирать изъ двухъ золъ лучшее, то конечно можно выбрать обличительный родъ, который хоть не изображаетъ жизни, но по крайней мѣрѣ рассказываетъ о ней. Замѣчательно, что до сихъ поръ состязаніе двухъ направленій нашей критики не прекратилось или не забыто. Г—бовъ до нашихъ временъ въ началѣ каждой статьи прохаживается насчетъ эстетической критики, а г. Григорьевъ оплакиваетъ паденіе истинной поэзіи, видитъ въ Тургеневѣ послѣдняго Могикаша чистаго искусства и даже въ послѣдней, очень туманной статьѣ своей «объ идеализмѣ и реализмѣ» (Свѣточъ. 1861, апрѣль) является робкимъ ходатаемъ идеализма, который по его мнѣнію воплотился въ Тургеневѣ.—Обѣ стороны, т. е. критики, старающіеся запретъ поэзію въ возъ, и критики, стремящіеся къ безпредѣльности и къ вѣчной красотѣ, спорятъ между собою, дѣлаютъ другъ на друга колкіе намеки, обжигаются ими, отвѣчаютъ на нихъ упреками, — и, хоть бы одинъ разъ, на досугѣ, они подумали: «изъ чего мы хлопочемъ? Кого интересуютъ наши кровавые споры? Зачѣмъ и на что мы трѣтимъ энергію? На кого наши слова будутъ имѣть вліяніе?» Да, господа, Крыловъ не умретъ, и его басня: «муха и дорожные» не разъ найдеть себѣ приложеніе.

VIII.

Наше время рѣшительно не благопріятствуетъ развитію теорій. Народъ хитрѣе сталъ, какъ выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится. Умъ нашъ требуетъ фактовъ, доказательствъ; фраза насъ не отуманитъ и въ самомъ блестящемъ и стройномъ созданіи фантазіи мы подмѣтимъ слабость основанія и произвольность выводовъ. Фанатическое увлеченіе идеею и принципомъ вообще, сколько мнѣ кажется, не въ характерѣ русскаго народа. Здравый смыслъ и значительная доля юмора и скептицизма составляетъ, мнѣ кажется, самое замѣтное свойство чисто русскаго ума, мы болѣе склоняемся къ Гамлету, чѣмъ къ Донъ Кихоту; намъ мало понятны энтузіазмъ и мистицизмъ страстнаго адепта. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что ни одна философія въ мірѣ не привѣтся къ русскому уму такъ прочно и такъ легко, какъ современный, здоровый и свѣжій матеріализмъ. Діалектика, фразерство, споры на словахъ и изъ за словъ совершенно чужды этому простому ученію. До фразъ мы коварно большіе охотники, но насъ въ этомъ случаѣ занимаетъ процессъ фразерства, а не сущность той мысли, которая составляетъ предметъ разсужденія или спора. Русскіе люди способны спорить о какойнибудь высокой матеріи битыхъ шесть часовъ и потомъ когда пересохнетъ горло и охрихнетъ голосъ, отнестись къ предмету спора съ самою добродушною улыбкою, которая покажетъ ясно, что въ сущности горячившемуся господину было очень мало дѣла до того, о чемъ онъ кричалъ. Эта черта нашего характера привела бы въ отчаяніе добросовѣстнаго Нѣмца, а въ сущности это пресимпатичная черта. Фанатизмъ подъ-часъ бываетъ хорошъ, какъ историческій двигатель, но въ повседневной жизни онъ можетъ повести къ значительнымъ неудобствамъ. Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣе промочетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человѣкомъ не тяжелымъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненные передѣлки достаются легко; разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія; паденія будутъ легкія, потому что вы не будете взи-раться на недосягаемую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а

*

наслаждениемъ, занимательною книгою, въ которой каждая страница отличается отъ предыдущей и представляетъ свой оригинальный интересъ. Не стѣняя другихъ непрощенными заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; вы будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство и съ благодарностью, или вѣрнѣе съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ приносить. Еслибы всѣ въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ, и повиновались бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга, и не вѣшиваясь въ чужія дѣла, то право тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ, нежели теперь, когда о васъ заботятся чуть не съ колыбели сотни людей, которыхъ вы почти не знаете, и которые васъ знаютъ не какъ личность, а какъ единицу, какъ члена извѣстнаго общества, какъ недѣлимое, носящее то или другое фамильное прозвище.

Возможность такого порядка вещей представляетъ конечно неосуществимую мечту, но почему же не отнестись добродушно къ мечтѣ, которая не ведетъ за собою вредныхъ послѣдствій и не переходитъ въ мономанію. Міръ мечты можетъ тоже сдѣлаться обильнымъ источникомъ наслажденія, но этимъ источникомъ надо пользоваться съ крайнею осторожностью. Самый крайній матеріалистъ не отвергнетъ возможности наслаждаться игрою своей фантазіи или слѣдить за игрою фантазіи другаго человѣка. Въ первомъ случаѣ, на первомъ процессѣ основанъ процессъ поэтическаго творчества; на второмъ—процессъ чтенія поэтическихъ произведеній. Но съ другой стороны самый необузданный идеализмъ происходилъ именно отъ того, что элементъ фантазіи получалъ слишкомъ много простора и разыгрывался въ чужой области, въ области мысли, въ сферѣ научнаго изслѣдованія. Пока я сознаю, что вызванные мною образы принадлежатъ только моему воображенію, до тѣхъ поръ я тѣшусь ими, я властвую надъ ними и воленъ избавиться отъ нихъ, когда захочу. Но какъ только яркость вызванныхъ образовъ ослѣпила меня, какъ только я забылъ свою власть надъ ними, такъ эта власть и пропала; образы переходятъ въ призраки и живутъ помимо моей воли, живутъ своею жизнью, даютъ меня, какъ кошмаръ, оказываютъ на меня вліяніе, господствуютъ надо мною, внушаютъ мнѣ страхъ, приводятъ меня въ напряженное состояніе. Такъ напр. Пелазгъ создавалъ свою первобытную религію и падалъ во прахъ передъ созданіемъ собственной мысли.

Галлюцинація его была ослѣпительно ярка; критика была слишкомъ слаба, чтобы разрушить мечту; борьба между призракомъ и человекомъ была не ровная, и человекъ склонялъ голову и чувствовалъ себя подавленнымъ, пригнутымъ къ землѣ....

Шутить съ мечтой опасно; разбитая мечта можетъ составить несчастіе жизни; гоняясь за мечтою, можно прозвать жизнь или въ порывѣ безумнаго воодушевленія принести ее въ жертву. У такъ называемыхъ положительныхъ людей мечта принимаетъ формы болѣе солидныя и превращается въ условный идеалъ, наслѣдованный отъ предковъ и носящійся передъ цѣлымъ сословіемъ или классомъ людей. Идеалъ человека *comme il faut*, человека дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника—все это мечты, которымъ многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мешаютъ беззаветному наслажденію. Да какъ же жить, спросите вы, неужели безъ цѣли? Цѣль жизни! какое громкое слово, и какъ часто оно оглушаетъ и вводитъ въ заблужденіе, отуманивая слишкомъ доверчиваго слушателя. Посмотримъ на него поближе. Если вы поставите себѣ цѣлью такую дѣятельность, къ которой стремится ваша природа, то вы дадите себѣ только лишній трудъ; вы бы сами пошли по тому пути, на который навело васъ размышленіе; непосредственный инстинктъ натолкнулъ бы васъ на прямую дорогу и натолкнулъ бы, можетъ быть, скорѣе и вѣрнѣе, нежели навелъ тщательный анализъ; если же, Боже упаси, вы поставите себѣ цѣль, несовмѣстную съ вашими наклонностями, тогда вы себѣ испортите жизнь; вы потратите всю энергію на борьбу съ собой; если не побѣдите себя, то останетесь недовольны; если побѣдите себя, тогда вы сдѣлаетесь автоматомъ, чисто—разсудочнымъ, сухимъ и вялымъ человекомъ. Старайтесь жить полною жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду заведенному порядку и вкусу толпы — и живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли; цѣль сама найдется, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, нежели вы ихъ предложите. Васъ затрудняетъ, можетъ быть, одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человечеству?

Объ этомъ нечего заботиться. Человекъ отъ природы существо очень доброе, и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чув-

ства къ окружающимъ людямъ и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія, а не изъ сознанія долга, т. е. не доброй волѣ, а не по нравственному принужденію. Вы подумаете, можетъ быть, что я указываю вамъ на *état de la nature*, и обратите мое вниманіе на то, что дикари, живущіе въ первобытной простотѣ нравовъ, далеко не отличаются добродушіемъ и доводятъ эгоизмъ до полнѣйшей животности. На это я отвѣчу, что дикари живутъ при такихъ условіяхъ, которыя мѣшаютъ свободному развитію характера; во первыхъ, они подчинены вліянію вѣтшей природы, между тѣмъ какъ мы успѣли уже отъ негѣ избавиться; во вторыхъ, они вѣрятъ въ тѣ призракѣ, о которыхъ я говорилъ выше; въ третьихъ, они болѣе или менѣе стремятся къ условному идеалу, и идеаль у нихъ одинъ, потому что вся дѣятельность ограничивается охотою и войною; присутствіе этого идеала оказываетъ самое стѣснительное вліяніе на живыя силы личности. Изъ всего этого слѣдуетъ заключеніе, что развитіе недѣлимаго можно сдѣлать независимымъ отъ вѣтшихъ стѣсненій только на высокой степени общественнаго развитія; эманципация личности и уваженіе къ ея самостоятельности является послѣднимъ продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи. Дальше этой цѣли мы еще ничего не видимъ въ процессѣ историческаго развитія, и эта цѣль еще такъ далека, что говорить о ней значитъ почти мечтать. Набросанныя мною мысли, вылившіяся изъ глубины души, составляютъ основу цѣлаго міросозерцанія; вывести всѣ послѣдствія этихъ идей не трудно, и я надѣюсь, что читатель, если захочетъ, будетъ въ состояніи по начерченному плану возсоздать въ воображеніи все зданіе. Къ сожалѣнію наша критика не высказала до сихъ поръ этихъ идей и относилась къ эгоизму, какъ къ пороку, а въ фокусахъ и подвигахъ самопожертвованія видѣла высокую добродѣтель. До сихъ поръ, касаясь философіи жизни, она считаетъ идеаль совершенною необходимостью и въ стремленіи къ идеалу, въ сознаніи долга видитъ самыя живыя стороны человѣческой личности и дѣятельности. Стремленіе къ наслажденію она называетъ свойствомъ чисто животнымъ, но допускаетъ однако, что изъ этого же источника можетъ развиваться благородное и высокое стремленіе къ самосовершенствованію. Система глубоко вкоренилась въ нашу нравственную философію и ховайничаетъ въ области человѣческихъ мыслей и чувствъ, не обращая никакого вниманія на самаго хозяина. Теоретикамъ нѣтъ дѣла до того, что есть въ наличности; они говорятъ: такъ должно

быть, поворачиваютъ все вверхъ дномъ и утѣшаются тѣмъ, что внесли симметрію и систему въ живой міръ явленій. Кто хоть по пальшкѣ знакомъ съ философіею исторіи Гегеля, тотъ знаетъ, до какихъ поразительныхъ крайностей можетъ довести даже очень умнаго человѣка манія всюду соваться съ законами и всюду вносить симметрію. Если вы читали въ «Отеч. Зап.» прошлаго года прекрасную статью г. Вагнера: «Природа и Мильль Эдвардсъ,» то вы могли убѣдиться въ томъ, что въ сферѣ естественныхъ наукъ рьяное систематизированіе ведетъ къ поразительнымъ и осозательнымъ нелѣпостямъ. Внесенная въ область человѣческой нравственности, система не ведетъ къ такимъ явнымъ нелѣпостямъ, только потому, что мы привыкли смотрѣть на вещи ея глазами; мы живемъ и развиваемся подѣ вліаніемъ искусственной системы нравственности; эта система давитъ насъ съ колыбели, и потому мы совершенно привыкаемъ къ этому давленію; мы раздѣляемъ этотъ гнетъ системы со всѣми образованными міромъ. — — —

Но оставаясь для насъ незамѣтнымъ, это умышленное и нравственное рабство медленнымъ ядомъ отравляетъ нашу жизнь; мы умѣшленно раздваиваемъ свое существо, наблюдаемъ за собою, какъ за опаснымъ врагомъ, хитримъ передъ собою, и ловимъ себя въ хитрости, боремся съ собою, побѣждаемъ себя, находимъ въ себѣ животныя инстинкты и ополчаемся на нихъ силою мысли; вся эта глупая комедія кончается тѣмъ, что передъ смертію мы, подобно римскому императору Августу, можемъ спросить у окружающихъ людей: «хорошо ли я сыгралъ свою роль?» Нечего сказать! Пріятное и достойное препровожденіе времени! Поневоля вспомнишь слова Нестора: «никто же ихъ не биша, сами ся мучиху.»

IX.

Материализмъ сражается только противъ теорій; въ практической жизни мы всѣ матеріалисты и всѣ идемъ въ разладъ съ нашими теоріями; вся разница между идеалистомъ и матеріалистомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеаль служитъ высшимъ утѣкомъ и постояннымъ кошмаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя свободнымъ и правымъ, когда никому не дѣлаетъ фак-

тическаго зла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ; вы садитесь за письменный столъ и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ и если ваша тетрадь или книга не попадетъ вамъ на глаза или подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя бы ваше сознание говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахара, то вы сейчасъ же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо увѣрены въ томъ, что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столько сахара, сколько кладете обыкновенно. Вы видите такимъ образомъ, что самое твердое убѣжденіе разрушается при столкновеніи съ очевидностью и что свидѣтельству вашихъ чувствъ вы невольно придаете гораздо больше значенія, нежели соображеніямъ вашего разсудка. Проведите это начало во всѣ сферы мышленія, начиная отъ низшихъ до высшихъ и вы получите полнѣйшій материализмъ: я знаю только то, что вижу, или вообще въ чемъ могу убѣдиться свидѣтельствомъ моихъ чувствъ. Я самъ могу поѣхать въ Африку и увидеть ея природу и потому принимаю на вѣру рассказы путешественниковъ о тропической растительности; я самъ могу провѣрить трудъ историка, сличивши его съ подлинными документами, и потому допускаю результаты его изслѣдованій; поэтъ не даетъ мнѣ никакихъ средствъ убѣдиться въ вещественности выведенныхъ имъ фигуръ и положеній, и потому я говорю смѣло, что они не существуютъ, хотя и могли бы существовать. Когда я вижу предметъ, то не нуждаюсь въ діалектическихъ доказательствахъ его существованія; *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности*. Когда мнѣ говорятъ о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидеть, или ощупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не существуетъ. *Невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія*. Вотъ каноника матеріализма, и философы всѣхъ временъ и народовъ сберегли бы много труда и времени и во многихъ случаяхъ избавили бы своихъ усердныхъ почитателей отъ безплодныхъ усилій понять несуществующее, еслибы не выходили въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ круга предметовъ, доступныхъ непосредственному наблюденію. Въ исторіи чело- вѣчества было нѣсколько свѣтлыхъ головъ, указывавшихъ на границы познаванія, но мечтательныя стремленія въ несуществующую безпре- дѣльность обыкновенно одерживали верхъ надъ холодною критикою

скептического ума и вели къ новымъ надеждамъ и къ новымъ разочарованіямъ и заблужденіямъ. За греческими атомистами слѣдовали Сократъ и Платонъ; рядомъ съ эпикуреизмомъ жилъ ново-платонизмъ; за Бекономъ и Локке, за энциклопедистами XVIII вѣка послѣдовали Фихте и Гегель; легко можетъ быть, что послѣ Фейербаха, Фохта и Молешота возникнетъ опять какая нибудь система идеализма, которая на мгновеніе удовлетворитъ массу больше, нежели можетъ удовлетворить ее трезвое міросозерцаніе матеріалистовъ. Но что касается до настоящей минуты, то нѣтъ сомнѣнія, что одолеваетъ матеріализмъ; всѣ научныя изслѣдованія основаны на наблюденіи, и логическое развитіе основной идеи, развитіе, не опирающееся на факты, встрѣчаетъ себѣ упорное недовѣріе въ ученое мѣрѣ. Не послѣдовательности выводовъ требуемъ мы теперь, а дѣйствительной вѣрности, строгой точности, отсутствія личнаго произвола въ группировкѣ и выборѣ фактовъ. Естественныя науки и исторія, опирающаяся на тщательную критику источниковъ, рѣшительно вытѣсняють умозрительную философію; мы хотимъ знать, что есть, а не догадываться о томъ, что можетъ быть. Германія — отечество умозрительной философіи, классическая страна новѣйшаго идеализма, породила поколѣніе современныхъ эмпириковъ и выдвинула впередъ цѣлую школу мыслителей, подобныхъ Фейербаху и Молешоту. Филологія стала сближаться въ своихъ выводахъ съ естественными науками и избавляется мало по малу отъ мистическаго взгляда на человѣка вообще и на языкъ въ особенности. Извѣстный молодой ученый, Штейнталь, комментировавшій Вильгельма Гумбольдта въ замѣчательной брошюрѣ «Языкознаніе В. Гумбольдта и философія Гегеля» откровенно сознается въ томъ, что умозрительная философія сама по себѣ существовать не можетъ, что она должна слиться съ опытомъ и изъ него черпать всѣ свои силы; онъ понимаетъ философію только какъ осмысленіе всякаго знанія и внѣ области видимыхъ, единичныхъ явленій не видитъ возможности знанія и мышленія. Не забудьте, что это голосъ изъ противоположнаго лагеря, голосъ со стороны гуманистовъ, людей не привыкшихъ обращаться съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ, и по самому роду своихъ занятій расположенныхъ искать высшихъ причинъ и двигательныхъ силъ; если эти люди сходятся въ своихъ идеяхъ съ натуралистами, то это доказываетъ, что доводы послѣднихъ дѣйствительно имѣютъ за себя неотразимую силу истины. Признаніе Штейнталья далеко не представляетъ

ся намъ единичнымъ фактомъ, исключеніемъ изъ общаго правила. Вотъ напр., что говоритъ Гаймъ въ своемъ предисловіи къ лекціямъ о философіи Гегеля (Гегель и его время, стр. 9.): «Есть души, которыя никакъ не въ состояніи обойтись безъ такъ называемыхъ Бекономъ *idola theatri* и потому постоянно будутъ страшиться скачка черезъ широкій ровъ, отдѣляющій метафизическое отъ чисто исторически человѣческаго. Къ числу такихъ людей принадлежатъ тѣ, которые точку опоры ищутъ не въ самихъ себѣ, но надъ собой и внѣ себя.» Далѣе: (стр. 11): «Господствующее въ наше время удаленіе отъ занятій философіею и все болѣе и болѣе возрастающая самостоятельность исторической науки и естествовѣдѣнія должны пользоваться, какъ всякій согласится, по крайней мѣрѣ тѣми же правами, какъ и всякій другой фактъ. Изъ этихъ словъ Штейнталя и Гайма можно, кажется, вывести заключеніе, что умозрительная философія упала въ общественномъ мнѣніи ученаго міра и что паденіе это признано даже тѣми людьми, которые *ex officio*, какъ ученики Гегеля, и люди занимающіеся философіею, должны были отстаивать ея права на существованіе. Посмотримъ теперь въ бѣгломъ очеркѣ, какъ отнеслась къ этимъ современнымъ явленіямъ и вопросамъ наша критика и ученая литература.

X.

Прилично писать о философіи для насъ дѣло новое; семинарская философія существуетъ уже давно, но она, къ счастью, не находитъ себѣ читателей и цѣнителей внѣ предѣловъ извѣстной касты. Мертвая доктрина г. Новицкаго и составителя философскаго лексикона ни для кого не можетъ быть опасна. Она не отъ міра сего, и міръ ее не пойметъ. Эти дряхлыя явленія могутъ быть смѣло пропущены критикою и оставлены безъ всякаго вниманія публикой. Можно сказать, что г. Антоновичъ въ своей рецензіи философскаго лексикона (Современникъ 1861 г. Февраль) сражается съ вѣтранными мельницами; было бы гораздо проще предложить читателямъ двѣ, три выписки изъ этого произведенія, читатели сразу поняли бы въ чемъ дѣло и вѣроятно потеряли бы всякое желаніе платить деньги за философскій лексиконъ такого сорта; борются съ идеями философскаго лексикона

недостойно развитого человека, да и просто не стоит, потому что эти идеи ни для кого не опасны уже по той допотопной форме, в которую они облечены; нужно было просто предохранить публику от бесполезных расходов, а эта цель могла быть достигнута с гораздо меньшою тратою труда и времени. Вполнѣ сочувствуя свѣтому и здоровому направленію мысли, высказавшемуся въ статьѣ г. Антоновича, я позволю себѣ выразить сожалѣніе о томъ, что эти свѣжія силы потратились на опроверженіе чепухи, которая никого даже не введетъ въ соблазнъ, которую навѣрное не возьметъ въ руки ни одинъ читатель «Современника». Въ послѣдніе четыре года у насъ стали появляться статьи философскаго содержанія, до нѣкоторой степени доступныя читающей публикѣ; въ нихъ толкуютъ правда общель идеаль, въ нихъ есть много туманныхъ мѣстъ и бесполезной діалектики, но по крайней мѣрѣ они не призываютъ небесныхъ громовъ на голову не соглашающихся съ ними мыслителей, и спорятъ съ ними умѣреннымъ тономъ, не употребляя старославянскихъ выражений, не приходя въ священныя ужасы и не обнаруживая благочестиваго негодованія. Статьи г. Лаврова о гегелизмѣ, о механической теоріи міра, о современныхъ германскихъ тейстахъ и др. обнаружили въ авторѣ обширную начитанность и основательное знакомство съ вѣдншею исторіею философскихъ системъ. Эти два качества, довольно рѣдкія въ пишущихъ людяхъ нашего времени, доставили г. Лаврову журнальную извѣстность. Добраться до слабыхъ сторонъ г. Лаврова наша критика не могла, потому что ей самой крѣпко приходится по душѣ неопредѣленность выводовъ и діалектическія тонкости. Между тѣмъ слабая сторона этого писателя заключалась именно въ отсутствіи субъективности, въ отсутствіи определенныхъ и цѣльныхъ философскихъ убѣжденій. Эта слабая сторона могла укрыться отъ глазъ общества тогда, когда г. Лавровъ писалъ историческіе очерки по философіи и занимался изложеніемъ чужихъ системъ; въ подобномъ трудѣ неопредѣленность личныхъ убѣжденій автора можетъ прослыть за историческое безпристрастіе, за объективность и обратиться въ положительное достоинство въ глазахъ читателя. Но въ нынѣшнемъ году, въ январской книжкѣ Отеч. Зап. напечатаны три публичныя лекціи г. Лаврова подъ общимъ заглавіемъ: «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи». Уже это заглавіе должно было подать надежду на то, что г. Лавровъ выскажетъ свои понятія о философіи и открыто прижметъ къ одной изъ двухъ пар-

тій, составляющихъ великій расколъ въ современномъ философскомъ мірѣ, т. е. или заявить невозможность умозрительной философіи, или станеть отстаивать ея права на существованіе. Заглавія каждой отдѣльной бесѣды подавали еще болѣе заманчивыя надежды; въ нихъ г. Лавровъ обѣщаль объяснить, что такое философія въ знаніи, что такое философія въ искусствѣ и что такое философія въ жизни. Читающее общество было вправѣ ожидать отъ этихъ бесѣдъ, что онѣ уяснятъ ей современное движеніе въ области философскихъ наукъ, и что онѣ выдвинуть впередъ цѣлое міросозерцаніе, выработанное или по крайней мѣрѣ переработанное самодѣтельнымъ умомъ современно развитаго русскаго человѣка. Судя по предъидущимъ работамъ г. Лаврова, общество могло заключить, что у него въ распоряженіи находятся много матеріаловъ, и что въ его бесѣдахъ оно получитъ въ популярной формѣ существеннѣйшіе результаты его долговременныхъ и добросовѣстныхъ занятій. Вышло совсѣмъ не то. Бесѣды не коснулись современнаго значенія философіи, совершенно обошли вопросы, поднятые въ этой области новѣйшею школою мыслителей, и не представили никакого опредѣленнаго міросозерцанія. Г. Лавровъ съ особеннымъ стараніемъ скрылъ свою личность такъ, что вы до нея рѣшительно не доберетесь. Не рѣшаясь высказать ни одного яснаго и опредѣленнаго сужденія, г. Лавровъ не выходитъ изъ общихъ мѣстъ элементарной логики, психологій и эстетики, которую преподають въ гимназіяхъ подъ названіемъ теоріи словесности. Мысли вытекають одна изъ другой; между ними есть связь, есть логическая послѣдовательность, но для чего онѣ текутъ, что вызвало ихъ теченіе и къ чему оно наконецъ приводитъ—это остается совершенно неяснымъ. Да что же такое наконецъ философія? Неужели это медицинская гимнастика мысли, шевеленіе «мозгами», какъ говоритъ кушечъ у Островскаго, которое начинается по нашей прихоти и прекращается по нашему благоусмотрѣнію, не приведя ни къ чему, не рѣшивъ ни одного вопроса, не разбивъ ни одного заблужденія, не заронивъ въ голову живой идеи, не отозвавшись въ груди усиленнымъ біеніемъ сердца. Да полно, философія ли это?.. Такъ развѣ жъ не философія двигала массы, развѣ не она разбивала дряхлые кумиры и расшатывала устарѣлыя формы гражданской и общественной жизни? А XVIII вѣкъ? А энциклопедисты?.. Нѣтъ, воля ваша, то, что г. Лавровъ называетъ философіею, то отрѣшено отъ почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры словъ—это схоластика, праздна

игра ума, въ которую можно играть съ одинаковымъ успѣхомъ въ Англіи и въ Алжирѣ, въ Небесной Имперіи и въ современной Ита-
ліи. Гдѣ же современное значеніе подобной философіи? Гдѣ ея оправ-
даніе въ дѣйствительности? Гдѣ ея права на существованіе?—Г. Лав-
ровъ предлагаетъ вопросъ, что такое я? бьется надъ этимъ вопросомъ
въ продолженіи цѣлой страницы и кончаетъ тѣмъ, что находитъ во-
просъ о нашемъ Я научно неразрѣшимымъ. Зачѣмъ же было его под-
нимать? Какаѣ естественная, жизненная потребность влечетъ къ разрѣ-
шенію вопроса: что такое я? Къ какимъ результатамъ въ области
мысли, частной или гражданской жизни можетъ привести рѣшеніе
этого вопроса? Искать разрѣшенія подобнаго вопроса все равно, что
искать квадратуры круга. Философскій камень, жизненный элекспръ
и *perpetuum mobile* чрезвычайно полезныя вещи въ сравненіи съ
этими гимнастическими фокусами мысли. Этихъ вещей никто не до-
будеть, но, по крайней мѣрѣ, кто стремится къ нимъ, тотъ стреми-
тся къ осязательнымъ благамъ, и идетъ къ нимъ путемъ опыта, такъ
что можетъ на этомъ пути сдѣлать случайно какое нибудь неожидан-
ное и полезное открытіе. Самый вопросъ о томъ, что такое я? и
попытка г. Лаврова освѣтить этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ
останутся непонятными для человѣка, одареннаго простымъ, здравымъ
смысломъ и не посвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это
обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служитъ самымъ разительнымъ
доказательствомъ незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей бесполезности
подобныхъ умственныхъ упражненій. Отгонять непросвѣщенную чернь
(*profanum vulgus*) отъ храма науки—не въ духъ нашей эпохи; это
негуманно да и опасно; г. Лавровъ этого конечно не желаетъ, потому
что самъ открываетъ публичныя лекціи; если же всѣ вообще, а не
одни избранные должны и желаютъ учиться и размышлять, то не
мѣшало бы выкинуть вонъ изъ науки то, что понимается немногими
и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. Вѣдь странно бы-
ло бы называть гениальнѣйшимъ произведеніемъ Гете вторую часть
Фауста, которую никто не понимаетъ; точно также странно назвать
міровою истинною или міровымъ вопросомъ такую идею или такой
вопросъ, которые смутно понимаетъ незначительное меньшинство од-
носторонне развитыхъ людей. А какъ же не назвать одностороннимъ
и уродливымъ развитіе такихъ умовъ, которые на всю жизнь погру-
жаются въ отвлеченность, вращаютъ формы, лишеныя содержанія и
умышленно отворачиваются отъ привлекательной пестроты живыхъ

явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую то несоразмѣрность въ развитіи отдѣльных частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе въ мозгу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣлимымъ тотъ разнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона такъ же странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ сконцѣ высшую фазу развитія челоуѣка. Отвлеченности могутъ быть интересны и понятны только для ненормально развитаго, очень незначительнаго меньшинства. Поэтому, ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности въ наукѣ мы имѣемъ полное право по двумъ причинамъ; во первыхъ, во имя цѣлостности челоуѣческой личности, во вторыхъ, во имя того здороваго принципа, который, постепенно вроникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ кастическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ—явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополь знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополей. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ? Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе специалисты? Вѣдь надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности челоуѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, если они владутъ основаніе кастамъ, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это не правда; истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно рассмотреть глазами и осязать руками, то пойметъ и 10-ти-лѣтній ребенокъ и простой мужикъ, и свѣтскій челоуѣкъ и ученый специалистъ. — И такъ, съ какой стороны ни посмотришь на диалектику и отвлеченную философію, она всячески покажется бесполезною тратою силъ и переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Если разбирать публичныя лекціи г. Лаврова, то нужно, мнѣ кажется, говора о первыхъ двухъ бесѣдахъ, не слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ, не опровергать его отдѣльныя положенія, не ловить его на частныхъ противорѣчіяхъ, а

просто въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ показать полнѣйшую бесполезность всего предпринятаго имъ труда. Г. Антоновичъ (Соврем. 1861, Апрель) написалъ обширную рецензію первыхъ двухъ лекцій г. Лаврова, провелъ въ этой рецензіи свѣжій и современный взглядъ на философію, но, сколько мнѣ кажется, пустился въ совершенно ненужныя частности и тонкости. Возставая противъ діалектики, онъ сражается съ нею діалектическимъ оружіемъ; онъ доказываетъ логическую неослабательность тогда, когда слѣдовало бы доказать практическую бесполезность. Дѣло не въ томъ, вѣрно ли рѣшаются вопросы о сущности вещей и о томъ, что такое я, а въ томъ—нужно ли рѣшать эти вопросы. Г. Антоновичъ спорить съ г. Лавровымъ, какъ адептъ одной школы съ адептомъ другой; было бы, мнѣ кажется, проще и полезнѣе для публики, еслибы онъ сталъ на точку зрѣнія совершеннаго профана и спросилъ бы: а какими знаніями и идеями обогатитъ меня ваша хваленая философія? Однимъ этотъ вопросъ былъ бы, мнѣ кажется, серьезнѣе и радикальнѣе всего длиннаго ряда доказательствъ, которыя г. Антоновичъ выводитъ противъ г. Лаврова. Обративъ все вниманіе свое на одну личность русскаго мыслителя, г. Антоновичъ упускаетъ изъ виду умозрительную философію вообще, между тѣмъ какъ ее давно бы слѣдовало отбѣть и похоронить. — Г. Лавровъ сдѣлалъ попытку поговорить съ нашимъ обществомъ объ умозрительной философіи; этотъ фактъ можно обсудить съ двухъ сторонъ. Можно спросить во первыхъ, уместна ли эта попытка? и во вторыхъ, удачно ли она выполнена? Первый вопросъ имѣетъ общій интересъ; обсуживая его, мы толкуемъ о нуждахъ нашего общества и разсматриваемъ характеръ нашей эпохи. Второй вопросъ относится чисто къ личности г. Лаврова и имѣетъ совершенно частный и, сравнительно съ первымъ, узкій интересъ. — Между тѣмъ, г. Антоновичъ усиленно работаетъ надъ вторымъ вопросомъ и не рѣшаетъ перваго; мы узнаемъ отъ него, что г. Лавровъ эклектикъ и не узнаемъ того, годится ли на что нибудь для нашего времени и для нашего общества умозрительная философія вообще. — Словомъ, статья г. Антоновича наполнена прекрасными частностями, но этихъ частностей такъ много, что въ нихъ тонетъ общая идея, а именно эту общую идею и слѣдовало выставить какъ можно рѣзче. Забѣчу еще, что г. Антоновичъ напрасно ограничился разборомъ двухъ первыхъ бесѣдъ г. Лаврова; третья бесѣда о философіи въ жизни отличается отъ двухъ первыхъ большимъ количествомъ внутреннего

содержаніи. Философія убѣжденія г. Лаврова высказываются наконецъ въ болѣе опредѣленной формѣ и ведутъ къ реальнымъ выводамъ въ сферѣ практической жизни. Объ этой бесѣдѣ стоить сказать нѣсколько словъ. Г. Лавровъ говоритъ во первыхъ, что цѣль жизни находится внѣ ея процесса, который *«въ каждое мгновеніе есть только переходное случайное выраженіе для того, что не можетъ воплотиться вполне, что составляетъ высшее, существенное, относительно неизмѣнное въ человѣкѣ — для ея нравственнаго идеала»*.

Во вторыхъ, г. Лавровъ говоритъ, что самый грубый и элементарный взглядъ на жизнь есть тотъ, при которомъ мы стремимся только къ наслажденію; *«первое правило: ницѣ то, чѣмъ наслаждаемся, доступно животному наравнѣ съ человѣкомъ, дикому наравнѣ съ образованнымъ человѣкомъ, ребенку наравнѣ съ мужемъ. Последнее: пренебрегай всѣмъ, кромя высшаго блага, есть изрѣченіе, отъ котораго не откажется самый строгій аскетъ; а, какъ извѣстно, истинные аскеты — большая редкость между людьми»*.

Замѣчу мимоходомъ, что уроды тоже составляютъ большую редкость между людьми; ихъ сохраняютъ даже въ ширту!

Въ третьихъ, г. Лавровъ говоритъ, что *«человѣчность есть совокупленіе всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности. Но она есть совокупленіе, а не смѣшеніе. Каждая дѣятельность, ставя свой вопросъ, свою цѣль, свой идеалъ, рѣзко отличается отъ другой, и одно изъ главныхъ золъ человѣчества заключается въ недостаточномъ различеніи этихъ вопросовъ, въ перенесеніи идеаловъ изъ одной области дѣятельности въ другую»*.

А вѣдь еслибы вовсе не было идеаловъ, тогда и переносить нечего было бы, и путаницы никакой не могло бы быть. Такъ зачѣмъ же ставить идеалъ необходимымъ условіемъ развитія?

Приведенныя выписки показываютъ ясно, что г. Лавровъ склоняется къ такому міросозерцанію, которое существенно отличается отъ мыслей, высказанныхъ мною на предъидущихъ страницахъ. Я все основываю на непосредственномъ чувствѣ; г. Лавровъ строитъ все на размышленіи и на системѣ; я требую отъ философіи осязательныхъ результатовъ; г. Лавровъ довольствуется безцѣльнымъ движеніемъ мысли въ сферѣ формальной логики. Я считаю очевидность пол-

гнѣшимъ и единственнымъ ручательствомъ дѣйствительности; г. Лавровъ придаетъ важное значеніе діалектическимъ доказательствамъ, спрашиваетъ о сущности вещей, и говоритъ, что она непостижима, следовательно, предполагаетъ, что она существуетъ какъ то независимо отъ явленія. Въ области нравственной философіи взгляды наши почти діаметрально противоположны. Г. Лавровъ требуетъ идеала и цѣли жизни, видѣетъ ея процессъ; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ; г. Лавровъ останавливается передъ аскетомъ съ особеннымъ уваженіемъ; я даю себѣ право пожалѣть объ аскетѣ, какъ пожалѣлъ бы о слѣпомъ, о безрукомъ или о сумасшедшемъ. Г. Лавровъ видитъ въ человѣчности какой то сложный продуктъ разныхъ нравственныхъ специй и ингредиентовъ; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развитой совершенно безъискусственно и самостоятельно, не сдвоенной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собою,

Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, критику лучше всего высказывать *свои* взглядъ на вещи, дѣлаться съ читателемъ *своимъ* личнымъ впечатлѣніемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ г. Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣніями мои воззрѣнія и предоставляю читателямъ полнѣйшую свободу выбрать тѣ или другія, или отвергнуть и тѣ, и другія. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи во что бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнія. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самостоятельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтятся много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самостоятельное движеніе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ нибудь рецензентомъ, это опять таки будетъ очень полезно; *du choc des opinions jaillit la vérité*—говорятъ Французы, и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться. Смѣю льстить себя одной надеждой: еслибы статья моя вызвала какое нибудь опроверженіе, то споръ сталъ бы вертѣться въ кругу дѣйствительныхъ и жизненныхъ явленій и не перешелъ бы въ схоластическое *словопрение*. Я об-

суживалъ явленія нашей критики, руководствуясь голосомъ престога здраваго смысла и надѣюсь, что, если мнѣ будутъ возражать, то возраженія эти будутъ вытекать изъ того же источника и не будутъ сопровождаться непонятными для публики ссылками на авторитеты Канта, Гегеля и другихъ.

Говоря о нашей философской литературѣ, я упомянулъ только о статьяхъ г. Лаврова и считаю совершенно лишнимъ обсуживать гг. Страхова и Эдельсона; эти явленія такъ блѣдны и чахлы, что объ нихъ не стоитъ упоминать, да и сказать—то нечего. Утомленіе и скука — вотъ все, что можно вынести изъ чтенія этихъ произведеній; и возражать нечему и поспорить не съ чѣмъ, такъ все элементарно, утомительно ровно и невозмутимо спокойно. Г. Страховъ считаетъ нужнымъ доказывать, что между человекомъ и камнемъ большая разница, а г. Эдельсонъ ни съ того ни съ сего начинаетъ восторгаться идеею организма, а потомъ также безъ видимой причины начинаетъ предостерегать ученыхъ отъ излишняго увлеченія этою идеею.

Вскую шаташася языцы?

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.

12 мая.

Старый порядокъ и революція, соч. А. Токвиля. Перев. Н. Кондырева. С.-Петербург. 1861.

Эта превосходная книга давно ожидала перевода на русскій языкъ; она имѣла гораздо больше права на вниманіе нашей публики, чѣмъ сочиненія Гизо или всѣхъ вмѣстѣ современныхъ историковъ Франціи. Алексѣй Токвиль, котораго политическая вѣра и литературная дѣятельность уже были представлены въ Рус. Словѣ (1860. авг. кн.) принадлежатъ къ числу первостепенныхъ мыслителей нашей эпохи. Ему обязана Франція и вмѣстѣ съ ней Европа первымъ основательнымъ знакомствомъ съ демократическими учрежденіями Америки, съ ея правительственнымъ механизмомъ и социальнымъ духомъ. Только съ появленіемъ его книги: «Демократія въ Америкѣ» для насъ объяснились многія внутреннія стороны этого молодого, сильнаго и хаотическаго общества, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ опередившаго Европу на пути матеріальнаго прогресса. Токвиль искалъ по ту сторону океана, на чужой для него почвѣ, яснаго отвѣта на тревожные вопросы своего времени, еще волновавшіе Францію послѣ іюльской революціи. Пораженный судьбой этой страны, измученной гражданскими войнами, покрытой развалинами отъ прошлыхъ переворотовъ, униженной извнѣ, истощенной внутри, и за всѣмъ тѣмъ не видѣвшей передъ собой ни берега, ни пристани, онъ хотѣлъ повѣрить эту судьбу на другомъ народѣ, сравнить принципъ американской демократіи съ французскимъ и показать различіе ихъ направленія и результатовъ. И тамъ и здѣсь онъ подмѣтилъ одинаковый законъ народнаго движенія—къ уравниенію состояній, къ полному и всестороннему развитію демократическаго начала, во въ то же время онъ открылъ и діаметральную противоположность въ этихъ обществахъ; въ Соединенныхъ Штатахъ гражданское равенство вытекало изъ политической свободы, а во Франціи политическая свобода, едва извѣстная націи, выработывалась изъ равенства. Здѣсь главная задача состояла въ томъ, чтобъ разрушить духъ касты и привилегій, сковавшій всѣ жизненныя отправленія общества, и потомъ уже начать новое социальное устройство, а тамъ—соединить свободныя индивидуальныя стремленія въ одну государственную цѣль; говоря иначе, Франція должна была уничтожить построеніе нѣсколькихъ вѣковъ своей собственной исторіи, основанной на ложной идеѣ, а Аме-

рика—продолжать свою исторію, но только независимо отъ иностраннаго господства и внѣшнихъ притѣсненій. Затѣмъ Токвиль искалъ за океаномъ положительныхъ наблюденій надъ общими законами демократическаго принципа; онъ старался изучить его во всѣхъ проявленіяхъ дѣйствительной жизни и не только въ настоящемъ значеніи, но и въ будущемъ: «Признаюсь, говоритъ онъ, въ Америкѣ я видѣлъ болѣе, чѣмъ Америку; тамъ я отыскивалъ образъ самой демократіи, ея наклонностей, характера, предрасудковъ и страстей; я хотѣлъ ее изучить хоть бы для того, чтобъ знать, чего мы должны надѣяться и чего бояться отъ нея». Книга Токвиля была пророческимъ взглядомъ на тѣ грядущія событія, которыя совершались и до сихъ поръ совершаются, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ.

Черезъ двадцать лѣтъ, послѣ долговременныхъ и самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдованій, онъ издалъ второй капитальный трудъ, заглавіе котораго мы поставили въ началѣ нашей рецензіи. По прочтеніи этой книги прежде всего удивляешься необыкновенной критической пронидательности автора и умѣнью владѣть матеріалами. Что касается анализа, Токвиль такъ глубоко зашелъ въ сферу своихъ изысканій, что по справедливости могъ сказать о себѣ: «я вмѣлъ цѣлью проникнуть до самаго сердца прежняго порядка, столь близкаго къ намъ по числу лѣтъ, но заслоненнаго отъ насъ революціей». Дѣйствительно, онъ раскрылъ злоупотребленіе старой монархіи и феодальной системы до самаго сердца; онъ показалъ не одни симптомы этой продолжительной болѣзни, но самый источникъ ея. Подходя постепенно, шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ Токвилемъ къ этому страшному моменту, когда съ первымъ ударомъ гильотины прекращается послѣднее бѣненіе пульса старой Франціи, мы чувствуемъ неизбежность кризиса, но еще не можемъ измѣрить всѣхъ громаднхъ послѣдствій его. Повидимому переломъ былъ до-того рѣшительный, что между двумя враждебными эпохами легла цѣлая пропасть, такъ что смерть и жизнь болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ Франція Лудовика XV на Францію 1790 годовъ; но это оптический обманъ, производимый шумомъ, трескомъ и заревомъ рухнуващаго зданія, потрясеннаго только съ наружныхъ сторонъ, а не въ самомъ основаніи. Среди множества измѣненій, новыхъ дѣятелей и плановъ, среди быстро совершающихся во Франціи преобразованій, при всей ненависти къ прошлому и при всемъ энтузіазмѣ къ будущему, старыя вѣрованія уцѣлѣли гораздо дольше, чѣмъ можно было думать. «Я всегда былъ того мнѣнія, говоритъ Токвиль, что въ

этотъ странное предпріятіи Французы успѣли менѣе, чѣмъ думали иностранцы и сперва мы сами полагали. Я убѣдился, что сами не подозрѣвая, они удержали отъ стараго порядка большую часть чувствъ, привычекъ и даже идей, при помощи которыхъ была ведена революція, разрушившая этотъ порядокъ и что, сами не желая того, они воспользовались его обломками, чтобъ выдвинуть зданіе новаго общества; такъ что для истиннаго пониманія революціи и всѣхъ ея послѣдствій, необходимо на время забыть Францію, которую мы видимъ теперь и обратиться съ распросами къ той, которой уже нѣтъ». Съ этимъ намѣреніемъ Токвиль и приступилъ къ изученію XVIII вѣка въ его политическомъ и административномъ отношеніяхъ. И здѣсь его занимала не столько историческая задача, въ собственномъ ея смыслѣ, сколько желаніе разгадать по старымъ чертамъ новую физиономію общества. Къ сожалѣнію, онъ остановился именно тамъ, гдѣ начинался его главный трудъ; онъ хотѣлъ представить самый ходъ революціи, прослѣдить ее отъ самаго начала до той минуты, когда она закончила свою дѣятельность; но преждевременная смерть Токвиля прекратила его великій трудъ; онъ унесъ идею въ могилу, и едва ли кто передастъ ее свѣту такъ отчетливо, какъ передалъ бы ее авторъ «Стараго порядка и революціи».

Сравнительно съ толпой современныхъ публицистовъ Токвиль нашелъ мало; при огромномъ запасѣ его свѣдѣній и наблюденій, при неутомимой работѣ и страстной любви къ предмету мы могли бы ожидать отъ него гораздо большаго числа сочиненій; но въ наше время, когда чернорабочая бездарность готова жѣрить силу таланта объемомъ исписанныхъ листовъ, безъ всякаго уваженія къ мысли и ея вліянію, можетъ быть, покажется страннымъ, что Токвиль болѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ постояннаго труда, оставилъ Франціи только четыре небольшихъ тома своихъ произведеній; но эта самая скудость составляетъ величайшее богатство этого гениальнаго пера. Токвиль дорожилъ словомъ, потому что зналъ его истинную цѣну; у него можно найти страницы, на основаніи которыхъ обыденный компиляторъ могъ бы написать нѣсколько десятковъ листовъ; у него есть идеи, выраженные мимоходомъ, но такія глубокія идеи, которыя для другаго могли бы послужить темой для цѣлаго разсужденія. Токвиль такъ осторожно и умно распоряжался своими матеріалами, что, по его собственному отзыву, иная глава, самая короткая, стоила ему не мѣсяца года розысканій. Послѣ этого, неудивительно, если книга въ 300

страницъ взяла у него болѣе двадцати лѣтъ усидчивыхъ занятій. За то такіе труды не безслѣдно проходятъ въ исторіи умственнаго движенія народовъ; какъ путеводныя звѣзды, они долго и ярко свѣтять на другія, нисшія сферы человѣческой дѣятельности.

Въ настоящей книжкѣ Рус. Слова мы коснулись сочиненій Токвиля только для того, чтобъ заявить нашимъ читателямъ о появленіи ихъ на русскомъ языкѣ; впослѣдствіи мы надѣемся разобрать ихъ подробно, насколько достанетъ силъ подступить съ критическимъ анализомъ къ такому писателю, какъ Токвиль.

Г. Б.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Документы и подлинныя бумаги, оставленныя Данииломъ Манини, президентомъ венеціанской республики, переведенныя съ оригиналовъ, съ примѣчаніями г. Планата де ла Фай. 2 тома. Парижъ. 1860.

DOCUMENTS ET PIÈCES AUTHENTIQUES laissées par Daniel Manin, président de la république de Venise. Traduits sur les originaux et annotés par F. Planat de la Faye. 2 vol. Paris. 1860.

(Окончаніе.)

Несмотря на сочувствіе западныхъ державъ къ новой республикѣ, несмотря на энтузіазмъ ея гражданъ, Манини вполнѣ понималъ трудность своего положенія. Съ самаго начала революціи, Венеція осталась безъ флота, вслѣдствіе излишняго благородства и довѣрчивости къ обѣщаніямъ побѣжденныхъ Австрійцевъ. Заключивъ конвенцію съ графомъ Зичи, временное правительство поручило капитану Маффеи, командиру одного изъ судовъ (*) австрійскаго Ллойда, отвезти депешы въ Полу, гдѣ находился въ то время венеціанскій флотъ. Капитанъ отвѣчалъ, что безъ приказанія агентства Ллойда, онъ не можетъ уклониться отъ пути въ Триестъ. Агентство приказало ему выполнить требованіе временнаго правительства; но едва пароходъ вышелъ въ

(*) Эрцъ-герцогъ Фредерикъ.

открытое море, какъ пассажиры, въ томъ числѣ и графъ Пальфи, принудили капитана плыть прямо въ Триестъ. Здѣсь депеши у него были отобраны.

Съ другой стороны въ казначействѣ оставалось весьма мало денегъ, а помощь, обѣщанная итальянскими государями, была весьма ненадежна.

23 марта произнесъ Карлъ Альбертъ свое знаменитое *L'Italia farà da se* и этимъ отказался отъ союза съ Франціей. Мы уже сказали въ чемъ состояла ошибка сардинскаго короля (*). Принимаясь за освобожденіе Италіи съ заднею мыслью увеличить свои владѣнія, онъ естественно долженъ былъ часто противорѣчить самому себѣ. Другіе владѣтели дѣйствовали еще недобросовѣтнѣе: папа, пославъ войско въ сѣверную Италію, приказалъ генералу Дурандо не переходить черезъ По; Фердинандъ неаполитанскій, обѣщая содѣйствовать освобожденію полуострова всѣми силами, готовилъ измѣну: назначивъ генерала Пепе главнокомандующимъ, онъ въ тоже время принялъ всѣ мѣры, чтобъ помѣшать его операціямъ (**).

Всѣ эти событія легко можно было предвидѣть. Они были естественнымъ слѣдствіемъ федераціи между принцами и республиками—федерациі, которая невозможна по разности принциповъ; Маннини не слишкомъ подгадался на помощь, обѣщанную итальянскими государями; главныя надежды его основывались на союзѣ между народами и потому онъ съ самаго начала обратился къ Франціи. «Обращаясь къ французской республикѣ, писалъ онъ, съ нашей братской благодарностью, мы не начнемъ нашего письма формулами прежней дипломатіи. Французская республика сочувствовала нашимъ несчастіямъ; она радуется нашему освобожденію; она обѣщаетъ намъ помощь, которая заставляетъ много надѣяться, не опасаясь ничего, — помощь отъ страны, гдѣ Ламартинь министромъ, не можетъ быть опасна.»

«Венеція полна воспоминаній о своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ Франціей. Этотъ городъ стоялъ тогда королевства; времена перемѣ-

(*) См. Русское Слово января 1861. Исторія Савойск. дома.

(**) Генералъ Пепе родился въ 1783 году; онъ съ честью служилъ во время войнъ Наполеона и въ 1820 году могущественно содѣйствовалъ полученію въ Неаполѣ конституціи; сдѣланный тогда главнокомандующимъ, онъ не могъ бороться противъ превосходства силъ Австріи, которая, вслѣдствіе лейбахскаго трактата, двинула войска для уничтоженія конституціи. Принужденный бѣжать, Пепе 27 лѣтъ находился въ изгнаніи и только теперь могъ выступить снова на политическое поприще.

нились, но чувства отъ того стали, можетъ быть, только чище и благороднѣе. Иногда полезно и несчастье для лучшей оцѣнки истиннаго величія.»

«Мы возсылаемъ молитвы за Францію; мы ей протягиваемъ руку съ благодарностью, которую время можетъ только укрѣпить.»

Это письмо возбуждало негодование во всѣхъ экзальтированныхъ патриотахъ. Они не чувствовали, что противъ нихъ собиралась сильная коалиція; они не понимали, что для того, чтобъ Италиі было довольно самой себя (*L'Italia farà da se*), надо, чтобъ въ головѣ движенія находился Манини или Гарибальди, а не Карль-Альбертъ или Фердинандъ.

Но обратившись къ Франціи, Манини въ то же время послалъ дипломатическія ноты и къ другимъ державамъ. Отвѣтъ ихъ былъ большею частью благопріятенъ; Сардинія признала новую республику и отдала въ ея распоряженіе генерала Ламармору; временное миланское правительство съ восторгомъ привѣтствовало Венецію; одна Франція дѣйствовала двусмысленно: Ламартинъ написалъ поздравительное письмо къ Томасею, но уклонялся отъ официальнаго признанія новаго правительства, даже какъ факта, хотя и позволилъ купить 20 т. ружей. Въ Англии общественное мнѣніе было такъ сильно возбуждено въ пользу Италиі, что Пальмерстонъ не осмѣлился идти противъ него, несмотря на свое сочувствіе къ Австріи; тѣмъ не менѣе онъ отказалъ венеціанскимъ посланнымъ въ продажѣ оружія и парохода, но въ то же время посоветовалъ имъ для этого обратиться въ Бирмингамъ.

«Все что мы можемъ сдѣлать въ итальянскомъ вопросѣ — это оставаться зрителями», прибавилъ онъ.

Пока продолжались эти дипломатическія сношенія, событія быстро слѣдовали другъ за другомъ. Манини былъ неутомимъ. Вотъ важнѣйшія изъ его распоряженій въ первое время: онъ учредилъ комитетъ общественной безопасности, уничтожилъ подать съ соли и вина, дозволилъ свободу прессы и вѣроисповѣданія, освободилъ политическихъ преступниковъ; призналъ право собираться и подавать прошенія; (*droit de pétition*) далъ обвиненнымъ адвокатовъ, исключилъ изъ уголовного кодекса тѣлесное наказаніе и гильотинированіе, сдѣлалъ доступнымъ для всякаго избраніе въ должности безъ различія званій и вѣроисповѣданій; такъ министръ Тоффоло былъ ремесленникъ, а Пинкерле—Еврей. Между тѣмъ дѣло освобожденія продолжалось. Почти

единовременно съ Венеціей освободились: Тревиза, Беллуно, Удине, Озопо, Пальманова, Падуа, Ровиго и другія мѣста Ломбардо-венеціанскаго королевства; во власти Австрійцевъ остались только Мантуа, Верона и Пескьера. Освободившіяся области признали временное правительство Венеціи, хотя и питали нѣкоторые недоувѣріе къ нему, потому что оно было составлено изъ однихъ, венеціанскихъ гражданъ. Желая разрушить это предубѣжденіе, Манини, въ ожиданіи законодательнаго собранія, призвалъ въ Венецію консульта, по три депутата отъ провинціи, для совѣщанія относительно правительственныхъ распоряженій.

Но занимаясь дѣятельно преобразованіями внутренними, Манини не упускалъ изъ виду и приготовленій къ защитѣ. Послѣ капитуляціи Австрійцевъ, въ казначействѣ осталось только около полмиліона австрійскихъ лиръ, а на монетномъ дворѣ слитковъ на 700 т.; сверхъ того взятіе арсенала доставило до 1000 орудій и до 36 т. ружей; все это было далеко недостаточно для защиты Венеціи. Сардинія обѣщала субсидіи; но эти обѣщанія были ненадежны, потому что война, предпринятая Карломъ—Альбертомъ, поглощала огромныя суммы; гораздо больше надежды было на добровольныя пожертвованія Итальянцевъ и на патриотизмъ гражданъ Венеціи. Манини не ошибся: и заемъ въ 10 м., сдѣланный въ венеціанскомъ округѣ, совершенно удался ему (*).

Пока дѣлались эти распоряженія, кровавая трагедія быстро приближалась къ развязкѣ: лицемеріе итальянскихъ властителей выступило наружу.

Значеніе венеціанской области было чрезвычайно важно въ стратегическомъ отношеніи: черезъ нее пролегали главные пути сообщенія австрійскихъ войскъ съ имперіей, но Карль-Альбертъ не понялъ этого и допустилъ Австрійцевъ вторгнуться во Фріуль. Генераль Дурандо уклонился отъ помощи, соображаясь съ тайными приказаніями папы (**). Ламартинъ продолжалъ разыгрывать свою двуличную роль. Условившись съ венеціанскими уполномоченными послать паруходъ въ Венецію за деньгами слѣдующими за ружья, онъ подъ ру-

(*) 20 мая 1848.

(**) Благословивъ 25 марта знамена волонтеровъ, папа остался въ выжидательномъ положеніи; помѣстивъ войска свои подъ начальство сардинскаго короля, онъ въ то же время запретилъ имъ переходить По; когда-же генераль Дурандо не послушался его, онъ написалъ окружное посланіе, въ ко-

кой задерживалъ его отправленіе, такъ что *Brasier* (*) могъ выйти изъ порта только 1-го мая; въ то же время прославленный поэтъ употреблялъ всю силу своей фантазіи для обмана людей благородно довѣрившихся ему: онъ увѣрялъ ихъ, что Карлъ—Альбертъ намѣняетъ дѣлу Италіи, что лордъ Минто предложилъ проэктъ, по которому должны достаться Сардинія, Миланъ, Франція, Савоя, Англія—Сицилія, Австрія—Венеція. На самомъ же дѣлѣ проэктъ этотъ съ нѣкоторыми измѣненіями былъ составленъ Гуммелауэромъ по совѣту Ламартина. Вотъ что было сказано о Венеціи: она должна была оставаться подъ властью императора, имѣя отдѣльную національную администрацію и особаго министра въ Вѣнѣ; она должна была на свой счетъ содержать собственное правитель-ство и въ то же время вносить въ императорскую казну опредѣленную сумму; венеціанская армія, составленная изъ Итальянцевъ, должна была находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ военнаго австрійскаго министра, и т. п. Условія эти, опять—таки по совѣту Ламартина, были представлены Пальмерстону; но общественное мнѣніе въ Англіи было въ пользу Венеціи, и гордый министръ, несмотря на свою антипатію къ національнымъ вопросамъ, не осмѣлился идти противъ него.... «Общественное мнѣніе въ Англіи,» писалъ Ричардъ Кобденъ къ Манини, «противно всякому вѣшательству во внутреннія дѣла континента, и несмотря на то, что власть находится въ рукахъ аристократіи, англійскій народъ довольно силенъ, чтобъ помѣшать министерству увлечь насъ въ войну, для поддержанія statu quo въ какомъ бы то ни было государствѣ Европы. Чтобы ни говорили наши журналы, вѣрьте, никогда англійскія силы не будутъ употреблены противъ итальянской націи. Всѣ наши симпатіи съ вами, и мы съ радостью ожидаемъ того мгновенія, когда, освободившись изъ—подъ австрійскаго ига, вы снова явитесь образцомъ для цѣлаго свѣта въ дѣлѣ свободы, знанія и цивилизаціи.» Общественное мнѣніе во Франціи также было за Италію; ропотъ народа, крики журналовъ, нападки оппозиціи заставили Ламартина произнести блестящую рѣчь, совершенно раско-лившуюся съ его дѣлами. Онъ увѣрялъ, что между французской рес-публикой и Австріей не было ни малѣйшихъ сношеній, даже сек-

---

торомъ доказывалъ, что, какъ отецъ всѣхъ вѣрующихъ, онъ не можетъ вести войны. Народное возмущеніе и выходъ въ отставку министровъ заставляли его переимѣнить намѣреніе; тѣмъ не менѣе слѣдствія его колебанія и лицемерія были пагубны для свободы Италіи.

(*) Паровой фрегатъ.

ретныхъ, ко вреду италянскои свободы; что это одна изъ тѣхъ выдумокъ, которыми хотять очернить политику временнаго правительства; что Франція вооружена и по первому призыву готова перешагнуть черезъ Альпы. «Ни въ какомъ случаѣ, заключилъ онъ, Италія не поддадетъ подъ то иго, которое такъ достославно сбросила; ни въ какомъ случаѣ Франція не измѣнитъ 26 м. братьевъ; не измѣнитъ принципу, составляющему ея законъ въ прошедшемъ и долгъ въ будущемъ...»

Въ то время, когда велась эта дипломатическая интрига, случились новыя непріятности: генералъ Пепе получилъ въ Болоньѣ приказаніе возвратиться. Энергическій старикъ не захотѣлъ помрачить своей славы и рѣшился не повиноваться: съ небольшимъ числомъ волонтеровъ (около 3,000) онъ явился въ Венецію.... Грустно отозвался въ сердцахъ неаполитанскихъ патриотовъ приказъ объ отступленіи: полковникъ Лагалле застрѣлился, полковникъ Теста умеръ отъ апоплексіи, полковникъ Сула также хотѣлъ лишитъ себя жизни, — узнавъ объ этомъ новомъ безславіи Бурбоновъ...

Во внутреннемъ управленіи на Манини лежали еще большія обязанности: ему приходилось политически воспитывать націю, отвыкшую подъ австрійскимъ игомъ отъ самообладанія. Нѣтъ сомнѣнія, что Венеціанцы въ сущности народъ самый республиканскій, энергическій и въ то же время кроткій, понятливый, великодушный, но при всемъ томъ онъ въ минуты разгара страстей бываетъ ужасенъ... Сила Венеціанцевъ была въ чувствѣ, въ увлеченіи, но прочность этой силы зависѣла отъ ея сознанія, отъ ея разумнаго употребленія...

Первое волненіе Венеціанцевъ произошло по случаю задержанія 13 итальянскихъ солдатъ въ Триестѣ. Эти солдаты конвоировали часть гарнизона Кюджи (Chioggia) и вопреки всѣхъ народныхъ правъ были избиты и заключены въ тюрьму. Черезъ недѣлю въ венеціанскій портъ явилось одно изъ судовъ австрійскаго Ллойда; народъ громко требовалъ отпущенія; Манини вышелъ на площадь и, объявивъ твердую рѣшимость сохранить общественный порядокъ, продолжалъ: «Наши непріатели показали себя низкими и жестокими; но никогда вѣроломство и жестокость не приносили счастья народу. Республика гарантировала частную собственность: овладѣть послѣ этого парходомъ—дѣло достойное пиратовъ. Не уменьшимъ-же справедливо заслуженной славы венеціанскаго гостепрѣимства, напротивъ энергически воспротивимся всему, что можетъ поразить торговлю—эту жизнь Вене-

дн; всякое другое поведеніе достойно Австріи; предоставьте еѣ Меттернихамъ! Что касается до меня, я никогда не соглашусь на то, хотя бы это стоило мнѣ жизни. «Слова эти могущественно подѣйствовали; успокоенный народъ разошелся по домамъ.

Другой случай былъ несравненно важнѣе: успѣхи Карла-Альберта обнаружили его политику; въ Миланѣ, Падуѣ, Виченцѣ, Ровиго и Тревизѣ были уже открыты листы для подписки о присоединеніи къ Пиемонту; въ Венеціи была сильная партія въ пользу Сардиніи; Удине и Беллуно были заняты непріятелемъ; народъ былъ въ волненіи: пиемонтскіе агенты искусно этимъ пользовались. Въ это время былъ объявленъ декретъ о созваніи представителей отъ провинцій для разрѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) теперь-ли должно заняться разсматриваніемъ лучшей формы правленія для Венеціи, или отложить эту задачу до конца войны? 2) Если собраніе рѣшитъ приступить къ этому немедленно, должны-ли Венеціи составить отдѣльное государство или соединиться съ Пиемонтомъ? 3) Должно-ли переимѣнить или оставить членовъ нынѣшняго временнаго правительства?

Утромъ, въ тотъ же день явилось на стѣнахъ возмутительное письмо, въ которомъ не пощадили даже временнаго правительства; многочисленная толпа являлась подъ окнами Майини и вызывала его: «Онъ вышелъ.» Точно такъ, какъ я всегда говорилъ и мужественно противился угрозамъ сильныхъ, сказалъ онъ, точно также я буду говорить съ вами. Вы пришли мнѣ сказать, что вы державный народъ; но я не привню за народъ шайку крикуновъ! Власть народа въ собраніи депутатовъ и нигдѣ болѣе! Я вижу между вами молодыхъ, здоровыхъ людей, которые кричатъ, «свобода!» въ то время, когда мы имѣемъ законъ, призывающій къ оружію—единственному средству завоевать свободу и быть ея достойной»...

Была половина іюня. Грозныя тучи повисли надъ Венеціей. Буря готова была разразиться. Виченца, Падуа, Тревиза впади въ руки Редецкаго; неаполитанскій флотъ былъ отозванъ, генералъ Вельденъ началъ блокировать Венецію... Какими-же силами могла располагать она? Подъ начальствомъ генерала Пене было не болѣе 22,000 человекъ (*), флотилія состояла изъ двухъ 24 пушечныхъ корветовъ,

(*) 14,000 Венеціанъ, 1800 Неаполитанцевъ, около 900 Ломбардовъ и 5000 Римлянъ, (Guette de l'Independ ital. par le general Ulloa).

двухъ 16 пушечныхъ бриговъ и 77 канонерскихъ лодокъ и мелкихъ судовъ; сверхъ того, въ арсеналѣ находилось въ постройкѣ и въ починкѣ одинъ 40 пушечный фрегатъ, одинъ корветъ, одинъ бригъ, одинъ пароходъ и нѣсколько другихъ мелкихъ судовъ. Доходъ Венеціи простирался ежемѣсячно до 200 т. лиръ.; но въ казначействѣ оставалось не много денегъ отъ займа, сдѣланнаго 20 мая. Въ такой крайности, Маннини обратился съ циркуляромъ къ тосканскому и павскому правительству, предлагая имъ просить помощи у Франціи. Тоскана и Римъ отвѣчали отказомъ. Мало по малу надежда на помощь французской республики исчезала. Переимѣна министерства во Франціи подавала мало надеждъ. Въ политикѣ ея продолжалось то же лицемеріе: она попрежнему оказывала сочувствіе къ Венеціи и попрежнему не-прочь была видѣть ее въ рукахъ Австріи; разница была только въ томъ, что министръ Бастидъ былъ искренній республиканецъ и не хотѣлъ королевства верхней Италиі; но, къ несчастью, онъ подчинился нравственному вліянію Ламартина, не признавалъ официально венеціанской республики, и даже возобновилъ предложенія Гуммеллаура; переговоры по этому предмету имѣли въ основаніи общаіе Франціи не препятствовать Австріи въ завоеваніи Венеціи, и взаимнъ того общаіе Австріи не имѣть Франціи во всякомъ другомъ пунктѣ Италиі и даже Германіи. Въ то же время баронъ Вессенбергъ обратился къ миланскому правительству, предлагая независимость Ломбардіи цѣною отреченія ея отъ Венеціи. Отвѣтомъ былъ отказъ...

Паденіе Пальмановы поразило ужасомъ сердца народа; приверженцы соединенія воспользовались этимъ, чтобы увѣрить массу, что спасеніе Венеціи только въ Пиемонтѣ; слѣдствіемъ были многочисленныя демонстраціи въ пользу Карла-Альберта. Подъ такими auspiciis началось засѣданіе законодательнаго собранія (*).

Томасео говорилъ противъ присоединенія; Палеокана и Авесани опровергали доводы краснорѣчиваго депутата; тогда поднялся Маннини. Рѣчи двухъ достопочтенныхъ ораторовъ, предшествовавшихъ имъ, сказали онъ, доказываютъ, что мы говоримъ здѣсь не какъ министры, но какъ простые депутаты... Я также, какъ депутатъ, хочу произнести слова любви и примиренія, но для этого прошу позволенія у президента соеди-

(*) Собраніе состояло изъ 133 членовъ вмѣсто 193; потому что нѣкоторые провинціи были заняты непріятелемъ. Президентомъ былъ избранъ по старшинству г-нъ Пянтони. Засѣданіе открылось 3 іюля въ часъ пополудни.

ить второй вопросъ съ первыиъ; потому что о первомъ нельзя разсуждать, не касаясь второго.»

«Я сегодня того-же мнѣнія, какого былъ 22-го марта, когда провозгласилъ республику передъ воротами арсевала и на площади св. Марка: я и теперь такого-же мнѣнія, и тогда всѣ раздѣляли его; теперь не всѣ такъ думаютъ... (*волненіе*) я произношу слова любви и примиренія и прошу, чтобъ не перерывали меня.»

«Теперь мы не всѣ одного мнѣнія—это фактъ, но также фактъ, что непріятель у нашихъ воротъ и надѣется и желаетъ вражды въ этомъ городѣ, недолимомъ, пока мы согласны, безсильномъ, когда въ него войдетъ междоусобная вражда. Что касается до меня, я удерживаюсь отъ всякаго разсужденія о мнѣніяхъ; я требую помощи и поддержки; я требую великой жертвы и этой великой жертвы я требую у своей партіи—у великодушнѣйшей партіи республиканцевъ (*единодушныя восклицанія*). Непріятель у нашихъ воротъ; онъ рассчитываетъ на наши раздоры—съумѣемъ же обличить его во лжи. Забудемъ всѣ партіи; забудемъ сегодня кто мы,—роялисты или республиканцы—будемъ только помнить, что сегодня всѣ мы граждане.»

«Республиканцамъ я скажу: для насъ будущее; все что сдѣлано или сдѣлается теперь—только временное; окончательное рѣшеніе принадлежитъ итальянскому сейму въ Римѣ.»

Громовыя рукоплесканія пріивѣтствовали эти великодушныя слова; всѣ тѣснились около великаго человѣка; всякій хотѣлъ обнять его, пожать ему руку; сердечное волненіе Манини было такъ велико, что онъ уналъ безъ чувствъ. Страдая болѣзнию сердца, онъ не могъ вынести никакихъ сильныхъ потрясеній....

Послѣ того приступили къ подачѣ голосовъ. Первый вопросъ о немедленномъ рѣшеніи условій политическаго существованія Венеціи былъ рѣшенъ большинствомъ 130 голосовъ противъ 3; второй вопросъ—о присоединеніи къ Пиемонту 127 противъ 6. На другой день (5 июля) шелъ вопросъ о назначеніи членовъ новаго временнаго правительства; Манини получилъ 70 голосовъ, Палеокапа 42, Кастелли 9.

Манини отказался. «Чувствительно благодарю собраніе, сказалъ онъ, за это новое доказательство довѣренности и расположенія; но я не могу его принять; я несколько не скрываю, что я былъ, вѣсть и буду республиканцемъ. Я не могу быть ни чѣмъ въ государствѣ монархическомъ; мѣсто мое въ оппозиціи, но не въ правительствѣ. Я прошу моихъ согражданъ не принуждать меня поступить противно

моимъ убѣжденіямъ. Я принесъ жертву, но не отрекъся отъ своего принципа... Я утомленъ, измученъ даже самыми радостями, у меня недостаетъ болѣе физическихъ силъ; голова моя не выдержитъ—увѣрю васъ; я буду дѣлать только дурныя распоряженія... пощадите меня.»

Несмотря на убѣдительныя просьбы собранія, Манини остался твердъ въ своемъ отказѣ. Новыми членами временнаго правительства были избраны: Каstellи, Палеокапа, Камерата, Мартиненго, Каведальсь, Реали (*).

Извѣстіе о присоединеніи было принято Карломъ—Альбертомъ все не съ тѣмъ восторгомъ, какого слѣдовало ожидать. Причиной этого было желаніе короля вступить въ переговоры съ Австріей на основаніи проекта Гуммелауэра, что видно изъ письма сэра Аберкромби къ Пальмерстону. Венеція служила камнемъ преткновенія для этихъ переговоровъ, а между тѣмъ сардинскія палаты единогласно вотировали присоединеніе ея къ Пиемонту.

7-го августа сардинскіе комиссары: генераль Коля, кавалеръ Чибраріо, и адвокатъ Каstellи приняли Венецію во владѣніе именованнаго Карла—Альберта. Постановленія временнаго правительства относительно свободы книгопечатанія, національной гвардіи, изданія новыхъ законовъ, были сохранены.

Между тѣмъ королевская армія претерпѣла пораженіе и принуждена была заключить перемиріе (9 августа). По одному изъ условій этого перемирія сардинскія войска и флотъ должны были очистить Венецію. Смутныя слухи о неудачахъ Карла—Альберта ходили по городу еще ранѣе совершившихся событій. Первое официальное извѣстіе было получено отъ генерала Вельдена, который, увѣдомляя о сдачѣ Милана, предлагалъ Венеціи капитулировать.

На другой день (9 авг.) Манини явился къ кавалеру Чибраріо и спросилъ его, что онъ сдѣлаетъ, если король принужденъ будетъ предоставить Венецію Австріи. Послѣ нѣкотораго колебанія, комиссаръ отвѣчалъ, что Венеція соединилась съ Пиемонтомъ для того, чтобы быть защищаемою, и если король не имѣетъ средствъ защищать ее, слѣдовательно и самая причина соединенія уничтожается, и Венеція приобретаетъ снова свою независимость.»

— И такъ вы не предадите ее Австріянамъ? продолжалъ Манини...

(* Палеокапа на другой день послѣ избранія посланъ былъ въ Туринъ, а на его мѣсто избрали Паолучи.

— Никогда! скорѣе позволю изрубить себя въ куски!

— Вы не послушаетесь даже именнаго повелѣнія короля?

— Я согласился принять Венецію и управлять ею; если мнѣ дадутъ новое порученіе, я вправѣ принять его или отказаться...

— А генераль Колли того-же мнѣнія?..

— Я его объ этомъ не спрашивалъ, но, судя по нашимъ отношеніямъ, думаю, что онъ согласится со мной. Манини обнялъ Чибаріо и удалился.

11 числа утромъ генераль Вельденъ прислалъ копію съ перемирія Саласко (*), предлагая на выборъ правительства продолжать или прекратить непріятельскія дѣйствія. Коммисары отвѣчали, что, не имѣя никакихъ официальныхъ сообщеній объ этомъ событіи, они не могутъ остановить военныхъ дѣйствій. Пока они совѣщались, какія жѣры имъ предпринять, новость распространилась по городу; агенты Австріи, въ числѣ которыхъ считали и англійскаго консула дѣйствовали мастерски. Площадь св. Марка кипѣла народомъ, который съ жадностью требовалъ извѣстій съ театра войны. Генераль Колли, честный воинъ, не хотѣлъ скрывать истины. Оглушительные крики отвѣчали ему: долой измѣнниковъ! смерть коммисарамъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Раздраженная толпа ворвалась въ присутствіе; нѣкоторые хотѣли тащить Колли на балконъ, чтобъ заставить его отречься отъ власти предъ лицомъ народа. Въ это время пришли Манини и Кастелли. Первый, послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ коммисарами, успокоилъ народъ, объявивъ, что они слагаютъ съ себя власть и что въ продолженіи 48 часовъ онъ беретъ управленіе на себя, съ тѣмъ, чтобы въ это время созвали снова законодательное собраніе.

Въ это время военныя дѣйствія производились съ большею энергіею со стороны непріятеля. Неаполитанскій король, раздраженный, что часть его арміи защищаетъ дѣло свободы, приказалъ своему консулу, во чтобы то ни стало, удалить войска изъ города. Но консулъ ничего не могъ сдѣлать. Такъ дѣло протянулось до августа, когда генераль Пёпе былъ смѣненъ Фердинандомъ, а на мѣсто его назначенъ подполковникъ Ритуччи. Пиемонтскіе коммисары, считая бесполезнымъ удерживать эти ненадежныя войска, отпустили ихъ. Узнавъ объ этомъ, Ав-

---

(*) Это перемиріе названо такъ по имени генерала Саласко, подписавшаго его со стороны Пиемонта.

стрійцы открыли сильный огонь противъ Мальгеры, но ея артиллерія въ короткое время разрушила у нихъ двѣ батареи.

По опредѣленію національнаго собранія, Манини былъ избранъ диктаторомъ. Онъ согласился съ тѣмъ, чтобы въ помощь ему дали двухъ помощниковъ по военной части. Выборъ палъ на адмирала Грациани и полковника Каведалиса. Первый былъ опытный, дѣятельный морякъ, но, къ несчастью, поглощенный подробностями; второй, старый инженеръ, отличался энергіей, строгостью и честностью, былъ искусный администраторъ и неутомимъ не менѣ своихъ сотоварищей.

Сдѣлавъ эти распоряженія, собраніе рѣшилось просить вооруженнаго посредничества Франціи, и съ этой цѣлью отправилъ въ Парижъ Томасео.

Политическое отношеніе Франціи и Англіи къ Венеціи было слѣдующее. Узнавъ о присоединеніи новой республики къ Піемонту, Бастидъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, ревностный республиканецъ, отвѣчалъ, что никогда не заключитъ наступательнаго и оборонительнаго союза съ Карломъ Альбертомъ, но согласится на посредничество и даже на посылку войскъ, если будутъ требовать ихъ. Въ то же время онъ объявилъ лорду Норманби (*), что генералъ Кавеньякъ желаетъ водворить миръ въ Италиіи и лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли считаетъ одновременное и согласное вмѣшательство Франціи и Англіи, на основаніи проекта Гуммеллауэра. Пальмерстонъ отвѣчалъ, что желаетъ знать мнѣніе французскаго правительства, какъ будетъ оно поступать, если Венеція не согласится остаться подъ властью Австріи. Лордъ Норманби отвѣчалъ, что Франція согласна даже на присоединеніе Венеціи къ Піемонту. На другой день 1 авг. генералъ Кавеньякъ, узнавъ о пораженіи сардинской арміи, объявилъ англійскому уполномоченному, что не можетъ послать войска въ Италию по просьбѣ Карла Альберта, потому что итальянцы были противъ вмѣшательства Франціи; но если они потребуютъ теперь помощи, то онъ не въ силахъ будетъ отказать имъ, принимая въ уваженіе общественное мнѣніе Франціи. Не смотря на все это, лордъ Пальмерстонъ медлилъ отвѣтомъ и только тогда согласился приступить къ переговорамъ, когда узналъ, что офціальная просьба о помощи пришла въ Парижъ и что сдѣланы распоряженія объ отправленіи въ Италию 60 т. войска (**). Слѣдствіемъ его

(*) Англ. посланникъ въ Парижѣ.

(**) Изъ нихъ 10 т. въ Венеціи.

отвѣта было молчаніе телеграфа и заключеніе перемирія Саласко. Но, поставляя однимъ изъ условій мирныхъ переговоровъ прекращеніе военныхъ дѣйствій, французскіе и англійскіе дипломаты *забыли* точно опредѣлить политическое состояніе Венеціи. Мало того, въ 5 пунктѣ ноты, поданной Бастидомъ лорду Норманби, было сказано: Австрія сохраняетъ власть надъ Венеціей, которой будетъ дана конституція, подобная венгерской, съ отдѣльной администраціей и правительствомъ.» Австрія очень хорошо понимала это двусмысленное поведеніе и баронъ Вессенбергъ отвѣчалъ лорду Понсонби (*), что онъ убѣжденъ, что генералъ Кавеньякъ имѣетъ величайшее желаніе избѣжать посредничества. Почти въ то же время французскій посланникъ въ Вѣнѣ получилъ слѣдующій отвѣтъ на свои предложенія: «Императорское правительство принимаетъ предложеніе посредничества, предоставляя себѣ право условиться съ посредствующими державами о пунктахъ, которые должны будутъ служить основаніемъ для этихъ переговоровъ.» Не довольствуясь такимъ двусмысленнымъ отвѣтомъ, австрійскій кабинетъ отказался даже прекратить военныя дѣйствія противъ Венеціи, какъ возмущившагося города. Лордъ Пальмерстонъ не захотѣлъ участвовать въ переговорахъ безъ основанія. Дипломатическая комедія разыгрывалась превосходно; Итальянская національность, интересы народовъ приносились въ жертву своекорыстнымъ видамъ кабинетовъ по всѣмъ правиламъ искусства... Французское правительство стало съ этихъ поръ заботиться только о томъ, чтобы Венеція не пала слишкомъ быстро, потому что боялось возбудить общественное негодованіе ея паденіемъ.

А между тѣмъ Венеція истощалась въ патріотическихъ пожертваніяхъ. Манини издалъ два декрета, изъ которыхъ одинъ обязывалъ отнести на монетный дворъ все серебро и золото и взаменъ получить квитанцію, приносящую пять процентовъ; другой предписывалъ всѣмъ, непоступившимъ въ военную службу, записаться въ какой нибудь отрядъ въ продолженіи настоящей осады; но и этого было недостаточно: ежедневныя издержки доходили до 100 т. итальянск. л., т. е. около 21 т. нашихъ рублей; правительство рѣшилось сдѣлать насильственный заемъ въ 5 мил. л.; главнѣйшіе дома Венеціи гарантировали его. (**)

(*) Англ. посл. въ Вѣнѣ.

(**) Эти ассигнаціи были извѣстны подъ именемъ патріотическихъ (*carte patriotica*) и ходили даже долгое время послѣ занятія Австрійцами Венеціи,

Въ это время общественное мнѣніе сильно заявило себя въ пользу Венеціи: префектъ полиціи Дюку (Disoux) въ своемъ рапортѣ президенту совѣта и министру внутреннихъ дѣлъ говоритъ слѣдующее: «Партія бонапартистовъ, безъ сомнѣнія, самая сильная и многочисленная; и я убѣжденъ, что для республики предстоить неминуемая опасность, если въ головѣ этой партіи явится чело­вѣкъ съ умомъ и волею. Армія и народъ, смѣло атакующія вождемъ понимающимъ свое значеніе, перейдутъ подъ знамя фамиліи Наполеона. Народъ не дипломатъ, и судить по инстинкту. Бомбардированіе Мессины, торжество Бурбоновъ въ Неаполѣ, успѣхъ Австріи, союзъ съ Англіей, все это заставляетъ сравнивать нашу политику съ политикой Гизо; видятъ тотъ-же духъ, тѣ же тенденціи и боятся того же результата — униженія страны.... Тѣмъ, которые замѣчаютъ состояніе нашихъ финансовъ, отвѣчаютъ, что армія въ Италіи будетъ стоить дешевле, чѣмъ у подошвы Альпъ; тѣмъ, которые боятся общаго столкновения,—массы отвѣчаютъ, что теперь народы повсюду въ броженіи и что, если республика боится пасть въ войнѣ принциповъ, значить въ ней нѣтъ жизни.»

Такое настроеніе общественнаго мнѣнія заставило французское правительство отправить корабли въ Адриатическое море. Прибытіе ихъ устрасило австрійскихъ крейсеровъ и заставило ихъ облегчить блокаду; но не надолго: Австрія поняла политическую демонстрацію Франціи и объявила законнымъ призомъ всякое судно, направляющееся къ Венеціи.

Между тѣмъ политическій горизонтъ снова омрачился: успѣхи Венгерцевъ возбудили надежду въ сердцѣ Карла Альберта возратить потерянное. Онъ готовился къ новой кампаніи и хотѣлъ составить либеральное министерство. По его приказанію графъ Герардо Фрески предложилъ мѣсто перваго министра Манини. Манини отказался.

Изъ отвѣта его извѣстны только слѣдующія слова (*): «Не считая себя необходимымъ для Венеціи, я все-таки думаю, что долгъ

тогда какъ народъ не принималъ австрійскихъ ассигнацій. Только въ 1859 Венеціанцевъ принудили принимать ихъ въ уплату, а подати уплачивать звонкой монетой, отчего она въ теченіи года почти совершенно исчезла.

(*) Слова эти сообщены г-ну Плапѣ де ла Фай Брофферіо; подлинникъ-же находится у графа Герардо Фрески, котораго въ настоящее время (1860) нѣтъ въ Европѣ.

приказывает мнѣ оставаться здѣсь. Благодарю короля и свободного гражданина, которые подумали обо мнѣ, и когда благо Италіи призоветъ меня въ Туринъ, я буду тамъ, если потребуетъ отечество (*).»

И дѣйствительно, онъ находился тамъ, гдѣ требовало его отечество. Положеніе Венеціи становилось все хуже; отдаленныя надежды легли на ее золотыми снами; будущее представлялось въ радужномъ свѣтѣ, но настоящее было ужасно. Холодъ усиливался, а сукна для одежды не было; войска были одѣты въ самые разнообразные костюмы, употребивъ на нихъ даже сукно съ бильярдовъ; съѣстные припасы вздорожали, въ особенности говядина; но правительство не теряло духу; пожертвованія не прекращались. Манини и его товарищи отказались отъ жалованья; генералъ Пепе пожертвовалъ одну превосходную картину Леонарда да Винчи; Венеція готова была заложить даже свою знаменитую картинную галерею. Всѣ наперерывъ старались показать, что можетъ сдѣлать любовь къ отчизнѣ. Казалось, судьба тронулась ихъ несчастіями: пароходъ «Океанъ» привезъ 6000 ружей изъ Генуи, адмиралъ Альбини передалъ временному правительству 540 т. фр. какъ субсидію сардинскаго короля; но вскорѣ неожиданный ударъ поразилъ Венецію.

Лордъ Пальмерстонъ, принявъ въ концѣ сентября участіе въ посредничествѣ безъ базы, отъ котораго прежде отказывался, написалъ въ отвѣтъ на настоятельныя просьбы Манини:..... «Я долженъ васъ увѣдомить, что въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ британскимъ правительствомъ австрійскому нѣтъ ничего, что относилось бы къ отдѣленію Венеціи отъ императорской короны и что поэтому было бы благоразумно со стороны Венеціанъ войти въ сношеніе съ австрійскимъ правительствомъ». Съ другой стороны извѣстія изъ Франціи были тоже неутѣшительны. Томасео писалъ, что правительство лицежритъ: говорить однимъ языкомъ въ публикѣ и въ газетахъ, другимъ наединѣ и въ депешахъ. Но какъ будто въ вознагражденіе этихъ неприяностей блистательный успѣхъ увѣнчалъ венеціанское оружіе. Манини рѣшился положить предѣлъ вѣроломству Австріи, которая, пользуясь предложеннымъ посредничествомъ, формировала новые батальоны, и заготовляла военные запасы—Венеція—же въ это время истощала свои финансы и силы; болѣзни и бездѣйствіе оказывали вредное влі-

(*) E quando la salute dell' Italia mi chiamasse a Torino sarò dove mi farà appello la patria.

аніе на духъ войскъ; надо было поднять его, надо было показать дипломатамъ, что древнее мужество не умерло въ сердцахъ Итальянцевъ» (*) Триумвиры приказали генералу Пепе открыть непріятельскія дѣйствія противъ Австрійцевъ. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ стычекъ, онъ рѣшился атаковать Местре. Шесть пушекъ, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и 500 плѣнныхъ были трофеями этого дня. Потеря Венеціанъ простиралась до 120 человекъ, въ томъ числѣ 9 офицеровъ и 19 унтеръ офицеровъ. Обѣ стороны сражались съ величайшимъ мужествомъ; національная гвардія, регулярныя войска и волонтеры соперничали другъ передъ другомъ. Молоденькій барабанщикъ Спеціальи (Speciali), видя, что его товарищъ, такой-же мальчикъ какъ и онъ, раненъ, схватилъ его барабанъ и доташилъ до Местре. Другой мальчикъ Піетро Цорци, замѣтивъ, что флагъ шлюпки, на которой онъ служилъ, сбитъ, бросился въ воду подъ градомъ картечи, вытащилъ его, взлѣзъ на мачту и снова прикрѣпилъ, восклицая: viva l'Italia; капитанъ Больдони, видя, что прислуга у его орудій перебита, самъ принялся заряжать пушки; знаменитый неаполитанскій поэтъ Александръ Поэріо, раненый въ ногу, продолжалъ сражаться до тѣхъ поръ, пока не получилъ другой раны, отъ которой черезъ три дня скончался...

Но всѣ эти подвиги, всѣ вылазки не нравились посредствующимъ державамъ; они позволяли Австріи все, и жаловались, если Венеція прибѣгала къ необходимымъ мѣрамъ защиты; онѣ боялись начавшейся реакціи, не понимая ея настоящихъ силъ. Не станемъ слѣдить за всѣми переворотами этой драмы; французская дипломатія безпрестанно измѣняла рѣшенія, обманывая даже своихъ консуловъ въ Венеціи. При такомъ положеніи дѣлъ нужна была вся энергія и талантливость Манини, чтобъ усмирять то необдуманная предложенія клуба (circolo italiano), то несвоевременныя разсужденія о формѣ правительства, то волненія народа. Надо удивляться ему, но не менѣе надо удивляться и народу, который съ 23 марта до 13 декабря доставилъ правительству около 34 мил. л.; безтрепетно выдерживалъ всѣ ужасы осады и безропотно шелъ на смерть.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. Послѣ пораженія при Новарѣ Карлъ Альбертъ отрекся отъ престола, а преемникъ его принужденъ былъ заключить весьма невыгодный миръ, вслѣдствіе ко-

(*) Che l'antico valore
Nell'italici cor non è ancor morto.

того сардинскій флотъ и войска предоставили Венецію собственнымъ ея силамъ. Легионъ римскихъ волонтеровъ ушелъ еще ранѣе, послѣ удаленія папы въ Гаэту, потому что римская республика нуждалась въ войскахъ. Парма, Модена, Болонья, Феррара, Тоскана были заняты австрійскими войсками. Вмѣшательство Франціи въ римскія дѣла было несомнѣнно; посредствующія державы во что бы то ни стало хотѣли мира, особенно Англія. Французскій же министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ, что не почтетъ поводомъ къ войнѣ даже занятіе Австрійцами Пиемонта. Такимъ положеніемъ дѣлъ вздумалъ воспользоваться генералъ Гайнау, командовавшій осадкою. Пославъ въ Венецію копію съ официальнаго сообщенія Радецкаго о побѣдѣ подъ Новарою, онъ требовалъ немедленной сдачи города. Получивъ это извѣстіе и подтвержденіе въ его справедливости, Манини въ засѣданіи 2-го апрѣля 1849 сообщилъ его собранію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прочиталъ письмо венеціанскаго повѣреннаго во Флоренціи, въ которомъ тотъ извѣщалъ о возстаніи Генуи. «Необходимо принять какія нибудь мѣры въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ», заключилъ президентъ. Адвокатъ Бенвенути требовалъ инициативы со стороны правительства. Тогда Манини, обратившись къ собранію, спросилъ: хотите-ли вы сопротивляться?

— Да, хотимъ, отвѣчали ему.

— Во что-бы то ни стало?

— Во что бы то ни стало.

— Вспомните, я заставляю васъ сдѣлать громадныя пожертвованія.

— Мы ихъ сдѣлаемъ.

— Чтобъ сопротивляться во что бы то ни стало, правительство должно быть крѣпко; чтобъ быть крѣпкимъ, оно должно имѣть неограниченную власть. Наше положеніе можетъ сдѣлаться чрезвычайно труднымъ; сопротивленіе можетъ потребовать желѣзной руки. Въ данную минуту даже часть народа можетъ воспротивиться продолженію защиты. Согласитесь ли вы въ этомъ случаѣ дать правительству власть усмирять даже народъ?

Единодушныя восклицанія приняли слова президента. Ему была предоставлена неограниченная власть.

Но эта геройская рѣшимость не тронула посредствующихъ державъ: они продолжали изъяслять свое сочувствіе на словахъ, общали писать энергическія ноты—но не болѣе; на дѣлѣ же совѣтовали вступить въ переговоры прямо съ Австріей. Въ этой крайности Те-

масео обратился съ воззваніемъ къ Европѣ. Вотъ его прокламація. «Послѣ года страданій, обманутая въ своихъ законныхъ надеждахъ, Венеція почерпаетъ энергію въ самомъ своемъ несчастьи и даетъ обѣтъ стоять до конца. Она одна, но съ ней Богъ; права слабѣе тѣмъ священнѣе, чѣмъ меньше его силы. Венеція нѣкогда стояла цѣлаго королевства, теперь она представляетъ цѣлую націю. Мы вѣримъ въ нашу судьбу, мы будемъ противиться: Богъ дастъ намъ силы; Европа не оставитъ насъ въ этой крайности. Мы принесли много жертвъ безъ жалобъ и безъ тщеславія: мы вооружили болѣе 60 фортвъ и 60 миль береговъ. Этотъ изнѣженный, приученный къ миру городъ доставилъ солдатъ болѣе чѣмъ какая нибудь воинственная область: дѣти, женщины, монахи, каторжники—все добровольно лишали себя самого необходимаго ради отечества. Мы не хотимъ говорить ни о нашемъ неприятелѣ, ни о его жестокости, ни о безславномъ торгѣ, которой пятьдесятъ лѣтъ назадъ предалъ насъ ему. Исторія уже произнесла надъ нимъ приговоръ. Нѣтъ, мы умоляемъ христіанскую и цивилизованную Европу показать свѣту, что въ наши дни политика умѣетъ совершать дѣла согласныя съ правилами религіи и гуманности....

Европа осталось глуха къ этому воззванію. Все отступились отъ Венеціи: одна только Венгерія протянула ей руку помощи. Она заключила съ ней оборонительный и наступательный союзъ (3 іюня).

Пока происходили эти событія, Австрія задумала нанести Венеціи рѣшительный ударъ; покорить ее было необходимо прежде наступленія лѣта, потому что жары для осаждающихъ были страшнѣе пушекъ. Съ этою цѣлью, генералъ Гайнау, соединивъ подъ своимъ начальствомъ до 24 т. человекъ, открылъ въ концѣ апрѣля траншеи передъ Мальгерой. 4-го мая началось бомбардированіе. Болѣе 7000 выстрѣловъ было сдѣлано въ этотъ день. Радецкій, окруженный эрцгерцогами Карломъ, Фердинандомъ, Леопольдомъ и Вильгельмомъ, присутствовалъ при бомбардированіи. Онъ надѣялся вступить въ Венецію не позже 7-го мая; но надежды его были разрушены мужествомъ осажденныхъ. Храбрый полковникъ Уллоа, комендантъ Мальгеры, отвѣчалъ на огонь неприятеля безостановочно. На другой день Гайнау прислалъ требованіе Радецкаго о сдачѣ Венеціи, предлагая перемиріе до 6-го числа. Письмо это и прокламація Радецкаго, вопреки всѣмъ обычаямъ войны, были переданы на аванпосты распечатанными. Препроводивъ присланныя бумаги къ Манини, пол-

ковникъ Уллоа замѣтилъ, что эти уклоненія отъ общепринятыхъ обычаевъ клонятся только къ тому, чтобъ обольстить гарнизонъ и выиграть время для осадныхъ работъ и потому онъ, до приказанія правительства, не прекратитъ огня. Ответъ Манини былъ въ томъ же духѣ.

Не станемъ слѣдить за всѣми фазисами осады Мальгеры. Она пала, потому что всякая искусственная крѣпость, не поддержанная вспомогательною арміею, рано или поздно должна пасть. Бомбардированіе 24 и 25 мая было ужасно: болѣе 60 т. снарядовъ Австріицы бросили въ крѣпость въ эти два дня. Она представляла груды развалинъ; земля была изрыта бомбами и усыяна картечью, большая часть орудій подбита; гарнизонъ изъ 2000 человекъ потерялъ болѣе 300; остальные были измучены; сопротивляться дольше было невозможно, но Уллоа не хотѣлъ оставить крѣпости безъ формальнаго предписанія правительства. Манини, принявъ во вниманіе, что военная честь удовлетворена и что дальнѣйшая оборона только ослабила бы гарнизонъ Венеціи, приказалъ очистить Мальгеру. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было взорвать нѣсколько арокъ моста, соединяющаго городъ съ твердой землей.

Утвердившись въ развалинахъ моста, непріятель продолжалъ свои работы.

Въ это время начались переговоры прямо съ австрійскимъ правительствомъ. Давно уже оно желало этого. Еще въ бытность Томасео въ Парижѣ, Ротшильдъ предлагалъ ему увидѣться съ австрійскимъ посланникомъ: повѣренный Ротшильда, Аструкъ, хотѣлъ черезъ французскаго консула Вассера убѣдить Манини войти въ сношенія съ Австріею; наконецъ въ послѣднее время безпрестанные совѣты Франціи и Англіи заставляли правительство пойти по этому пути. Дѣлать было нечего. Въ письмѣ къ Радецкому (*) Манини упоминалъ, что готовъ вступить въ переговоры прямо съ императорскими министрами, но фельдмаршалъ отвѣчалъ на это отказомъ; тѣмъ не менѣе 31 мая Манини получилъ письмо отъ министра коммерціи Брука, который изъявлялъ желаніе узнать объ условіяхъ Венеціанъ. Манини назначилъ двухъ уполномоченныхъ, хотя и былъ увѣренъ, что переговоры ни къ чему не приведутъ, но отказываясь отъ нихъ, онъ далъ-бы случай Австріи кричать вездѣ, что Венеція не хотѣла даже выслушать весьма почетныхъ условій, которыя императорское прави-

---

(*) См. выше отвѣтъ на письмо Гайнау.

тельство было намѣрено предложить ей. Ожиданія Манини оправдались; Брукъ ограничился неопредѣленными обѣщаніями. Въ сущности между его предложеніями и существовавшимъ до революціи порядкомъ не было никакой разницы, кромѣ учрежденія и ежегоднаго созванія сейма, почти безъ всякихъ правъ и гарантій. Сверхъ того самая конституція должна была имѣть свое приѣненіе не прежде возстановленія общаго мира въ Европѣ; до тѣхъ же поръ итальянскія провинціи должны были находиться на военномъ положеніи.

Венеція продолжала защищаться. Огонь непріятели возрасталъ постоянно: отъ 4 до 15 іюля было брошено въ городъ до 11 т. снарядовъ; съ 29 началось самое жестокое бомбардированіе со всѣхъ батарей; видя невозможность одолѣть мужество миллионеровъ, непріятель обратилъ свою ярость противъ мирныхъ жителей; бомбы, гранаты, каленныя ядра—градомъ сыпались надъ несчастной Венеціей. Почти половина города находилась подъ огнемъ непріятели. Испуганные граждане тѣснились на площади св. Марка, невольничьей (Schiavoni) набережной, въ кварталѣ Каstellи. Правительство открыло дворецъ дожей; духовенство, городскія власти, частныя лица—всѣ наперерывъ предлагали убѣжище несчастнымъ (*)...

Къ довершенію бѣдствій блокада усилилась: въ городѣ сдѣлался страшный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: принуждены были примѣнять къ пшеничной мукѣ ржаную; на мясо и овощи назначена была такса; больныхъ было множество; въ городѣ показалась холера. Въ одну недѣлю (отъ 14—20 авг.) умерло до 1,500 человекъ; на флотѣ болѣзнь была еще сильнѣе: на корветѣ Ломбардинъ въ два съ половиною дня изъ ста десяти человекъ заболѣло 53, изъ которыхъ большая часть умерла;—вообще по истеченіи 5 дней осталось въ живыхъ только 30 человекъ; такая смертность заставила отложить попытку освободить Венецію отъ блокады посредствомъ морскаго сраженія. Прибавьте къ этому новые налоги, безпрестанные пожары, интриги австрійскихъ агентовъ и вы будете имѣть только поверхностное понятіе о состояніи Венеціи. Нѣкоторые наиболѣе малодушные предлагали составить адресъ о капитуляціи; во главѣ ихъ находился венеціанскій патріархъ: раздраженный народъ разграбилъ его домъ и

(*) Трогательныя явленія представлялись въ это печальное время: одинъ кварталъ Каstellи принялъ до 500 семействъ, хотя эти семейства были изъ другаго квартала, враждебнаго Каstellи.

можетъ быть, только помощь, поданная Томасео, прибѣжавшимъ съ отрядомъ національной гвардіи, спасла его отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Черезъ нѣсколько дней нѣкоторые изъ членовъ собранія сдѣлали предложеніе о поголовной вылазкѣ; австрійскіе агенты тотчасъ воспользовались этимъ. Утромъ 8 числа они прильпили на стѣнахъ эишу, приглашающую всѣхъ послѣдовать этому совѣту. Въ городѣ распространился слухъ о прибытіи Гарибальди, многочисленныя толпы собрались на площади св. Марка и требовали Манини. Онъ явился. Голоса изъ толпы требовали битвы. «Вы хотите сражаться, отвѣчалъ диктаторъ, кто-же вамъ мѣшаетъ? Сколько разъ я говорилъ, что списки для вербовки открыты; записывайтесь, но не приходите на площадь пиццать, какъ женщины» — «Мы хотимъ сражаться всё вмѣстѣ», возразили ему. — Пусть, кто первый сказалъ это, пусть возьметъ ружье и идетъ сражаться; рекрутскія присутствія открыты, повторяю я. Ступайте, вы найдете начальниковъ, которые поведутъ васъ — а я, если хотите, скажу вамъ откровенно, что ваши дѣла до сихъ поръ не соответствовали словамъ».

Пронзая эту рѣчь, Манини велѣлъ принести себѣ столъ и листъ бумаги и сказалъ: «кто хочетъ сраженія долженъ здѣсь записаться. Представилось только 7 человекъ..

Капитуляція была неизбѣжна. Но надо было доказать Австрійцамъ, что городъ можетъ еще держаться, надо было вести переговоры съ достоинствомъ, чтобъ получить возможно выгодныя условія; надо было приготовить народъ къ неизбѣжному несчастію.

Послѣ смотра національной гвардіи 13 августа, Манини обратился къ ней съ такими словами: «Солдаты граждане! Въ теченіи всей нашей революціи, почти полтора года мы поддержали чистымъ имя Венеціи, прежде презираемой, теперь уважаемой нашими друзьями и даже непріятелями. Главная заслуга принадлежитъ національной гвардіи, постоянной, бодрой, неутомимой. Народъ, который столько сдѣлалъ и страдалъ, сколько сдѣлалъ, страдалъ и страдаетъ нашъ народъ, — не можетъ погибнуть. Придетъ нѣкогда день, когда блескъ его участи отвѣтитъ его достоинствамъ. Когда-же придетъ этотъ день? Это въ волѣ Божей. Мы съяли — доброе сѣмя въ этой почвѣ принесетъ плоды свои». Потомъ, исчисливъ заслуги національной гвардіи, Манини спросилъ имѣеть-ли она къ нему полную довѣренность. Восторженныя восклицанія отвѣчали ему. Тогда со слезами на глазахъ онъ продолжалъ. «Эта привязанность, эта несокрушимая

довѣренность глубоко трогаютъ меня и въ то же время печаливаютъ.. Да, они печаливаютъ меня болѣе, чѣмъ я могу сказать, потому что еще живѣе, если только это возможно, представляются мнѣ страданія народа! Вы не можете, къ несчастію, постоянно рассчитывать на мои силы физическія, нравственныя и умственныя; но на мою привязанность къ вамъ, глубокую, пламенную, несокрушимую, можете рассчитывать всегда, каковы-бы ни были испытанія, которыя Провидѣніе сохранило намъ. Вы можете сказать: этотъ человѣкъ обманулся, но никогда не скажете: «этотъ человѣкъ обманулъ насъ»! Никогда я ни кого не обманывалъ, никогда я не старался возбудить мечты, которыхъ не раздѣлялъ, никогда я не говорилъ: надѣйтесь, когда не надѣялся самъ»!.. Внезапный припадокъ прервалъ рѣчь президента, расширеніе сердца сдѣлалось такъ быстро и сильно, что онъ упалъ, заливаясь горячими слезами и восклицая «и съ такимъ народомъ быть принуждену уступить»!

16 числа пришло письмо отъ Брука съ прокламаціей Радецкого, въ которой были предложены прежнія условія капитуляціи (*) но условія эти были неясны въ нѣкоторыхъ пунктахъ и потому Манини отправилъ уполномоченныхъ къ Горцковскому, требуя приличнаго срока для выхода войскъ, предварительнаго назначенія 40 гражданъ, которые должны оставить городъ, полной амнистіи для другихъ. Сверхъ того онъ требовалъ, чтобъ не была наложена контрибуція и чтобы предварительно условились о погашеніи народнаго долга...

Отправляя Медини, Приули и Каведалиса съ этими предложеніями, Манини принужденъ былъ успокоить народъ; надо было показать неприятелю, что Венеція не дошла до послѣдней крайности. Это имѣло успѣхъ: Горцковскій объявилъ, что всѣ офицеры, служившіе прежде въ австрійской арміи должны оставить городъ, также какъ и всѣ военные другихъ государствъ; сверхъ того 40 гражданъ, означенныхъ въ особомъ спискѣ подвергаются той же участи (**). Относительно

(*) Условія эти были слѣдующія. Полная покорность города; немедленная сдача всѣхъ фортовъ, арсенала, оружія, какъ общественнаго, такъ и принадлежащаго частнымъ лицамъ; всѣ лица, которыя захотятъ оставить Венецію, могутъ удалиться; амнистія солдатамъ и унтеръ-офицерамъ.

(**) Лица, назначенныя въ изгнаніе были слѣдующія: Авесани, Бенвенути, Джураги. Минотто, Менгальдо, Пиккерле, Манини, Томасео, Зерманъ, Дзавети, Верготини, Сеисемитъ-Дода, Варе, Морозини, Мальвати, Торниело, Дели-Антони

погашенія долговъ было предложено, чтобы ассигнаціи, извѣстныя подъ именемъ «*Carta comunale*» имѣли половину нарицательной цѣнности; погашеніе ихъ лежало на муниципалитетѣ, который долженъ былъ принять финансовыя мѣры къ скорѣйшему ихъ изытанію изъ обращенія. Подобныя-же распоряженія были сдѣланы и въ отношеніи патриотическихъ ассигнацій (*carta patriotica*).

Пока велись эти переговоры, войска, узнавъ, что муниципалитетъ распорядился, чтобы солдатамъ, остающимся въ городѣ, выдать за десять дней жалованье, а отправляющимся въ изгнаніе за три мѣсяца, пришли въ волненіе. Человѣкъ 400 овладѣли римской батареей и грозили бомбардировать городъ, если имъ не выдадутъ жалованья за три мѣсяца. Къ этому присоединились крики толпы, желавшей узнать объ исходѣ мирныхъ переговоровъ. Президентъ явился на балконѣ. «Итальянцы-ли вы, спросилъ онъ, обращаясь къ народу?

— Да да! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Хотите-ли вы быть достойными свободы?

— Да, да!

— Въ такомъ случаѣ прогоните отъ себя людей недостойныхъ, возбуждающихъ васъ. Что касается до меня, я вамъ обещаю, что скорѣе позволю убитъ себя, чѣмъ подпишу унизительное условіе. Если непріятель превосходитъ насъ силами, если насъ оставила цѣлая Европа... сохранимъ, по крайней мѣрѣ, непорочную честь той Венеціи, которая настоящимъ своимъ поведеніемъ заслужила удивленіе цѣлага свѣта!...

Послѣ того, въ сопровожденіи національной гвардіи, онъ отправился къ римской батарее. Появленіе его и энергическія слова, которыми онъ призывалъ недовольныхъ къ чувству долга, укротили ихъ и такимъ образомъ слава Венеціи не была помрачена въ послѣднія минуты ея свободнаго политическаго существованія.

24 августа временное правительство передало власть муниципальному. Венеція пала, но пала послѣднею, спустя 4 дня послѣ полученія извѣстія о паденіи Венгріи, когда не осталось ни куска хлѣба, ни зерна пороху. Манини удалился домой, чтобы готовиться къ отъѣзду. Мрачной представлялась ему будущность. Онъ шелъ въ изгнаніе съ женой, сыномъ, съ большой дочерью, почти безъ

Мирковичъ, Матсукето, Камелло, Канети, Джустиніани. Леви, Штадлеръ, Ланца, Панцони, Солеръ, Маттеи, Бернарди, Грондони, Фабрисъ, Сиртори, Серена, братья де-Мула, Беллинато, Манелли, Лацанео, Манцини и Каффи.

денегъ, безъ средствъ къ существованію; бросившись въ потокъ революціи, онъ пожертвовалъ ей всѣмъ, хотя и не сочувствовалъ ей; у него было врожденное отвращеніе ко всякому беспорядку; «а между тѣмъ, говорилъ онъ, беспорядокъ былъ необходимъ для начатія революціи, я покорился этой горькой необходимости, но какъ скоро она перестала быть необходимостью, я употребилъ всѣ усилія для водворенія порядка. Отдавшись революціи, я считалъ невозможнымъ пережить ея паденіе и не приготовилъ ни для себя, ни для дѣтей убѣжища или средствъ къ существованію въ случаѣ неудачи.» Но Венеція не забыла о своемъ героѣ, и муниципалитетъ предложилъ ему 24 т. фр. Сумма эта и уроки итальянскаго языка обезпечили его существованіе во время восьмилѣтняго изгнанія....

Ушло готовился венеціанскій Вашингтонъ покинуть навсегда свою родину; печальныя мысли бродили въ головѣ его; но въ эти горькія минуты онъ былъ утѣшенъ народнымъ сочувствіемъ. «Онъ тамъ, говорилъ народъ подъ его окномъ, онъ тамъ, нашъ бѣдный отецъ, онъ такъ страдалъ за насъ, Боже, благослови его!»...

27 августа французскій пароходъ «Плутонъ» унесъ Манини, семейство и друзей его во Францію. На другой день, при гробовомъ молчаніи народа, австрійскія войска вступили въ Венецію. Такъ кончилась эта величественная драма. Благородные защитники итальянской независимости сошли со сцены, оставивъ міру еще одинъ великій урокъ—революціи, незапятнанной политическими преступленіями. Journal des Débats, Times, даже Lloyd отдали справедливость временному правительству, его дѣятельности и неумоимости, хотя австрійская газета и не могла не клеветать на Манини, обвиняя его въ nepотизмѣ. Но гдѣ-же доказательства? Изъ всѣхъ частныхъ друзей президента одинъ Пинкерле былъ министромъ, и то три мѣсяца; и ему обязана Венеція заготовленіемъ провіанта на время осады; Петсато, неразлучный другъ диктатора, ворчливый критикъ его распоряженій, никогда не занималъ никакого правительственнаго мѣста; Дели-Антони былъ офицеромъ національной гвардіи; сынъ Манини служилъ простымъ солдатомъ въ стрѣлкахъ Силе.

Съ грустью останавливаемся на участи венеціанскаго народа. Энергическій, свободолюбивый, онъ умѣлъ подчиняться, когда требовали того обстоятельства. Онъ не щадилъ ничего для блага отечества и въ послѣднюю революцію пожертвовалъ болѣе 60 м. ляръ. Этотъ народъ созрѣлъ для свободы, понималъ ее и былъ

работѣ своего долга, но ревнивымъ господиномъ своего права. Не только патриции и образованный классъ, но гондольеры были развиты на столько, что могли разсуждать о правахъ. Вотъ что говорилъ гондольеръ Галли (*) своимъ товарищамъ на выборѣ диктатора: «Теперешняя Венеція есть Венеція первыхъ временъ; преданная рыболовству, бѣдная, демократическая, она умѣла возвеличиться тогда оружіемъ, торговлею, гражданскими доблестями; она можетъ и должна сдѣлать то же теперь, когда благодаря единодушному согласію всѣхъ гражданъ, она сбросила и разбила иго иноплеменника. Древняя Венеція одряхлѣла, когда дурная трава общественныхъ различій распространилась по ея дѣвственной почвѣ; она пала бы и теперь, еслибъ граждане, спасшіе ее въ чудномъ порывѣ энтузіазма и самопожертванія, не были призваны *еще* устроить судьбу ея.

Я говорилъ о демократіи и аристократіи, но знаете-ли вы, что означаютъ эти слова? Демократія, это равенство правъ всѣхъ гражданъ безъ различія; аристократія—преобладаніе патриціевъ въ ущербъ общественному праву. Мы хотимъ и желаемъ быть демократами, какъ были наши отцы, мы хотимъ имѣть тѣ же права и обязанности, какъ и другіе граждане. Но не думайте, ради Бога не думайте, чтобъ въ словѣ демократъ заключалась мысль или покушеніе на чужую собственность. Богатые пусть остаются богатыми, для того, чтобъ облегчить нашу бѣдность, давая намъ работу; патроны наши пусть будутъ уважаемы, потому что они даютъ намъ средство жить честно; они охотно согласятся потерять нѣсколько часовъ нашей работы зная, что эти часы посвящены общественному благу—слушать и даже внушать проекты улучшенія участи нашей, нашихъ дѣтей и будущихъ поколѣній.

Всему, что я говорю, всему этому научило меня сперва мое собственное сердце, а потомъ исторія, которую я прочелъ, хоть я и гондольеръ.

Я долженъ прибавить, что во всемъ, что мы сдѣлаемъ сегодня демократически, какъ въ первыя славныя времена Венеціи, во всемъ этомъ мы должны быть готовы сдѣлать измѣненія для общаго блага Италіи, потому что прежде всего мы Итальянцы».

(*) Галли, по прозвищу музыкантъ, былъ гондольеръ въ службѣ банкира Когена (Cohen), и большой любитель литературы и въ особенности поэзіи; онъ составилъ нѣсколько стихотвореній на разные случаи.

Послѣ этого становится понятно восклицаніе Манини: «и съ такимъ народомъ быть принуждену уступить»!

Да, пришлось уступить, не отъ недостатка во флотѣ, какъ полагаетъ Уллоа, не отъ недостатка въ хорошихъ генералахъ, какъ думаетъ Перанъ (Perrens), но оттого, что противъ союза народностей составила другая коалиція, болѣе опытная въ дипломатіи. Флотъ могъ продлить сопротивленіе на нѣсколько мѣсяцевъ и только; Венеція, оставленная Италіей, безъ помощи Венгріи, не могла бороться съ Австріей; Уллоа, Сиртори, Цепе не уступали въ дарованіяхъ австрійскимъ генераламъ, но они были въ силахъ одолѣть съ ними по чрезвычайной несоразмѣрности въ средствахъ. Главная ошибка Италіи состояла въ томъ, что она не поняла, что ключъ ея независимости въ Венеціи, что Австрія до тѣхъ поръ связана въ своихъ дѣйствіяхъ, пока Венеція свободна. Увлеченная обѣщаніями Пія IX и Фердинанда, Италія дорого заплатила за свою ошибку. Еще разъ суждено было торжествовать реакціи, еще разъ поборники итальянской свободы должны были явиться въ Европѣ изгнанниками и представителями чистоты своихъ убѣжденій. Болѣе 80 т. итальянцевъ странствовало по Европѣ и Америкѣ и вносило въ народное убѣжденіе болѣе и болѣе сочувствія къ Италіи и ненависти къ Австріи. Гарибальди мечемъ, Манини — примѣромъ своей жизни, служили дѣлу Италіи.

Несчастный изгнанникъ, едва ступилъ онъ на цвѣтуція берега Прованса, какъ жена его пала жертвой холеры, свирѣпствовавшей въ то время въ Марсели. Бѣдный вдовецъ переселился въ Парижъ вмѣстѣ съ своей больной дочерью. Емилія была необыкновенная дѣвушка: тѣлесныя страданія какъ будто способствовали только къ развитію ея духа; она представляла одно существо съ отцомъ. Посвященная во всѣ его думы и проэекты, она любила Италію такъ же пламенно, какъ и онъ, и была для него живымъ образомъ несчастной родины. Страшныя нервическія страданія почти постоянно приковывали бѣдную дѣвушку къ бользненному одру. Наконецъ въ началѣ января 1854 страданія ея прекратились. До самаго конца она сохранила сознаніе. Мысли ея были устремлены къ родицѣ. «Ахъ, Венеція, прошептала она въ послѣднія мгновенія, я уже не увижу тебя»!

Ударъ былъ жестокъ. Для ней, можно сказать, жилъ, ей дышалъ онъ; для ней не давалъ себѣ ни часу покоя, набирая уроки, для ней продавалъ свою бібліотеку и вдругъ смерть поразила ее.

Въ 1855 году онъ посѣтилъ Англiю. Его приняли ласково — и только. Для Англiи важенъ былъ въ то время нейтралитетъ Австрiи, и Манини ничего не могъ добиться. Политическiй девизъ его: «справедливое полезно» противорѣчилъ принципу англiйскаго правительства: «полезное справедливо».

Возвратившись во Францiю, Манини продолжалъ заниматься уроками, внимательно слѣдя за событiями; надъ Италией закигалась яркая заря, но онъ чувствовалъ, что ему не видать восходящаго солнца. Всегдашнее утомленiе жизнью преслѣдовало его болѣе чѣмъ когда нибудь. «Я всегда чувствовалъ сильную потребность покоя, говорилъ онъ, и особенно покоя продолжительнаго, какой находятъ только въ могилѣ. Мое удаленiе отъ жизни было, можетъ быть, отчасти лѣтностью. Процессъ жизни долженъ для здороваго человѣка быть удовольствiемъ, для меня же съ самаго дѣтства онъ былъ тягостенъ и утомителенъ».

22 сентября 1857 пламенное желанiе изгнанника исполнилось — онъ пересталъ страдать. Австрiя, преслѣдовавшая его всю жизнь, преслѣдовала самую память его. Не успѣвъ помѣшать служенiю похоронной мессы, австрiйское правительство приняло мѣры, чтобъ она не повторялась въ годовщину его смерти. Строгiй циркуляръ былъ разосланъ ко всемъ священникамъ, съ запрещенiемъ, подъ страхомъ строгаго наказанiя, служить мессу. Наступило 22 число. Толпы устремились въ церковь св. Луки, но двери ея были заперты. Покушавшiеся отворить ихъ были арестованы и толпа разсѣялась, но не отказалась отъ своего намѣренiя. Вечеромъ, въ 6 часовъ, длинная линiя гондолъ потянулась къ маленькой капуцинской церкви близъ кладбища св. Михаила. Полицiя, не приготовленная къ такому предпрiятiю, не успѣла помѣшать ему и погребальная месса была отслушена.

Безсильная злоба Австрiи ничего не можетъ противъ великаго гражданина. Съ каждымъ днемъ растетъ къ нему сочувствiе, растетъ его слава; каждый день раскрываетъ подробнѣе и яснѣе его доблести и низость его гонителей, каждый децъ доказываетъ, что безъ Венецiи нѣтъ единства Италии, нѣтъ общаго мира. Ему воздвигаютъ памятникъ въ Туринѣ, но лучшимъ памятникомъ ему будетъ освобожденная Венецiя въ тотъ мигъ, когда пробужденные народы сознаютъ свои ошибки и вырвутъ адриатическую красавицу изъ когтей коршуна, недостойнаго названiя орла.

Нельзя не поблагодарить г. Плана-де-ла-Фэй за его издание, жаль только, что въ число документовъ не вошли относящіеся къ венгерской войнѣ; можетъ быть, это бросило бы новый свѣтъ на событія. Признавая справедливость большей части его заключеній, нельзя согласиться съ нимъ въ оправданіи Пальмерстона и Карла-Альберта. Факты громко говорятъ сами за себя, и мы почти увѣрены, что эти оправданія вызваны политическими соображеніями, чтобъ не повредить великому дѣлу итальянской національности.

В. ПОПОВЪ,

РЕМЕСЛЕННИЦА.

(L'OUVRIÈRE, PAR JULES SIMON. PARIS 1861.)

Еще недавно поэтъ пѣлъ намъ веселья пѣсни о работницѣ Женни, о красивой и свѣжей молодой дѣвушкѣ, щекотавшей у своего окна вмѣстѣ съ своимъ збликомъ. Женни была хороша собой; она могла бы жить въ роскоши, но предпочла то, что послала ей судьба. Живописцы изображали типы въ родѣ Марты пряхи (Marthe la fileuse), рисовали швей съ очаровательными ручками, цвѣточницъ, миловидныхъ до крайности, толпу розовыхъ, полуодѣтыхъ ребятишекъ, разсыпанныхъ въ прелестныхъ группахъ вокругъ отца, работающаго за ткацкимъ станкомъ и счастливой матери, вертящей самопрялку.

Такія картины теперь несовременны; теперь мы гораздо лучше прежняго знаемъ жизнь заморскихъ дикарей и немущей братіи нашего общества, и слово работница не вызываетъ въ нашей душѣ веселыхъ представленій; напротивъ, намъ чудится въ полумракѣ толпа женщинъ исхудалыхъ, дурно обутыхъ, въ изношенныхъ и поли-

илыхъ платьяхъ; одніе пробраются къ Mont de Piété, другія бродятъ по перекресткамъ и переулкамъ, чтобы отдаться пороку, который вознаградитъ ихъ лучше труда. Третьи, утомленные, измученныя, изломанные трудомъ, отправляются на душный чердакъ, гдѣ ждетъ ихъ грубый и пьяный мужъ, гдѣ плачутъ золотушные дѣти, неумытые, простуженные и полуголодные. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ сотни женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, собранныхъ въ залѣ мануфактуры; онѣ всѣми порами вдыхаютъ въ себя зараженный воздухъ. Иныя, по-видимому, стоятъ неподвижно, но пальцы ихъ, какъ маятникъ, правильно ходятъ изъ стороны въ сторону, другія тѣснятся и хлопочутъ и ежеминутно задѣваютъ за машины, которыя вертятся съ изумительною быстротою; каждая изъ этихъ машинъ могла бы въ одну секунду смолоть человѣка, и нельзя смотрѣть безъ содроганія, какъ эти слабыя руки управляютъ ими, наблюдаютъ за ихъ ходомъ и работаютъ за-одно съ этимъ страшнымъ организмомъ, составленнымъ изъ желѣза, пара и горящаго угля.

Но не стальное чудовище заставляетъ насъ бояться за молодую дѣвушку; рядомъ съ нею стоитъ надсмотрщикъ и порою покрикиваетъ на нее, но и этотъ грубый выскочка не опасенъ; гораздо хуже его начальникъ фабрики, сынъ его и его товарищи; всѣ они ребята красивые, всѣ рисуются своими прелестями, и не прочь сыграть роль маркиза времяя Регентства, отчаяннаго волокиты и побѣдителя женскихъ сердець. Изъ этихъ несчастныхъ, бойкіе господа собираютъ себѣ гаремъ. Давая имъ по 10 копѣекъ въ день да по двѣнадцати часовъ работы, эти господа скликаютъ себѣ толпу гурій, которыя обязаны принимать ихъ ласки, потому что они имѣютъ право жизни и смерти, они держатъ въ своихъ рукахъ голодъ, холодъ, нищету, бѣдственность, они располагаютъ хлѣбомъ дѣтей, молокомъ матери, руками отца, платьемъ дочерей.

Дальше, гдѣ нибудь подъ крышею, въ тѣсной комнаткѣ работницы шьютъ и вышиваютъ далеко за полночь, вокругъ вонючей и тускло горящей лампы. Сонъ разѣдаетъ ихъ опухшія вѣки; желудокъ ихъ расслабленъ нездоровою пищею, которая мѣшаетъ умереть, не давая жизненной силы. Ихъ зрѣніе съ каждымъ днемъ слабѣетъ; головокруженіе и мигрень медленно разлагаютъ ихъ утомленный мозгъ. Въ глубинѣ ихъ измученной души шевелятся неясныя потребности, слышатся сдавленные стоны, смутныя стремленія; передъ ихъ воображеніемъ носятся неопредѣленные образы, которые порою дѣлаются

до такой степени ярки, что режутъ глазъ и волнуютъ сердце. Мы смотримъ имъ въ душу, и, какъ въ зеркалѣ, читаемъ ихъ прошедшее. Онѣ видятъ красивыхъ барышень, для которыхъ онѣ работаютъ; вотъ гордыя аристократки катятъ въ легкомъ экипажѣ къ зеленому лѣсу, къ озеру, на которомъ плывутъ вереницами бѣлые лебеди;— вотъ деревня, въ которой онѣ родились, вотъ разсыпаны по берегу ручья желтыя скороспѣлки; голубое небо, тѣнистый лѣсъ; видятъ онѣ красивыхъ мужчинъ, нѣжныхъ любовниковъ, милыхъ дѣтей, улыбающихся въ колыбелькахъ подъ кисейными занавѣсками.— Потомъ.... видѣнія, полныя отчаянія, безумныя оргіи, водка и простое вино, острия болѣзни на госпитальной кровати, прижиганія и ампутаціи, веревки, которыми затагиваютъ себѣ горло, мосты, съ середины которыхъ бросаются въ грязную и черную воду; домъ мертвыхъ, куда приносятъ обезображенные тѣла, раздѣвшіеся трупы, съ зеленоватымъ или лиловымъ отливомъ... При этомъ видѣніи, мысль не смѣетъ идти дальше, и онѣ съ жаромъ принимаются шить, подрубать, вдѣвать нитку и кроить матерію. Если работница Француженка, она напѣваетъ пѣсенку:

Il était une bergère
Et ron, ron, petitpatapon.

А если она Англичанка, то бормочетъ заунывную пѣсню о рубашкѣ:

Stitch, stitch, stitch away
Stitch, stitch, stitch

. . . . .

И когда вдумаетесь въ то, что положенія, развернувшіяся передъ нашими глазами, не представляютъ изолированныхъ фактовъ, что таковы случайныя или нормальныя условія жизни для большей части людей, живущихъ въ большихъ городахъ или въ центрахъ мануфактурной дѣятельности, тогда поневолѣ сдѣлается стыдно и больно; сдѣлается досадно на самого себя за роскошь, которою пользуешься, за свой досугъ, за свой комфортъ и за всѣ удобства жизни; сдѣлается досадно, зачѣмъ оказываешься однимъ изъ счастливыхъ міра сего среди этого множества несчастливцевъ и несчастливцъ.

Но сожалѣнія бесплодны и вопли ни къ чему не ведутъ. Дѣло идетъ о работницахъ, а подъ именемъ работницъ мы понимаемъ женъ

днѣ, посвящающихъ почти всю свою жизнь на занятія вѣкъ дома въ ущербъ своимъ домашнимъ трудамъ и интересамъ. Понимая такимъ образомъ причину болѣзни, мы скоро прищемъ лѣкарство.

Прежде всего, вопросъ: должны ли женщины быть работницами? Одинъ знаменитый экономистъ рѣшительно требовалъ ихъ исключенія изъ мануфактуръ. «Работница, восклицаетъ Мишле, безчестное, грязное слово! Его не было ни въ одномъ языкѣ, его не понимало ни одно время раньше этого желѣзнаго вѣка; одно это слово перевѣситъ собою всю нашу мнимую цивилизацію».

Жюль Симонъ сожалѣетъ о томъ, что женщинамъ открытъ входъ въ мануфактуры.

«Работница, говоритъ онъ, перестаетъ быть женщиною.—Для нея дѣлается невозможною эта тихая, уютная, стыдливая жизнь въ кругу близкихъ и любимыхъ людей, жизнь, необходимая для ея счастья, а вслѣдствіе этого и для нашего; она принуждена жить подъ начальствомъ надсмотрщика, вмѣстѣ съ другими женщинами сомнительной нравственности, въ постоянномъ соприкосновеніи съ мужчинами, въ разлукѣ съ мужемъ и съ дѣтьми. Въ семействѣ работниковъ, отецъ и мать каждый день уходятъ въ разныя стороны на 14 часовъ. Стало-быть нѣтъ семейства. Мать не можетъ сама кормить своего ребенка, и оставляетъ его дешевой кормилицѣ, часто какой нибудь нянькѣ, которая кормитъ его жидкимъ супомъ. Отъ этого происходитъ ужасающая смертность, а у дѣтей, остающихся въ живыхъ, развиваются хроническія болѣзни, порода портится и мельчаетъ, нравственное воспитаніе совершенно упраздняется. Дѣти отъ 3—4 лѣтъ бродятъ безъ присмотра по грязнымъ переулкамъ и страдаютъ отъ холода и отъ голода. Въ 7 часовъ вечера отецъ, мать и дѣти собираются въ свою единственную комнату, служащую имъ ночлегомъ; отецъ и мать утомлены работою, дѣти устали отъ бродяжничества, а между тѣмъ что приготовлено для ихъ приѣма?—Комната цѣлый день стояла пустая; никто не позаботился о самыхъ необходимыхъ условіяхъ чистоты. Огонь погасъ; измученная мать не въ силахъ готовить кушанья; платье разваливается въ доскутъя. Вотъ что мануфактуры сдѣлали изъ семейства.»

Должно ли заключить изъ этого, что граждане обязаны ставить работу женщинъ на одну доску съ развратомъ? Должно ли требовать отъ правительства, чтобы оно запретило женщинамъ входить въ мас-

терскую такъ же точно, какъ оно должно было бы запретить ей входъ въ публичныя дома?

Это невозможно. Въ наше время для націи произведенія мануфактуръ также необходимы, какъ произведеніе почвы. Въ наше время матеріальные интересы стоятъ выше всякаго политическаго могущества, и нѣтъ того законодателя, который устоялъ бы противъ фабрикантовъ; промышленность превратилась въ широкую и многоводную рѣку, которую можно направлять продольными плотинами, но которую невозможно запрудить поперечною стѣною. Трудъ женщинъ сдѣлался рѣшительно необходимымъ для мануфактуръ, а мануфактуры рѣшительно необходимы для государства.

Слѣдовательно, эта мѣра неисполнима. Если она неисполнима, то очень правдоподобно, что она несправедлива. Подумаемъ немного.

Есть дѣвушки, нежелающія выдти замужъ, и еще больше такихъ, которыя не въ состояніи этого сдѣлать. Онѣ могутъ и должны жить только работою. Но такъ какъ работа въ мануфактурахъ мало по малу поглощаетъ собою все прочія видоизмѣненія труда, то необходимо работать внѣ дома, чтобы добывать себѣ кусокъ хлѣба. Можно ли незамужнюю женщину приносить въ жертву супругъ и лишать ее работы, т. е. отдавать ее на терзаніе распутству и голоду?

А если мастерская должна быть открыта для дѣвушки, то она не можетъ быть запрета для женщины, несмотря на все ея домашнія обязанности. Для мануфактуры идеаль и законъ составляетъ дешевизна задѣльной платы, а не самоотверженіе. Въмѣсто того, чтобы платить мужу двойную плату для содержанія жены и дѣтей, мануфактура согласится скорѣе принимать въ работники однихъ холостяковъ и такимъ образомъ будетъ непроизвольно поощрять порокъ. Мануфактура, платитъ одну цѣну за аршинъ работы, кѣмъ бы она ни была исполнена, холостякомъ, или отцомъ семейства, молодою дѣвушкою или замужнею женщиною, и, съ своей точки зрѣнія, мануфактура совершенно права.

Задѣльная плата находится въ обратномъ отношеніи съ численностью народонаселенія, а при настоящихъ условіяхъ жизни для того, чтобы воспитать семейство, необходимо къ заработкамъ отца присоединить заработки матери. Если для прокормленія семейства необходимо 6 фр. въ день, и если отецъ добываетъ 4, то мать и дѣти подъ страхомъ смерти должны добыть остальные 2 франка.

Пессимисты, защищающіе до послѣдней крайности торжество все-

каго зголизма, рассуждаютъ такъ: отецъ и мать получаютъ и должны получать въ-обръзъ столько, сколько имъ необходимо, чтобы жить со дня на день, а ребенокъ долженъ самъ кормить себя; и на этомъ основаніи они утверждаютъ, что и дѣти должны работать въ мануфактурахъ.

А грудные дѣти? А дѣти, которые еще не умѣютъ говорить? И тѣ должны работать на мануфактурахъ?—спросимъ мы у этихъ діалектиковъ мѣщанскаго самодовольствія. Стало-быть надо истребить породу рабочихъ, стало-быть съ нашимъ поколѣніемъ должна прекратиться раса пролетаріевъ, для того, чтобы всѣ земли достались богатой буржуазіи вмѣстѣ съ огромными заводами, лишенными рабочихъ рукъ. Мало одной логикѣ, нужно еще здравый смыслъ. Мало быть консерваторомъ, надо позаботиться о томъ, чтобы не превратиться въ реакціонера и въ людоѣда.

Мы не хвалимся такою неотразимою логикою и не стараемся быть логичнѣе человѣческой природы. Сообразуясь съ настоящимъ порядкомъ вещей, мы считаемъ необходимымъ, чтобы къ заработкамъ отца присоединялись заработки матери, но мы рѣшительно протестуемъ противъ труда дѣтей, пока они не достигли физической и умственной окрѣпости: дѣти должны ходить, бѣгать, плавать, скакать, прыгать, веселиться и учиться, а не быть привязанными къ одному мѣсту 14 часовъ въ сутки за однообразною работою, за которою тупѣетъ мысль и разстраивается здоровье, и не развращаться душою и тѣломъ въ противуестественной средѣ. Печальные слѣдствія этого чудовищнаго образа жизни уже проявляются во Франціи; раса портится съ каждымъ днемъ; у насъ живетъ поколѣніе идиотовъ и негодяевъ, пропитанныхъ табакомъ и водкою; съ 12 или съ 15 лѣтъ они уже знакомы со всѣми свмштомѣми разврата и, изучивъ преждевременно всѣ пороки, принимаются за злодѣяніе. При лучшемъ устройствѣ общества, при болѣе правильной организаціи труда, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда фабрику нельзя будетъ упрекнуть, какъ это часто дѣлается теперь, въ сходствѣ съ арестантскимъ домомъ или съ плантаціею, на которой эксплуатируютъ невольниковъ,—тогда человѣкъ конечно все-таки будетъ работать руками для удовольствія и по необходимости, такъ какъ физическія и умственные упражненія необходимы для того, чтобы здоровый духъ жилъ въ здоровомъ тѣлѣ. Тогда рабочіе при меньшихъ усилахъ будутъ дѣлать гораздо больше дѣла, и найдутъ свободное

время для занятій наукой, искусствомъ, послѣ полевыхъ трудовъ или въ общественной мастерской. Для примѣра положимъ, что рабочаго времени для мужчины будетъ 8 часовъ, а для женщины 4 часа.

Напрасно думаютъ, что уменьшеніе часовъ работы при оставленіи той же платы подорветъ промышленность. Усовершенствованіе машинъ и облегченіе процесса производства увеличатъ во сто разъ количество произведеній и удешевятъ барыши, которые позволяютъ такимъ образомъ платить рабочимъ по крайней мѣрѣ прежнюю цѣну. Тогда число рабочихъ значительно увеличится, тогда будутъ заниматься ручными работами всѣ мужчины и почти всѣ женщины, между тѣмъ какъ теперь ими занимаются только низшіе классы.

Не возражайте, что въ этомъ случаѣ вся нація превратится въ мастеровыхъ. Напротивъ, все трудящееся сословіе, работники, работницы, всѣ теперешніе паріи будутъ допущены къ участию въ работѣ мысли, и въ свою очередь художники и литераторы будутъ почерпать физическое здоровье изъ животворнаго соприкосновенія съ матеріальнымъ трудомъ.

А вотъ что выиграетъ черезъ это женщина: она приобрететъ индивидуальную независимость и уваженіе мужчины, что для нея гораздо лучше его ложнаго и натянутаго обожанія. Знайте, что женщины невозможно явиться совершеннолѣтнею въ отношеніи къ мужчинамъ и стать съ нимъ на равную ногу до тѣхъ поръ, пока она будетъ зависѣть отъ него въ своемъ пропитаніи. Имѣя въ виду этотъ идеалъ, мы не станемъ во враждебныя отношенія къ труду женщины въ мастерской; мы надѣемся, что ея теперешнее рабство и ея страданія завоюютъ ей будущую свободу.

Но какихъ еще правъ нужно женщинамъ? восклицаетъ тупая мѣщанская *добродѣтель*. Какихъ правъ?—Права быть сытыми, права дышать чистымъ воздухомъ въ стѣнахъ смрадныхъ мастерскихъ и фабрикъ, права имѣть своихъ дѣтей при себѣ и не оставлять ихъ въ продолженіе шести дней недѣли на произволъ судьбы, права защищать свою честь отъ наслія нужды или семейнаго деспотизма, наконецъ права располагать независимо своимъ чувствомъ и совѣстью въ брачныхъ связяхъ и въ семейной жизни. Правда, все это мечты, иллюзіи, по мнѣнію мѣщанскаго либерализма, но у него своя логика идей и событій и мы не удивляемся, если онъ видитъ иллюзіи въ потресающихъ фактахъ дѣйствительной жизни.

На какую бы практическую почву мы ни стали, нельзя не признать неожиданности реформъ въ фабричной производятельности.

Фабрики должны быть устроены по новѣйшимъ даннымъ науки, въ особенности гигиены, механики и химіи. Трудъ дѣтей ниже 12 лѣтняго возраста не долженъ быть допускаемъ на фабрику, а послѣ этихъ лѣтъ дѣти должны приучаться къ работѣ постепенно, и число рабочихъ часовъ должно быть увеличиваемо мало-по-малу.

Мужчина долженъ работать не болѣе 10 часовъ въ сутки; женщина не болѣе 8, потому что ея природѣ не свойственно болѣе продолжительное напряженіе умственныхъ и физическихъ способностей, и кромѣ того ей нужно время, чтобы привести въ порядокъ квартиру, чтобы отвести дѣтей въ залу пріюта (*salle d'asyle*) и приготовить ужинъ.

Кварталы и дома рабочихъ, въ родѣ Рикстейма, Баккара, Мюльгауза должны быть общимъ правиломъ, а не исключеніемъ. Работнику нуженъ *свой уголокъ* (*un chez soi*). Безъ своего угла нѣтъ семейства; безъ семейства нѣтъ нравственности, а безъ нравственности не можетъ быть общественнаго прогресса.

Женщина не должна заниматься нездоровыми и утомительными работами; она можетъ замѣнить ихъ многими отраслями промышленности, къ которымъ она особенно способна; она можетъ заняться часовымъ производствомъ, ювелирствомъ, рисовальнымъ искусствомъ, лѣпною работою, книгопечатаніемъ, фотографическими операціями; пусть она выгонитъ изъ всѣхъ конторъ этихъ тунеядцевъ, мужчинъ отъ 25 до 40 лѣтъ, прикащиковъ и магазинныхъ сидѣльцевъ, продающихъ ленты, кружева, перья, матеріи, разуряченныхъ, раздушенныхъ и завятыхъ, ломающихся передъ покупателями и старающихся блеснуть передъ дамами граціею и привлекательностью.

Книга Жюль Симона въ особенности рассматриваетъ теперешнее положеніе работницъ. Сначала онъ говоритъ о женщинахъ, работающихъ отдѣльно для шелковыхъ фабрикъ, живущихъ иногда въ деревнѣ и сохранившихъ такимъ образомъ семейную жизнь. Онъ жалѣетъ о томъ, что не всѣ женскія работы устроены такъ; онъ съ огорченіемъ принужденъ замѣтить, что шелковыя фабрики преобразовываются и, расширивъ размѣры своего промышленнаго производства, подражаютъ примѣру бумагопрядиленъ, на которыхъ женщина дѣлается ис-

ключительно работницею, на которыхъ у жены нѣтъ мужа, у мужа нѣтъ жены, у дѣтей нѣтъ матери.

Затѣмъ авторъ изучаетъ мелкіе женскіе промыслы и въ особенности положеніе швей и прачекъ. Если положеніе фабричныхъ работницъ тяжело, то положеніе швей невыносимо.

Въ заключеніи авторъ доказываетъ, что общественная и частная благотворительность не въ силахъ помочь этимъ страданіямъ, что она, доставляя нѣкоторое облегченіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, только усиливаетъ общее зло.

Онъ придаетъ большое значеніе ассоціаціямъ взаимной помощи, сберегательнымъ кассамъ, и въ особенности ссудамъ на честное слово (*prêts d'honneur*) но онъ находитъ, что радикальнаго леченія должно искать въ реформѣ квартиръ и въ народномъ образованіи.

Смѣю сказать, пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, что можно положиться на собранныя мною свѣдѣнія. Я не все видѣлъ и не все то рассказываю, что видѣлъ; но нѣтъ ни одного изъ описанныхъ бѣдствій, котораго бы не видала мои собственные глаза, и отъ котораго бы до сихъ поръ не обливалось кровью мое сердце.»

Это добросовѣстное изслѣдованіе, интересное, полное поучительныхъ подробностей и проникнутое благородными чувствами,—я скажу не обинуясь, что оно дѣлаетъ автору болѣе чести, чѣмъ его исторія Александрійской школы, составившая его славу въ глазахъ метафизиковъ. Публика умѣла впрочемъ оцѣнить послѣднюю монографію Ж. Симона; она была въ первый разъ напечатана въ «*Revue des deux mondes*» и потомъ въ нѣсколько недѣль появилась уже вторымъ изданіемъ. Его языкъ, точка зрѣнія и выводы,—все у него чрезвычайно умѣренно, по нашему мнѣнію, слишкомъ умѣренно; слушая его, мы какъ будто слышимъ отголосокъ истины, а не самую истину. Конечно, въ этомъ виноватъ его спокойный темпераментъ и эвеклетическое образованіе.

Жюль Симонъ не скрываетъ страшной бѣдности работницъ и доказываетъ, что большая часть семействъ въ кругу мануфактурныхъ рабочихъ должны побираться милостынею или терпѣть въ своей средѣ развратъ, чтобы добывать пропитаніе, котораго не обезпечиваютъ заработки; онъ говоритъ не разъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣти рабочихъ на-половину умираютъ раньше двухлѣтняго возраста; онъ сообщаетъ ужасныя подробности о матеріальной и нравственной жизни ремесленниковъ и между тѣмъ общій тонъ книги вовсе не отди-

чается страстностью. Жюль Симонъ не колеблясь сваливаетъ большую часть вины на развратныхъ пролетаріевъ, на беспечныхъ пьяницъ, а большая часть патროновъ и большихъ мануфактуристовъ выставлены филантропами, нещадающими ни заботъ, ни издержекъ для благосостоянія своихъ рабочихъ. Онъ утверждаетъ, что серьезныя усилія дюжины фабрикантовъ готовятъ полный переворотъ въ условіяхъ существованія рабочихъ; при этомъ онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что если нѣсколько личностей въ силахъ реформировать существующій порядокъ, то стало-быть всѣмъ патронамъ вмѣстѣ было бы очень не трудно воспрепятствовать въ самомъ началѣ укорененію зла.

Словомъ, эта книга написана отчетливо, спокойно и окрашена тѣмъ цвѣтомъ оптимизма, который обыкновенно принимаютъ писатели этой партіи.

Какъ бы то ни было, мы не обвиняемъ автора въ томъ, что онъ оправдалъ однихъ и осудилъ другихъ; мы слишкомъ любимъ пролетарія, чтобы враждебно смотрѣть на зажиточнаго горожанина, и въ особенности мы слишкомъ расположены къ работнику, чтобы скрывать отъ него горькія истины. Нравственность народа, который считаютъ милліонами, для насъ дороже самоотверженія тысячи патროновъ. Еслибы народъ исправился отъ своихъ пороковъ, отъ предразсудковъ, отъ невѣжества, то горожане, патроны и подрядчики еще скорѣе исправилась бы отъ своего узкаго эгоизма. Ихъ нечѣпное и жестокое корыстолюбіе очень скоро спустило бы флагъ передъ справедливостью. Отъ глубины души, со всею энергіею убѣжденія, мы взываемъ къ нашимъ братьямъ работникамъ: «Для васъ нѣтъ врага страшнѣе вашего невѣжества, вашего разврата, вашего абсента и водки. За васъ стоитъ ваше право, и вы, подобно ему, непобѣдимы, если только не направите вашихъ ударовъ противъ самихъ себя».

Э. РЕКЛЮ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Если бы мы захотѣли заносить въ нашу «Современную Лѣтопись» событія, совершившіеся факты, новыя постановленія, болѣе или менѣе извѣстныя уже изъ газетъ и т. п., мы не были бы еще достаточно *современны*, потому что мы, люди послѣдней минуты, живемъ преимущественно не тѣмъ, что было вчера и сегодня, а тѣмъ, что могло бы быть или что будетъ и можетъ быть завтра; такимъ образомъ, мы живемъ вопросами. А вопросы требуютъ, какъ извѣстно, отвѣтовъ, которые въ свою очередь требуютъ обсужденія, изслѣдованій и часто — гипотезъ, потому что въ социальной жизни нельзя такъ легко, какъ въ математической задачѣ, отыскивать по извѣстнымъ даннымъ неизвѣстную величину. Изъ всего этого, взятаго вмѣстѣ, и складывается современная атмосфера, которою дышетъ живущій въ эту минуту человекъ. Стало быть вопросы по преимуществу составляютъ основной элементъ современнаго существованія; и въ самомъ дѣлѣ, какая сторона жизни осталась безъ того, чтобы современный человекъ не направилъ на нее цѣлой батареи вопросовъ: политика, администрація, законодательство, общественная жизнь, воспитаніе, образованіе, наука, философія и проч. и проч., все это болѣе или менѣе пересмотрѣно, и даже перетрянуто подобно старому платью, въ которомъ завелась моль, и породило массы вопросовъ, занимающихъ общественное вниманіе, общественную мысль, выражающую себя (въ просвѣщенныхъ странахъ Европы) въ періодической литературѣ, въ общественныхъ преніяхъ и даже въ увлеченіяхъ—этихъ благород-

ныхъ инстинктивныхъ порывахъ чловѣка, возбуждающихъ всегда самое искреннее сочувствіе къ увлскающимся и увлекающимъ.

Но какъ и чѣмъ объяснить главнѣйшую причину современной вопросности? Это тоже нѣкоторый вопросъ.

Чтобы нѣсколько уяснить его, мы позволяемъ себѣ прибѣгнуть къ сравненію въ лирико-эпическомъ тонѣ.

Вообразите, что вы владѣлецъ обветшалого, деревяннаго, деревенскаго барскаго дома, доставшагося вамъ по наслѣдству по длинной нисходящей линіи. Живя только въ одной изъ безчисленныхъ комнатъ этого дома, всѣ остальные вы заперли желѣзными запорами, закрыли всѣ окна, такъ что свѣтъ божій едва проникаетъ въ маленькія щели, плохо замкнутыя вашими лакеями,—и въ этомъ убѣжищѣ мрака развелись у васъ разныя мыши—летучія и ползучія, черви и тому подобныя подѣдающія и подтачивающія животныя; всѣ стѣны вашего дома, полы, мебель, однимъ словомъ, все, что помягче—изѣдено, подточено, испорчено и требуетъ копечнаго, радикальнаго возобновленія; но вы скупы, вамъ хотѣлось бы все исправить, только не заново, потому что жаль перестраивать съ самаго основанія старыи домъ, напоминающій вамъ сѣдовласую бабушку, наивную вашу маменьку и даже, можетъ быть, вашу собственную, безмятежную, давно минувшую молодость; и вотъ вы рѣшились исправить покоробившіеся полы вашихъ комнатъ, но тутъ возникаетъ вопросъ о крѣпости стѣнъ; вы пробуете вставить нѣсколько бревенъ, но тутъ возникаетъ вопросъ о гнилости угловъ, тамъ далѣе оказываются сгнившими и крыша и потолки и т. п. Такимъ образомъ результатомъ вашихъ попытокъ является убѣжденіе, что весь домъ не годится, но вы могли бы его возобновить и пзъ прежняго матеріала, отбросивъ только все испорченное и гнилое; стоило только опредѣлить прежде, что гнило и что можетъ еще держаться, и измѣнить характеръ архитектуры зданія, сообразно матеріалу.

Совершенно такимъ же образомъ рождаются и общественные вопросы, съ той только разницей, что перестройка дома можетъ иногда составлять не болѣе, какъ вашу прихоть, если зданіе не грозитъ еще совершеннымъ разрушеніемъ, а общественные вопросы нѣсколько болѣе нежели прихоть и отъ нихъ отдѣлаться не такъ легко, какъ переѣхать на новую квартиру; кромѣ того, вопросы общественные являютъ еще свой внутренній смыслъ, заключающій въ себѣ всегда какую-либо цѣль и общую идею, во имя которой даются на нихъ отвѣты. Впро-

чемъ объ отвѣтахъ мы не будемъ много распространяться; укажемъ только на «Экономическій Указатель», какъ на представителя литературы открытыхъ вопросовъ, вызывающихъ впрочемъ не менѣе и открытые отвѣты. Но объ идеѣ, во имя которой должны ждать рѣшенія вопросы, находимъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Только при этомъ мы боимся, чтобы насъ не заподозрили въ пристрастіи къ абстрактнымъ теоріямъ. Ничего не бывало—мы будемъ говорить о томъ, что понятно и близко уму и сердцу всякаго. Новѣйшіе соціологи, особенно французскіе, наговорили много бредней, идеализируя благосостояніе общества и поставляя непремѣннымъ условіемъ этого благосостоянія наиболѣе уравнительное распредѣленіе въ обществѣ матеріальныхъ благъ, даруемыхъ человѣку природой; для своихъ конечныхъ выводовъ соціологи принесли въ жертву *личность* человѣка, его индивидуальную свободу, подчинивъ ее строгимъ требованіямъ и условіямъ общества. Естественно, что подобнымъ внушеніямъ никто не повѣрилъ, кромѣ, впрочемъ, пролетарія, который съ горя повѣрилъ, что онъ имѣетъ право нарушить условія того же самаго общества, которое его сдѣлало пролетаріемъ, а другаго Мирсомъ, Ротшильдомъ, Перейрой и т. п. За легковѣріемъ, конечно, слѣдовало разочарованіе, и только пролетарій могъ повѣрить, что человѣкъ съ своими умственными и нравственными дарами созданъ для того только, чтобы изобрѣтать средства, постоянно увеличивать свои матеріальныя блага. «Да это чистый материализмъ, чистая антропологія!» восклицаютъ очень рачительно люди, не испытавшіе участи пролетарія. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть болѣе унижена природа человѣка, какъ унижается она такимъ опредѣленіемъ цѣли его существованія. Имѣть геній, талантъ для того только, чтобы увеличить свои матеріальныя блага! Стало быть тотъ, кто ихъ имѣетъ, и не долженъ затрогивать своихъ нравственныхъ силъ! Нѣтъ. Развитие умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка, развитие безконечное, условливающееся только природой всякаго—вотъ конечная цѣль нашего существованія,—и общество должно предоставить всѣмъ и каждому изъ своихъ членовъ равное право на умственное и нравственное развитіе; условія жизни, которыя кромѣ права давали бы и средства каждому для достиженія конечной цѣли человѣческаго существованія, — вотъ точка, на которой должны сходиться всѣ наши общественныя вопросы и политическіе, и экономическіе, и педагогическіе, и проч.

Одно, *чисто* эмпирическое разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ

*

не допускаетъ никакой идеи и, какъ ложное, охлаждаетъ вниманіе общества; да впрочемъ чистый эмпиризмъ, какъ нѣчто индифферентное, совершенно не согласно съ природой человѣка, всегда ищущаго для себя постоянно лучшаго; стоитъ только всмотрѣться во всякую административную, законодательную или политическую мѣру, и легко увидѣть, что все на свѣтѣ дѣлается во имя какой либо идеи, выражающей въ себѣ общественное сочетаніе тѣхъ или другихъ стремлений большинства или, часто, меньшинства общества.

Все это мы должны были сказать для того, чтобы обозначить мѣрило для опредѣленія значенія каждаго общественного вопроса, о которомъ намъ случится когда либо говорить.

По отношенію своему къ идеѣ, о которой мы сказали, вопросъ объ образованіи и воспитаніи народа заключаетъ въ себѣ наибольшую важность. Настоящее состояніе этого дѣла въ Россіи имѣетъ уже свою исторію и заслуживаетъ обсужденія и вниманія не только какъ совершившійся фактъ, но и какъ цѣлый рядъ фактовъ, имѣющихъ уже право на нѣкоторую систему и теорію. Собственно по отношенію къ массѣ народа вопросъ о *воспитаніи* почти еще не тронутъ; образованіе же можно считать начавшимся и именно воскресными школами. Вопросъ этотъ является особенно важнымъ, если принять въ соображеніе, что громадныя, можно сказать, вѣчныя послѣдствія первоначальнаго просвѣщенія массъ народа, зависятъ отъ дѣла, на изученіе котораго каждый изъ грамотныхъ русскихъ людей посвятилъ не болѣе двухъ—трехъ недѣль. Если каждый отдѣльный человѣкъ выучился хоть чптать въ двѣ-три недѣли, то можно ли считать напримѣръ сильному правительству или разнымъ корпораціямъ, посвятившимъ себя общественному служенію, слишкомъ труднымъ обученіе народа грамотности?...

Воскресныя школы, какъ органы распространенія грамотности въ народѣ, пріобрѣтаютъ, въ особенности теперь, первостепенное значеніе въ русской жизни; начало ихъ дѣлается все болѣе и болѣе прочнымъ; онѣ открываются во всѣхъ краяхъ Россіи, и если не вполнѣ еще удовлетворяютъ потребности относительно народонаселенія, то, по крайней мѣрѣ, являются исходной точкой просвѣщенія въ массы народа. Повсемѣстное учрежденіе школъ безъ прямого участія правительства, кромѣ своего практическаго значенія, важно еще и потому, что открываетъ намъ новую сторону характера и внутренней силы народа; большая часть нашего общества издавна привыкла считать нисше

классы такой неподвижной, грубой массой, что отказывала имъ въ способности какой либо самобытной дѣятельности во всякомъ общенародномъ дѣлѣ; но теперь, кажется, можно если не совсѣмъ, то частью разубѣдиться въ этомъ. Вопросъ о народномъ образованіи и мѣры къ тому правительства вовсе не новы въ Россіи; министерство государственныхъ имуществъ давно уже организовало сельскія училища, которыя, не смотря на все матеріальное и нравственное содѣйствіе правительства, оставались учрежденіемъ чисто административнымъ и не пошли далѣе приготовленія писарей для сельскихъ и волостныхъ расправъ, хотя имѣли болѣе широкое назначеніе; объяснить неуспѣхъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, по нашему мнѣнію, можно именно тѣмъ, что училища эти были учрежденіемъ, возникшимъ правительственными средствами безъ прямого отношенія къ народному сознанию; учрежденіе же воскресныхъ школъ имѣетъ своимъ началомъ прямо народное сознание, возникшее подъ вліяніемъ той живой современной струи, которая вызываетъ наружу многое, что такъ долго оставалось дремлющимъ и скрытымъ внутри народнаго организма.

У всякаго народа есть свои завѣтныя желанія и, такъ сказать, очередныя дѣла, съ которыхъ ему слѣдуетъ начинать для того, чтобы идти естественнымъ, послѣдовательнымъ путемъ въ даль своей исторической будущности; у насъ давно уже можно было считать подобнымъ очереднымъ дѣломъ народное образованіе; мы не говоримъ здѣсь о другомъ дѣлѣ, играющемъ важнѣйшую роль въ русской жизни—объ отмѣнѣ крѣпостнаго права: учрежденіе его было правительственной политической мѣрой, которая едва ли когда нибудь была понимаема народомъ, какъ необходимость, слѣдовательно и народное сознание о пользѣ и необходимости отмѣны крѣпостнаго права не могло быть явленіемъ, равнымъ сознанию потребности образованія. Сознаніе народа это единственный двигатель исторіи; народъ кроетъ въ себѣ неизмѣримыя силы и приводитъ ихъ въ болѣе или менѣе стройное и органически цѣльное движеніе, какъ скоро проникнется сознаниемъ необходимости того или другаго общественнаго дѣла; возбуждать сознание въ народѣ, бросать въ среду его плодотворныя идеи составляетъ призваніе нашей періодической литературы и всѣхъ людей мысли и желанія блага. Воскресныя школы въ своей первородной обстановкѣ сближаютъ разные классы народа или, лучше сказать, массы съ единицами изъ среды образованныхъ классовъ русскаго общества, и эта

сторона воскресныхъ школъ можетъ явиться одной изъ свѣтлыхъ функций современнаго умственнаго прозрѣнія.

Учрежденіе правительствомъ *народныхъ* училищъ, относящееся къ довольно отдаленному времени и педагогическая дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ не могла въ десятки лѣтъ сдѣлать того, что является результатомъ юныхъ воскресныхъ школъ; это фактъ знаменательный во многихъ отношеніяхъ—здѣсь народъ какимъ то инстинктомъ какъ бы предпочелъ свободную инициативу частныхъ лицъ бюрократической формѣ правительственнаго учрежденія; воскресныя школы начали организовываться безъ всякихъ уставовъ, безъ всякихъ понужденій и наблюденій отъ правительства, и надо сказать *начало* было хорошо.

Здѣсь кстати замѣтить, что движеніе, вызванное народнымъ сознаніемъ, есть вѣрнѣйшій и кратчайшій путь къ достиженію всякой благой цѣли, такъ что правительства, посвящающія свою дѣятельность изученію и удовлетворенію народныхъ потребностей, прежде всего находятъ свою силу въ народномъ сознаніи, опредѣляя его по наружнымъ проявленіямъ въ области общественной жизни, журналистики и литературы, лишь бы стремленія правительства отвѣчали, какъ это опредѣляется самымъ порядкомъ вещей, потребностямъ народа.

Наши народныя школы могутъ быть не исключительно *воскресными* по примѣру западной Европы, а *вседневными*; возможность этого, конечно обуславливается не одною лишь потребностью въ усиленныхъ средствахъ для народнаго образованія, но также и готовностью преподавателей, занимающихся въ школахъ даромъ, удѣлять часть своихъ досуговъ и въ другіе дни недѣли; если бы этой готовности и не было достаточно, не смотря на то, что преподавателями въ школахъ могли бы быть преимущественно люди обезпеченные матеріальными средствами и проводящіе время вполне праздно, каковыхъ у насъ во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ довольно много, то остается учредителямъ школъ заботиться, чтобы число преподавателей было какъ можно болѣе, и доставало бы, если не на всѣ дни недѣли, то, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько; преподаваніемъ въ школахъ, и въ особенности для дѣвочекъ, могли бы оказать большую услугу народному образованію наши дамы, повсюду скучающія отъ бездѣйствія и вообще отъ недостатка *видной*, общественной дѣятельности въ сферѣ нашей жизни.

Наша всероссійская, родная апатія, конечно можетъ отыскивать

причины невозможности учрежденія вседневныхъ школъ; но мы при-
выкли уже считать недостаточно серьезными и вовсе не логичными
сомнѣнія въ успѣхъ такихъ дѣлъ, которыя, безспорно, составляютъ
существенныя и настоятельныя потребности эпохи. Въ №187
С.-Петербургскихъ Вѣдомостей мы находимъ голосъ *сомнѣнія* на счетъ
вседневныхъ школъ. Авторъ помѣщенной тамъ замѣтки говоритъ, что
по недостатку преподавателей нельзя и думать о вседневныхъ школахъ.
Но ему не мѣшаетъ напомнить, что едва ли есть еще другая страна,
кромѣ Россіи, гдѣ было бы такъ много людей ни чѣмъ незанятыхъ,
обезпеченныхъ, скучающихъ отъ бездѣйствія и, притомъ, могущихъ
употребить себя, при вѣкоторомъ желаніи, для обученія грамотѣ и
первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Авторъ не признаетъ даже
за русскимъ народомъ и большой потребности въ образованіи себя,
сравнительно съ западно-европейскими народами. Для успокоенія
своей совѣсти онъ прибавляетъ, что нигдѣ «стремленіе къ образо-
ванію не встрѣчаетъ такихъ препятствій, какъ у насъ.» Это совер-
шенная правда, но для того, чтобы не смотря ни на какія пре-
пятствія достигать цѣлей, намъ нужно сознать, что мы болѣе не-
жели кто нибудь должны и обладать умѣньемъ преодолевать всѣ воз-
можныя препятствія. Препятствія должны возбуждать и умѣнье и
силу побѣждать ихъ.

Воскресныя школы С.-Петербургскаго учебнаго округа, вѣроятно,
въслѣдствіе того, что по своему числу, а также и по числу учащихся
обратили на себя особое вниманіе правительства, поступили, на ос-
нованіи изданныхъ отъ С.-Петербургскаго учебнаго округа правилъ,
подъ надзоръ училищнаго вѣдомства. По сущности этого правила вос-
кресныя школы сравниваются съ приходскими училищами вѣдомства
народнаго просвѣщенія, которыя одиѣ просвѣщали Россію до возник-
новенія воскресныхъ школъ.

Главнѣйшіе пункты означеннаго правила суть слѣдующіе:

Учредитель, съ означеніемъ своего званія и мѣста жительства,
испрашиваетъ разрѣшенія начальства С.-Петербургскаго округа, ко-
торое сносится по этому предмету съ мѣстнымъ губернскимъ на-
чальствомъ. Съ чѣмъ вмѣстѣ долженъ быть представленъ учреди-
телемъ списокъ лицъ, изъявившихъ желаніе обучать въ школъ. Вос-
кресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ не-
посредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или дру-
гихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа.

О всѣхъ выбывающихъ и вновь принимаемыхъ преподавателяхъ, директоръ училищъ долженъ быть извѣщенъ немедленно; свѣдѣнія о всѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя сдѣланы во времени и порядкѣ занятій, а также и вѣдомости о числѣ всѣхъ учениковъ, посѣщающихъ школу должны быть представляемы директору училищъ за каждые полгода. Въ воскресныхъ школахъ употребляются только книги, признанныя начальствомъ округа полезными для приходскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Издержки на воскресныя школы, а также наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ къ училищному вѣдомству не относятся.

Руководства, употребляемая въ воскресныхъ школахъ, кромѣ методы г. Золотова, можно назвать вообще не удовлетворительными; такъ что успѣхъ обученія зависитъ исключительно отъ преподавателей; существующій здѣсь въ Петербургѣ между преподавателями обмѣнъ мыслей обо всемъ что касается отношеній къ обучаемымъ, предоставляет возможность усвоить каждому изъ нихъ и лучшую методу преподаванія; но мѣстности отдаленныя и необильныя населеніемъ, конечно лишены возможности подобной подготовки преподавателей; болѣе же всего чувствуется у насъ недостатокъ въ сельскихъ учителяхъ, хотя сельское духовенство, стоящее близко къ народу, могло бы принести болѣе пользы дѣлу просвѣщенія, нежели сколько оно сдѣлало въ сельскихъ училищахъ министерства государственныхъ имуществъ.

До тѣхъ поръ, покуда званіе сельскаго учителя сдѣлается профессіей для людей, избравшихъ себѣ эту отрасль общественной дѣятельности,—много еще пройдетъ времени, но всякое начало въ этомъ дѣлѣ имѣетъ полное право на вниманіе общества и журналистики. В. А. Золотовъ, («Сѣверная Пчела» въ № 48), открываетъ здѣсь въ Петербургѣ частную школу для образованія сельскихъ учителей и вообще учителей для простолюдыя.

Поддержку открываемой здѣсь г. Золотовымъ школы приняли на себя, какъ сообщаетъ «Сѣверная Пчела», многіе изъ значительныхъ лицъ.

Планъ учреждаемой школы слѣдующій:

Цѣль школы—распространеніе грамотности чрезъ людей изъ среды самаго народа. Предметы обученія: Законъ Божій. Практически—грамматическое изученіе русскаго языка. Общее понятіе о природѣ и ея законахъ, достаточное для уничтоженія темныхъ народныхъ повѣрій и

предразсудковъ. Обзоръ всего земнаго шара, преимущественно въ физическомъ отношеніи, и болѣе подробный взглядъ на Россію. Самое краткое понятіе о бытѣ народовъ древняго, средняго и новаго міра; также исторія Россіи. Арифметика, примѣненная преимущественно къ требованіямъ простаго быта; причемъ будетъ указана метода изустнаго счисленія и дается понятіе о сельскомъ счетоводствѣ. Рисованье, относящееся собственно къ ремесламъ; причемъ будетъ дано краткое понятіе о сельской архитектурѣ. Такъ какъ для обученія всѣмъ означеннымъ предметамъ опредѣляется всего одинъ годъ, то въ школу принимаются только совершенно взрослые и притомъ уже умѣющіе хорошо читать и писать. Чтобы во время самаго курса практически ознакомить учащихся съ способомъ преподаванія, будетъ открыта ежедневная, «бесплатная школа». Учащіеся раздѣляются на приходящихъ и пансіонеровъ; первые за весь курсъ ученія и учебныя пособія (книги, бумагу и проч.) платятъ 50 руб., вторые — за ученье, учебныя пособія и содержаніе 160 руб. Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ и главный надзоръ за нравственностью принимаетъ на себя учредитель школы. Для обученія закону Божію будетъ приглашенъ священнослужитель, а для преподаванія другихъ предметовъ будутъ приглашены преподаватели, имѣющіе отъ учебнаго начальства узаконенныя свидѣтельства на право преподаванія. Одинъ изъ учителей, въ качествѣ надзирателя, постоянно будетъ находиться при пансіонерахъ. Комплектъ пансіонеровъ ограничивается 30-ю и какъ открытіе школы, по требованію изъявившихъ уже желаніе помѣстить отъ себя пансіонеровъ, должно послѣдовать въ началѣ апрѣля текущаго года, то приемъ продолжится только по 1 мая. Желающіе ознакомиться только съ методою учредителя школы, не продолжая вполнѣ означеннаго курса, платятъ по особому условію, смотря потому, сколько потребуется на то времени.

По окончаніи курса, обучавшіеся подвергаются испытанію и выдержавшіе его получаютъ свидѣтельства *на право* (?) преподаванія въ сельскихъ школахъ.

Одобривъ цѣль и назначеніе школы г. Золотова, мы никакъ не можемъ одобрить принятіе имъ на себя роли раздателя не только дипломовъ, но и *правъ* на преподаваніе въ школахъ. Если нѣтъ запрещенія быть преподавателямъ, то страннымъ кажется и *право*. Не будетъ ли вполнѣ достаточно, если г. Золотовъ будетъ давать окон-

чившимъ въ его школъ съ успѣхомъ курсъ одни свидѣтельства о томъ, что такой-то обучался въ школъ.

Кромѣ того нельзя не замѣтить, что цѣна (за входящихъ 50 р. и за пансіонеровъ 160 р.) довольно высока и нѣсколько протестуетъ противъ ожидаемаго успѣха школы.

Метода преподаванія г. Золотова, не смотря на неоспоримое ея достоинство, хотя и значительно распространена въ Россіи, но все-таки представляетъ трудность въ усвоеніи ея такими лицами, научность которыхъ ограничивается умѣніемъ лишь читать и писать, каковы большею частію бывають сельскіе учителя; имѣтъ же сельскими учителями людей развитыхъ достаточно для того, чтобы они сами могли дойти до полного смысла какой либо методы преподаванія трудно. Это обстоятельство и побудило г. Золотова образовать приготовительную школу съ цѣлью образовывать сельскихъ учителей, подобно тому какъ онъ дѣлалъ это въ 1858 и 1859 г. для училищъ удѣльнаго вѣдомства, для многихъ помѣщичьихъ имѣній и для военного вѣдомства.

Учрежденіе подобныхъ школъ «какъ разсадниковъ подготовляющихъ столь необходимыхъ общественныхъ дѣятелей, какъ сельскіе учителя», могутъ принести несомнѣнную пользу, въ особенности, если найдутъ сочувствіе и въ нашихъ губернскихъ городахъ, гдѣ организація подобныхъ школъ, по относительной дешевизнѣ первыхъ жизненныхъ потребностей, представляется болѣе удобною, нежели въ Петербургѣ.

Кромѣ грамотности, для народа нужны также и книги, которыя читались бы грамотнымъ простолюдемъ, и читались бы не для одного лишь процесса чтенія.... Мысль о такихъ книгахъ также не нова: министерство государственныхъ имуществъ, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ, начало издавать и распространять по сельскимъ училищамъ книги для чтенія крестьянъ; но ни одна изъ нихъ не сдѣлалась популярной и не остановила на себѣ вниманіе народа, который по прежнему продолжаетъ читать «Потерянный Рай», «Прелестная магометанка» и т. п. Изданіе книгъ для народа продолжается и теперь, какъ спекуляція и слѣдовательно не подаетъ никакой надежды на что нибудь дѣльное по этой части.

Н. Щербина, помѣстившій въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» статью «Опытъ о книгѣ для народа» пускаетъ въ оборотъ свой взглядъ на этотъ предметъ. Онъ предлагаетъ планъ изданія для народнаго чтенія такого систематическаго сборника, подѣ

именемъ «Читальника», который удовлетворялъ бы вполне нравственнымъ и матеріальнымъ условіямъ читателей, для которыхъ назначается.

По плану г. Щербина, внутреннее содержаніе книги и расположеніе статей, составляющихъ ее, должно быть таково:

Основываясь на *психологическихъ соображеніяхъ*, отдѣлы и статьи въ книгѣ располагаются такъ, чтобы одинъ отдѣлъ, развивая понятія и подстрекая любопытство въ читающемъ, подготавливалъ его незамѣтно къ другому отдѣлу, другой къ третьему и такъ далѣе, въ психической постепенности.

Начиная со случаевъ повседневной жизни простолюдина, выраженныхъ рядомъ басенъ, притчей, пословицъ и т. п. (что всего ближе къ его собственной личности), и переходя отъ нихъ къ предметамъ видимой, окружающей его природы (землѣ, воздуху, небу), онъ совокупностью этихъ и другихъ статей послѣдовательно приходитъ въ концѣ книги къ чтенію о духовно-нравственныхъ предметахъ. (?) Основываясь на практическихъ соображеніяхъ, издатель, принявъ къ свѣдѣнію какіе именно коренные недостатки существуютъ въ народѣ, недостатки общіе или свойственные въ особенности только нашему народу, такъ и подбираетъ содержаніе статей въ своей книгѣ. Издатель, сверхъ-того, долженъ замѣчать, какія именно знанія необходимы въ условіяхъ народнаго быта и чѣмъ народъ интересуется. Въ послѣднемъ случаѣ ему укажутъ на это предметы, упоминаемые въ народныхъ стихахъ, пѣсняхъ, легендахъ, въ древне-русской народной письменности, изъ чего онъ увидитъ, что можетъ быть любо народу въ книгѣ. Тутъ также необходимо издателю принять въ разсужденіе успѣхъ у народа книжекъ въ родѣ: Битвы русскихъ съ Кабардинцами, Мизорда Георга, Анекдотовъ о Балакиревѣ, Старичка-Весельчака, Новѣйшаго Астрономическаго и Астрологическаго Телескопа, Мамаева побоища и т. п.

Въ статьяхъ, назначенныхъ для духовно-нравственнаго развитія, берется содержаніе, выражающее гуманизмъ, или содержаніе, направленное противъ жизни спустя-рукава, противъ бездушнаго своекорыстія, самодурства, безобщественности, неуваженія къ человѣческой личности, къ праву другаго и тому подобнаго, замѣчаемаго исключительно въ нашемъ народѣ, какъ слѣдствіе, независящихъ отъ него, разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Все это по бѣльшей части и по возможности берется для книги представленнымъ въ обра-

захъ, а не въ дидактическомъ и догматическомъ изложеніи, принимая во вниманіе, что нашъ народъ находится еще почти въ эпическомъ состояніи.

Вся книга должна быть направлена къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1., чтобъ доставить народу, при развитіи понятій, познанія, необходимыя, какъ воздухъ, каждому человѣку вообще и русскому простолюдину въ особенности; 2., чтобъ содѣйствовать въ народѣ къ большому развитію нравственнаго, человѣчественнаго чувства, въ строгомъ соображеніи съ духомъ, правами, обычаями, исторіею, обстановкой и бытомъ русскаго простонародья. Притомъ же, для народа нужно такъ составить книгу, чтобъ было въ ней: «чего хочешь того просишь.»

Относительно формы изложенія и языка статей г. Щербина говоритъ, что всякая поддѣлка въ книгѣ подъ народный тонъ, всякое балагурство, ломанье передъ народомъ компрометируетъ какъ извѣстную книгу, такъ и грамоту вообще въ глазахъ народа. Нашъ народъ уменъ, и тотчасъ смекнетъ, кто подходитъ къ нему не спроста, а съ подвохомъ; это въ глазахъ его нѣкоторымъ образомъ сбивается на переодѣтыхъ по мужичьи господъ, собирающихъ народныя пѣсни, или на господъ, читающихъ мужику—сиволапу наставленіе, которое, какъ обыкновенно всякое наставленіе, всегда и всѣми пропускается мимо ушей.

Въ «читальникѣ» не должно быть ничего сверхъестественнаго, фантастическаго, суевѣрнаго, какъ бы оно ни было художественно изображено: вѣдь книга для народа—авторитетъ. У него и безъ того много суевѣрій и предрасудковъ—зачѣмъ же подтверждать ихъ еще книгою?

Подобнаго рода составъ, говоритъ г. Щербина, способенъ воспитывать народъ на положительной, коренной почвѣ его народности и исторіи, развивать и направлять его здорово и органически, чего, къ—сожалѣнію, недостаетъ и намъ, освѣщаемымъ даже солнцемъ съ запада.

Извѣстно, что никому нельзя отговариваться незнаніемъ закона. Народъ же, по крайней неразвитости своихъ понятій, можетъ только сознать крупныя, рѣзкія, угловатыя преступленія и проступки (убійство, грабежъ, воровство и т. д.), влекущіе за собой строгое наказаніе по закону. Онъ почти не способенъ и не развитъ настолько, чтобъ считать зломъ и ожидать законнаго преслѣдованія и наказанія, напримѣръ, за фальшь, подлогъ, обманъ и т. п.: это ему

представляется не болѣе, какъ дѣйствиємъ тонкаго, практическаго ума на личную пользу, или обыкновеннымъ благоразуміемъ; да есть еще и многіе другіе виды преступленій и проступковъ, въ которые простолюдинъ впадаетъ и попадаетъ безсознательно. Вотъ почему въ «Читальникѣ» должна находиться небольшая статья юридическаго содержанія, выведеннаго изъ настоятельныхъ и всеобщихъ потребностей и данныхъ народнаго быта, сообразно со статистикой преступленій и смотря на большинство какихъ либо извѣстныхъ ихъ видовъ.

Тутъ же должно помѣстить и статейку гигиеническаго содержанія, обуславливаемого бытомъ нашего простонародья. Сколько мретъ, болѣетъ, калечится понапрасну отъ совершеннаго отсутствія въ народѣ самыхъ простыхъ, общихъ крайне-необходимыхъ гигиеническихъ свѣдѣній!... Европеецъ несказанно ужаснулся бы, еслибъ прочиталъ въ нашемъ «Календарѣ», какое огромное количество ежегодно умираетъ дѣтей въ каждой губерніи. Немудрено, что въ Россіи такъ много ненаселенныхъ пространствъ... А что еще говорить чувство челоѣколюбія!

Заключительнымъ отдѣломъ книги будетъ отдѣлъ статей духовно нравственнаго содержанія, къ послѣдовательному и психически-постепенному воспріятію которыхъ будетъ предпосланъ отдѣлъ беллетристическій, нѣчто въ родѣ антологіи для народа, въ которой, впрочемъ, по извѣстнымъ практическимъ соображеніямъ, не можетъ быть принята исключительно одна эстетическая цѣль. Въ пьесахъ, мѣстахъ и отрывкахъ этого отдѣла, подѣ болѣе или менѣе художественной оболочкой, всегда будетъ заключаться или какое-либо историческое и другаго рода свѣдѣніе, фактъ, или гуманпческая и духовно-нравственная (?) идея, нужная въ-особенности нашему народу.

Нельзя не согласиться, что дѣйствительно для русскаго народа нужны книги для чтенія, и, пожалуй, хотъ «читальщички», но только не по системѣ г. Щербины. Онъ предлагаетъ народу энциклопедію, которая, по мнѣнію автора, должна преслѣдовать въ одно и то же время двѣ цѣли: сообщить читателямъ элементарныя познанія и воспитать въ нихъ кое-какія убѣжденія. Не нужно говорить, что, если составить книгу по системѣ г. Щербины, то она должна быть или слишкомъ сложна и громадна или сжата до сухости, т. е. представлять случайное соединеніе самыхъ разнородныхъ элементовъ; подобный винигретъ, какъ неимѣющій ничего органически-цѣльнаго, не можетъ и производить цѣльнаго впечатлѣнія на читателя.

Провести черту между *образованіемъ*, подъ которымъ разумѣются элементарныя и научныя познанія, и *воспитаніемъ*, при всемъ различіи одного отъ другаго, вообще крайне трудно, потому что всякое образованіе болѣе или менѣе и воспитываетъ какъ отдѣльнаго чело-вѣка, такъ и націю; но при опредѣленіи цѣли, съ которой проектируется та или другая книга, изыскивается та или другая система для просвѣщенія народа, необходимо строго различать *образованіе* собственно отъ *воспитанія*. Образованность въ извѣстной степени, т. е. знакомства съ науками и богатство свѣдѣній мы находимъ вездѣ, почти на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи, какъ между отдѣльными людьми, такъ и у цѣлыхъ народовъ, высшая же степень образованности не опредѣлялась еще въ нашихъ современныхъ понятіяхъ; но образованность возможна при всякомъ воспитаніи; оно же само представляетъ собою явленіе чисто нравственное и можетъ быть опредѣлено, какъ понятіе, слѣдующимъ образомъ: воспитаніе есть развитіе духовной стороны человѣческой природы въ извѣстной степени и въ извѣстномъ духѣ, т. е. когда отдѣльный чело-вѣкъ бываетъ направленъ въ томъ или другомъ духѣ, или когда цѣлая народная масса постепенно образовала изъ себя извѣстную нравственную среду, оживотворенную и проникнутую общими плодами своего воспитанія—тѣми или другими принципами и идеями.

Системы для образованія чело-вѣка и націи ограничиваются изысканіемъ способа наилучшимъ образомъ сообщать свѣдѣнія образовывающемуся; системы же о воспитаніи имѣютъ цѣлью развить и указать путь нравственнымъ силамъ индивидуума или націи.

Прилагая наши воззрѣнія къ вышеозначенной статьѣ г. Щербина, мы находимъ, что онъ, смѣшавъ въ своемъ планѣ обѣ цѣли, не достигаетъ ни одной близко, особенно *воспитанія*. «Читальникъ» можетъ быть полезенъ для простолюдиновъ настолько же, сколько, напримѣръ, для образованнаго уже чело-вѣка всякій энциклопедическій сборникъ, если такіе сборники бываютъ чѣмъ нибудь полезны. А что именно г. Щербина имѣлъ въ виду въ отношеніи воспитанія, этого не видно изъ его плана; правда, тамъ есть фраза: «духовно—нравственное», но она не болѣе какъ неопредѣленное и темное понятіе: «нравственное» не можетъ относиться къ нашей физической природѣ, и слѣдовательно всегда: *духовно*.

Системы *воспитанія*, особенно воспитанія народнаго—предметъ довольно новый у насъ и въ журналистикѣ, и въ средѣ обществен-

ныхъ интересовъ, поэтому не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь по этому предмету нѣсколько словъ.

Воспитаніе, которое можетъ получить каждый въ семейной средѣ, условливается, если не строгой системой воспитывающихъ, то личнымъ характеромъ ихъ и степенью общаго ихъ развитія и пониманія; вслѣдствіе чего семейное воспитаніе носитъ на себѣ характеръ безконечнаго разнообразія способовъ и цѣлей. Такимъ образомъ преобладающіе элементы общества, преемственно переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому, соглашаясь съ духомъ времени и обстоятельствъ, которыя прогрессивно вырабатываютъ жизнь и сознаніе общества; въ этомъ безконечномъ разнообразіи воспитательныхъ системъ совершается, между прочимъ, борьба началъ, составляющая непремѣнное условіе прогрессивнаго развитія человѣческаго духа и цивилизаціи общества.

Въ воспитаніи отдѣльныхъ личностей въ средѣ семейной, инициатива принадлежитъ отдѣльнымъ личностямъ, имѣющимъ, по естественному закону старшинства и первородства, силу и слѣдовательно вліяніе:—мы говоримъ объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ,—въ воспитаніи же народа инициатива эта не можетъ принадлежать отдѣльнымъ личностямъ во первыхъ потому, что здѣсь нѣтъ естественнаго права старшинства и первородства, и во-вторыхъ потому, что никакая отдѣльная личность не можетъ служить достаточно полнымъ выраженіемъ собирательныхъ народныхъ потребностей и элементовъ. Когда инициатива общественнаго воспитанія принадлежитъ не только одной какой либо личности, но цѣлой корпораціи, на исключительномъ правѣ,—тогда не можетъ совершаться та прогрессивная разработка общественныхъ началъ и элементовъ, которую мы видимъ при разнообразіи воспитательныхъ системъ. Да и въ комъ народъ олицетворитъ своего непогрѣшимаго педагога съ его абсолютно—истинной системой?... Допуская абсолютно—истинную систему, народъ отказался бы отъ существенныхъ условій своего развитія, и общественное воспитаніе было бы не болѣе какъ арифметическая формула подведенія дробей къ одному знаменателю, для одной и той же цѣли и однимъ и тѣмъ же способомъ. Напротивъ, необходимо для воспитанія народнаго безконечное разнообразіе системъ, которыя впрочемъ никогда не будутъ произвольны, а явятся выраженіемъ живыхъ стремленій общества, и преимущественно стремленій большинства его. Въ этомъ естественномъ ходѣ общественнаго воспитанія не можетъ быть ни мертвящаго однообразія, ни ошибокъ, ни увлеченій, которыя, при самомъ

своемъ началѣ, всегда обнаружатся и; провѣренныя опытомъ жизни и борьбой преобладающихъ въ обществѣ элементовъ, уступать мѣсто крайне-истинной системѣ, строго условенной духомъ времени и потребностями общества. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что системы воспитанія не должны быть направлены, въ строгомъ смыслѣ слова, для исключительныхъ цѣлей, иначе воспитаніе не будетъ имѣть своего абсолютно-высокаго значенія въ развитіи человѣка, а будутъ не болѣе какъ средствомъ къ достиженію скоропроходящихъ цѣлей, часто зависящихъ отъ общественныхъ страстей; впрочемъ, при свободномъ дѣйствіи разнообразныхъ системъ, воспитаніе становится выше чьего либо индивидуальнаго вліянія, и слѣдовательно не подчинится частнымъ цѣлямъ и стремленіямъ.

Самый надежный порядокъ для совершенствованія системъ общественнаго воспитанія есть тотъ, когда отдѣльныя корпораціи, а не одна какая либо преобладающая корпорація держать, въ своихъ рукахъ инициативу воспитанія.

Всѣ эти разсужденія мы привели по поводу извѣстія объ утвержденіи 5 марта 1861 г. устава образовавшагося въ Москвѣ «Общества распространенія полезныхъ книгъ.»

Образованіе этого общества мы привѣтствуемъ только какъ фактъ, тѣмъ болѣе, что общество образовалось изъ женщинъ, которыя едва-ли не въ первый разъ собирательно являются на поприщѣ открытой общественной дѣятельности.

Мы не будемъ говорить о сущности устава Общества, т. е. о его цѣли и направленіи, которое, впрочемъ, обнаружится лучше въ самыхъ дѣйствіяхъ Общества; но скажемъ, что какая бы ни была цѣль и направленіе общества, дѣйствія его будутъ, оказывать одностороннее вліяніе на общественное воспитаніе, если образованіе многихъ другихъ подобныхъ обществъ не дополнитъ собою дѣятельности общества, именно до тѣхъ размѣровъ общественнаго воспитанія, съ помощію отдѣльныхъ корпорацій, о которыхъ мы говорили выше.

Общественное воспитаніе въ Россіи, какъ извѣстно, находилось и находится въ рукахъ правительства и преимущественно направлено для достиженія строго определенныхъ нравственныхъ и гражданскихъ цѣлей. О значеніи такого воспитанія въ нашей жизни и отношеніи существующихъ у насъ системъ воспитанія къ высказанному нами понятію вообще о воспитаніи народа мы говорили уже выше.

Собственно о способахъ нашего русскаго народнаго воспитанія мы

затруднимся сказать что либо ясное и определенное: у насъ возможны и частныя общества, въ родѣ московскаго, о которомъ мы говорили выше, возможны и журналы, и отдѣльныя изданія, направленные къ воспитанію народа, а между тѣмъ, нѣтъ при этомъ должной разносторонности въ тенденціяхъ существующихъ изданій; все это болѣе или менѣе одно «аскоченствованіе»; мы не лишаемъ права гражданства всякій допотопный обскурантизмъ и въ нашу эпоху, тогда какъ необходимо, чтобы и оппозиція противъ этого систематическаго потемнѣнія народнаго ума и сознанія имѣла свои законныя въ высшей степени права, иначе этотъ мрачный отживающій богъ обскурантизма сильнѣе начнетъ бросать свою густую тѣнь на все освѣщаемое лучами восходящаго солнца нашего разсвѣта. И вотъ одна изъ попытокъ на этомъ поприщѣ: г. Викторъ Аскоченскій, не довольствуясь изданіемъ «Домашней Бесѣды» и, вѣроятно, желающій поприбавить еще нѣсколько своихъ издательскихъ доходовъ, предпринялъ изданіе «Чтенія для православнаго русскаго народа» въ томъ же духѣ, въ какомъ издается «Домашняя Бесѣда». Еслибы у насъ была свобода книгопечатанія, то г. Аскоченскій съ своими изданіями не имѣлъ бы ни смысла, ни значенія; но при нашемъ порядкѣ будетъ вполне одобрительно, если общественное мнѣніе, насколько таковое у насъ возможно, выразилось въ пользу воспрещенія г. Аскоченскому воспитывать народъ; разрѣшеніе подобныхъ изданій можетъ многихъ благомыслящихъ, но легковѣрныхъ людей ввести въ сомнѣніе, что наше просвѣщенное правительство, утверждая эти изданія, вполне одобряетъ направленіе ихъ, чего въ сущности, конечно, ожидать нельзя.

«Нечего хлопотать спозаранку объ улучшеніи жизненныхъ удобствъ русскаго человѣка, говоритъ г. Аскоченскій, въ объявленіи объ изданіи «Чтенія для православнаго русскаго народа»; нужно прежде всего, чтобъ онъ улучшилъ и удобрилъ ниву сердца своего...»

Подъ личиною нравственнаго развитія народа, какой тлетворный общественный адъ кроется въ этихъ словахъ! Какъ будто безъ улучшенія жизненныхъ удобствъ, подъ которыми, разумѣется, конечно, довольство въ первыхъ жизненныхъ потребностяхъ, возможно какое либо нравственное развитіе.

Впрочемъ, объявленіе или «извѣщеніе» г. Аскоченскаго, этого

Отд. III.

21½

геральда мракобѣсія, таково, что, судя по изложенію, можно принять его за прогрессивнаго дѣятеля: онъ говоритъ: «если сущность задачи народнаго образованія состоятъ въ томъ, чтобы облагородить нашего простолюдина, то дайте ему прежде всего понятіе, въ чемъ состоитъ то неблагородство, которое человѣка, *уменьшаго малыя чимъ отъ ангель, вѣнчаннаго славою и честію*, доводитъ до степени скотоподобія». Если г. Аскоченскій будетъ издавать свои книжки для того, чтобы давать читателямъ понятіе о томъ, что доводитъ человѣка до степени скотоподобія, то можно надѣяться, что изданія эти скоро увянутъ собою эту проблему.

Но мы боимся много говорить о г. Аскоченскомъ: онъ, пожалуй, какъ разъ *шепнетъ* въ своей «Бесѣдѣ» *домашнимъ*, а не публичнымъ порядкомъ, о нашемъ съ нимъ разномысліи, и подкрѣпитъ свое слово какимъ нибудь крючкомъ византійской работы....

Такъ какъ мы почти исключительно посвятили настоящую лѣтопись вопросу о народномъ образованіи, то находимъ не лишнимъ сказать и о слухахъ, относящихся къ этому же предмету: саратовское дворянство еще въ декабрѣ прошедшаго года, какъ сообщали саратовскія губ. вѣдомости, положило ходатайствовать у правительства объ учрежденіи въ Саратовѣ университета, съ двумя факультетами: юридическимъ и коммерческимъ, предоставляя на содержаніе университета сумму, собираемую на содержаніе тамошней земской случной конюшни и деньги, собранныя уже на постройку жандармской конюшни; такимъ образомъ, содержаніе двухъ факультетовъ, по благимъ соображеніямъ саратовскихъ дворянъ, оказывалось возможнымъ на счетъ только двухъ *зубернскихъ* конюшенъ; но здѣсь, какъ ходитъ слухъ, мнѣнія склоняются не въ пользу университета.

Оставляя собственно вопросъ о народномъ образованіи и воспитаніи, мы позволяемъ себѣ углубиться нѣсколько въ послѣдствія инертнаго состоянія народной массы, по поводу печальнаго событія, извѣстіе о которомъ обнародовано правительствомъ въ № 107 Сѣверной Пчелы. Мы говоримъ о событіяхъ, совершившихся въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Казанской губерніи, при обнародованіи положеній о крестьянахъ, въ вызвавшихъ со стороны правительства строгія мѣры.

Этотъ печальный фактъ, краснорѣчиво говорящій самъ за себя вся-

кому человеку мыслящему и слѣдовательно умѣющему оцѣнивать вещи по самой ихъ сущности,—мы обязываемся занести въ нашу лѣтопись въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ сообщенъ публикѣ,—и возвратимся, по поводу этого событія, къ прежнему вопросу о народномъ образованіи въ гражданскомъ, обширномъ его значеніи.

По полученіи «Положеній» въ деревняхъ Спасскаго уѣзда, крестьяне, разумѣя подѣ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости совершенное прекращеніе обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, обращались сперва, для прочтенія и истолкованія новыхъ правилъ, къ помѣщикамъ, священникамъ и мѣстнымъ властямъ; но, видя, что объясненія сихъ лицъ не удовлетворяютъ ихъ предположеніямъ, и потому, не довѣряя имъ болѣе, стали искать другихъ чтецовъ.

Слѣдствіемъ сего явились толкователи изъ среды народа, которые, собирая съ крестьянъ деньги, начали объяснять имъ «Положенія» въ превратномъ видѣ и возбуждать крестьянъ къ неповиновенію. Однимъ изъ такихъ толкователей, крестьянинъ Спасскаго уѣзда, с. Бездны, принадлежащаго дѣйствительному тайному совѣтнику Мусину-Пушкину, Антонъ Петровъ, воспользовался настоящимъ случаемъ. Будучи приглашенъ крестьянами въ деревню Болховскую, для прочтенія «Положеній», Антонъ Петровъ, искажая смыслъ статей, объяснялъ крестьянамъ, что онъ доискался въ «Положеніяхъ» чистой воли, которую, будто-бы, до него многіе видѣли, но никто не сумѣлъ понять, и которая, какъ нельзя-болѣе, согласовалась съ ожиданіями крестьянъ. Успѣвъ такимъ-образомъ, въ-теченіе двухъ дней, совершенно подчинить своему вліянію жителей сей деревни, Петровъ прибылъ, вмѣстѣ съ ними, въ село Бездну. Здѣсь Петровъ обратился сперва къ сельскому священнику, съ требованіемъ дать имъ присягу въ томъ, что они совершенно свободны, а послѣ рѣшительнаго отказа со стороны послѣдняго, началъ призывать крестьянъ къ открытому нарушенію порядка, объясняя имъ уже, что освобожденіе, или чистая воля, которую онъ имъ вычитывалъ изъ Положенія, означаютъ совершенную независимость не только отъ помѣщиковъ, но и отъ мѣстныхъ начальствъ; внушалъ крестьянамъ не бояться никакихъ угрозъ и не довѣрять никакимъ распоряженіямъ и убѣжденіямъ властей, потому-что онѣ подкуплены помѣщиками, а пуще-всего охранять и не выдавать его самого. Антонъ Петровъ рассылалъ своихъ довѣренныхъ по разнымъ

*

отдаленнымъ деревнямъ и даже другимъ уѣздамъ губерніи, для привлеченія новыхъ сообщниковъ. Онъ вскорѣ успѣлъ привлечь на свою сторону не только крестьянъ села Бездны, но и окрестныхъ деревень; обѣщалъ всѣмъ волю и давалъ землю, назначая начальствующихъ лицъ и говоря, что онъ вскорѣ освободитъ тридцать-четыре губерніи.

Немедленно по полученіи извѣстія о такихъ безпорядкахъ въ селѣ Безднѣ, прибыли на мѣсто спаскій предводитель дворянства, Молоствовъ, и чины земской полиціи, съ цѣлью одѣвши кроткими мѣрами разсѣять заблужденія крестьянъ и уговорить ихъ къ покорности; вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ село Бездну и командированный, по Высочайшему повелѣнію, въ Казанскую губернію, для содѣйствія губернскому началству при введеніи новыхъ о крестьянахъ «Положеній», свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ графъ Апраксинъ. Но предварительныя мѣры увѣщанія, испытанныя съ крайнимъ терпѣніемъ и настойчивостью, не имѣли никакого успѣха. Крестьяне на всѣ увѣжденія отвѣчали криками «воля!» и даже отказались явиться въ контору селенія, куда требовалъ ихъ графъ Апраксинъ немедленно по прибытіи своемъ въ с. Бездну.

Такое упорство со стороны крестьянъ, въ виду продолжавшагося возрастать числа сообщниковъ Петрова, начинавшихъ являться даже изъ Самарской и Сибирской губерній, побудило генераль-маіора графа Апраксина потребовать находившіяся вблизи военныя команды, мѣстомъ сбора конухъ назначено было с. Никольское, куда прибылъ и самъ графъ Апраксинъ. 11-го апрѣля, вечеромъ, было въ распоряженіи графа Апраксина только 231 человекъ войска. Усиленія этого отряда можно было ожидать не ранѣе, какъ черезъ четыре или пять дней; но оставаться въ это время безъ дѣйствія было бы опасно, такъ какъ скопище волновавшихся крестьянъ возрастало съ немовѣрною быстротою. Вынужденный необходимостью дѣйствовать рѣшительно, генераль-маіоръ графъ Апраксинъ, 12-го апрѣля, прибылъ вторично въ село Бездну, уже съ вооруженной командой. Здѣсь нашелъ онъ усилившееся, въ теченіе нѣсколькихъ дней, еще-болѣе волненіе. Толпа, числомъ до пяти тысячъ человекъ, стояла противъ дома Антона Петрова, и увеличивалась постоянно вновь-прибывавшими крестьянами.

Остановивъ команду на нѣкоторомъ разстояніи, генераль-маіоръ

графъ Апраксинъ послалъ, для увѣщанія крестьянъ, сперва двухъ адъютантовъ казанскаго военнаго губернатора, находившихся при графѣ Апраксинѣ, а потомъ сельскаго священника, которые долго говорили крестьянамъ, убѣждая ихъ разойтись, и угрожая, что, въ противномъ случаѣ, они приведены будутъ къ послушанію оружіемъ. Но ни увѣщанія адъютантовъ, ни слова священника, не имѣли никакого дѣйствія. Тогда графъ Апраксинъ, подѣхавъ къ толпѣ, лично объяснилъ крестьянамъ возложенное на него порученіе и убѣждалъ ихъ выдать Антона Петрова и разойтись по домамъ, угрожая, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, употребить въ дѣло войско; но и на это убѣжденіе, неоднократно-повторенное, крестьяне отвѣчали криками.

Столь-непреклонное упорство не оставляло болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что всякія дальнѣйшія мѣры убѣжденія не только не поколебали бы заблужденія крестьянъ, но могли еще болѣе укоренить въ нихъ рѣшимость сопротивленія; что возбужденное волненіе успѣло развиться въ слишкомъ-значительной степени, чтобъ быть усмирено иначе, какъ вооруженной силой, и что всякая потеря времени, въ виду увеличивавшейся постоянно толпы, могла только вести къ болѣе-пагубнымъ послѣдствіямъ.

Въ такой крайней необходимости, приказано было одной шеренгѣ сдѣлать залпъ, послѣ котораго снова было увѣщаніе, но совершенно-безполезно. Тогда принуждены были сдѣлать нѣсколько залповъ, потому-что крестьяне начали, въ большомъ числѣ, выходить изъ дворовъ, съ крикомъ «за кольями!» и угрожали окружить малочисленную команду. Между залпами были сдѣланы крестьянамъ увѣщанія, но напрасно. Наконецъ, толпа разсѣялась, и послышались крики о выдачѣ Антона Петрова, который, между-тѣмъ, хотѣлъ скрыться изъ селенія, но былъ предупрежденъ двумя козаками, захватившими приготовленную для него лошадь. Тогда Антонъ Петровъ вышелъ изъ дома передъ войско, неся «Положеніе» о крестьянахъ надъ головою, и былъ взятъ вмѣстѣ съ выданными имъ тутъ же сообщниками, и отправленъ въ острогъ города Спасска. Убито крестьянъ 55 и ранено 71.

Антонъ Петровъ былъ преданъ суду по полемому уголовному уложенію; судъ приговорилъ его казнить смертію (разстрѣлать), и при-

говоръ полевого суда приведенъ въ исполненіе 19-го апрѣля, въ присутствіи жителей села Бездны и селеній всего Спасскаго уѣзда. При исполненіи приговора, крестьяне говорили, что Петровъ вполнѣ заслужилъ свое наказаніе, будучи виною всѣхъ ихъ бѣдъ.

Въ настоящее время, въ Спасскомъ уѣздѣ порядокъ совершенно водворенъ, и случаевъ дальнѣйшаго неповиновенія не было.

Въ заключеніе, должно присовокупить, что нѣкоторыя имѣнія и въ Спасскомъ уѣздѣ не участвовали вовсе въ волненіи и неповиновеніи, возникшемъ въ с. Безднѣ; въ семъ отношеніи, замѣчательно село Богородское-Бураково, изъ 470-ти душъ (принадлежащее супругѣ г. Трубникова), крестьяне котораго, лишь-только началось волненіе, прислали въ Казань сказать помѣщику, чтобы онъ былъ совершенно-спокоенъ, что они сохранить все въ цѣлости, сами никуда не поѣдутъ и къ себѣ никого не пустятъ; они оцѣнили деревню, работы производили усерднѣе даже, чѣмъ прежде, и, несмотря на неоднократныя послыжки къ нимъ депутатовъ отъ Антона Петрова и другихъ смежныхъ съ ними имѣній, даже ближайшихъ къ Безднѣ деревень того же владѣльца, съ предложеніями и угрозами, отвѣчали, что они дали обѣщаніе своему помѣщику, которое и сдержатъ свято. Деревня Порфировка, помѣщицы Депрейсъ, близкая къ Безднѣ, точно-также вела себя прекрасно. По доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Его Императорское Величество всемилостивѣйше изволилъ повелѣть: крестьянамъ Спасскаго уѣзда, непринимавшимъ участія въ волненіяхъ, объявить Высочайшее благоволеніе,

Какая тьма думъ возникаетъ при чтеніи этого печальнаго и грустнаго извѣстія! Нѣтъ никакого основанія требовать и ожидать отъ крестьянъ столь высокаго умственного развитія, чтобы они могли сами непосредственно усвоить себѣ Высочайше утвержденныя 19 февраля положенія; также, съ точки зрѣнія нашего законодательства, нельзя допустить, чтобы кто-либо могъ отговариваться незнаніемъ или непониманіемъ закона; но при всемъ этомъ передъ нами возстаетъ неотразимо фактъ почти поголовной безграмотности между крестьянами, и въ особенности между помѣщичьими, и слѣдовательно крайнее неразвитіе умственныхъ способностей, что и служитъ объясненіемъ печальнаго событія въ-селѣ Безднѣ. Нашъ простолюдинъ только истиникъ-

тѣмъ понимаетъ вещи, но при всей свѣжести его инстинктовъ, одной этой силы пониманія, какъ оказывается, недостаточно для современной гражданской жизни, сложившейся изъ элементовъ традиціи, не легко поддающихся уразумѣнію простаго ума. За истолкованіемъ новыхъ положеній о помѣщичьихъ крестьянахъ, они, естественно, обратились къ помѣщикамъ, духовенству и мѣстнымъ (т. е. земскимъ) властямъ, и вотъ здѣсь непростительная вина спаскихъ крестьянъ: они не повѣрили мѣстнымъ представителямъ этихъ трехъ сословій, составляющихъ опору настоящаго нашего гражданского порядка и, можно сказать, благодѣтельствовавшихъ подвластный имъ народъ своимъ управленіемъ и назиданіемъ. И къ кому же обратились крестьяне? Къ наемнымъ чтецамъ, которые сдѣлали для себя професію изъ чтенія крестьянамъ положеній о нихъ. Гдѣ замѣшана мелкая личная выгода, тамъ трудно уже искать чистоты побужденій, и даже честнаго исполненія принятой обязанности, если человѣкъ не проникнуть вообще сознаніемъ своего долга. А въ тѣхъ личностяхъ, къ которымъ обращались крестьяне, можно ли предположить какое либо сознаніе о долгѣ, объ обязанности?... Но еслибы даже чтецы эти и были воспламенены искреннимъ желаніемъ истолковать безграмотнымъ крестьянамъ положенія по своему крайнему разумѣнію, то можно ли ожидать отъ нихъ столь высокаго умственнаго развитія, какого требовалъ предметъ? Если же въ искаженіи столь простаго и яснаго смысла положеній была злоумышленность со стороны чтецовъ, было желаніе возбудить и направить событія, вынудившія строгія мѣры, то объяснить причину этого рѣшительно не представляется никакихъ основаній.

Антонъ Петровъ, какъ сказано въ вышеизложенной реляціи, объяснилъ крестьянамъ, что онъ доискался въ положеніяхъ чистой воли, которая какъ нельзя болѣе согласовалась съ ожиданіями крестьянъ и которая означаетъ совершенную независимость не только отъ помѣщиковъ, но и отъ мѣстныхъ начальствъ. Крестьяне простодушно повѣрили тому, чего они ожидали и чего желали. Антонъ Петровъ, до принятія строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ свята Его Величества генералъ-маіоромъ графомъ Апраксинымъ, успѣлъ распространить свою пропаганду и внушенія полнаго освобожденія крестьянъ съ землею даже за предѣлы Казанской губерніи, такъ что въ столь короткое время единомышленники Петрова начинали являться изъ Самарской и

Симбирской губерній. Нужно удивляться единодушію съ которымъ крестьяне подчинились заблужденію, вызвавшему со стороны графа Апраксина строгія и рѣшительныя мѣры.

Сельское благоустройство имѣетъ уже свою лѣтопись, которая должна содержать въ себѣ и свѣтлыя и темныя страницы введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля положеній.

А. Т—РОВЪ.

С М Ъ С Ъ.

Одно изъ средствъ австрійской политики.

Насиліе, какому подвергается частная переписка въ Австріи, искусство, съ какимъ правительство проникаетъ въ тайны довѣрчиво переданныхъ въ его руки писемъ, составляютъ одно изъ многочисленныхъ средствъ, которыми австрійская политика искони пользовалась для достиженія своихъ цѣлей. Чтобы вывести полное понятіе о ея характерѣ и направленіи, стѣдуетъ только узнать въ какомъ составѣ находится почтовое управленіе Австріи и какимъ образомъ велось и ведется оно въ этой таинственной Имперіи. Два архивариуса, одинъ бывшій долгое время въ Вѣнѣ, другой въ Дрезденѣ, Гормайеръ и Фезе, оставили по этому случаю драгоценнѣйшія, и въ высшей степени любопытныя данныя. Нѣтъ, правда, подробнаго, спеціальнаго обзора объ устройствѣ и управленіи почтоваго вѣдомства въ Австріи, но отрывочныя ихъ свѣдѣнія даютъ возможность представить въ общемъ очеркѣ этотъ новый рычагъ австрійской политики, какъ доказательство, что для нея всѣ средства законны, лишь бы цѣль была достигнута. Нравственная сторона частной корреспонденціи не можетъ быть понятной такому правительству, какъ Австрія. Въ этомъ случаѣ, нельзя не вспомнить знаменательный случай, бывшій нѣсколько лѣтъ тому въ Лондонѣ, и поднявшій въ парламентѣ вопросъ о неприкосновенности тайны, довѣренной почтовому управленію въ част-

ной перепискѣ. Этотъ случай возникъ вслѣдствіе протеста Матсини, доказавшаго, что письмо, посланное ему изъ Парижа Жоржъ Зандъ, было распечатано въ англійскомъ почтамтѣ. Уликой послужилъ волосъ, съ головы Жоржъ Зандъ, положенный подъ печать и потерянный чиновникомъ при взломѣ печати. Процессъ былъ веденъ гласно и обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ: покойный историкъ Маколэ, какъ членъ парламента, произнесъ по поводу этого дѣла превосходную рѣчь, въ которой онъ юридически опредѣлялъ *позиціею* чужой собственности самопроизвольное вскрытіе частной переписки. Съ тѣхъ поръ злоупотребленіе прекратилось и неприкосновенность письма признана неперемѣннымъ условіемъ англійскаго почтового вѣдомства. Но подобные случаи не могутъ быть примѣромъ такому государству, какъ Австрія: здѣсь подлогъ и обманъ превосходятъ все, что только можетъ вообразить самая смѣлая фантазія. Ловкость рукъ, химическіе процессы, механическія средства и искусство поддѣльщика,—все это идетъ въ дѣло, чтобы вскрывать письма и депеши, списывать ихъ, или замѣнять другими, подложными, гдѣ почеркъ руки и подпись поддѣлываются съ изумительною точностью и сходствомъ.

Это своего рода инквизиціонное гоненіе частной корреспонденціи въ Австріи не ново. Вопросъ этотъ затронуть въ недавно вышедшей книгѣ Михіельса, *Histoire de la politique autrichienne*, заключающей въ себѣ весьма любопытныя подробности австрійской политики современн Мариі Терезы. Оно восходитъ къ началу XVI-го столѣтія, когда Максимилианъ I, желая узнать интриги, существовавшія между нѣмецкими государями, и намѣренія Фламандцевъ и Ломбардовъ, сталъ насиловать тайну писемъ и депешъ, и такимъ образомъ положилъ начало будущему развитію и усовершенствованію гнуснѣйшаго изъ средствъ ново-австрійской политики. Этимъ самымъ средствомъ еще Карлъ V открывалъ тайныя намѣренія и проекты реформатскихъ государей. Изъ нихъ, ландграфъ гессенскій Филиппъ, не подозревая, что депеши его постоянно перехватывались, дорого заплатилъ за тѣ тайны, которыя онъ довѣрчиво излагалъ въ перепискѣ съ императорскими городами, и смѣло высказывалъ свои мысли и сужденія объ испанскомъ монархѣ. Эта самая переписка привела его наконецъ на судъ Карла, у котораго онъ вынужденъ былъ униженно просить помилованія. Свиданіе это происходило въ юнѣ 1547 года въ Галле. Толпа графовъ и бароновъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, окру-

жали Карла и между ними Филиппъ увидѣлъ герцога Генриха Брунсвикскаго, который былъ у него въ плѣну, и который теперь съ затаенной радостью явился свидѣтелемъ униженія своего противника. Филиппъ преклонилъ колѣно предъ трономъ Карла, а его собственный канцлеръ, Гунтероде, громко прочелъ покаянную грамоту, составленную въ выраженіяхъ скромныхъ и униженныхъ, далеко не согласовавшихся съ смѣлымъ и буйнымъ характеромъ ландграфа. Слышавъ эти выраженія, Филиппъ не могъ не улыбнуться. Карлъ погрозилъ ему пальцемъ и плохо произнося фламандскія слова, сказалъ ему: *Wol, ick soll di lachen leghen!* (Хорошо, я научу тебя смѣяться!)—Когда Гунтероде кончилъ чтеніе прошенія ландграфа, Сельдъ, канцлеръ Карла V, прочелъ слѣдующую резолюцію: «Хотя ландграфъ, какъ онъ самъ сознается, и заслуживаетъ самое строгое наказаніе, но императоръ, по неизрѣченной своей милости и склоняясь на просьбы, которыя обратили къ нему въ защиту преступника, рѣшается оказать преступнику милость вмѣсто правосудія, и отмѣняетъ рѣшеніе о его изгнаніи и смерти, на которую онъ былъ осужденъ». Услышавъ эту резолюцію Филиппъ думалъ, что Карлъ дастъ ему знакъ встать и что милость смѣнитъ минутную строгость полновластнаго деспота, но Карлъ и не думалъ еще помиловать ландграфа, который не выдержалъ болѣе, всталъ и вышелъ изъ залы.

Вечеромъ того дня Филиппъ ужиналъ у герцога Альбы, вмѣстѣ съ герцогами Морицомъ бранденбургскимъ и саксонскимъ. Оба они сильно хлопотали у Карла V за ландграфа, и думая, что успѣли выпросить ему полное помилованіе, хотя и не получили рѣшительнаго отвѣта, утѣшались какъ только могли Филиппа. Но каково было ихъ изумленіе, когда послѣ ужина герцогъ Альба объявлялъ Филиппу, что онъ долженъ взять его подъ стражу. Оба герцога начали протестовать, говоря, что они взяли своего гостя на поруки, и поспѣшили тотчасъ къ императору просить объясненія. Карлъ отвѣчалъ имъ, что онъ никогда не давалъ слова воидамъ освободить Филиппа и этотъ послѣдній пять лѣтъ долженъ былъ провести въ заточеніи. Въ продолженіе этого времени, Морицъ саксонскій, оскорбленный двоюроднымъ Карла, чуть было не овладѣлъ въ свою очередь его особой. Болѣе скрытный, менѣе довѣрчивый, чѣмъ Филиппъ, Морицъ не довѣрялъ свои дѣла почтовой администраціи, а пересылалъ ихъ съ испытанными курьерами, которые съ точностью доставляли ихъ по назначенію.

Въ глубочайшей тайнѣ готовилъ онъ коалицію противъ испанскаго деспота. Въ мартѣ 1552 г. онъ сосредоточилъ въ Франконіи свои войска, куда прибыли также отряды ландграфа гессенскаго и маркграфа бранденбургскаго. Отсюда они послали Карлу объявленіе войны, въ которомъ, между другими причинами, приводили и жестокое обращеніе его съ Филиппомъ и порабощеніе въ какомъ держалъ онъ Германію. Карлъ V отвѣчалъ имъ съ презрѣніемъ на этотъ вызовъ, но не имѣя ни денегъ, ни солдатъ, былъ вынужденъ вступить съ ними въ переговоры чрезъ посредство брата своего, эрцгерцога Фердинанда. Морицъ понялъ, что императоръ хотѣлъ только выиграть время, и рѣшился предупредить его. Онъ быстро пошелъ съ молодымъ Вильгельмомъ гессенскимъ къ Тиролю. Экспедиція была ведена такъ тайно, что Карлъ едва не впалъ въ ловко разставленныя сѣти его противниковъ. Еслибы не возмущеніе одного эскадрона, которое заставило союзниковъ потерять цѣлый день, Карлъ неминуемо сдѣлался бы ихъ плѣнникомъ. Далеко за полночь прибѣжали сказать ему что непріятель близко, не далѣе какъ на двѣнадцать или на пятнадцать часовомъ переходѣ. Ночь была бурная, дождь лилъ какъ изъ ведра. Карлъ былъ до того слабъ, что принуждены были посадить его въ носилки. Приближенные его вскочили на коней, а дворянъ, вооружившись факелами, которые должны были каждую минуту зажигать снова, съ трудомъ могли освѣщать побѣгъ Карла среди крутыхъ горъ, лѣсистыхъ пространствъ, и часто по узкимъ дорожкамъ, проложеннымъ по краямъ глубокихъ обрывовъ. Что думалъ въ эту минуту гордый Карлъ, видя какъ ничтожны его величіе и сила? Быть можетъ, какъ справедливо замѣчаютъ Колраушъ и Фезе, — въ эту-то минуту и пришла ему первая мысль отреченія, которую онъ осуществилъ въ послѣдствіи.

Больной и избитый труднымъ гористымъ путемъ, прибылъ онъ наконецъ въ Тридентъ, гдѣ въ то время былъ собранъ извѣстный соборъ. Западные прелаты были до того поражены ужасомъ, что разбѣжались во все стороны: они думали, что Морицъ уже накрываетъ городъ своими дружинами, многимъ слышались даже звуки трубъ приближающейся непріятельской рати. Эта минута тревоги и страха стоила отцамъ продолжительной отсрочки; только чрезъ десять лѣтъ, въ 1562 г., могли они снова собраться на соборъ. Что же касается Карла, онъ могъ вздохнуть свободнѣе въ Тридентѣ, за тѣмъ бросился далѣе, въ горы Каринтіи и успокоился наконецъ въ укрѣпленномъ замкѣ Виллахъ отъ преслѣдованій Морица.

Искусство перехватывать, вскрывать и снова запечатывать письма было доведено до совершенства испанскими иезуитами. Иногда это искусство оказывалось не достаточнымъ, и тогда самыя лица не избѣгали насилія. Такъ напримѣръ, когда смертью Сигизмунда-Августа, въ 1572 г., пресѣклась мужская линия Ягеллоновъ и Максимилианъ II домогался польской короны, директоръ германскихъ почтъ получилъ приказаніе схватить проѣздомъ черезъ Германію папскаго посланнаго, кардинала Морони, такъ какъ папа не былъ расположенъ къ вѣмецкому монарху. Морони дѣйствительно остановили и безцеремонно отняли всѣ бумаги, находившіяся при немъ. Даже переписки и депеши командовавшихъ войсками не были уважаемы. Во время Рудольфа II генераль Лазаръ Швенди не разъ жаловался на директора почтъ Фихгаузера, который вскрывалъ его депеши. Самъ Валленштейнъ боялся подвергнуться гоненію, и имѣлъ осторожность ничего не писать такого, что могло бы возбудить противъ него подозрѣніе. Во время Леопольда ни одно письмо, ни одна депеша не проходили свободно, съ одного мѣста на другое. Никто не зналъ какимъ образомъ вѣнскому правительству дѣлались извѣстны тайныя политическія предположенія Франціи, Германіи, Венгрии. Большую пользу принесло ему это насиліе чужой тайны во время войны за испанское наслѣдство.

Привилегія, данная Ла-Туръ-и-Таксисъ въ управленіи почтовыми вѣдомствомъ, много способствовала къ развитію письменнаго воровства, если можно такъ выразиться. Отъ береговъ Балтійскаго моря до Триеста, отъ Остенде до Германштата, день и ночь скакали взадъ и впередъ курьеры, служившіе на жалованьи Ла-Туръ-и-Таксисъ. Австрійское правительство, довѣривъ этой фамилии управленіе почтами, дало ей возможность упрочить благосостояніе и умножить до громадной цифры свое богатство. Во время тридцатилѣтней войны Фердинандъ II возвысилъ въ графское достоинство членовъ этого семейства, которые впоследствии сдѣлались князьями; слѣдовательно всѣмъ они обязаны Габсбургамъ, за то все и приносятъ они имъ въ жертву. Одинъ изъ членовъ этого семейства, Францискъ, первый составилъ планъ всеобщаго устройства почтъ въ 1500 году. Сынъ его, Іоаннъ-Батистъ, еще болѣе развилъ проекты своего отца, и въ 1516 г. установилъ, съ утвержденія императора Максимилиана, почтовое сообщеніе между Вѣною и Брюсселемъ. Сообщеніе это было высшей важности для Австріи, потому что Нидерланды принадлежали въ то время ей. Въ октябрѣ 1518 г. Карлъ V

подписалъ въ Аугсбургѣ дипломъ, которымъ Іоаннъ Батистъ Ла-Туръ-и-Таксисъ облакался въ званіе главно-управляющаго почтами нидерландскихъ провинцій.

Въ 1543 г. сынъ этого послѣдняго, Леонардъ, учредилъ новую линію почтовыхъ сообщеній, по направленію отъ Нидерландъ къ Итали, черезъ Литихъ, Триръ, Шпайеръ, Аугсбургъ, Швабію и Тироль. Возстаніе Бельгійцевъ и Голландцевъ противъ Испаніи остановило переправу писемъ и депешъ, что едва не привело къ банкротству все семейство Ла-Туръ-и-Таксисъ, но Леонардъ выдержалъ. Онъ открыто принялъ сторону Филиппа II и дѣйствовалъ въ его пользу съ такою твердостью, что тотъ пожаловалъ ему девизъ: *Perpetua fide*. Въ 1595 г. Рудольфъ II возвелъ Леонарда Таксисъ въ достоинство генеральнаго директора всего почтоваго управленія имперіи, и съ того времени управленіе это приняло названіе *kaiserliche Posten*, или императорскихъ почтъ. Десять лѣтъ спустя, Таксисъ возведенъ былъ въ баронское званіе и окончилъ жизнь свою въ 1612 г., девяноста лѣтъ отъ роду.

Матвѣй и Фердинандъ II закрѣпили за родомъ его сына Ламораля, въ нисходящей линіи, какъ мужской такъ и женской, неотъемлемое, наследственное управленіе императорскими почтами. Въ 1621 г. Фердинандъ II возвелъ Ламораля въ графское достоинство, по случаю проведенія новыхъ почтовыхъ линій — одну чрезъ Альпы, другую отъ Франкфурта на Майнѣ къ Лейпцигу, Гамбургу, Нюрнбергу, къ Прагѣ и Вѣнѣ. Это расширеніе почтовыхъ сообщеній увеличило и доходы почтъ, которыя приносили ежегодно до одного милліона чистаго прихода, т. е. до 600,000 р. сер. — цифры въ то время громадной для частнаго лица. Хотя въ почтовое управленіе, бывшее въ вѣдѣніи семейства Ла-Туръ-и-Таксисъ и не входила вся Германія, но Бельгія, Баварія, Баденъ, Виртембергъ, герцогство Дармштатское, герцогство Саксонія, духовно-электоральныя области, свободные города Германіи, находилсь во власти австрійскаго почтоваго управленія, которое не пропускало ни одной депешы, ни одного важнаго письма, чтобы не насиловать ихъ тайны, такъ довѣрчиво врученной его попеченію.

Семейство Таксисъ, захвативъ въ свои руки столь обильный источникъ обогащенія, годъ отъ году повышалось и въ почестяхъ и въ званіи. Въ 1686 г. членъ этого семейства, Евгений-Александръ, былъ возведенъ въ званіе князя; шесть лѣтъ передъ тѣмъ Карлъ II по-

жаловалъ ему титулъ испанскаго графа. Таксисы вели жизнь самую роскошную, широкую, можно сказать королевскую, и мѣстопробываніе ихъ было постоянно въ Брюсселѣ, гдѣ они играли роль чуть не наѣстниковъ имперіи (*). Было расчитано, что въ теченіе прошлаго столѣтія *почтовый домъ Ла-Туръ-и-Таксисъ* ежедневно выигрывалъ до 20,000 ливровъ или четыре милліона въ годъ, что въ постоянной его службѣ было до 20,000 человекъ и еще большее число лошадей, потому что онъ перевозилъ не одни только письма, но и пассажировъ. Дилижансы въ Германіи были введены въ почтовое сообщеніе еще съ половины XVIII столѣтія, и тамъ гдѣ существовала уже привилегированная компанія Таксисовъ, никто не имѣлъ права держать дорожное сообщеніе.

Семейство Таксисовъ владѣло въ Германіи огромными помѣстьями, замками и домами. Во Франкфуртѣ на Майнѣ обширный домъ, гдѣ теперь засѣдаетъ совѣтъ Германскаго Союза, принадлежалъ этой фамилии. На берегахъ верхняго Дуная, обширныя помѣстья Шееръ и Фридбергъ были разомъ куплены ими за два слишкомъ милліона рублей серебромъ. Богатое и обширное аббатство Санктъ-Эммеранъ, возлѣ Регенсбурга, было также куплено ими въ началѣ прошлаго столѣтія. Здѣсь, въ древнемъ и великолѣпномъ замкѣ, велъ роскошную жизнь Александръ-Фердинандъ Ла-Туръ-и-Таксисъ и неисчерпаемыя богатства позволяли ему давать постоянныя празднества, держать открытый столъ, театръ и устраивать фейерверки и блестящія охоты. Онъ содержалъ лучшій и многочислѣннѣйшій оркестръ во всей Германіи. Толпы слушателей наполняли его замокъ и прилежашія къ нему зданія. Концерты его были доступны всѣмъ жителямъ въ окрестности. Множество увеселительныхъ зданій, дачъ съ фонтанами и каскадами, парниковъ, оранжерей, звѣринецъ и пр., которыя и теперь привлекаютъ вниманіе путешественниковъ, все это принадлежало Таксисамъ. Въ самомъ Регенсбургѣ они часто откупали городской театръ и даромъ предоставляли его актерамъ для игры. Князь Фердинандъ Таксисъ, о которомъ говорено выше, былъ нѣкоторое время единственной поддержкой Карла VII, когда тотъ, изгнанный австрійскими войсками изъ Баваріи, нашелъ временное убѣжище во Франкфуртѣ на Майнѣ, и жилъ тамъ на деньги, выдаваемыя ему Фердинандомъ.

(*) Любопытныя подробности см. у Eduard Vehse, *Geschichte der kleinen deutschen Hoefe*. Т. IX, p. 136 seqq.

Необходимо объяснить, что хотя Габсбурги и возвысили, обогатили и обогатили Таксисовъ, предоставивъ имъ монополію почтового вѣдомства, но кругъ дѣйствій этого преданнаго семейства былъ внѣ эрцгерцогства австрійскаго. Собственно въ Австріи было другое почтовое управленіе, подлежащее правительственному контролю, но которое не переходило границъ, гдѣ начинались почты Таксисовъ. Для чего это было такъ устроено, рѣшить легко: вѣчно подозрительные, тревожные Габсбурги, опасались дать слишкомъ большое развитіе покровительствуемому имъ семейству внутри своихъ владѣній, и пользовались только его услугами внѣ государства. За то внутреннему почтовому управленію не были доступны тайны почтовыхъ лабораторій, принадлежавшихъ исключительно Таксисамъ. Лабораторіи эти, называвшіяся *ложами писемъ*, расположены были въ разныхъ городахъ, какъ почтовыхъ центрахъ. Они находились въ Регенсбургѣ, Аугсбургѣ, Франкфуртѣ, Нюренбергѣ, Эйзенахѣ, ганзейскихъ городахъ — Бременѣ и Гамбургѣ, а также и въ городахъ электоральныхъ епископовъ, какъ-напр. въ Майнцѣ и др. Лишь только тужи съ письмами прибывали въ означенныя мѣста, тотчасъ назначенныя для того чиновники вскрывали ихъ, распечатывали письма, читали, и что слѣдовало списывали. Затѣмъ запечатывъ снова, они отправляли ихъ къ мѣсту назначенія. Все это шпионство дѣлалось для личной пользы и выгоды Габсбурговъ, которые, надобно сказать правду, щедро и исправно платили за эти услуги. Самая порода этихъ чиновниковъ была привилегирована. Мѣста ими занимаемыя были наследственны и переходили отъ отца къ сыну, такъ что будущіе вскрыватели чужихъ писемъ уже съ малолѣтства упражнялись въ этомъ нравственномъ воровствѣ и доходили до изумительнаго совершенства. Такъ напр. семейство Эберль занималось этимъ ремесломъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній своего рода, со временъ Рудольфа II и до царствованія Іосифа II, имѣя постоянную резиденцію въ ложѣ Штокерау, на Дунаѣ, въ сѣверной сторонѣ отъ Вѣны. Одинъ изъ членовъ этого семейства, Лука, служившій сначала простымъ курьеромъ, имѣлъ случай исполнить съ такою точностью и ловкостью нѣсколько весьма щекотливыхъ порученій, что векорѣ оный получилъ мѣсто провинціального директора почты. Въ 1612 году императоръ Матвѣй выдалъ ему патентъ на дворянское достоинство. Одинъ изъ потомковъ Луки Эберль, капитанъ кирасирскаго полка, Францекъ Эберль, отличился и на другомъ поприщѣ, именно: во время осады Вѣны, оный провелъ, польскія

дружины Собѣскаго черезъ Винервальдъ и Калембергъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ расположенъ лагерь Карла Лотарингскаго. Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1790 году, семейство Эберля имѣло еще въ своемъ вѣдѣніи ложу Штокерау.

Эти тайные агенты, состоявшіе на жалованьи у австрійскаго правительства, составили мало по малу второстепенную аристократію Австріи. Многіе изъ нихъ были облечены въ дворянское достоинство, какъ-то: Эггерееде, Апельманны, Поллау, Гуттенбергеры. Одни изъ нихъ были баронами, другіе графами, и потомки ихъ часто занимали видныя мѣста и по дипломатической службѣ. Такимъ образомъ Трейенфельды, бароны Лиліены, Курцроки, Вестергольды и множество другихъ, обязаны своею блестящею карьерою темнымъ подвигамъ своихъ предковъ, слишкомъ преданныхъ австрійскому дому.

Надобно однакожъ сказать, что прочіе государи Германскаго Союза, узнавъ какими путями императоръ проникаетъ въ ихъ тайны, рѣшились воспользоваться въ свою очередь тѣми же средствами. Тогда Бранденбургъ, ГанOVERъ, электоральная Саксонія, Гессенъ и Мекленбургъ, начали съ того, что вытѣснивъ изъ своихъ владѣній привилегированное семейство по управленію почтовому, устроили свои логи, и въ свою очередь стали насиловать тайпу писемъ и депешъ. Во всей Германіи въ запуски, можно сказать, бросились вскрывать чужія письма, и курфюрстъ Саксоніи, Августъ Сильный, особенно покровительствовалъ это новое ремесло въ своихъ владѣніяхъ, а сынъ его, во время министерства Брюля, довелъ вскрытіе писемъ до высшей степени цинизма. Фридрихъ II Прусскій пришелъ въ негодованіе отъ этого противозаконнаго обращенія сосѣднихъ государей съ частной корреспонденціей, и неоднократно, при помощи секретаря своего Менцеля разставлялъ имъ свои сѣти, посылая подложныя депеши. Нѣкоторые изъ германскихъ владѣтелей послѣдовали также его примѣру, но имъ было не по плечу бороться съ Австрією, издавна окрѣпнувшей въ подлогѣ и усовершенствовавшейся въ обманѣ. Австрія въ этомъ случаѣ сохраняла все свое превосходство. Фридрихъ II, напримѣръ, никогда не зналъ, что Кауницъ постоянно читалъ его депеши прежде, чѣмъ онѣ получались посланникомъ его въ Вѣнѣ. Вотъ что рассказываетъ Гормайеръ по этому случаю (*). Депеши Фридриха были обыкновенно писаны цифрами; но вѣнской дипломатіи давно былъ из-

(*) Kaiser Franz und Metternich, p. 79.

вѣстенъ ключъ къ этимъ загадочнымъ письмамъ. Всѣ почти курьеры прусскаго кабинета, за исключеніемъ двухъ только были подкуплены директоромъ австрійской полиціи, Іосифомъ фонъ-Бееромъ. Подкупленные курьеры получали огромное содержаніе, такъ что, въ случаѣ открытія ихъ назмѣны, они обезпечивались на всю жизнь. Измѣна происходила слѣдующимъ образомъ: на чешской границѣ, возлѣ городка Пирны, мимо котораго обыкновенно проѣзжала почта, находился особый домикъ, гдѣ было все подготовлено для того, чтобы похищать тайны прусскаго правительства. Здѣсь собирались обыкновенно письмовскрывать и ждали появленія курьера. Лишь только онъ пріѣзжалъ, тотчасъ по смѣнѣ лошадей, онъ садился вмѣстѣ съ австрійскими чиновниками въ особую карету, открывалъ имъ тюкъ съ письмами, которыя тутъ же вскрывались, перечитывались, запечатывались снова, а вещи замѣчательныя списывались на особыхъ листахъ, для доставленія куда слѣдуетъ. Все это дѣлалось на всемъ скаку, въ дорогѣ, и по окончаніи работы чемоданъ снова закрывался и предатель-курьеръ доставлялъ его въ вѣнское посольство, какъ бы нетронутымъ. Все это требовало необыкновенной быстроты и ловкости, и австрійскіе чиновники, въ этомъ отношеніи, были неподражаемы. Такимъ образомъ тапштенная карета достигала послѣдней станціи по дорогѣ въ Вѣну, гдѣ курьеръ разставался съ своими друзьями. Часа черезъ два или три прусскій посланникъ, ничего не подозрѣвая, доврчиво принималъ отъ курьера депеши, которыхъ копій находились уже въ рукахъ Кауница.

Съ своей стороны Фридрихъ II употреблялъ для вывѣдыванія тайнъ вѣнскаго двора средства, быть можетъ мало достойныя его, но все-таки не такъ низкія и вороватыя, какъ тѣ, которыя употреблялись Австрійцами. Фридрихъ обыкновенно старался выбирать молодыхъ людей пріятной наружности, ловкихъ, вкрадчивыхъ, и особенно смѣлыхъ въ обращеніи съ женщинами. Ихъ-то онъ отправлялъ въ Вѣну, снабжая ихъ обыкновенно деньгами и выдавая особенныя суммы для подкупа, если было нужно. Марія-Тереза имѣла обыкновенно изъ числа окружавшихъ ее дамъ, особенныхъ фаворитокъ, отъ которыхъ не скрывала государственныхъ тайнъ. Молодые Пруссаки, находясь въ связи съ придворными субретками, неоднократно вывѣдывали у нихъ самыя сокровенныя тайны имперіи и тотчасъ извѣщали о нихъ Фридриха. Депеши этихъ политическихъ селадоновъ посылались обыкновенно на Мюнхенъ, чтобы избѣжать прямого пути

чрезъ Богемію и Саксонію, гдѣ на каждомъ шагу они могли быть перехвачены австрійскими лазутчиками.

Въ самой Вѣнѣ, въ одномъ изъ флигелей императорскаго дворца, въ такъ называемомъ отдѣленіи Штальбурга, была устроена особая комната, гдѣ совершалась таинственная инквизиція писемъ и депешъ. Для этого дѣла употребляли обыкновенно Французовъ и Неаполитанцевъ, которыхъ болѣе другихъ находили способными къ похищенію эпистолярной тайны. Искусство ихъ въ этомъ отношеніи было изумительное. Они не только вскрывали, запечатывали депеши безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ, но умѣли также съ точностью факсимиле подражать каждому почерку, сочинять подложныя письма, давать ложныя вѣсти и жестоко обманывать тѣхъ, кому посылались подложныя извѣстія. Трудъ ихъ требовалъ столь сильнаго напряженія ума, точности и быстроты, что многіе изъ нихъ не выдерживали и сходили съ ума. Притомъ съ ними обращались не какъ съ чиновниками, а какъ съ государственными плѣнниками. Полиція ни на минуту не терпѣла ихъ изъ виду. Ей извѣстны были всѣ ихъ расходы, знакомства, посѣщенія, и лица, которыя приходили къ нимъ, даже знакомства ихъ дѣтей съ ихъ сверстниками. Чиновники эти составляли отдѣльную касту и не выходили изъ тѣсно-замкнутаго круга служащихъ въ императорскомъ кабинетѣ по части депешныхъ изысканій. Болѣе всего они удалялись знакомства съ иностранцами, особенно принадлежавшими къ дипломатическому корпусу. Каждое утро императоръ находилъ у себя на рабочемъ столѣ тетрадь съ выпиской изъ депешъ и писемъ, и такимъ образомъ самъ могъ слѣдить за ихъ усердной, хотя и безчестной работой.

Но какъ бы не была велика ихъ ловкость, какъ бы не были осторожны дѣятели таинственнаго управленія Ла-Туръ-и-Таксиса, все таки бывали случаи неосторожности, выдававшія ихъ тайну, и производившія въ публикѣ негодованіе и протесты. Такъ напримѣръ въ 1772 году перехвачена была переписка Пруссіи съ другой державой, касавшаяся предстоявшей войны съ Турціей. Переписка эта была перехвачена однимъ изъ директоровъ майнцкой ложи. Прусскій резидентъ, фонъ Дицъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ сильное негодованіе и громко протестовалъ противъ насмія. Дворы берлинскій, саксонскій, ганноверскій рѣшили смѣнить Ла-Туръ-и-Таксисовъ и отнять у нихъ монополію почтоваго управленія; но въ духовно-электоральныхъ штатахъ, въ свободныхъ городахъ, какъ-то: въ Аугсбургѣ и Нюрнбергѣ, въ городахъ ганзейскихъ и владѣніяхъ

мелкихъ германскихъ княжествъ, гдѣ австрійскій орелъ гордо еще высился надъ зданіями австрійскихъ резидентовъ, всё оставалось по прежнему, и логи дѣйствовали какъ бы ни въ чемъ не бывало. Вѣнское правительство употребило всё свое вліяніе и силу, чтобы поддержать эти учрежденія. Замѣчательно, что въ царствованія Іосифа II и Леопольда, въ эпоху радикальныхъ преобразованій въ имперіи по всѣмъ отраслямъ управленія, почтовые логи не были упразднены, а напротивъ, были употреблены для отвращенія реактивныхъ мѣръ приверженцевъ стараго порядка вещей. Рѣшительный ударъ заведеніямъ Ла-Туровъ нанесенъ былъ пораженіями при Ульмѣ и Аустерлицѣ. Пресбургскій миръ и образованіе Рейнской конфедераціи освободили западную Германію отъ почтоваго шпіонства и преслѣдованія письменныхъ тайнъ. Въ продолженіе двухмѣсячнаго занятія Вѣны французскими войсками (съ 1805 — 1806) таинственная лабораторія Штальбурга, была первымъ предметомъ, обратившимъ на себя любопытство Талеярана. Графиня Ромбекъ, сестра канцлера Людвигъ Кобенцеля, нѣсколько разъ водила французскаго дипломата въ эту лабораторію, которая такъ нравилась его лисьему вкусу. Преслѣдованіе писемъ и депешъ только на время было приостановлено, но 1814 годъ снова возстановилъ фирму Ла-Туръ-и-Таксисъ въ почтовой монополіи, и австрійское правительство снова поспѣшило ввести прежній образъ дѣйствій по вскрытію писемъ и насилуванію частной корреспонденціи. Ганноверъ и Саксонія первые рѣшили воспротивиться возстановленію этого почтоваго откупа; одна Баварія воспользовалась ихъ представленіями; но прочіе члены германскаго союза, поддерживаемые Австріей, и слушать не хотѣли объ уничтоженіи столь полезнаго предпріятія.... Что же касается второстепенныхъ государствъ, то они поспѣшили, по примѣру Австріи, устроить у себя подобныя лабораторіи. Изъ нихъ болѣе всего отлпчился Веймаръ, что было по душѣ Меттерниху. Вѣнскій конгрессъ обратилъ особое вниманіе на фамилію Ла Туръ-и-Таксисъ, которая во время кампаніи 1814 года оказала значительныя услуги священному союзу. Заслуги эти не были забыты Австріей, а она незамедлила вознаграждать Таксисовъ за тѣ убытки, которые понесли они на Рейнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ, вытѣсненные изъ Баваріи, учредившей свое почтовое управленіе, Таксисы получили богатое и обширное помѣстье Донауштауфъ подлѣ Регенсбурга. На мѣсто рейнскихъ провинцій, отошедшихъ къ Пруссіи, имъ пожаловали помѣ-

стве Кротошинъ, въ Познанскомъ герцогствѣ, имѣющее тридцать тысячъ жителей. Кромѣ того Таксисы откупили за 500,000 талеровъ ежегоднаго взноса почтоваго управленія Виртемберга (которымъ они владѣли до 1851 года), Нассау, Шварцбургга, Рейсса, Гогенцолерна и города Франкфурта. Не смотря на потери, которымъ они отъ времени до времени подвергались, почтовый откупъ Таксисовъ въ 1848 году считалъ въ себѣ 2,675 квадратныхъ миль, т. е. почти одну четверть всей Германіи, и приносилъ имъ ежегоднаго чистаго доходу милліонъ гульденовъ, или 600,000 р. серебромъ. Такимъ образомъ эпистолярныя ложи были снова восстановлены, снабжены инструментами, химическими аппаратами, и всѣмъ, что изобрѣла новѣйшая наука,—все было приспособлено къ этому новому ремеслу. Ложи эти скорѣе походятъ на лабораторіи, чѣмъ на отдѣленія почтоваго вѣдомства. Главныя центры эпистолярнаго шпіонства находились еще недавно въ Франкфуртѣ и Эйзенахѣ; но главнѣйшая машина дѣйствовала въ Вѣнѣ, гдѣ разставлялись самыя опасныя сѣти.

Вотъ какъ описываетъ Гормайеръ вскрытіе писемъ, происходившее обыкновенно въ главномъ почтамтѣ, въ Вѣнѣ (*). Въ семь часовъ вечера почтамтъ прекращалъ пріемъ писемъ, всѣ двери затворялись и почтовые тюки, уложенные въ экипажи, казалось отправлялись въ дорогу. Отъѣздъ ихъ была одна маска: экипажи вѣзжали въ другой дворъ дворца, ворота котораго тотчасъ затворялись. Это былъ дворъ, къ которому примыкалъ флигель Штальбургга. Тюки снова вносились въ комнаты, письма вынимались и разборка ихъ шла обычнымъ порядкомъ. Разбирали сначала письма посланниковъ, банкировъ и лицъ болѣе извѣстныхъ. Особенное вниманіе обращала на себя иностранная корреспонденція. Тотчасъ по вскрытіи писемъ писцы списывали ихъ или цѣликомъ или же только однѣ подозрительныя фразы: за тѣмъ съ особенной ловкостью запечатывали ихъ снова. Работа эта длилась иногда долго за полночь, и затѣмъ только, не дожидаясь дня, экипажи спѣшили выѣхать. Сколько несчастныхъ дѣлались жертвой этой офиціальной уловки? Сколько изъ нихъ поплатились заточеніемъ, даже смертію въ душныхъ темницахъ, за нѣсколько нескромныхъ словъ? Едвали кто можетъ сосчитать эти жертвы австрійскаго насилія и обмана.

Лабораторія Штальбургга находилось кромѣ того въ тѣсныхъ сно-

(*) Kaiser Franz und Metternich. p. 75.

женіяхъ съ тайной полиціей, которой служила главнымъ подспорьемъ въ наблюденіи за политическими мѣтніями и партіями. Вѣнскіе шпионы находили также содѣйствіе въ своихъ собратахъ по ремеслу, во французскихъ мушарахъ, которые переходя въ австрійскую службу, были разсыяны по разнымъ городамъ, преимущественно въ Миланѣ, Венеціи, Туринѣ, Луккѣ, Феррарѣ, Падуѣ, Флоренціи, Неаполѣ и Римѣ. Гормайеръ приводитъ, что одинъ изъ чиновниковъ французской полиціи, Ленуаръ, составилъ для Кауница записку, имѣвшую слѣдующее заглавіе: *подробности о нѣкоторыхъ учрежденіяхъ города Париза, составленныя по желанію е. в. королевы венгерской*. Здѣсь преимущественно идетъ рѣчь объ учрежденіяхъ тайной полиціи (*).

Со времени 1814 года прежній порядокъ былъ снова возстановленъ: каждое утро императоръ находилъ у себя на столѣ готовые выписки, составленныя въ эпистолярной лабораторіи и въ тайной полиціи. Первое дѣло императора было, вставши по утру, отслушать обѣдню, за тѣмъ онъ принимался читать доносы, состоявшіе большею частію изъ любовныхъ похожденій дипломатическаго корпуса, замѣчательнѣйшихъ скандальныхъ происшествій въ городѣ и выписокъ изъ писемъ и депешъ. Если подробности казались ему недостаточными, онъ призывалъ полицейскихъ агентовъ и съ удовольствіемъ слушалъ ихъ изустное донесеніе со всѣми мелочами. Вышіе сановники государства съ величайшимъ трудомъ могли имѣть доступъ къ императору; но всякій, кто только имѣлъ рассказать Францу какое либо скандальное происшествіе, былъ тотчасъ принимаемъ въ его кабинетъ. Чтобы удовлетворить этому странному любопытству императоръ назначалъ часто свиданіе даже въ другихъ домахъ. Таковъ былъ любовный тестъ Наполеона I.

Надобно замѣтить, что вся эта черная магія стоила огромныхъ денегъ, потому что жалованья, которыя получаютъ назначенные въ это ремесло чиновники, превосходятъ значительно содержанія по другимъ частямъ управленія. Не смотря на разстройство австрійскихъ финансовъ, *почтовый домъ Ла-Туръ-и-Таксисъ* находится въ полномъ цвѣтѣ развитія. Одно изъ ихъ помѣстій въ Чехіи, Хотъшовъ,

---

(*) Normayr. *Lebensbilder aus dem Befreiungskriege*. t. I. p. 298. — *Détails sur quelques établissements de la ville de Paris, demandés par S. M. J. la reine de Hongrie*.

или Хотъшау, имѣтъ населеніе въ 50 т. душъ. Другое ихъ имѣніе, Лютомисль, расположенное на границѣ между Силезіей и Моравіей, и которое Таксисы приобрѣли въ 1855 г., имѣтъ 40 т. жителей. Всѣ ихъ имѣнія, считающія въ себѣ до восьмидесяти квадратныхъ миль, имѣютъ населеніе въ сто шестьдесятъ тысячъ душъ. Главная ихъ контора, равняющаяся по своему составу министерству, находится въ Бюшау, въ Виртембергскомъ королевствѣ, и штатъ ея состоитъ изъ директора, вице-директора, семи совѣтниковъ и цѣлаго полка экспедиторовъ.

Таковы эти тайныя, непроницаемо—глубокіе пути, по которымъ идетъ Австрія, вѣчно облеченная мракомъ въ своихъ поступкахъ.

С. ПАЛАУЗОВЪ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Элегантные публицисты съ молчалинской закваской—Услужливыя друзья Кн. Вяземскаго.—Слово М. П. Погодина и тризна Бѣлинскому.—Русская женщина предъ лицомъ Московскаго Олимпа и обличительная литература предъ лицомъ петербургскихъ публицистовъ.—Аскоченскій—жаждущій протестовъ для своей популярности.—Неудачный дебютъ «юнаго топтателя» въ дѣлѣ обличенія и печатное самоотреченіе Кн. Оболенскаго.—Общество, отлучающее дворянина отъ дворянскаго сословія и шефъ, бунтующій на выборахъ.—Что такое казенныя тяжести?—Весна и весоннія пѣсни.—Еще новый поэтъ.—Разныя новости.

«Начинай, Калліона! Ты можешь спокойно пристѣть. Нечего выдумывать, когда дѣло идетъ объ истинныхъ происшествіяхъ. Начинайте-жъ вашъ разговоръ, дѣвы Піериды. Пусть мнѣ, о музы, поможетъ хоть то, что я назвалъ васъ дѣвами!»

Такъ пародируя эпиковъ, Ювеналь начинаетъ одну изъ сатиръ своихъ, о которыхъ я невольно вспомнилъ теперь, при видѣ своихъ родныхъ маленькихъ Ювенальчиковъ, розенгеймствующихъ въ стихахъ и прозѣ на нашемъ обличительномъ Парнасѣ. Римскій поэтъ съ своей безпощадной, а подѣ-часъ совершенно безцеремонной сатирой невольно приходитъ мнѣ на умъ каждый разъ съ воззваніемъ къ дѣвамъ Піеридамъ, когда я съ прирожденнымъ мнѣ эпическимъ жаромъ принимаюсь за перо, полный спокойствія и беззлобія. Всякій разъ, давая себѣ слово написать какую нибудь возвышенную эпопею въ стихахъ и прозѣ, эпопею, умиляющую душу, я оканчиваю тѣмъ, что захваченный общей волной дѣйствительности, заваленный кругомъ пе-

риодическими изданіями, газетами, преслѣдуемый отовсюду гримасами текущей журналистики — самъ невольно увлекаюсь и бросаюсь въ самую свалку Сѣнной площади газетныхъ турнировъ, полемикъ и диспутовъ. Многіе чистоплотные мыслители и эlegantные публицисты изъ своихъ свѣтлыхъ и теплыхъ кабинетовъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, вставивъ въ глазъ лорнетъ, смотрятъ на нашъ движущійся и суеящійся муравейникъ, не видя никакого смысла въ его мелкой и шумной суетѣ, въ его спорахъ и протестаціяхъ. Но вѣроятно пробудившаяся сила времени — не боится такихъ приговоровъ и находитъ серьезный смыслъ въ этомъ, въ общемъ движеніи, стремящемся выдти на торную дорогу. Вѣдь отъ логическаго романа общества, только начинающаго приготавливаться къ своему гражданскому совершенствѣнію — нельзя требовать художественной полноты и гармоніи. Возставая на все узкое и мѣщанское по теоріи, мы считаемъ теперь сами чѣмъ-то мѣщанскимъ и мелкимъ — на дѣлѣ, на практикѣ упорно и постоянно проводить свою идею прогресса. Роль чернорабочихъ намъ не по душѣ, а теперь только и нужны чернорабочія руки.... Въ пренебреженіи къ міру мелочей, неизбѣжныхъ промаховъ и дрязговъ, къ міру подробностей — есть что-то эгоистическое, бездушное и отталкивающее. Прощеніе и извиненіе поступковъ и проступковъ — есть не всегда слѣдствіе великодушія, но чаще равнодушія и апатіи. Вовсе нѣтъ заслуги въ той уклончивости, съ которой многіе поборники прогресса обходятъ разные насущные вопросы времени.

Прогрессъ—это заданіе человѣческаго разума и нравственности — воздвигаетъ свой фундаментъ на прахъ всего дряхлаго, стараго, мѣшающаго общему развитію, требуетъ нравственныхъ жертвъ, отреченія, во имя любви, казни во имя правды и нравственности. Мы, какъ американскіе дикари, съѣдающіе отцовъ своихъ, должны положить въ могилу все ветхое, все моральносгнившее, завѣщанное намъ преданіемъ, предразсудками; мы должны отказаться отъ наслѣдства, если оно не законно, если по совѣсти не можемъ распорядиться имъ....

Всѣ эти старыя вещи у насъ, къ несчастію, приходится повторять очень часто, потому что мы еще находимъ до сихъ поръ опору въ своей апатіи въ тѣхъ Олимпійцахъ, которые съ своихъ облаковъ проповѣдуютъ намъ молчаливскія «умѣренность и аккуратность» и хотятъ мирить всѣхъ смертныхъ со многими негѣностями и дикими явленіями. Объ этомъ Олимпѣ, и именно Олимпѣ московскомъ мы еще будемъ говорить послѣ, а пока теперь окончимъ одно наше повѣствованіе-

ваніе, которое начато было еще въ прошломъ мѣсяцѣ, повѣствованіе по поводу юбилея князя Вяземскаго. Мы уже думали не возвращаться къ этому сказанію, къ этой апогеозѣ дружбы, которая такъ насоллила князю Вяземскому, какъ новая депутація изъ Москвы въ лицѣ ученаго М. П. Погодина снова заставляеть насъ вернуться къ этой исторіи.

Гейне когда-то очень справедливо сказалъ: «избавьте меня отъ друзей, съ врагами же я самъ справлюсь». Кто изъ насъ не помнитъ, какъ нашъ эстетическій критикъ, писавшій о «допотопномъ значеніи Лажечникова, а нынѣ авторъ статьи о «долговомъ отдѣленіи» — Аполлонъ Григорьевъ, желая дружески услужить музѣ Случевского, угостилъ ее такими похвалами, что даже она сама испугалась и обратившись въ бѣгство, еще до сихъ поръ хранитъ обѣтъ молчанія, мысленно восклицая: о, дружба! это ты!

А дѣйствительный статскій совѣтникъ Марковъ, авторъ брошюры «Лазаревъ и Бетховенъ» — такъ услужившій своей похвалою Абиссинскому маэстро — развѣ не разительный примѣръ такой же дружбы?

Князь Вяземскій былъ еще счастливѣе: у него нашлась цѣлая серія друзей, которые хуже самыхъ злобныхъ враговъ преслѣдовали его своими фиміамомъ и куреями. Чего не прокричали ему друзья!

Н. Гречъ, который какъ олицетвореніе «mentes mori» является на всѣхъ юбилеяхъ, назвалъ печатно своего друга — *геніальнымъ русскимъ писателемъ*.

Н. Щербина въ стихахъ воспѣлъ его какъ гиганта нашего времени, чуть-чуть не выше Гомера и Шекспира.

Графъ Соллогубъ изъ Парижа нарочно пріѣхалъ, нѣсколько уроковъ русскаго языка взявъ, чтобъ написать русскіе куплеты и положить ихъ на музыку, пропѣлъ кн. Вяземскому — что онъ «последняя звезда на туманномъ небѣ нашей поэзіи».

Не поздоровится отъ вѣдкихъ похвалъ! Друзья эти вызвали всеобщій смѣхъ и между многими статьями по этому поводу особенно обратила на себя вниманіе статья Сѣверной Пчелы: о значеніи велико-свѣтскихъ писателей въ русской жизни вообще, а князя Вяземскаго въ особенности.

Вдругъ, для защиты мастигаго поэта появляется новый другъ — новый рыцарь съ поднятымъ забраломъ: то былъ самъ М. П. Погодинъ, бросившій свою норманскую перчатку неизвѣстному противнику юбилейра.

*

Изъ амальгамы друзей князя Вяземскаго это былъ самый горячій, самый неумолимый протестантъ его противниковъ, котораго литературная адвокатура есть несравненный, драгоценный примѣръ рыцарской дружбы, рѣдкой въ наше время.

Постараюсь познакомить читателя хоть съ главнымъ характеромъ протеста московскаго ученаго.

Сознаваясь, что онъ любитъ порой помечтать и пофантазировать, г. Погодинъ дѣлаетъ три огромныя выписки изъ статей князя Вяземскаго, писанныхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, и указываетъ на нихъ автору статьи Сѣверной Пчелы, какъ на примѣръ краснорѣчія и глубокомыслія, рѣдко встрѣчаемыя даже въ наше время.

Есть многое въ статьяхъ его — такого,
Чего не снилося всѣмъ новымъ мудрецамъ,

говоритъ г. Погодинъ: Вяземскій, продолжаетъ онъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ писалъ о томъ, что считается открытіями новой литературы и журналистики.

Но это все еще ничего. Статьи князя Вяземскаго могли дѣйствительно показаться г. Погодину пророческими статьями: дружба пророзлива, и можетъ видѣть то, что для насъ невидимо.

Но вотъ интересные факты, которыми московскій ученый хочетъ доказать *историческое значеніе* князя Вяземскаго. Каждый, кто ознакомился съ этими фактами, по его мнѣнію, долженъ непременно признать въ кн. Вяземскомъ — знаменитую историческую личность.

«Въ 1825 году, задумавъ издать альманахъ, пишетъ г. Погодинъ, явился я, молодой человекъ, къ князю Вяземскому съ просьбой прослушать мои двѣ повѣсти и подать мнѣ свой благой совѣтъ. Въ одной изъ этихъ повѣстей (Нищій) выставлено было злоупотребленіе крѣпостнаго права; повѣсть оканчивалась грозными снами.

«Князь Вяземскій одобрилъ повѣсть и ободрилъ меня, далъ мнѣ нѣсколько своихъ стихотвореній и написалъ просьбу о томъ же Пушкину, который прислалъ тотчасъ пять стихотвореній».

Но что-жъ это такое? Это фактъ, говорящій намъ не объ историческомъ значеніи князя Вяземскаго, а самого г. Погодина, который тридцать шесть лѣтъ тому назадъ уже писалъ гуманныя повѣсти. Но послушаемъ дальше.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, перевелъ г. Погодинъ съ Ше-

выревыми *по объѣму* (?) въ продолженіи двухъ недѣль славянскую грамматику Добровскаго съ латинскаго, отчего съ переводчиками было два обморока. Печатать грамматику никто не брался — ни графъ Румянцевъ, ни академія, ни университетъ, ни ученые московскія общества. Исписанная кипа бумаги могла пропасть безъ пользы. Но когда г. Погодину пришла благая мысль въ голову обратиться къ протекціи князя Вяземскаго, то грамматика была тотчасъ же пристроена и напечатана на казенный счетъ.

О, благодарность! О, дружба! — Это дѣйствительно ты! Князь Вяземскій первый *ободрилъ* молодого писателя М. Погодина, похвалилъ его повѣсть «Нищій», напечаталъ его грамматику на казенный счетъ, и неужели за все это онъ не скажетъ добраго слова о гени своего перваго руководителя, не подтянетъ Гречу и Соллогубу въ ихъ хвалебномъ восхваленіи?

И такъ, господа, вотъ вамъ два факта, которые разомъ доказываютъ намъ историческое значеніе Вяземскаго и главное г. Погодина съ его «Нищимъ» и грамматикой Добровскаго. Если и эти факты васъ не убѣдятъ, то выпишите въ этомъ самихъ себя и свою недогадливость, а если убѣдили, то послушайте теперь г. Погодина: «кто любитъ отъ души русскую словесность», пишетъ онъ: «долженъ (вниманіе, господа!) *на кольяхъ просить* князя Вяземскаго, чтобъ онъ взялся за перо и писалъ — писалъ — писалъ!...

Вотъ что значить теплое, чувствительное сердце и неостывшая отъ лѣтъ благодарность! Онъ хочетъ всѣхъ насъ довести до колѣнопреклоненія передъ княземъ Вяземскимъ, чего даже не рискнули предложить ни Гречъ, ни Соллогубъ.

Послѣ милаго предложенія пасть передъ потомъ на колѣни, московскій ученый всей силой своего негодованія обрушивается на Бѣлинскаго и на его послѣдователей. Бѣлинскаго онъ отлучаетъ отъ литературы за князя Вяземскаго, а главное за себя. (Взглядъ Бѣлинскаго на Погодина, я думаю, всѣмъ извѣстенъ.) Можно себя представить, какъ возрадовались всѣ ненавистники покойнаго нашего критика, когда услышали, что *самъ* Погодинъ, авторъ двухъ грамотокъ и сочинитель слова: свистопляска — старается *утолочь* и Бѣлинскаго и учениковъ его.

Вотъ, говоритъ онъ: Турки ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину, а наши рецензенты черпаютъ свою мудрость и взглядъ на русскую словесность изъ критикъ Бѣ-

линскаго. Вѣрить же теперь и смотреть на вещи какъ Бѣлинскій — *есть знакъ ограниченности, бездарности и невежества*. Слишкомъ далеко ушло сознание *послѣ его несчастнаго времени*.

Эта брань, до паюса которой не доходитъ Ксенофонтъ Полевой, переходитъ далѣе въ неповадительную клевету, которая должна оскорбить каждаго, кому извѣстна чистота убѣжденій Бѣлинскаго и его литературная честность. По мнѣнію г. Погодина «для Бѣлинскаго существовали прежде всего имена, а послѣ сочиненія, и онъ не по уму, а по имени встрѣчалъ и провожалъ, во многихъ случаяхъ ругалъ или превозносилъ на заданную для себя тему».

Какому нибудь Аскоченскому скорѣе можно извинить эту наглую брань и неуваженіе къ имени человека, воспитавшаго все молодое поколѣніе, извинить скорѣе хоть потому, что Аскоченскій говоритъ это, вѣрный своему худосочному принципу, которому онъ нигдѣ не измѣняетъ. Но негодованіе г. Погодина совсѣмъ другое: онъ мститъ имъ за себя Бѣлинскому, который открыто не признавалъ его, мститъ за друзей своихъ: Глинку, Бепедиктова и др., въ которыхъ Бѣлинскій не находилъ и искры поэзіи. Погодину обидно, что этотъ недоучившійся студентъ, вышедшій изъ московскаго университета съ пророческой аттестаціей «неспособнаго», всталъ впереди всѣхъ, отбросивъ на задній планъ такихъ ученыхъ мужей и профессоровъ, какъ Погодинъ, Шевыревъ и др., Дѣйствительно, обидно! И зная все это, какъ-то грустно-возмутительно видѣть эту старческую пляску со скрежетомъ зубовъ на могилѣ великаго человека, который при жизни давилъ всѣхъ своей нравственной силой и заставлялъ бѣгать отъ себя пугливую и озлобленную бездарность.

Предвидя, что грубыя и пошлыя выходки противъ Бѣлинскаго вызовутъ общее негодованіе, нормандскій рыцарь, съ страннымъ по откровенности цинизмомъ смѣшилъ заявить, что ему — всѣ щелчки, всѣ удары — ничо чемъ и что онъ въ литературномъ вопросѣ не испугается какой нибудь безыменной когорты и какого нибудь свистка.

Для того, чтобъ рельефнѣе и понятнѣе былъ для всѣхъ протестъ г. Погодина, протестъ во всякомъ случаѣ замѣчательный, мы ему дали стихотворную форму, удерживая всѣ сильныя и главныя мѣста прозаическаго подлинника. Въ этой формѣ, по нашему мнѣнію, весь характеръ протеста выходитъ еще ярче и понятнѣе.

СПИЧЬ ФЕТИШИСТАМЪ.

Подражаніе московскому ученому.

(Импровизация въ стихахъ.)

Въ вѣкъ пропагандъ, вопросовъ разныхъ,
 Великихъ дѣлъ, великихъ думъ
 Смѣшно о дразгахъ мелкихъ, праздныхъ
 Намъ поднимать и крикъ и шумъ.
 Но правдѣ я всегда угоденъ,
 Мнѣ ложь тошнѣе темной мглы,
 И я, ученый мужъ Погодинъ,
 Иду на бой съ статьей «Пчелы»!

* * *

Зловредный авторъ фельетона
 Потокомъ озлобленныхъ фразъ,
 Рѣшилъ намъ, что съ ковровъ салона
 Путь невозможенъ на Парнасъ.
 Исполненъ мыслей самыхъ дѣтскихъ,
 Онъ испустилъ змѣнный свистъ,
 И всѣхъ писаекъ великосвѣтскихъ
 Признать не хочетъ атеистъ!

* * *

Въ порывѣ дерзостнаго жара
 Казнить онъ старца юбилей,—
 И я теперь за юбилера
 Встаю какъ вѣрный изъ друзей,
 Встаю,—и пусть узнаютъ люди,
 «Пчелѣ» мой выслушавъ укоръ,
 Что не о Рюрикѣ и Жиудѣ
 Могу вести я только споръ.

* * *

Герой маститый юбилея,
 Ужъ сорокъ лѣтъ тому навадъ,
 Писалъ о томъ, о чемъ, робѣя,
 Его потомки говорятъ.
 Онъ вѣщимъ духомъ все провидѣлъ:
 Судьбу народа и прогрессъ,

И намъ свѣтилъ—то самъ я видѣлъ,
Звѣздою яркою съ небесь.

* * *

Я альманахъ, во время оно
Затѣялъ съ сонмищемъ друзей
И самъ къ поэту для поклона
Явился съ ворохомъ статей:
Онъ поощрилъ мой юный геній
Въ отборныхъ, ласковыхъ словахъ
И далъ мнѣ пять стихотвореній
Для помѣщенья въ альманахъ.

* * *

Еще фактъ: въ бѣдствіи суровомъ,
На всю литературу золь,
Я *по обѣту* съ Шевыревымъ
Латинскій сборникъ перевелъ.
Нашъ трудъ навѣрно—бъ крысы съѣли,
Когда-бъ не онъ опять,—и вотъ
Нашъ сборникъ достигаетъ цѣли
И изданъ на казенный счетъ.

* * *

Еще-ль поэтъ онъ не великій?
Еще-ли мало фактовъ вамъ?
Еще-ль не смокнетъ голосъ дикій
Противъ него то здѣсь, то тамъ?

* * *

Довольно, мы играли въ жмурки
Въ литературѣ столько лѣтъ.
Какъ счетъ годамъ проводятъ Турки
Съ тѣхъ поръ, какъ древній Магометъ
Въ Медину перешелъ изъ Мекки,
Такъ мы съ Бѣлинскаго статей
Ведемъ имъ счетъ до нашихъ дней
Вплоть до Кускова и Громеки.

* * *

Но можно-ль вѣрить въ приговоръ,
Которымъ всѣхъ встрѣчалъ Бѣлинскій?
Вѣдь имъ осмѣяны въ позоръ
И Бенедиктовъ и Марлинскій!

Кому не вѣль онъ похоронъ?
 Кому не совершалъ поминки?
 Не признавалъ Мильтона онъ,
 Ни Данта, ни таланта Глинки.

* * *

Я помню, какъ онъ намъ кричалъ:
«Тамъ только право, здѣ есть сила»;
 Меня, и всѣхъ не признавалъ,
 Кто шелъ путемъ славянофила.
 Онъ злобенъ былъ, и часто.... пусть,
 И только вѣтренныхъ мальчишекъ
 Двигалъ огонь безцѣльныхъ вспышекъ
Философа изъ третьихъ устъ.

* * *

Внемлите-жь, вѣка прогрессисты:
 Бѣлинскій намъ ужъ не указъ, —
Иначе есть вы — фетишисты
Безъ сердца, безъ ума, безъ глазъ...
 Кричите жъ!.. и самоувѣренъ...
Пусть свистомъ встрѣтитесь мой спичъ:
Приученъ къ брани и обстрѣленъ
Науку преданный москвичъ.
 Вашъ юморъ слабъ въ нападкахъ хлмыхъ,
 Смѣшонъ и глухъ беззубый хоръ,
 И ужъ не жемчъ бьетъ въ вашихъ жемлахъ,
 А мимфа жиденскій растворъ.

Въ концѣ того мѣсяца всѣ мы думали, что дѣло Камня Виногорова, поднявшее пылъ столбомъ въ нашей журналистикѣ и вызвавшее противъ себя совершенно понятный общій крикъ негодованія — есть дѣло рѣшеное и положенное въ архивъ, — не тутъ то было. Русский Вѣстникъ, прервавъ долгій обѣтъ молчанія и полемическаго воздержанія, снова выводитъ этого злосчастнаго фельетониста на сцену и повѣстью о его крушеніи начинаетъ новый отдѣлъ своего журнала. Но что-же можетъ говорить этотъ передовой московскій журналъ по поводу Виногорова послѣ того, что было о немъ писано повсюду? Повторять зады неловко и скучно, — нужно сказать что нибудь новое — вотъ въ чемъ вопросъ!

Сказать что нибудь новое, выразить новизной и неожиданностью мысли, заставить говорить о себѣ—вотъ задача, которая увлекаетъ теперь многихъ—отъ Погодина, стрѣляющаго въ бюстъ Бѣлинскаго, до Гымалэ, увѣряющаго что ходить за сохой и гулять по Невскому проспекту одно и то же. Вѣдь не скажи Гымалэ такой фразы—никто бы и не зналъ этого борзошлеца: лавры Герострата убоительны...

Голось «Русскаго Вѣстника» дѣйствительно обратилъ на себя вниманіе, обратилъ уже потому одному, что раздался и отозвался на тѣ вопросы, о которыхъ онъ постоянно хранилъ гробовое молчаніе. И вдругъ,—какъ въ самомъ дѣлѣ не придти въ изумленіе?—этотъ органъ мудрости и величія, органъ съ англійской складкой, поучавшій насъ и толковавшій

Лишь о матеряхъ важныхъ,
Объ Англій и камерахъ присяжныхъ,

спинозель до насъ, до нашихъ мелкихъ дрызгъ и скандальчиковъ и началъ тоже *посвистывать*, и притомъ какъ посвистывать?... Русскій Вѣстникъ—какъ древній русскій богатырь, покидающій свое бездѣйствіе только въ критическія минуты битвъ, явился въ то время, когда отечественной словесности грозилъ страшная бѣда и опасность. Но гдѣ же опасность? Развѣ намъ грозитъ мѣшествіе Вандаловъ, колоссальное передвиженіе народовъ или миллионныя полчища Китайцевъ?—Нѣтъ, хуже этого—восклицалъ Русскій Вѣстникъ: остерегитесь! *Свистокъ идетъ! Свистокъ идетъ!*... Отечество гибнетъ! литература погибаетъ! Горе, горе!...

И московскій богатырь всталъ и поднялъ свою палицу и пошелъ войной на полчища свистуновъ за избіеніе Камня Виногорова.

Вотъ въ томъ—то и великая сила мудрости — умѣть заступиться за Виногорова и не по принципу мракобѣсія Домашней Бесѣды, а во имя прогресса и высшей эманципации. Русскій Вѣстникъ дѣло повернулъ такъ, что, по его мнѣнію, Камень Виногоровъ выходитъ гораздо гуманнѣе и правѣе всѣхъ своихъ протестантовъ. Медаль повертывалась такъ: Камень Виногоровъ—прогрессистъ, свистуны же съ своими протестами—обскуранты.

«Бѣдная, жалкая литература! восклицаетъ ученый журналъ: вѣдь тебя губятъ эти свистуны, эти школьнички! О чемъ кричали они? Такъ Цицеронъ не громилъ Катиллины, такъ Демосгенъ не гремѣлъ

противъ Фидиуса, какъ Михайловъ казнилъ бѣднаго фельетониста. Въдъ камешки, брошенныя Камнемъ Виногоровымъ — ни куда бы не долетѣли, и которыхъ никто бы не замѣтилъ, еслибы не заркнула вся эта стая, спущенная г. Михайловымъ.

Русскій Вѣстникъ такъ обиженъ въ этомъ дѣлѣ, что потерялъ свою Олимпическую солидность и не скупится на крушныя выраженія, вѣроятно позабывъ древнюю пословицу: Юпитеръ! ты сердился—значитъ ты не правъ.

Но ему теперь не до солидности, не до приличія выраженій:

Онъ, забывши санъ Юпитера,
Строгій видъ,
Свистунамъ изъ града Питера
Самъ свистить.

Подъ охраной московскаго Юпитера Камень Виногоровъ совершенно оправдывается.

Пусть, говоритъ онъ, Виногоровъ сдѣлалъ грубость женщинѣ, — но тутъ онъ поступилъ какъ эманципаторъ; *его грубость есть плодъ эманципационныхъ умовъ, въ его грубости скрыта идея о новыхъ правахъ женщины, только выраженная не фразами, а фактически.*

— Какъ? значить можно дѣлать женщинѣ грубости, только за то, что она рѣшилась публично читать «Египетскія ночи»?

— Можно! грозитъ Юпитеръ съ облака: можно потому, что женщина, рѣшившаяся пользоваться совершенно одинаковымъ съ мужчиною положеніемъ, тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно — женскаго положенія.

— Какія же это особенности женскаго положенія, г. Юпитеръ?

— А тѣ, грозно восклицаетъ онъ, что женщина не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того *особаго уваженія*, той деликатности, на которыя имѣетъ права женщина, оставаясь *въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ* (какое же это высшее и привилегированное положеніе женщины?), котораго никто у ней не оспариваетъ, которымъ напротивъ всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удаляя отъ женщины *эманципаторовъ съ грязными руками.*

Боже мой! сколько громкихъ фразъ! По мнѣнію Юпитера только съ женщинами *неэманципированными* можно обращаться съ уваже-

нѣмъ и съ деликатностью, а женщины, добивающіяся мужскихъ правъ, вызываютъ на однѣ грубости!! Очень поучительно.

Къ привилегированнымъ правамъ женщины, о которыхъ говорить Юпитеръ, мы еще перейдемъ послѣ, а теперь для большей образности передадимъ въ стихотворной формѣ—ужь за одно отвѣчать намъ свистунамъ—его плачь о Камнѣ Виногоровѣ, съ историческою вѣрностью:

ПЛАЧЪ ЮПИТЕРА

НА ХОЛМАХЪ МОСКВОРЪЦКИХЪ.

Словно погостъ—поле русской словесности,
Гдѣ вы—прозаикъ? поэтъ?
Есть балаганы, свистки,—только честности
Нѣтъ.

Праздники гаеры, мысли невольники,
Чуждъ намъ науки вопросъ;
Стоимъ мы всѣ, какъ уѣздные школьники,
Лозъ.

Въ оргіяхъ пляски и смѣха скандальнаго
Корчитъ шута прогрессистъ,
Только и слышенъ съ помоста журнальнаго
Свистъ.

Время-ль возьмешь, Современника номеръ-ли —
Выпадутъ просто изъ рукъ,
Всѣ благородныя мысли такъ умерли
Вдругъ.

Только лишь радуешь, душу всѣмъ трогая,
Неустающая течь,
Русскаго Вѣстника ясная, строгая
Рѣчь.

Чѣмъ же встрѣчаютъ всѣ гласность суровую?
Что возбуждаютъ умы?

Заняты Периской мадамъ Толмачевою
Мы.

Ярый защитникъ эманципаціи
Литературный Камбекъ
Предалъ проклятью за женщину націи
«Вѣкъ».

Такъ Цицеронъ не шумѣлъ съ Катилиною,
Такъ Демосеенъ не гремѣлъ,
Какъ русскій Милль, съ рѣчью, злобой палимою
Пѣлъ.

Въ общемъ недугѣ гуманнаго норова,
Всѣ за принципъ ополчась,
Дерзко кидали въ статью Виногорова
Грязь.

Жертвою времени, свиста и пошлости,
Грозный подививши скандалъ,
Сей юмористъ отъ невинной оплошности
Палъ.

Въ мутныхъ и темныхъ волнахъ обличенія,
Мертвый, безъ признака силъ,
Трупъ Виногорова въ корчахъ мученія
Плылъ,

Плылъ, и принесъ — словно силою кудесника
Прямо въ Москву его валь,
И — трупъ у лѣстницы «Русскаго Вѣстника»
Сталъ.

Дрогнувъ отъ ужаса «Вѣстникъ» нервически,
Новый открылъ вдругъ отдѣлъ
И чей-то гласъ раздался олимпически
Силъ.

Съ видомъ величія, съ злобою ярою
Проклялъ нашъ свистъ и трезвоиъ,

И прогрессистовъ казнилъ лютой карою
Онъ.

Лишь къ Виноговору рыцарь карающій
Не былъ безжалостно слѣпъ
И перенёсъ его трупъ умиляющій
Въ склепъ.

Московский Юпитеръ, разгромивъ свистуновъ—эманципаторовъ за истязаніе Камня Виногорова, вдругъ грозно обращается къ русскимъ женщинамъ.

Онъ рекъ—и ужась ихъ объемлетъ
И страхомъ дрогнули сердца...

Разыгрывается ужасная сцена. Покинувъ облако и Олимпъ, Юпитеръ быстро спустился въ общество земныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ корсетъ и кринолинъ и читающихъ статьи Михайлова «о женщинахъ.»

Грануль громъ, сверкнула молнія и раздалось юпитерское слово:

— Чего вы хотите, смертныя? О какихъ правахъ мечтаете? Права женщины! Да какихъ правъ вамъ еще надобно? Въ салонѣ вы—царицы, дома—хозяйки. Чего жъ вамъ больше? Женщины, требующія себѣ мужскихъ правъ, лишаются общаго уваженія.

Внимающій хоръ русскихъ женщинъ пораженъ, удивленъ рѣчью Юпитера. Каждая изъ нихъ не можетъ себѣ представить, какъ такая почтенная особа, какъ Юпитеръ, внушаетъ имъ то, что онѣ уже давно слышали отъ своихъ брюзгливыхъ наставниковъ и менторовъ. Вспомнили онѣ, какъ ихъ послѣдніе учили—скромности и повиновенію, учили потуплять глазки, меньше мыслить и имѣть только два выхода въ жизни: съ одной стороны — салонный блескъ и мишурный почетъ, въ сущности оскорбительный, а съ другой стороны—міръ кухни, міръ домашняго хозяйства. Все это онѣ уже давно слышали, и вдругъ теперь самъ мудрый Юпитеръ говоритъ имъ тѣ же самыя вещи.

Дамы изумлены и снова прислушиваются къ словамъ олимпійца. Послѣдній, продолжая защищать Виногорова, продолжаетъ:

— Женщина, рѣшившаяся публично читать «Египетскія похищенія» Пушкина и явиться въ чтеніи сценической артисткой предъ публикой—достойна осужденія за свою нескромность: это неоспоримо. Вашъ от-

купной знаменитый мыслитель В. Кокоревъ сказалъ, — я слышалъ, что въ дѣлахъ коммерціи должна быть тайна, я же скажу, что женская скромность тоже обязываетъ женщину къ тайнѣ и она не должна въ публичномъ чтеніи «оттѣнять значеніе каждой мысли и каждой картины поэта»,... изъ стыдливости.

— Отчего же не скромно прочесть женщиной публично такое художественное произведеніе, какъ «Египетскія ночи»? рискнула спросить одна изъ смѣлѣйшихъ слушательницъ.

— Отчего? загремѣлъ Юпитеръ: оттого, что это *неприлично*, что это нарушаетъ *общественныя приличія*, милостивая государыня! Не соблюдая ихъ, мы нарушаемъ законы разума.... Да-съ — *неприлично, неприлично* (*)!...

Дамы и дѣвицы снова изумлены: онѣ невольно при этомъ вспомнили своихъ маменекъ и тетужекъ, дѣвшихъ имъ о томъ, какъ необходимо «*въ нынѣшнемъ свѣтѣ держать себя прилично*» и составившихъ имъ цѣлый кодексъ поступковъ *неприличныхъ*, какъ напр. хожденіе безъ перчатокъ, разговоры *tête-à-tête* съ женщиной и т. п.

Еслибъ я присутствовалъ на лекціи Юпитера въ пользу русскихъ дамъ, то непременно бы предложилъ его олимпийскому превосходительству слѣдующій вопросъ: если онъ осуждаетъ чтеніе «Египетскихъ ночей» женщиной, то къ какому разряду, къ *приличному* или *неприличному* отнесетъ онъ одно стихотвореніе Г. К. Павловой, постоянной сотрудницы Русскаго Вѣстника, стихотвореніе съ весьма нескромными намеками. Приведу изъ него отрывокъ:

Люблю я васъ, младыя дѣвы,
 Люблю грусть жизненной весны,
 Мечты неясныя напѣвы
 Еще невѣдующей Евы
 Люблю таинственные сны....
 У всѣхъ (т. е. у женщины) средь жизненной неволи
 Была мечта одна и та-же... (какая же?)
 Но мы, познавъ земныя доли,
 Мы, въ коихъ смолкла жажда боли
 И присмирѣла сердца блажь,
 Мы и т. д.

(*) См. Русскій Вѣстникъ № 3, Литер. Обзор., стр. 36.

Вѣроятно, московскій Юпитеръ намъ и отвѣчать бы не сталъ на такой вопросъ и крикнулъ бы еще, пожалуй: молчать, свистуны!

Завершу теперь свой эскизъ легенды о московскихъ олимпійцахъ отрывкомъ изъ элегій вмѣсто эпилога къ своему сказанію.

Такъ московскій конгрессъ
 Выметалъ нашъ прогрессъ
 Съ соромъ,
 Ненавядя скандалъ,
 Самъ враговъ вызывалъ
 Къ ссорамъ.
 Такъ въ апрѣльскіе дни
 Собирались они
 Виѣсть,
 И грозили всѣмъ намъ,
 Возстающимъ за дамъ,
 Въ мести.
 Въ озлобленіи своемъ,
 Намъ грозя лезвеемъ
 Стали,
 Женщинъ русскихъ пугать,
 Дисциплину внушать
 Стали.
 Говорила Москва:
 Для чего вамъ права?
 Гдѣ вы?
 Мужъ — для васъ властелинъ,
 Кухня — вамъ карантинъ,
 Дѣвы!
 Предоставьте *служить*,
 Думать, мыслить и жить
 Намъ-ужъ,
 Вамъ-же только одно:
 Выходить суждено
 Замужъ.
 Не журналъ, не «Пчелу»,
 Вы возьмите иглу
 Въ пальцы,
 Позабывъ о правахъ.
 Вы глядите въ углахъ
 Въ пальцы;

Тѣ приличья, что свѣтъ
Нашепталъ вамъ въ совѣтъ —

Чтите,

Не мѣшайтесь съ толпой,
И невинной душой

Спите.

Такъ въ апрѣльскіе дни
Говорили они

Хоромъ,

И внималъ полкъ дѣвицъ

Имъ, съ опущеннымъ ницъ —
Взоромъ.

Лучшимъ и пошлымъ представителемъ всѣхъ недовольныхъ тѣмъ отрицательнымъ направленіемъ, которое отразилось въ нашей журналистикѣ можетъ служить докторъ и ординарный профессоръ Панезицъ, высказавшій откровеннѣе и яснѣе свой протестъ противъ нещадящаго обличенія и насмѣшки надъ всѣмъ пошлымъ и мелкимъ въ жизни. Знаете-ли, господа, вы доктора Панезица и его знаменитое сочиненіе: «*Западные европейцы и русскіе?*» Этотъ ученый докторъ никакъ не можетъ понять насмѣшки во имя любви и правды, не можетъ понять, какъ можно бывшимъ русскимъ, находить темныя стороны въ собратіяхъ своей родины. Напримѣръ, кто изъ насъ не пойметъ, прочитавъ слѣдующее объявленіе, опубликованное имъ по поводу выхода въ свѣтъ его книги? кого хочетъ поразить ударомъ авторъ «*Западныхъ европейцевъ.*»

«И нынѣ еще, — пишетъ сей ученый профессоръ, — встрѣчаются, къ сожалѣнію, такіе люди русскаго имени, которые находятъ страннымъ, смѣшнымъ говорить что нибудь доброе о русскомъ народѣ. Но лучше быть смѣшнымъ въ кругу такихъ безумцевъ, шеголяющихъ предъ чужими своею бессмысленностью, чѣмъ поддѣлываться къ нимъ молчаливымъ согласіемъ съ ними въ униженіи того, что священно для души человѣческой. Священны для всякаго его религія, отечество и совѣсть. И для всякаго русскаго священно его отечество, русскій народъ вообще, въ полнотѣ его организація. И кто изъ русскихъ позволяетъ открыто унижать его, въ томъ омрачено чувство къ свя-

щенному и господствующій тонъ большаго свѣта не отверзеть ему духовнаго зрѣнія и не избавить отъ проклятiя въ потомствѣ. Въ бытность Осмистокла при дворѣ Артаксеркса придворные Персы злословили при немъ его соотечественниковъ и хотѣли слышать и отъ него подтвержденiе своего злословія. Великій человекъ отвѣчалъ имъ, говорятъ, сими словами, очень поучительными и для насъ русскихъ: *«Господа! какъ честный человекъ, не могу же я думать, чтобы тотъ народъ, изъ котораго я самъ выродился, былъ безчестный народъ: истина непреложная! Если я этой истинѣ не понимаю, то я глупецъ; если же я ее понимаю, но не принимаю, то я п...ецъ: середины нѣтъ.»* (М. В. № 47) Изъ скромности докторъ Панезицъ послѣдняго слова произсать не рѣшился.

Послѣ рѣчи доктора Панезица съ цитатой изъ Осмистокла, намъ уже понятной дѣлается грозная апогема, вышедшая изъ устъ г. Громеки. Слушайте, господа свистуны, слушайте и трепещите. Вотъ негодующее краснорѣчiе, доходящее до поэзіи:

«Мы поражены духомъ мрака, внезапно охватившимъ нашу журналистику, едва-было начавшую поправляться въ своемъ здоровьи. Живо говорѣть, молодое увлеченiе, жизнь полная надеждъ, горячая борьба— все это мало по малу замерло, замолкло и уступило мѣсто духу отрицанiя, безмолвно (?) воцарившемуся въ литературѣ подъ личиною *шутки*. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ русской литературы отъ этой невинной шутки... На развалинахъ увлеченiй (вотъ такъ краснорѣчiе! вѣроятно авторъ говоритъ здѣсь объ увлеченiяхъ Вышневолоцкаго барина, избившаго въ вагонѣ Пѣмку, или петербургскаго зодчаго, праздновавшаго недавно освобожденiе крестьянъ терзанiемъ извозчика), мало по малу, воздвигся мрачный жертвенникъ, у котораго собрались выльзшія изъ щелей мошки и букашки и, взявшись за руки, занялись свястошляской и другими современными искусствами. Мы съ удивленiемъ смотрѣли на эту вальпургіеву ночь, которую иные величали зарею будущаго возрожденiя литературы»....

Вотъ что значить задѣтая амбiція!.. Не попадись имя г. Громеки въ Свистокъ, не скажи какой-то безнравственный поэтъ въ Искрѣ, что

Громека мнѣ отдалъ свой снiй картузъ
Въ тѣ дни, когда снялъ эполеты,

и «духъ отрицанiя, духъ сомнѣнья» русской журналистики не тревожилъ бы сонъ озлобленнаго лѣтописца... .

Sed alia tempora!

Никого не запугаютъ теперь эти проклятія и не заставятъ упиваться стихами Кускова или Куку, усыпляющей прозой какого-то «праздношатающагося» и хромыми элегіями г. Розенгейма, поощряющаго русскій прогрессъ... Только досадно видѣть, что такія имена, какъ имя Громеки, становятся на ряду съ героями мракобѣсія и бездарности. Попалась напр. намъ недавно книженка какого-то П. Горскаго, одержимаго неизлечимою болѣзнью стиходожства и сильно протестующаго противъ современнаго положенія вещей. Въ предисловіи къ своему роману въ стихахъ, онъ докладываетъ, что ему *противны новыя стихи*, что

Ихъ юморъ жидевскій, наивный,
 Съ какимъ такъ приторно острять
 Листки, журналы и газеты
 И ихъ бездарные поэты
 Все на одинъ и тотъ же ладъ...

Новый стихокропатель, благоговѣя предъ пороками, восклицаетъ:

И ты, писатель, тѣмъ смѣшонъ,
 Что всѣхъ бесплодно укоряешь:
 Пороки наши — это словъ,
 А ты на нихъ какъ моська лаешь.

Послѣ такой татарской выходки, апракенискій *паэтъ* начинаетъ, по его собственному выраженію, «*несвязный рядъ своихъ замѣтокъ*». Это, по крайней мѣрѣ искренно: собственное сознаніе уменьшаетъ половину вины.

Стиховное юродство этого Горскаго обратило на себя наше вниманіе потому, что оно есть повтореніе и откликъ той недовольной партіи, которая спитъ—и видитъ эту вальпургіеву ночь свистопляски. Куда-какъ приятно имѣть своимъ представителемъ такого пшуту, какъ этотъ Горскій!...

Въ теченіи послѣднихъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ у насъ стали какъ-то мало говорить объ Аскоченскомъ, стали забывать его и это никого такъ сильно не огорчало, какъ самого Аскоченскаго. Причина

*

понятная: смотря на дѣло журнальное, съ точки лавочника, не пренебрегающаго никакими средствами къ достиженію своихъ практическихъ цѣлей, Аскоченскій, рассчитывая на скандалъ, явился у насъ органомъ аскетизма и ретроградства. Вѣдь при такой сильной конкуренціи прогрессивныхъ журналовъ—нельзя было ручаться за успѣхъ новой прогрессивной газеты, ну, онъ и сталъ поборникомъ неподвижности, сильно надѣясь во первыхъ на скандалъ, а во вторыхъ на помощь людей — обскурантовъ, которыхъ у насъ еще, къ несчастію, цѣлый легионъ. Аскоченскій началъ изъ всѣхъ силъ хлопотать о томъ, чтобъ о немъ говорили: ругали, да говорили. Прежде всего, какъ могильный червякъ, онъ бросился на мертвыхъ и началъ надъ ними свое пошлое причитаніе. Умеръ, напр. Амосъ Шишкинъ, молодой поэтъ съ признаками несомнѣннаго дарованія, Аскоченскій какъ воронъ закаркалъ надъ его могилой, особенно озлобленный на Амоса Шишкина за то, что онъ одно свое стихотвореніе закончилъ такъ:

Это видѣли три Ваньки,
Баба, шедшая на рынокъ,
И редакторъ Аскоченскій,
Возвращавшійся съ поминокъ.

Умеръ нашъ незамѣнимый комикъ Мартыновъ,—редакторъ Домашней Бесѣды давай потѣшаться надъ его похоронами и храмомъ Мельпомены. Схоронили наконецъ Шевченку, — Аскоченскій заплясалъ и надъ его могилой, потѣшаясь надъ общимъ негодованіемъ нашихъ газетъ и журналовъ. Цѣль была достигнута — о немъ говорили, а онъ только этого и желалъ, предвидя подписку на свою отвратительную газету.

Когда о немъ наконецъ перестали почти говорить, Аскоченскій пригорюнился и пустился на всѣ возможные уловки, чтобъ о немъ снова заговорили. Вдругъ, наконецъ, по поводу одной замѣтки, напечатанной въ Домашней Бесѣдѣ, гдѣ Аскоченскій предаеть проклятію профессора московскаго университета Н. А. Сергіевскаго,—въ Московскихъ Вѣдомостяхъ появляется протестъ, за подписью 26 человѣкъ профессоровъ и ученыхъ. Аскоченскій торжествовалъ и написалъ дерзкій отвѣтъ протестующимъ ученымъ. «А мы-то-было притихли», говорилъ онъ: и вовсе отказались заявлять аполוגіи, которыя ежедневно сыплются къ намъ со всѣхъ концовъ Руси Православной, въ защиту Домашней Бесѣды, да не за подписью только 26 человѣкъ, а далеко

побольше. Впрочемъ не въ числѣ дѣла, а въ сущности дѣла. Еслибы защитниковъ современности нашлось въ 666 разъ больше, (кому неизвѣстенъ символическій смыслъ 666—ти,) то и тогда бы мы не усомнились стоять до послѣдняго издыханія за свои принципы.....»

Вотъ и пишете послѣ этого протесты противъ такого юридика, котораго не поразить, а только утѣшить тотъ фактъ, что цѣлая фаланга русскихъ ученыхъ серьезно становится съ нимъ въ оппозицію. Въдъ въ Домашней Бесѣдѣ нѣтъ ни одного слова, за которое не слѣдовало—бы позвать къ суду ея наглаго редактора... Есть мѣдныя лбы, отъ которыхъ все отскакиваетъ.... Миазмы Домашней Бесѣды не прекратятся до тѣхъ поръ, пока она будетъ существовать и находить себѣ читателей и сотрудниковъ.

Къ моему искреннему прискорбію я никогда не видалъ Аскоченскаго—наяву, но во снѣ видѣлъ, и не разъ. Пожалуй, даже одинъ изъ сновъ своихъ я припомню теперь.

Сонъ.

Въ осенній день, на кожаномъ диванѣ
Съ зѣвотой злой недвижно я лежалъ.
Былъ въ стекла дождь пронзительный въ туманѣ,
И вѣтеръ псомъ голоднымъ завывалъ.

Лежалъ одинъ я на холодномъ ложѣ,
Дремала старая кухарка надъ клубкомъ,
Забывъ чулокъ,—и задремалъ я тоже,
И вдругъ уснулъ, уснулъ тяжелымъ сномъ.

И снился мнѣ вдали погостъ Смоленскій,
Декабрскій день—процессія—сугробъ,
Обвитый терніемъ несли сосновый гробъ
И въ томъ гробу—редакторъ Аскоченскій.

Печальныхъ лицъ за этимъ гробомъ нѣтъ,
Иныхъ друзей нѣтъ, кромѣ Дороея,
Да съ вышины, незримо, мрака Фея
Кропить слезой безжизненный скелетъ.

Такъ снился мнѣ вдали погостъ Смоленскій,
Сугробъ,—туманъ и солнце безъ лучей,
Въ гробу лежалъ недвижно Аскоченскій
И провожалъ его лишь Дорочей.

Мы уже не разъ говорили о томъ, что въ дѣлѣ обличенія нужно какъ можно быть осторожнѣе и не заговариваться до клеветы и напраслины. У насъ всюду крайности: или предадутъ проклятію каждую обличительную статью и стихотвореніе, или же пойдутъ сами свистать надъ чѣмъ ни попало, что первое подъ руку попадется и выйдутъ изъ границъ всякаго литературнаго приличія. Разительный примѣръ тому—«юный топтатель» начавшій обличать въ С. П. Вѣдом. и съ первыхъ же словъ своихъ попавшій въ просакъ. Этотъ «топтатель», въ своей статьѣ выдавалъ за *вѣрное, за несомнѣнное*, что будто бы два *господина К. и А. служащіе въ военной службѣ*, взявшіеся дирижировать благороднымъ спектаклемъ въ пользу семейства одного умершаго знаменитаго артиста, не отдали его вдовѣ полного отчета съ деньгами, полученными съ сбора. Не узнавши хорошенько въ чѣмъ дѣло, юный топтатель вознегодовалъ на поступки господъ К. и А., воскликнулъ:

Браты топтатели камней и плитъ,
Кто собираетъ всё вѣсти!
Пусть хоть словечкомъ меня подарить
Въ дѣлѣ участія и чести.
Пусть намекнетъ или укажетъ слегка
Пусть къ разрѣшенью законный:
Кто этотъ наглый таинственный К.
Кто этотъ А. беззаконный?...

Что же оказывается? Что люди, которыхъ такъ нагло оскорбилъ «Топтатель», люди примѣрной честности, освѣщавшіе залу благороднаго спектакля на свой счетъ и виновные во всей этой исторіи только тѣмъ, что не могли разомъ собрать деньги за розданные билеты, а это, какъ извѣстно, не совѣмъ у насъ легко. Юный же топтатель, положившись на одни только слухи, спѣшилъ обличить дирижеровъ спектакля и предать общественному посмѣянію. Такъ какъ эта исторія сдѣлалась гласной и бросала тѣнь на господъ К. и А. (Качаловъ и

Аничковъ), то они спѣшили печатно снять съ себя клевету и потребовать отъ «топтателя» отвѣта за его неосновательныя обвиненія и дерзкія выраженія. И что же отвѣчалъ на это обличитель? Онъ перепугался и трепещущимъ голоскомъ сталъ увѣрять, что онъ не о г. г. Качаловѣ и Аничковѣ писалъ, и вольно же имъ принимать на себя шутеры А. и К. Вотъ такого рода обличенія и безчестныя увертки дѣйствительно возмутительны.

Кто-жъ этотъ наглый топтатель такой?

Кто этотъ трусь-обличитель?

Несмотря на требованія оскорбленныхъ, объявить его имя, топтатель спрятался и не смѣетъ больше явиться на страницахъ Вѣдомостей. Хорошъ обличитель, отрекшійся отъ своего обличенія!...

Кстати объ отреченіяхъ.

Недавно, въ одной московской газетѣ былъ помѣщенъ весьма курьезный протестъ князя Юрія Оболенскаго, протестъ самаго комическаго содержанія. Видите-ли въ чемъ дѣло: Кн. Оболенскій, вернувшись изъ Петербурга, вдругъ узнаеть, что о немъ распуцено по городу ужасная молва, будто бы, въ день объявленія манифеста, онъ, за ужиномъ въ трактирѣ Самарина, *неистово плясалъ, обнимался съ половыми и отказывался отъ тою сословія, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію*. Оскорбленный до глубины души клеветой, кн. Оболенскій протестовалъ противъ такой нелѣпости молвы. Но вотъ что странно и непонятно: пустая и ничтожная сплетня, бродившая въ небольшомъ московскомъ кружкѣ знакомыхъ Оболенскаго, оскорбила его. Что же онъ сдѣлалъ теперь своимъ протестомъ? Не желая, чтобъ о немъ ходили такіе слухи, онъ самъ своей публикаціей распространяетъ ее повсюду. Не будь протеста, никто бы и не зналъ, что есть такой Оболенскій, о которомъ прошла такая молва, а теперь по всей Россіи разнеслось по милости самого князя сплетня о его походе въ самаринскомъ трактирѣ, объ обниманіи съ половыми, и пр. и пр. Кто-жъ виновать теперь?

Наконецъ, говоря о самой молвѣ, тоже непонятно дѣлается, отчего она такъ сильно уколола К. Оболенскаго? Чѣмъ обидна она? Допустимъ, что онъ точно былъ въ трактирѣ и цѣловался съ половыми. Неужели это такъ оскорбительно? Будто полового и поцѣловать нелзя, Кн. Оболенскій, и даже одинъ слухъ объ этомъ васъ коробитъ?

Знаете-ли вы, что ваше отреченіе отъ этихъ поцѣлуевъ уже воспѣто кѣмъ-то въ Москвѣ въ стихахъ и положено на музыку. Эти стихи я знаю. Вотъ они:

ГЛАСНОЕ САМООТРЕЧЕНІЕ.

Не вѣрь въ распущенный скандалъ,
 О, Русь!
 Я съ половыми не плясалъ,
 Клянусь!
 Придя въ трактиръ, я сѣлъ въ кружокъ
 Друзей,
 И былъ умѣренъ, сколько могъ,
 Ей-ей!
 Душа, безъ помысловъ дурныхъ,
 Чиста,
 Не лобызалъ я половыхъ
 Въ уста,
 И измѣнить своей родиѣ
 Не могъ:
 Тому свидѣтель будетъ мнѣ
 Самъ Богъ:
 Какой же поводъ далъ я—къ сей
 Молвѣ?
 Кто распустилъ ее по всей
 Москвѣ?

Что же касается послѣдняго обвиненія, — что кн. Оболенскій отказался отъ того сословія, къ которому принадлежалъ по рожденію, то оно для насъ совершенно непонятно. Какъ отказался? Можно ли оправдываться отъ такой нелѣпости? Вѣдь отказаться отъ сословія — все равно, что отказаться отъ своего пола, потому что то и другое не въ нашей воли: Это все равно, что еслибы кто нибудь пустилъ бы обо мнѣ молву, будто бы я отрекся отъ званія мужчины и назвалъ себя женщиной, а я, узнавъ объ этомъ, началъ бы печатно увѣрять всѣхъ, что это неправда, что я, дескать, господа—мужчина, ей Богу мужчина!...

Впрочемъ, мы знаемъ одинъ случай, гдѣ дворянина не признали дворяниномъ и на нѣкоторое время исключили изъ этого сословія. Че-

го на свѣтѣ не бываетъ! Вотъ какъ это случилось. Далеко-далеко, близъ самой Азіи, и именно въ Оренбургѣ, Г. О. Лобысевичъ, дворянинъ, юнкеръ конной артиллеріи, *былъ записанъ* въ половинѣ ноября прошлаго года кандидатомъ въ члены тамошняго благороднаго собранія. Но вдругъ въ январѣ 1861 года его къ балотировкѣ въ члены не допустили, несмотря на то, что онъ уже былъ кандидатомъ.

— По какой же логикѣ послѣдовало такое *недопущеніе*?

На это отвѣчали такъ: тутъ логики нѣтъ, а есть одинъ § 1 правилъ собранія, который говоритъ, что членами могутъ быть: дворяне, чиновники, кушцы и извѣстные артисты. *По смыслу* (?) этого правила, юнкеръ Лобысевичъ, какъ *нижній чинъ*, не можетъ быть допущенъ къ балотировкѣ въ члены впредь до производства въ первый офицерскій чинъ и исключается изъ списка кандидатовъ.... И такъ, по смыслу мудрыхъ правилъ оренбургскаго дворянскаго собранія—юнкеръ изъ дворянъ не есть дворянинъ.

Послѣ такихъ примѣровъ, пожалуй, даже можетъ случиться, что кому мужчинѣ придется серьезно доказывать, что онъ не женщина. Въдъ было же одно дѣло, на заголовкѣ котораго написано такъ: «Дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василя въ женскій полъ». Для незнающихъ припомнимъ этотъ случай, напечатанный въ одной изъ нашихъ газетъ. У одного крестьянина родилась дочь, которую онъ хотѣлъ назвать Василисой, но которая *по ошибкѣ* была внесена въ метрику подъ именемъ мальчика Василя. Время шло; крестьянинъ, хоть и зналъ объ этой ошибкѣ, но мало за нее беспокоился. Но когда онъ понялъ, что скоро падетъ на его домъ рекрутская очередь и подушныя, тогда онъ объявилъ о томъ головѣ и становому. Имъ это дѣло показалось очень мудренымъ, и они отказали просителю на основаніи того, что онъ пропустилъ десятилѣтнюю давность. Мужикъ подалъ прошеніе наибольшему начальству. Наибольшее начальство назначило торжественное освидѣтельствованіе этого мальчика женскаго пола медикой и повивальной бабкой.... Тутъ началась длинная переписка, дѣло длилось годы и дѣвочку чуть ли не оставили въ подозрѣніи мужскаго пола....

Кстати ужъ приведу здѣсь весьма любопытные заголовки двухъ дѣлъ, открытыхъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ лѣтъ десять тому назадъ.

«Дѣло о пропажѣ пятнадцати верстѣ земли».

«Дѣло о потерѣ неизвѣстно куда дома волостнаго правленія и о изгрызеніи плана онаго мышами».

Но возвратимся къ явленіямъ текущимъ нашего времени. Оно вѣдь тоже не скупое на разныя диковины.

Въ одномъ губернскомъ благородномъ собраніи (въ какомъ именно, къ сожалѣнію неизвѣстно), при выборѣ въ старшины, иѣкій шефъ, оскорбленный вмѣшательствомъ въ споръ одного умнаго и образованнаго офицера, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью:

— Смѣете ли вы возвышать здѣсь голосъ? Вы здѣсь—*пришлецы*. Мы дворяне сдѣлали вамъ честь, что допустили сюда....

Офицеръ на это отвѣчалъ очень спокойно, что въ собраніяхъ всѣ члены равны въ правахъ безъ различія званія. Шефъ зарычалъ.... Кончилось тѣмъ, что офицеръ былъ *силою* увлеченъ изъ собранія. Невозможно, говоритъ лѣтописецъ, передать всего, что было....

Тотъ же самый шефъ, уѣзжая изъ собранія по поводу предложенія почетнаго старшинства *одному лицу* — бѣгалъ по загѣ, съ поднятыми кулаками, изрыгая самыя грубыя ругательства всѣмъ, кто только былъ съ нимъ не согласенъ.... Самъ Крейцбергъ вѣроятно не въ состояніи былъ бы усмирить его. Трудно сказать, что могло случиться и до чего бы дошло бѣшенство шефа, еслибы въ припадкѣ бѣснованія онъ не упалъ на полъ.... Хотя *лицо*, большинствомъ голосовъ уже получило званіе старшины, но послѣ такой сцены, прочіе старшины, волнуемые страхомъ, постановили, что *по случаю бывшихъ безпорядковъ* выборы назначаются вновь... Вновь начались, впрочемъ члены (вотъ такъ смѣльчаки!), которые подали просьбу: «поступокъ шефа подвергнуть сужденію собранія». Казалось бы все кончилось извѣстнымъ путемъ; по уставу собранія: дерзости и т. п. неприличія непозволительны и нарушители правилъ подвергаются, смотря по важности проступка, или строгому замѣчанію, или выставленію ихъ имени на черную доску или же наконецъ исключенію изъ членовъ клуба. Шефу, по мнѣнію всѣхъ, грозило послѣднее. Но случилось совсѣмъ не такъ. У шефа нашлась *сильная рука*, ему покровительствующая. *Сильная рука* объявила, что она выйдетъ въ отставку, если шефа забалотируютъ. Дѣло кончилось только тѣмъ, что оскорбленному кандидату было *во всеуслышаніе прочитано* публичное покаяніе шефа и спокойствіе водворилось. Все пошло попрежнему:

Забывать всё члены стали
Гнѣвъ,
И являлся въ клубной залѣ
Шефъ.

А вотъ еще одинъ фактъ, объясняющій очень остроумно значеніе словъ: *казенныя тяжести*. Изъ одного города въ близъ лежащую крѣпость постоянно бываетъ перевозка казенныхъ тяжестей и ведется на сей случай полная вѣдомость. Въ одной изъ такихъ вѣдомостей, въ графѣ: «изъ какого пункта и какія именно вещи отправляются», между прочимъ означено:

Отправлено.

Двѣ солдатки: Оскопина и Громова съ двумя дѣтьми.	35	пудовъ.
Писарь госпитальный, съ семействомъ	15	—
Инженерный кондукторъ	7	—
Мастеровой каменьщикъ	7	—

Итого. . . 64 пуда.

Что можно еще прибавить къ этому? Кажется нечего...

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

Теперь еще одна—и послѣняя диковинка. Въ «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣтили курьезное библиографическое извѣстіе. Нѣкто Г. В. Топоровъ, живущій въ Одессѣ, по случаю приближающагося тысячелѣтія Россіи написалъ громадную эпическую поэму, передъ количествомъ стиховъ которой ничтожны Махабгарата и другія санскритскія поэмы. Печатаются двѣ первыя части, каждая отъ 40 до 45 печатныхъ листовъ въ 8-ю долю. Въ двухъ частяхъ—уже болѣе 17 тысячъ стиховъ, хотя написано только еще семь пѣсенъ и седьмая оканчивается Мстиславомъ Удалымъ.. Можно поэтому судить какова будетъ цѣлая поэма. Но дѣло еще не въ томъ, не въ длинотѣ поэмы. У насъ г. Розенгеймъ, производящій безконечно длинныя стихотворенія, пожалуй можетъ явиться достойнымъ соперникомъ г. Топорова въ плодовитости. Г. Топоровъ, по фамиліи совершенно Русскій, поражаетъ насъ другимъ, и именно тѣмъ, что стряпаетъ свою

историческую поэму... на нѣмецкомъ языкѣ. Поэма его называется «Russland's erstes Jahrtausend».

— Was ist das, г. Топоровъ? Что значить ваше предпріятіе? Почему вы хотите воспѣвать десять вѣковъ русской жизни не роднымъ языкомъ, а на нѣмецкомъ діалектѣ? Для насъ это неразгаданная тайна.

По академическому календарю теперь у насъ весна. Весна время цвѣтовъ отдыха и любви. До книгъ-ли теперь читателю?

Весна идетъ! гдѣль когда-то Тютчевъ; вслѣдъ за нимъ запоемъ и мы:

Весна идетъ!.. Двойныя рамы
Изъ оконъ вынуты давно...
Забыты оперы и драмы,
Стихи, протесты, эпиграммы
Всѣ надоѣвшіе давно.

Весна идетъ!.. Опять о дачѣ
Хлопочетъ житель городской—
Тотъ побѣдѣй, тотъ побогаче,
И мебель вновь на тощій влячѣ
Везетъ въ деревню ломовой.

Прощай же, добрый мой читатель,
Вплоть до сентябрьскихъ позднихъ дней!
Теперь-ты сельскій обыватель,
А въ сельской лѣни книгу кстати-ль
Читать и хмуриться надъ ней?

Нѣтъ, отдохни отъ впечатлѣній,
Отъ всѣхъ общественныхъ затѣй,
Отъ развлеченій, обличеній,
Отъ прозы и стихотвореній
И полемическихъ статей.

Забудь зиму, съ ея сезономъ,
Съ ея шумливой суетой,

Газеты съ ихъ брюзгливымъ тономъ,
И наслаждайся моціономъ
И петербургскою весной...

Весна, весна идетъ!.. Когда въ Петербургѣ начинаются невыносимые холода, а по Невѣ идетъ ладожскій ледъ, когда повсюду летаютъ зефиры лихорадокъ, флюсовъ и ревматизмовъ, а на улицѣ то и дѣло встрѣчаются погребальныя процессіи — тогда мы всѣ знаемъ, что весна пришла, май мѣсяцъ наступилъ... Наша весна — это хилая золотушная дѣва, постоянно страдающая зубной болью и носящая фантазель, но мы рады и этой гостьѣ, за неимѣніемъ другой и радостно встрѣчаемъ ее несовсѣмъ здоровые подѣлуи. Въ нашей поэтической привязанности къ невской веснѣ — есть что-то героическое: чуть только проглянетъ сквозь туманъ майское солнце, мы тотчасъ спѣшимъ оставить городъ, переѣзжаемъ на дачи, наслаждаться дѣланной природой. Въ кортонныхъ домикахъ безъ печей, безъ всякихъ удобствъ, въ домикахъ построенныхъ на тундрахъ и болотахъ мы жмемся цѣлое лѣто, часто дрожимъ отъ холода и сырости, съ самымъ спартанскимъ терпѣніемъ. И вотъ теперь снова наступилъ этотъ мѣсяцъ общихъ переселеній за городъ, на дачи, гдѣ почтенные жители съ утра до ночи будутъ купаться въ мокромъ воздухѣ Черной рѣчки или Полуостровской деревни. Вотъ что значитъ любить природу во всѣхъ ея проявленіяхъ!...

Весна и ея острый раздражительный воздухъ такъ сильно на насъ дѣйствуютъ, что ихъ вліяніе отражается повсюду и даже — въ литературѣ. Прошлый годъ, съ первыми проталинами на улицѣ раздался цѣлый хоръ юныхъ поэтовъ, запѣвшихъ намъ весеннія пѣсни, о томъ, какъ «весна занываетъ струной въ груди, а струна дрожитъ весенними звуками; о томъ, какъ у весны

Прорѣзались первые зубы
И первая брызнула зелень.

Нынѣшній годъ, при саркастическомъ направленіи нашей литературы, при томъ всеобщемъ духѣ отрицанія, который Громека назвалъ вальпургіевою ночью мертвящей шутки, мы уже отчаявались услышать новую весеннюю пѣсню, какъ вдругъ среди майскихъ цвѣтовъ одного журнала (см. Отечеств. Записки № 4), раздалось тихое кукованье: куку! куку! Мы право не шутимъ: то былъ дѣйствительно голосъ новаго поэта

Куку, запѣвшаго гимнъ веснѣ... Свѣжихъ голосовъ давно не было слышно и потому къ Куку все обратились съ любопытствомъ, надѣясь встрѣтить въ немъ замѣну музѣ Кускова, Слушали все Куку — и не поняли его кукованья: поняли только, что его поэзія такъ глубокомысленна,

«Что провалишься въ нее».

Впрочемъ все глубокое вдругъ не поймешь. Вотъ напр. стихотвореніе Куку: «слезы кукушки». Близорукіе люди ничего въ немъ не видятъ, а вотъ вчитайтесь, вдумайтесь въ него—такъ непременно какую нибудь богатую мысль найдете. Слушайте:

Слезы кукушки.

На деревѣ плачетъ кукушка,
Все плачетъ она и кукуетъ,
О братьяхъ, о родинѣ милой
Она все тоскуетъ, тоскуетъ.

И день и ночь плачетъ кукушка
И плачетъ она и кукуетъ,
Авось таки добрые люди
Ея кукованье почувютъ!

Почуютъ ея кукованье,
На горе ея отзовутся:
Пускай же горячія слезы
Не даромъ изъ глазъ ея льются;

Но льются пускай на погибель
Всему неразумному, злomu,
И будутъ залoгами блага
Любимому краю родному.

По нашему мнѣнію въ этомъ стихотвореніи проведена слѣдующая весьма новая мысль—что между кукушками, этими глухими и дикими птицами, бываютъ кукушки эмансипированныя и даже—патріотки. Дру-

гая же мысль такая— что плачущій человекъ — гораздо полезнѣе для общества человека смѣющагося, свистопляской занимающагося. Понимать вообще впрочемъ можно разнo: таковы тѣмныя взрѣченія древнихъ оракуловъ....

На слезы эмансипированной кукушки мы отвѣтимъ теперь тоже стихотвореніемъ, въ которомъ ея загадочность почти исчезаетъ.

Куку!

Въ журналѣ кукуетъ кукушка
И всѣхъ допроситъ она хочетъ,
Зачѣмъ соловей не ворона?
Не шпанская курица—кочетъ?

Зачѣмъ, отчего на карачкахъ
Всѣ люди не ходитъ какъ звѣри?
Зачѣмъ у всѣхъ зданій есть окна
И крыши, и печки и двери?

Кто выше и лучше на свѣтѣ:
Индѣецъ, Киргизъ-ли, Арапъ-ли?
Зачѣмъ у дождя при паденьи
Не льются кровавыя капли?

Такъ мудрые эти вопросы
Кукушку журнальную мучать?
Авось—таки добрые люди
Наставятъ ее и научатъ,

Научатъ ее и проучатъ,
Чтобъ вздору кукушка не пѣла,
И если ужъ пѣть не умѣетъ,
Нашла-бъ себѣ новое дѣло.

Интересно было бы знать—ненавистники отрицательнаго направленія такъ называемыхъ свистуновъ, къ какому разряду поэтовъ причислять Куку? неужели къ серьезнымъ поэтамъ? По нашему мнѣнію, онъ

принадлежит къ той *безсознательной* свистопляскѣ, которая наиво-
сама осмѣиваетъ свою собственную музу.

Пушкинъ уже давно двумя стихами прихлопнулъ такихъ пѣсно-
пѣвцевъ и мы вслѣдъ за нимъ воскликнемъ теперь:

Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ Куку!...

Чтобы изгладить тяжелое впечатлѣніе, оставшееся отъ весенняго
кукованья, мы сами пропоемъ теперь весеннюю пѣсню, настроивъ свою
лиру совершенно на другой тонъ. Вотъ вамъ:

Весенняя серенада.

Воздухъ мая нѣгой гаетъ,
Гуще мракъ ночной..
Гдѣ-то песь на мѣсяцъ гаетъ—
Спи, городской!

—
Кто-то крадется сторонкой,
Узелъ подъ полой,
Вѣетъ снами воздухъ тонкій,—
Спи, городской!

—
Промаячилъ безъ удачи
Ванька день-деньской
И шашкомъ ползеть на влячѣ—
Спи, городской!

—
Опустѣла полпивная
Съ шумною толпой...
Сновъ мучительныхъ не зная—
Спи, городской!

—
Возвращается гуляка
Съ пѣсней домой...
Гуще, гуще тѣни мрака—
Спи, городской!

Двери лавки отворили
 Опытной рукой,
 Звѣзды-жъ будто говорили:—
 Спи, городской!

Кто-то плачетъ, кто-то стонетъ
 Въ тишинѣ нѣмой,
 Но за гучкой мѣсяцъ тонетъ.—
 Спи, городской!

Изъ проулка крикъ несется:
 «Караулъ! разбой!»
 А надъ будкой грѣза вьется—
 Спи, городской!

Перейдемъ теперь къ текущимъ новостямъ.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца, въ залѣ купеческаго собранія былъ данъ концертъ цоваго артиста г. Никольскаго. Всѣ шли въ концертъ, вовсе не подозрѣвая, какое торжество ихъ ожидаетъ. Въ числѣ пьесъ назначенъ былъ знаменитый дуэтъ изъ Отелло съ *ut dieze* (гг. Никольскій и Фортуна), дуэтъ, въ которомъ отличался постоянно одинъ только Тамберликъ. Зала концерта была полна. Любители музыки, уже разъ обманувшись въ надеждахъ, возложенныхъ на г. Кравцева, съ невольнымъ недоувѣремъ ждали появленія новаго артиста. Но вотъ начался дуэтъ: публика притаила дыханіе и въ залѣ водворилась гробовая тишина. И когда эта знаменитая нота—этотъ *ut dieze*, не осяленный столь многими пѣвцами, вышелъ безукоризненно чисто изъ груди русскаго пѣвца, тогда взрывъ общихъ восторженныхъ рукоплесканій привѣтствовалъ новую, *родную* музыкальную силу.

Знаменитая нота была повторена г. Никольскимъ два раза—и всѣ слушатели и цѣнители рѣшили, что въ лицѣ г. Никольскаго Тамберликъ приобрѣлъ теперь опаснаго соперника.

Вотъ пріятная библиографическая новость. К. П. Масальскій оканчиваетъ переводъ съ испанскаго подлинника знаменитаго романа Сервантесъ «*Донъ Кихотъ*». Первый томъ этого перевода уже былъ изданъ А. А. Плюшаромъ въ 1838 году. Покойный издатель Сына Отечества К. Жернаковъ напечаталъ второе изданіе означеннаго перваго тома, котораго уже давно нѣтъ въ продажѣ. Мы слышали, что *весь*

романъ Сервантеса, переведенный Масальскимъ, будетъ изданъ въ четырехъ томахъ къ концу текущаго года.

Скажемъ теперь о выставкѣ въ Академіи художествъ, о выставкѣ рѣдкихъ художественныхъ произведеній, находящихся въ разныхъ галереяхъ Петербурга. Цѣль этой выставки—увеличить матеріальныя средства къ устройству пріюта для бѣдныхъ художниковъ. Хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, настоящая выставка не такъ разнообразна, какъ та, которая была устроена «Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ» лѣтъ десять тому назадъ,—но настоящая выставка вмѣщаетъ въ себѣ столько замѣчательныхъ произведеній, что можетъ доставить любителямъ не одно утро полного наслажденія.

Передать это наслажденіе—невозможно и наша цѣль—только указать на содержаніе выставки.

Выставка открывается картинами старыхъ мастеровъ итальянской школы, классическими произведеніями Таціана, Перуджино, Веронеза, Вичелли, Рафаэля, да-Винчи, и пр. и пр.

Затѣмъ слѣдуютъ картины старой фламандской и голландскихъ школъ. Тутъ есть портретъ Маріи Стюартъ, писанный Пурбусомъ, художникомъ 16 столѣтія; есть мрачныя картины Рубенса, портреты Рембрандта и Фан-Дейка, пейзажи Бергема, Гоббема, Рюиздала и др.

Потомъ идутъ картины сисаро-нѣмецкой, испанской и французской школъ. Выставлены лучшія произведенія Дюрера, Гольбейна, Рибейра, Мурильо, Ватто, Грѣза, Давида, Гогарта. За ними идутъ картины нашихъ художниковъ: эскизы и портреты К. Брюлова, картины Лосенко, Левицкаго, Егорова, Воробьева, Щедрина, Иванова, Федотова, Айвазовскаго, Лагоріо, Бассина и др.

Перечислять имена всѣхъ художниковъ, произведенія которыхъ стоятъ на выставкѣ, невозможно—и главное бесполезно. Мы желали бы передать только—какъ выражаются художники—одни *пятна* выставки.

Нигдѣ не была такъ густа толпа наслаждающихся зрителей, какъ предъ картиною Рафаэля «пробужденіе Спасителя», предъ портретами Рембрандта и особенно предъ поэтическими удивительно-граціозными головками Грѣза. Надъ одними этими головками можно простоять цѣлое утро.

Изъ другихъ картинъ обращаютъ на себя вниманіе картина Делароша «Кромвель, посѣщающій гробъ Карла I». Одинъ Англичанинъ, непризнающій французской школы, бывши при насъ на выставкѣ и

оставоваясь предъ картиной Делароша, очень серьезно увѣряя, что такой великій художникъ какъ Деларошъ—не можетъ быть Французомъ. Также привлекають къ себѣ прелестные пейзажи Каляма и «Неаполитанскій импровизаторъ»—Робера, средина знаменитой картины, находившейся во дворцѣ Нёлы и изрѣзанной на части во время смуты Французской революціи 1848 г.

Но о всѣхъ замѣчательныхъ рѣдкостяхъ выставки не передашь. Пока мы упоминали только о картинахъ, но между тѣмъ на выставкѣ почти на-половину занимають мѣсто другія художественныя произведенія, какъ то: статуи, бронза, фарфоръ, разная работа и пр. и пр.

Изъ статуй особенно удивительны — «Фавнъ» Микель-Анжело, «Плачущій ребенокъ» Кановы, «Ганнимедъ»—Торвальдсена и наконецъ мраморная дѣвочка—Виченціо-Велла, изображающая первое пробужденіе весны. При всемъ равнодушіи большинства нашей публики къ мрамору, эти четыре произведенія гениальнаго рѣзца невольно заставляютъ всѣхъ передъ собой останавливаться.

Въ коллекціяхъ золотыхъ и ювелирныхъ издѣлій есть также очень много интереснаго. Тутъ вы найдете работы знаменитаго Беневенуто-Челлини перстни, часы и табакерки, которые носили придворные времена Людовиковъ, разные ковши и кубки и пр. и пр. Замѣчательно также по отдѣлкѣ огромное, вылитое изъ серебра плато, изображающее кн. Г. Д. Юсупова, представляющаго свитокъ съ очеркомъ своей жизни Императору Петру I-му.

Чтобъ имѣть обо всемъ этомъ понятіе, надо видѣть все самому и посвятить на это обзорніе нѣсколько дней, потому что въ одно утро нѣтъ человѣческой возможности все осмотрѣть. Нельзя не подивиться, при этомъ, что залы академіи почти постоянно пусты—и число посѣтителей очень не значительно.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 28.

(Апрѣль 1861 года).

Рѣшеніе проблемы Архимедовъ винтъ.—Замѣчанія о ней г. Цѣхановича.— О киверганн А. Д. Петрова, посвященной Н. Д. Ахшарумову.—Варьяція г-на Водзинскаго на одну изъ задачъ Петрова.—Пять партій Гг. Шлейера, Кнорре и Маазинга.—Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 13-я).—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

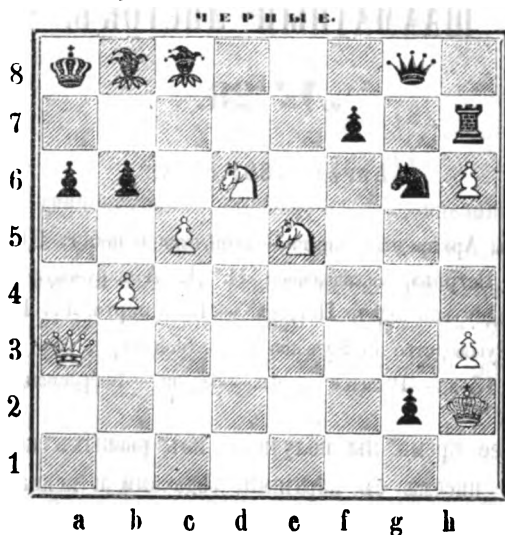
Въ послѣднее время мы получили изъ разныхъ концовъ Россіи большое число писемъ съ партіями, задачами и всякаго рода шахматными замѣтками. Мы не можемъ довольно благодарить любителей, удостоившихъ насъ этихъ сообщеній и считаемъ пріятною обязанностію подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ съ читателями Шахматнаго Листка (*). Оставимъ на этотъ разъ всторонѣ всѣ заграничныя шахматныя событія, и посвятимъ весь настоящій Листокъ подвигамъ нашихъ провинціальныхъ шахматистовъ.

(*) Надѣмся, что тѣ любители, сообщенія которыхъ останутся неизвѣстными шахматной публикѣ, не будутъ наносить въ претензіи; не смотря на все желаніе помѣщать на страницахъ Листка какъ можно болѣе русскихъ партій и задачъ, мы не можемъ однако печатать ихъ *всл*, безъ разбора.

Первое мѣсто въ числѣ этихъ подвиговъ, занимаетъ рѣшеніе *Архимедова винта*. Проблема, оставшаяся не разгаданною въ Англии втеченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, разрѣшена совершенно вѣрно и въ самое короткое время, тремя русскими любителями: А. Шульцомъ на берегахъ Кубани, К. Цѣхановичемъ въ Тамбовѣ и И. Дравертомъ въ Вяткѣ. Принимая во вниманіе, что положеніе этой задачи, по чрезвычайной своей сложности, едвали осталось въ памяти всѣхъ любителей, и что многіе изъ нихъ не имѣютъ подъ рукою Русскаго Слова за минувшій годъ, перепечатаваемъ здѣсь изображающую ее діаграмму.

Архимедовъ винтъ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 24 хода.

РѢШЕНІЕ.

Бѣлые.	+	Черные.		Бѣлые.	+	Черные.
1) a3 — f3	+	a8 — a7		6) c6 — c5	+	(1)a7 — a8
2) e5 — c6	+	a7 — a8		7) c5 — d5	+	a8 — a7
3) c6 — d8	+	a8 — a7		8) d5 — d4	+	a7 — a8
4) c5 — b6°	+	a7 — b6°		9) d4 — e4	+	a8 — a7
5) f3 — c6	+	b6 — a7		10) e4 — e3	+	a7 — a8

11) e3 — f3 + a8 — a7	18) e4 — d4 + a7 — a8
12) f3 — f2 + a7 — a8	19) d4 — d5 + a8 — a7
13) f2 — g2° + a8 — a7	20) d5 — c5 + ⁽²⁾ a7 — a8
14) g2 — f2 + a7 — a8	21) c5 — c8° f7 на f5 или на f6 ⁽³⁾
15) f2 — f3 + a8 — a7	22) c8 — a6 + b8 — a7 (A.)
16) f3 — e3 + a7 — a8	23) a6 — c6 + a8 — b8 (B.)
17) e3 — e4 + a8 — a7	24) c6 — c8 ✕

(A.)

- 22) . . . . . h7 — a7
 23) a6 — c6 + a7 — b7
 24) c6 — b7° ✕

(B.)

- 23) . . . . . h7 — b7
 24) c6 — b7° ✕

Сообщая выписанное здѣсь рѣшеніе, г. Цѣхановичъ весьма остроумно замѣтилъ, что съ примѣненіемъ итальянскихъ правилъ, на основаніи которыхъ пѣшка, достигшая восьмой полосы, можетъ быть обращена лишь въ офицера, уже снятаго съ доски, бѣлымъ, для выполненія мата, потребовалось бы всего только десять ходовъ, а именно:

Бѣлые.	Черные.
1) a3 — f3 +	a8 — a7
2) e5 — c6 +	a7 — a8
3) c6 — d8 +	a8 — a7
4) c5 — b6° +	a7 — b6°
5) f3 — c6 +	b6 — a7

(1) Съ этого хода начинается винтообразное движеніе бѣлаго ферзя, которое составляетъ сущность задачи, и отъ котораго она и получила свое названіе: «Архимедовъ винтъ».

(2) Последній ходъ винтообразнаго движенія бѣлаго ферзя.

(3) Очевидно при всякомъ другомъ движеніи матъ слѣдующимъ ходомъ.

6) c6 — c5   a7 — a8

7) c5 — c8°

Рѣшая проблему на основаніи не италіянскихъ, а обще приня-
тыхъ въ Европѣ правилъ, настоящій ходъ невозможенъ потому,
что черные, въ отвѣтъ на него, продвинуть пѣшку на g1 и обра-
тить ее въ ферзя, а за тѣмъ, когда бѣлый король возьметъ этого
ферзя (другаго хода бѣлымъ нѣтъ), дадутъ шахъ на вскрышу и
не только отклонятъ матъ, но даже выиграютъ партію.

Если же черные, какъ это было бы въ Италіи, имѣютъ воз-
можность обратить пѣшку только въ вышедшаго изъ игры офицера
(въ настоящемъ случаѣ въ ладью или коня), то имъ нѣтъ уже
никакой пользы играть 7. $\overline{g2-g1}$; единственнымъ средствомъ от-
клонить грозящій слѣдующимъ ходомъ матъ, представляется подвиганіе
пѣшки королевскаго слона, и игра продолжается такъ:

7) . . . . . f7 — f6 (или
на f5)

8) c8 — a6° + b8 — a7 (A.)

9) a6 — c6 + a8 — b8

10) d6 — c8 ✕

(A.)

8) . . . . . h7 — a7

9) a6 — c6 + a7 — b7

10) c6 — b7° ✕

Возможность такого двойственнаго рѣшенія не могла впрочемъ
никого ввести въ заблужденіе, ибо въ письмѣ г-на Яниша, при
которомъ напечатана была проблема (Шахм. Листъ за 1860 годъ,
стр. 320), объяснено, что она составлена англійскимъ игрокомъ и
первый разъ появилась въ Англіи, а тамъ, какъ извѣстно, италіян-
скія правила игры никогда не имѣли силы.

Въ заключеніе изысканій надъ проблемой Больтона, г. Цѣхановичъ
говоритъ, что онъ вовсе не признаетъ ее особенно трудною,
и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ соображенія, сущность
которыхъ заключается въ томъ, что 1.) Первый ходъ рѣшенія
очевиденъ, какъ единственное средство предупредить гибельное дви-

женіе непріятельской пѣшки на g1; 2.) Необходимость истребить эту пѣшку и притомъ такъ, чтобъ взятіе ее сопровождалось шахомъ непріятельскому королю, служить важнымъ руководствомъ къ отысканію рѣшенія, и наконецъ 3.) Самое названіе «Архимедовъ винтъ» поясняетъ дѣло, особенно когда послѣ шестаго хода является возможность двигать ферзя винтообразно, сперва въ одну, потомъ въ другую сторону.

Дѣйствительно, указанныя г. Цѣхановичемъ свойства больтоновой проблемы, могутъ служить путеводной нитью къ раскрытію рѣшенія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ она была *легка*. Неразрѣшимыхъ задачъ не существуетъ; каждая заключаетъ какія нибудь данныя, на основаніи которыхъ остроумный любитель можетъ разгадать ее. Впрочемъ, трудно разсуждать положительно о замысловатости той или другой проблемы; это вещь совершенно относительная: нерѣдко случается, что задача, легко разгаданная нѣкоторыми игроками, не дается другимъ, сильнѣйшимъ, безъ труда рѣшающимъ проблемы гораздо болѣе сложныя. Если мы утверждаемъ, что Архимедовъ винтъ принадлежитъ къ числу чрезвычайно трудныхъ задачъ, то это между прочимъ потому, что лишь весьма немногимъ любителямъ удалось вѣрно разрѣшить его.

Въ этомъ отношеніи еще выше должна быть поставлена задача А. Д. Петрова, посвященная Н. Д. Ахшарумову; она *никтъмъ неразгадана*, хотя появилась въ Листкѣ еще въ декабрѣ прошлаго года и почти одновременно напечатана въ варшавской Иллюстраціи и французской *Régence*. Только одинъ варшавскій любитель нашелъ приблизительное рѣшеніе, говоримъ *приблизительное*, потому что онъ вынуждаетъ обратный матъ, не въ тринадцать ходовъ, какъ предложено авторомъ, а въ пятнадцать слѣдующимъ образомъ.

Бѣлые.   Черные.

1) c2 — c3 + a5 — c3°	6) e4 — e7 + d5 — d6
2) g7 — g8 + c6 — e5	7) e7 — b7° + d6 — e6
3) e3 — e4 + d4 — d5	8) b7 — c7 + e6 — d6
4) e4 — e5 + d5 — d4	9) a3 — b5 + c6 — b5°
5) e5 — e4 + d4 — d5	10) e7 — e5 + d6 — d7

- 11) e5 — d5 + d7 — e6   14) h4 — g6 + e8 — g6°
 12) c8 — e8 + b5 — e8°   15) f5 — f7 + g6 — f7° ×
 13) f8 — f5 + e6 — e7

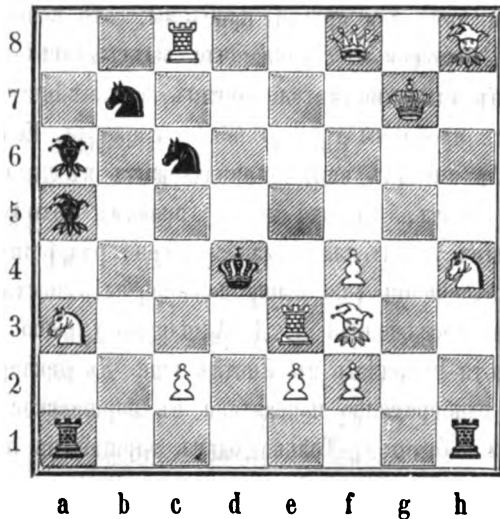
Сообщениемъ правильнаго рѣшенія, мы повременимъ еще мѣсяца два, а пока вновь предлагаемъ эту проблему разсмотрѣнью нашихъ любителей, которымъ предстоитъ только сократить варшавское рѣшеніе на два хода.

№ 67.

А. Д. ПЕТРОВА.

Посвящается Н. Д. Ахшарумову, автору фантастической повѣсти:
 «Игрокъ»

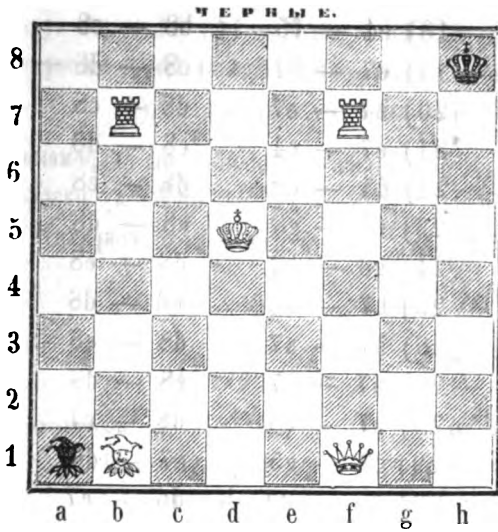
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 13 ходовъ.

Кстати обратныхъ матовъ, намъ остается сообщить здѣсь довольно любопытную проблему, составленную въ Переславлѣ - Залѣскомъ г-мъ Водзинскимъ, по образцу кипергани Петрова посвященной Морфи. Число и расположеніе шашекъ совершенно тоже, какъ и въ проблемѣ Петрова, но кони замѣнены слонами, какъ показано на діаграммѣ.

Изъ этого положенія г. Водзинскій вынуждаетъ обратный матъ въ 36 ходовъ слѣдующимъ образомъ.

	БѢЛЫЕ.		ЧЕРНЫЕ.
1)	f7 — h7 +		h8 — g8
2)	f1 — f5		a1 — f6 (A.)
3)	b7 — f7		f6 — h4, e7, d8 (B.)
4)	f5 — g4 +		h4 — g5
5)	h7 — g7 +		g8 — h8
6)	g4 — h5 +		g5 — h6
7)	g7 — h7 +		h8 — g8
8)	h5 — g6 +		h6 — g7
9)	f7 — a7		g8 — f8
10)	a7 — a8 +		f8 — e7
11)	a8 — e8 +		e7 — d7
12)	g6 — e6 +		d7 — c7
13)	d5 — e4		c7 — b7
14)	e8 — e7 +		b7 — b8 (C.)
15)	e6 — g8 +		g7 — f8
16)	b1 — a2		b8 — c8, a8
17)	a2 — d5		c8 — b8, d8

18) e4 — f5	b8 — c8
19) e7 — b7	c8 — d8
20) h7 — e7	d8 — c8
21) e7 — e4	c8 — d8
22) d5 — e6	d8 — e8
23) f5 — g6	e8 — d8
24) g6 — h7	d8 — e8
25) h7 — h8	e8 — d8
26) b7 — a7	d8 — e8
27) a7 — c7	e8 — d8
28) c7 — c8 +	d8 — e7
29) g8 — g5 +	e7 — d6
30) g5 — d2 +	d6 — e7
31) e6 — g8 +	e7 — f6
32) d2 — f4 +	f6 — g6
33) e4 — e6 +	g6 — h5
34) e6 — e5 +	h5 — g6
35) f4 — f7 +	g6 — h6
36) f7 — g7 +	f8 — g7° ✕

(A.)

2)	a1 — b2, c3, d4, e5, h8 (a.)
3) f5 — e6 +	g8 — f8
4) b7 — f7 +	f8 — g8
5) e6 — g6 +	слонъ на g7

Затѣмъ бѣлымъ слѣдуетъ играть, какъ показано въ рѣшеніи, начавъ вмѣсто 6-го хода съ 9-го, слѣдовательно матъ будетъ, не въ 36, а въ 33 хода.

(a.)

2)	a1 — g7
3) f5 — g6	g8 — f8
4) b7 — b8 +	f8 — e7
5) b8 — e8 +	e7 — d7

За тѣмъ бѣлые продолжаютъ играть, какъ въ рѣшеніи, но начиная не съ 6-го а съ 12-го хода; слѣд. матъ будетъ въ 30 ходовъ.

(B.)

3)	f6 — g5 (b.) (сг)
4) b1 — a2	g5 — h4, e7, d8, f4, e3, d2, c1 (d.)
5) f5 — g4 +	h4 — g5
6) h7 — g7 +	g8 — h8
7) g4 — h5 +	g5 — h6
8) g7 — h7 +	h8 — g8
9) h5 — g6 +	h6 — g7
10) f7 — a7	g8 — f8
11) a7 — a8 +	f8 — e7
12) a8 — e8 +	e7 — d7
13) g6 — e6 +	d7 — c7
14) d5 — e4	c7 — b7
15) e8 — e7 +	b7 — b8 (e.)
16) e6 — g8 +	g7 — f8
17) a2 — d5	b8 — c8
18) e4 — f5	c8 — b8, d8
19) e7 — e4	b8 — c8
20) h7 — b7	c8 — d8

Затѣмъ бѣлые играютъ, какъ въ рѣшеніи, начавъ съ 22-го хода, и матъ будетъ въ 35 ходовъ.

(b.)

3)	f6 — g7
4) b1 — a2	матъ угодно.
5) f5 — g6 +	слонъ на g7

Затѣмъ слѣдуетъ 10-й ходъ варианта B, и матъ будетъ въ 31 ходъ.

(c.)

3)	f6 — a1, b2, e3, d4, e5, h8.
4) f5 — g6 +	слонъ на g7

Затѣмъ слѣдуетъ рѣшеніе съ 9-го хода, и матъ на 32-мъ ходѣ.

(d.)

4)	g5 — f6, h6.

5) f5 — g6 + f6 — g7

За тѣмъ слѣдуетъ 10-й ходъ варианта В, и матъ въ 31 ходъ

(e.)

15)	b7 — a8
16) e6 — g8 +	g7 — f8
17) a2 — d5 +	a8 — b8
18) e4 — f5	b8 — c8
19) e7 — e4	c8 — d8 (f.)
20) h7 — b7	d8 — c8
21) f5 — g6	c8 — d8
22) d5 — e6	d8 — e8
23) g6 — h7	e8 — d8
24) h7 — h8	d8 — e8
25) b7 — c7	e8 — d8

За тѣмъ 27-й ходъ варианта В, и матъ въ 34 хода.

(f.)

19)	c8 — b8
20) f5 — g6	b8 — c8
21) h7 — b7	c8 — d8
22) d5 — e6, и такъ далѣе, какъ въ вариантѣ (e.)	

(c.)

14)	b7 — a8
15) e6 — g8 +	g7 — f8
16) b1 — a2	a8 — b8
17) a2 — d5	b8 — c8

и т. д., какъ въ вариантѣ В, ходъ 18-й.

Слозь ни остроумны маневры, которыми г. Водзинскій разрѣшаетъ свою проблему, однако, если принять во вниманіе огромное превосходство силъ со стороны бѣлыхъ (ферзь, двѣ ладьи и слонъ противъ слона) и крайне невыгодное положеніе чернаго слона, то естественно рождается вопросъ не слишкомъ ли много ходовъ употреблено на вынужденіе обратнаго мата? Припомнимъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ задача разрѣшается, по способу г-на Петровскаго, въ двадцать девять ходовъ (Шахм. Лист. 1859 года стр. 313), тогда какъ оставлять непріятельскаго коня занимать,

опредѣленные клітки, труднѣе чѣмъ слона. Не полагаясь на свое искусство въ дѣлѣ шахматныхъ проблемъ, я просилъ г-на Петровскаго заняться рассмотрѣніемъ труда г-на Водзинскаго и ему дѣйствительно удалось значительно сократить рѣшеніе. Въ чемъ именно заключается это сокращеніе, мы сообщимъ со временемъ, а теперь приглашаемъ охотниковъ до трудныхъ киперганей самимъ поискать его, т. е. предлагаемъ имъ проблему г. Водзинскаго въ такой формѣ: *бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ съдѣлать матъ; во сколько ходовъ?*

Партіи настоящаго Листка извлечены изъ шахматныхъ записокъ извѣстнаго астронома Карла Христофоровича Кнорре; онѣ сообщены намъ изъ Николаева г-мъ Шпейеромъ. Краткія замѣтки о нѣкоторыхъ ходахъ этихъ партій принадлежатъ тѣмъ самымъ любителямъ, которыми онѣ играны.

ПАРТІЯ № 181.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

Играна 8-го октября 1855 года.

К. Х. Кнорре.

О. А. Мазнигъ.

(Бѣлые)	(Черные)	14) a1 — e1	c8 — a6
1) e2 — e4	e7 — e5	15) e1 — e6	a6 — c8
2) g1 — f3	g8 — f6	16) d3 — f5°	g7 — g6
3) f3 — e5°	d7 — d6	17) e6 — d6	d8 — c7
4) e5 — f3	f6 — e4°	18) f5 — c8°	c7 — c8°
5) d2 — d4	d6 — d5	19) e4 — d5°	f6 — e7
6) f1 — d3	f8 — e7	20) d6 — e6	e7 — a3°
7) h2 — h3	f7 — f5	21) b3 — a3°	c6 — d5°
8) e2 — d4	e7 — e6	22) f1 — e1	b8 — e6
9) b1 — c3	0 — 0	Вмѣсто b8—c6, уйти ферземъ было-бы еще хуже.	
10) d1 — b3	e4 — e3°	23) a3 — d6	c6 — a5
11) b2 — e3°	e7 — f6	24) e6 — e8 +	e8 — e8°
12) 0 — 0	b7 — b6	25) e1 — e8° +	a8 — e8°
13) c1 — a3	f8 — f7		

26) d6 — d5°	g8 — g7	34) e5 — f7	e6 — g7
27) f3 — e5	f7 — e7	35) f7 — h6 +	g8 — h8
28) f2 — f4	a5 — b7	36) d7 — d5	g7 — e6
29) g1 — h2	b7 — d8	37) f4 — f5	e6 — g5
30) g2 — g4	d8 — e6	38) d5 — d7	g5 — e4 +
31) h2 — g3	e8 — f8	39) g3 — g2	e4 — f6
32) d5 — d6	e7 — e8	40) d7 — a7°	черные сдаются.
33) d6 — d7 +	g7 — g8		

ПАРТІЯ № 182.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Играна 9-го мая 1857 года.)

И. Х. Норре.

О. А. Мазницъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e5	20) d2 — e4	c6 — d8
2) g1 — f3	b8 — c6	21) b3 — d3	d8 — e6
3) f1 — b5	a7 — a6	22) h1 — f1	d7 — d6
4) b5 — a4	b7 — b5	23) d5 — e6°	e7 — e6°
5) a4 — b3	f8 — c5	24) h2 — h3	c8 — b7
6) c2 — c3	g8 — f6	25) e4 — g5	e6 — g6
7) d2 — d4	e5 — d4°	26) d3 — g6°	h7 — g6°
8) e4 — e5	f6 — e4	27) e5 — d6°	c7 — d6°
9) b3 — d5	e4 — f2°	28) f3 — d4°	b7 — d5
10) e1 — f2°	d4 — c3° +	29) a1 — c1	a5 — d8
11) f2 — g3	c3 — b2°	30) g5 — f3	d8 — f6
12) c1 — b2°	0 — 0	31) f1 — f2	b8 — c8
13) d1 — c2	c5 — b6	32) f2 — c2	d5 — b7
14) c2 — c3	b6 — a5	33) c2 — c7	c8 — c7°
Вмѣсто 14. c2 — c3 бѣлому		34) c1 — c7°	b7 — e4
лучше брать d5 — c6°		35) c7 — a7	f8 — a8
15) c3 — a3	a5 — b4	36) a7 — a8°	e4 — a8°
16) a3 — b3	d8 — e7	37) b2 — c1	a8 — f3°
17) a2 — a3	b4 — a5	38) d4 — f3°	b4 — b3
18) a3 — a4	b5 — b4	39) c1 — f4	f6 — c3
19) b1 — d2	a8 — b8		бѣлые сдаются.

ПАРТІЯ № 183.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна 25-го ноября 1859 года.)

К. К. ШЕЙЕРЪ.

В. КНОРРЕ.

(Бѣлые.)	(Черные.)	13) c2 — c3	d5 — d4
1) e2 — e4	e7 — e6	14) c3 — d4°	c5 — h5
2) d2 — d4	d7 — d5	15) f1 — f2	f6 — e4
3) e4 — d5°	e6 — d5°	16) d3 — e4°	e8 — e4°
4) f1 — d3	g8 — f6	17) d1 — c2	e4 — e7
5) g1 — e2	f8 — d6	18) e2 — g3	h8 — c6
6) 0 — 0	0 — 0	Чернаго ферзя брать нельзя,	
7) f2 — f4	c8 — g4	потому что будетъ матъ въ	
8) b1 — c3	c7 — c5	два хода.	
9) d4 — c5°	d6 — c5°+	19) c1 — e3	h5 — d5
10) g1 — h1	f8 — e8	20) g3 — f1	c6 — d4°
11) c3 — a4	d8 — e7	21) e3 — d4°	d5 — d4°
12) a4 — c5°	e7 — c5°	22) c2 — d2	ничья

Вмѣсто 20. g3 — f1, бѣлому слѣдовало бы играть c2 — c3, и пѣшка на d4 могла бы быть удержана.

ПАРТІЯ № 184.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна 10-го января 1860 года.)

В. К. КНОРРЕ.

К. К. ШЕЙЕРЪ.

(Бѣлые.)	(Черные.)	9) 0 — 0	d8 — c7
1) e2 — e4	e7 — e6	10) d1 — c2	g4 — f3°
2) d2 — d4	d7 — d5	11) d2 — f3°	d5 — c4°
3) e4 — d5°	e6 — d5°	12) d3 — c4°	d7 — b6
4) f1 — d3	f8 — d6	13) f1 — e1	0—0—0
5) c1 — e3	g8 — f6	14) a1 — c1	c8 — b8
6) g1 — f3	c8 — g4	15) c2 — b3	d8 — d7
7) b1 — d2	b8 — d7	16) e1 — e2	b6 — c4°
8) c2 — c4	c7 — c6		

17) c1 — c4 °	f6 — d5	28) g4 — g7 °	d2 — b2 °
18) f3 — e5	d6 — e5 °	29) g7 — d7	d8 — f8
19) d4 — e5 °	d5 — e3 °	30) e6 — f6	f8 — b8
20) e2 — e3 °	h8 — d8	31) d7 — h7 °	b2 — a2 °
21) g2 — g3	b8 — a8	32) h2 — h4	c6 — c5
22) e5 — e6	f7 — e6 °	33) h4 — h5	c5 — c4
23) e3 — e6 °	c7 — a5	34) h5 — h6	c4 — c3
24) c4 — a4	d7 — d1 +	35) h7 — c7	c3 — c2
25) g1 — g2	a5 — d5 +	36) h6 — h7	b8 — h8
26) b3 — d5 °	d1 — d5 °	37) f6 — g6	a8 — b8
27) a4 — g4	d5 — d2	38) c7 — c2 °	a2 — c2 °

38-й ходъ бѣлыхъ явная ошибка, повлекшая къ проигрышу.
Бѣлые выиграли бы, сыгравъ c7 — c3.

ПАРТІЯ № 185.

ГАМБИТЪ - ЛАДЬИ.

(Играна 16-го мая 1857 года.)

В. А. Мазнигъ.

К. Х. Кюрге.

(Бѣлые.)	(Черные.)	14) e2 — g4	d7 — d6
1) e2 — e4	e7 — e5	15) g4 — f4	h8 — g8
2) f2 — f4	e5 — f4 °	16) f4 — f7 °	g8 — f8
3) g1 — f3	g7 — g5	17) f7 — h7 °	h1 — g3
4) h2 — h4	g5 — g4	18) b1 — d2	c8 — f5
5) f3 — e5	g8 — f6	19) h7 — h6	g3 — f1 °
6) e5 — g4 °	f6 — e4 °	20) d2 — f1 °	b8 — c6
7) d2 — d3	e4 — g3	21) 0—0—0	d8 — d7
8) c1 — f4 °	g3 — h1 °	22) g2 — g3	a8 — c8
9) d1 — e2 +	d8 — e7	23) f1 — e3	f5 — e6
10) g4 — f6 +	e8 — d8	24) b2 — b3	c6 — d4
11) f4 — c7 ° +	d8 — c7 °	25) d1 — d2	f8 — f6
12) f6 — d5 +	c7 — d8	26) h6 — h5	d6 — d5
13) d5 — e7 °	f8 — e7 °	27) g3 — g4	f6 — f3

28) h5 — h6	c8 — f8	31) g5 — h6	e7 — f8
29) c1 — b2	f8 — f6	32) h6 — h8	f3 — e3°
30) h6 — g5	f6 — f7	33) c2 — c3	d4 — b5

Бѣлые въ 33-й ходъ не могутъ брать коня, не теряя ферзя.

- 34) a2 — a4   b5 — c3° и бѣ-
лые сдаются.
-

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(СТАТЬЯ 13-Я)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАЧАЛА ИГОРЬ.

ДЕБЮТЪ III.

КОРОЛЕВСКІЙ ГАМБИТЬ.

- 1) e2 — e4   e7 — e5
- 2) f2 — f4.

НЕПРИНЯТЫЙ ГАМБИТЬ.

Первая защита.

- 2) . . . . . d7 — d5
- 3) e4 — d5°   e5 — e4

Этотъ ходъ черныхъ составляетъ то, что называется Контръ-Гамбитомъ Фальбеера. Избѣжать его можно ходомъ 3. $\frac{d1-h5}{}$, тогда если 3. $\frac{d5-e4^{\circ}}{}$, то 4. $\frac{h5-e5^{\circ}+}{d8-e7}$, и игра равна.

- 4) d2 — d4   d8 — d5°

Удерживать пѣшку опасно: 4. $\frac{f1-b5+}{e7-c6}$ 5. $\frac{d5-c6^{\circ}}{b7-c6^{\circ}}$ 6. $\frac{b5-c4}{g8-f6}$
 7. $\frac{d2-d4}{b8-d7}$ (атака Стаунтона) 8. $\frac{g1-e2}{d7-b6}$ 9. $\frac{e4-b5}{c8-a6}$ 10. $\frac{0-0}{}$ (атака

Петрова) 10. $\frac{c6 - c5}{c6 - c5}$ (если $a6 - e2^\circ$, то: 11. $\frac{d1 - e2^\circ}{d8 - d4^\circ +}$

12. $\frac{c1 - e3}{d4 - d7}$ лучш. 13. $\frac{b1 - c3}{b1 - c3}$) 11. $\frac{c2 - c3}{f8 - d6}$ 12. $\frac{b4 - a4 +}{e8 - f8}$ игра равна.

5) c2 — c4	f8 — b4+
6) b1 — c3	d5 — a5
7) c1 — d2	g8 — f6
8) d1 — a4 +	a5 — a4°
9) c3 — a4°	b4 — d2°+
10) e1 — d2°	c8 — d7
11) a4 — c3	b8 — c6 игра равна.

Вторая защита.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{F2 - F4}{F2 - F4}$

2)	d7 — d6
3) f1 — c4 (Перем.)	b8 — d7
4) g1 — f3	d7 — b6
5) c4 — b3	g8 — f6
6) b1 — c3	c8 — g4
7) f4 — e5°	g4 — f3°
8) d1 — f3°	d6 — e5°

Или: 6. $\frac{f4 - e5^\circ}{f6 - e4^\circ}$ 7. $\frac{d1 - e2}{d6 - d5}$ 8. $\frac{c2 - e4}{e7 - c6}$ и въ обоихъ случаяхъ игра равна.

Перемѣна на 3-мъ ходѣ бѣлыхъ.

3) g1 — f3	c8 — g4	7) d2 — d4	g8 — f6
4) f1 — e2	g4 — f3°	8) f4 — e5°	d6 — e5°
5) e2 — f3°	b8 — d7	9) d4 — e5°	d7 — e5°
6) c2 — c3	f8 — e7	игра равна.	

Третья защита.

2) f2 — f4	f8 — c5	8) b4 — b5	c6 — e7
3) g1 — f3	d7 — d6	9) d2 — d4	e5 — d4°
4) c2 — c3	c8 — g4	10) c3 — d4°	d6 — d5
5) f1 — e2	g4 — f3°	11) e4 — e5	f7 — f5
6) e2 — f3°	b8 — c6	12) c1 — a3	игра бѣлыхъ лучше.
7) b2 — b4	c5 — b6		

ПРИНЯТЫЙ ГАМБИТЬ.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{F2 - F4}{E5 - F4^\circ}$

ГАМБИТЬ КОНЯ.

Игра 1-я.

3) g1 — f3	f7 — f5	9) h5 — e5+	d8 — e7
4) f1 — c4	f5 — e4 ^c	10) e5 — h8 ^c	e7 — g7
5) b1 — c3	e4 — f3 ^c	11) f1 — e1+	g8 — e7
6) d1 — f3 ^o	c7 — c6	12) h8 — g7 ^o	f8 — g7 ^o
7) 0 — 0	d7 — d5	13) c4 — d5 ^o	c6 — d5 ^o
8) f3 — h5+	g7 — g6	14) c3 — d5 ^c	бѣлые выигрываютъ.

Игра 2-я.

3)	d7 — d5
4) e4 — d5 ^o	f8 — d6
5) d2 — d4	g8 — f6
6) c2 — c4	0 — 0
7) f3 — e5	бѣлые выигрываютъ.

Игра 3-я.

Классическая защита.

- 3) . . . . . g7 — g5

Противъ этого хода употребительнѣйшихъ атакъ двѣ: одна состоитъ въ рокировкѣ, другая въ надвиганіи пѣшки h2 — h4.

Первая атака.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$	2. $\frac{F2 - F4}{E5 - F4^\circ}$	3. $\frac{G - F3}{G7 - G5}$	4. $\frac{F1 - C4}{E5 - F4^\circ}$
4)	f8 — g7(Перем:)	9) d1 — b3	d8 — e7
5) 0 — 0	d7 — d6	10) c1 — f4 ^o	g4 — f3 ^o
6) d2 — d4	h7 — h6	11) f1 — f3 ^o	c6 — d8
7) c2 — c3	b8 — c6	12) e4 — e5	d6 — e5 ^o
8) g2 — g3	g5 — g4	13) d4 — e5 ^o	c8 — e6
- и черные выигрываютъ.

- (Перем:) 4) . . . . . g5 — g4
 5) 0 — 0 g4 — f3°

(или А и В)

Пожертвование коня въ пятый ходъ составляетъ Гамбитъ Муцио.

- 6) d1 — f3° f8 — h6
 7) d2 — d4 b8 — c6
 8) b1 — c3 c6 — d4°
 9) f3 — h5 d4 — e6
 10) c1 — f4° h6 — f4°
 11) f1 — f4° g8 — f6 и черные выигра-
 ваютъ.

(А.)

- 5) d2 — d4 d7 — d5 10) b1 — c3 g7 — e5°
 6) c4 — d5° c7 — c6 11) d4 — e5° d8 — d1°+
 7) d5 — f7°+ e8 — f7° 12) a1 — d1° c8 — d7
 8) f3 — e5 + f7 — e8 13) d1 — d6 c6 — c5
 9) c1 — f4° f8 — g7 14) e5 — e6 и бѣлые выигра-
 ваютъ.

(В.)

- 5) b1 — c3 g4 — f3° 10) c1 — f4° d8 — f6
 6) d1 — f3° d7 — d5 11) 0—0—0 b8 — d7
 7) c3 — d5° f8 — d6 12) f4 — e5° f6 — f3°
 8) d2 — d4 c7 — c6 13) g2 — f3° d7 — e5°
 9) d5 — f4° d6 — f4° 14) d4 — e5° и бѣлые выигра-
 ваютъ.

Вторая атака.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{F2 - F4}{E5 - F4^\circ}$ 3. $\frac{G1 - F3}{G7 - G5}$ 4. $\frac{H2 - H4}{\quad}$

Можно двинуть эту пѣшку ходомъ позже, но тогда, какъ пока-
 залъ г. Янишъ, черные выиграютъ:

4. $\frac{f1 - c4}{f8 - g7}$ 5. $\frac{h2 - h4}{h7 - h6}$ 6. $\frac{d2 - d4}{d7 - d6}$ 7. $\frac{c2 - c5}{b8 - d7}$ 8. $\frac{d1 - b5}{d8 - e7}$ 9. $\frac{0-0}{d7 - b6}$
 10. $\frac{h4 - g5^\circ}{b8 - g5^\circ}$ 11. $\frac{f3 - g5^\circ}{b6 - e4^\circ}$ 12. $\frac{b5 - c4^\circ}{e7 - g5^\circ}$ 13. $\frac{f1 - f4^\circ}{c8 - h3}$.

Ходомъ 4. h2 — h4 образуется Гамбитъ Алгайера.

Лучшая защита.

4) . . . . . g5 — g4

5) f3 — e5 d8 — e7

Если 5. $\frac{f5 - g5}{h7 - h6}$, то: 5. $\frac{g5 - f7^0}{e8 - f7^0}$ 6. $\frac{f1 - c4}{d7 - d5} +$

8. $\frac{e4 - d5^0}{f7 - e8} +$ 9. $\frac{d2 - d4}{f4 - f5}$ 10. $\frac{g2 - f3^0}{f6 - e7}$ 11. $\frac{c1 - e3}{e7 - h4^0} +$ 12. $\frac{e1 - d2}{g8 - f6}$

13. $\frac{d5 - h3}{f6 - h5}$ и черные выигрываютъ.

Если же 5. $\frac{f1 - c4}{g4 - f3^0}$ то: 5. $\frac{d1 - f5^0}{h7 - h5}$ черные тоже выигрываютъ.

6) d2 — d4	d7 — d6	12) c3 — e2	g8 — f6
7) e5 — g4°	e7 — e4° +	13) g4 — f3	d6 — d5
8) d1 — e2	e4 — e2° +	14) g2 — g3	f6 — e4°
9) f1 — e2°	c8 — g4°	15) f3 — e4°	d5 — e4°
10) e2 — g4°	f8 — h6	16) c1 — f4°	h6 — f4°
11) b1 — c3	h8 — e6	17) g3 — f4°	0—0—0

игра равна.

Другая защита.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{F2 - F4}{E5 - F4^0}$ 3. $\frac{G1 - F3}{G7 - G5}$ 4. $\frac{H2 - H4}{G5 - G4}$

5. $\frac{F3 - E5}{D7 - D6}$

Эта защита слаба.

6) e5 — g4°	f8 — e7
7) d2 — d4	e7 — h4° +
8) g4 — f2	d8 — g5
9) d1 — f3	h4 — g3
10) b1 — c3	g8 — f6
11) c1 — d2	h8 — g8
12) 0—0—0	игра бѣлыхъ лучше.

Классическая защита, имѣющая цѣлью удержаніе гамбитной пѣшки, весьма слаба.

5)	h7 — h5
6) f1 — c4	h8 — h7
7) d2 — d4	f4 — f3

Если 7. $\frac{d8 - e8}{d8 - e8}$, то 8. $\frac{b1 - c5}{g8 - e7}$ 9. $\frac{c3 - b5}{b8 - a6}$ 10. $\frac{e5 - d3}{f8 - h6}$ 11. $\frac{b2 - b5}{e4 - e5}$.

- 8) $g2 - f3^\circ$ $d7 - d6$
 9) $e5 - d3$ $f8 - e7$
 10) $c1 - e3$ $e7 - h4^\circ +$
 11) $e1 - d2$ $g4 - f3^\circ$
 12) $d1 - f3^\circ$ $c8 - g4$
 13) $f3 - f4$ $b8 - d7$
 14) $b1 - c3$ $d7 - b6$
 15) $c4 - b3$ $h7 - g7$

16) $e4 - e5$. Этотъ ходъ, князя Д. Урусова, рѣшаетъ игру въ пользу бѣлыхъ.

16) . . . . . $h4 - g5$

Если $d6 - e5^\circ$, то $f4 - e5^\circ +$, а если $d6 - d5$, то $c3 - d5$.

17) $f4 - e4$ $g5 - e3^\circ +$

Если $d6 - e5^\circ$, то 18. $\frac{c4 - c5^\circ +}{d8 - e7}$ 19. $\frac{e5 - g5}{g7 - g5^\circ}$ 20. $\frac{e5 - e7^\circ +}{e8 - e7^\circ}$
 21. $\frac{a1 - e1 +}{e7 - f8}$ 22. $\frac{c3 - e4}{g5 - g7}$ 23. $\frac{d1 - f1}{g5 - g7}$.

18) $d2 - e3^\circ$ $d8 - g5 +$

Если $g8 - e7$, то 19. $\frac{e5 - d6^\circ}{d8 - d6^\circ}$ 20. $\frac{c3 - e4}{d6 - g6}$ 21. $\frac{d4 - e5}{d6 - g6}$.

- 19) $e4 - f4$ $d6 - e5^\circ$
 20) $d4 - e5^\circ$ $g8 - h6$
 21) $c3 - e4$ $h6 - f5 +$
 22) $e3 - f2$ $g5 - f4^\circ +$
 23) $d3 - f4^\circ$ $0 - 0 - 0$

24) $f4 - h5^\circ$ и бѣлый долженъ выиграть, какъ и во всѣхъ вышеприведенныхъ вариантахъ этой защиты.

Въ большомъ употребленіи нынѣ контръ - атака 5. $\frac{d8 - e8}{g8 - e8}$
 6. $\frac{f1 - c4}{d7 - d5}$; это пожертвованіе пѣшки даетъ сильную атаку чернымъ; но мы не думаемъ, чтобы ее нельзя было отразить съ ущербомъ для черныхъ. Напримѣръ:

7. $\frac{c4 - d5^\circ}{f8 - d6}$ 8. $\frac{d2 - d4}{f8 - h5}$ 9. $\frac{0 - 0}{d8 - h4^\circ}$ 10. $\frac{d1 - e1}{h4 - e1^\circ}$ 11. $\frac{f1 - e1^\circ}{e8 - e7^\circ}$, и т. д.

Гамбитъ Слона.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{F2 - F4}{E5 - F4}$ 3. $\frac{F1 - C4}{}$

Эта атака очень сильна; но и здѣсь, какъ въ предыдущей игрѣ, черные могутъ сравнять игру своевременнымъ пожертвованіемъ гамбитной пѣшки.

Лучшая защита

- 3) . . . . . g8 — f6
 4) d2 — d3 лучший ходъ d7 — d5
 5) e4 — d5° f6 — d5°

Или, что еще сильнѣе, 5. $\frac{g8 - f6}{e8 - d6}$ 6. $\frac{g1 - f3}{e8 - g4}$ 7. $\frac{0-0}{0-0}$ 8. $\frac{b1 - c3}{b8 - d7}$ и т. д.

- 6) d1 — e2 + f8 — e7
 7) c4 — d5° d8 — d5°
 8) e1 — f4° b8 — c6 игра равна.

Контръ-Гамбиты:

- 3) f1 — c4 f7 — f5 7) g1 — f3 h4 — h5
 4) d1 — e2 d8 — h4 + 8) b1 — c3 c7 — c6
 5) e1 — d1 f5 — e4° 9) h1 — e1 d7 — d5
 6) e2 — e4° + f8 — e7 10) c3 — d5° и выигрываютъ.

- 3) . . . . . d7 — d5 7) 0 — 0 f8 — d6
 4) c4 — d5° g8 — f6 8) d2 — d4 0 — 0
 5) g1 — f3 f6 — d5° 9) b1 — c3 d5 — f5
 6) e4 — d5° d8 — d5° 10) c3 — e2 съ лучшимъ положеніемъ.

Классическая защита.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{F2 - F4}{E5 - F4}$ 3. $\frac{F1 - C4}{D8 - H4 +}$

Теперь бѣлые должны выиграть.

- 4) e1 — f1 g7 — g5
 5) g3 — f3 h4 — h5

Атака b1 — c3 слаба:

5. $\frac{b1 - c3}{d7 - d6}$ 6. $\frac{d2 - d4}{g8 - e7}$ 7. $\frac{g1 - f3}{h4 - h5}$ 8. $\frac{h2 - h4}{f7 - f6}$ 9. $\frac{c4 - e2}{h5 - h6}$ 10. $\frac{f1 - g1}{h6 - g7}$

- 7) f1 — c4   e5 — d4[~]
8) c1 — g5   f7 — d7
9) g5 — f4   f8 — d6
10) e4 — e5 бѣлыя выигрываютъ.

(Продолженіе опредѣ.)

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ

№ 67.

Рѣшеніе этой проблемы отлагается еще на нѣкоторое время, по причинамъ, изъясненнымъ въ настоящемъ Листѣ на стр. 87.

№ 68.

- 1) f6 — c3   e6 — e5
2) c3 — a5^o   e5 — e4
3) a5 — d8 ✕

№ 69.

- 1) a5 — d2   d7 — d8
2) f7 — e6   d8 — e8
3) b5 — d6 + e8 — f8
4) d2 — h6 ✕

№ 70.

- 1) g3 — g2 + a7 — b7
2) g2 — g8 + a8 — a7
3) g8 — g1 + a7 — a8 (лучш. ходъ).
4) g1 — a1^o + b7 — a7
5) a1 — h1 + a7 — b7
6) h1 — h8 + a8 — a7
7) h8 — d4 + a7 — a8
8) d4 — a4 + b7 — a7
9) d7 — b6 + a8 — b8 (лучш. ходъ).
10) a4 — e8 + b8 — b7
11) e8 — c6 + b7 — a6
12) b6 — c4 + a7 — b6
13) c6 — b6^o ✕

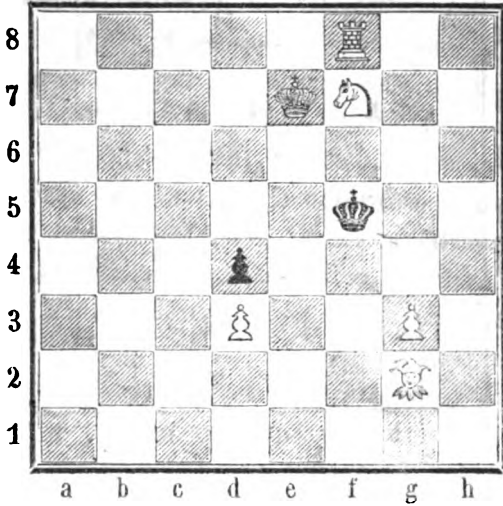

З А Д А Ч И.

№ 80.

К. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.

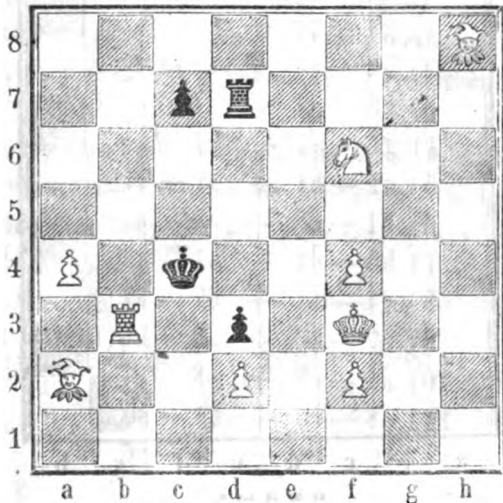
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 81.

Н. ВЛАСОВА (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

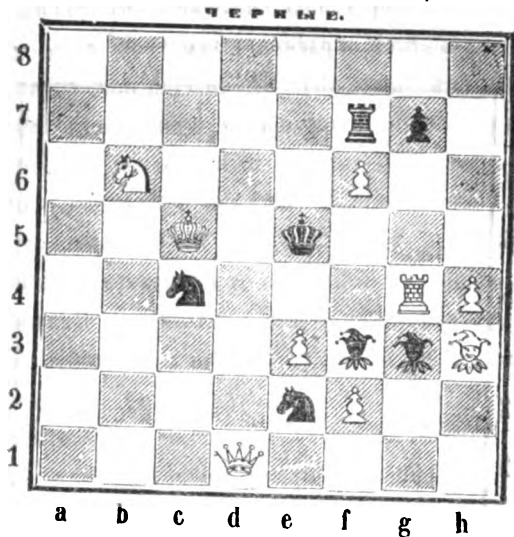

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 5 ходовъ.

№ 82.

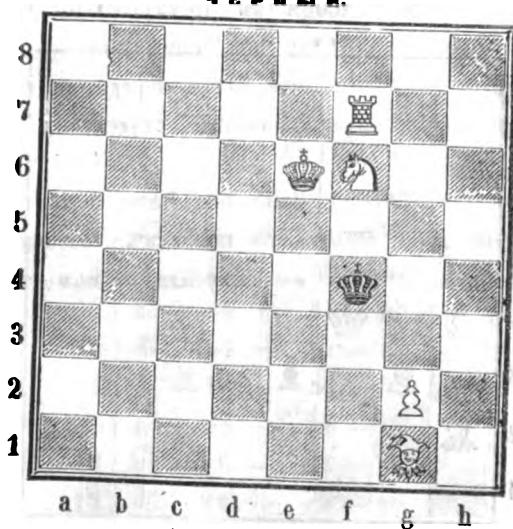
В. К. КНОРРЕ (въ Николаевѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 83.

К. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Борреспонденція. *М. П. Рог* — *ку* (въ Москвѣ). Согласно Вашему желанію, мы непремѣнно сообщимъ, въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Листка, правила шахматной игры вчетверомъ.

В. Ст—ху (въ Волжскѣ). Вы совершенно справедливо замѣчаете, что въ указанной Вами партіи, противникъ Стаунтона слишкомъ рано положилъ оружіе, и намъ конечно слѣдовало бы оговорить это въ примѣчаніи. — Пѣшка, достигшая восьмой полосы доски, можетъ быть превращена, по волѣ владѣющаго ею игрока; въ любого офицера, хотя бы онъ и находился еще въ игрѣ. Противное тому правило существуетъ только въ Италіи. Объ этомъ говорено было въ Шахматномъ Листкѣ за Октябрь 1859 года. — Когда одинъ изъ играющихъ даетъ своему противнику впередъ какого либо офицера, то этимъ нисколько не измѣняется расположеніе остальныхъ шашекъ. Правда, нѣкоторые любители имѣютъ обыкновеніе, давая впередъ ферзеву ладью, ставить, передъ началомъ партіи, пѣшку этой ладьи на клетку а3, но они могутъ дѣлать это не иначе, какъ по добровольному согласію противника. Партіи, помѣщенныя въ Листкѣ, игры были безъ такого дополнительнаго условія.

Г-ну *** (въ Москвѣ). Мы весьма признательны Вамъ, за доставленіе остроумной кинергани; она помѣщена въ настоящемъ Листкѣ. Позвольте надѣяться, что Вы и впредь будете сообщать намъ свѣдѣнія, о шахматныхъ подвигахъ студентовъ московскаго университета.

Г-ну Юк—ку (въ Умани). Замѣчаніе Ваше о партіи № 146, совершенно основательно. Объясненіе проблемъ, сообщенныхъ въ предыдущемъ Вашемъ письмѣ, мы получили и, можетъ быть, напечатаемъ ихъ со временемъ.

МОНТЕ-БЕНИ

РОМАНЪ

НАТАНИЕЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛИЙСКАГО).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

1861.

МОНТЕ-БЕНН.

РОМАНЪ

НАТАНИЮЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

ДРЕВНІЙ ЗАМОКЪ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Въ началѣ іюня скульпторъ Киніонъ пріѣхалъ въ замокъ Донателло, находившійся въ сторонѣ отъ обыкновеннаго пути туристовъ.

Съ наступленіемъ лѣта Римъ лишается значительной части своего иноземнаго населенія, которое толпами отправляется въ Швейцарію, на Рейнъ или на родину. Артистъ, намѣревающийся на зиму снова возвратиться въ Римъ, ѣдетъ въ итальянскія провинціи рисовать народныя сцены. Онъ изучаетъ древнія школы искусства въ городахъ, гдѣ онѣ возникли, гдѣ еще можно найти на стѣнѣ какой нибудь церкви фрески Джіотто или Чимабуе, и увидѣтъ въ полутемной капеллѣ картину Перуджино, тщательно закрытую отъ взоровъ постоянныхъ мошельщиковъ. Иные проводятъ лѣтній сезонъ въ галлерейхъ Флоренціи и Венеціи.

Киніонъ не послѣдовалъ за общимъ потокомъ, рѣшившись посвятить лѣто своему другу Донателло. Еще за нѣсколько миль съ высо-

*

ты увидѣлъ Кинионъ старинную виллу или замокъ, расположенный среди обширной равнины. Но когда онъ спустился съ высоты, замокъ скрылся между неровными холмами, пока наконецъ извилистая дорога не привела путника къ желѣзнымъ воротамъ, запертымъ на замокъ. Подъ рукою не было ни колокольчика, ни даже какого нибудь желѣзнаго молотка, которымъ можно было бы дать знать о прибытіи посѣтителя; оставалось кричать. Но пока отворились ворота, Кинионъ имѣлъ достаточно времени разсмотрѣть наружность наслѣдственнаго жилища своего друга.

Посреди зданія подымалась высокая, массивная четырехугольная башня, обросшая желтымъ мхомъ, что между прочимъ доказывало ея древность. По всей высотѣ башни въ беспорядкѣ разбросано было нѣсколько оконъ; въ нижнихъ чертѣли массивныя желѣзныя рѣшетки, между тѣмъ какъ въ верхнихъ не было даже обыкновенныхъ рамъ. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ видѣлись четырехугольныя отверстія, служившія вѣроятно для освѣщенія лѣстницы, которая, безъ сомнѣнія, висѣла внутри по стѣнѣ и вела къ самой вершинѣ башни. Эти бойницы придавали всей постройкѣ воинственный характеръ, и можно было думать, что въ давноминувшія времена изъ нихъ выпущена была не одна стрѣла.

Вправо и влѣво отъ башни тянулось зданіе, определенное повидимому для жилья, построенное уже въ новѣйшемъ вкусѣ. Надъ одною дверью Кинионъ замѣтилъ крестъ, который вмѣстѣ съ колоколомъ, повѣшеннымъ подъ крышкою, указывалъ, что здѣсь помѣщалась домашняя церковь.

Нестерпимый жаръ заставилъ Киниона повторить восклицаніе, и черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ фигуру, свѣсившуюся изъ амбразуры.

— Го! синьоръ графъ! вскричалъ Кинионъ, — прикажите вашему привратнику отворить ворота!

— Я самъ отворю, отвѣчалъ Донателло. Старый Томасо и Стелла теперь вѣроятно спятъ, а всѣ остальные на работѣ въ виноградникѣ. Я васъ ждалъ, давно ужъ ждалъ!

Съ этими словами молодой графъ скрылся и Кинионъ потомъ видѣлъ его фигуру, мелькавшую въ окнахъ и амбразурахъ, когда отъ бѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Когда ворота открылись, скульпторъ замѣтилъ въ Донателло большую перемену: онъ сдѣлался важнѣе, степеннѣе и совершенно утратилъ прежнюю живость, отличавшую его отъ обыкновенныхъ людей. Всегда полуоткрытыя губы его сжались, щеки поблѣднѣли и глаза впали.

— Я ждалъ васъ давно, сказалъ Донателло, спокойнымъ голосомъ; но улыбка, освѣтившая его лицо, доказывала, что онъ дѣйствительно

радовался приѣзду Киниона. — Я очень, очень радъ! Здѣсь я совершенно одинъ.

— Я ѣхалъ къ вамъ медленно, отвѣчалъ Кинионъ, сѣдая съ лошади; мнѣ приходилось нѣсколько разъ сворачивать съ дороги, иногда даже возвращаться назадъ; по дорогѣ я осмотрѣлъ нѣсколько церквей и монастырей. Какая у васъ прекрасная башня! Я думаю, она играла не послѣднюю роль въ исторіи итальянскихъ республикъ?

— Я почти ничего не знаю объ этихъ исторіяхъ, отвѣчалъ графъ, взглянувъ вверхъ; но я очень благодаренъ моимъ предкамъ, что они построили такую высокую башню; теперь я почти всегда въ ней сижу.

— Жаль, что вы не астрономъ, замѣтилъ Кинионъ. Эта башня выше галилеевой, которую я видѣлъ недѣлю или полторы тому назадъ.

— Астрономъ! Я дѣйствительно астрономъ, отвѣчалъ Донателло. Я сплю въ башнѣ и часто очень поздно сижу тамъ наверху. Тутъ есть лѣстница, которая ведетъ къ самой верхушкѣ, и рядъ комнатъ. Когда-то эти комнаты были темницами; объ этомъ вамъ Томасо лучше расскажетъ.

— Я очень охотно буду сидѣть вмѣстѣ съ вами, сказалъ гость; особенно въ лунныя ночи. Я думаю, что перспектива этой равнины должна быть прекрасна. Но я вовсе не зналъ, что здѣсь, въ вашей странѣ, господствовали такіе воинственные обычаи. Я воображалъ, что люди здѣсь всегда вели тихую, спокойную жизнь и всегда спали глубокимъ сномъ, не помышляя ни о войнѣ, ни о плѣнникахъ.

— Я прежде дѣйствительно такъ жилъ, какъ былъ моложе, отвѣчалъ графъ важно. Теперь я не мальчикъ; время идетъ и все измѣняется.

Скульпторъ невольно улыбнулся при этомъ замѣчаніи, которое, не смотря на простоту тона, было какъ-то оригинально въ устахъ Донателло; казалось, онъ теперь считалъ себя фактически причисленнымъ къ остальному человѣчеству.

Во время этого разговора они вошли въ широкій дворъ, откуда открылась вся вилла со своими мрачными, многочисленными балконами, и примыкающая къ ней густая роща.

— Въ старину ваши предки вели патриархальную жизнь въ этомъ огромномъ домѣ, замѣтилъ Кинионъ.

— Да; когда-то въ немъ жило много народу; а теперь я одинъ; вся моя дворья состоитъ изъ трехъ человѣкъ: Томасо, который былъ дворецкимъ еще при моемъ дѣдѣ, Стеллы, которая мететъ и убираетъ

комнаты, и повара Джироламо. Надобно однакожь поставить вашу лошадь въ конюшню.

Графъ крикнулъ очень громко, но никто не являлся; онъ долженъ былъ нѣсколько разъ повторить восклицаніе, пока въ окнѣ появилась сѣдая голова старой женщины; а черезъ нѣсколько минутъ изъ-за угла дома вышелъ такой же сѣдовласый дворецкій съ загорѣвшимъ на солнцѣ мальчикомъ, который повидимому работалъ въ виноградникѣ. Донателло далъ каждому изъ нихъ какое нибудь занятіе и повелъ своего гостя въ домъ.

Они вошли въ высокую четырехугольную переднюю, которая своею массивностью походила на этрусскую гробницу; полъ и стѣны ея, сведенныя въ такія же массивныя своды, состояли изъ огромныхъ кусковъ камня. Съ двухъ сторонъ находились двери, за которыми слѣдовали длинныя ряды покоевъ; съ третьей стороны поднималась широкая, также массивная лѣстница, ведшая во второй этажъ дома, столь же обширный, какъ нижній. Сквозь одну дверь Кинионъ увидѣлъ перспективу комнатъ, напомнившую ему безконечныя ряды залъ сказочнаго дворца Тысячи и Одной ночи, и онъ согласился въ душѣ, что, живя одиноко въ этомъ домѣ, дѣйствительно можно впасть въ меланхолію.

— И здѣсь нѣтъ ни одного женскаго лица! воскликнулъ онъ, обращаясь къ Донателло.

Но глаза Донателло смотрѣли угрюмо и печально и придавали молодому лицу его такое выраженіе, какъ будто бы онъ пережилъ тридцать лѣтъ нравственныхъ мученій. Въ это время въ одной двери появилась Стелла, единственная представительница своего пола въ Монте Бени.

— Пойдите, сказалъ графъ. Я вижу, что вы нашли мой домъ очень мрачнымъ. Теперь я то же нахожу; но въ дѣтствѣ онъ мнѣ очень нравился. Въ старину, мнѣ рассказывали, здѣсь жили всѣ и близкіе и дальніе родственники; здѣсь жило много людей, привязанныхъ другъ къ другу родственною любовью.

— Чтобъ оживить этотъ домъ, достаточно было бы и двухъ людей, связанныхъ такою любовью, возразилъ Кинионъ. Одному здѣсь должно быть очень скучно. Но я думаю, у васъ должны быть еще родственники?

— Нѣтъ, я послѣдній, отвѣчалъ Донателло. Они всѣ перемерли, еще когда я былъ ребенкомъ. Томасо можетъ вамъ рассказать, что воздухъ Монте Бени въ послѣднее время не такъ благопріятствовалъ здоровью, какъ въ старину. Но впрочемъ быстрое исчезновеніе моего рода не секретъ.

— Стало быть, вы знаете другую, болѣе основательную причину? возразилъ Кинионъ.

— Я предполагаю одну; она пришла мнѣ въ голову, какъ я сидѣлъ наверху и смотрѣлъ на звѣзды, отвѣчалъ Донателло. Но, извините меня, я не знаю, какъ мнѣ вамъ рассказать... Видите-ли, у моихъ предковъ было обыкновеніе и множество средствъ веселить и себя и своихъ гостей. Теперь у насъ осталось только одно!

— Какое?

— А вотъ вы увидите, отвѣчалъ молодой хозяинъ и повелъ своего гостя въ салонъ, куда послѣдовала за ними старая Стелла. Получивъ отъ графа нѣсколько приказаній, старушка вскорѣ возвратилась въ залъ съ большимъ подносомъ, на которомъ находился отлично приготовленный омлетъ, вишни, виноградъ, абрикосы и превосходныя винныя ягоды. Вслѣдъ за нею явился старый дворецкій.

— Томасо, принеси намъ солнечнаго свѣта, сказалъ графъ.

Это странное приказаніе объяснилъ Томасо, принесшій небольшую бутылку, обвернутую въ солому. Онъ откупорилъ бутылку, вложилъ въ нее клочокъ хлопчатой бумаги, которая впитала въ себя оливковое масло, предохраняющее драгоценную жидкость отъ вреднаго дѣйствія воздуха, и поставилъ ее на столъ.

— Это вино, сказалъ графъ. Секретъ приготовления его въ теченіе многихъ столѣтій принадлежитъ нашему роду; и украсть его никто не можетъ, развѣ украдетъ и самыя виноградники, потому что только на нашей землѣ можетъ родиться такой виноградъ. отвѣдайте и скажите, достойно-ли оно своего имени? Его то я зовутъ солнечнымъ свѣтомъ. Попробуйте, говорилъ Донателло, наполняя стаканъ гостя и наливая себѣ. Но прежде понюхайте, какой запахъ!

— Прекрасно! сказалъ Кинионъ. Ни одно вино не имѣетъ такого пріятнаго запаха. Если оно и на вкусъ также хорошо, такъ это чудо!

— Прекрасное вино! вскричалъ Кинионъ, отпивъ изъ стакана. Я еще никогда не пилъ ничего подобнаго. Я полагаю, что такая бутылка можетъ стоить не менѣе скудо. Еслибъ вы продавали его, вы сдѣлались бы милліонеромъ.

— Продавать нельзя, синьоръ, вмѣшался старый Томасо, наблюдавшій Киниона съ такимъ видомъ, какъ будто бы похвалы относились къ нему. Нельзя продавать, синьоръ; еще когда я былъ очень молодымъ человекомъ, старики говорили, что пропадетъ совсѣмъ наше вино, если мы станемъ продавать его. Графы Монте Бени никогда не отдали за деньги ни одной бутылки. Я помню, какъ здѣсь принимали они герцоговъ, кардиналовъ, однажды даже императора и

пану; они пили здѣсь это вино, но никто изъ нихъ не можетъ купить его. И кромѣ того, сиборъ, это вино хорошо только дома; если его перевезти куда нибудь, хоть недалеко, оно дѣлается совершенно кисло.

— Вы однакожь не ждите, пейте ваше вино, прервалъ графъ; оно очень скоро выдыхается.

Послѣ закуски Кинионъ сталъ разсматривать античную залу, въ которой они сидѣли. Она отличалась, какъ прочія видѣнныя имъ части замка, массивностью и тяжелой архитектурой. Огромныя колонны поддерживали своды, перекрещивавшіеся между собою. Стѣны были покрыты фресками, которыя когда-то служили дѣйствительнымъ украшеніемъ; но теперь они были уже стары, краски поблекли, мѣстами видна была бѣлая штукатурка, такъ что на нихъ едва едва обрисовывались фигуры Бахуса, пана и другихъ мифологическихъ существъ.

— Судя по изображеніямъ, надо полагать, что эта зала была банкетной, сказалъ Кинионъ.

— Да, здѣсь еще на моей памяти давали пиры нѣсколько разъ, отвѣчалъ Донателло, важно глядя на разрисованныя стѣны. Какъ видите, въ Монте Бени были средства веселиться. Я помню, когда и бывалъ веселъ, эти фрески смотрѣли тоже веселѣе; мнѣ кажется, они стали такъ печальны только съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ Рима.

— Было бы вовсе не дурно, замѣтилъ Кинионъ въ томъ своему собесѣднику, если бы вы эту залу обратили въ часовню; и когда проведѣнникъ сталъ бы говорить своимъ слушателямъ о непрочности земнаго счастья, эти фрески лучше всего могли бы пояснить его идею.

— Это правда, отвѣчалъ графъ; я думаю, что дѣйствительно алтарю прилично стоять тамъ, гдѣ прежде веселились; грѣшный человекъ всего искреннѣе можетъ покаяться при такой обстановкѣ.

— Я долженъ буду сожалѣть о томъ, что одѣлалъ такое предложеніе, сказалъ Кинионъ, замѣтивъ, что его слова произвели тяжелое впечатлѣніе на Донателло. Вы слушаете меня своими аскетическими предположеніями. Если вы позволите мнѣ совѣтовать вамъ, прибавилъ онъ, то я вамъ совѣтовалъ бы молиться и каяться столько же, какъ и всѣ другіе люди.

Донателло не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ неподвижно; и, казалось, съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ фигуру, которая повторялась на всѣхъ фрескахъ и служила связью между ними; но всей вѣроятности, они имѣли какое нибудь аллегорическое значеніе, которое разгадать въ настоящее время не было возможности. Кинионъ посмотрѣлъ

туда же, и ему показалось, что эта фигура походила на самого Донателло. Это обстоятельство напомнило ему одну из целей прибытия его в Монте Бени.

— Послушайте, любезный графъ, сказалъ онъ, я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе. Позвольте мнѣ здѣсь на досугѣ сдѣлать вашу бюсть. Помните, мы все — т. е. Гильда, Мириамъ и я — мы были поражены вашимъ сходствомъ съ фавномъ Праксителя. Но теперь, когда я всматриваюсь въ ваше лицо, я нахожу, что это сходство вовсе не такъ поразительно. Ваша бюсть былъ бы для меня сокровищемъ. Вы мнѣ позволите?

— У меня есть слабость, отвѣчалъ графъ, не глядя на скульптора, которую едва ли я въ состояніи буду преодолѣть; мнѣ какъ то страшно сметрѣть на себя.

— Я замѣтилъ это теперь, возразилъ скульпторъ; но это только нервное раздраженіе; оно пройдетъ со временемъ, и не можетъ быть препятствіемъ въ этомъ случаѣ. Я постараюсь сохранить и черты и выраженіе ваше собственное, что будетъ гораздо лучше.

— Извольте, я согласенъ, сказалъ Донателло, все еще глядя въ другую сторону; сдѣлайте мой бюсть; но только я васъ предупреждаю вамъ это будетъ очень трудно, потому что я и не хотѣлъ бы, но не могу не избѣгать чужихъ глазъ. Кромѣ того, прибавилъ онъ съ улыбкою, вы не должны открывать моихъ ушей.

— О, можете быть покойны; я и не думалъ объ этомъ, отвѣчалъ скульпторъ смѣясь. Я помню, какъ рѣшительно вы отказали Мириамъ показать ваши уши.

При имени Мириамъ Донателло дико взглянулъ на скульптора; въ его глазахъ выражался и гнѣвъ, и ужасъ, и недоумѣніе, какъ въ глазахъ звѣря, преслѣдуемаго охотникомъ, который, выбѣжавъ изъ дѣсу, озирается кругомъ, не зная, куда броситься. Послѣдовала довольно продолжительная пауза, въ теченіе которой онъ видимо старался овладѣть собою.

— Вы произнесли ея имя, сказалъ онъ наконецъ, измѣнившимся голосомъ; скажите мнѣ все, что вы о ней знаете.

— Я знаю очень не много, что вѣроятно вы сами знаете, отвѣчалъ скульпторъ. Она уѣхала изъ Рима почти въ одно время съ вами. Дня черезъ два послѣ нашей встрѣчи въ церкви капуциновъ я заходилъ въ ея мастерскую — но ея уже не было. Куда она уѣхала, не знаю.

Донателло больше не спрашивалъ.

Наконецъ они встали изъ-за стола и пошли бродить по окрестностямъ; но разговоръ между ними не ввязался.

Вечеромъ Кинионъ отъправился въ отведенную для него комнату, которая, вѣроятно, въ теченіе пяти или шести столѣтій была мѣстомъ рожденія и смерти многихъ поколѣній графовъ Монте Бени. Здѣсь почти съ восходомъ солнца разбудила его криками своими толпа нищихъ, собравшихся на небольшой площадкѣ, на которую выходили окна спальни Киниона, и протягивавшихъ руки за подаваніемъ къ окнамъ сосѣднихъ комнатъ. Кинионъ видѣлъ, какъ всѣ они поочередно получали подаваніе и уходили.

— Кто эта благотворительная душа? подумалъ онъ. Донателло спитъ наверху, въ башнѣ; а кромѣ меня здѣсь, кажется, нѣтъ никого.

Хотя старинныя итальянскія виллы такъ обширны, что въ нихъ каждый посѣтитель можетъ имѣть особое помѣщеніе, но сколько было извѣстно Киниону, онъ былъ единственный гость въ замкѣ Монте Бени.

Въ слѣдующіе дни скульпторъ часто находилъ возможность бесѣдовать съ старымъ дворецкимъ и узналъ отъ него нѣсколько любопытныхъ подробностей о фамиліи графовъ Монте Бени. Они принадлежали безспорно къ числу древнѣйшихъ итальянскихъ фамилій. Писанная генеалогія, а гдѣ она прерывалась, тамъ преданія уносили начало этого рода ко временамъ доисторическимъ, къ эпохѣ Этрусковъ, почему значительное число древнихъ представителей его необходимо почитать мифами. Эти мифическія лица, говорило преданіе, положили основаніе башни, половина которой отъ времени опустилась въ землю и образовала подземные апартаменты, гдѣ впоследствии стали хранить знаменитое семейное вино.

Воображеніе скульптора заняла преимущественно одна легенда, очень странная и невѣроятная, но дававшая нѣкоторую возможность объяснить сходство Донателло съ фавномъ Праксителя, которое, какъ помнить читатель, поразило друзей нашего героя. По словамъ этой легенды, фамилія Монте Бени ведетъ свое начало отъ племени Пелазговъ, которое будто бы было первобытными обитателями Италіи, въ тѣ времена, когда боги и полубоги были на землѣ обыкновеннымъ явленіемъ и смѣшивались съ людьми, какъ съ равными себѣ существами, а рощи и лѣса были населены фавнами, сатирами и другими мифическими созданіями. Родоначальникомъ ея было существо, имѣвшее многія человѣческія свойства, но не вполне человѣкъ, какое-то полудѣйствительное, полужантасическое созданіе, обитавшее въ лѣсахъ, влюбившееся въ смертную дѣву. Эта сказочная чета вела счастливую супружескую жизнь подъ тѣнью деревъ, покрывавшихъ холмы сосѣдніе съ замкомъ Монте Бени, а потомство ея уже заняло мѣсто между

обыкновенными людьми. Хотя потомъ черты родоначальника и сглаживались въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи, однакожь остались нѣкоторыя и нравственныя и физическія свойства, которыя даже въ послѣднемъ представителѣ этого рода напоминали фавна.

Не знаешь, вѣрилъ-ли Кинионъ этимъ рассказамъ, но онъ слушалъ ихъ съ большимъ участіемъ. Старый Томасо рассказывалъ съ увлеченіемъ и гордостью; но и то и другое исчезало, когда рѣчь касалась молодого графа; онъ качалъ головою и тяжело вздыхалъ, такъ, что Кинионъ однажды рѣшился спросить его, не замѣтилъ-ли онъ какой либо переѣмъ въ своемъ молодомъ господинѣ.

— О, да, отвѣчалъ старикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ графъ возвратился изъ этого несчастнаго города, его узнать нельзя. Я не разъ видѣлъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ задумавшись и вздыхаетъ; я не видалъ, чтобъ который нибудь графъ Монте Бени со слезами на глазахъ сидѣлъ за стаканомъ нашего вина. Я и самъ плачу, глядя на него. Да ужъ теперь все какъ-то печально стало на свѣтѣ.

— Развѣ прежде было веселѣе? спросилъ Кинионъ.

— Конечно, синьоръ, гораздо веселѣе, и графы тогда были тоже люди все веселые. Еще когда я былъ ребенкомъ, мнѣ рассказывалъ дѣдушка, про одного графа, очень веселаго человѣка; онъ выходилъ обыкновенно вечеромъ въ садъ и, говорятъ, собирались къ нему какія-то дѣвушки изъ фонтановъ и изъ кустовъ и онъ танцевалъ съ ними. Я готовъ присягнуть, что это правда. Гдѣ теперь найти такихъ людей!

— Да, такихъ ужъ нынче нѣтъ, подтвердилъ скульпторъ. Твоя правда, Томасо; скучно теперь на свѣтѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ успокоительнымъ тономъ, надо надѣяться, что графъ со временемъ по-прежнему станетъ веселъ. Можетъ быть, онъ влюбится, женится, тогда все пойдетъ иначе, и самый домъ повеселѣетъ. Тогда все будетъ лучше, какъ думаешь?

— Можетъ быть, лучше, синьоръ, отвѣчалъ дворецкій, серьезно глядя на своего собесѣдника, — а можетъ быть хуже.

Скульптору показалось, что старикъ не досказалъ своей мысли; однакожь онъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія, позволилъ ему уйти и не видѣлъ его до самаго обѣда, когда тотъ снова явился съ отборною бутылкою вина.

Сказать правду, золотое вино не составляло необходимаго условія, чтобы жизнь Монте Бени могла быть пріятною. Жаль только было, что самъ хозяинъ всегда казался грустнымъ и задумчивымъ, и если иногда по вечерамъ и бывалъ веселъ, то на утро обычная меланхолія снова возвращалась къ нему. Не смотря на то время отъ времени старая вилла оживлялась появленіемъ то странствующихъ музыкантовъ,

вокруг которых собиралось все ея населеніе, то импровизатора, повторявшаго старинныя повѣсти въ стихахъ, то фокусниковъ, приводившихъ въ восторгъ и недоумѣніе безхитростныхъ старцевъ и дѣвушекъ, работавшихъ на фермѣ. Но самъ графъ рѣдко бывалъ въ числѣ слушателей или зрителей. Нищія аккуратно каждое утро являлись подъ окнами и даже располагались на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы; имъ давали ѣсть, пить, снабжали мелкою монетою, и они уходили, осыпая благословеніями добраго хозяина, и молясь за души его предковъ. Но добродушный филантропъ, наперекоръ ихъ молитвамъ, оставался по прежнему мраченъ и задумчивъ и по прежнему сидѣлъ на своей башнѣ.

ГЛАВА II.

Миѣы.

Нельзя сказать, чтобы присутствіе Киніона не доставляло графу никакого развлеченія. Они часто и долго бродили вдвоемъ по окрестнымъ холмамъ и рошамъ. Донателло водилъ своего друга показывать тѣ мѣста, которыя ему особенно нравились, съ которыми познакомился еще въ дѣтствѣ. Киніону нерѣдко представлялись живописные пейзажи, прелести которыхъ въ равной степени содѣйствовали и природа и искусство. Во время этихъ прогулокъ онъ могъ замѣтить, что спутникъ его находилъ особенную прелесть въ дикихъ, заросшихъ пустынныхъ мѣстахъ, куда едва проникалъ лучъ солнца.

Изъ такихъ уголковъ Киніону понравился преимущественно одинъ. То была узкая, густо поросшая деревьями долина между двумя холмами, примыкавшая къ обширной плодоносной равнинѣ. Здѣсь изъ почвы пробивался обильною, прозрачною струею источникъ, падавшій потомъ съ значительной высоты въ мраморный бассейнъ, покрытый мхомъ. У самаго паденія среди густой растительности, на мшистомъ пьедесталѣ стояла нимфа и видно было, что когда-то, быть можетъ, уже очень давно, вода изливалась въ бассейнъ изъ ея урны; но теперь въ этой урнѣ была трещина и бѣдной нимфѣ осталось только слѣдить за быстрою струею, обдающею ее брызгами и быстро уносящеюся вдаль.

— Это было всегда мое любимое мѣсто, сказалъ Донателло. Здѣсь я бывалъ очень счастливъ, когда былъ мальчикомъ.

— А теперь, возмужавъ, вы конечно не можете находить такого наслажденія, какое находили тогда, возразилъ Кинионъ. Сколько я васъ понимаю, вы одарены большою общительностью и потому это мѣсто не можетъ быть для васъ привлекательно; оно располагаетъ къ сосредоточенности. Здѣсь можетъ находить удовольствіе мечтатель, поэтъ, который населилъ бы его существами, созданными его воображеніемъ.

— Я не поэтъ, отвѣчалъ Донателло; но у этого ручья, возлѣ этой нимфы, я всегда бывалъ счастливъ. Говорятъ, будто мой праотецъ фавнъ привелъ сюда дѣвушку, въ которую онъ влюбился и жилъ здѣсь съ нею.

— Это очень хорошая сказка, возразилъ скульпторъ.

— Почему же сказка? спросилъ Донателло простодушно. Съ этимъ мѣстомъ связана и другая исторія, очень печальная. Если бъ могъ, я рассказалъ бы вамъ ее, и увѣренъ, она васъ заинтересовала бы непремѣнно.

— О, пожалуйста, рассказывайте! Въ этихъ старыхъ легендахъ иногда гораздо больше красотъ, чѣмъ въ любой новѣйшей поэзіи.

И молодой графъ рассказалъ легенду объ одномъ изъ своихъ предковъ, жившемъ за сто или тысячу лѣтъ — этого онъ навѣрное не зналъ, — который познакомился съ прекраснымъ существомъ, обитавшимъ въ этомъ потокѣ. Какими свойствами обладало это существо — неизвѣстно: о немъ только и знали, что вся его душа и жизнь была какими-то таинственнымъ, непонятнымъ образомъ слиты съ струями потока. Вѣроятно, то была водная нимфа; она любила молодого рыцаря — такъ называлъ Донателло своего предка, потому что, какъ говоритъ преданіе, онъ принадлежалъ къ родственной ей породѣ существъ. Но какъ бы то ни было, между нимфою и юношею съ косматыми ушами существовали самыя дружественныя отношенія. Она научила его, какъ вызывать ее, и они вмѣстѣ проводили здѣсь много счастливыхъ часовъ, особенно въ жаркіе лѣтніе дни. Часто, когда юноша ожидалъ нимфу, сидя на берегу, она обдавала его свѣжимъ крупнымъ дождемъ; иногда онъ наклонялся къ потоку и лишь только губы его прикасались къ водѣ, онъ чувствовалъ прикосновеніе ея холодныхъ, свѣжихъ устъ.

— Такъ онъ находилъ здѣсь самый холодный пріемъ, сказалъ скульпторъ, не скрывая ироніи.

— Вы, кажется, смѣетесь надъ моею исторіей; возразилъ Донателло тономъ, въ которомъ нельзя было не замѣтить негодованія; я ничего не нахожу въ ней смѣшнаго.

Кинионъ постарался успокоить своего страннаго друга, и тотъ про-

должалъ. Дружескія отношенія между рыцаремъ и нимфою оставались неизмѣнными очень долго. Однажды вечеромъ онъ пришелъ скорыми шагами къ ручью и началъ звать нимфу, но, вѣроятно, голосъ его измѣнился — она не являлась и не отвѣчала ему. Онъ бросился къ водѣ, началъ мыть руки, мочить лобъ и лицо, но они оставались сухими и горячи, какъ прежде.

Донателло замолчалъ.

— Отчего же это случилось? спросилъ Киніонъ.

— Оттого, что онъ хотѣлъ смыть съ своихъ рукъ пятна крови, отвѣчалъ графъ голосомъ, въ которомъ слышался неподдѣльный ужасъ. Преступный человѣкъ осквернилъ чистую воду. Нимфа, можетъ быть, могла утѣшить его въ горѣ и несчастіи, но не могла освободить его совѣсть отъ угрызений.

— И послѣ того онъ ужъ ея не видѣлъ? спросилъ Киніонъ.

— Никогда, отвѣчалъ Донателло; только на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ мылъ руки, осталось кровавое пятно. Онъ всю жизнь плакалъ о ней; лучшимъ скульпторамъ заказывалъ статуи ея, но ни одинъ не могъ представить ее веселой и счастливой, какою онъ ее помнилъ; исторія, которую онъ имъ рассказывалъ, производила на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что всѣ статуи, не смотря на ихъ усилія, казалось, плакали, вотъ какъ эта.

— Вы говорите, что она ужъ никому не являлась, сказалъ Киніонъ, помолчавъ. Мнѣ кажется, что вы могли бы ее вызвать.

— Я часто звалъ ее, бывши еще ребенкомъ, отвѣчалъ Донателло; но, благодаря Бога, она не являлась.

— Такъ и вы тоже ей не видѣли?

— Никогда; хотя здѣсь я бывалъ очень часто и имѣлъ тутъ много друзей. Въ дѣтствѣ я былъ знакомъ съ разными существами, живущими въ лѣсу. Вы смѣялись бы надо мною, если бъ увидѣли меня между ними. Не могу вамъ сказать, какъ я научился ихъ звать; но мнѣ стоило закричать особымъ голосомъ на расщѣвъ и ко мнѣ приходили лѣсные жители и, кажется, понимали все, что я говорилъ.

— Да, я слышалъ о такой способности, замѣтилъ скульпторъ, но мнѣ никогда не случалось встрѣчать людей, одаренныхъ ею. Попробуйте позвать, а чтобъ не испугать вашихъ друзей, я спрячусь въ чашу кустарника и буду только смотрѣть на нихъ.

— Едва-ли они узнаютъ теперь мой голосъ, отвѣчалъ Донателло. Я очень возмужалъ и перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ призывалъ ихъ послѣдній разъ.

Однакожь онъ согласился. Киніонъ отошелъ въ сторону и черезъ нѣсколько минутъ услышалъ дикое завываніе, не лишнее нѣкотораго

рода гармоніи; оно становилось громче, яснѣе, и что-то трогающее, преклоняющее звучало въ немъ. Скульптору показалось, что онъ слышалъ первобытный языкъ человѣка, который живетъ еще одною жизнію съ окружающимъ міромъ. Между тѣмъ голосъ Донателло то поднимался до самыхъ высокихъ нотъ, то опускался и совершенно затихалъ на нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ онъ прислушивался; но ни одинъ отвѣтный звукъ не долеталъ до его уха. Онъ снова принимался звать; но въ звукахъ его слышалось уже нетерпѣніе и горестъ. Онъ вышелъ изъ-за куста, скрывавшаго отъ него небольшую поляну, по которой разбѣгался ручей, но тамъ было пусто, только на пескѣ у воды неподвижно лежала бурая ящерица.

— Что съ вами? вскричалъ Киніонъ, когда возвратился Донателло, котораго онъ не переставалъ наблюдать изъ своей засады.

— Смерть! смерть! рыдалъ несчастный графъ. Они все знаютъ!

Онъ бросился на траву и далъ волю своему чувству; слезы лились по его блѣднымъ щекамъ и грудь надрывалась отъ рыданій. Напрасно Киніонъ старался успокоить его, обратить его вниманіе на дѣйствительность; онъ не слушалъ его словъ и только твердилъ: «они знаютъ! они все знаютъ!»

— Кто знаетъ? спрашивалъ скульпторъ. Что знаютъ?

— Они знаютъ, повторялъ Донателло. Они бѣгутъ отъ меня! Вся природа бѣжитъ отъ меня. Я проклять, они боятся меня!

— Успокойтесь, мой другъ, говорилъ Киніонъ, ставъ воалѣ него на колѣна. Вы раздражены и Богъ знаетъ, что воображаете. Какое проклятіе! Можетъ быть мое присутствіе пугаетъ вашихъ друзей.

— Теперь они ужъ не друзья мои, возразилъ Донателло.

— Мы всѣ удаляемся все болѣе и болѣе отъ природы по мѣрѣ того, какъ становимся старше, продолжалъ скульпторъ. Этими мы платимъ за опытъ, который приобретаемъ въ жизни.

— Страшная плата! сказалъ Донателло, поднимаясь на ноги. Не будемъ больше говорить объ этомъ. Забудьте, пожалуйста, эту сцену. Въ вашихъ глазахъ я долженъ быть очень глупъ; но мнѣ очень жаль, что я потерялъ эту способность, пойдемте, прибавилъ онъ рѣшительно, я больше не буду плакать.

Когда они возвратились въ замокъ, графъ отправился на верхъ своей башни, а Киніонъ принялся читать Данте, котораго нашелъ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ комнатъ между книгами религіознаго содержанія. Проходя въ свою комнату, онъ встрѣтилъ Томасо, который остановилъ его замѣчаніемъ, что графъ сегодня, кажется, особенно печаленъ.

— Да, отвѣчалъ Кинионъ. Надо бы придумать что нибудь, чтобъ развлечь его.

— Ничего не придумаешь, сказалъ старикъ, качая головою. Мы мужчины, плохія няньки для тѣхъ, у кого болятъ душа и тѣло больное.

— Такъ ты думаешь, что графу полезно было бы женское общество? спросилъ Кинионъ. Это, я думаю, возможно устроить.

— Надо подождать немного, сказалъ Томасо, какъ обыкновенно покачивая головою.

Черезъ день или два послѣ описанной сцены Кинионъ изъявилъ желаніе осмотрѣть башню.

— Миѣ кажется, ее не стоитъ смотрѣть, отвѣчалъ графъ недовольнымъ тономъ, что выражало въ немъ внутреннее волненіе. Да, притомъ вы ее можете всю видѣть.

— Снаружи, конечно, она видна издалека, возразилъ скульпторъ. Но именно ея наружность заставляетъ думать, что внутри она еще интереснѣе. Сколько я могу судить, ей не менѣе шестисотъ лѣтъ, а фундаментъ и нижній этажъ, можетъ быть, и старше. Притомъ, вѣроятно, съ нею соединяется множество преданій.

— Да, есть много разказовъ, отвѣчалъ Донателло; но я почти ни одного не знаю, и не могу понять, что вы, иностранцы, находите въ ней интереснаго. Годъ или два тому назадъ пріѣзжалъ сюда изъ Флоренціи одинъ англійскій синьоръ,—говорили, что онъ магъ, но почтенный человекъ, съ бѣлою бородою,—и только за тѣмъ, чтобъ посмотрѣть мою башню.

— А, я видѣлъ его во Флоренціи; замѣтилъ Кинионъ. Онъ некромянтъ, это правда, и живетъ въ старомъ домѣ рыцарей Тамплиеровъ возлѣ Пюте Векію. У него множество книгъ, картинъ и древностей. Я замѣтилъ у него хорошенькую маленькую дѣвочку, которая служить ему.

— Я знаю его только по бѣлой бородѣ, сказалъ Донателло; но онъ могъ бы разсказать вамъ обо всѣхъ осадахъ, которыя выдержала эта башня и о всѣхъ заключенныхъ сидѣвшихъ въ ней; онъ собралъ всѣ преданія о нашей фамиліи, и я разсказалъ ему ту исторію, которую разсказывалъ вамъ у ручья. Онъ говорилъ миѣ, что въ молодости былъ знакомъ со многими поэтами, и что для многихъ изъ нихъ эта легенда была бы прекраснымъ сюжетомъ.

— Пойдемте въ башню, сказалъ Кинионъ. Посмотрите, надвигается грозовая туча, оттуда будетъ прекрасный видъ.

— Пойдемте; но вы увидите, что тамъ все очень мрачно и голо, отвѣчалъ графъ со вздохомъ.

Поднявшись на лѣстницу изъ передней, они прошли черезъ самую

запущенную часть дома по темнымъ корридорамъ и вошли въ низкую, старинную дверь, которая вела къ узкой извилистой лѣстницѣ, освѣщенной окнами съ желѣзными рѣшетками. Достигнувъ первой площадки, графъ отворилъ источенную червями дубовую дверь, и они вступили въ обширную комнату, занимающую все пространство башни. Слабый свѣтъ, проникавшій сквозь узкія отверстія въ массивной стѣнѣ, загороженной желѣзными рѣшетками, падалъ на голый, устланный кирпичемъ полъ и освѣщала старинную скамейку, единственную мебель, которая, казалось, дѣлала эту комнату еще печальнѣе.

— Это была тюрьма, сказалъ Донателло. Старый некромантъ, о которомъ я вамъ говорилъ, узналъ откуда-то, что пятьсотъ лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ заключенъ какой-то знаменитый монахъ. Говорятъ, онъ былъ святой человекъ; его потомъ сожгли на площади во Флоренціи. Томасо рассказываетъ мнѣ, что въ дверяхъ этой комнаты, и на лѣстницѣ видѣли когда-то монаха, покрытаго капюшономъ. Это, вѣроятно, духъ того, который здѣсь сидѣлъ. Вы вѣрите въ духовъ?

— Кажется, нѣтъ, отвѣчалъ Киніонъ.

— Я тоже не вѣрю, сказалъ графъ; потому что, если бы дѣйствительно являлись духи, то въ эти два мѣсяца я встрѣтился бы здѣсь съ однимъ. Но духи не выходятъ! прибавилъ онъ рѣшительно. Я этому очень радъ.

Поднявшись еще выше по лѣстницѣ, они вошли въ другую комнату почти такихъ же размѣровъ, и такую же пустую, какъ первая; но въ ней обитали два существа, которыя съ незапамятныхъ временъ населяютъ древнія башни. То была пара совъ; повидимому, онѣ привыкли къ хозяину, потому что при входѣ посѣтителей только отступили въ темный уголъ и тамъ остались почти совершенно покойны.

— Онѣ не боятся меня, сказалъ графъ съ улыбкою, намекая на сцену у ручья. Когда я былъ дикимъ, веселымъ мальчикомъ, эти совы меня не любили.

Здѣсь онъ не останавливался долго, но повелъ своего друга выше; на каждомъ поворотѣ лѣстницы Киніонъ сквозь окно или амбразуру видѣлъ все болѣе и болѣе расширявшійся горизонтъ и чувствовалъ вливавшійся свѣжій воздухъ. Наконецъ они достигли послѣдней комнаты, расположенной подъ самой крышей башни.

— Это мое собственное жилище, сказалъ Донателло.

— Дѣйствительно, комната имѣла видъ просто убранной спальни, снабженной всѣми священными эмблемами, которыя католики почитаютъ необходимыми для возбужденія въ себѣ благоговѣнія. Въ углу висѣло распятіе, по стѣнамъ видѣлись безобразныя гравюры, изображавшія страданія Христа и разныхъ святыхъ мучениковъ. Надъ рас-

пятіемъ висѣла довольно хорошая копія тиціановой Магдалины; въ томъ же углу на столѣ лежалъ человѣческій черепъ; съ перваго взгляда можно было подумать, что онъ вынутъ изъ какой нибудь древней гробницы; но, рассмотрѣвъ его внимательно, Киніонъ убѣдился, что онъ былъ сдѣланъ изъ сѣраго алебастра. У двери въ вазѣ изъ дорогаго мрамора находилась святая вода; Донателло омочилъ въ нее пальцы и перекрестился.

И здѣсь они тоже оставались недолго. По крутой и также извилистой лѣстницѣ они поднялись на самую вершину башни; отсюда открывалась далекая перспектива: вся умбрійская долина была какъ на ладони; отдаленные фермерскіе домики и холмы, казалось, лежали у самага подножья башни; взглядывшись въ этотъ неизмѣримый для человѣческаго глаза пейзажъ, можно было подумать, что вокругъ башни разстигается картина всей Италіи. Бѣлыя виллы, сѣрые монастыри, церковныя куполы, деревни, города со своими зубчатыми стѣнами выглядывали изъ-за холмовъ и разнообразили картину, которую прорѣзывала извилистая рѣка, сверкавшая на солнцѣ.

Темная туча, замѣченная скульпторомъ на краю горизонта, поднялась высоко и раздѣлила пополамъ небо, на другой сторонѣ котораго ярко сіяло солнце. Одну половину пейзажа покрывала тьма, между тѣмъ какъ другая была облита солнечнымъ свѣтомъ.

— Какъ хорошо! воскликнулъ Киніонъ. Я много видѣлъ картинъ, но не помню ни одной, которая была бы величественнѣе этой.

— Да, дѣйствительно, хорошо, сказалъ Донателло. Смотрите на свѣтлую часть, это для васъ; а мою покрыли тучи.

Киніонъ постарался опровергнуть эту мысль и, полюбовавшись еще нѣсколько минутъ видомъ, пошелъ къ стѣнѣ, которая зубцами своими возвышалась надъ крышей. Потомъ сбросивъ кусокъ глины, отвалившейся отъ стѣны, сталъ слѣдить за имъ, какъ онъ, повертываясь въ воздухѣ, упалъ наконецъ на скалистое основаніе башни и разбился въ дребезги.

— Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые находятъ удовольствіе стоять у края высоты и измѣрять глубину, сказалъ онъ. Если бы я захотѣлъ послѣдовать моему побужденію, то я самъ бросился бы за этимъ кускомъ глины. Это странное, непонятное влеченіе, но противиться ему очень трудно; я думаю, потому, что это очень легко сдѣлать, а сверхъ того, можно безъ всякаго труда и борьбы достигнуть немедленнаго и важнаго результата. Испытывали-ли вы когда нибудь такое чувство; вотъ теперь, напримѣръ, я въ такомъ состояніи, какъ будто злой духъ стоялъ у меня за спиною и толкалъ къ пропасти.

— Ахъ нѣтъ! вскричалъ Донателло, отступая отъ стѣны. Это страшная смерть!

— О нѣтъ, возразилъ Кинионъ; если человѣкъ падаетъ съ большой высоты, то умираетъ еще на воздухѣ и вовсе не чувствуетъ, какъ ударяется о землю.

— Все таки это страшно, живо проговорилъ Донателло; вообразите себѣ человѣка, который дышетъ, смотритъ на вѣсь, говорить, и вдругъ этотъ человѣкъ летитъ внизъ! Онъ не можетъ умереть на воздухѣ. Онъ живой упадетъ на камни и тамъ уже умретъ. Вы готовы были бы отдать жизнь, чтобъ онъ пошевелился!.. Нѣтъ, это ужасно! Я самъ охотно полетѣлъ бы внизъ, чтобъ никогда ужъ больше не думать объ этомъ!

— Какъ вы живо представляете себѣ такую сцену, сказалъ скульпторъ, пораженный словами своего друга и еще болѣе дикими жестами и взглядами, обличавшими глубокую душевную тревогу. Если высота башни такъ сильно дѣйствуетъ на ваше воображеніе, то вамъ не слѣдуетъ оставаться здѣсь одному, особенно ночью. Вы не совсѣмъ безопасны въ своей комнатѣ. Вы можете сонъ принять за дѣйствительность и тогда нельзя ручаться за вашу жизнь.

Донателло оперся на парапетъ и закрылъ лицо руками.

— Не бойтесь, сказалъ онъ послѣ паузы; я слишкомъ трусливъ и никогда не посягну на свою жизнь.

Кинионъ завелъ разговоръ о другихъ предметахъ, и Донателло мало по малу совершенно успокоился. Но нравственное состояніе его, высказавшееся въ двухъ, трехъ сценахъ, внушило скульптору чувство состраданія къ бѣдному юношѣ, веселому и беззаботному отъ природы, но теперь погруженному въ мрачныя, тяжелыя мысли, изъ которыхъ не находилъ выхода. Кинионъ подозрѣвалъ, что эта перемѣна была слѣдствіемъ какого нибудь случая, слишкомъ сильно подѣйствовавшаго на кроткую и простую душу молодого человѣка, который видимо боролся съ какимъ то невысказаннымъ и, можетъ быть, не совсѣмъ сознаннымъ чувствомъ.

— И, можетъ быть, ему можно было бы помочь, думалъ скульпторъ, если бы онъ откровенно рассказалъ, что его мучить.

Съ этою мыслью онъ обернулся къ югу и сталъ смотрѣть вдаль. Воображеніе перенесло его за предѣлы видимаго ландшафта и нарисовало другую башню, возвышающуюся надъ крышами Рима, и стаю бѣлыхъ голубей, и образъ Мадонны, предъ которымъ теплится неугасяемая лампада,

— Тамъ, за этими горами, Римъ, сказалъ онъ; вы воротитесь туда къ осени?

*

— Никогда! Я ненавижу этотъ городъ! вскричалъ Донателло, и у меня есть причина.

— Однакожь мы провели тамъ пріятную зиму. Вы опять встрѣтились бы тамъ со всѣми прежними друзьями.

— Со всѣми? спросилъ Донателло.

— Да, я думаю; впрочемъ вамъ нѣтъ надобности ѣхать въ Римъ искать ихъ. Я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ фаталистъ, и увѣренъ, что отъ тѣхъ людей, съ которыми вамъ судьба опредѣлила жить, вы не скроетесь и въ этой башнѣ.

— Здѣсь, кромѣ васъ, никто не нашелъ бы меня, возразилъ графъ, повидимому желая прервать этотъ разговоръ.

Между тѣмъ туча миновала Монте Бени и нависла надъ отдаленными холмами, видѣвшимися на краю горизонта. Мѣстами проглядывали длинныя полосы голубаго неба, освѣщеннаго солнцемъ, но вдали надъ долиною клубились густыя облака, которыя подвигались все дальше къ востоку и принимали самыя разнообразныя формы.

— Какъ облака измѣняютъ общую картину, замѣтилъ скульпторъ.

— Я люблю смотрѣть на нихъ, сказалъ Донателло. Они часто принимаютъ самыя странныя формы; инныя точно люди. Посмотрите, вотъ тамъ внизу, какая фигура; монахъ стоящій на колѣнахъ, капшонъ у него на головѣ и прикрываетъ часть лица.

— Я думаю, мы оба смотримъ на одно и тоже облако, сказалъ Кинионъ; но мнѣ оно представляется женскою фигурою и очень ясно очерченною. Всмотритесь хорошенько — вы замѣтите въ этой фигурѣ выраженіе отчаянія.

— Да, вижу, вижу, кажется, и лицо видно; отвѣчалъ графъ. — Это фигура Миріамъ! прибавилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, не Миріамъ, возразилъ скульпторъ.

Долго еще стояли они, погруженные каждый въ свои воспоминанія, любуясь плывущими облаками, позолоченными лучами солнца, которое уже клонилось къ закату. Повѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ, и рои мошекъ, клубившіеся цѣлый день у вершины башни, стали мало по малу рѣдѣть и наконецъ совсѣмъ исчезли. Съ ближняго монастыря раздался колокольный звонъ, и эхо повторило его между холмами и рощами; черезъ нѣсколько минутъ послышался еще колоколъ въ другой сторонѣ, тамъ третій — уже болѣе отдаленный, и всѣ они слились въ одинъ гулъ, который долго носился и дрожалъ въ воздухѣ. Солнце спустилось уже за холмы — еще нѣсколько минутъ — и наступилъ вечеръ, который совы привѣтствовали своимъ унылымъ, монотоннымъ крикомъ.

— Пойдемте, сказалъ Кинионъ. Становится сыро.

— Ступайте, а я останусь здѣсь, отвѣчалъ Донателло. Я обыкновенно, прибавилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ, молюсь здѣсь; впрочемъ, я думаю, что было бы лучше, если бъ я ходилъ въ сосѣдній монастырь. Иногда, мнѣ кажется, что хорошо было бы обратить эту башню въ келію. Что вы объ этомъ думаете?

— Какъ? сдѣлаться монахомъ? вскричалъ Киніонъ. Это ужасная мысль!

— Потому то я и хочу ее исполнить, отвѣчалъ Донателло, вздохнувъ.

— Избави васъ Богъ! Есть тысячи другихъ способовъ... Стоить только взглянуть на фізіономію вашего монаха, чтобъ убѣдиться, что это не человѣкъ; что лѣнивая, животная жизнь истребила въ немъ всякое благородное чувство, всякую возвышенную мысль. Нѣтъ, лучше ужъ стоять здѣсь и смотрѣть на звѣзды.

— Вы меня пугаете, сказалъ графъ. Какъ можно говорить такъ о людяхъ, которые посвятили себя служенію Богу!

— Они не служатъ ни Богу, ни людямъ, а только себѣ, и это единственная цѣль ихъ существованія, выразилъ скульпторъ. Бѣгите монастыря, если не хотите убить свою душу. Что до меня, то если бы на совѣсти у меня былъ какой нибудь тяжкій грѣхъ, я сдѣлалъ бы свѣтъ моею келіею, а добрыя дѣла молитвою. Такъ поступали многіе кающіеся и находили успокоеніе.

— Вы еретикъ! сказалъ графъ, вздохнувъ. Однакожъ лицо его нѣсколько просвѣтлѣло. Глядя на него въ эту минуту и на звѣзды, уже выступившія на небѣ, Киніонъ вспомнилъ сцену въ Капитоліи, когда Донателло такъ живо напоминалъ фавна. И теперь онъ опять походилъ на фавна — мысль жить среди людей и для ихъ блага благотворно подѣйствовала на его душу; она заглушила въ немъ на минуту печаль и возвратила ему прежній покой. Но только на минуту. Мысль о долгой жизни, исполненной самоотверженія, лишь только онъ вдумался въ нее, показалась ему слишкомъ грандіозною и испугала его. Италіянцы рѣдко бываютъ филантропами по принципу; они раздають милостыню нищимъ, которые останавливаютъ ихъ на каждомъ шагѣ; но лучшимъ средствомъ умиловить небо считаютъ приношенія въ церкви и монастыри, путешествія къ святымъ мѣстамъ и наконецъ монастырскую жизнь.

Между тѣмъ въ воздухѣ уже совсѣмъ стемнѣло, а въ долині стали мелькать огоньки. Скульпторъ хотѣлъ было уйти, но внизу, гдѣ то въ отдаленіи послышалась тихая, протяжная пѣсня. Ее пѣлъ женскій голосъ.

— Слушайте! сказалъ Кинионъ, взявъ за руку Донателло.

— Слушайте! произнесъ тотъ въ ту же минуту.

Пѣсня становилась все слышнѣе и слышнѣе; то не была блестящая италіянская мелодія и слова, сколько можно было разслышать, были непонятны для слушателей. И то и другое, казалось, было исполнено глубокой тоски, мучительной любви и напоминало нѣмецкую музыку. Голосъ постепенно поднимался выше и выше, достигалъ до павоса и снова опускался къ низкимъ нотамъ и тихо звучалъ въ темнотѣ.

— Донателло, сказалъ тихо скульпторъ, не для васъ ли эта пѣсня.

— Но я не смѣю ее слушать, отвѣчалъ онъ. Тоска, о которой она говорить, всегда со мною. Нѣтъ, мнѣ не слѣдуетъ слушать эту пѣсню.

Кинионъ съ состраданіемъ посмотрѣлъ на него, и оставилъ бѣднаго вающагося грѣшника молиться.

ГЛАВА III.

Бюстъ Донателло.

Мы сказали, что Кинионъ просилъ позволенія снять бюстъ Донателло. Теперь работа подвигалась быстро, и мысли нашего скульптора часто были заняты чертами лица его хозяина. Никогда еще онъ не предпринималъ работы, которая стояла бы ему столько труда, не потому, чтобы трудно было соблюсти сходство, хотя гармонія и нѣжность чертъ, казалось, не согласовались съ общимъ выраженіемъ; его затрудняло, какъ придать этому добродушному, веселому типу лица выраженіе, которое было слѣдствіемъ состоянія его духа. Если скульптору удавалось подмѣтить выраженіе, которое казалось ему естественнымъ и постояннымъ, то въ слѣдующее мгновеніе оно измѣнялось и совершенно исчезало. Эта необыкновенная подвижность лица приводила скульптора въ отчаяніе. Даже общее настроеніе духа Донателло, повидимому, ни на минуту не измѣнявшееся, не могло придать его чертамъ спокойствія, котораго требуетъ пластическое искусство. Потерявъ надежду на успѣхъ, рѣшился ваятель не обращать вниманія на выраженіе чертъ, полагая, что искусство, бессознательно

для него и безъ его участія достигнуть предположенной имъ цѣли; но вышло еще хуже. Предъ нимъ былъ комъ сѣрой глины, лицо Донателло, но безъ всякаго сходства, и безъ малѣйшаго намека на жизнь.

— Это можетъ свести съ ума! вскричалъ скульпторъ, потерявъ терпѣнiе. Ну посмотрите на эту глину, узнаете-ли вы себя?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Донателло простодушно, и оказалъ правду. Въ лицѣ проглядываетъ что то странное, не принадлежащее мнѣ.

Такъ откровенно высказанное мнѣнiе задѣло самолюбіе скульптора. Почти не думая о томъ, что можетъ сдѣлать, Кинiонъ провелъ дѣйтри черты, нѣкоторыя не много измѣнилъ и обратился къ своему другу съ вопросомъ, лучше-ли теперь.

— Стойте! вскричалъ Донателло, взявъ за руку скульптора. Пусть такъ останется!

Кинiонъ, совершенно не хотя, этими немногими чертами далъ всему лицу выраженіе душевнаго разстройства, соединеннаго съ звѣрскою лютостью и отвращеніемъ. Если бы Гильда или Мириамъ увидѣла бюстъ съ такимъ выраженіемъ, онъ напомнилъ бы имъ лицо Донателло въ ту минуту, какъ тотъ держалъ свою жертву на краю пропасти.

— Что я сдѣлалъ? вскричалъ скульпторъ, пораженный своимъ собственнымъ произведеніемъ. Такъ нельзя оставить, ни за что въ мирѣ! Каинъ не могъ быть безобразнѣе.

— Потому то и нужно такъ оставить, отвѣчалъ графъ, поблѣднѣвши какъ полотно при видѣ своего лица. Не трогайте теперь и сдѣлайте по этому слѣпку мраморный бюстъ. Я поставлю его въ спальнѣ, чтобъ онъ былъ всегда предъ моими глазами. Это лицо, оживленное моимъ преступленіемъ, страшнѣе мертвой головы, которая досталась мнѣ отъ моихъ предковъ.

Но не смотря на возраженiя Донателло, скульпторъ уничтожилъ выраженіе, которое поразило ихъ обоихъ.

— Вѣрьте мнѣ, сказалъ онъ спокойнымъ но серьезнымъ тономъ; вы не знаете, что вамъ нужно, чтобъ возстановить свои нравственныя силы, если вы ищете успокоенiя въ угрызенiяхъ совѣсти. Васъ судьба заставила пройти черезъ мрачную, темную долину; пройдите ее, но не оставайтесь въ ней долго, иначе ея атмосфера убьетъ васъ. Не уныніе, не постоянная тоска, не усиліе настраивать себя на мистицизмъ, а дѣятельность вамъ нужна. Вамъ грѣшно будетъ, если вы погубите свою жизнь, предавшись унынію; вы имѣете возможность дѣлать добро—дѣлайте его и оно спасетъ васъ отъ гибели, въ которую влечетъ васъ ваше настоящее состояніе.

— Вы возбудили во мнѣ такъ много новыхъ мыслей, сказалъ До-

нателло, прижавъ руку ко лбу; но отъ нихъ у меня голова идетъ кругомъ.

Они вышли изъ комнаты, гдѣ Кинионъ устроилъ свою временную мастерскую и, занятые послѣднимъ разговоромъ, не замѣтили, что бюстъ совершенно походилъ на свой оригиналъ, какимъ онъ былъ въ счастливѣйшія минуты жизни. Донателло ушелъ въ свою комнату, а Кинионъ пошелъ бродить по окрестностямъ. Когда онъ вечеромъ возвратился въ замокъ, въ прихожей встрѣтилъ его старый Томасо, съ которымъ у него съ нѣкотораго времени была какая то тайна.

— Синьорина хочетъ говорить съ вами, прошепталъ старикъ.

— Въ капеллѣ? спросилъ скульпторъ.

— Нѣтъ, въ залѣ за капеллою, отвѣчалъ дворецкій; входъ въ нее закрытъ занавѣсомъ; но вы найдете его — оттуда выйдетъ синьорина.

Кинионъ немедленно пошелъ по приглашенію.

Въ старинныхъ тосканскихъ виллахъ капелла составляетъ необходимую принадлежность, хотя часто дверь ея постоянно бываетъ заперта и ключъ отъ нея потерянъ. Капелла въ Монте Бени была всѣми забыта; въ дождливый день Кинионъ, бродя по дому, случайно открылъ ее и былъ пораженъ ея необыкновеннымъ величіемъ. Сквозь запыленные, темныя окна, пробитыя въ сводчатой стѣнѣ, изливался кроткій свѣтъ на алтарь съ картиною, изображавшею послѣднія минуты какого то мученика, и на свѣчи, разставленныя симметрически; видно было, что когда то, можетъ быть, полстолѣтія тому назадъ, ихъ зажигали на часъ или на два. У входа придѣлана была мраморная ваза; въ ней тоже очень давно содержалась святая вода, а теперь дно ея было покрыто слоемъ пыли; со сводовъ висѣли старыя знамена фамиліи графовъ Монте Бени, а въ нишахъ стояли ихъ мраморныя бюсты, между которыми находился бюстъ и того несчастнаго рыцаря, о которомъ Донателло рассказывалъ у ручья.

Во всемъ домѣ это было единственное мѣсто, хранившее характеръ торжественнаго покоя и строгаго величія. Здѣсь Кинионъ встрѣтился въ первый разъ, тоже неожиданно, съ другимъ гостемъ, присутствія котораго не подозрѣвалъ ни онъ, ни его хозяинъ. Пройдя капеллу, Кинионъ, слѣдуя указанію Томасо, нашелъ узкую дверь и вошелъ въ небольшую залу, превосходившую всѣ видѣнныя имъ до сихъ поръ въ замкѣ своимъ великолѣпіемъ. Такъ какъ въ ней не нашелъ никого, то ему было время рассмотреть ее внимательно.

Полъ ея былъ устланъ дорогимъ мраморомъ, куски котораго составляли артистически расположенныя фигуры. Стѣны тоже были покрыты мраморомъ; въ высокихъ и глубокихъ нишахъ стояли статуи изъ такого же драгоценнаго матеріала. Не бывъ въ Италіи, не возможно

составить себѣ идеи о красотѣ и великолѣпіи, достигаемомъ единствен-но полированнымъ мраморомъ. Но къ числу особенностей этой залы должно отнести двѣ колонны изъ восточнаго алебастра и фрески, занимавшія всѣ пустыя мѣста по стѣнамъ.

Одно изъ достоинствъ полированного мрамора состоитъ въ томъ, что время не измѣняетъ его. При первомъ взглядѣ скульптору показалось, что въ этой залѣ какимъ то непонятнымъ образомъ заключили солнце. Разсматривая эту величественную комнату, Киніонъ представлялъ себѣ, какъ отворится дверь и войдетъ Мириамъ въ роскошномъ платьѣ, сіяющая красотой.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ противоположная дверь залы тихо отворилась и вошла Мириамъ; но она вовсе не была похожа на ту величественную даму, какою рисовало ее воображеніе скульптора; она была блѣдна и одѣта въ траурное платье. Походка ея была такъ слаба, что Киніонъ поспѣшилъ къ ней, боясь, чтобы она не упала на полъ. Но она поблагодарила его за вниманіе, протянувъ ему свою холодную руку, и спокойно сѣла на диванъ, стоявшій у стѣны.

— Вы, кажется, очень больна, Мириамъ? сказалъ скульпторъ. Я этого не зналъ.

— Нѣтъ; я не такъ больна, какъ вамъ кажется, отвѣчала она. Однакожъ чувствую, что могу умереть, если все останется такъ, какъ теперь.

— Что же васъ беспокоитъ? спросилъ Киніонъ. Какъ вамъ помочь?

— Что беспокоитъ? повторила Мириамъ. То, что во мнѣ слишкомъ много жизни и энергій, и я не знаю, что съ ними дѣлать. У меня нѣтъ того, что я считаю моимъ единственнымъ достояніемъ на землѣ. Я хочу пожертвовать всю себя, но моя готовность къ самопожертвованію остается безъ цѣли. Мнѣ ничего не осталось, какъ сидѣть дни и ночи, думать и томиться тоскою и раскаяніемъ.

— Да, это очень печально, сказалъ Киніонъ.

— Да, печально, повторила она, усмѣхнувшись.

— И какъ вы съ вашею живостью и дѣятельностью, не можете найти средства выйти изъ этого состоянія?

— Все теперь пропало—и живость и дѣятельность, отвѣчала Мириамъ равнодушно. Я ничего не могу выдумать, потому что моя голова занята только одною мыслью; однимъ воспоминаніемъ, которое уничтожаетъ всѣ мои мысли. Я сожалею не о себѣ, и не раскаяваюсь за себя; но что во мнѣ убиваетъ всю силу—я могу вамъ это сказать, хотя мнѣ это все равно, знаете ли вы, или нѣтъ — меня уничтожитъ убѣжденіе, что въ глазахъ Донателло я сдѣлалась предметомъ ужаса.

— Что же васъ довело до такого убѣжденія? спросилъ Киніонъ, нѣсколько удивленный словами Миріамъ.

— Одинъ его жестъ, отвѣчала она, одно содраганіе, когда рука его случайно коснулась мой—этого было довольно.

— Я твердо убѣжденъ, Миріамъ, возразилъ скульпторъ, что онъ васъ любитъ.

Она опустила голову и на блѣдныхъ щекахъ ея выступила краска.

— Да, повторилъ Киніонъ, участіе мое къ Донателло и къ вамъ самимъ заставляетъ меня сказать вамъ, не только то, что онъ васъ любитъ, но любитъ со всею силою, къ какой способна его натура.

— Не обманывайте меня, сказала Миріамъ, снова поблѣднѣвъ.

— Я не обманываю васъ, Миріамъ; была безъ сомнѣнія минута, послѣ какого то происшествія, поразившаго его ужасомъ, когда раскаяніе и угрызения заглушили въ немъ всѣ другія чувства; но теперь онъ успокоился и, я думаю, можетъ возвратиться къ прежнему состоянію.

— Но онъ, вѣроятно, знаетъ, что я здѣсь, сказала Миріамъ. Чѣмъ же я могу объяснить, что онъ до сихъ поръ не видѣлся со мною? Только тѣмъ, что я стала для него ненавистна.

— Я думаю, онъ догадывается, что вы здѣсь, отвѣчалъ Киніонъ. Ваша пѣсня, которую онъ слышалъ третьяго дня вечеромъ, могла внушить ему мысль о вашемъ присутствіи. Но до сихъ поръ онъ находился подъ вліяніемъ мысли о раскаяніи и изобрѣталъ средства терзать себя. Разумѣется, что такая мысль не согласна съ желаніемъ видѣть васъ и искать вашего общества.

— Но онъ любитъ меня, повторяла Миріамъ тихо, какъ бы про себя. Да, онъ еще любитъ меня.

Сознаніе этого факта, казалось, успокоило ее: ея холодное неестественное равнодушіе, поразившее скульптора, исчезло.

— А въ другихъ отношеніяхъ онъ перемѣнился? спросила она.

— Въ послѣднее время въ немъ произошла удивительная перемѣна, отвѣчалъ Киніонъ. Въ немъ пробудились новыя способности, существованія которыхъ я не подозрѣвалъ прежде; въ его умѣ открылся новый міръ идей. Иногда онъ поражаетъ меня своимъ вѣрнымъ пониманіемъ, иногда я не могу не улыбаться при видѣ этого страннаго смѣшенія прежней простоты съ его новымъ умственнымъ просвѣтленіемъ. Но его разстраиваютъ воспоминанія, такъ что можно сказать онъ постоянно находился въ нравственной агоніи.

— Ахъ, этому можно помочь! вскричала Миріамъ. Какъ бы я была счастлива, еслибъ мнѣ судьба дала возможность успокоить его, уничтожить терзанія совѣсти, вывести изъ этого унынія! Для этого нужна любовь! Кромѣ меня никто не въ состояніи помочь ему; я

участвовала въ преступленіи, которое отравило его жизнь, у меня всѣ средства заставить забыть это. И это единственная цѣль, которую я вижу предъ собою, которая даетъ право жить. Безъ нея мнѣ стыдно оставаться на свѣтѣ!

— Я согласенъ съ вами, сказалъ Киніонъ, что ваше настоящее мѣсто возлѣ Донателло.

— Да, отвѣчала Мириамъ. Если Донателло имѣетъ на чтонибудь право, то именно на мое совершенное самопожертвованіе. Это не только право, но единственное средство быть счастливымъ. Но онъ отталкиваетъ меня! Онъ не хочетъ слушать своего сердца, которое должно говорить, что та несчастная женщина, которая завлекла его въ преступленіе, можетъ оправдать его предъ самимъ собою, можетъ возвратить ему прежнюю невинность. Но какъ увѣрить его въ этомъ!

— Мнѣ кажется, это зависитъ отъ васъ, замѣтилъ скульпторъ. Вамъ стоитъ только пойти на башню, вы тамъ найдете его.

— О нѣтъ! Я не могу идти къ нему, мнѣ страшно! возразила она.

— Я не понимаю причины, не безъ удивленія сказалъ Киніонъ.

— Вы не знаете, какое слабое, или вѣриѣ, сильное созданіе женщина, отвѣчала Мириамъ. Я ничего не боюсь; мнѣ страшенъ только Донателло. Онъ уже вздрогнулъ разъ отъ моего прикосновенія. Если онъ опять вздрогнетъ, если онъ нахмурится при встрѣчѣ со мною—я не выдержу этого, я умру.

Киніона изумила униженность женщины, являвшейся ему всегда гордою, независимою и теперь снисшедшей до того, что жизнь ея зависѣла отъ одного слова челоуѣка, который за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ былъ ея игрушкою. Но съ той минуты, какъ Донателло совершилъ преступленіе, онъ не иначе представлялся ей воображенію, какъ героемъ, исполненнымъ трагическаго достоинства, и этотъ взглядъ на него, опредѣленный и поддержанный любовью, давалъ ей возможность понять его лучше, чѣмъ могъ бы понять посторонній наблюдатель. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Донателло она нашла силу, дѣйствительно возбуждавшую уваженіе и любовь.

— Вы видѣли, какъ я слаба, продолжала она; я жду случая, чтобъ показать вамъ, какъ я сильна.

— Надѣюсь, что увижу и это, отвѣчалъ Киніонъ. Теперь наступаетъ время, когда слѣдовало бы извлечь Донателло изъ того совершеннаго удивленія, въ которомъ онъ похоронилъ себя. Онъ слишкомъ долго боролся съ одною идеею. Нужно доставить ему развлеченіе. Умъ его пробужденъ, его сердце способно чувствовать; они требуютъ пищи. Если онъ останется здѣсь одинъ, я боюсь, онъ снова впадетъ въ апатію. Крайняя возбужденность, причиненная обстоятельствами,

имѣть свои выгоды и невыгоды. Важнѣйшая невыгода заключается въ томъ, что онъ можетъ сосредоточиться на одной идеѣ, которая поглотитъ всю его душу, а къ этому очень располагаетъ одиночество.

— Чтожь вы думаете дѣлать? спросила Мириамъ.

— Думаю убѣдить его ѣхать со мною путешествовать по Италіи, отвѣчалъ скульпторъ. Разнообразіе сценъ, иная точка зрѣнія на міръ, на которую онъ можетъ стать теперь, я надѣюсь, разсѣютъ мысли, занимающія его въ настоящее время и излѣчатъ его.

— Какое же участіе вы предоставляете мнѣ въ этомъ планѣ? спросила Мириамъ не безъ ревности. Вы хотите взять его отъ меня и овладѣть имъ совершенно, хотите занять мѣсто, которое принадлежитъ мнѣ одной.

— Мнѣ было бы очень пріято передать вамъ всю отвѣтственность за него, отвѣчалъ Киніонъ. Я и не домогаюсь быть его руководителемъ и совѣтникомъ, въ которыхъ онъ нуждается; не говоря о другихъ препятствіяхъ, я скажу только одно: между мужчинами, какъ бы они близки ни были, лежитъ всегда черта, которую нельзя переступить; потому мужчина не ждетъ никогда отъ другаго мужчины той искренности и преданности, какой можетъ ожидать отъ женщины, матери, сестры или жены. Такому другу я охотно уступаю мѣсто.

— Я слышу въ вашихъ словахъ упрекъ, возразила Мириамъ. Но я сказала вамъ, почему не могу принять вашего совѣта.

— Въ такомъ случаѣ я предложу вамъ одинъ планъ, сказалъ скульпторъ. Вы можете встрѣтиться во время путешествія, полагая, что вы будете находиться на одномъ пути съ нами.

— Это ненадежный планъ, возразила Мириамъ послѣ минутнаго размышленія. Впрочемъ, я не отвергаю его, только предлагаю одно условіе: если въ теченіе двухъ недѣль мы не встрѣтимся, вы должны провести Донателло къ статуѣ папы Юлія, что на большой площади въ Перуджии: тамъ я буду васъ ждать въ полдень. Но помните, черезъ двѣ недѣли.

Киніонъ принялъ это предложеніе и, сообщивъ Мириамъ свой планъ путешествія, хотѣлъ-было уйти, но остановился, взглянувъ на свою собесѣдницу, лицо которой приняло выраженіе естественной живости.

— Могу-ли я вамъ сказать, спросилъ онъ, улыбаясь, что вы стали прекраснѣе чѣмъ прежде?

— Вы имѣете право замѣчать это, отвѣчала она, потому что красота моя поддерживаетъ мои надежды. Если вы находите, что я не измѣнилась къ худшему, я этому очень рада. Красота моя будетъ служить орудіемъ для спасенія человѣка.

Скульпторъ подошелъ уже къ двери, но Мириамъ остановила его.

— Послушайте, Кинионъ, сказала она; вы человекъ со вкусомъ, въ васъ есть чувства и они всегда вѣрно направлены. Скажите мнѣ откровенно, не поразила-ли я васъ во время этого свиданія слишкомъ прямымъ несовѣстнымъ съ женскою скромностью признаніемъ въ любви къ человеку, который можетъ быть презираеть меня и боится?

Этотъ неожиданный вопросъ поставилъ въ затрудненіе скульптора, который вообще не былъ способенъ уклоняться отъ истины.

— Мириамъ, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго размышленія, вы преувеличиваете впечатлѣніе, которое вы произвели на меня; но оно дѣйствительно было въ томъ родѣ, какъ вы предполагаете.

— Я это знала, возразила Мириамъ печальнымъ тономъ. Во мнѣ осталось еще столько женственности, что я сама чувствовала, какъ вышла изъ своей прежней роли. Когда вы возвратитесь въ Римъ, скажите Гильдѣ, что сдѣлала ее строгость. Она оттолкнула меня отъ себя и тѣмъ освободила меня отъ обязанности оставаться въ предѣлахъ приличій, принятыхъ нашимъ поломъ. Прошу васъ, скажите ей это, скажите, что я благодарю ее.

— Нѣтъ, Мириамъ, отвѣчалъ Кинионъ, не требуйте этого отъ меня. Я не скажу Гильдѣ ничего, что могло бы тревожить ее. Но хотя я не знаю, что произошло между вами, я чувствую—извините мою откровенность—я чувствую, что она была права. Въ васъ много достоинствъ, Мириамъ; что бы ни случилось съ вами въ жизни, вы всегда будете способны возвыситься до геройскихъ добродѣтелей. Но Гильда—созданіе совершенно другаго рода, и сколько я ее понимаю, имѣть право и даже должна быть строга. Надѣюсь, вы согласитесь со мною..

— О, вы правы! возразила Мириамъ. Я никогда и не сомнѣвалась въ этомъ; но я говорю вамъ только, что она заставила меня перейти тѣ границы, которыхъ безъ-того я никогда не рѣшилась бы переступить. Я прощаю ей все, и желаю вамъ быть счастливымъ въ вашей любви, потому что не много людей болѣе васъ достойныхъ ея.

ГЛАВА IV.

Дорога.

Кинионъ не безъ сожалѣнія оставлялъ спокойный замокъ, хотя въ послѣднее время однообразная жизнь безъ опредѣленныхъ занятій начинала утомлять его. Передъ отъездомъ онъ посѣтилъ всѣ тѣ мѣста,

съ которыми познакомилъ его Донателло: видѣлъ съ башни закатъ солнца и восходъ луны надъ долиною, а наканунѣ отъѣзда выпилъ бутылку «солнечнаго свѣта» потомъ другую, и доставилъ истинное наслажденіе старому Томасо, сказавъ, что въ мірѣ нѣтъ такого удивительнаго вина.

Не легко было вывести Донателло изъ апатіи, въ которую онъ погрузился по возвращеніи изъ Рима.

Однакожъ онъ противопоставилъ пассивное сопротивленіе планамъ своего друга, а когда наступилъ часъ отъѣзда, безмолвно подчинился ему. Они поѣхали верхомъ, какъ два странствующие рыцаря, по живописной, гористой части Тосканы. Киніонъ не составлялъ никакого опредѣленнаго плана путешествія, имѣя въ виду одну только цѣль — встрѣтиться черезъ четырнадцать дней съ Мириамъ на большой площади Перуджии у подножія бронзовой статуи. Молодому американцу, притомъ художнику, разнообразіе видовъ и сценъ доставляло не малое удовольствіе. Донателло былъ по прежнему сосредоточенъ, и мало обращалъ вниманія на все то, что восхищало его товарища; не пропускалъ онъ безъ вниманія только высокіхъ черныхъ крестовъ, обвѣшанныхъ орудіями истязанія Спасителя: былъ тутъ и терновый вѣнецъ, молотъ и гвозди, шипцы, копье; и надъ всѣмъ этимъ возсѣдалъ пѣтухъ, который долженъ напоминать человѣчеству объ отреченіи Петра. Донателло останавливался у каждаго такого креста, преклонялъ у его подножія колѣна и усердно молился. Какъ бы желая изъ своего путешествія сдѣлать странствованіе съ цѣлью покаянія, онъ замѣчалъ не только кресты, но и всѣ алтари, въ огромномъ количествѣ разсѣянные по всей Италіи, съ образомъ Мадонны, поблекшимъ отъ дождя и солнечныхъ лучей; и у нихъ онъ также останавливался и долго и усердно молился. Молитва и символы святости дотога занимали его вниманіе, что онъ, кажется, вовсе не замѣчалъ, невидимаго спутника, постоянно слѣдившаго за каждымъ ихъ движеніемъ.

— Уходя отъ послѣдняго алтара, вы не замѣтили женщины, которая стояла на колѣнахъ, закрывъ лицо руками? спросилъ его Киніонъ.

— Нѣтъ, я никогда не замѣчаю, кто молится возлѣ меня, отвѣчалъ Донателло. Вѣроятно, какая нибудь кающаяся.

Проѣхавъ обширную равнину, они приблизились къ окружающимъ ея высотамъ. Общій характеръ мѣстности измѣнился, а вмѣстѣ съ нею измѣнились и проявленія дѣятельности человѣка. Попрежнему на высотахъ видѣлись монастыри; но рядомъ съ ними попадались развалины старинныхъ замковъ, служившихъ убѣжищемъ предводителю шайки

разбойниковъ, которые грабили на большихъ дорогахъ, пересѣкающихъ плодосную, низменность. Древняя крѣпость, нѣкогда грозная своими неприступными стѣнами, въ теченіе вѣковъ свалилась понемногу, камень за камнемъ, къ бѣдной деревушкѣ, разбросанной у подошвы холма.

Путь ихъ лежалъ между высокими холмами, круто поднимавшимися надъ долиною, по которой они ѣхали. Прямо передъ ними возвышался гигантскій холмъ, покатоности котораго были изрѣзаны глубокими руслами горныхъ потоковъ. Проѣхавъ узкое и заваленное во многихъ мѣстахъ дефиле, путешественники поднялись вверху и увидѣли незапамятныхъ временъ городъ, который своимъ каедральнымъ соборомъ, церквами и разнаго рода постройками въ готическомъ вкусѣ покрывалъ вершину холма. Отъ единственной площади, лежащей посрединѣ города расходились въ разныя стороны по отлогостямъ холма узкія улицы, исчезающія подъ арками или оканчивающіяся ступенями, которыя спускались въ другія ниже лежащія улицы. Все носило на себѣ признаки глубочайшей древности. Казалось, этрусскіе цари жили въ этихъ старыхъ зданіяхъ; можетъ быть, уже въ средніе вѣка ихъ называли тысячелѣтними. Всѣ онѣ выстроены изъ камня, обтесаннаго въ огромные кубы, видимою неспособнаго къ разрушенію. Многія изъ этихъ зданій имѣютъ видъ дворцовъ, и до сихъ поръ хранятъ прежнее величіе, глядятъ какъ-то враждебно на человѣка, постоянно возбуждая въ немъ идею о бренности его и слабости.

— Поѣзжайте со мною въ Америку, сказалъ Киціонъ своему товарищу. Тамъ каждое поколѣніе несетъ на себѣ только свои грѣхи и заботы, между тѣмъ какъ здѣсь все прошлое всею тяжестью своею давитъ настоящее. Если бы меня постигло здѣсь какое нибудь несчастье, мнѣ кажется, я не въ состояніи былъ бы бороться съ нимъ при такой обстановкѣ — она убиваетъ всю силу духа.

— И самое небо, кажется, состарѣлось и потемнѣло отъ человѣческихъ беззаконій, отвѣчалъ графъ.

— О, бѣдный фавнъ! подумалъ Киціонъ. Какъ ты измѣнился!

Города, подобные тому, о которомъ мы говоримъ, казалось сростись съ холмами, гдѣ они расположены и только одно землетрясеніе можетъ измѣнить ихъ наружный видъ, разрушивъ ихъ до основанія. Зато эти города богаты воспоминаніями, не только о бранныхъ подвигахъ, но и обо лѣ тихихъ торжествахъ генія, плодами которыхъ мы до сихъ поръ пользуемся. Италія можетъ насчитать нѣсколько такихъ безжизненныхъ городовъ, которые четыре или пять столѣтій тому назадъ были мѣстс-рожденіемъ школы искусства. Они гордятся потемнѣвшими отъ време-

ни картинами, поблекшими фресками, и потому никогда не могут быть забыты.

Какъ истинный артистъ и знатокъ искусства, Кинионъ находилъ неисчерпаемое наслажденіе въ изученіи этихъ древностей, между тѣмъ какъ Донателло молился предъ алтарями. Въ нѣкоторыхъ древнихъ соборахъ они находили живописныя окна, которыя скульпторъ-разсматривалъ съ особннымъ вниманіемъ. И дѣйствительно, едва-ли какой родъ искусства можетъ сравниться съ этимъ величественнымъ изобрѣтеніемъ среднихъ вѣковъ. Особенность живописнаго окна состоитъ въ томъ, что свѣтъ, падающій на поверхность обыкновенной картины, проникаетъ стекло насквозь и одѣваетъ нарисованную на немъ фигуру естественнымъ живымъ сіяніемъ.

При выходѣ изъ каждой церкви нашимъ путешественникамъ представлялся удобный случай совершать подвиги милосердія — ихъ постоянно окружали рой нищихъ, которые по справедливости могутъ быть названы настоящими властителями Италіи. Отъ деревни до деревни бѣжали за ними мальчишки и дѣвочки. Важные господа и дамы, завидя ихъ издалека, принимали мѣры, чтобъ недопустить ихъ къ себѣ. А тутъ между тѣмъ на дорогѣ слѣпые показывали свои поблѣвшіе зрачки, женщины выставляли напоказъ неумытыхъ, нагихъ дѣтей, хромые всячески старались обратить вниманіе путешественника на свои изуродованныя или деревянные ноги; дальше показывались руки безъ костей, исковерканныя спины, раздробленныя челюсти и всякія другія уродства, какія едва ли въ состояніи представить себѣ самая пылкая фантазія. На вершинахъ холмовъ, въ долинахъ ожидали ихъ группы нищихъ. Въ одной небольшой деревушкѣ Кинионъ сосчиталъ дѣтей, просившихъ милостыни — ихъ было болѣе сорока; но между ними стояли съ протянутыми руками нахмурившіяся матроны, здоровыя совершенно развитыя дѣвушки, дородныя парни — одни жалобно умоляли путешественника, другія смотрѣли на него съ какой то странною улыбкою, какъ бы сомнѣваясь, осталось ли еще что нибудь въ карманѣ проѣзжаго синьора, уже опустошенномъ ихъ братьями въ предъидущихъ деревняхъ и городахъ. Если бы имъ позволили, они упали бы на колѣна и молились бы путешественнику или проклинали бы его, еслибъ онъ не развязалъ своего кошелька.

Но эти люди вовсе не были такъ бѣдны — у нихъ были дома, садки и огороды, наполненные разнаго рода питательною растительностью, свиньи, куры, цыплята, масло оливковое, вино и другія предметы если не роскоши, то по крайней мѣрѣ довольства. Но они не стыдятся просить и принимать милостыню, какъ не стыдятся иные люди принимать отъ ближняго помощь въ иномъ видѣ.

Донателло обнаружилъ необыкновенную благотворительность къ этой толпѣ грабителей и, повидимому, находилъ утѣшеніе въ ихъ молитвѣ. Въ Италіи ничтожная мѣдная монета полагаетъ различіе между проклятіями (умереть отъ апоплексическаго удара—самое любимое пожеланіе) и самыми теплыми молитвами; одни и тѣ же уста проговорятъ и то и другое, смотря по тому, даетъ ли путешественникъ деньги или нѣтъ. Донателло щедро откупался отъ проклятій, и теперь, стоя предъ живописнымъ окномъ, которое Киніонъ разсматривалъ съ большимъ интересомъ, раздавалъ милостыню семи или восьми престарѣлымъ женщинамъ, осыпавшимъ его благословеніями и шептавшимъ молитвы.

— Пойдите, сказалъ Киніонъ, замѣтившій, что лицо графа стало покойнѣе; сегодня вашей лошади будетъ легко—эти дамы, кажется, порядочно опустошили ваши карманы.

— Развѣ мы поѣдемъ сегодня? спросилъ графъ.

— Поѣдемъ куда нибудь, отвѣчалъ скульпторъ. А завтра въ полдень я хочу быть у статуи папы Юлія въ Перуджіи.

Города Перуджія, расположеннаго на весьма возвышенной мѣстности, путники достигли прежде, чѣмъ солнце лишилось своей утренней свѣжести. Съ полночи шелъ сильный дождь и освѣжилъ зелень и плодоносныя нивы, среди которыхъ лежитъ этотъ древній городъ. Киніонъ остановился у сѣрой городской стѣны полюбоваться прекраснымъ пейзажемъ, ороюсаннымъ далекими горами, которыя какъ будто спали на солнцѣ, подъ покровомъ легкаго пара и серебристыхъ облаковъ.

— До полудня остается еще два часа, сказалъ скульпторъ своему другу, когда подъ воротами остановили ихъ часовые, разсматривавшіе паспорта. Пойдите посмотрѣть фрески Перуджіи.

— Старыя фрески наводятъ на меня тоску, отвѣчалъ графъ.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемъ въ церковь Св. Доминико, посмотримъ картины Фра-Анжелико. Онѣ исполнены религіознаго чувства.

— Я помню, вы когда-то показывали мнѣ его картины, отвѣчалъ Донателло. Его ангелы кажутся такъ святы, какъ будто никогда не слетали съ неба. Но эти картины не для меня.

— Такъ пойдите бродить по городу.

Путешественники пошли по этимъ страннѣмъ, крутымъ проходкамъ, которые въ Перуджіи называются улицами. Нѣкоторые изъ нихъ покрыты аркадами, и напоминаютъ пещеры съ крутыми спусками; внутри ихъ господствуетъ постоянный мракъ и спустившись туда, вы почти теряете надежду снова увидѣть свѣтъ солнца. Здѣсь странники встрѣтили толпу оборванныхъ мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ многія вели на помочахъ дѣтей. Отсюда они поднялись снова на гору, вступили на главную городскую площадь, обставленную величествен-

ними древними зданіями, торжественности которых не могли подавить ни тривіальная обстановка, ни будничныя сцены, представляющіяся взору путешественника на площадяхъ каждаго города въ базарные дни.

— Когда мнѣ случается быть въ Перуджіа, я всегда посвящаю сколько могу времени на изученіе статуи папы Юліана, сказалъ ваятелю Средніе вѣка оставили для болѣе поучительныхъ произведеній, чѣмъ древняя Греція. Въ нихъ выражается нѣчто иное, выработанное христіанствомъ, чего нѣтъ въ искусствѣ древнихъ: Не хотите ли посмотрѣть эту статую?

— Охотно, отвѣчалъ графъ. Я отсюда вижу, какъ она благословляетъ, и чувствую, что могу принять это благословеніе.

Путники наши съ трудомъ прошли сквозь толпу и приблизились къ рѣшеткѣ, окружающей пьедесталь статуи. Папа представленъ въ одеждѣ, присвоенной его сану, и въ тиарѣ, сидящимъ на бронзовомъ креслѣ. Правая рука его поднята, какъ бы для благословенія, которое, повидимому, можетъ успокоить всякую душевную тревогу. Статуя одушевлена патриархальнымъ величіемъ. Человѣку съ воображеніемъ можетъ показаться, что этотъ благословляющій, но грозный представитель божественнаго и человѣческаго авторитета поднимется съ своего бронзоваго кресла и жестомъ или даже пророческимъ словомъ остановить или ободрить народъ, при первомъ великомъ общественномъ бѣдствіи. Но теперь онъ сидѣлъ спокойно, съ величественнымъ терпѣніемъ слушая рыночныя восклицанія.

— Кажется, замѣтилъ скульпторъ, глядя на своего друга, папское благословеніе падаетъ на васъ.

И дѣйствительно, въ лицѣ Донателло обнаружилось болѣе веселое и спокойное расположеніе духа, чѣмъ то, которое имъ овладѣвало, когда онъ сидѣлъ въ своей печальной башнѣ. Перемена мѣста, отступленіе отъ обыкновенныхъ привычекъ и свобода произвели въ немъ реакцію, которая, можетъ быть, наступила бы, но только позже. А можетъ быть, онъ чувствовалъ присутствіе той, которая когда-то одна могла сдѣлать его счастливымъ. Какъ бы то ни было, а глаза Донателло, обращенные на бронзоваго папу, выражали спокойную надежду.

— Да, отвѣчалъ онъ на замѣчаніе скульптора. Я дѣйствительно чувствую въ душѣ это благословеніе.

Въ это время на башнѣ сосѣдняго кафедральнаго собора колоколъ прозвонилъ двѣнадцать.

— Полдень, подумалъ Книюль. Это часъ, который назначила Мирамъ.

Когда прозвучалъ послѣдній изъ двѣнадцати ударовъ колокола, Киніонъ внимательно сталъ смотрѣть на шумную рыночную толпу, надѣясь замѣтить въ ней Миріамъ. Онъ смотрѣлъ по направленію къ церкви, полагая, что она тамъ ожидала назначеннаго времени; но не найдя ея нигдѣ, обернулся назадъ и увидѣлъ незнакомую фигуру, которая, подобно ему и Донателло, стояла опершись на рѣшетку, окружавшую статую. За минуту передъ тѣмъ ея здѣсь еще не было.

То была фигура женщины, склонившей голову на руки, какъ будто чувствовавшей на себѣ вліяніе бронзоваго первосвященника, въ которомъ всякое истерзанное сердце должно признать отца.

— Миріамъ, сказалъ скульпторъ дрожащимъ голосомъ — это вы?

— Я, отвѣчала фигура. Я вѣрна своему слову, хотя и опасюсь...

Она подняла голову и Киніонъ — а можетъ быть и Донателло — увидѣлъ хорошо знакомыя черты. Она была блѣдна и изнурена; но черты ея оставались попрежнему прекрасны. Она дрожала и повидимому не въ состояніи была перенести предстоящую ей сцену, къ которой еще за минуту была совершенно готова.

— Здравствуйте, Миріамъ, сказалъ скульпторъ, видимо стараясь ободрить ее, въ чемъ она крайне нуждалась. Я надѣюсь, что результатъ этого свиданія будетъ самый счастливый. Позвольте мнѣ подвести васъ къ Донателло.

— Нѣтъ, Киніонъ, нѣтъ, тихо проговорила она, отступая назадъ. Между нами не будетъ сказано ни одного слова, если онъ произнесетъ моего имени, если онъ не пожелаетъ, чтобъ я осталась. Я не изъ гордости говорю это. Во мнѣ теперь нѣтъ гордости.

— Что же останавливаетъ васъ? спросилъ Киніонъ недовольнымъ тономъ, не понимая ея безразсудной боязливости. Вы такъ много предпринимали, теперь не время бояться. Если вы разстанетесь теперь, не сказавъ ни слова, послѣдній случай будетъ утраченъ.

— Правда, на всегда будетъ утраченъ, повторила Миріамъ печально. Но теперь необходимо предоставить полную свободу его сердцу, потому что отъ его свободнаго выбора зависитъ — полезна, или вредна будетъ ему моя преданность. Если онъ не чувствуетъ потребности во мнѣ, я буду для него тяжелымъ, гибельнымъ бременемъ.

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ Киніонъ, конечно, вы лучше меня знаете, что дѣлать.

Во время этого разговора они отошли отъ рѣшетки, такъ что Донателло могъ ихъ слышать. Но не долго незнакомка оставалась незамѣченною на площади. Рыночная толпа скоро обратила на нее вниманіе. Очень возможно, что Миріамъ избрала это мѣсто для свиданія съ Донателло, съ цѣлью имѣть свидѣтелей. Воволнованный сильною страстью или глубокимъ чув-

*

ствомъ, человѣкъ часто сознаетъ, что уединенія вынести невозможно; онъ старается найти нѣчто посредствующее между собою и другимъ человѣкомъ, питающимъ соотвѣтственную страсть. Вотъ почему, какъ мы думаемъ, Мириамъ назначила это свиданіе на площади; кромѣ того, она руководствовалась суевѣрнымъ убѣжденіемъ, что благословляющая статуя будетъ оказывать на нее благотѣльное вліяніе.

Донателло стоялъ недвижимо, опершись на балюстраду. Она не смѣла взглянуть на него, хотя ей очень хотѣлось узнать, что выражаетъ его лице—блѣдно ли оно и встревожено, или спокойно и холодно, какъ ледъ. Но она знала, что каждая минута теперь имѣла значеніе, что онъ долженъ назвать ее, сейчасъ же, или его голоса никогда больше не услышать ей уши.

Она опять обратилась къ скульптору и сказала:

— Я желала встрѣтиться съ вами по многимъ причинамъ. Я получила извѣстіе объ одномъ изъ нашихъ друзей; или лучше—вашихъ друзей. Я не смѣю называть ее своимъ другомъ, хотя когда-то она была моимъ самымъ дорогимъ другомъ.

— Вы говорите о Гильдѣ? воскликнулъ скульпторъ тревожно. Съ нею что нибудь случилось? По послѣднему извѣстію, дошедшему до меня, она была въ Римѣ.

— Она и теперь въ Римѣ, отвѣчала Мириамъ, и здорова, хотя очень упала духомъ. Она живетъ совершенно одна въ своей голубятнѣ, возлѣ ея нѣтъ ни одного друга, потому что, какъ вы знаете, въ Римѣ теперь остались только постоянные жители. Я боюсь, что она забодѣтъ отъ этого уединенія и тоски. Я говорю вамъ объ этомъ, потому что знаю, какой интересъ возбудили въ васъ ея достоинства.

— Я поѣду въ Римъ! вскричалъ взволнованный скульпторъ. Гильда позволила мнѣ быть ея другомъ, она не помѣшаетъ мнѣ хоть издали наблюдать за нею. Я ѣду сейчасъ же...

— Не оставляйте насъ! проговорила Мириамъ умоляющимъ голосомъ, взявъ его за руку. Еще минутой! Ахъ, у него нѣтъ для меня ни одного слова!

— Мириамъ! промзнесъ Донателло.

Хотя это было единственное и первое слово, сказанное имъ, но оно обнаружило всю глубину грусти и нѣжности, наполнявшей его сердце. Это слово сказало Мириамъ много важнаго и прежде всего то, что онъ еще любитъ ее. Сознаніе ихъ общаго преступленія не изгладило въ немъ любви, потому что она была неизгладима. Сверхъ того тонъ, какимъ было промзнесено это слово, показалъ какъ существенно измѣнился характеръ Донателло. Мириамъ поняла, что вѣсто жи-

наго, веселаго юноши, вмѣсто фавна, передъ нею стоялъ человѣкъ съ чувствомъ и умомъ.

— Вы меня звали! сказала она, обратясь къ нему.

— Я васъ звалъ, потому что мое сердце нуждается въ васъ! отвѣчалъ онъ. Простите мнѣ, Мириамъ, мою холодность и жестокость; разставаясь съ вами, я былъ пораженъ ужасомъ.

— Увы! я была тому причиною! Какое раскаяніе, какое сомоотверженіе можетъ загладить это зло! Въ вашей невинной, веселой, беззаботной жизни было что-то святое; счастливый человѣкъ — такое необыкновенное, такое святое созданіе въ этомъ печальномъ мірѣ. При встрѣчѣ съ вами я почувствовала глубокую симпатію къ вашей безгрѣшной жизни. Но я разрушила ее! велите мнѣ уйти, Донателло! Оттолкните меня! Никакое добро не уничтожитъ этого страшнаго зла!

— Мириамъ, сказалъ онъ; судьба соединила васъ, не правда-ли? Ради Бога скажите, должно-ли это быть иначе?

Видно было, что совѣсть Донателло была встревожена сомнѣніемъ — уничтожить-ли взаимность преступленіе, которымъ они запятнали всѣ инстинктивныя движенія своихъ сердецъ. Съ другой стороны, Мириамъ спрашивала себя — не есть-ли несчастье, въ которое впалъ Донателло по ея винѣ, предостереженіемъ, что она должна разстаться съ нимъ. Въ настоящую минуту оба они искали другъ друга, но подавленные тоскою и сознаниемъ преступности, не находили въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы протянуть другъ другу руку.

Скульпторъ съ участіемъ наблюдалъ эту сцену.

— Въ такія минуты, сказалъ онъ, вмѣшательство третьяго лица совершенно неумѣстно. Хотя я и посторонній зритель, однакожь вижу истину, скрывающуюся отъ васъ обоихъ, или по крайней мѣрѣ могу высказать нѣсколько мыслей, которыя вы не высказали бы другъ другу.

— Говорите, сказала Мириамъ, мы полагаемся на васъ.

— Говорите, сказалъ Донателло, вы правдивый и прямой человѣкъ.

— Я знаю, сказалъ Кивіонъ, что едва-ли удастся мнѣ высказать тѣ немногія слова, въ которыхъ заключается рѣшительная истина. Но, Мириамъ, вы видите человѣка, котораго воспитало ужасное несчастье, котораго оно вырвало изъ дикаго, счастливаго состоянія. Отвѣтственность за него лежитъ на васъ, и вы не можете отъ нея уклониться. Съ вашею судьбою, Донателло, связана теперь ея судьба. Она была причиною происшедшаго въ васъ переворота. Но она обладаетъ богатыми дарами души и сердца, всѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь въ ва-

шемъ настоящимъ положеніи. Поэтому союзъ между вами истиненъ и никогда, никто, кромѣ Бога, разорвать его не можетъ.

— Онъ говоритъ правду! вскричалъ Донателло, схвативъ за руку Миріамъ.

— Да, мой другъ, отвѣчала она; онъ говоритъ истинную правду.

— Но помните, продолжалъ скульпторъ, боясь поступить противъ совѣсти, помните, что хотя вы любите другъ друга, но узы соединяющія васъ, переплетены такими черными нитями, что вы не должны смотрѣть на нихъ, какъ на узы, связывающія другія любящія души. Вашъ союзъ долженъ служить для взаимной поддержки, для взаимныхъ пожертвованій, но не для земнаго счастья. Если же вы ищете только такого счастья, то я совѣтую вамъ теперь же разстаться, потому что не будетъ благословленія на вашей брачной жизни.

— Не будетъ, мы это знаемъ! сказалъ Донателло, вздрогнувъ.

— Не будетъ, повторила Миріамъ.

— Потому вы подаете руку другъ другу, не для земнаго счастья, продолжалъ Киніонъ, но для того, чтобы взаимно возвышать и ободрять другъ друга въ этой тягостной жизни. Если вы трудомъ, пожертвованіемъ, молитвами, раскаяніемъ и постояннымъ стремленіемъ къ добру достигнете тихаго счастья, пользуйтесь имъ и благодарите за него Бога.

— Довольно, Киніонъ, сказала Миріамъ серьезнымъ тономъ. Въ вашихъ словахъ горечь сливается съ утѣшеніемъ.

— Одно слово, Миріамъ, сказалъ скульпторъ. Если въ вашей жизни, ваша обязанность потребуетъ, чтобы одинъ изъ васъ пожертвовалъ другимъ — покоритесь этой необходимости. Вотъ все.

Донателло слушалъ Киніона, стараясь усвоить высказанныя имъ идеи. Лицо его бессознательно приняло выраженіе, которое возвысило его красоту и дало ему видъ человѣка, занятаго глубокою, серьезною думою. Онъ все еще держалъ руку Миріамъ и толпа, глядя на эту прекрасную чету, вѣроятно воображала, что это помолвка, обѣщающая имъ долгое счастье.

— Прощайте! сказалъ Киніонъ, и ѣду въ Римъ!

— Прощайте, мой искренній другъ! сказала Миріамъ.

— Прощайте! сказалъ Донателло. Будьте счастливы; на васъ нѣтъ никакого преступленія, вамъ нечего бояться счастья.

Въ эту минуту они всѣ трое взглянули на статую папы, величественная фигура котораго простираала надъ ними свою благословляющую руку и склоняла кроткое лицо къ преступной, но кающейся четѣ.

ГЛАВА V.

Гильда.

Гильда была намѣрена провести лѣто въ Римѣ; она предположила начать много работъ, которыя исполнила бы лучше въ то время, когда любимыя ею мѣста, занятая толпою въ другое время года, опустѣютъ. Но надежда эта была обманута. Еслибъ она и не составляла никакого предварительнаго плана, едва-ли нашла бы въ себѣ достаточно энергій, чтобы уѣхать изъ Рима. Опѣпенѣніе, до сихъ поръ неизвѣстное ровному, но спокойному ея темпераменту, овладѣло бѣдною дѣвушкою, подобно полумертвой змѣѣ сдавившей ее своими холодными кольцами. То было особеннаго рода отчаяніе, холодное, тяжелое, которое можетъ испытывать только невинная душа, хотя въ немъ скрывается много чертъ, характеризующихъ сознание преступности. То была та тяжелая увѣренность въ существованіи зла въ мірѣ, которая становится частью нашихъ практическихъ убѣжденій, когда приобретаетъ значеніе существенности въ преступленіи человѣка, пользовавшагося нашимъ довѣріемъ и любовью.

Положеніе Гильды было тѣмъ болѣе тягостно, что она принуждена была таить въ себѣ всѣ чувства, томившія ее. Мысль, что Миріамъ преступна, производила на эту нѣжную, деликатную душу такое же дѣйствіе, какъ будто бы она сама принимала участіе въ преступленіи. Какъ бы легко ей было, еслибъ она могла кому нибудь передать эту тайну. Но Гильда была одна, и повсюду ее преслѣдовала мысль о преступленіи. Она страдала за чужіе грѣхи, какъ будто бы мертвое тѣло упало въ свѣтлый потокъ ея тихой, невинной жизни, лежало тамъ дни и ночи и заражало срадомъ преступленія и безобразной смерти.

Горестъ, томившая сердце Гильды, наложила на ея лицо таинственный отпечатокъ и стала замѣтна въ ея приемахъ. Молодой итальянскій художникъ, часто посѣщавшій тѣ галереи, гдѣ Гильда проводила дни, былъ глубоко заинтересованъ этою странною переменною выраженія ея лица. Однажды, когда она стояла предъ картиною Леонардо да Винчи—Юанна арагонская, и не видѣла ее, потому что легкое сходство портрета съ Миріамъ отвекло отъ картины всѣ мысли, художникъ украдкой набросалъ на бумагу черты и потомъ нарисовалъ оконченный

портретъ ея явился на полотнѣ въ изображеніи женщины которая съ ужасомъ смотрѣла на кровавое пятно, внезапно открытое на ея бѣломъ платьѣ. Картина привлекла общее вниманіе. Гравированными копіи съ нея продавались въ лавкахъ на Корсо. По мнѣнію многихъ знатоковъ, идея ея была внушена художнику лицомъ Беатрисы Ченчи; и въ самомъ дѣлѣ выраженіе картины имѣло нѣкоторое сходство съ выраженіемъ лица несчастной дѣвушки. Но новый артистъ рѣшительно отстаивалъ оригинальность своего произведенія, точно также какъ чистоту сюжета, въ доказательство чего назвалъ свою картину — «Невинность, умирающая отъ кроваваго пятна.»

— Ваша картина, сеньоръ Панини, дѣлаетъ вамъ честь, сказалъ торговецъ картинъ, купившій ее у молодого человѣка за пятнадцать скуди, и потомъ продавшій въ десять разъ дороже; но она стоила бы гораздо больше, еслибъ вы дали ей болѣе понятное названіе. Глядя на лицо этой прекрасной сеньорины, мы, кажется, совершенно ясно понимаемъ, что ее постигло одно изъ тѣхъ сердечныхъ бѣдствій, которыми слишкомъ часто подвергаются молодыя дѣвицы. Но что значить это кровавое пятно? И что общаго съ нимъ у невинности? Или можетъ быть она заколола булавкою своего вѣроломнаго любовника?

— Она совершила преступленіе!? вскричалъ художникъ. Какъ вы можете предлагать такіе вопросы, глядя на ея невинную тоску. Нѣтъ! я угадываю ея тайну: въ ея присутствіи былъ убитъ человѣкъ и кровь брызнула на ея платье.

— Такъ, во имя ея святаго патрона, отчего же она не отдастъ прачкѣ свое платье; за нѣсколько байковокъ та смыла бы это пятно. Нѣтъ, нѣтъ, любезный Панини, такъ какъ ваша картина теперь моя собственность, то я назову ее: мщеніе сеньорины. Она ночью заколола своего любовника и утромъ раскаивается въ преступленіи. При такомъ толкованіи картина будетъ понятна для всякаго и естественно будетъ представлять очень обыкновенный случай.

Такъ грубо толкуетъ свѣтъ всѣ горести, поражающія его взоры; но онъ болѣе грубъ, чѣмъ золь.

Но Гильда не искала у свѣта ни состраданія, ни деликатности, и не думала о томъ, какъ онъ взглянетъ на ея тоску. Она скрыла эту тоску въ себѣ и, можетъ быть, однимъ только голубямъ, кружившимся вокругъ ея башни, передавала стоны свои.

Она ежедневно посѣщала какой нибудь изъ древнихъ палатъ — Памфили, Доріа, Корсини, Скъярра, Боргезе или Колонна. Сторожа, какъ прежде, встрѣчали ее ласковымъ привѣтомъ, но качали головою и вздыхали, видя, съ какою грустью она поднималась по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы. Одинъ старый нѣмецкій артистъ, часто встрѣ-

чавнился съ нею въ галлерейхъ, однажды подошелъ къ Гильдѣ и, положивъ ей на голову свою почтенную руку, совѣтовалъ ей возвратиться на родину.

— Поѣзжайте скорѣе, сказалъ онъ добродушно, или вы ужъ никогда не возвратитесь туда. Если вы не хотите ѣхать домой, то крайней мѣрѣ не оставайтесь цѣлое лѣто въ Римѣ. Здѣшнимъ воздухомъ такъ долго дышали, что онъ наконецъ сдѣлался вреднымъ для такого нѣжнаго иноземнаго цвѣтка, какъ вы, мое милое дитя.

— Всѣ мои занятія и обязанности здѣсь, отвѣчала Гильда. Древнiе мастера не отпустятъ меня.

— Ахъ, эти древнiе мастера! вскричалъ ветеранъ-художникъ, качая головою. Они тираны! Вы убѣдитесь, что въ нихъ скрытъ слишкомъ мокущественный духъ, съ которымъ нечего дѣлать слабой рукѣ и нѣжному сердцу молодой дѣвушки. Помните только, что генiй Рафаэля истощилъ этого божественнаго художника прежде, чѣмъ онъ достигъ половины жизни. Если вы такъ сильно можете чувствовать влияние генiя что въ состоянiи воспроизводить его чудесныя творенiя, это чувство сожжетъ васъ, какъ огонь.

— Прежде, можетъ быть, мнѣ въ самомъ дѣлѣ угрожала такая опасность, отвѣчала Гильда; но теперь нѣтъ.

— Вы теперь именно находитесь въ такой опасности, утверждалъ старикъ, меланхолическимъ тономъ. Въ одно утро я приду въ ватиканскую Пинакотеку съ моею палитрою и кистями, буду искать тамъ мою маленькую американскую артистку, и что же найду? Кучу бѣлаго пепла на мраморномъ полу передъ Мадонной да Фолиньо Рафаэля, и только; вѣрите моему слову! Огонь, который бѣдное дитя такъ живо чувствуетъ, сожжетъ все его сердце!

— Это было бы счастливое мученичество! сказала Гильда, слегка улыбувшись; но я недостойна его! Меня тревожатъ теперь вовсе не такія мысли, какія вы предполагаете. Старые мастера меня еще удерживаютъ здѣсь, это правда; но они ужъ болѣе не согрѣваютъ меня своимъ влиянiемъ. Меня не сожигаетъ теперь пламя, но знобитъ какое-то холодное оцѣпенѣнiе, которое можетъ сдѣлать меня несчастной.

— Такъ стало быть Рафаэль нашелъ соперника, сказалъ Нѣмецъ. Онъ былъ предметомъ вашей первой любви — но молодыя дѣвушки не всегда бываютъ постоянны, и одно пламя часто въ ихъ сердцахъ гушитъ другое.

Гильда покачала головою и отошла. Она сказала правду — дѣйствительно, ей слѣдовало опасаться этого холоднаго оцѣпенѣнiя, не огня. Къ довершенiю ея несчастiя, въ эти печальные дни одиночества, проведенныя въ Римѣ, она сознала, что утратила то эстетическое чувство,

которымъ прежде обладала въ такой высокой степени. Она лишилась способности оцѣнивать великія произведенія искусства, составившія прежде значительную долю ея счастья. И это неудивительно. Какъ бы хороша ни была картина, какъ бы ни была удивительна сила художника, отъ зрителя все-таки требуется, чтобы онъ самъ ей подчинился. Вы должны смотрѣть на картину вѣрующими глазами, иначе высочайшее совершенство ускользнетъ отъ васъ. Необходимо всегда помогать искусству живописца нашимъ собственнымъ воображеніемъ и чувствительностью. Въ этомъ заключалась причина, что Гильда была замѣчательною кописткою великихъ древнихъ мастеровъ. И теперь ея способность къ душевнымъ движеніямъ была подавлена ужаснымъ оптомъ, и она тщетно искала въ своихъ друзьяхъ тѣхъ чудесъ, которыя прежде отыскивала въ нихъ безъ труда. Грустная и задумчивая, бродила она теперь по мозаичному полу длинныхъ уединенныхъ галлерей, и удивлялась, что сдѣлалось съ великолѣпіемъ, сіявшимъ нѣкогда съ нихъ стѣнъ. Съ печальнымъ чувствомъ она находила темныя стороны въ томъ, передъ чѣмъ прежде благоговѣла.

И теперь въ первый разъ во время продолжительнаго ея пребыванія въ Римѣ она ощутила въ себѣ тяжкое чувство тоски по роди-нѣ. Воображеніе рисовало ей живыя сцены ея родной деревни, съ высокими старыми вязами, чистенькіе, уютные домики, раскиданные вдоль широкой, окаймленной травой улицы, наконецъ дверь домика ея матери и свѣтлый ручеекъ, сохранившій свой золотистый цвѣтъ въ ея воспоминаніи. О, мрачныя улицы, дворцы, соборы и царственныя гробницы знойнаго, пыльнаго Рима, съ мутнымъ Тибромъ, пробивающимся между вами! Какъ грустно бѣдной дѣвушкѣ глядѣть на ваше разрушающееся великолѣпіе! какъ давите вы ея нѣжное сердце! Гильда всѣми силами души стремилась къ роднымъ, давно покинутымъ мѣстамъ, къ лицамъ, которыхъ всегда помнила, къ жизни, въ которой ни одинъ день не приноситъ никакого особеннаго событія, къ этой тихой, степенной жизни въ теченіе недѣли, заключающейся обычнымъ торжествомъ воскресенья.

Въ такія минуты, живѣе чѣмъ когда-либо, сознавая свое одиночество и потребность сочувствія, Гильда — мы должны сказать правду, хотя можетъ быть и не слѣдовало бы выдавать ея тайну — часто вспоминала о скульпторѣ. Еслибы она теперь встрѣтилась съ нимъ, можетъ быть, ея сердце не отдалось бы ему, но ея довѣріе полетѣло бы къ нему, какъ птичка къ своему гнѣзду. Въ одинъ лѣтній вечеръ особенно внимательно смотрѣла она съ вершины своей башни на далекія горы, за которыя уѣхалъ Киніонъ.

— О, еслибъ онъ былъ здѣсь! вздыхала она. Меня губитъ эта

ужасная тайна; онъ помогъ бы мнѣ переносить эту тяжесть. О, еслибъ онъ былъ здѣсь!

Гильда думала такъ въ тотъ самый вечеръ, въ который Кинионъ, стоя на вершинѣ башни Монте-Бени, смотрѣлъ на югъ и переносился въ Римъ душою и сердцемъ.

ГЛАВА VI.

Гильда и ея другъ.

Подъ вліяніемъ тяжелыхъ ощущеній, Гильда начала впадать въ мистицизмъ. Унылое расположеніе духа влекло ее въ римскія церкви, гдѣ она прежде могла бы найти высокое эстетическое наслажденіе. Но теперъ мысли ея были заняты не тѣмъ. Она искала человѣка, которому могла бы высказать свое горе, и въ минуту такого настроенія рѣшилась прибѣгнуть къ католическому аббату, почтенная наружность котораго внушала довѣріе. Патеръ сѣлъ въ исповѣдническое кресло и сталъ внимательно слушать признаніе упавшей духомъ еретички. Когда исповѣдь кончилась, Гильда, не поколебавшаяся отъ убѣжденій перейти въ католичество, стоя на колѣняхъ, приняла благословеніе духовнаго отца. Она не знала, что эту сцену видѣло третье лицо, которое стояло опершись на мраморную балюстраду, предъ главнымъ алтаремъ, уставленнымъ сотнями свѣчъ. Этотъ человѣкъ сталъ здѣсь тогда, какъ Гильда подошла къ аббату, лицо его выражало удивленіе и боязнь за послѣдствія; но онъ спокойно дождался конца исповѣди.

Простившись съ патеромъ, Гильда медленно подошла къ главному алтарю. Стоявшій возлѣ человѣкъ, казалось, колебался подойти ли къ ней или нѣтъ; но когда, послѣ короткой молитвы она повернулась, глаза ея случайно встрѣтились съ глазами этого человѣка.

— Это вы, Кинионъ, вскричала она въ радостномъ изумленіи, я такъ счастлива!

— Да, Гильда, я вижу, что вы очень счастливы, отвѣчалъ онъ угрюмо, отдернувъ свою руку послѣ слабого пожатія. Онъ дѣйствительно видѣлъ, что она сіяла какимъ-то не обыкновеннымъ счастьемъ; — что до меня, то я никогда не чувствовалъ себя такъ мало счастливымъ, какъ въ эту минуту.

— Что съ вами случилось? спросила Гильда съ участіемъ. Прому васъ скажите мнѣ. Вы можете быть увѣрены въ моей синнатіи.

— Вы будете святая Гильда, отвѣчала скульпторъ съ принужденною улыбкою.

— О, вы не сказали-бы этого, если-бы видѣли мою часть тому назадъ, проговорила она. Я была такъ несчастна!

— Почему же теперь вы такъ счастливы? спросилъ онъ. Но прежде скажите мнѣ; почему вы были несчастны?

— Если-бы я встрѣтилась съ вами вчера, я сказала бы вамъ, отвѣчала Гильда; но теперь нѣтъ нужды говорить объ этомъ.

— Откуда же взялось ваше счастье? спросилъ скульпторъ также угрюмо, какъ прежде.

— Я сбросила съ себя тяжелое бремя, которое давило меня.

Они пошли изъ церкви. Изъ разговора Киніонъ съ удовольствіемъ узналъ, что Гильда не измѣнила вѣрѣ своихъ отцовъ и что усилія патера склонить ее къ католицизму остались тщетны.

Достигнувъ башни, Гильда простилась съ Киніономъ, и пошла наверхъ. Взглянувъ изъ окна на пыльную улицу, она увидала стоявшаго внизу скульптора и махнула ему рукою.

— Какъ онъ печаленъ, подумала она. О, если-бы я могла узнать, что тяготитъ его душу!

— Это не жеманна, а духъ, думалъ въ это время Киніонъ. Если-бы я могъ подняться до высоты этого чистаго, благороднаго созданія, или привлечь его на землю!...

Время, когда художники и туристы возвращаются въ Римъ. еще не наступило; потому Киніонъ и Гильда чувствовали себя почти одинокими посреди вѣчнаго города. Замкнутая жизнь туземнаго населенія все болѣе и болѣе сближала ихъ, какъ будто они были вмѣстѣ выброшены на необитаемый островъ; или вѣрнѣе, путались въ какомъ-то непринадлежащемъ здѣшнему мѣсту городѣ, безъ населенія, съ улицами, обставленными пустыми дворцами, наполненными неисчислимымъ множествомъ прекрасныхъ вещей, наследниками которыхъ были они одни.

Очень естественно, что при такихъ обстоятельствахъ Гильда вела себя очень осторожно, что превратило ихъ отношенія въ спокойныя дружественныя, хотя въ душѣ Киніона цвѣтъ любви давно уже разцвѣлъ. Но это не мѣшало имъ быть совершенно счастливыми. Оба они обратились къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ. Киніонъ, талантъ котораго, подъ незамѣтнымъ вліяніемъ Гильды, приобрѣлъ болѣе деликатный характеръ, вылѣпилъ изъ глины статуэтку дѣвушки, собирающей подсиѣжники; но не хотѣлъ вырѣзать ее изъ мрамора, полагая, что это слишкомъ легкое произведеніе должно утратить свою

предлость, если его заключить въ несокрушимый тяжелый материалъ.

Гильда съ новою любовью принялась за свое прежнее занятіе; но едва ли она была теперь такою совершенною кокеткою, какъ прежде. Она чувствовала, что утратила способность такъ вполне подчиниться оригиналу, что въ характерѣ ея явилась твердость и самостоятельность, которыми, не лишая ея способности вѣрно понимать произведеніе искусства, давали ей возможность открыть, что было въ немъ недѣйствительнаго. Таковъ былъ результатъ ея непродолжительнаго, но тяжкаго опыта.

Проходили мѣсяцы, и Римъ снова сталъ наполняться иностранцами. Англійскіе путешественники заняли отели; на Корсо снова слышался англійскій языкъ, сады Пинчіо снова наполнились дѣтьми британской породы. Приближалась зима, и въ одно утро пальцы Гильды, работавшей въ галлерей, такъ ооченьѣли, что она принуждена была прекратить работу. Въ одинъ изъ такихъ холодныхъ дней она посѣтила мастерскую своего друга.

Между тѣмъ римскіе рабочіе Киніона заняты были его Клеопатрою. Египетская царица уже начинала пробиваться изъ камня, или вѣрнѣе, работники нашли ее въ массѣ мрамора, чудомъ какимъ-то заключенную туда, но еще дышащую полною жизнью.

— Мнѣ стыдно сказать, какъ я восхищена этою статуею, сказала Гильда. Этого не могъ бы сдѣлать ни одинъ скульпторъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать это, отвѣчалъ Киніонъ. Итакъ какъ скромность удерживаетъ васъ отъ большихъ похвалъ, то я стану думать, что вы сказали все, что художникъ желалъ бы слышать.

— И все-таки вы не превзойдете моего мнѣнія.

— Ваши слова наполняютъ мою душу счастьемъ, отвѣчалъ скульпторъ, и я въ немъ теперь особенно нуждаюсь, ради моей Клеопатры. Теперь наступилъ этотъ неизбѣжный періодъ, когда мои статуи начинаютъ казаться бездушными камнями. Признаюсь, я съ удовольствіемъ ударилъ бы бѣдную Клеопатру по носу этимъ молотомъ.

— Такой ударъ, кажется, рано или поздно, долженъ постигнуть всѣ статуи, хотя и не отъ руки, извалявшей ихъ, сказала Гильда. Но упадокъ вѣры въ свои произведенія не долженъ лишать васъ надежды. Такое состояніе художника, въ какомъ вы теперь находитесь, есть только доказательство, что онъ можетъ идти дальше, задумать болѣе возвышенный планъ, который въ настоящемъ кажется неосуществимымъ.

Въ такомъ случаѣ для художника остается одно утѣшеніе, сказалъ Киніонъ, что плохой образъ покажется порядочнымъ въ глазахъ тѣхъ, кто недалеко съ оригиналомъ.

— И еще одно утѣшеніе, прибавила Гильда — что есть люди,

которымъ снисканіи можеть видѣть достоинства сквозь недостатки. Кто не можеть найти въ произведеніи искусства больше, чѣмъ вложилъ въ него художникъ, тому, я думаю, не слѣдуетъ смотрѣть на картины и статуи, и не нужно читать поэтовъ.

— Вы, Гильда, единственный критикъ, которому я вѣрю, сказалъ Киніонъ. Еслибъ вы осудили Клеопатру — ни что не спасло бы ея.

— Вы налагаете на меня такую страшную отвѣтственность, что я не осмѣлюсь сказать ни слова о другихъ вашихъ произведеніяхъ, отвѣчала она.

— По крайней мѣрѣ объ этомъ скажите, узнаете-ли вы этотъ бюстъ? сказалъ Киніонъ, указывая на бюстъ Донателло. То былъ не тотъ бюстъ, который онъ началъ въ Монте Бени, но воплощенное въ камень воспоминаніе скульптора, составившееся подъ вліяніемъ знакомства его съ исторіею фамиліи графовъ Монте Бени и наследственнымъ характерѣ послѣдняго ихъ потомка. Еще не совсѣмъ оконченный бюстъ стоялъ на деревянномъ пьедесталѣ, вокругъ котораго валялись отсѣченные куски мрамора и лежала толстымъ слоемъ пыль. Странно сказать, но этотъ бюстъ гораздо болѣе походилъ на Донателло, чѣмъ тотъ, который Киніонъ лѣпилъ въ замкѣ, имѣя предъ собою оригиналъ.

— При первомъ взглядѣ я не была совершенно увѣрена, что знаю это лицо, сказала Гильда. Сходство не поразительно; вишінія черты имѣютъ много общаго съ фавномъ Праксителя; но выраженіе совсѣмъ другое.

— Какое же? спросилъ скульпторъ.

— Я не могу точно опредѣлить его, отвѣчала Гильда. Чѣмъ больше я смотрю на это лицо, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что оно постепенно проявляется и производитъ впечатлѣніе постоянно усиливающагося сознанія и нравственнаго смысла. Въ лицѣ Донателло видна живость, способность наслаждаться; этотъ бюстъ представляетъ фавна, это правда, но фавна, сдѣлавшаго шагъ къ высшему развитію.

— Неужели вы все это видите, Гильда? воскликнулъ изумленный скульпторъ. Можеть быть, у меня дѣйствительно была эта мысль, но я вовсе не думалъ, что осуществилъ ее въ мраморѣ.

— Извините меня, сказала Гильда; но я еще сомнѣваюсь, было-ли это вашею цѣлю; не есть ли это сходство простою случайностью, которое можеть уничтожить одинъ ударъ рѣзца.

— Я думаю, что вы правы, Гильда, отвѣчалъ Киніонъ, задумчиво всматриваясь въ свою работу. Странно, что это именно то выраженіе, которое я старался дать глиняной модели, и не могъ. Пусть же этотъ бюстъ останется такъ, какъ есть; я его не трону.

Влѣдствіе этого разговора бюстъ Донателло, подобно грубой не-обработанной массѣ микель-анжеловской головы Брута, находящейся во Флоренціи, остался неоконченнымъ. Многіе ошибаются, почитая его неудавшеюся попыткою скопировать черты праксителева фавна. Можетъ быть одинъ изъ тысячи зрителей находить въ немъ нѣчто болѣе, долго вглядывается въ него и, уходя, много разъ оборачивается назадъ. Наблюденіе надъ недооконченнымъ портретомъ Донателло возбудило въ насъ интересъ къ этому лицу и заставило узнать отъ Киніона исторію приключеній его друга.

ГЛАВА VII.

Воспоминанія о Мириамъ.

Разсматривая бюстъ Донателло, скульпторъ погрузился въ воспоминанія, вызванныя чертами друга.

— Вы давно не видѣли Донателло, и потому не знаете, какъ онъ переимѣнился.

— Не удивительно! воскликнула Гильда, поблѣднѣвъ.

Она вспомнила ужасную сцену на Тарпейской скалѣ, когда лицо Донателло вспыхнуло кровожадностію.

— Не удивительно, говорите вы? повторилъ скульпторъ, въ которомъ это восклицаніе возбудило интересъ; но онъ не былъ удивленъ, потому что давно уже подозрѣвалъ, что Гильдѣ извѣстны событія, о которыхъ онъ только догадывался. Такъ вы знаете? вы слышали? но что вы могли слышать?

— Ничего, отвѣчала Гильда. До меня не доходило ни одного слѣва. Оставимъ этотъ разговоръ, и никогда не будемъ возобновлять его.

— И о Мириамъ также нельзя говорить? спросилъ Киніонъ съ возрастающимъ интересомъ.

— Тише! даже имени ея нельзя произносить. Старайтесь не думать объ этомъ. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія! проговорила Гильда тихимъ голосомъ.

— Неужели эта тайна была скрыта въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ въ вашемъ нѣжномъ сердцѣ! произнесъ Киніонъ, съ удивленіемъ

и глубокой симпатіей глядя на нее. Не удивительно, что жизнь ваша увидала.

— Дѣйствительно такъ было, сказала Гильда съ содроганіемъ. Тенеръ еще мнѣ становится дурно при одномъ воспоминаніи.

— И какъ-же вы все это могли узнать? продолжалъ скульпторъ— но впрочемъ оставимъ это! помните только, что ежели вамъ нужно будетъ облегчить свою душу, вы свободно можете говорить со мною объ этихъ воспоминаніяхъ, потому что сама Миріамъ желала, чтобъ вы ихъ мнѣ довѣрили.

— Она желала этого? воскликнула Гильда— да, я помню, она совѣтовала мнѣ передать вамъ эту тайну. Но мнѣ нѣтъ надобности теперь говорить объ ней. И неужели Миріамъ говорила съ вами! Какая же это женщина, если она можетъ говорить съ друзьями о своемъ участіи въ преступленіи!

— Ахъ, Гильда, отвѣчалъ Киніонъ, вы еще не знаете и не могли узнать, потому что сердце ваше слишкомъ чисто — вы не знаете, какъ странно добро и зло смѣшивается въ человѣкѣ, какъ величайшій преступникъ можетъ показаться вамъ вовсе не такъ виновнымъ, если вы станете смотрѣть на него съ его точки зрѣнія. Такъ и Миріамъ и Донателло. Они можетъ быть участвовали въ дѣлѣ, которое мы должны назвать страшнымъ преступленіемъ; но, признаюсь, когда я думаю о начальной причинѣ ихъ поступка, о побужденіяхъ и чувствахъ, о внезапномъ стеченіи обстоятельствъ, о рѣшительности мигу и высококомъ самоотверженіи, — я не знаю, какъ отдѣлить тутъ преступленіе отъ того, что свѣтъ называетъ героизмомъ. По моему мнѣнію, надъ ними можно произнести такой приговоръ: достойнъ смерти, но достоинъ и любви.

— Никогда! вскричала Гильда, это дѣло и его причины для меня тайна и должны остаться тайною; но я думаю, что оно можетъ быть либо правое, либо неправое и не понимаю, какъ двѣ такія противоположныя вещи могутъ смѣшиваться въ одномъ и томъ же поступкѣ. Я такъ думаю и если вы меня убѣдите въ противномъ, я собьюсь съ прямого пути.

— Я всегда чувствовалъ, что вы слишкомъ строгій судья, сказалъ Киніонъ, улыбаясь при мысли о непрактической теоріи Гильды. Но вы сами не чувствуете надобности въ милосердіи и потому не знаете какъ показать его другимъ.

— Въ вашихъ словахъ звучитъ горькая насмѣшка, сказала Гильда, чуть не плача. Но вы никогда не будете въ состояніи разрушить моего убѣжденія.

Скульпторъ хотѣлъ повидимому еще что-то сказать, но уступилъ

настойчивости своего кроткаго друга. Она была очень печальна; потому что этотъ разговоръ вызвалъ всѣ мучительныя воспоминанія, помрачавшія ея свѣтлую душу. Она суше чѣмъ обыкновенно простилась съ Киниономъ и пошла въ свою башню.

Несмотря на ея усилія оторваться отъ этихъ предметовъ, мысли бѣдной дѣвушки постоянно вращались вокругъ Мириамъ и ея знакомства съ нею. Воспоминанія объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ привели наконецъ къ мысли, которую она выражала слѣдующими словами:

— Мириамъ меня очень любила, а я оставила ее, когда она всего болѣе во мнѣ нуждалась.

Гильда не ошибалась: Мириамъ дѣйствительно ее очень любила и успѣла возбудить въ спокойной и сдержанной Гильдѣ самую сильную привязанность, которая никогда въ ней не угасала и можетъ быть была причиною ея нравственныхъ страданій. Эта же привязанность привела ее теперь къ мысли, не виновата ли она передъ Мириамъ. Припоминная подробности послѣднихъ свиданій, она вдругъ вспомнила о запечатанномъ пакетѣ, который Мириамъ вручила ей, прося передать его по адресу, если она не потребуетъ его обратно до истеченія извѣстнаго срока. Гильда ускорила шаги, боясь, что срокъ уже прошелъ. Онъ еще не прошелъ: прочитавъ короткое наставленіе написанное на углу пакета, Гильда увидѣла, что его нужно отнести въ тотъ же самый день.

— Я чуть—было не нарушила моего обѣщанія! подумала она. Съ той минуты, какъ мы разстались, оно сдѣлалось для меня священнымъ, какъ завѣщаніе умершаго друга. Теперь нельзя терять ни минуты.

И Гильда немедленно отправилась въ ту часть города, гдѣ находится палаццо Ченчи. Ея самоувѣренность, развитая привычкою быть всегда самостоятельною, устранила въ настоящемъ случаѣ всякую мысль объ опасности. Она пошла теперь одна въ самую грязную часть Рима, гдѣ на маломъ пространствѣ столпились тысячи Евреевъ и живутъ тѣсно и неопратно, какъ червяки въ испорченномъ сырѣ. Она прошла мимо Гетто, гнѣзда Евреевъ, окружности котораго были тоже грязны и имѣли такую же наружность, какъ и оно. Здѣсь безпорядочно толпились отвратительныя домишки, массивно нагроможденные изъ развалинъ прѣкнихъ вѣковъ; они выстроены безъ плана, какъ обыкновенно строятъ свои лачужки нищіе; и однакожъ мѣстами виднѣлись ворота съ арками, корнизамъ, колоннами, или разбитая аркада, которая могла бы служить украшеніемъ любому дворцу. Многіе изъ этихъ домовъ, дѣйствительно могли быть когда-то дворцами и до настоящаго времени хранили жалкіе остатки величія. Грязь была повсюду, на узкихъ улицахъ, на домахъ; она видна была въ окнахъ, лежала на

вероятъ и принимала образъ человѣческой жизни въ дѣтяхъ, которые, казалось, изъ нея родились, какъ будто отцомъ ихъ было солнце, а матерью — куча римской грязи.

Мрачный палаццо Ченчи, какъ жилище Беатрисы, имѣлъ для Гильды особенный интересъ, хотя недостаточно сильный, чтобы уничтожить несприятное впечатлѣнiе, производимое его наружностью и привлечь на его порогъ. На сосѣдней площади, жалкой наружности, находилась одна только старая торговка, продававшая жареные каштаны и печенныя тыквы. Она съ недоумѣнiемъ посмотрѣла на Гильду и спросила, не заблудилась-ли она.

— Нѣтъ, я ищу палаццо Ченчи, отвѣчала Гильда.

— Вотъ онъ, близко, прекрасная синьорина, сказала торговка. Если вы желаете отдать тамъ этотъ пакетъ, который я вижу въ вашей рукѣ, мой внукъ Пьетро сбѣгаетъ туда за однимъ байонъ; палаццо Ченчи не хорошее мѣсто для молодыхъ дѣвушекъ.

Гильда поблагодарила старую даму, но отклонилась отъ предложенiя, сказавъ что ей необходимо лично отдать этотъ пакетъ. Она приблизилась къ палаццо Ченчи, который, несмотря на свою огромность, имѣеть жалкую наружность, вовсе не приличную жилищу прекрасной тѣни Беатриче. Стоявшiе у портала солдаты смотрѣли на молодую дѣвушку съ удовольствiемъ, но не нарушили приличiя. Гильда пошла по лѣстницѣ и должна была пройти три высокихъ этажа прежде чѣмъ достигла двери, которой искала.

На другой день утромъ Кинионъ, условившiйся съ Гильдою при послѣднемъ свиданiи въ мастерской, посѣтитъ Ватиканъ, ходилъ по широкимъ заламъ, въ ожиданiи своего друга. Занятый мыслью о причинѣ неисправности Гильды, онъ ничего не видѣлъ, или лучше, смотрѣлъ на все разочарованными глазами. Величественныя созданiя искусства казались ему бездушными истуканами и въ самоѣ Аполлонѣ бельведерскомъ онъ видѣлъ однѣ вышнiя формы, и ничего божественнаго, неземнаго, чѣмъ прежде столько разъ восхищался. Печальный, убитый духомъ, возвратился онъ въ свою мастерскую, принялся было за работу, но ничего не сдѣлалъ и пошелъ бродить по Корсо, наполненномъ въ это время толпами прохожихъ. Во время этой прогулки онъ встрѣтилъ кающагося.

То была фигура, одѣтая въ бѣлое платье, съ лицомъ, покрытымъ маскою, сквозь отверстiя которой сверкали глаза. Такiя фигуры часто встрѣчаются на улицахъ въ Италiи; обыкновенно это златые люди, которые, оставивъ свои дворцы, удовольствiя, роскошь и гордость, надеваютъ на время одежду кающагося, съ цѣлью загладить какое нибудь преступленiе или межiе грѣшки свѣтокой жизни. Они обыкновенно

венно просят милостыни, и можетъ быть, продолжительность покаянія соразмѣряютъ съ суммою собраниыхъ денегъ. Эти фигуры производятъ всегда странное впечатлѣніе не столько своею странною наружностью, сколько таинственностью и тѣмъ еще, что возбуждаютъ мысль о грѣхахъ, принудившихъ ихъ къ такого рода покаянію.

Въ настоящемъ случаѣ кающійся не попросилъ милостыни у Кинона, хотя и остановился предъ нимъ на минуту, такъ что скульпторъ успѣлъ разглядѣть его черные впалые глаза, сверкавшіе изъ-за маски.

— Все-ли у васъ хорошо? спросила фигура.

— Все хорошо, отвѣчалъ Кинонъ. — А у васъ?

Толпа раздѣлила ихъ въ эту минуту и кающійся, не успѣвъ отвѣтить, скрылся. Кинонъ хотѣлъ было поспѣшить за нимъ, но вспомнивъ принятый этикетъ, запрещающій узнавать людей подъ покрываломъ кающагося грѣшника, пошелъ въ другую сторону.

— Это Донателло! думалъ онъ. Что привело его сюда? Онъ съ такимъ отвращеніемъ говорилъ о Римѣ. Неужели и Мириамъ здѣсь?

Кинонъ шелъ дальше, думая о странной пережвѣтѣ, происшедшей въ Донателло во время его знакомства съ нимъ.

Онъ взянулъ на эту встрѣчу съ исключительной точкой зрѣнія и принялъ ее за зловѣщее предзнаменованіе, хотя и не могъ опредѣлить, какое именно несчастье ему угрожаетъ. Тѣмъ не менѣе идея объ опасности, смѣшавшись съ мыслью о Гильдѣ, неявившейся въ Ватиканъ, повергла Кинона въ уныніе. Чтобы неоставаться въ неизвѣстности, ему слѣдовало бы пойти въ мастерскую Гильды и тѣмъ освѣдочиться о причинѣ, удержавшей ее. Но онъ этого не сдѣлалъ изъ досады, очень свойственной влюбленнымъ, увеличивавшейся вслѣдствіе того, что онъ намѣревался при этомъ свиданіи заговорить о предметѣ, о которомъ влюбленные готовы говорить вездѣ, лишь бы только на ихъ признаніе отвѣчали благосклонно.

Исполненный самыхъ разнообразныхъ мыслей и чувствъ, Кинонъ отправился въ café Nuovo, съ намѣреніемъ пообѣдать тамъ и выпить бутылку монтефіасконе; но вино не произвело никакого дѣйствія. Послѣ обѣда онъ пошелъ въ театръ Арджентино, но вышелъ оттуда такимъ же угрюмымъ, какъ вошелъ.

Проходя по узкимъ улицамъ, онъ встрѣтилъ карету, въ которой газовый фонарь освѣтилъ лицо даммы, высунувшейся изъ окна и протянувшей къ нему руку. Кинонъ узналъ ее и быстро пошелъ къ каретѣ, которая остановилась.

— Вы здѣсь, Мириамъ! воскликнулъ онъ, а ваши друзья не знаютъ объ этомъ.

— Все ли у васъ хорошо? спросила Мириамъ. Этотъ вопросъ, слѣ-

*

во въ слово слышанный имъ отъ Донателло, крайне удивилъ его. Онъ началъ думать, что въ этихъ словахъ дѣйствительно кроется нѣчто зловѣщее.

— Кажется, все хорошо, отвѣчалъ онъ съ недоумѣніемъ. Я не знаю ни о какомъ несчастіи. Развѣ вы сообщите мнѣ чтонибудь.

Говоря это, онъ пристально глядѣлъ на Миріамъ, какъ бы сомнѣваясь, дѣйствительно ли съ нею онъ говорить. Онъ нашель въ лицѣ ея перемѣну, которая можетъ быть происходила отъ ея богатаго наряда и драгоценнаго камня, сіявшаго у нея на груди.

— Говорите, пожалуйста, если вы можете сказать! сказать мнѣ чтонибудь! вскричалъ Киніонъ съ нетерпѣніемъ. Двусмысленныя слова Миріамъ сильно взволновали его.

Вмѣсто отвѣта она жестомъ дала ему знать о присутствіи третьяго лица; въ каретѣ дѣйствительно сидѣлъ какой то италіанецъ, съ желтымъ лицомъ, котораго онъ не могъ разсмотрѣть.

— Я ничего не могу сказать вамъ сегодня, отвѣчала она наконецъ. Но вы не должны отчаиваться, если погаснетъ лампада.

Черезъ нѣсколько минутъ карета скрылась, а Киніонъ, волнуемый разными дурными предчувствіями, остался размышлять объ этомъ странномъ свиданіи, повергшемъ его еще въ большее недоумѣніе.

— Какой же я безпечный, нерѣшительный дуракъ! воскликнулъ онъ. Они вѣроятно знаютъ о какомънибудь несчастіи, а я упустилъ ихъ!

Сфера его жизни была такъ узка, что если въ ней могло случиться несчастіе, то хотя онъ и не могъ опредѣлить, въ чемъ оно зачалось, однакожъ не колеблясь могъ сказать, что оно касалось Гильды. Быстрыми шагами пошелъ онъ теперь къ Via Portoghese и скоро увидѣлъ предъ собою массивный палаццо, утонувшій во тьмѣ; только на вершинѣ его сіяла лампада, зажженная передъ образомъ Мадонны. Слабый лучъ ея освѣтилъ сердце скульптора; но вдругъ онъ увидѣлъ, что лучъ сталъ слабѣть, потомъ вспыхнулъ ярко и—погасъ. Башня Гильды скрылась въ темнотѣ.

ГЛАВА VIII.

Голуби Гильды разлетѣлись,

Киніонъ не вѣрилъ глазамъ своимъ; онъ даже остановилъ какого-то человѣка въ плащѣ и обратился къ нему съ вопросомъ.

— Будьте такъ добры, синьоръ, посмотрите, горитъ ли тамъ наверху лампада передъ образомъ?

— Лампада, синьоръ, горитъ тамъ уже четыреста лѣтъ, отвѣчалъ тотъ, не давъ себѣ труда поглядѣть вверхъ.

— Посмотрите однакожъ, она, кажется, погасла, нетерпѣливо возразилъ скульпторъ. Добродушный Итальянецъ, приписывая, вѣроятно, этотъ вопросъ эксцентричности иностранца, взглянулъ вверхъ и воздвѣ руки къ небу, вскричалъ отъ удивленія и испуга:

— Дѣйствительно погасла! она четыреста лѣтъ горѣла! это не мѣ добру! уйдите скорѣе отсюда, чтобы башня не обрушилась вамъ на голову.

Итальянецъ торопливо ушелъ, а Кинионъ рѣшился, несмотря на позднюю пору, удостовѣриться, въ башнѣ ли Гильда или нѣтъ. Пройдя подъ арками воротъ, которые въ Римѣ не запираются ни днемъ, ни ночью, онъ засвѣтилъ восковую свѣчу и пошелъ по широкой лѣстницѣ. Достигнувъ двери, онъ постучалъ сначала очень тихо, потомъ сильнѣе, наконецъ очень громко и нетерпѣливо, но отвѣта не было. Ясно, что Гильды не было дома. Кинионъ пошелъ внизъ, останавливаясь въ каждомъ этажѣ и стучалъ въ двери, ни мало не думая, что тревожитъ сонъ. Онъ желалъ знать по крайней мѣрѣ, когда видѣли Гильду въ послѣдній разъ. Но на его стукъ ни кто не откликнулся. Оставалось уйти домой и ждать утра.

На другой день рано утромъ онъ опять началъ свои поиски въ башнѣ, которые на этотъ разъ были гораздо удачнѣе. Добрые Итальянцы съ такимъ искреннимъ участіемъ выслушивали его и, судя по ихъ словамъ, готовы были обыскать все дно морское, еслибъ Кинионъ имъ сказалъ, что Гильда могла туда укрыться. Но ихъ участіе ограничивалось одними громкими словами. Главная задача скульптора состояла въ томъ, чтобы узнать, когда видѣли Гильду въ послѣдній разъ. Англичанка, жившая во второмъ этажѣ палатцо, утверждала, что видѣла Гильду вчера утромъ съ альбомомъ въ рукѣ; но такъ какъ не была знакома съ нею, то не обратила на нее вниманія, а потому можетъ быть и ошибается. Какой-то графъ, жившій этажемъ выше, увѣрялъ, что два дня тому назадъ раскланялся съ Гильдой въ воротахъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, старая женщина, наблюдавшая прежде за лампой, объяснила, что въ лампу нужно наливать масло каждыя три дня. Продавецъ фруктовъ при этомъ вспомнилъ, что видѣлъ, какъ Гильда вышла изъ воротъ съ конвертомъ и что съ того времени прошло уже два дня.

Собравъ все эти толки, Кинионъ убѣдился, что Гильда не возвратилась домой съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ его мастерской. Ему

удалось найти жену того чело­вѣка, у котораго Гильда нан­имала квартиру, и убѣдить ее в­пустить его въ жилище молодой дѣвуш­ки, такъ какъ у этой женщины былъ другой ключъ. При входѣ въ ком­нату, скульпторъ былъ пораженъ необыкновенною чистотою и по­рядкомъ, соединенными съ простою граціей. Въ эту минуту, въ его сердцѣ пробудилось болѣе ясное и болѣзненное сознаніе понесенной имъ потери.

— Вотъ, синьоръ, сказала старуха, по этой дѣсенкѣ сидорина поднималась зажигать лампаду.

Кинионъ не предложению старухи поднялся по лѣстницѣ и увидѣлъ на столѣ передъ образомъ Мадонны тотъ самый букетъ, который онъ в­однесъ Гильдѣ. Это открытіе тронуло его до глубины души.

— Не печальтесь, синьоръ, сказала Римлянка, замѣтивъ вздохъ, вырвавшійся изъ груди скульптора. Прекрасная синьорина, какъ доб­рая католичка, ухаживала за образомъ, и святая Дѣва не оставитъ ее: она вернется.

Проходя черезъ мастерскую, которая была скульптору хорошо знакома, онъ замѣтилъ, что на столѣ не было маленькой шкатулки съ именнымъ приборомъ, гдѣ, какъ Киниону было извѣстно, Гильда прятала письма и другія маленькія вещи, нѣбидія въ ея глазахъ осо­бенную цѣну.

— Гдѣ шкатулка? спросилъ онъ.

— Что? воскликнула старуха, вы думаете, что здѣсь что нибудь украдено?

— Я самъ видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ на этомъ столѣ шкатулку, и теперь ея нѣтъ.

— Вѣроятно, синьорина взяла ее съ собою, отвѣчала Римлянка, овла­дѣвъ собою. Это хорошій знакъ: значить, скоро возвратится.

— Это странно! произнесъ Кинионъ. Съ тѣхъ поръ, какъ синьо­рина ушла, вы никому не отворали дверей?

— Сохрани Богъ! воскликнула Римлянка. Самая не входила, и никто не могъ войти, потому что въ цѣломъ Римѣ не найдете друга­го ключа, который подошелъ бы къ этой двери. Тутъ старинный за­мокъ.

— Очень странно! куда же могла про­нестъ шкатулка! сказалъ Ки­нионъ, не имѣвшій основательной причины не до­вѣрять словамъ старухи, хотя впрочемъ зналъ, что ложь не составляетъ слишкомъ тяжка­го бремени для самой чувствительной совѣсти Итальянца.

— Дѣйствительно, это странно! подтвердила старуха, прямо глядя ему въ глаза. Всего вѣроятнѣе, что синьорина взяла ее съ собою.

Киниону нечего было болѣе дѣлать въ этомъ домѣ. Онъ ушелъ,

сказать хозяйкѣ, чтобъ квартира Гильды осталась въ прежнемъ видѣ и что онъ будетъ платить за нее.

Поиски и распросы, которыми онъ посвящалъ весь этотъ день, ничего не открыли. Прошла недѣля — и всѣ возможныя средства объяснить тайну остались тщетны. Сначала онъ боялся сдѣлать исторію Гильды гласною; но потомъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи своихъ товарищей художниковъ, наконецъ обратился къ полиціи, хотя зналъ, что римская полиція въ частныхъ дѣлахъ не очень тороплива. Однакожъ полиція выразила сильную надежду на успѣхъ.

Теперь скудпоторъ желалъ встрѣтиться съ Мириамъ, таинственные слова которой не выходили у него изъ головы; но гдѣ и какъ встрѣтиться съ нею? Уходили дни за днями, а о Гильдѣ не было никакихъ вѣстей. Лампада у образа ужъ болѣе не зажигалась и въ теченіи всего этого времени нигдѣ, даже на небѣ несчастному влюбленному не оіялъ лучъ надежды. Несмотря на всю твердость характера, онъ упалъ духомъ и самыя пустыя обстоятельства теперь могли разстраивать его и тревожить. Прохаживаясь по улицѣ, гдѣ находилась башня Гильды, онъ замѣтилъ, что въ концѣ второй недѣли стая голубей начала уменьшаться, и скорѣе и совсѣмъ разлетѣлась. Остался одинъ только голубокъ, вѣроятно любимецъ хозяйки. Киніонъ сравнивалъ эту стаю съ своими разлетѣвшимися надеждами. Но что означаетъ этотъ одинокій голубокъ? — Надежду или отчаяніе?

Однажды во время прогулки по извѣстной читателю улицѣ, Киніонъ встрѣтилъ почтеннаго аббата. Это былъ тотъ самый святой отецъ, въ которому когда-то въ минуту тоски и унынія обратилась Гильда за утѣшеніемъ. Киніонъ ошеловидъ его почти безсознательнымъ восклицаніемъ, съ которымъ готовъ былъ обращаться не только къ незнакомымъ людямъ, но даже къ невидимымъ предметамъ.

— Она прележала, святой отецъ!

— Кто прележалъ, сынъ мой? спросилъ изумленный аббатъ.

— Та дѣвушка, которая приходила договаривать съ вами, отвѣчалъ онъ. Вы не могли забыть ее, потому что никто изъ исповѣдывавшихся у васъ не имѣлъ менѣе ея надобности каяться въ своихъ грѣхахъ.

— О, да, какъ же, помню, отвѣчалъ аббатъ. Хоть она и еретичка, однакожъ имѣла успокоеніе въ исполненіи уставовъ нашей церкви — это великій примѣръ. Я намѣренъ на трехъ языкахъ изложить краткій разсказъ объ этомъ чудотворномъ дѣйствиіи чистосердечной исповѣди, въ исчисленіе другимъ еретикамъ и всего человѣчества. Оставайся въ спорной ереси, и согладаюсь съ вами, что она точно была безумиришанкою. — Чтожъ, она умерла?

— Избави Богъ! Изтъ! она не умерла, но пропала, неизвѣстно

куда. Не может ли вашъ разговоръ съ нею объяснить эту ужасную загадку?

— Не можетъ, сынъ мой, не можетъ. Впрочемъ, вы должны радоваться теперь. Я увѣренъ, что эта дѣвушка не умретъ еретичкою; она обратится къ истинной вѣрѣ.

Аббатъ благословилъ скульптора и ушелъ, не сказавъ больше ни слова. Но слова его не произвели того утѣшительнаго дѣйствія на душу Киніона, какое предполагалъ патерь; они дали только другой оборотъ его мыслямъ. — Ужъ не попала-ли она въ руки горячихъ пропагандистовъ, которыхъ такъ много въ Римѣ, и которыхъ могла быть извѣстна ея исповѣдь. Но онъ былъ увѣренъ въ твердости Гильды и потому это отступленіе отъ общаго направленія его мыслей продолжалось недолго.

Встрѣча съ аббатомъ случилась въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ февральскихъ дней. Въ это время въ Римѣ ужъ наступаетъ весна и въ мѣстахъ, согрѣваемыхъ солнцемъ, начинаютъ появляться фиалки и маргаритки. Долго Киніонъ бродилъ безъ цѣли, наконецъ вышелъ за ворота Санъ-Себастіана и быстро пошелъ по Аппіевой дорогѣ. Вскорѣ онъ достигъ того мѣста, гдѣ не такъ давно стали открывать какія-то древнія развалины. Все это пространство, окруженное подземными стѣнами, походило на открытый сверху погребъ. Ничего впрочемъ здѣсь не было необыкновеннаго: всѣмъ извѣстно, что въ окрестностяхъ Рима стоятъ разрыть землю на нѣсколько футовъ и въ ней откроются куски мрамора, медали, кольца; станете рыть дальше и найдете богатые фрески, украшающія какія-то залы, — это гробницы.

Киніонъ сѣлъ на каминный обломокъ, на краю ямы и вкорѣ заглянулъ нѣчто похожее на мраморную фигуру. Онъ началъ рыть и мало по малу передъ нимъ сталъ обрисовываться торсъ женщины, принадлежащій, вѣроятно, греческому рѣзцу; головы и рукъ до локтей не было. Киніонъ продолжалъ рыть съ нетерпѣніемъ и нашелъ то и другое. Обчистивъ мраморъ, онъ сталъ складывать фигуру; оказалось, что это Венера. Онъ сѣлъ возлѣ мраморной женщины и долго смотрѣлъ на нее, помышляя о томъ, кому должна принадлежать она; потомъ эти мысли какъ-то странно соединялись съ мыслями о Гильдѣ, вмѣсто которой онъ нашелъ эту разбитую красавицу. И долго, можетъ быть, онъ просидѣлъ бы такъ, погруженный въ неопредѣленные, ускользающія отъ сознанія мысли, еслибы къ ямѣ не подбѣжалъ маленькій мулъ и не заглядывалъ въ нее. Появленіе этого пообѣтителя вывело молодого человѣка изъ задумчивости; онъ всталъ и увидѣлъ на краю ямы дѣйствующую фигуру, одѣтую въ крестьянское платье и усердно приветствующую его на италіанскомъ языкѣ. Въ этихъ фигурахъ, которыя, несмотря

на все безобразіе одежды, поражали своею красотою и граціею формъ, скульпторъ безъ труда узналъ Миріамъ и Донателло.

— Теперь карнавалъ! сказала Миріамъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ скульптора. Помните, какъ мы веселились въ прошломъ году въ это время?

— Теперь мы всё перемѣнились, возразилъ скульпторъ, на котораго веселый тонъ Миріамъ не произвелъ никакого дѣйствія.

Здѣсь приходится замѣтить одну странность, которой подвержены всѣ люди: когда имъ приходится говорить объ очень серьезныхъ вещахъ, они не вдругъ приступаютъ къ своему предмету и повидимому избѣгаютъ его, пока какъ нибудь случайно до него не договорятся. Такъ случилось и съ нашими друзьями.

— Какая красавица! сказала Миріамъ, указывая на статую. Она несравненно выше той Венеры, которую мы видѣли во Флоренціи.

— Да, она прекрасна, замѣтилъ Киніонъ. Когда-то одного взгляда на такую статую мнѣ было достаточно, чтобъ сдѣлаться счастливымъ на цѣлый день.

— А теперь? живо спросила Миріамъ. Я думала, что и теперь вы способны понимать прекрасное и душевно была рада за васъ, когда, вѣскольکو дней тому назадъ, Донателло замѣнилъ эту статую.

— Благодарю васъ, Миріамъ; но теперь я охладѣлъ ко всему.

— Зачѣмъ вы такъ долго оставляете нашего добраго друга въ недоумѣніи, Миріамъ? сказалъ Донателло. Вы знаете, что его безпокоитъ, скажите же ему поскорѣе.

— Какъ вы спѣшите, мой милый другъ! тревожно возразила Миріамъ. Развѣ вы не видите, что мнѣ страшно говорить ему? Вы можете быть совершенно покойны, Киніонъ; но я медлю, колеблюсь, потому что каждое мое слово приближаетъ меня къ кризису, котораго я трепещу. Ахъ, Донателло, проживемъ еще вѣскольکو дней, такъ какъ сегодня!

— Не сяду, угрюмо отвѣчалъ Донателло, на лицѣ котораго скульпторъ замѣтилъ выраженіе, напомнившее ему печальные дни нравственныхъ мукъ въ Монте Вени. — Я рѣшился быть такимъ, какъ вы видите меня сегодня, только потому, что это не можетъ продолжаться.

— Еще одинъ день! умоляющимъ голосомъ твердила Миріамъ. Еще одинъ день проведемъ на свободѣ и будемъ счастливы!

— Я согласенъ; но только одинъ день, сказалъ Донателло, съ протѣею улыбкою, которая тронула скульптора. Но я не понимаю, почему вы не говорите ничего Киніону — вѣдь онъ другъ нашъ.

— Ахъ! вы не можете пострадать еще не много! шуточно возразилъ

ла Мириамъ. Вы вѣдь охотно пострадали бы за насъ еще денекъ? не правда ли?

— Скажите, что вы знаете о Гильдѣ, наставлялъ скульпторъ. Скажите, она въ безопасности?

— Гильда совершенно безопасна, отвѣчала Мириамъ. Все дѣло въ томъ, что одно ужасное происшествіе, одно преступленіе задѣло и вашу добродѣтельную Гильду; но теперь все равно, — вы получите вашу Гильду такую же, какъ была, а можетъ быть и болѣе нѣжною, чѣмъ прежде.

— Когда же она возвратится? спрашивалъ скульпторъ. Говорите ради Бога, когда, какъ?

— Терпѣніе, синьоръ, терпѣніе! говорила Мириамъ, полусмѣя, полусерьезно. Вамъ предстоитъ еще много времени, а намъ некогда. Слушайте, что я вамъ теперь скажу, только не о Гильдѣ. О ней поговоримъ послѣ.

И Мириамъ начала рассказывать свою біографію. По матери она была англійскаго происхожденія съ примѣсью еврейской крови; по отцу — италіянскаго и состояла въ родствѣ съ нѣсколькими знатными фамиліями южной Италіи, владѣющими большими богатствами и пользующимися значительнымъ вліяніемъ. Тутъ она назвала свое имя, при которомъ скульпторъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, потому что это имя нѣсколько лѣтъ тому назадъ повторялось повсюду и было связано съ таинственнымъ и ужаснымъ происшествіемъ. Читатель легко можетъ вспомнить настоящее имя Мириамъ, если задастъ себѣ трудъ припомнить обстоятельства странныхъ событій, о которыхъ еще не такъ давно перестали говорить.

— Мое имя испугало васъ? сказала Мириамъ.

— Нѣтъ, не имя ваше меня испугало, а страшная судьба, которая тяготѣетъ надъ вами, хотя вы были невинны.

— Да, я была невинна, но моя роковая судьба привела меня къ преступленію и я теперь виновна — это можетъ подтвердить Гильда.

Изъ дальнѣйшаго разказа, Кинионъ узналъ, что Мириамъ еще въ дѣтствѣ лишилась матери.

Вскорѣ послѣ того, когда она еще была дитятею, ее помолвили за одного маркиза, представителя другой отрасли ея фамиліи. Въ этой помолвкѣ чувства не играли никакой роли, потому что маркизъ былъ вдвое старше своей невѣсты. Мириамъ — происхождение ли было тому виною или естественное ея развитіе — отказалась отъ этого насильственнаго брака, хотя многія дѣвицы на ея мѣстѣ почили бы себя счастливыми. Здѣсь она распространялась о характерѣ маркиза и изъ словъ ея оказалось, что это былъ человѣкъ таковой души, необузданный,

вѣроломный и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый, что уже самый характеръ его представлялъ непреодолимое препятствіе къ браку; подобныя явленія весьма не рѣдки въ старинныхъ семействахъ, долгое время несмѣшивавшихся съ другою кровью. Когда пришло время заключить брачный контрактъ, Мириамъ рѣшительно отказалась отъ своего жениха.

Спустя нѣсколько времени случилось то страшное происшествіе, въ которомъ было замѣнено имя Мириамъ; ужасныя подробности его вѣроятно вспомнятъ многіе читатели, хотя можетъ быть не найдутъ удовлетворительнаго объясненія. Оно касается нашего разсказа только потому, что на Мириамъ пало подозрѣніе въ участіи въ этомъ таинственномъ преступленіи.

— Но вы знаете, что это подозрѣніе было неосновательно! сказала она, глядя въ лицо Киніона.

— Я увѣренъ въ этомъ, отвѣчалъ онъ. Мое собственное сознаніе, привязанность и довѣріе къ вамъ Гильды убѣждаютъ меня въ этомъ; вы не приобрѣли бы ихъ, еслибъ были способны къ преступленію.

— Это достаточное основаніе, чтобы объявить меня невинною, сказала Мириамъ со слезами на глазахъ.

Она продолжала свою исторію. Сильное вліяніе ея родныхъ и связи защитили ее отъ послѣдствій этого подозрѣнія; но оно привело ее въ отчаяніе и она рѣшилась бѣжать изъ дома, устроивъ все такимъ образомъ, чтобы могли подумать, что она лишила себя жизни. Мириамъ однакожъ не принадлежала къ слабымъ натурамъ, которыя ищутъ въ самоубійствѣ выхода изъ тяжкихъ житейскихъ обстоятельствъ. Она бросилась въ свѣтъ и скоро составила себѣ кружокъ въ новой сферѣ, гдѣ нѣжность Гильды, доброта и ясный умъ скульптора, простота и чистосердечіе Донателло доставили возможность испытать истинное счастье. Въ это время она встрѣтилась съ этимъ таинственнымъ человекомъ въ катакомбахъ, который былъ для нея олицетвореніемъ злой судьбы, преслѣдовавшей ее всю жизнь.

Тутъ она замѣтила, между прочимъ, что, припоминая подробности прошлыхъ происшествій, не можетъ не признать этого человека сумасшедшимъ, что сумасшествіе вѣроятно было въ его крови и усиливалось постоянно отъ дурныхъ поступковъ, въ которыхъ выказывался его злой характеръ и которые неизбѣжно влекли за собою угрызения совѣсти. Въ жизни его ни что не было такъ странно, какъ покаяніе, потому что оно шло немедленно за преступленіемъ и повидному влекло за собою новыя преступленія. Послѣ смерти его, Мириамъ узнала, что покаяніе привело его въ монастырь, гдѣ строгое и самоотверженное раскаяніе приобрѣло ему репутацію несомнѣнной святости и доста-

вило ему право пользоваться большею свободою, чѣмъ обыкновенно дозволяется монахамъ.

— Нужно-ли вамъ еще прибавить что нибудь? Вы сами поймете, продолжала она, каково было мое положеніе, послѣ того, какъ я встрѣтилась съ нимъ въ подземельи;—онъ пошелъ туда каяться, а вышелъ съ новыми побужденіями къ преступленіямъ. Я тогда была въ его власти — онъ могъ тогда погубить меня, убить мою репутацію, унижить, очернить меня въ общемъ мнѣніи, въ вашемъ мнѣніи, въ мнѣніи Гильды. Вы всё, даже Донателло, отступились бы отъ меня съ ужасомъ.

— Никогда! сказалъ Донателло. Мой истинникъ говорилъ мнѣ, что вы невинны.

— Мы оправдали бы васъ, сказалъ Кинионъ. Пусть бы свѣтъ говорилъ, что угодно; мы доказали бы, что онъ ошибается. Ахъ, Мириамъ, вамъ слѣдовало раньше рассказать намъ эту исторію!

— Я не разъ думала объ этомъ; мнѣ хотѣлось рассказать ее вамъ и особенно тогда, какъ я смотрѣла вашу Клеопатру. Моя тайна была уже на языкѣ; но я остановилась, потому что вы слишкомъ холодно приняли мое довѣріе. Еслибъ я тогда повиновалась моему побужденію, все было бы иначе.

— А Гильда? спросилъ Кинионъ. Какія ея отношенія къ этой печальной исторіи?

— Она сама вамъ лучше расскажетъ, отвѣчала Мириамъ. Изъ нѣсколькихъ источниковъ, которые я имѣю въ Римѣ, мнѣ извѣстно, что она вѣдъ всякой опасности. Дня черезъ два она къ вамъ воротится.

— Еще два дня! произнесъ угрюмо скульпторъ.

— О, вы теперь жестоки! воскликнула Мириамъ; болѣе жестоки, чѣмъ воображаете!

Кинионъ былъ теперь пораженъ странною истерическою веселостью, которая нѣсколько разъ пробавалась на грустномъ, даже уныломъ лицѣ Мириамъ во время ея разсказа.

— Пощадите вашихъ несчастныхъ друзей! воскликнула она съ глубокимъ чувствомъ.

— Я не знаю, что это значитъ, сказалъ Кинионъ.

— Вы послѣ узнаете, отвѣчала Мириамъ. — Но что вы думаете о томъ, что бѣднаго Донателло преслѣдуютъ угрызения совѣсти и онъ хочетъ отдать себя въ руки правосудія? Онъ воображаетъ, хотя я стараюсь разубѣдить его въ этомъ, что тотъ, кто совершилъ преступленіе, необходимо долженъ явиться къ суду — это очень просто-душно, не правда-ли? Я старалась убѣдить его, что во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ такого правосудія, которое можетъ справедливо судить его.

— Оставимъ это, сказалъ Донателло. Я не умѣю возражать вамъ, но я понимаю такъ, это говоритъ мнѣ мой смыслъ, мой инстинктъ. Но вѣдь и говорить объ этомъ нѣтъ надобности — намъ остается еще два дня — будемъ же счастливы!

Въ эту минуту скульптору показалось, что онъ видитъ предъ собою живаго фавна, какимъ казался ему Донателло до роковой сцены на Тарпейской скалѣ, какимъ онъ былъ потомъ у подножія бронзоваго папы. Сердечная веселость и простота сверкала въ его взглядахъ, словахъ и даже мысляхъ.

— Какъ онъ прекрасенъ! сказала Мириамъ, замѣтивъ, что глаза скульптора съ восхищеніемъ остановились на лицѣ Донателло. Онъ по-видимому перемѣнился; но въ существѣ своемъ остался все тотъ же. Онъ возвратился изъ тяжелаго, мучительнаго путешествія и принесъ съ собою запасъ знаній, приобретенныхъ горькимъ опытомъ. Мои собственные мысли мучаютъ меня! А между тѣмъ я должна вдуматься въ нихъ до конца. Не было-ли преступленіе счастьемъ для него, не ему ли обязанъ онъ тѣмъ состояніемъ сознательности, до которой онъ теперь достигъ?

— Вы затрогиваете очень опасный предметъ, прервалъ ее Киніонъ. Я не смѣю идти за вами въ эту неизмѣримую глубь, въ которую вы влечете меня.

— Но въ этой неизмѣримой глубинѣ есть своего рода наслажденіе. Это исторія паденія человѣка, которая повторилась въ нашемъ романѣ Монте Бени. Если слѣдовать за нею по аналогіи, то мы дойдемъ до паденія Адама, который грѣхомъ купилъ для насъ счастье на землѣ. — Спросите Гильду, что она объ этомъ думаетъ, прибавила Мириамъ, мысленно углубляясь въ свою теорію. Она вѣроятно скажетъ, что и грѣхъ зависитъ отъ благой воли небесъ, потому что ведетъ къ преобразованію и усовершенствованію нашего духа.

Она помолчала минуты двѣ и протянула Киніону руку въ знакъ прощанія.

— Теперь прощайте, сказала она. Послѣ завтра, за часъ до заката солнца приходите на Корсо, и станьте передъ пятымъ домомъ по лѣвую руку, за антониновой колонной. Тамъ вы узнаете о вашемъ другѣ.

Пожавъ Киніону руку, она кивнула ему головою и, приложивъ палецъ къ своимъ губамъ, ушла, улыбаясь — какъ можетъ улыбаться счастливый человѣкъ. Киніону показалось, что и Донателло былъ вполне счастливъ.

— Сегодня они — фавль и нинфа, а завтра явятся они въ своемъ настоящемъ видѣ, и не увидать предъ собою ничего, кромя отворенныхъ дверей тюремъ.

ГЛАВА VIII.

Сцена на Корсо.

Въ назначенный день Кинионъ явился на Корсо часомъ раньше, чѣмъ нужно было.

Карнавалъ былъ въ полномъ разгарѣ. Пробираясь сквозь пеструю толпу къ колоннѣ Антонина, онъ замѣтилъ мужчину и женщину въ крестьянскихъ костюмахъ; они прошли мимо его, увлеченные общимъ потокомъ, такъ что онъ не успѣлъ рассмотреть ихъ. Когда прошла процессія сенаторовъ, толпа особенно засуетилась — началось снова бомбардированіе конфетками и букетами, снова возобновились разнообразныя шалости, допускаемыя карнаваломъ. Угрюмый и видимо озабоченный иностранецъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Его по минутно окружала толпа арлекиновъ, устремлявшихъ на него свои деревянные шагаи, орангутанговъ, паяцовъ, лицъ съ огромными носами, съ собачьими головами; одни заглядывали ему въ лицо и дикими жестами обнаруживали участіе къ его горю, иные дѣлали предъ нимъ гримасы, обнаруживая испугъ и отчаяніе. То являлся предъ нимъ толстѣйшій человекъ, въ изношенномъ нарикѣ, съ перомъ за ухомъ и съ чернильницей, называлъ себя нотаріусомъ и спрашивалъ, не угодно ли ему написать духовное завѣщаніе; то вдругъ подходилъ фельдшеръ и, вынимая свой двухаршинный ланцетъ, предлагалъ пустить ему кровь.

Эти сцены проходили предъ глазами Киниона какъ горячечный сонъ и смѣнялись такъ быстро, что не успѣвали надѣсть. Но вотъ потокъ отхлынулъ, и Кинионъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, снова увидѣлъ предъ собою крестьянина и крестьянку, которые повидимому также мало принимали участія въ шумѣ карнавала, какъ онъ самъ. Ему показалось, что эти двѣ фигуры въ каждомъ своемъ движеніи обнаруживали грустное волненіе.

— Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ! сказалъ онъ.

Но маски посмотрѣли на него и не отвѣчали ни слова.

— Если вы знаете что нибудь о Гильдѣ, то скажите мнѣ.

Маски не отвѣчали.

— Вы очень жестоки! продолжалъ онъ, вы знаете причину моего безпокойства и не хотите мнѣ ничего сказать.

— Вы не знаете, до какой степени вы сами жестоки, сказала крестьянка съ живостью, которую онъ часто замѣчалъ въ разговорахъ съ Миріамъ. Но теперь въ ея тонѣ слышалась глубокая грусть и скульпторъ могъ заключить, что ея черная маска скрываетъ блѣдное лицо, омоченное слезами.

— Не становитесь между нами въ эту минуту, потому что даже во время карнавала могутъ быть священные минуты, сказала она.

— Извините меня, произвесь скульпторъ. Миріамъ и Донателло протянули ему руки въ знакъ прощанія.

— Прощайте, сказали они всѣ трое въ одно время и черезъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ ихъ снова кипѣло бурное море карнавала.

Это короткое свиданіе убѣдило скульптора, что ему слѣдовало ограничиваться уже полученными свѣдѣніями о Гильдѣ. Теперь ему ничего не оставалось дѣлать, какъ стать передъ пятымъ домомъ за колонною Антонина и ждать, что скажетъ вечеръ. Съ величайшимъ трудомъ достигъ онъ наконецъ назначеннаго пункта и, обхвативъ рукою фонарный столбъ, чтобы не быть снова увлеченъ толпою, началъ осматривать окружающую его обстановку. Прямо передъ нимъ былъ пятый домъ, огромное, высокое зданіе съ огромнымъ балкономъ надъ сведенными въ арки воротами. На балконѣ сидѣлъ полный, довольно пожилой-мужчина, всею наружностью своею обличавшій британское происхожденіе; три-четыре дамы, сидѣвшія возлѣ него и наслаждавшіяся веселыми сценами карнавала, имѣвшими для нихъ всю прелесть новизны, казались были также Англичанки. Позади этой группы, занятой въ настоящую минуту, (не исключая и пожилаго мужчину, сохранившаго степенную важность,) киданіемъ конфетъ на проходящихъ, — видѣлась въ тѣни широкая шляпа аббата, который, повидимому, старался укрыться отъ взоровъ публики.

Вооружившись тупымъ терпѣніемъ, Киніонъ рѣшился ждать хоть до утра. Онъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ проходившія мимо его фигуры, воображая, что Гильда можетъ быть видѣлась въ толпу и сама къ нему подойдетъ. Посыпавшіяся ему на голову конфеты заставили его посморгать вверхъ, и онъ не мало удивился, увидѣвъ, что обратилъ на себя вниманіе всего общества, сидѣвшаго на балконѣ, не исключая и почтеннаго аббата, который свѣсился внизъ

и дѣлалъ ему дружескіе знаки рукою. Киніонъ еще болѣе удивился, узнавъ въ этомъ аббатѣ того самаго, котораго онъ остановилъ на улицѣ вопросомъ о Гильдѣ.

Но теперь, неизвѣстно почему, съ личностью аббата вовсе не соединялъ мысли о Гильдѣ и снова началъ осматривать толпу. Въ это время въ массѣ народа, тѣснившагося на Корсо, произошла суматоха: жандармы арестовали кого-то. Киніонъ не обратилъ на то вниманіе, полагая, что арестовали какого нибудь нарушителя общепринятыхъ карнавальныхъ обычаевъ.

— Эта крестьянка въ черной маскѣ должно быть красавица! какая у нея прекрасная фигура! произнесъ кто-то возлѣ скульптора.

— А онъ еще лучше, отвѣчалъ женскій голосъ. Что, они настоящіе крестьяне?

— Нѣтъ, должно быть, замаскированные.

— За что же это ихъ арестовали, спросилъ женскій голосъ съ участіемъ.

Киніонъ не слышалъ, да и не старался слышать отвѣта, тѣмъ болѣе, что вниманіе его было отвлечено упавшимъ прямо на него букетомъ, брошеннымъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, ѣхавшимъ въ коляскѣ. Вслѣдъ затѣмъ небольшой розовый букетъ, полетѣвшій съ балкона ударилъ его по губамъ и упалъ ему въ руку. Онъ посмотрѣлъ на балконъ и увидѣлъ Гильду. Она была въ бѣломъ домино, нѣсколько блѣдна и совершенно безучастна къ карнавальнѣ суматохѣ.

Англичанки и дамы смотрѣли на нее съ недоумѣніемъ и, казалось, готовы были спросить, какъ смѣла она явиться незваная на ихъ собственномъ балконѣ. Но почтенный аббатъ отвелъ стараго джентльмена въ сторону и сказалъ ему что-то на ухо, послѣ чего тотъ посмотрѣлъ на Гильду благосклоннымъ, хотя все еще недоумѣвающимъ взглядомъ и предложилъ ей жестомъ быть совершенно свободной. Видно было, что молодой дѣвушкѣ, несмотря на всю ея скромность и застѣнчивость, и въ голову не приходило, что внезапное появленіе ея на чужомъ балконѣ могло показаться страннымъ и даже дерзкимъ.

— Гдѣ же она была? и какъ она явилась? спросить читатель.

Но мы въ настоящую минуту позволимъ себѣ уклониться отъ прямаго отвѣта. Довольно будетъ сказать, что Гильда изъ своего таинственнаго убѣжища таинственнымъ образомъ была приведена въ пятый домъ на Корсо, откуда предъ нею открылся шумъ жизни. Выйдя на балконъ, она увидѣла грустнаго скульптора и, схвативъ букетъ розановъ, бросила въ него.

Въ этотъ вечеръ передъ образомъ Мадонны опять теплилась лампа-

да и вершина башни всю ночь была озарена ея тихимъ свѣтомъ. Голубокъ, оставшійся вѣрнымъ своей госпожѣ, утромъ привѣтствовалъ ее и созвалъ разлетѣвшуюся стаю.

ГЛАВА

Мириамъ, Гильда, Кинионъ и Донателло.

Разговоры наши съ скульпторомъ уяснили намъ исчезновеніе Гильды, хотя все время, пока они оставались въ Римѣ, вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ даже самыми близкими ихъ друзьями. Требовали ли отъ нея молчанія, или собственное ея благоразуміе заставляло ее скрывать въ тайнѣ продѣлки какихъ-то властей — не знаемъ; можетъ быть, она сама не могла навѣрное сказать, кто задержалъ ее и гдѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанной сцены, Гильда и Киниона, занятые живымъ разговоромъ, проходили мимо Пантеона.

— Выйдемте на минуту, сказала она. Я всякій разъ, какъ мнѣ случается быть здѣсь захожу, чтобъ поклониться гробу Рафаэля.

Кинионъ охотно принялъ предложеніе и они вошли. Ни что въ мірѣ не производитъ такого торжественнаго и величественнаго впечатлѣнія на человѣка, какъ Пантеонъ. Высота его такова, что картонныя статуи, поставленныя на верхнемъ карнизѣ, не могутъ испортить общаго эффекта; предъ этими мраморными стѣнами, покрытыми пылью, гранитнымъ и порфировымъ поломъ съ трещинами, глубокими слѣдами прошлыхъ вѣковъ, открытымъ куполомъ, и древними алтарями, уставленными вокругъ обширнаго пустаго пространства, кажется, блѣднѣетъ и самая церковь Св. Петра.

Остановившись посрединѣ круга, Гильда увидѣла женщину съ лицомъ, плотно закрытымъ вуалью, стоявшую на колѣнахъ у главнаго алтаря.

— Не можетъ быть! Это невозможно! проговорила она тихо.

— Что съ вами? спросилъ скульпторъ. Вы дрожите?

— Посмотрите, я готова сказать, что эта женщина Мириамъ.

— Не можетъ быть! сказалъ скульпторъ. Вѣдь вы знаете, что случилось съ нею и съ Донателлою?

— Да, не можетъ быть, подтвердила Гильда.

Но она долго не могла оторваться от этой женщины, покрытой вуалью.

— Действительно-ли Донателло фавнъ? спросила она, как будто мысль о Мириамъ возбудила въ ней воспоминанія о прошломъ.

— Вы не сомнѣвались бы въ этомъ, еслибы изучили родословную графовъ Монте Бени, отвѣчалъ скульпторъ. Я убѣжденъ, что, кто бы онъ ни былъ — фавнъ или человекъ, — а все-таки онъ прекрасное созданіе, и еслибы всѣ люди были такіе, какъ онъ, то земля была бы раемъ.

Разговоръ продолжался въ этомъ направленіи; но когда они подошли къ мраморной Мадоннѣ, стоящей на гробницѣ Рафаэля; онъ принявъ другой оборотъ, и что здѣсь было связано влюбленными, мы передавать не станемъ. Когда покрытая вуалью женщина встала и пошла къ выходу, они увидѣли, что это точно была Мириамъ; но не подошли къ ней, потому что протянутыя къ нимъ благословляющія руки ея, казалось, отталкивали ихъ. Сознательнъ или безсознательнъ былъ этотъ жестъ, но она выразила имъ ту мысль, что между ними и ею лежитъ бездна, которую не должно пытаться пройти.

Черезъ нѣсколько дней башня Гильды опустѣла — другая рука должна была зажигать лампаду, потому что Гильда, обожаемая супруга Кивіона, жила въ другомъ домѣ и собиралась на родину. Передъ отъѣздомъ, она получила подарокъ, который заставилъ ее пролить слезы. То былъ драгоценный браслетъ, составленный изъ семи этрусскихъ камней, найденныхъ въ семи этрусскихъ гробницахъ. О каждомъ изъ этихъ камней Мириамъ когда-то рассказывала таинственныя исторіи, въ родѣ той, въ которой сама была однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

— Гдѣ-то она теперь? гдѣ Донателло? какъ бы они могли быть счастливы? думала Гильда, разсматривая браслетъ.

Рассказъ конченъ, и я могъ бы положить перо, еслибы не былъ убѣжденъ, что читатель предложитъ нѣсколько вопросовъ, которые мнѣ самому пришли въ голову, когда я выслушала эту туманную исторію. Улучивъ удобную минуту, когда мы всѣ трое стояли на вершинѣ купола Св. Петра, то есть на такой высотѣ, что можно смѣло говорить обо всемъ, о чемъ на землѣ не всегда безопасно и думать, я предложилъ Гильдѣ прежде всего такой вопросъ:

— Не можете-ли вы мнѣ сказать, что именно заключалось въ конвертѣ, который вы отнесли въ палаццо Ченчи?

— Не знаю, потому что не считала себя вправѣ вскрывать его.

— Объ этомъ нельзя говорить, перебилъ Кивіонъ. Я могу ска-

зять только то, что у Мириамъ, казавшейся совершенно одинокою, въ Римѣ были родственники и одинъ изъ нихъ занималъ мѣсто въ папской службѣ; этимъ родственникомъ былъ вѣроятно Лука Барбони. За нею наблюдали, такъ что каждый шагъ ея былъ извѣстенъ правительству лучше, чѣмъ самымъ близкимъ ея друзьямъ. Надзоръ ей наскучилъ и, я думаю, она была намѣрена навсегда скрыться изъ Рима, а потому можно полагать, что въ конвертѣ заключались, кромѣ увѣдомленія объ этомъ, документы, которые родственники ея должны были получить, какъ бы по умершей.

— Это объясненіе не яснѣе лондонскаго тумана, сказалъ я. Но оставимъ это въ сторонѣ, если вы говорите, что большихъ свѣдѣній нельзя добиваться. Скажите же, пожалуйста, отчего Гильда скрылась, послѣ того какъ отдала конвертъ.

— Очень просто, отвѣчалъ Киніонъ. Уѣхавъ изъ Рима, Мириамъ не оставила никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы узнать о ея дѣйствіяхъ; а въ это время узнали объ убійствѣ капуцина, которое имѣло явную связь съ нею; сверхъ того ее подозрѣвали въ участіи въ какой-то политической интриги, что кажется подтвердили бумаги найденныя въ конвертѣ; очень понятно, что Гильду слѣдовало задержать.

— Это понятно. Зачѣмъ же они оба возвратились въ Римъ? И съ кѣмъ ѣхала Мириамъ въ тотъ вечеръ, какъ погасла лампада?

— Съ родственникомъ своимъ. Что же касается до Донателло, то его привлекло въ Римъ раскаяніе и настоятельное желаніе предать себя въ руки правосудія, отъ чего не могли удержать его никакія просьбы Мириамъ. Здѣсь они узнали о томъ, что Гильда пропала, и Мириамъ устроила сцену на Корсо.

— Гдѣ же была Гильда? спросилъ я.

— Гдѣ ты была, Гильда? спросилъ скульпторъ.

— Въ монастырѣ Sacré Coeur, въ Frinita de'Monti; въ обществѣ тамошнихъ монахинь, подъ надзоромъ почтеннаго старика.

— Теперь для окончательнаго уясненія дѣла, остается открыть настоящее имя Мириамъ; причемъ я могу завѣрить васъ, что оно будетъ глубочайшею тайною, сказалъ я.

— Неужели вы не догадались, кто она? вскричалъ изумленный скульпторъ; подумайте немного и вы непременно вспомните ея имя, потому что оно замѣшано въ одно изъ ужаснѣйшихъ и тайнственнѣйшихъ событій нашего столѣтія и извѣстно всему свѣту.

— Гдѣ же теперь Донателло? спросилъ я послѣ глубокаго размышленія.

— Въ тюрьмѣ, отвѣчалъ Киніонъ съ сожалѣніемъ,

— Почему же Мириамъ не въ тюрьмѣ?

— Ея преступленіе заключалось только въ одномъ взглядѣ; вѣдь не она была убійцею.

— Позвольте еще одинъ вопросъ: дѣйствительно ли у Донателло уши были такія, какъ у праксителева фавна?

— Извините, отвѣчалъ скульпторъ, таинственно улыбаясь; хотя мнѣ и это извѣстно, но я позволяю себѣ не отвѣчать на вашъ вопросъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ИЗДАНІЯ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

МАКОЛЕЙ: ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, т. 1.	2 р. — »
ЕГО-ЖЕ: IDEM — т. 2.	1 р. 50 »
МОЛНАРЕ: КУРСЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.	1 р. 75 »
МЕЙЕРЪ: РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	1 р. 50 »
ВЫЗИНСКІЙ: ЛОРДЪ МАКОЛЕЙ (біографія).	— 60 »
РУССКАЯ ЛИРА, хрестоматія.	— 20 к.
МАРКО ВОВЧОКЪ: ПОВІСТКИ, съ малороссійско- русско-польскимъ словаремъ	— 50 »

Печатаются:

МАКОЛЕЙ: ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, т. 6. (1 т. Исторіи Англіи).

КУРСЕЛЬ-СЕНЕЛЛЬ: ТРАКТАТЪ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Готовятся къ печати:

МАКОЛЕЙ: ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, т. 3, 4 и слѣд.

ЮЛІАНЪ ШМИДТЪ: ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

КОЛЬБЪ: РУКОВОДСТВО КЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

КУНО ФИНЕРЪ: ИСТОРИЯ НОВѢЙШЕЙ ФИЛОСОФІИ.

Цѣна назначена *безъ пересылки*. Лица, обращающіяся съ требованіями своими въ контору типографіи Н. Тиблена и К^о (на Вас. Остр., въ 8-й л., № 25), пользуются 15% уступки.

Въ конторѣ типографіи Н. Тиблена и К^о, на Вас. Остр., 8 лин., № 25, продаются слѣдующія изданія:

ЭРНЕСТЬ: Новый самоучитель письма, автоди-
дактическіе листки (тетрадь въ 80 листовъ). . . 1 р. с.

МАЙСКІЙ: Путеводитель за границую, составленный
по Рейхарту и др. съ описаніемъ водъ и проч.,
съ 18-ю картинами и 37-ю планами и большою
картою желѣзныхъ дорогъ. . . . . 4 р.

ТОКВИЛЬ: Старый Порядокъ и Революція, переводъ
Н. Кондырева . . . . . 1 р. 50 к.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ Св. ВЛАДИМИРА
И ДЕРПТСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

Д. В. КОЖАНЧИКОВА,

*въ С.-Петербурѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библиотеки, въ домъ Демидова, въ самомъ непродолжительномъ
времени поступитъ въ продажу:*

Историческая хрестоматія Русскаго и Церковно-Славянскаго языковъ. Сост. Академикомъ и Профессоромъ Московскаго Университета **Ө. И. Буслаевымъ**. Большой томъ убористаго шрифта, въ двѣ колонны, 102 печатныхъ листа или 840 стр. въ большую 8 д. л. Памятники большею частью напечатаны не отрывками, а цѣликомъ и въ хронологическомъ порядкѣ. Многіе изъ памятниковъ являются въ печати въ первый разъ, по рукописямъ Публичной и Синодальной Библиотекъ, со многими лингвистическими и историко-литературными объясненіями. М. 1861. Ц 3 р., съ пер. 4 р.

Здѣсь же поступили въ продажу:

Обзоръ Русской духовной литературы. Томъ 11-й (1720—1858.) Соч. Филарета архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго. Спб. 1861. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Томъ 1-й (862—1720.) Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

Исторія Иезуитской литературы по Тикнору. Соч. П. Кулиша. Спб. 1861. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Сост. И. Сивгиревъ. М. 1861. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Указатель къ Вѣстнику Европы статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ, русскому праву и библиографіи съ 1802 по 1830 годъ. Сост. М. Полуденскій. М. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Русская историческая библиографія за 1855 и 1856 годы 2 тома. Спб. 1861. Ц. по 80 коп. за томъ, съ пер. по 1 р.

Рѣшиловское дѣло. Θεοεωανъ Прокоповичъ и Θεοεωιλαктъ Лопатинскій. Матеріалы для исторіи первой половины XVIII столѣтія И. Чистовича. Спб. 1861. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

- Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ** и пословицъ для Юношества. Сост. Н. Крыловъ. Спб. 1861. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Калѣны переходящія.** Сборникъ русскихъ народныхъ стиховъ. Выпускъ II-й съ рисункомъ слѣпцовъ съ жолакомъ и нотами для напѣвовъ. Собралъ и издалъ П. Безсоновъ. М. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Тоже выпускъ I-й Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.
- Исторія Россіи** съ древнѣйшихъ временъ. Сост. С. Соловьевъ. Томъ XI-й. Спб. 1861. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Той же исторіи X томовъ. Ц. 22 р. 50 к., съ пер. 26 р.
- Полное собраніе сочиненій Маколея**, перев. съ англійск. Спб. 1861. Томъ I-й съ портретомъ и біографіею Маколея, написанною Вызинскимъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Томъ II-й Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- Исторія цивилизаціи во Франціи** отъ паденія Западной Римской Имперіи. Соч. Гизо, перев. подъ редакціею М. Стасюлевича. Томъ I-й. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- Исторія цивилизаціи въ Европѣ** Соч. Гизо, перев. съ франц. Спб. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- Старый порядокъ и революція.** Соч. А. Токвиля, перев. Н. Кондырева. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- Демократія въ Америкѣ.** Соч. А. Токвиля, перев. Я. Якубовича. 4 тома. К. 1861. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.
- Гегель и его время.** Лекціи о первоначальномъ возникновеніи; развитіи, сущности и достоинствѣ Гегелевой философіи, читанныя въ Берлинскомъ Университетѣ Р. Гаймомъ; перев. съ нѣмец. П. Соляникова. Спб. 1861. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.
- О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ Западной Европѣ и Россіи.** Соч. А. Корсака. М. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЛЕРМАНТОВА И К^о.

въ С.-Петербургѣ, въ Караванной, № 24, поступили въ
продажу:

Двѣ молодыя женщины, или Годъ супружества. Романъ соч. Эмили Карленъ. Перев. съ шведск. 2 ч. Спб. 1861. Цѣна 60 к., съ пер. 85 к.

Боннеръ или **Исторія одного миллионера**, Соч. Л. Мюльбахъ. Перев. съ нѣмецкаго. 3 ч. Спб. 1861 г. Ц. 90 к., съ перес. 1 р. 15 к.

Новѣста священника. Соч. г-жи Бичеръ Стоу, автора «Хижны дяди Тома». Перев. съ англійск. 3 ч. Спб. 1861. Ц. 90 к., съ перес. 1 р. 15 к.

Людвикъ XIV и его вѣкъ. Соч. А. Дюма. Перев. Н. Щиглева. 2 т. Спб. 1861 г. Ц. 3 р., съ перес. 4 р.

Трудъ и капиталъ. Романъ соч. Ф. Г. Толля. 2 ч. Спб. 1761. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Сочиненія Гейне въ переводѣ П. Вейнберга, съ портретомъ автора. Спб. 1861. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Рейнеке-лисъ, поэма изъ Гёте. Перев. М. Достоевскаго. Спб. 1861. Ц. р., съ пер. 1 р. 25 к.

Еврейскія мелодіи, лорда Байрона. Перев. П. Козлова. Спб. 1860. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Картины изъ русскаго быта. Владиміра Даля. 2 т. Спб. 1861. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Судьбы Червоной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею. (1387). Соч. М. Смирнова. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ. Составилъ Грессе. Переводъ съ нѣмецкаго, втораго лейпцигскаго изданія, 1850 г. Вышла изъ печати I часть; на II и III, которыя выйдутъ въ теченіи 1861 г., выдается билетъ. Ц. за 3 части 4 р. 25 к., съ пер. 5 р. Ц. I части 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Метелла. Романъ г-жи Жоржъ-Зандъ. Пер. съ франц. Спб. 1861 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

Царство облаковъ. Популярное изложеніе атмосферическихъ явленій. (Метеорологія). Соч. д-ра Г. Бирнбаума. Переведено и издано подъ редакцію Л. М. Наумова. Со многими полтипажами въ текстъ. Спб. 1861. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Книга міра. Описаніе странъ и народовъ. Ч. I. Старый свѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію Гремина. Со многими полтипажами. Спб. 1861. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изложеніе системы міра, соч. маркиза Лапласа, переведенное М. С. Хотинскимъ. 2 т. Спб. 1861 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Общепонятная астрономія, сочиненіе Франсуа Араго, переведенное М. С. Хотинскимъ. Съ 360-ю картами, чертежами и рисунками. 4 т. Спб. 1861 Ц. 12 р., съ пер. 14 р. 50.

Священная исторія. Ветхій завѣтъ. А. Александровой. Съ 25-ю фотографическими картинами. Спб. 1861. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 75 к.

Повременныя изданія въ Россіи въ 1860 и 1861 годахъ. Матеріалы для исторіи русской журналистики. Состав. В. И. Мезовъ. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Русская грамматика. Младшій 3-хъ-лѣтній гимназическій курсъ. Составилъ А. Антоновъ. Спб. 1860. Ц. 80 к. съ пересылкою 1 р.

Руководство къ первоначальному ознакомленію съ логикой, составленное Полтавской семинаріи учителемъ П. Коропцевымъ. Спб. 1861. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25.

Сосѣди. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго. С. Кернъ. Спб. 1861. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Рождество. Разсказъ для дѣтей. Съ нѣмецкаго. С. Кернъ. Спб. 1860. Ц. 50 к., съ пер. 75' к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности съ первою отходящею почтою.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 23 мая 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

ПОПРАВКИ.

Въ майской кн., отд. «Политика» на стр. 4, 2 строк. сверху, напеч. «самоуправленіе ума и воли» вм. «самоумерщленіе ума и воли».

Въ Іюньской кн., въ ст. Варлаамъ Левинъ, на стран. 4, строк. 9 сверху, напеч.: *у Троицы ларвскій попь Андрей* вмѣсто *у Троицы на реу попь Андрей*.

